ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге мы вновь встречаемся с новыми героями П.Г. Вудхауза в романах, ранее не публиковавшихся.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 9. Лорд Бискертон и другие

Переплет

Перевод с английского И. Митрофановой
Редактор Н. Трауберг

I

1

Городок Сен Рок находился на побережье Франции. Шато «Блиссак» находилось рядом с Сен Роком. А Дж. Веллингтон Гедж находился рядом с Шато «Блиссак», читая на террасе письма.

Предоставь прохожему выбор, кем ему любоваться — Геджем или видом ниже, он выбрал бы вид, и поступил бы правильно, потому что этот пузатенький коротышка сидел единственной кляксой на роскошном ландшафте. Шато стояло на холме, и от его террасы склон резко сбегал вниз многоцветными садами и кустарниками к самому озеру. За озером волнились песчаные дюны, а за дюнами посверкивала гладь гавани, усеянная стоящими на якоре яхтами.

Сам городок притулился слева: беспорядочное скопление красных крыш и белых стен, а в центре гордо вздымался в небо золотой купол здания, благодаря которому местечко и превратилось в популярный летний курорт, — казино «Мунисипаль». Бывший всего несколько лет назад захудалой деревушкой, Сен Рок превратился в Мекку для любого, кому приятно любоваться, как сгребают лопаточкой их деньги грустноглазые крупье.

Гедж не замечал, углубившись в корреспонденцию, расстилавшегося вокруг пейзажа, да и замечать не желал. Он не любил Сен Рока, а уж нынешним утром городишко и вовсе потерял для него всякую привлекательность — на всех трех полученных письмах были наклеены калифорнийские марки, и содержание их лишь обостряло тоску по родине. С первого дня своей женитьбы, случившейся два года назад, и последующего отъезда в Европу Гедж чахнул в тоске по Калифорнии.

Поэт поведал нам о человеке, чье сердце было в горах, среди оленей. Сердце Геджа пребывало в Глендейле, штат Калифорния, скитаясь между хот-догами и бензоколонками.

Перед этим снедаемым тоской джентльменом возникла стройненькая, прехорошенькая девушка, в которой, проморгавшись, он признал Мэдвей, горничную своей жены.

— Моддом желает видеть вас, сэр.

— Э? — удивился Гедж. Он же уже наведывался с утренним визитом к

Большому Шефу— Зачем это?

— Думаю, моддом решила отплыть сегодня на дневном пароходе в Англию.

— Что?! — вздрогнул Гедж.

— Да, сэр.

— А надолго?

— Не могу сказать, сэр.

Информацию по этому пункту Геджу не терпелось получить как можно скорее и достовернее, от этого многое зависело. Обычно Сен Рок представлялся ему прескучным местечком, но выпадал один день в году, когда городок, поднатужившись, встряхивался и показывал себя во всей красе. Случалось это в день рождения его покровителя, и отмечался этот праздник карнавалом, шумным и разгульным. Празднество Святого Рока предстояло на следующей неделе, и до этой минуты у Геджа не теплилось ни искорки надежды внести и свою лепту в веселье. Но теперь впервые забрезжил лучик: а пожалуй что, и выпадет шанс поучаствовать! И, затолкав письма в карман, он поспешил домой.

Шато любителя старины и эксцентричности восхитило бы, дату его постройки он определил бы как конец XIV — начало XV века. У Геджа же впечатление возникало неизменно одно: строил Шато не иначе как косоглазый архитектор. Надо же! Возвести дом из облицовочного камня да еще понатыкать всюду остроконечных башенок. И хотя интерьер модернизировали, во всяком случае, как модернизация представляется французам — провели электрический свет и встроили две ванные комнаты, — но все равно, не к таким домам привык Гедж в Глендейле, штат Калифорния.

Жену Гедж нашел в венецианском зале, просторной комнате с потолком обильной лепки, при одном взгляде на который так и чудилось: вот сейчас рухнет и зашибет вас. Миссис Гедж сидела на кровати, диктуя письма мисс Путнэм, своей личной секретарше, худенькой особе в весе пера, бесцветной и респектабельной тихоне в роговых очках.

Сама миссис Гедж выступала бы в тяжелом весе. Сложения она была плотного, дама статная и красивая, несколькими годами моложе мужа. С первого взгляда на нее становилось понятно, почему он послушно выполняет все ее приказания. Даже в состоянии покоя она источала силу и волю. До их брака она была вдовой нефтяного мультимиллионера по имени Брустер, завещавшего все свои мультимиллионы ей. А больше о прошлой жизни жены Геджу неведомо было ничего, так что порой закрадывалась мыслишка — а уж не служила ли она укротительницей

львов?

Легкий взмах ее руки, и мисс Путнэм растаяла в воздухе.

— Что такое насчет этой твоей поездки? — поинтересовался Гедж, опускаясь на освободившееся место. — Мэдвей сказала, ты отплываешь с дневным пароходом?

— Я получила из Англии письмо от своего юриста. Возникло недоразумение с английским подоходным налогом. Он говорит, нам необходимо встретиться.

— А билет как же?

— Мисс Путнэм все организует. А ты сбегай в аптеку и купи мне что-нибудь от морской болезни. Лучше всего «Маль-де-мэр» Филипсона.

Пауза.

— А надолго уезжаешь? — Гедж небрежно кашлянул.

— Так, на неделю где-то.

— А-а…

Выпуклые его глаза загорелись целеустремленным блеском. Он мигом решил, что непременно пойдет на Праздник Святого; мало того, еще и поучаствует активно. Если кто-то воображает, будто он не сообразит натянуть пижамные брюки и блузку жены, а вокруг головы накрутить шарф тюрбаном и предстать на карнавале в виде восточного монарха, то человек этот здорово ошибается!

— Н-да, — протянул он, — мне, конечно, будет без тебя очень одиноко. Да-с, сэр, очень, ну очень одиноко. Ладно уж, вытерплю как-нибудь, — мужественно прибавил он. — Геджи из Глендейла парни крепкие!

— Ничего не одиноко! Я тебе разве не сказала?

— Про что?

— Я пригласила пару-тройку гостей. Приедут завтра днем. Долька тихого счастья улетучилась. Не из тех он был, чтоб наслаждаться ролью хозяина. А кроме того, толпа любопытных гостей в доме пожалуй что и помешает его замыслу.

— Компания приедет совсем небольшая. Сенатор Опэл с дочкой…

— Старик Опэл!

— …и виконт де Блиссак.

— Что!

— Я с ним незнакома, но полагаю, что это весьма обаятельный молодой человек.

— Обаятельный молодой хам! — скорректировал ее мнение Гедж. — Трезвым не бывает ни денечка!

— Про это мне все известно. Я уже распорядилась, чтобы в Шато, пока он гостит, спиртного не подавали. Главная причина, почему его мать присылает его к нам — она желает, чтобы он несколько недель провел в полном воздержании.

— Послушай-ка, у нас тут что, институт излечивания алкоголиков?

— Лично я очень рада, что виконт согласился приехать. Мне кое-что хотелось бы обсудить с членами их семьи. Виконтесса уверила меня, будто сантехника тут в хорошем состоянии. Но это совсем не так! В состоянии она никудышном! Бачок наверху протекает.

— Так что, когда виконт приедет, — угрюмо пробурчал Гедж, — мне его прямо на крыльце встретить? И сразу сказать: «Давайте, виконт, входите. На выпивку не рассчитывайте, а вот ступайте-ка наверх да взгляните на протекающий бачок». От радости он прям обалдеет!

Он еще пробубнил что-то себе под нос, но тут его стукнула мысль внезапная и вовсе уж неприятная.

— Однако, в чем все-таки дело? — подозрительно осведомился Гедж. — Что за великая идея кроется за всем этим? Наводнять дом виконтами, сенаторами… что-то тут кроется, но что — непонятно. Почему — виконт? Откуда — сенатор?

С минуту миссис Гедж молчала. В манеру ее вкрался оттенок напряженной настороженности, как у леопарда, изготовившегося к прыжку.

— О, ну все просто… У матери виконта большое влияние на французское правительство.

— И что из того?

— Любого ее друга встретят в правительстве с распростертыми объятиями.

Гедж, в планы которого не входило проводить уик-энд с французским правительством, так и сказал.

— А сенатор Опэл настолько влиятелен в Вашингтоне, что буквально диктует назначения на посты.

— Какие еще назначения?

— Ну, к примеру, кого назначить послом Америки во Франции…

— И кого ж это, интересно, назначить на такой пост? — в полном недоумении полюбопытствовал Гедж.

Вопроса более уместного задать он не мог, давая возможность миссис Гедж решительно и без дальнейших обиняков выложить факты, просто лезущие в глаза.

— Тебя, разумеется! — отрубила она.

2

Зрелище человеческих терзаний никогда не доставляет удовольствия. А значит, мы постараемся не слишком задерживаться на том, как у Веллингтона Геджа сначала отвалилась челюсть, потом забулькало в горле, перехватило дыхание и наконец он пулей сорвался со стула, будто мисс Путнэм воткнула в сиденье булавку. Конечно же, повествователю лучше лишь пунктирно пройтись по его вскрикам, начиная с первого придушенного вопля «Черт его все раздери!» до завершающего страдальческого «Будь же человеком!»

А о его метаниях по залу, кульминацией которых стало громоподобное столкновение с низеньким столиком, заставленным стеклянной и фарфоровой посудой, мы, следуя нашему курсу сдержанности, умолчим и вовсе.

Обойдемся лишь намеком: переполошился Гедж не на шутку. Есть люди, всей душой алчущие почестей, какими может даровать их страна, но Гедж в их рядах не числился. Честолюбцем он не был никогда. При мысли, что его могут сделать послом во Франции, тошнотворный ужас обуял его. Если эта кошмарная затея удастся, это будет означать, что ему еще долгие, долгие годы не видать Калифорнии. Годы эти он проведет в городишке, который невзлюбил сразу, в обществе людей того сорта, от которых его мурашки пробирают. Выскочило у Геджа и еще одно, совсем уж страшное соображение: ведь послам как будто полагается носить форму и атласные бриджи?

— Не желаю я быть послом!

Крик этот миссис Гедж восприняла как вопль зверя, существа из диких лесов, зализывающего раны.

— Ну что тут особенного, стать послом? — умиротворяюще проговорила она. — Были б деньги. Если у тебя есть деньги, а влиятельные особы вроде виконтессы де Блиссак и сенатора Опэла поддерживают тебя…

В густых потемках для Геджа забрезжил робкий лучик надежды.

— Тебе ведь известно, что старик Опэл ненавидит меня всем нутром! Как-то раз мы повздорили, играя в гольф, и он этого не забыл.

— Слышала, слышала. Но, думаю, ты сам убедишься, что он пустит в ход все свое влияние.

— Почему?!

— Сегодня утром я получила от него письмо, и у меня сложилось

такое впечатление.

— Что же он пишет?

— Видишь ли, суть не в конкретном содержании. А так… общий тон.

Гедж остро взглянул на жену. На лице у нее играла опасная полуулыбка — верный признак, что в рукаве припрятан какой-то козырь.

— Про что ты?

— Ах, да ни про что! — Миссис Гедж, как часто замечал ее муж, была женщиной скрытной. — Встречусь с ним завтра, когда приеду в Лондон, и, думаю, все будет в порядке. Увидишь сам!

— Но, Господи, зачем тебе приспичило делать из меня

посла?

— Объясню. Когда я выходила за тебя замуж, сестра моего покойного мужа, Мейбл, повела себя просто отвратительно. По ее мнению, женщина, бывшая когда-то миссис Уилмот Брустер, этим должна и удовольствоваться до конца дней. Мне даже показалось, она была бы не прочь, когда Уилмот умер, чтобы я совершила сати.

— Что еще за сати?

— Я пошутила, конечно. Когда умирает индус, его жена сжигает себя на его могиле. В Индии это называется сати.

Тень тоскливого томления затуманила лицо Геджа. Видимо, у него промелькнула мыслишка — ах ты, как не повезло, что, по воле недоброй судьбы, Уилмот Брустер был не индусом, а калифорнийцем!

— Вот я и решила, твердо и бесповоротно, что новым послом во Франции станешь ты. Желала бы я увидеть физиономию Мейбл, когда она прочитает в газете объявление! «Мистер Ничтожество», обозвала она тебя. Да уж, посол во Франции — это вам не ничтожество!

Хотя подбородок у Веллингтона Геджа был скошен внутрь, а глаза выпучены наружу, определенной неотшлифованной мудростью он обладал. Возможно, существовали вещи, в которых он не смыслил ничего, но уж про это-то ему было доподлинно известно — если мужчина становится пешкой в ссоре между женщинами, то бороться — пустая затея. Несколько напряженных минут он просидел, пощипывая покрывало, молча воззрясь в свое беспросветное будущее; и наконец тяжко поднялся со стула.

— Ладно, пойду, куплю тебе «Маль-де-мэр»…

Приблизительно в то же время, когда Гедж побрел в аптеку, человек гангстерского вида в облегающем костюме, какие почему-то наводят на мысль о сомнительной нравственности его обладателя, вошел в коктейль-бар отеля «Дез Этранжэ».

Отель этот находился неподалеку от казино «Мунисипаль», в общем-то настолько близко, что хорошему бегуну ничего не стоило, проигравшись подчистую за столом, сбегать, пополнить запасы у стойки, рвануть обратно, проиграть и эти деньги, все в десяток минут. Сен Рок вполне справедливо гордился своим отелем «Дез Этранжэ»: там имелись все самые современные удобства, включая и сад для гостей, пожелавших покончить самоубийством, первоклассный оркестр, отличную кухню, телефоны в спальнях, а на нижнем этаже — современнейший коктейль-бар под началом Постава, прибывшего прямиком из Парижа из бара «У Джимми».

Когда там появился человек гангстерского обличья, бар был пуст. Единственным его посетителем был темноволосый, стройный, элегантный молодой человек утонченной, красивой наружности, читавший европейское издание «Нью-Йорк Геральд» за стойкой. А когда он на минутку опустил газету, чтобы стряхнуть пепел с сигареты, то пришелец гангстерского вида издал радостный вопль человека, узревшего знакомое лицо.

— Втируша! — завопил он.

— Суп! — откликнулся молодой человек.

И они обменялись теплым рукопожатием. В родной Америке они ходили скорее в знакомцах, чем в друзьях, но между изгнанниками, встретившимися в чужой стране, всегда вспыхивает горячая симпатия.

— Ах ты, старый конокрад! — кипел от радости суровый гость. Называя так своего друга, выражался он, разумеется, фигурально. Коней Гордон Карлайл никогда не крал. Крупный мошенник, он счел бы такое занятие вульгарным.

— Ах ты, старый песокрад! — отозвался Гордон, что тоже было шуткой чистейшей воды. Суп Слаттери в жизни не крал псов. Он был экспертом по взлому сейфов.

— Ну надо же! Надо же! — радовался Слаттери. — Наткнуться на тебя здесь!

И он присел за столик. Его лицо, в спокойном состоянии напоминавшее гранитную плиту с подозрительными глазками (ружья он в своем стенном шкафу не прятал, но вид у него был такой, будто припрятан там целый арсенал), смягчилось теплой улыбкой.

— А что ты тут поделываешь, Втируша?

— Да так! Осматриваюсь.

— И я вот тоже.

Они прервали беседу, чтобы посовещаться с официантом на предмет горячительных напитков. Урегулировав этот вопрос, друзья возобновили беседу. Не виделись они давненько, и им было о чем потолковать.

Вспомнили старые денечки и старых друзей, обменялись воспоминаниями о Нескладехе Таком-то и Коротышке Эдаком.

Слаттери Суп продемонстрировал Карлайлу шрам на руке; пару лет назад ранил его чересчур шустрый владелец дома в Дес Мойнесе, штат Айова, к которому он как-то наведался.

Карлайл показал Слаттери больное местечко на левой ноге: укусил его разочарованный инвестор в австралийские золотые прииски.

Примерно через полчаса этих доверительных рассказов тон беседы смягчился, стал сентиментальным.

— А как твоя подружка? — поинтересовался Слаттери. — С тобой?

— Подружка? Какая?

— Да встретил я тут одного парня, забыл уж кого, и он рассказал мне, вроде бы ты женился на Герти Галошке.

Лицо Гордона, и без того несколько меланхоличное, совсем погрустнело.

— Нет, не женился.

— А тот парень говорил, женился.

— Ну так вот — нет!

Ответ получился резковатым. И, точно бы раскаиваясь в том, что обрезал доброжелательного приятеля, Гордон объяснил:

— Понимаешь, у нас с Герти вышла ссора.

Он ненадолго призадумался, но потребность излить свои беды победила привычную сдержанность.

— Так, знаешь, на пустом месте, — горько добавил он. — Пустячное недоразумение, любой посчитал бы — уладить можно парой слов. Герти пришлось лечь в больницу, она ногу сломала, а я тем временем пару раз встретился с ее подружкой. Исключительно по делу. А она прям взбеленилась. Я твердил ей, что тут все чисто, но она и слушать не желала. Слово за слово, и наконец она огрела меня вазой по голове и слиняла из моей жизни. Случилось это год назад. С тех пор я ни разу ее и не видел. Женщины такие жестокие!

— Да уж, это точно. Именно что жестокие, — поддакнул Слаттери. — Никогда не знаешь, что у них на уме. Да хоть меня возьми, к примеру. У-у,

я б роман о них мог написать! Самая хитрющая моя партнерша вдруг — бац! — бросает меня на полуслове. Ни телефона, ни записочки! Ну, ничего!

— Без Герти я погибаю.

— А я — без той дамочки. Джулия ее звали.

— Работать не могу, я вот про что.

— Ну, так и я об том же. В делах без нее — никуда. Между нами с Джулией никаких таких цветочков-василечков и в помине не водилось. Ты с ней был знаком, а?

— Нет.

— Э-эх, какая была наводчица! Так ловко умела напроситься в разные шикарные дома. И всегда ей все с рук сходило. Потому что у нее был стиль, ну что ты! Дамочка — высший класс! Книжки разные читала, то-се… Послушать, как она говорит, так подумаешь, она в Светском календаре числится.

— А Герти…

— Джулия, — властно захватил беседу Слаттери, — работала со мной несколько лет. А потом вдруг, в один прекрасный день, четыре года назад, считай, до этой вот самой минуты, вдруг брякает — как гром среди ясного неба: все — она завязала. Бот так вот. Ни тебе объяснений, ничего. Дала, считай, пинок под зад, и поминай как звали. А я-то всегда после каждого дела делился с ней по-честному, никогда не жульничал. Ни разочка не нагрел. Ни на цент! Иногда мне сдается, чем честнее ты с этими вертихвостками, тем паршивее они с тобой обходятся. Вот так-то, сэр! Улетучилась, и другой такой у меня уж не появилось. Я опускался все ниже и ниже. — Слаттери замялся. — Хочешь, чего скажу, Втируша? Сейчас, случается, я даже уличным грабежом промышляю! Вот как!

— Ну да?! — в тоне Карлайла, как он ни старался, проскользнула осуждающая нотка. Он не хотел, конечно, строить из себя сноба, но в криминальном мире существуют свои социальные степени и ранги, и всем известно, что уличные грабители — люди не первого сорта.

— Надо ж человеку как-то жить! — покраснел Слаттери.

— Ну кто ж спорит.

Повисло тяжелое молчание. Когда Слаттери заговорил опять, было ясно, что он стремится восстановить свою репутацию.

— Конечно, я и сейфами занимаюсь, если подвернется случай. Вот и здесь, в городке этом, намечается крупная работенка. Хоть завтра бы провернул, будь у меня партнер для наводки.

Карлайл встрепенулся, отбросив все свои неодобрительные мысли.

— Что? Прямо в этом городе?

— Да так, в миле от него. В таком, знаешь, Шаттублиссак.

— Не слыхал, — покачал головой Карлайл. — Незнаком я со здешними местами.

— Выше на холме, за казино. Его снимает какая-то американская дама. Что-что, а брюлики у нее водятся.

— Наверняка-то не знаешь?

— Должны водиться, раз дамочка арендует такой шикарный дом.

— А может, в банке их хранит. — Неудачи сделали из Карлайла пессимиста.

— Может, и так. Да и что толку волноваться? У меня же все равно нет человека для работы в доме.

— Ну, внутреннюю работу, предположим, мог бы сделать и я, — вызвался повеселевший Карлайл. — Если дойдет до крупного дела, почему бы и мне не стать наводчиком?

— А как ты проникнешь в дом? Такие вот дела… Сам видишь, мужчина тут не годится. — Допив стакан, Слаттери поднялся. — Ладно, пойду прогуляюсь. Ты остаешься?

— Без разницы, где сидеть, — мрачно отозвался Гордон. Упадок промышленности угнетающе сказывался на его настроении.

Слаттери, выйдя на залитую солнцем улицу, бесцельно побрел к гавани. Когда бесцельная прогулка привела его в узкий и почти безлюдный переулок, он заметил идущего впереди пузатенького коротышку, углубившегося в чтение письма.

На минутку Слаттери заколебался. Потом, слегка вздохнув, вынул револьвер. Низкосортная, что и говорить, работенка, но выпадают времена, когда всякая мелочь сгодится. Бочком, незаметно, он пристроился к коротышке. И скомандовал:

— Руки вверх!

4

Гедж послушно их поднял. И без дополнительного стимула в виде револьвера он с готовностью оказал бы любезность такому громиле. Однако он тут же впал в полуобморочное состояние, какое порой вызывал в нем взгляд жены, но сейчас примешивалась тревога и слабое теплое сочувствие к заблуждавшемуся на его счет грабителю, принявшего его за ступеньку к богатству.

Слаттери, производивший проворный осмотр левой рукой, видимо, уже обнаружил тошнотворную истину. На грубом его лице проступила разочарованность, а кончик сломанного носа задергался от такого явного крушения иллюзий. Весь вид его кричал: вот человек, внезапно ткнувшийся носом в грубую реальность жизни!

— У тебя что ж, совсем, что ли, наличности нету? — брюзгливо спросил он.

— Ни цента! — вздохнул Гедж.

Слаттери горестно крякнул. На вид Гедж был толстячком богатеньким, и он рассчитывал на хороший куш. Спрятав револьвер в карман, несчастный грабитель сбил на затылок шляпу отчаянным и несколько даже байроническим жестом, при виде которого у Геджа вырвалось:

— Эй! А ведь я тебя встречал!

— Да? — равнодушно бросил Слаттери, ему уже все было безразлично. Столько суеты и хлопот, а в результате — денег даже на ланч не наскреб!

— Ты тот самый парень, который грабил меня в Чикаго! Саттери окинул его скучающим взглядом, говорившим: «Ах, у меня столько знакомых!»

— А в чем ты был одет?

— В серый деловой костюм с синей саржевой ниткой.

— Нет, не припоминаю. Извини.

— Ну, конечно же, это был ты! Тогда еще подскочил коп, и ты заставил, чтобы я взял тебя под руку. И мы пошли от него, будто старые дружки. Еще пели! Не помнишь, а?

— Чего пели-то?

— «О, руки бе-елые, как я ва-ас любил!» Ты подпевал басом. Лицо Слаттери внезапно осветилось.

— А ведь и правда! Теперь припоминаю. Так-так!

— Долгонек путь отсюда до старого Чикаго!

— А то!

— Они мне и фамилию твою назвали. Сейчас вспомню…

— Они — это кто?

— Копы. Когда я им тебя описал. А, вот! Вспомнил! Суп Слаттери. Один из копов заметил, что похоже на Супа Слаттери, а другой добавил, да, очень может быть, это Суп и есть. И опять стали играть в шашки. Удивлялись только, с чего это вдруг ты стал грабить людей на улице. Сказали, ты — эксперт по взлому сейфов.

— Случается, что и уличным грабежом подрабатываю, — несколько сдержанно объяснил Слаттери. — А что, есть возражения?

— Никаких! — поспешно заверил Гедж. — Решительно — никаких! Лично я ничуть не против.

Возможно, Гедж даже ввернул бы классический прецедент с Микеланджело, который тоже не удовлетворялся одним видом искусства, но Слаттери уже вернулся к животрепещущему вопросу дня.

— Послушай, а чего ж у тебя наличных-то нету?

— У меня никогда не водится.

— А по виду — богатенький.

— Богата моя жена. Просто ужас! Покойный муж оставил ей миллионы..

— А ты, значит, подсуетился и ободрал вдовицу? Недурно устроился.

Настроен Слаттери был весьма неодобрительно. Не чуждый сентиментальности, он, когда видел в кино холодный брак по расчету, всегда свистел в знак осуждения.

Гедж уловил оскорбительный намек.

— Женился я не из-за денег, — с чувством возразил он. — Я и сам в то время был богат. Но, к несчастью, играя на бирже…

Теперь в манере Слаттери не осталось и капли суровости. С теплым, сердечным интересом смотрел он на Геджа.

— Так ты тоже угодил под большой крах?

— Ну! Все потерял. До последнего доллара.

— И я. — Слаттери поморщился при воспоминании. — Крутой вираж! Вот были денечки! Точно ухаешь вниз на скоростном лифте! Были у тебя «электрические»?

— А то!

— А почем покупал?

— По сто шестьдесят семь.

— А я — по сто шестьдесят девять. А «Монтгомери Уорд»?

— Обошлись мне по сто двенадцать.

— И мне — тоже.

— «Дженерал Моторс»? — нетерпеливо допрашивал Гедж.

— Эй! Давай про что другое поговорим.

На несколько минут оба финансиста унеслись мыслями в прошлое. Наконец Слаттери вздохнул.

— Что ж, рад был увидеться с вами снова, мистер… как вас там?

— Гедж. Дж. Веллингтон Гедж. И я очень рад встрече, мистер Слаттери. Как насчет пропустить по маленькой?

Тень прежней угрюмости проскользнула в тоне грабителя.

— Не понял. Как это «пропустить по маленькой»? У тебя же нет денег.

— Так ты мне одолжи!

Нельзя сказать, чтобы в планы Слаттери, отправлявшегося на уличный грабеж, входило финансирование будущих жертв, но в голосе его собеседника проскользнуло нечто такое, что в нем откликнулся дух благородства; и он протянул сотню франков.

— Слушай, а ты не мог бы увеличить заем до двух сотен?

— Хм, ладно, — согласился Слаттери без особой сердечности.

— А знаешь, что я тебе скажу! — воодушевился Гедж. — Одолжи-ка ты мне для ровного счета — тысячу! Получится кругленькая такая, симпатичная сумма!

Без особого пыла Слаттери отлепил mille[1] от своей тощей пачки, словно бы недоумевая, где это он подцепил идейку, будто уличный грабеж — прибыльное предприятие?

5

За столиком в маленьком кафе у гавани Геджа обуяла словоохотливость. Уже много месяцев он томился по сочувственному уху, в которое мог бы излить свои несчастья, и наконец оно подвернулось. Этот миляга-взломщик, решил он, услышит все.

— Да-с, сэр, — приступил он. — Вот так оно все… Все деньги у моей жены, а я в доме так, «Эй, ты! Принеси-подай!»

— Неужели правда?

— Да-с, сэр. Простофиля, вот я кто. Так, никто. Ты не промахнешься, если скажешь, что я — птаха в золоченой клетке. Чего бы ни пожелала миссис Гедж, все так и делается. Хотел я жить в Калифорнии. Нет, настояла, чтоб мы поехали во Францию. Ты что думаешь, будь у меня деньги, я б жил в такой дыре, как Шато «Блиссак»? Нет, сэр! Вернулся бы в Глендейл, где мужчины — настоящие мужчины! Слаттери чуть вздрогнул.

— Так ты в Шаттублиссаке живешь?

— Да-с. Вот именно. В Шато «Блиссак».

Слаттери раздумчиво пожевал нижнюю губу. Открытие, что коротышка живет, пусть даже в скромной роли птахи в доме, о котором он столько мечтал, всколыхнуло его. Он не мог сказать наверняка, какие надежды возлагает на их знакомство, но одно чувствовал безусловно —

расположения нового знакомца добиваться стоит.

— Живешь, значит, там? Ну и ну! — вежливо заметил он.

— Да-с, сэр. Миссис Гедж настояла, чтобы мы сняли этот дом в аренду. А я б и гроша за такой не дал! Меня от него прям тошнит. И это еще не все! Нет, не все!

— Нет?

— Нет, сэр. Знаешь, что?

— Что?

— Когда она выложила мне это сегодня утром, меня прям перышком сшибить можно было. Ну догадайся вот, что?

— А что?

— Ни в жизнь не скумекаешь!

— Так что, а?

— Представляешь, что она мне выложила сегодня утром?

— Да откуда, черт тебя дери, мне знать? — Вспышка раздражения сбила Слаттери с выбранного курса льстивости. — Ты что, воображаешь, я там под кроватью прятался?

— Она мне сказала, я должен стать американским послом. Слаттери переваривал новость.

— М-дэ, не подарок…

— Я и сам знаю. Послы должны носить форму и атласные бриджи… это подумать!

— И треугольные шляпы.

— Что? Еще и шляпы?

— А то! Сам видел в новостях. И французишки эти всех послов обцеловывают.

До этих слов Гедж полагал, что вник во все изъяны предложенной роли, но теперь до него дошло, что последний, и самый ужаснейший, ускользнул от его внимания. С минуту он сидел как в параличе. Потом взорвался яростным потоком слов.

— Ну, нет! Нет, и точка! Еще чего! Раздобуду маленький капиталец, чтоб было с чего сызнова начать, и подниму бунт. Да-с, сэр! Бунт, и точка. Я очень люблю свою жену, но это уж, знаете! «Слушай! — я скажу. — У меня хватает денег, чтоб начать сызнова, теперь я человек независимый, понятно? И я не намерен становиться никаким послом. Чем быстрее ты про это забудешь, тем лучше! Потому что все это — чушь собачья! И кстати, о Франции, — я скажу, — уезжаю из этой страны на следующем же пароходе. Возвращаюсь в Калифорнию. Прикипела к своей Франции, — я ей скажу, — так и торчи тут! Лично я возвращаюсь в Глендейл». Да-с, сэр!

Человеком Слаттери был не злым, но весьма практичным. Люди, вроде него, только и знают, что обескураживать мечтателей.

— А где, интересно, — перебил он, — ты достанешь этот свой капиталец?

В пылу возведения воздушных замков мелочь эту Гедж как-то упустил. Огонь в его глазах потух.

— А ты мне не сможешь одолжить? Совсем немножко? Слаттери ответил, что нет, не может.

— Да мне больше десяти тысяч и не потребуется. Эх, мне б раздобыть только десять тысяч! Я б уж сумел вернуть, что потерял!

На это Слаттери ответил, что, доведись ему увидеть десять тысяч зараз, он перецеловал бы все купюры по отдельности.

Бешеное возмущение против суровости судьбы охватило Геджа.

— Господи! Как несправедливо!

— Чего несправедливо-то?

— Ну, посуди сам! Знаешь, что?

Слаттери горячо попросил нового приятеля перестать приставать к нему с таким вопросом.

— Нет, ну знаешь все-таки, что? Когда я женился на миссис Гедж, я был человекам богатым.

— Это ты мне рассказывал.

— Да, но вот чего я тебе не рассказывал. Я ведь эту женщину бриллиантами осыпал! Ну, не то чтобы осыпал. В общем, много ей все-таки подарил. Тысяч на шестьдесят, не меньше.

Сумма эта произвела впечатление. Шестьдесят кусков — очень даже недурная пожива.

— Представь, что бы эти шестьдесят штук значили для меня сейчас! Подумай, что бы я мог с ними сделать!

— Ну!

— Да уж, — от жалости к себе Геджа трясло, — когда я вижу, как миссис Гедж щеголяет в этих бриллиантах, мне понятно, отчего становятся циниками.

Вся полнота этой фразы не сразу проникла в сознание Слаттери: рассеянно выдохнув еще раз «Ну-у!», он отпил из стакана, и вдруг подпрыгнул, словно ожегшись о горячее.

— Щеголяет в них? То есть, ты хочешь сказать, брюлики у нее при себе?

— Да-с, сэр!

— Что? Прямо там, в Шаттублиссаке?

— Да-с, сэр. Повисла пауза.

— В сейфе, небось, хранит? — небрежно бросил Слаттери.

— Когда не носит, да.

Слаттери впал в удрученное молчание, размышляя о том, как все могло бы повернуться. Эх, будь утраченная Джулия с ним, горевал он, она мигом бы придумала, как проникнуть в дом, и провела подготовку изнутри. Без ее же скромной помощи он совсем ничего не может.

Есть, конечно, еще и Втируша. Сам набивался на внутреннюю работу. Но как ему познакомиться с Геджем, чтобы добиться приглашения? Да, трудно ковать это самое первое звено. Знакомить Гордона с Геджем самому едва ли стоит. Умом он, конечно, не так уж блещет, но все-таки даже и он соображает, что туда не приглашают без рекомендаций и не от грабителя-взломщика.

И Слаттери издал глубокий вздох. Н-да, дельце, как ни крути, — тухлое.

От раздумий его оторвало движение соседа. Гедж готовился отбыть.

— Уходишь?

— Да-с, сэр. Пора возвращаться.

— А что за спешка?

— Объясняю. Сегодня миссис Гедж отплывает в Англию на дневном пароходе, и ей потребуется многое обсудить со мной. До свидания. Приятно было познакомиться.

Слаттери промолчал. Хотя гранитное лицо его осталось бесстрастным, внутренне он затрепетал от восторга, точно бы Гедж разорвал плотную завесу тумана, скрывавшую от него Землю Обетованную, в которой приветливо лучилось солнышко.

Историки повествуют, что математик Архимед, решив некую хитрую проблему, выскочил из ванны и помчался по улицам с криками: «Эврика! Эврика!». Слаттери сидел не в ванне, но, сиди он в ней, то, несомненно, выскочил бы тоже и, весьма вероятно, завопил бы: «Эврика!», если бы знал это слово. Потому что он наконец увидел способ!

Через минуту Слаттери вылетел на улицу, торопясь к отелю «Дез Этранжэ».

6

Карлайл сидел все так же в баре, на том же месте. Слаттери поспешил к его столику.

— Втируша! — закричал он. — Нам подвалила удача! Дельце у нас в кармане!

Карлайл настороженно встрепенулся. Его друг, знал он, пустомелей не был. Редко Слаттери бывал таким возбужденным. Мужественный и молчаливый — вот какие прилагательные первыми просились на язык при характеристике Супа. Если уж он так возбудился, это кое-что да значит!

— Какое дельце? Про которое мы говорили?

— Ну да! Шатту это самое! Только что познакомился с типом, который там живет!

Карлайл тоже засиял.

— Как это ты умудрился?

— Да так, случайно встретились, — чуть смущенно ответил Слаттери. — Сдружились, понимаешь… выпили вместе. Ну он мне и рассказал, что миссис Гедж брюлики свои держит не в банке, а при себе. В сейфе хранит, дома. Вот так! Ты покажи мне сейф, который я не сумел бы вскрыть шпилькой, и я его съем. Чтоб мне лопнуть, — горделиво добавил Слаттери. — Истинная правда!

— Но…

— Знаю, знаю, кто-то нужен в доме. Как его туда сунуть? А вот как. Дамочка эта сегодня отплывает в Англию…

Он приостановился, чтобы эти сведения как следует внедрились в мозг слушателя, и тот проникся их исключительной важностью. Нет, не зря верил он в сметливость Гордона. Тот все уловил мигом.

— А я поеду на том же пароходе и познакомлюсь с ней?

— Правильно!

— Это нам раз плюнуть!

— Назовись лучше всего каким-нибудь ихним графом. Приври насчет связей во французском правительстве. Она, понимаешь, спит и видит, как сделать своего старикана американским послом. Пусть думает, что ты сумеешь ей помочь.

— Наплету с три короба! Поверит, будто все французское правительство пляшет под мою дудку.

— Добыча, Втируша, будет крупная, если все сделаешь, как следует. Гедж этот говорит, брюлики тянут на шестьдесят кусков!

Карлайл облизнулся. Лицо его подернулось мечтательной дымкой. Как и Слаттери недавно, он будто смотрел в даль, на Землю Обетованную.

— Если за пять дней не попаду в Шато, — сказал он, — считай, я растерял всю свою технику.

II

I

Чудеснейшая погода, привлекавшая летом столько туристов в Сен Рок, была не менее чудесной и по другую сторону Английского канала: Солнечный свет заливал Шато «Блиссак» и солнечный свет — сразу после четырех дней — залил улицы Лондона, озолотив тротуары, играя бликами на омнибусах и фруктовых тележках уличных торговцев, весело танцуя на лицах прохожих, ломовых лошадях и полисменах. И только в вокзал Ватерлоо, эту сумеречную пещеру, не проник ни единый солнечный лучик. Окутанный благопристойным сумраком вокзал напоминал, как всегда, собор, чьи псаломщики, поддерживая себя в форме, выпускают в свободное время пары на стороне. Сегодня хмурая атмосфера усугублялась нашествием толп взмокших родителей с выводками детей, лопатками и ведерками. Наступил первый день того, что в газетах именуют Большой Сезон Отпусков, и весь Лондон (в том числе молодежь вроде Десяти Тысяч Ксенофонат) ринулся к морю.

У ворот, за которыми администрация удерживала экспресс, отбывающий в 4.21 в Йовил, стоял молодой человек, чья внешность несколько оживляла сумеречные тона вокзала. Красавцем в строгом смысле слова он не был, но был на диво подтянут, просто цвел здоровьем, а в поведении его чувствовалась веселая удовлетворенность, что и выделяло его из потока озабоченных папаш, на чьих лицах так явно читалась печаль о том, что они не остались холостяками. Все вокруг было в ему в новинку, все его развлекало. В Англии он жил всего несколько месяцев и наслаждался всяким проявлением английской жизни. Сейчас он без следа раздражительности отлепил от своих ног двух малышей, Ральфа и Флосси, и передал их родителям, сияя добротой и заботой. Если даже он предпочел бы, чтобы новый малыш, Руперт, выбрал чьи-то еще брюки в качестве соски, он никак того не показал.

Ну, а что касается его имени, если вы читаете колонку светских сплетен, то вспомните, что недавно было объявление о помолвке между леди Беатрисой Брэкен (да, да, дочерью графа Стейблфорда) и Патрика Б. Франклина (да, да, известного американского миллионера и спортсмена). Вот это Патрик и стоял, для друзей — Пэки. Сегодня Беатриса уезжала в

поместье своего отца (Уорблс, графство Дорсетшир), и Пэки приехал на вокзал проводить невесту. Она только что появилась, надменно ступая среди толпы, будто принцесса среди мятежных холопов, и была так ослепительно красива, что, пожалуй, иные из запарившихся отцов с детишками, требующими присмотра, и то кинули на нее взгляд. Беатриса блистала красотой на Охотничьих балах Биддлкомба, где красота всегда красота; красота ее привлекала внимание на королевской трибуне в Аскоте и не оставалась незамеченной даже в толпе, текущей по крикетному стадиону «Лордз»[2] в перерыве на ленч на матче между Итоном и Харроу.

Мэри Мэйфер, ведущая светскую хронику в «Болтовне у Камелька», подписанную «Маленькая Птичка в высшем свете», написала в недавнем номере газеты, что на последнем приеме в испанском посольстве Беатриса была «nes plus ultra»,[3] выделяясь элегантнейшим платьем из егере royale модного опалового оттенка, фасон которого подчеркнул природное изящество ее линий. И была совершенно права.

В данный момент нервное раздражение мешало Беатрисе показать себя в наивыгоднейшем свете. Больше всего на свете она терпеть не могла ездить поездом в летний сезон и, если так уж необходимо ее присутствие в доме предков, — отец попросил ее помочь с гостями, — то могли бы и машину за ней прислать. Но с нынешними ценами на бензин у разумного старого джентльмена хватало ума не совершать подобных жестов.

Улыбалась Беатриса редко и сейчас приветствовала Пэки лишь легчайшим подергиванием верхней губки — гримаска, так великолепно удавшаяся на портрете, написанном Лазло.

— Ну и сборище! — с отвращением бросила она.

— А мне нравится, — откликнулся Пэки. — Помогает понять дух, создавший Англию. Теперь мне понятно, что подразумевают под бульдожьей хваткой англичан. Только что прошел один человек с ребенком на каждой руке, а у каждого ребенка на поводке, заметь, силихем-терьер. Ребенок с левого борта запутался с терьером по правому борту, а лево-бортный терьер запутался с ребенком правобортным. По всему судя, денек папочке предстоит развеселый. Лично я считаю, это — доброе простое веселье, свободное от современных изысков. А кстати, где твой багаж?

— Его Паркер принесет.

— А чтение? Хочешь, сбегаю в киоск куплю тебе что-нибудь? Время еще есть.

— Нет, спасибо. Я захватила книгу.

— О! Книгу захватила! Какую же?

— «Червь в корнях» Блэра Эгглстона.

— Блэр Эгглстон? Знакомое какое-то имя. Почему? Я его где-то встречал?

— Я тебя с ним знакомила на Выставке Молодых Художников неделю назад.

— А, ну конечно! Вспомнил, вспомнил! Такой отвратный задохлик с бакенбардами.

Сказал он это зря. Беатриса еще больше рассердилась.

— Не надо так шутить, — бросила она тоном, который иногда наводил Пэки на мысль, что при всем ее очаровании в ней течет кровь гувернантки. — Все, чье мнение хоть что-то значит, считают, что мистер Эгглстон — один из лучших молодых романистов.

— Н-да. А он, наверное, ходит и хвастает, что я его читал. Это нехорошо, я его не читал.

— Ты вообще ничего не читаешь.

— Неправда. Я прочитал всего Эдгара Уоллеса!

— Лучше б всего Блэра Эгглстона. Как бы мне хотелось, Пэки, чтобы ты не был таким. Я стараюсь ради тебя изо всех сил, даю тебе хорошие книги, показываю картины — а что толку? Ты все равно выражаешься, как йеху.

— Прости, — огорчился Пэки. — Ты совершенно права. Его переполняло раскаяние. Хорошо ли, угрызался он, вести себя так с девушкой, которая, не покладая рук, трудится ради твоей одухотворенности?

В Йельском университете, где Пэки Франклин получал образование, он был полузащитником Американской сборной, но у него была прискорбная склонность держать свое духовное «я» на скудном пайке. Пэки был достаточно смиренным и понимал, что душа у него не ахти какая. Тем самым он очень каялся, что не помогает изо всех сил девушке, которая старается поднять ему цену.

С самого начала помимо красоты ему нравилась в леди Беатрисе возвышенность идеалов. Да, что касается идеалов, она, несомненно, не промах; и этими идеалами она щедро делится с ним. Ей уже удалось значительно умерить его природную веселость. Пожалуй, если в один прекрасный день она, поплевав на ручки, примется за дело всерьез, то его перестанет мутить от картинных галерей и концертов.

Возможно, Беатриса и бывает несколько чопорна и иногда говорит с ним, будто отчитывая лакея за то, что тосты к чаю он подал холодные, но

она безусловно несет знамя с девизом «Все выше!» И Пэки терзался при мысли, как же он ранит ее своим легкомыслием.

— Да, я абсолютно не прав насчет Блэра Эгглстона, — извинился он. — Перепутал его, наверное, с кем-то. Припомнив как следует нашу встречу, я понял, как поразило меня его тихое обаяние. Засяду читать его завтра же.

— Сегодня утром я случайно встретила его на Бонд-стрит. Сказала ему, что ты остаешься один бездельничать в Лондоне…

— Да я не остаюсь!

— Как это?

— Ну, раз ты уезжаешь, какой мне смысл торчать в городке, который явно считает, что природа предназначила его для роли турецких бань? Я подумываю нанять яхту, да и поплыть куда-нибудь. Прочитал недавно рекламу… — тон его стал лирическим, на родине он был заядлым яхтсменом, — о ялике с мотором, всего за сорок пять фунтов. Представляешь, тридцать девять по ватерлинии, с бимсом в тринадцать футов, с парусной оснасткой…

— Я очень прошу тебя остаться в Лондоне, — перебила Беатриса.

Тон ее был категоричен, и Пэки взглянул на нее в смятении: он уже предвкушал плавание на яхте.

— А зачем?

— Во-первых…

Она остановилась, чтобы потереть лодыжку, которую только что лягнуло дитя по имени Эрни, а Пэки в ту же самую минуту энергично шлепнули между лопаток тем самым сердечным шлепком, который возвещает, что ты обрел друга. Оглянувшись, он увидел стройного, гибкого молодого человека, с моноклем и стрижкой en brosse. Тот лучился теплыми улыбками.

На минутку Пэки растерялся. Лицо подошедшего, как и его повадки, были ему знакомы. Но лицо, в отличие от повадок, он помнил хуже. Потом память его очнулась.

— Вик!

— Мой Пэки!

Прошло полтора года с тех пор, как Пэки в последний раз видел искрящегося весельем молодого французского аристократа, виконта де Блиссака. К радости встречи примешивалось сожаление — лучше б им встретиться через несколько минут после Беатрисиного отъезда, а не за несколько минут до него. Дружба Пэки с наследником де Блиссаков началась в прекрасные нью-йоркские деньки, и что-то подсказывало ему —

сейчас приятель пустится в воспоминания именно о них. А опыт научил Пэки, что при Беатрисе эту тему лучше всего хранить за семью печатями.

Но Беатриса перестала потирать лодыжку, и оставалось представить ей этот призрак умершего прошлого.

— Леди Беатриса Брэкен. Виконт де Блиссак.

Беатриса кивнула. В ее красивых глазах застыло каменное выражение. Пэки с легкостью расшифровал его — она не одобряет старину Вика.

Друзей Пэки леди Беатриса вообще нечасто одобряла, иногда ей казалось, что каждый из них еще отвратительнее предыдущего. Сама она в своих знакомствах была исключительно разборчива, водясь только со знатью и иногда делая исключение для интеллектуалов. Пэки же, напротив, насколько она поняла, был рад всем и каждому. Никогда нельзя было быть уверенной, думала она, выходя с ним куда-нибудь, что он не примется фамильярничать с боксером-профессионалом или еще с кем похуже. Открытие, что он в самых сердечных отношениях с виконтом де Блиссаком, слухи о котором порой достигали ее ушей, ничуть не уменьшило ее сходства с модно одетым айсбергом.

— Мы часто виделись в Нью-Йорке, года два назад, — виновато сообщил Пэки, что и требуется от хорошо вымуштрованного жениха.

— Да-а, задавали мы тогда жару, — ввернул виконт ненужную сноску. — Покутили на славу. Поставили старый городишко на уши.

Глаза его, чуть выпучившиеся от такой красоты на таком близком расстоянии, перестали смотреть на Беатрису. Интересно ему было с Пэки, старинным его другом.

— Домой, значит, добрался нормально?

И, весело хохотнув, обернулся к Беатрисе, расплываясь в улыбках как человек, делящийся чудесными новостями.

— Когда я в последний раз его видел, он скакнул в окошко бара, а два полисмена сиганули за ним следом. Эх, и здорово мы развлекались! На всю катушку! А помнишь, Пэки, тот вечерок, когда…

— Вик, ты куда-то уезжаешь? — торопливо перебил Пэки.

— Да, конечно. А помнишь…

— Куда же?

— В Сен Рок. Поездом в 4.15 на Саутгемптон.

— Вот как? — Пэки испустил вздох облегчения. — Сомнительно. Может, ты случайно не заметил, но сейчас уже 4.14.

— У-ух! — вскрикнул виконт и исчез, будто скользнувший в тину уж.

Паузу, во время которой теплый летний денек заметно похолодал, нарушила Беатриса.

— У тебя много жутких знакомых.

— Да нет! Вик — нормальный парень.

— Судя по слухам, не могу с тобой согласиться.

Носильщик открыл ворота. Они вошли в пустое купе первого класса, и Пэки занял позицию в дверях, отбивать атаки назойливых пассажиров.

Он погрузился в задумчивое молчание, только что догадавшись, что встреча с виконтом де Блиссаком всколыхнула в нем явственный приступ того, что древние феки называли pathos — внезапную и прискорбную ностальгию по прошлому, достойному всяческого порицания.

Пэки сражался с этим чувством как мог. Возмутительно, твердил он себе, что жених такой изумительнейшей девушки еще ропщет на судьбу. Да, правда, они с Виком недурно развлекались в прежние денечки, но насколько же счастливее он сейчас, когда его перевоспитала первая красавица Англии.

Помогая себе подавить неуместную тоску, всколыхнувшуюся при виде старого приятеля, Пэки, потянувшись к Беатрисиной руке, ласково пожал ее.

— Это будет крайне полезно для тебя, — заключила Беатриса, и Пэки спохватился — из-за своих мечтаний он прослушал ее последнюю фразу!

— Извини, я тут отвлекся… О чем ты говорила?

— Я говорила о том, что мне бы хотелось, чтобы ты подружился с кем-нибудь достойным. Например, с мистером Эгглстоном. Тебе нужны именно такие друзья.

— Ладно, звякну ему как-нибудь…

Он отвернулся, сурово воззрясь на мистера Уизерспуна, норовившего пронырнуть в купе, и настолько грозен был его взгляд, что тот прошел мимо вместе с миссис Уизерспун и четырьмя детишками на буксире — Перси, Берти, Дейзи и Алисой.

— … в четверть пятого, — договорила Беатриса. И снова Пэки обнаружил, что он что-то упустил.

— Прости, не понял!

— Мистер Эгглстон хочет встретиться с тобой сегодня, без четверти пять, в вестибюле отеля «Нортумберленд». Он приглашает тебя на чай.

— Что?!

— И пожалуйста, постарайся подружиться с ним. Он чрезвычайно интересный человек. Принесет тебе массу пользы.

На жизнерадостное лицо Пэки набежало облачко.

— Мне, что, в самом деле тащиться туда и гонять чаи с этим бакенбардом?

— Не смей называть его бакенбардом! Да, придется. Чем чаще ты будешь с ним встречаться, тем лучше. Такой друг удержит тебя от всяких проделок!

— О чем ты? — удивился Пэки. — Какие проделки?!

— Ты сам прекрасно знаешь. Не успею я повернуться спиной, как ты, оказавшись на свободе, непременно отколешь какой-нибудь номер… попадешь в переплет.

— И в мыслях не имел…

— А помнишь, что стряслось два месяца назад, когда я уезжала в Норфолк?

— Да я же объяснил! Детально. Я случайно замешался в толпу гостей…

— Правильно. Вот я и не хочу, чтобы ты опять куда-то замешался. У меня дома очень расстроились. Ты же знаешь, как щепетильны мои родители.

Пэки покаянно покивал. Современная свобода нравов никак не затронула графа Стейблфорда и его супругу.

— А тетя Гвендолин обозвала тебя висельником и вертихвостом.

— Как она меня обозвала?

— Висельником и вертихвостом.

Пэки заносчиво распрямился. Замечания и критику от своей нареченной он готов был принять, но когда еще и ее изъеденные молью родственнички распускают язык…

— Мне все равно, что болтает эта обожательница кошек и подтасовщица пасьянсов, — с достоинством, которое ему очень шло, ответил он. — А вот мое маленькое посланьице ей. Можешь ей передать, что… Хотя нет, ладно, лучше не надо. Передай ей только мой самый жаркий привет и добавь: я надеюсь, что она задохнется от его жара!

Приостановив поток красноречия, Пэки кинулся к помощнику кассира по имени Бодкин, который пытался вторгнуться в купе вместе с женой Мириэм, сестрой Луиз, попугаем Полли в клетке и существом, похожим то ли на ребенка, то ли на подростка, кинулся, — фальшиво заверяя их, что дальше в вагоне полно мест. Его победа чуть-чуть смягчила Беатрису. Беседу она возобновила поласковее.

— Я очень надеюсь, что в мое отсутствие ты не станешь расслабляться. Пожалуйста, ходи в концерты и посещай картинные галереи.

Пэки задрожал в священном трепете.

— Пусть только кто попробует меня удержать! Да, пусть попробует!

— Тебе это так полезно…

— Да уж, кто спорит! Я прям ощущаю, как душа раздувается, будто отравленная.

— Завтра в «Квинс Холле» декламирует Яша Прицкий.

— Браво, Яша!

— А в Гейт-театре идет новая пьеса. Говорят, изумительная. У меня такое чувство, что если ты будешь общаться с Блэром Эгглстоном…

Пэки ласково потрепал ей руку.

— Глаз с него не спущу. Если желаешь, чтоб я распивал с ним чаи, сегодня же и начну, пока из ушей не польется. Буду липнуть к нему каждый день. Станет одеваться утром, а я тут как тут, выглядываю из левого башмака. Эге, а поезд-то уже тронулся!

Поезд, встряхнувшись, заскользил по рельсам. Пэки рысцой поспевал следом. Беатриса высунулась из окна.

— Так не забудь, почаще встречайся с Блэром Эгглстоном!

— Обязательно! Очень часто!

— Не пропусти Прицкого.

— Ни за что!

— И сходи на спектакль в Гейт.

— Непременно!

Поезд набирал скорость. Пэки сдернул шляпу и любовно стал ею махать.

— И зайди постригись! — крикнула напоследок Беатриса. — Ты на хризантему похож!

Крикнув это, она вместе с поездом скрылась из виду.

2

Пэки остался на платформе и провел рукой по затылку, определяя, что там творится. Да, ясно, что Беатриса имела в виду. Волосы определенно лохматые, напоминают об Авессаломе, сыне Давидове. Поезд 4.21 отправили минута в минуту, так что у него вполне хватит времени забежать в парикмахерскую отеля «Нортумберленд» перед встречей с этим задохликом.

Пэки махнул такси, испытывая что-то подобное рвению доблестного рыцаря, только что получившего повеление от дамы сердца и видящего, что путь открыт.

Парикмахерская отеля «Нортумберленд», расположенная в подвале

хорошо известного караван-сарая, — местечко, как правило, оживленное. Там весело клацкают ножницы и жужжат разговоры о погоде. К удивлению Пэки, на этот раз, когда он вошел, в зале не оказалось не только клиентов, но — как ни странно — и парикмахеров. Непонятная тишина окутывала зал, и запах лавровишневой воды зловеще витал в пустоте.

Пэки находился не в том расположении духа, чтобы уделять этому обстоятельству особое внимание. Скорее, он наслаждался пустынностью зала, чем недоумевал. Усевшись ждать, он целиком отдался долгим любовным размышлениям о Беатрисе; но очнувшись через четверть часа, обнаружил, что в зале по-прежнему ни души.

У всех тайн, самых необъяснимых, существует разгадка. Незадолго до того недовольство — справедливое или несправедливое, сейчас неважно, — итак, недовольство подняло свою безобразную голову среди парикмахерского персонала и ровно в четыре часа, объявив забастовку, бунтари отложили ножницы.

Ничего о том не ведая, Пэки недоуменно сидел там. Он уже решил бросить всю затею и пойти постричься куда-то еще, как у его локтя задребезжал телефон.

Проигнорировать телефонный звонок — один из немногих подвигов, на какие человечество совершенно не способно. Пэки взял трубку, и громоподобный раздраженный голос с американским акцентом чуть не оглушил его.

— Алло! Алло! Алло-о! Слушайте, сколько можно звонить, чтобы добиться мелкой услуги? Давайте! Дав-а-айте! Если по эту сторону океана так ведутся дела, то Боже помоги Англии! Вы что, воображаете, мне делать нечего, как только сидеть и дозваниваться до вашей чертовой парикмахерской? Давайте! Давайте! Давайте!

— Вы там? — слабо спросил Пэки. Голос вопросом возмутился.

— А вы — *там*, черт вас дери! То-то и оно! Я уже полчаса названиваю! Что с вами такое? Оглохли, что ли? Это сенатор Опэл из люкса «400». Я требую, чтобы ко мне немедленно пришел парикмахер. Я хочу постричься!

Пэки чуть не сообщил сенатору, что, по случайному совпадению, которых много в жизни, он и сам хочет того же. Но когда он уже открыл рот, чтобы рассказать о таком родстве душ, его вдруг кольнуло беспокойное чувство, которое он немедленно распознал. В нем пробудился грех. В своем бесславном прошлом, когда благотворное влияние Беатрисы еще не изливалось ежедневно на его душу, такой возможности подурачиться Пэки не упустил бы. В смятении он обнаружил, что

возможность соблазняет его и сейчас. И только мысль о Беатрисе…

— Давайте же, — орали в трубке. — Дава-а-а-йте!

Но разве Беатриса одобрила бы, что он отверг приключение, которое, несомненно, обогатит его кругозор?

— Давайте же! Давайте!

Совесть как-то сразу умолкла. Он даже удивлялся, откуда вообще взялись какие-то колебания. Беатриса, теперь ему это открылось ясно, первая одобрила бы, что он поспешил на помощь терпящему бедствие сенатору. Подрезать старикану солому — поступок добрый, альтруистический, в духе скаутов и сэра Филипа Сидни. Пожалуй, даже тетя Гвендолин не усмотрела бы в нем ничего предосудительного.

Вплеталось сюда и еще одно. Наверняка это тот самый знаменитый сенатор Опэл, создавший великий Закон Опэла, который ему почти удалось провести, — закон, раз в шесть суровее, чем сухой закон. Если Пэки отвергнет предлагаемую встречу, ему никогда не выпадет шанс увидеть такую знаменитость. А ведь Беатриса постоянно твердит, как ей хочется, чтобы он знакомился с выдающимися людьми.

Стало быть, ради Беатрисы он непременно должен отправиться в люкс «400».

— Иду, иду, сэр, — почтительно проговорил Пэки.

3

Пэки Франклина нельзя было назвать человеком неразумным. Он прекрасно понимал, что все разом в этом мире получить невозможно, но все-таки, войдя в люкс «400», пожелал, чтоб владелец его не был таким грозным. При первом взгляде на сенатора Амброза Опэла ему почудилось, что он подрядился стричь львов в зоопарке.

Инициатор Закона был среднего роста, но обхвата куда больше среднего. Над высоким лбом (без него в американском сенате и делать нечего) вздымались настоящие джунгли снежно-белых волос. Из-под угольно-черных бровей сверкали острые пронзительные глазки, не особенно дружелюбные.

— Давайте же! Давайте! — прикрикнул он. Наверное, это была его любимая присказка.

Сенатор устроился в удобном кресле, и Пэки, обернув его простыней, завел разговор, входящий, насколько ему помнилось, в ритуал стрижки.

— Редковаты на макушке, сэр.

— Еще чего!
— Кожа суховата…
— Ну, знаете!
— Пробовали мыть шампунем с горячим маслом, сэр?
— Нет. И не собираюсь.
— Прекрасный денек, сэр.
— Что-о?
— Денек, сэр. Прекрасный.
— Ну и что из этого?

Верно или неверно, но у Пэки создалось впечатление, что светская беседа сенатору нежелательна, и он молча отдался работе. Несколько минут тишину нарушало лишь позвяки-вание ножниц. Под конец этой паузы атмосфера люкса внезапно просветлела и оживилась — в номере появилась девушка. Войдя без стука, она вспорхнула на краешек стола и примостилась там.

Пэки, хотя и был помолвлен с леди Беатрисой, еще не совсем забросил добрую старую привычку поглядывать на хорошеньких девушек. У этой было прелестное круглое личико, из тех, на которых при улыбке непременно играют ямочки, прелестные черные волосы, прелестная фигурка и прелестные черные глаза. А когда она заговорила, то и голос у нее оказался прелестный. Словом, вся она с ног до головы была сплошная прелесть.

— Приветик, папа!
— Здрас-с…
— Стрижешься?
— М-да…

Сложить два и два Пэки сумел. Первая часть диалога открыла ему, что они — отец и дочь. Вторая — что между ними царит здоровый дух доверия и откровенности. Никаких тайн. Никаких уверток. Это ему пришлось по душе.

Хотя, нравится это ему или нет, значения особого не имело. Девушка, бросив на Пэки равнодушный взгляд, больше не обращала на него ни малейшего внимания. Очевидно, она считала его фоном. Вот одно из несчастий парикмахера — никто не обращает на тебя никакого внимания. Какой бы обмен мыслей ни предстоял, его собственная доля в нем, предугадывал Пэки, окажется ничтожно малой. Так, манекен с ножницами, и все. Это его немного огорчило.

Поведение девушки доказало правильность его догадок. Она абсолютно не обращала на него внимания. Раскачивая прелестными

ножками, она без стеснения болтала о своих делах, и через несколько минут Пэки знал о них уже не меньше нее самой.

Для начала выяснилось, что зовут ее Джейн. Так, по крайней мере, называл ее сенатор, а он, по виду, был человеком, заслуживающим доверия. Итак, ее зовут Джейн. Сегодня утром она прошлась по магазинам и видела совершенно изумительные носовые платочки, совсем, совсем недорогие в магазинчике на Риджент-стрит, погода сегодня изумительная, а еще изумительней лондонские полисмены. Ей бы очень хотелось остаться в Лондоне подольше, но это, как понял Пэки, невозможно — завтра они с отцом уезжают во Францию.

Сенатор понадеялся, что качки на море не будет.

Джейн откликнулась:

— Ну, конечно!

— Почему это, конечно?

— Не будет, да и все!

— В это время года, сэр, качки не бывает, — вставил Пэки.

— Мал-чать! — крикнул сенатор.

— Слушаюсь, сэр, — После этой реплики на него обратила внимание девушка, и на лице у нее возникло недоумение.

Сенатор продолжил разговор. Видимо, предстоящие тяготы путешествия по-прежнему грызли ему душу.

— И чего это Геджи забрались в такое место? Терпеть не могу плавать на маленьких пароходишках!

— А мне интересно, — откликнулась Джейн. — Да, с какой стати мы вообще едем к ним в гости?

— Неважно.

— Мистер Гедж тебе не такой уж великий друг.

— Гедж! — фыркнул сенатор. — Геджа я на дух не переношу! Говорит, видите ли, что у него пятерка из девяти, а я собственными глазами видел — сделал нибликом[4] всего четыре удара по лунке!

Сенатор примолк, погрузившись в жестокие, еще не зажившие обиды.

Пэки поймал себя на теплых чувствах к неведомому Геджу. Человеку, который попытался надуть сенатора Опэла, наверняка свойственны предприимчивость и воля.

— Так что же, тебе нравится миссис Гедж?

— Ну, знаешь! Эта зануда! Чума настоящая! Представляешь, с чем ко мне пристала? Чтоб я сделал ее пучеглазого муженька американским послом! Эту помесь полоумной рыбы с туберкулезным микробом. Ну, с этим я как будто разделался. Отправил ей позавчера письмо. Пространно

объяснил, что человек, не умеющий толком сосчитать свои удары в гольфе, вряд ли достоин представлять мою страну в столице великой дружественной державы. Пусти-ка такого субъекта в Париж, и узнаешь, что он замарал репутацию Америки. Его тут же вышлют за то, что он надувал французского президента в триктрак.

— Тогда зачем же ехать к ним в гости? Даже неловко!

— Едем, и точка!

Это категоричное заявление повергло в уныние прелестную Джейн. Она закусила нижнюю губку, являя подавленность духа. Пэки захотелось взять ее маленькую ручку, по-дружески, разумеется, и сказать, чтобы она не унывала.

— Давно пора, чтобы кто-то показал этой дуре, — храбро заявил сенатор, — что деньги могут не все! Да-с!

Тут Джейн разразилась потоком красноречия, словно бы словечко «деньги» нажало в ней какую-то кнопку.

— Деньги! Хотела бы я, чтобы их вообще не было! Один мой знакомый говорит, что деньги губят душу, и я с ним полностью согласна. Он говорит, важен только талант, и по-моему, он прав! Если я когда-нибудь выйду замуж, то хочу, чтобы муж у меня был интеллектуальный и одухотворенный. Чтобы он писал замечательные книги! Чтобы другие интеллектуальные люди уважали бы его за ум! Чтобы у него была великая душа! Пусть у него не будет ни гроша, мне все равно, так даже лучше. Выходить замуж надо за бедных. Вот Констанс Байглоу вышла замуж за художника и говорит, это просто чудесно, сразу начинаешь ценить всякие маленькие радости. Она просто убеждена, что за богатых выходить глупо! Одна девушка вышла за богатого и страшно страдает. Я считаю, важно одно — любовь! Ну, то есть, если ты выходишь замуж за художника с великой чистой душой.

— А как насчет лакея? — перебил сенатор.

Крутая смена темы сбила Джейн с толку. Она едва коснулась излюбленной темы, не успела разойтись, и пришлось замолкнуть так резко, будто отец хлестнул ее по губам мокрым полотенцем.

— Л-лакея?

— Ну да! Я ведь просил тебя зайти в агентство по найму и нанять мне камердинера.

— Ах, да! Да! Они обещали прислать круглого человека.

— Что значит — круглого? Почему — круглого?

Пэки тоже слегка удивился. Он в жизни не слыхал, что толщина столь важна для камердинера.

— Ой, нет! Пришлют человека, чтоб ты его кругом осмотрел, со всех сторон.

— А, ладно. Все равно еще один недоразвитый придурок явится.

Внезапно, скрипуче подвыв, сенатор Опэл умолк. Так скрежещет пластинка на патефоне, когда по ней проелозит игла. Он первый раз толком взглянул на себя в зеркало и мгновенно пал духом. У него вырвались слабые булькающие звуки, лицо налилось темным пурпуром. После мгновения, когда время будто замерло по стойке «смирно», сенатор подскочил и глянул на Пэки налитыми кровью глазами.

Чувства его Пэки вполне понимал. Мало того — сострадал им. Сам он был новичком в парикмахерском деле, да еще и отвлекался на разговор отца с дочерью, и урон благородной седой шевелюре нанес изрядный. Подкоротить-то он ее подкоротил, но края свисали рваной бахромой, и, хотя стрижка смотрелась очень живописно и оригинально, вполне возможно, она не всякому понравится с первого взгляда, особенно человеку ортодоксальных взглядов.

При всем своем сочувствии, глупой бравадой Пэки не отличался; а потому, бросив мимолетнейший из взглядов на закипающего сенатора, незамедлительно ринулся к ближайшему выходу.

— Эй! Эй, вы!

Пэки резко затормозил. Тормозить ни малейшего желания у него не было, но такой рык остановил бы и шотландский экспресс.

— Посмотрите, что вы натворили! Идиот безрукий!

— Папа, тише!

— А? Что? Ты посмотри, что он натворил! — гремел сенатор, крутя головой из стороны в сторону, чтобы Пэки сумел уловить все оттенки игры света и тени. — Я прикажу, чтобы вас уволили! И это называется парикмахер?!

Обстоятельства складывались так, что спасти могло лишь чистосердечное признание. Пэки надеялся, что успеет улизнуть прежде, чем возникнет необходимость утомительных объяснений, но — не успел. Пришлось выкладывать все честно и открыто.

— Рад, что вы об этом упомянули, — заметил он. — Нет, не называется.

— Что?!

— Видите ли, так получилось, что я и сам дожидался в парикмахерской, когда вы позвонили. Парикмахеров в зале не было, и никакой надежды, что они появятся, — тоже. Вот я и закрыл брешь собой. Знаете, броситься в прорыв — поступок храбрый.

Дикий бессловесный звук вырвался у сенатора Опэла. Он начал наступать на Пэки, глаза у него зловеще горели, руки подергивались — и тот, кто три года бестрепетно встречал массированные атаки футболистов из Гарварда, Принстона, Нотр Дам и других университетов, припустился, уже не скрываясь, с поля боя. Как-никак, сенатор Опэл среди университетских игроков не числился.

Дверная ручка услужливо скакнула под пальцы Пэки, и, повернув ее, он выскочил. Только в лифте перевел он дух и вытер вспотевший лоб, испытывая все чувства кролика, только что ускользнувшего от чрезмерно рассвирепевшего удава.

Пэки обнаружил, что в его владении еще находится собственность отеля, а именно ножницы. Простыня, припомнилось ему, осталась валяться на полу люкса. Конечно, можно было бы вернуться и забрать ее, но такое желание как-то не возникало. Он забежал в парикмахерскую, положил ножницы на край раковины, опять отер лоб и стал подниматься в вестибюль.

Там уже сидел Блэр Эгглстон, поглядывая на часы.

4

Был Эгглстон невысокенький, тщедушненький, но так, ничего себе, симпатичный, если вам нравятся бакенбарды и усики, похожие на пятна сажи. Сейчас он нервничал. Усики были невелики, но он терзал их, какие уж есть. Пэки он окинул стеклянным взглядом.

— Привет! — с излишней бодростью воскликнул тот. — А вот он и я!

— Простите?

— Боюсь, припоздал немножко…

— Простите?

— Беатриса сказала, вы будете ждать меня без четверти пять, но пришлось тут встретиться с одним человеком, насчет его стрижки…

— Беатриса?

— Леди Беатриса Брэкен.

— Так что она сказала?

— Что вы будете…

Пэки умолк, заметив, что, к несчастью, новый знакомый не обращает на него внимания. Неужели этот Блэр всегда такой? Если да, заложить фундамент великой дружбы, о которой мечтает Беатриса, будет нелегко.

— Я часом не спутал? — проверил Пэки. — Мы с вами встречаемся и

пьем чай?

Глаза Эгглстона внезапно утратили стеклянность. Он напРягся, как сделавшая стойку собака, и судорожно схватился за рукав Пэки.

— Ах! Вот она!

Пэки, следуя за его взглядом, увидел, что лифт привез пассажиров. Среди них — сердце у него неприятно екнуло — он узнал и дочку своего недавнего клиента. Направлялась она прямиком к ним, и Пэки овладела глубокая убежденность, что чем скорее он уберется отсюда, тем лучше.

— Рад познакомиться, — торопливо пробормотал он, — но только что вспомнил, у меня крайне важная…

Его попыткам удрать мешало то, что Блэр, очевидно, бессознательно, все еще удерживал его рукав с цепкостью краба.

Девушка подходила все ближе, и Пэки разглядел, что ее прелестный лобик нахмурен. Он сделал новую, опять безуспешную, попытку выдраться.

— Мне действительно нужно…

— Джейн! — вскричал Блэр. — Как ты долго!

Она не ответила. Ее внимание занимал только Пэки.

— Вы!

Наверху, в люксе сенатора, Пэки не удалось точно определить цвет ее глаз. Они казались ему то черными, то темно-синими. Теперь он вполне мог решить этот спорный вопрос. Они находились всего в шаге-другом от его собственных, и он увидел, что они синие, а сделаны, насколько он понял, из расплавленного огня.

— Вы! — повторила девушка.

Вообще-то подходящего ответа на словечко «Вы!» не существует. Пэки и пытаться не стал подыскивать.

— Не знаю, кто вы, но, может, вам любопытно будет узнать, что вы погубили мою жизнь!

Пэки попросил ее не говорить так. Просьба преглупая — ведь она уже сказала. А что, собственно, также спросил он, она имеет в виду?

— Я вам объясню, что! Мы с Блэром помолвлены, но папа пока что ничего не знает. Я зашла к нему, чтобы улестить его, привести в хорошее расположение духа, прежде чем Блэр сообщит ему эту новость. А тут вы! Выкинули свой идиотский трюк со стрижкой! И папа рассвирепел как шершень.

— Ничего не понимаю! — изумился Эгглстон.

— Поймешь! — зловеще пообещала Джейн.

Лицо Блэра, и в обычное время отличавшееся легкой

интеллектуальной бледностью, побледнело совсем, словно молодому романисту поручили роль Короля бесов в пантомиме и с этой целью нанесли легкий зеленоватый тончик. А нижняя челюсть безвольно отвисла умирающей лилией.

— Ты хочешь сказать, чтобы после этого я шел просить согласия твоего отца на наш брак?

— Да.

— Но ты же сама говоришь — он в крайнем расстройстве…

— Рвал простыню на клочки, когда я уходила, — подтвердила Джейн.

И обернулась на Пэки так свирепо, что тот отскочил на добрый фут. За минуту до того он намеревался сгладить свой опрометчивый поступок, объяснив, что то была внезапная причуда, каприз, но, вглядевшись в Джейн, решил — нет, не стоит.

— Простыню рвал? — переспросил Блэр. — На клочки?

— Мелкие-премелкие.

— Я дико извиняюсь, — пробормотал Пэки.

Джейн поинтересовалась, какой прок в извинениях, пусть даже и диких, и Пэки — хоть убейте — объяснить не сумел. Он молчал, меланхолично потирая горящее пятно на щеке, куда упирался ее взгляд.

От участия в развернувшейся дискуссии Пэки воздержался. Влюбленные принялись жарко обсуждать различные черты его характера, мешавшие ему достичь идеального совершенства, а в подобных случаях человек воспитанный в разговор не влезает. Наоборот, он постарался погрузиться как можно глубже в собственные мысли, главным образом ради того, чтобы не слышать своего словесного портрета, который не без блеска набрасывала Джейн, а погрузившись, увидел, что зло, пожалуй, можно загладить до некоторой степени.

— Послушайте, — вклинился он в паузу (даже самые одаренные критикесы не в силах разглагольствовать бесконечно, им тоже нужно сделать паузу, чтобы набрать воздуха). — Может, я и слабоумный, категорически отрицать не стану, но вы послушайте только минутку. Кажется, я сумею вам помочь.

Возможно, просьба его так и осталась бы без отклика, но внезапно Джейн, молча вглядывавшаяся в его лицо, придумывая, что бы еще выдать эдакое, задала встречный вопрос:

— А вы, случайно, не Пэки Франклин?

— Да, он самый.

— То-то я старалась вспомнить! Я сразу подумала, еще наверху. Лицо знакомое, но никак не вспоминалось, кто вы. Я видела, как вы забили гол

Нотр Даму. Ух, вот это был мяч!

Вся злость у нее улетучилась. Она явно считала, что установление его личности придает всему делу совершенно новую окраску. То, что для обычного человека — чистое безумие, у героя-футболиста сходит за озорство и эксцентричность.

— А помните, вы так как-то вильнули вбок, и этот тип пролетел буквально в дюйме от вас?

— Мне повезло, — скромно отозвался Пэки.

— У-ух! Я тогда охрипла на несколько недель.

И тон ее, и поведение дышали приветливостью. Блэр Эгглстон, напротив, держался по-прежнему враждебно.

— Не вижу, — холодно проговорил он, — как способность мистера Франклина бегать и… вилять влияет на обсуждаемый случай.

— Да, верно, — согласилась Джейн, вспомнив о причиненном ей ущербе. — Вернемся к делу. Что вы такое говорили? Вы сможете нам помочь?

— Могу подбросить Эгглстону несколько советов. Я ясно вижу, как он думает обработать вашего папу. Будет лебезить, пресмыкаться… Ни в коем случае! Просить у отца руки его дочери — сущая ерунда. Нужно только правильно взяться. Тут нужен напор, нужна самоуверенность…

— Да, Блэр, верно, верно!

— Взгляните на меня. Я выступил против графа! Как же я себя вел?

— Против какого?

— Неважно. Но если вам так уж нужно знать, против фа-фа Стейблфорда. А уж он-то крепкий орешек, вам любой в Дорсетшире скажет. Ну, так вот, врываюсь к нему как пуля, хлопаю по плечу и кричу: «Привет, фаф! Я женюсь на вашей дочке! Тихо, тихо!» Вот так вот.

Блэр заметно вздрогнул.

— И сработало? — полюбопытствовала Джейн.

— Еще как! Просто колдовство! С тех пор старикан покорен и послушен. Ест, можно сказать, из рук.

— Мне так не суметь, — пролепетал Блэр.

— Да что ты, еще как сможешь.

— Конечно, сможете, — подтвердил Пэки. — Выпейте только сперва пару рюмашек. А еще лучше — три!

— Ну да! А папа унюхает. Разве вы не слышали, он ярый сторонник сухого закона? Если решит, что Блэр пьет, то прикажет, чтоб его укокошили и сбросили в Темзу лунной ночью.

Пэки ненадолго призадумался.

— Так-так. Ладно, тогда пойдите и скажите, что вы — друг мисс Опэл. Она пожаловалась, что я испоганил вам прическу, а вы так разозлились, что поколотили меня до потери пульса.

— Тогда папа проникнется к тебе благодарностью, — растолковала Джейн.

— Симпатией воспылает, — пояснил Пэки. — А когда облапит вас и воскликнет: «Мой герой!», вот тут-то вы и ввернете радостную весть.

— Хм… — промычал Блэр.

— Или вот еще метод. Притворитесь, будто вы влиятельный член английского Общества Трезвости, и выудите у него десять долларов. А потом и приступайте. Такой метод, в любом случае, вам хотя бы десятку обеспечит.

— В общем, — решила Джейн, — тебе пора действовать! Какой толк стоять тут и ничего не предпринимать? Может, папа уже поостыл.

— Наверняка, — поддакнул Пэки.

— Ступай наверх, Блэр, и покончи с этим делом!

— А если даже потерпите неудачу, — заметил Пэки, — что ж такого? Еще одна могилка среди холмов, и все дела!

5

Уход Блэра Эгглстона несколько поостудил атмосферу. До этого момента беседа была напряженной, и участники ее стояли. Теперь Джейн позволила проводить себя в нишу, где два-три кресла предлагали комфорт и уют. Опустившись в одно из них, она кинула заинтересованный взгляд на Пэки.

— Как забавно, что мы вот так встретились!

— Жуть, как забавно! — согласился Пэки.

— Понимаете, вы ведь были идолом моих девчоночьих мечтаний!

— Да уж, я тогда был в расцвете! Поманишь пальцем — и все, сердце разбито.

— Я ходила на футбольные матчи и обожала вас. Вы-то умели показать этим грузчикам!

Правильно догадавшись, что под «грузчиками» она подразумевает студентов Гарварда, Принстона, Нотр Дама и других интеллектуальных центров, Пэки застенчиво улыбнулся.

— Ну, сейчас у вас идолы другие, — сказал он. — Помельче и помозговитее. Кстати, любопытно, как там дела у Эгглстона. Сейчас,

наверное, уже нажимает на звонок, а ваш папа кричит: «Давайте! Давайте!» Очень любопытная манера, сразу вспомнишь гориллу, колотящую себя по груди.

— Папа у меня крепкий орешек, — тревожно свела брови Джейн.

— Не мне его критиковать, — чопорно поджал губы Пэки, — но одно скажу. Если он вздумает пригласить меня в пустынный переулок, суля показать свои ценные марки, я откажусь. Твердо и бесповоротно!

— Знаете, я и не подозревала, что он такой людоед, — сказала Джейн. — Последние два года мы редко виделись. Я жила в Париже, заканчивала там школу. Может, не надо было посылать к нему Блэра?

— А Блэр застрахован?

— Понимаете, папа точно знает, за кого мне выходить замуж. Оттого мы и хранили все в глубоком секрете. Папа мечтает, чтобы я сделала блестящую партию.

— То есть вышли за графа?

— Сейчас — скорее за виконта. Папа везет меня в гости к неким Геджам. Они живут в Бретани, в замке, а он принадлежит французской виконтессе. Я почти уверена, что едем мы из-за ее сына — он будет там гостить. Папа хочет познакомить нас. Собственно, он так и сказал сегодня утром. Иначе уж и не знаю, зачем еще ему ехать в дыру вроде Сен Рока.

— Сен Рок? А этот тип, за которого ваш папа хочет вас выдать, уж не виконт ли де Блиссак?

— Да. А что, вы его знаете?

— Говорил с ним только сегодня. Ну уж тут я точно могу дать вам ценный совет. Ни в коем случае! И не вздумайте! Ничего не хочу сказать дурного о старике Вике. Как компаньон для веселых вечеров в большом городе… он незаменим. Но, будь я девушкой, я ни за что не вышел бы за него замуж! Люблю его как брата. Но он… как бы выразиться… первый претендент на конкурсе «ЗНАТОК ФРАНЦУЗСКИХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ». По-моему, Нью-Йорк до сих нор судачит про него. Даже для кругов, где гордятся тем, что не прочь отпустить тормоза, его развлечения чересчур уж бурные. Нет-нет, моя дорогая, и не думайте выходить замуж за виконта!

— Да я и не собираюсь. И не называйте меня «дорогой». Замуж я выйду за Блэра.

Пэки не хотелось ее огорчать, но он не удержался от взгляда, полного сомнений.

— Это вы так думаете. Мне опыт подсказывает, что в нашем мире никогда точно не знаешь, за кого выйдешь. Я, например, когда-то думал, что женюсь на девице из кабаре по имени Мертл Блэндиш.

— Вы были с ней помолвлены?

— Еще как! Все честь по чести. А потом, в один прекрасный день, получаю письмецо, где она сообщает, что уехала с другим мужчиной, не то Скоттом, не то Поттом или даже — почерк у нее неразборчивый — с Боттом. Вот вам и доказательство!

Однако теперь я понимаю: в моем случае повезло всем, кроме разве бедняги Ботта. Ничего девица, вполне, но по натуре — женский вариант Вика. Мы бы с ней не ужились. Вот подумайте: она ложилась спать не раньше пяти утра. Где же домашний уют?

— А теперь вы помолвлены с дочерью лорда Стейблфорда? Да, это шаг наверх.

— Именно. И в социальном плане, и в духовном. Более одухотворенных девушек, чем Беатриса, просто не бывает.

— Ее как зовут? Беатриса… а дальше?

— Брэкен.

— Случайно, не леди Беатриса Брэкен? Я видела ее снимки в газетах. Она очень красивая.

— Красивая? Не то слово! Вы когда-нибудь видели Грету Гарбо?

— Да.

— А Констанс Беннет?

— Да.

— А Норму Ширер?

— Конечно, видела.

— Так вот, смешайте всех троих, и кого получите? Беатрису!

— И вы правда так говорили с лордом Стейбфордом?

— Э… может, не буквально такими словами. Но был с ним тверд. Да. Крайне тверд.

— А он пресмыкался?

— Буквально за брюки цеплялся. Но, конечно, я все-таки богат. Может, это помогло.

— У Блэра денег почти нет.

— Мне говорили, что сведущие люди считают его лидером молодых романистов.

— Он и есть лидер. Но пишет такие книги, какие почти никто не читает. Понимаете, он — выше обычных людей. В общем, он за свои романы почти ничего не получает.

— На что же он живет?

— У него работа на радио.

Пэки заинтересовался. Он любил иногда вечерами послушать радио.

— Это не он говорит, приветливо так: «Доброй ночи всем! Доброй ночи!»?

— Нет. Он…

— А-а, понял. Он ведет беседы о биржевых ценах.

— Нет. Блэр шумит.

— Как это, шумит?

— Ну, играют, например, скетчи, где нужны разные шумы, а Блэр их и воспроизводит.

— Ага, ясно! Кто-то крикнет: «Ура, вот идет королевский телохранитель!», а Блэр и прошумит «топ, топ, топ». Да?

— Да. И всякое другое. Он очень искусно подражает всему. Очень похоже.

Пэки покивал.

— Так-так, теперь мне понятно, отчего вы рветесь за него замуж. Дома никогда не будет скучно, если муж в любой момент сумеет погудеть, как клаксон, или там издаст призывный писк хлопкового долгоносика. Вы считаете, что ваш папа разделит такую точку зрения?

— Папа ужасно меркантильный. Слишком много думает о деньгах.

— А Эгглстон как раз сейчас выкладывает ему, что лично у него — ни гроша. Скажите, сколько диких кошек ваш папа перегрызает за минуту?

Вопрос ей как будто не понравился.

— Ну что вы такое говорите!

— Прошу прощения.

— Может быть, они прекрасно поладят.

— Да, все бывает.

— Если папа сразу не согласится, может, Блэр все-таки понравится ему, и он даст ему хорошую работу…

— Подражать хлопковым долгоносикам?

Когда Джейн, развернувшись в кресле, пронзила Пэки взглядом, в глазах ее полыхнул огонек прежнего пламени.

— А у вас, я вижу, ухо — как лопух!

— Старое футбольное увечье.

— Хотите, чтоб и другое таким стало?

— Нет, что вы, что вы! Спасибо!

— Тогда не смейте так шутить. Блэр — изумительный человек, а шумы он изображает оттого, что книги его слишком умные, и публика их не покупает. Критики называют его романистом грядущего!

— Да, вон он грядет.

Внезапно возникший в вестибюле Эгглстон стоял, оглядываясь туда-

сюда, в поисках своей исчезнувшей леди. Даже на расстоянии было видно, что он ошарашен.

— Ну, хотя бы цел, на составные части не разобран, — прокомментировал Пэки. — А где следы зубов — незаметно. Может, ваш папа растерял боевой задор?

— Он какой-то, как в дурмане. Интересно, что там произошло?

Джейн громко окликнула Блэра, и романист грядущего, наконец узревший ее, двинулся к ним, заплетая ногами, не то как человек, испытавший жестокое душевное потрясение, не то как человек, получивший удар под дых.

— Ну? — накинулась на него Джейн. — Ну как?

— Послушай… — Блэр заморгал.

— Что случилось?

— В общем, вошел я…

— А дальше? Дальше?

— Увидел твоего отца…

— Вряд ли его можно проглядеть, — вставил Пэки, — номер обычных размеров. Я тоже, как вошел, сразу увидел вашего папу, отчетливо так. Ну, как там у него дела с простыней? Продвигаются?

— Да замолчите вы! — прикрикнула Джейн не хуже папы-сенатора, что могло бы заинтересовать ученого, исследующего вопросы наследственности. — Блэр! Прекрати наконец мямлить и заикаться, и скажи толком, что случилось?

Огромным усилием воли Блэр взял себя в руки.

— Вхожу я, а он стоит посреди комнаты, и не успел я слова вымолвить, как он рявкнул: «Честный? Не пьяница?»

— Честный? Не пьяница? — пискнула Джейн.

— А что? — не удивился Пэки. — Вполне естественный вопрос отца потенциальному зятю. Обычная формальность.

— А ты что ответил?

— Ответил: да — не пьяница.

— И ответ как будто бы правильный, — дал оценку Пэки.

— А потом он спросил, умею ли я заботиться об одежде. Я ответил — да, умею. И тогда он говорит: «Н-да, на вид неказист, но временно взять можно». И вдруг я обнаружил, что твой отец нанял меня в камердинеры.

— Что!

— Как раз то, на что вы надеялись, — заметил Пэки. — Сами же говорили, хорошо бы, если б ваш папа дал Блэру работу. Мечта стала явью! Мальчик выбился в люди!

Джейн сражалась с огорчением.

— Блэр! Почему же ты не объяснил?..

— Не успел. Зазвонил телефон, он велел мне взять трубку. Звонила та самая миссис Гедж, к которой вы едете. Из вестибюля. Хотела с ним встретиться. Ну, он велел мне уйти, и я ушел.

Новая информация на минутку отвлекла Джейн от животрепещущего вопроса.

— Миссис Гедж? А ты уверен?

— Вполне.

— Интересно, зачем это она сюда прикатила? Надо пойти спросить у папы, — задумалась она, но тут же отмела эту тему.

— Что же ты, так взял и ушел?

— Он сказал напоследок, что я должен ждать его завтра у поезда, на вокзале Ватерлоо.

— Да это ж расчудесно! — Пэки повернулся к Джейн, которой, по всей видимости, требовалось ласковое слово. — Разве вы не видите, как все распрекрасно складывается? Вам ведь хотелось, чтобы Блэр был с вами в Сен Роке? Ну, теперь и будет! И даже в одном доме с вами. Сможете украдкой встречаться. Ворковать поверх воскресных брюк сенатора, пока Блэр их чистит.

— Ой, а ведь и правда! Я и не подумала!

Несмотря на все испытания, заносчивый дух Эгглстонов угас в Блэре еще не до конца. Смотрел он недоверчиво и с немалым негодованием.

— У тебя что, сложилось впечатление, будто я и вправду поеду в Сен Рок в качестве камердинера твоего отца?!

Глаза у Джейн сияли. Подбородок, унаследованный по фамильной линии Опэлов, решительно вздернулся.

— Вот именно! — твердо отвечала она. — Ну, Блэр! Это же замечательно! Ты будешь рядом с папой, он тебя полюбит. А потом, когда созреет время, я подойду к нему и скажу: «Ты знаешь своего камердинера. Так вот — это тот самый человек, за которого я хочу выйти замуж!» А он ответит: «Ну и прекрасно! Он понравился мне с самого начала». И все будет расчудесно!

— Нет, все-таки…

— Блэр! — перебила Джейн. — Я не обсуждаю. Я приказываю.

Пэки поднялся. Ему показалось, что сейчас тактичнее всего удалиться. Блэр Эгглстон походил на молодого романиста, которого только что огрели по голове мешком песка. То есть — на всех английских романистов, с тех времен, когда первый молодой англичанин написал первый роман. По

мнению Пэки, тут нужно спокойно, обстоятельно разобраться в ситуации вдвоем с возлюбленной, без третьих лиц.

— Поздравляю вас обоих, — произнес он, — со счастливым разрешением дела. Вы дадите мне знать, как развернутся события? Видите ли, я испытываю естественный родительский интерес к молодой паре. Найдете меня в отеле «Девонширский дом».

— А вам уже надо уходить?

— Боюсь, что да. Мне нужно постричься. Моя невеста считает, что волосы у меня длинноваты. В своей прощальной фразе, когда поезд уже тронулся, она поэтично сравнила меня с хризантемой.

— А по-моему, вам очень идет.

— Конечно. Идет. Но вы же знаете, каковы женщины! Стрижку я рассматриваю как свой священный долг.

Пуская пузыри, Блэр вынырнул из трясины отчаяния.

— Да не умею я служить камердинером!

— Это легче легкого! — заверил Пэки. — С вашими-то мозгами! В минуту научитесь. И всего-то, складывать да чистить, чистить да складывать. Да, не забывайте приговаривать: «Да, сэр», «Нет, сэр», «Правда, сэр?», «В самом деле, сэр?», «Слушаюсь, сэр». А-а, еще одно. Не увлекайтесь чисткой одежды. Знавал я одного типа, которого уволили за то, что он чересчур налегал на чистку.

— Какое безобразие! — воскликнула Джейн. — Почему же?

— Однажды он вычистил заодно десятку из кармана, — объяснил Пэки.

6

По мнению Гордона Карлайла (к нему, не забывайте, присоединился Суп Слаттери), женщины — созданья жестокие. Пэки, вернувшись к себе после посещения парикмахера, вынужден был прийти к такому же выводу.

Тяжким бременем висел на нем приказ Беатрисы оставаться в Лондоне. Его так и подмывало сорваться куда-то. Взяв журнал яхтсмена, он стал перечитывать рекламу, о которой рассказывал на вокзале. Настоящая поэма в прозе.

«СДАЕТСЯ В ПРОКАТ моторный ялик «Летящее Облако», 45 футов в длину, 39 футов по ватерлинии, 13 футов бимс. Есть радиосвязь; мощность — 40 лошадиных сил. Универсальный мотор, скорость до 8 миль в час.

Спальные места для четверых, большой кубрик, хорошее междупалубное пространство; паруса и оснастка в отличном состоянии. Яхта полностью экипирована всем необходимым, включая кухонные принадлежности, столовое серебро и пр.».

Пэки тоскливо вздохнул. Такой рекламой, считал он, не стоит дразнить молодого человека, чья невеста настрого приказала ему оставаться в Лондоне и посещать концерты.

Когда он отбросил журнал, чтобы не терзаться мукой от вида всяких яхт, шлюпов и плоскодонных, с опускным килем шхун, затрезвонил телефон. Пэки подошел, готовый развеять тоску, наговорив резкостей тому, кто посмел вторгнуться в его печали, но тут же, узнав Джейн Опэл, сменил гнев на милость.

Ему, человеку общительному, почти все люди нравились с первого взгляда, но никто еще, насколько он мог припомнить, так сильно не нравился с первого взгляда, как эта Джейн.

Было в ней что-то такое, что он отметил, даже когда она отчитывала его самым натуральным образом; на что отозвались — разумеется, платонически — самые глубины его души. Как много у них было общего! Мысль, что она безоглядно бросается в объятия такого хиляка, как этот Блэр, огорчала его несказанно. Не то чтобы это что-то значило лично для него, но все равно обидно.

— Алло! — приветливо откликнулся он.

— О, мистер Франклин!

Пэки сразу понял — что-то случилось; она очень волнуется. Да, она булькала, мямлила и поскуливала, и так невнятно, что ему пришлось высказать мягкий протест.

— Возьмите себя в руки! Я ничего не понимаю!

— Но я же рассказываю!

— Хм, да? Тогда помедленнее, пожалуйста.

— А теперь — разборчиво?

— Да.

— Ну так слушайте! — На другом конце провода шумно сглотнули воздух; Джейн явно брала себя в руки.

— Вы слушаете?

— Да.

— Ох, с чего ж начать? Помните, когда вы стригли папу, он упомянул о письме?

— Не пропустил ни словечка. Он решил ни за что не делать мистера

Геджа послом во Франции и написал об этом миссис Гедж.

— Правильно. — Новая пауза. — Ой, я трясусь, как желе!

Пэки пришло одно соображение. Он вспомнил, что звонила миссис Гедж, перебив беседу Блэра с сенатором, из тамошнего вестибюля.

— Миссис Гедж поднялась и огрела вашего папу зонтиком?

— Нет, нет, нет! Ничего подобного! Да слушайте вы! Начну-ка лучше сначала. Папа послал письмо миссис Гедж…

— Так.

— Но послал он не ей! Ну, то есть с той же почтой он отправлял письмо своему бутлеггеру в Нью-Йорк, ругая его за последний счет… Да, да! Бутлеггеру, торговцу спиртным… И что же папа натворил? Взял и перепутал конверты! Так что к миссис Гедж попало бутлеггеровское письмо, а ее письмо сейчас на пути в Нью-Йорк!

— Господи! Не может быть!

Пэки был просто ошарашен. Его пробил благоговейный трепет при мысли, что сенатор Амброуз Опэл, этот бесстрашный деятель, завоевавший миллионы трезвенников, рискнул в частной жизни потреблять не только безалкогольные напитки. Тут ощущается дух… дух… ну, конкретно сформулировать, что тут за дух, нелегко, но наверняка какой-то дух все-таки есть. Словом, Пэки захотелось похлопать сенатора по спине и заверить, что он здорово его недооценивал.

— Вы все поняли? — тревожно спросила Джейн.

— До последнего словечка!

— Так слушайте дальше. Когда я вошла в номер, миссис Гедж только что ушла, а папа сидел весь багровый. В жизни не видела папу таким багровым. Должна сказать, он, бедняжечка, имел на это полное право. Представьте, какой позор!

— Да уж…

— Он рассказал мне все. Миссис Гедж пообещала, что разоблачит его. Если он не сделает Геджа послом во Франции, она передаст письмо в газеты, и вся Америка узнает, что он пользуется услугами бутлеггера. А это, абсолютно точно — конец его политической карьере. Сами понимаете, он держится только на Сухом Законе. Если такое письмо опубликуют в газетах, он погиб. Миллионы людей голосовали за папу, твердо веря, что он не пьет ничего крепче лимонада. Да если узнают про спиртное, его попросту пригвоздят к позорному столбу! Вот что случилось! По-вашему, этого мало?

— Нет, вполне хватает, — не стал спорить Пэки.

На другом конце провода опять раздалось поскуливание.

— Прекратите! — сказал он.

— Что именно?

— Перестаньте поскуливать, будто целая корзинка щенков.

— А я поскуливала?

— Именно.

— Понимаете, я очень страдаю.

— Я тоже. Но обратите внимание, как четко и ясно я выговариваю слова.

— Послушайте…

Возникла пауза. Видимо, Джейн опять сурово обуздывала себя.

— А вот самое интересное, — объявила она.

— С увлекательностью первого акта уже ничто не сравнится.

— Нет, правда, это еще интереснее. Понимаете, когда папа рассказал мне про все, я вдруг увидела, что я ведь получаю шанс подобраться и к своей проблеме. Да, это нелегко. Вы бы поняли сами, если б увидели папу — стоит весь багровый и перечисляет, что сотворил бы с миссис Гедж: содрал бы с нее кожу, подсыпал отравы в суп и так далее. Так вот, папе досталось столько, что больше ему уже и не вынести. Но я вспомнила про Блэра, как сильно его люблю, и, закрыв глаза, ринулась в атаку. Сказала папе, что тайно помолвлена с замечательным человеком.

— А вы упомянули, что в данный момент он служит у папы камердинером?

— Нет. Я подумала, что это будет неумно.

— И правильно.

— В таких делах надо действовать осторожно.

— Да, очень и очень.

— Поэтому я только сказала, что обручена с замечательным человеком. А потом и говорю: «Предположим, я исхитрюсь как-то заполучить это письмо обратно от миссис Гедж. Тогда ты согласишься на мой брак?» — и папа ответил, что если я раздобуду письмо, то могу выходить замуж хоть за мороженщика, а он придет плясать на мою свадьбу.

— Что ж, все по-честному.

— Вот так дела сейчас и обстоят. Миссис Гедж еще несколько дней не вернется в Сен Рок, а мы поедем туда завтра. Когда она прибудет, можно что-то предпринять.

— К примеру, что?

— Н-ну, все, что сумеем придумать.

— А вы уже что-то придумали?

— Нет.

— А Эгглстону все рассказали?

— Конечно.

— И что он предлагает?

Джейн чуть запнулась

— Он… м-м… заинтересовался. Понимаете, с ним трудно то, что при всем его интеллекте, натура он артистичная, мечтательная, а в данной ситуации требуется человек энергичный, предприимчивый. Когда я спросила, есть ли у него какие-нибудь проекты, он подергал усы и с туповатым видом ответил, что пока ничего не придумалось. Однако он намерен приступить к раздумьям, в любой момент может что-то выскочить. Я так надеюсь, что выскочит! Конечно, я очень огорчаюсь из-за папы, мне хочется ему помочь. Как замечательно было бы, если б мы с Блэром сумели совершить чудо! Тогда папа сказал бы: «Благословляю вас, дети мои!». Ох, я была бы такая счастливая! До свидания, мистер Франклин. Мне пора бежать, ведь считается, что я переодеваюсь к обеду. А я подумала, вам интересно узнать, что произошло. До свидания!

Раздался щелчок. Джейн повесила трубку.

Через несколько минут после того, как Пэки выслушал историю, трепещущую девичьими надеждами и страхами, он все еще стоял у телефона, глядя в пространство. Походил он на человека в трансе. В него можно было бы втыкать булавки, и то он вряд ли заметил бы.

Вдруг у него вырвался гулкий стон. Если раньше его раздражала перспектива жизни в Лондоне, теперь она стала и вовсе невыносима, точно сидишь на боксерском матче, а перед тобой в самый острый момент вырастает стена вскочившей публики.

Его сжигали недоумение и гнев. Сидит, как прикованный, в этом захолустном городишке, в дали дальней от напряженнейшей человеческой драмы! Поистине, жаворонок в клетке! Бес недовольства, подзуживавший его и прежде, стал действовать куда энергичнее. Пэки был из тех, кто просто не может оставаться за границами событий. А сообщение Джейн доказало, что сейчас живой, пульсирующий центр всех событий — это Шато «Блиссак», Сен Рок, Бретань.

Однако Беатриса велела ему оставаться в Лондоне! Слово Беатрисы — закон.

И все же…

Пэки встрепенулся. Поведение его стало целеустремленным, как у человека, принявшего великое решение.

Посудите сами: Беатриса, приказывая ему оставаться в Лондоне и посещать концерты, не могла предвидеть, что возникнет такая ситуация. Если вкратце, то ему преподносят случай помочь счастью двух молодых сердец. Разве она хотела бы, чтоб он пропустил такую возможность? Какая чепуха!

Вдобавок, она сама же дала ему строгий наказ — прилепиться примочкой к Блэру Эгглстону. Так? Да, вне всяких сомнений. Единственный же способ прилепиться к Блэру — это поехать во Францию.

Весь тон этой прекрасной девушки подсказывал ему, насколько необходимо там его присутствие. Даже она, любившая своего жениха, поняла, что толку от него в возникшем кризисе нет. Все, что было рыцарственного в Пэки, бунтовало при мысли, что бедной Джейн приходится опираться на эту надломленную трость.

Возможно, Эгглстон большой искусник, когда надо подражать стуку лошадиных копыт, но какая польза от этих достоинств в такой ситуации? Нелепо даже и предполагать, что женщину типа миссис Гедж можно сломить подобными средствами. Стой Эгглстон перед ней хоть битый час, изображая хруст раздавливаемого стекла, или потирая друг о дружку кокосовые орехи, или подражая дальнему грохоту грома, она попросту посмеется над ним. Нет! Тут требуется, как правильно подметила Джейн, человек предприимчивый.

Взяв журнал, Пэки еще раз прочитал рекламу «Летящего Облака», подчеркнул адрес агентов и, подойдя к письменному столу, принялся сочинять осторожное письмо Беатрисе, извещая ее, что, испытывая некоторую подавленность и необходимость сменить обстановку, решил все же отправиться на небольшой отдых и, соответственно, предполагает незамедлительно отплыть на яхте в бретонский городок Сен Рок. Да, он и во французском там попрактикуется — ведь неизвестно, когда это может пригодиться. Каждый человек, писал Пэки, должен знать, помимо своего родного, хотя бы еще один язык, иностранный.

Вынув из конверта уже вложенный листок, он дописал постскриптум: возможно, в Сен Роке есть картинная галерея. Запечатав наконец конверт и наклеив марку, он настрочил записку агентам насчет моторного «Облака», сообщая, что навестит их завтра же, с утра пораньше.

III

В дни, когда Сен Рок был всего лишь рыбацкой деревушкой, в гавани построили небольшой каменный пирс. К нему рыбаки привязывали лодки и раскидывали сушиться на солнышке сети. Сейчас на нем сетей много не увидишь, потому что потомки тех рыбаков в большинстве своем забросили это древнее занятие, предпочтя более выгодное — сдавать свои суденышки в наем туристам. Через два дня после того, как Пэки Франклин отправился в плавание, изящный и гибкий молодой человек с приятным лицом, которое в данный момент портила легкая бледность, стоял на ступеньках пирса, стараясь с помощью болтливого сына моря в высоких сапогах и синем джерси перебраться в гребную шлюпку, весьма ненадежную на вид.

Прибыв в свой родной город, виконт де Блиссак поселился в отеле «Дез Этранжэ». Учитывая, что его ожидали в гости в Шато, это могло показаться и странным, но у него имелись свои причины.

Сегодня был Праздник Святого Рока, и виконт не собирался его пропускать. Вечером он планировал покутить вволю, как и приличествует в столь знаменательный день. А в дом предков успеет и завтра — да и то, если самочувствие окажется лучше, чем он предполагает. Ну, а если хозяин и хозяйка, месье и мадам Гедж, встревожатся из-за его отсутствия, что ж, виконт, который, как мы уже намекали, к жизни и ее проблемам относился беспечно, только пожмет плечами — не повезло им, что поделаешь!

Мотивы же увеселительной прогулки по водам объяснялись и того проще. Говоря, что виконт де Блиссак никогда не бывает трезв, Гедж преувеличил — трезвым виконту бывать случалось, и даже по нескольку часов кряду, однако к веселью у него и впрямь была неодолимая склонность. Накануне вечером, познакомившись с несколькими приятными постояльцами отеля, слово за слово, он провел с ними бурную ночь, отчего утром проснулся несколько подавленным, и ему показалось, что морская прогулка на свежем воздухе поднимет настроение.

Расчет оправдал себя. Энергично загребая веслами, ви-кон* сразу почувствовал себя лучше.

Утро было чудесное, свежий ветер взбивал на волнах пену, рассыпая под солнцем бриллианты на воде гавани. Белели паруса стоявших на якоре яхт, в синем небе с криками носились чайки. Виконт так воспрянул, что даже крики этих птиц, от которых у него поначалу стреляло в висок, стали казаться ему почти музыкальными.

Весело и бодро налегал он на весла, поглядывая вокруг. А поглядывая, приметил, что в нескольких футах от него несется прямо на его лодку моторный ялик с надписью «Летящее Облако». Виконт подался на ярд-другой вбок, и в эту минуту заметил перегнувшегося через борт человека, курившего трубку, а там — с превеликой радостью узнал в нем старого своего приятеля, Пэки Франклина.

Виконт бурно замахал руками, но Пэки и не глянул в его сторону. Виконт помахал опять. Пэки как будто бы и понятия не имел о его присутствии.

Дело в том, что на палубу Пэки вышел подумать и думал теперь так сосредоточенно, что не замечал никаких маханий.

Светлое чувство крестоносца, толкнувшее Пэки к берегам Бретани, несколько потускнело к моменту, когда он бросил якорь в гавани Сен Рок. Пылал и горел он не меньше прежнего, но, помыв посуду после немудрящего завтрака, признался себе: спроси его кто, а что, собственно, он собирался делать, приплыв на место действий, вопрос поставил бы его в тупик.

Сейчас, когда в жизни Джейн наступил кризис, предложить он ей мог только братскую симпатию.

Чтобы совершить для нее что-то практическое, ему необходимо каким-то манером проникнуть в Шато. Однако ни яйца, ни кофе, ни бекон не подбросили ему ни малейшего намека, как это сделать. Если какая блестящая идея не осенит его, шансы спасти деву в беде у него ниже, чем у Эгглстона.

Однако надежда еще теплилась. Он еще не выкурил трубку после завтрака, а трубка, как всем известно, нередко становится источником тонкого вдохновения. Раскуривая ее, Пэки вышел на палубу и, перегнувшись через борт, приказал своим мозгам приступить к работе, спеша посмотреть, что из этого получится.

Пока что не получалось ничего. Он настоятельно попросил мозги сделать еще одну попытку; и тут до него дошел первый намек — старый добрый Вик вновь возник в его жизни. Блиссак, не сумевший привлечь внимания в сидячем положении, решил, что достигнет лучших результатов, если встанет.

И поступил весьма опрометчиво. Возможно, акробату и удалось бы встать в прогулочной лодке и помахать без всякого для себя ущерба, но у виконта не было и начатков акробатического тренинга. Лодку внезапно качнуло, и он, пошатнувшись, свалился на бок, а уж там легко и плавно соскользнул в воду, точно тюлень, показывающий публике фокус.

В десятках соседних лодок сразу же поднялся тревожный гомон. Французы — нация эмоциональная: вместо того чтобы наблюдать за драмой, развертывающейся у них на глазах, в благовоспитанном молчании, они принялись визжать, вскрикивать, подпрыгивать, размахивать руками. Сначала, уловив весь этот гвалт, Пэки решил было, что поблизости случилось разом с десяток убийств, но через несколько минут, случайно взглянув на воду, заметил барахтавшееся там человеческое тело, а всмотревшись попристальнее, узнал виконта де Блиссака.

— Эй-ей! Привет! — крикнул он.

В самом зрелище он не обнаружил ничего удивительного. Что виконт в Сен Роке, ему было известно, а то, что тот плавает в двубортном костюме лиловых тонов, тоже его не поразило. Полтора года назад Пэки едва удержал приятеля, когда тот собирался нырнуть в полном вечернем наряде в знаменитый нью-йоркский фонтан.

А тем самым приветствовал он его скорее с удовольствием, чем с удивлением.

— Привет, Вик! — крикнул он опять. — Ну, как ты там, а? Вику в этот момент было не очень хорошо. Приветствие застигло его врасплох, и он с легким бульканьем исчез под водой. Когда же выплыл, то стало очевидно, что пловец из него никудышный, и Пэки сообразил, что надо немедленно действовать.

Многие мужчины съежились бы при мысли, что нырять придется одетым. Съежился и Пэки. Виконт ему нравился, но не до такой степени, чтобы портить ради него фланелевый, почти новенький костюм. Однако Дух Доброго Старого Времени был в нем достаточно силен, и Пэки спустил шлюпку. Через несколько минут, выудив беднягу из дрейфа, он благополучно водворил его на борт яхты.

Трогательной встрече несколько мешало выуживание потерпевшей крушение лодки — лодки в Сен Роке стоили денег, — так что вернулся Пэки не сразу; а вернувшись, обнаружил, что и виконт в его отсутствие не бездельничал. Сняв мокрую одежду, он облачился в плащ, разыскал бутылку виски, видимо — по нюху, и теперь пил, спасаясь от возможной простуды.

На расспросы хозяина он отвечал бодро:

— Со мной? О, старый Пэки! Со мной большой порядок. Весьма.

Итон и последующие поездки в Англию и Америку позволили виконту де Блиссаку бегло, хотя и не совсем правильно, говорить по-английски. Он придерживался теории, что говорить надо побыстрее, а уж слова сами о себе позаботятся. Эту простую фразу Пэки понял без труда.

Он ласково посматривал на приятеля, как всегда смотрит мужчина на друга, обретенного при драматических обстоятельствах. Они окунулись в приятную беседу.

— А я и не знал, — сказал виконт, — что ты в едешь Сен Рок. Ничего ты мне не говорил на этом Ватерлоо.

— Тогда я еще и сам не знал.

— А что поделываешь тут?

Пэки был настороже. Есть миссии, тайну которых нельзя открывать даже старинному приятелю.

— Да так… Болтаюсь в этих краях. Скажи, Вик, а что с тобой случилось?

— Свалился за борт.

— Да нет! Тогда, полтора года назад. Вдруг исчез из Нью-Йорка. Тебя что, депортировали?

— О, нет. Маман прислала телеграмму, чтоб я на Запад ехал. В Колорадо. Я поехал из Нью-Йорка туда. У меня был большой ран.

— Рана? Ты очень мучался?

— Нет, я хорошо жил. С весельем.

— А как же рана?

— Он там был. Большой такой ран, скоты.

— А-а, доехало! Ранчо! Путаюсь, знаешь, из-за этой твоей привычки переходить на идиш. Но теперь доехало. А почему твоя мама тебя туда послала?

— Прослышала, что я кутеж устраиваю. Она думает, мне нужно лечение отдыхом. Моя маман всегда нечто думает. Поэтому и к Геджам приезжаю в Шато. Это богатые американцы, они сняли Шато. Я полагаю, старый Пэки, маман заставила отвалить их деньжат.

Пэки, присевший на борт, вскочил, будто дерево вдруг раскалилось докрасна. Дрожь восторга вспенилась в нем, объединившись с порицаниями собственной бестолковости. «Вот странно, — подумал он, — что у человеческого мозга, сражающегося с проблемой, обнаруживается любопытная тенденция вечно упускать самое очевидное решение».

До сих пор вопрос о том, как попасть в замок, представлялся ему личным делом, касающимся только его и неведомых Геджей. Как же, гадал он, установить с ними связь, спровоцировать на приглашение? И все время под боком, тут, рядом, находился старина Вик, который может наприглашать столько друзей, сколько вздумается.

— Ты сейчас в Шато живешь?

— Пока нет. Переезду туда скоро… возможно.

— Возможно?

— О, Пэки, ранее никогда не знаем. Если Праздник будет так хороший, как раньше, может, я туда долго не попадаю.

— Праздник? Что за праздник?

Виконт махнул рукой в сторону берега. Маленький городок расцветился флагами, и даже в этот ранний час уже слышался шум беззаботного веселья.

— Сегодня день святого Рока. Города патрон. Празднуют его каждый год. Очень много веселятся. Изо всех их сил, — объяснил виконт, выказывая похвальную терпимость к развлечениям низшего порядка. — Но это не так плохо. Хороший веселье. В прошлом году я почти сломал свою шею, прыгая через стол.

Пэки праздник не заинтересовал.

— Послушай, Вик, — настаивал он. — Будь другом, пригласи меня в Шато, ладно? Я не могу объяснить, но у меня есть особые причины провести там несколько дней.

— О! — снисходительно улыбнулся виконт. — Прекрасная мадемуазель Опэль?

Пэки рассердился. Джейн Опэл — просто знакомая, которой он хочет оказать услугу, не более того. Ужасно досадно слушать подобную чепуху!

— Ничего подобного! Кстати, я помолвлен.

— С мадемуазель Опэль?

— Нет! Не с мисс Опэл! Я же знакомил тебя со своей невестой на вокзале!

— О, так это была невеста? Та красивая, красивая дева?

— Да.

— И ты все-таки приплыл сюда ради мадемуазель Опэль?

Пэки с трудом отказался от идеи стукнуть приятеля по голове кофель-нагелем. Он понимал, что сейчас вести себя с виконтом следует тактично.

— Ладно, неважно. Суть в том, сумеешь ли ты ввести меня в Шато.

— Увы, нет!

— Почему?

— О, мой Пэки, о чем ты просишь — невозможно. Пока я появляюсь в Шато, с Геджами возникает множество недоразумений. Они ждут меня вчера, а я появился послезавтра, притом неточно. Из-за этого Геджи раздражались. Будут словно уксус.

Пэки никак не желал смириться с поражением.

— Ну, все-таки…

— Нет! — решительно ответил виконт. — Невозможно! Не то что

друзей приглашать, мне самому пинка не дадут, очень повезло. Я этих Геджей не знаю, не видывал, но маман говорит, очень высокомерные буржуа. Ты не поверишь, мой Пэки, как меня не любят сразу почтенные буржуа. Может стать даже так: «Здрасьте, месье виконт, входите. Прощайте, месье виконт, убирайтесь!». И я снова проживаю в добром маленьком отеле.

Больше Пэки не спорил. Он был подавлен, вняв доводам приятеля. Виконт, конечно, парень компанейский, но поручитель в обществе отнюдь не самый лучший. Искать помощи надо где-то еще.

— А теперь, — заключил виконт, отбрасывая бесплодную тему, — давай забудем о Геджах этих и Шато, и поболтали о Празднике! Праздник этот, мой Пэки, — великое развлеканье! Помнишь, как в Нью-Йорке ты водишь меня на празднество художников в Вебстер-холл?

Пэки сдержанно кивнул. Эпизод этот он помнил, но тот относился к эпизодам, о которых степенный человек, помолвленный с девушкой высоких идеалов, предпочел бы забыть напрочь.

— И этот праздник в тот же род, только более шумен. Наш великий костюмированный бал. Это назвали карнавал. Весь город — ку-ку. Все напяливают фантастические костюмы всякие. Как у вас говорили, накачаются вдребезину.

Пэки ханжески содрогнулся. Конечно, он понимал, что в мире водятся еще личности, позорящие себя подобным образом, но до чего же гадко слушать про них!

— Тебе, мой Пэки, подвалил счастье, что приехал, и мы так удачно встречалися. Будем сильно гулять.

С Пэки, взглянувшим на виконта, тягаться мог бы только святой Антоний, да и то в самой лучшей форме.

— Ты что же, полагаешь, я туда пойду?

— Нет моего сомнения.

Пэки задумчиво поскреб подбородок, вдруг обнаружив, что новость увлекает его мысли в новое русло.

Бесспорно, в буйном разгуле есть нечто, остро противное для него. Развлечения подобного рода он оставил далеко в прошлом. Но в данном случае надо считаться и с мнением невесты, а она знает великую образовательную ценность всякого жизненного опыта и, скорее всего, сильно подосадовала бы, упусти он возможность понаблюдать такое красочное народное празднество. Огорчать Беатрису Пэки совершенно не желал!

— Праздник этот представляет большой исторический интерес, —

сказал он, — способствует расширению кругозора, верно?

— О, нет! Многие балбесы выпивают вино и куролесничали.

Пэки нахмурился. Ему показалось, что приятель его упускает главное.

— Естественно, такой праздник, — гнул он свое, — отличает теплое старомодное веселье. Если, предположим, человек хочет познать душу Франции…

— О, несомненно, он ее познавает!

— Рассчитывай на меня, — заверил Пэки. — И еще одно. Если ты воображаешь, что меня удастся запихать в маскарадный костюм, то сильно ошибаешься.

— А можно простое нечто, Пьеро, к примерам.

— Ну, нет!

— Пьеро — это ничего особенного…

— Нет и нет!

— А вот я приду в костюме… как уж там называть… маленький такой, зеленый зверушек… бегает еще, мелькает, на солнышке лежит долго…

Пэки удивился.

— Неужели ты хочешь, — проверил он, — нарядиться ящерицей?

— Ящерица! Вот точно! Да, я нарядиться ящерица.

— Надеюсь, на тебя кто-нибудь наступит.

— На этот праздник все наступают на всех. Это часть развлеканий. Итак, мы встречаемся в восемь ноль-ноль в отеле «Дез Этранжэ»? Это большой такой, шикарный дом. Ты увидишь. Рядом с казино. Я нахожусь в баре.

— А уж это и без слов ясно! — заметил Пэки.

IV

Вечером, без десяти восемь, Суп Слаттери вошел в коктейль-бар отеля «Дез Этранжэ», поставил ногу на приступку стойки, тяжело отдуваясь, и заказал сухой мартини. Пыхтел он словно олень, преследуемый сворой гончих.

В Слаттери Праздник Святого Рока нашел неблагодарного зрителя. Духом он не был настроен на праздники и предпочел бы не замечать его. Но если вы оказываетесь в Сен Роке пятнадцатого июля, то праздник накидывается на вас беспощадно.

Веселье под окном у Супа началось в 7 утра, что само по себе способно породить предвзятость, потому что в свободное от профессиональных занятий время он любил здоровый сон и наслаждаться им желал не меньше восьми часов. Затем праздник проник к нему в облике официанта, принесшего кофе. Явился тот в национальном крестьянском костюме, мурлыча вполголоса старинную бретонскую песенку. Весь день преследовал Супа праздник на запруженных народом, распевающих улицах, и теперь загнал в единственно оставшееся разумным местечко — в коктейль-бар отеля «Дэз Этранжэ».

К маскарадным костюмам Суп разделял суровую неприязнь Пэки Франклина. Мужчин, которые облачались в них, он считал слюнтяями, а что касается прекрасного пола, то, по его мнению, женщины лишаются всех притязаний на почтительную преданность, если напяливают широченные клетчатые брюки и расхаживают, посвистывая в свисток. А когда высокопоставленные дамы, которые должны бы подавать пример, накидываются на совершенных незнакомцев с длинными изогнутыми штуковинами, из которых, если в них подуть, вырываются змеи, это уж переходит всякие границы.

Огорчительный случай подобного рода и вынудил его в конце концов поспешить в убежище. Мысли его плыли, словно пух чертополоха, к Шато «Блиссак», к бриллиантам внутри дома, когда эта мерзостная штуковина стукнула его прямо по носу, окончательно выводя из строя нервную систему.

С горькими ощущениями человека, несправедливо преследуемого судьбой, Слаттери обнаружил, что даже в спокойной, почти церковной, атмосфере бара он не совсем защищен. Всего в каких-то трех шагах от него облокотился о стойку молодой человек в наряде настолько странном и

экзотическом, что его, Супа, будто по голове ударили.

Модельеру виконта де Блиссака костюм ящерицы виделся в импрессионистическом стиле, но конечный продукт больше напоминал попугая. Виконта — он небрежно беседовал с барменом — с ног до головы покрывала ярко-зеленая чешуя, а его красивый нос прятался под длинным алым клювом. На Супа, отпрянувшего, точно лошадь, и яростно моргавшего, навалилось страстное желание раскусить тайну костюма. Когда он бросал взгляд на виконта, ему становилось худо, но к тошноте примешивалось и неуемное любопытство. Ему не заснуть, чувствовал он, если он не выяснит, в кого же, черт дери, наряжен его сосед. И, покончив с мартини, бочком переместившись вдоль стойки, он похлопал того по плечу, восклицая при этом:

— Э-эй!

Виконт оглянулся. Все его поведение свидетельствовало о том, что он чрезвычайно благодушен.

— О, привет! — сердечно откликнулся он. — Выпейте, мой старик. Постав, поднесите месье!

От подобного радушия Слаттери слегка смягчился. Чуть просветлев, он заказал сухой мартини и осведомился:

— Послушайте, а кем это вы нарядились?

— Ящуром.

— Да-а? — ничего не понял Суп. — Ну что ж, рад знакомству.

Он вынул визитную карточку, а виконт, глуповато на нее поглядев, сунул ее под ближайшую чешуйку и, пошарив как следует, выудил кошелечек.

— Возьмите также мою.

— Спасибо.

— А-а! Берите две!

— Хорошо.

— О, чего там! Забирайте все! — Виконта захлестывала щедрость. — Мы, де Блиссаки, не мелочные никогда!

Слаттери тупо вперился в коллекцию взглядом, как бы прикидывая, сколько еще ему надо набрать, чтобы получить приз, хрустальную табакерку, и вздрогнул. Имя произвело на него впечатление.

— Слушайте-ка! Так вы — виконт де Блиссак?

Сосед задумался со всей серьезностью. На такой вопрос не брякнешь ответ с ходу! Он вгляделся в карточку, потом — в другую и наконец произнес:

— Да.

— Из этого самого Шати?

— Это правильно.

Всю угрюмость старого Супа как рукой сняло. Если он кого и желал встретить, то человека, знавшего Шато изнутри, который выложит ему всю подноготную о его обитателях. Больше всего ему хотелось бы выяснить, как там с собаками. Однажды продуманный до мелочей план был сорван из-за абсолютно непредвиденного пекинеса.

И он прилип к виконту, зайдя так далеко, что дружески приобнял за плечи. Так и увидел их Пэки, войдя в бар с последним ударом часов.

К этому моменту взгляды Супа на Праздник переменились кардинально. Совсем другая личность стояла тут, совсем не похожая на затворника, ввалившегося в убежище бара. Теперь он горячо одобрял Праздник; и, несмотря на всю свою демократичность, Пэки был несколько шокирован, узнав, что этот, на редкость свирепого вида субъект будет с ними обедать, а после обеда они втроем отправятся на танцы в парк. На миг перед ним встало видение Беатрисы, и в ее глазах он не разглядел даже слабого проблеска одобрения.

Но тут же утешился тем, что Беатриса далеко. Настроение его мигом подскочило. Мало что в подобных случаях приводит жениха в такое расположение духа, как мысль о том, что широкое, вольное пространство вод отделяет его от невесты. Обмениваясь рукопожатием со Слаттери, Пэки вполне был готов стать если не сердцем и душой пирушки (на эту роль явно претендовал виконт), то, во всяком случае, развеселым ее участником.

Вид у него был таким же довольным, как и у двоих других, когда маленькая компания из трех родственных душ вдруг несколько разрослась. В дверь вкатился толстячок-коротышка в довольно восточном наряде. Он приостановился в дверях, словно бы смакуя ждущие его удовольствия, и обошел вокруг стойки; так облетает голубь родной насест.

При виде Слаттери безграничная радость осветила его лицо, и он по-любительски отбил чечетку, выкрикивая:

— Эй-а! Эй-а! Эй-а-а-а!

В дни, прошедшие после отплытия жены в Англию, Дж. Веллингтон Гедж ничуть не поколебался в своем решении — поучаствовать, воспользовавшись ее отсутствием, в Празднике Святого Рока. С течением времени решимость его не ослабла, а только укрепилась. Явное недружелюбие сенатора Опэла с первой же минуты его приезда в Шато показывало, что волноваться насчет назначения послом явно не стоит. Всякий раз, взглянув на него, сенатор фыркал, точно буйвол, и Гедж считал

это неоспоримым доказательством того, что он не намерен поддерживать его кандидатуру. С души свалилось огромное бремя, а его место заполнилось бурным желанием отпраздновать избавление. Знать не зная о роковом письме (миссис Гедж никогда не торопилась делиться с ним тайнами), Гедж пребывал в самом беззаботном, ликующем настроении.

Будущее казалось ему светлым, и он понимал, что должен, просто должен сделать настоящее еще светлее. Когда он спускался по холму, кровь его от воспоминаний о прежних собраниях воспламенилась огнем, и, входя в коктейль-бар, он жалел только о том, что не с кем разделить эти золотые минуты.

И надо же! В одну из таких золотых минут кого же он видит? Доброго приятеля, милейшего из всех знакомых ему грабителей. Встреча эта показалась ему добрым предзнаменованием развлечений грядущей ночи.

— Эй-а! Эй-а! Эй-а-а-а! — бодро подскакивая, выкрикивал он.

Слаттери откликнулся с неменьшей сердечностью. Он уже выпил три сухих мартини, апельсиновый ликер и напиток который бармен называл своим именем, и теперь чувствовал себя братом всему человечеству.

— У-ух! Будь я проклят! — вскричал Суп.

— Эй-а! — вопил Гедж.

— Эй-а! — ответствовал Суп.

— Хоп! — закричал Гедж.

— Уп-па! — заорал Суп.

— Ну, ну, ну! — выкрикивал Гедж.

— Мы здесь, Лафайет! — откликнулся Слаттери.

И повернулся к другим, чтобы известить, что развлечений стало больше.

— Познакомьтесь с моим другом, мистером Геджем, — сказал он.

Виконт испустил легкий вскрик, похожий на завывание обрадованной гиены.

— Не мистер Скелетон Гедж, случайно?

— Да-с, сэр!

— Ну и ну! Ну и ну! — Виконт душевно огрел Геджа по спине и потыкал в собственную грудь указательным пальцем. — А я — виконт де Блиссак!

— Не может быть!

— Я — он сам.

— Ну и ну! Ну и ну!

При этой неожиданной встрече с его молодым гостем изумлению и восторгу Геджа не было границ. Понукав еще, он схватил виконта за руку и

долго тряс ее. Потом — отпустил, потом — схватил снова. Сразу было видно, что настал великий момент его жизни.

— А это мой друг, — указал виконт на Пэки, — месье Франклин.

— Ну и ну! Ну и ну! Ну и ну! А что с ним такое, — задушевно вопросил Гедж. — Он в порядке?

— Кто в порядке? — заинтересовался Суп.

— Франклин.

— Эй-а, Франклин! — воскликнул Суп.

— Эй-а, Франклин! — бодро подхватил Гедж.

Отпустив наконец руку виконта, он вцепился в руку этого Франклина и тепло пожал ее, но не так тепло пожал этот Франклин его руку. Пэки показалось, что свершилось чудо, о котором он взывал. Весь день он ломал голову, изобретая способ, как же проникнуть в Шато «Блиссак», и надо же — вот тебе и арендатор собственной персоной! Осталось только снискать его расположение, и на тебя прольется дождь приглашений. А это, конечно же, проще простого. Начиная обхаживания, Пэки потрепал Геджа по плечу и сообщил ему, что выглядит он отлично.

— Нравится вам мой наряд?

— Блеск.

— Сам сделал.

— Не может быть!

— Да-с, сэр. Все сам придумал.

— Да вы просто гений! — восхитился Пэки.

Гедж, захватив маленький столик, ритмично барабанил им по стойке.

— Требуется выпить, сэр. Отметить, — авторитетно заявил он. — Так мы и поступим. Да-с, сэр! Сегодня вечером, ребята, я развлекаюсь на всю катушку!

— Отведайте Гюставской, — подал совет Слаттери. — Прекрасное средство от простуды.

— Да, это так, — подтвердил виконт. — Неплохое питье.

— Правда?

— Без сомнений.

Гедж проверил, убедился и в восторге заорал:

— Троекратное «ура»! В честь Постава! Виконт пошел дальше.

— Четыре «ура»!

Но Слаттери переплюнул и его.

— Пять «ура»!

— Шесть «ура»!

— Семь!

— Восемь!
— Девять!
— Де-е-сять! — заголосил Гедж и выиграл аукцион. — А теперь, ребята, все вместе! Десять «ура» в честь Постава!
Пэки становилось все яснее, что вечерок удастся на славу!

V

Китайские фонарики с помощью осколка луны освещали Парк Развлечений, о котором с полной уверенностью можно было сказать одно — сейчас и лучший друг его не узнал бы! Обычно парк отличали спокойствие и чинность, даже скучноватость. Там гуляли няньки с детьми. Шептались осторожные влюбленные. Посиживали пожилые джентльмены читая «Figaro» и «Le Petit St. Rocqueois». Вся атмосфера навевала вязкое спокойствие, а узнав название парка, человек невольно делал вывод, что местных жителей легко развлечь.

Но нынешним вечером все переменилось. Повсюду высыпали, как сыпь, столы, официанты и бутылки. На маленькой эстраде наяривал духовой оркестр, и никаким шумом гулянья его было не заглушить. Вокруг эстрады, нередко — в опасной близости к ней, выделывали антраша веселящиеся жители Сен Рока. Праздник гремел вовсю!

В разгаре было веселье и у Супа с виконтом. Суп в тесном союзе со случайной дамой откалывал свои замысловатые па, сделавшие его имя знаменитым на вечеринках иллинойских бутлеггеров, виконт же, предпочитавший свободу, вытанцовывал в одиночку, причиняя немалые неудобства всем и каждому.

Пэки не танцевал, и Гедж тоже. Он станцевал, правда, раза два в начале вечера, но, споткнувшись нечаянно о собственные ноги и довольно чувствительно ударившись об эстраду, удалился за столик и теперь, темно насупившись, поглядывал на веселящихся с неодобрением и неприязнью. Его томило глубокое отвращение ко всем собратьям. Душой он опустился в бездны.

Сколько написано о вреде алкогольных стимуляторов, но для человека мыслящего подлинным доводом против перебора должно стать то, что после определенной границы рюмочка вина перестает поднимать настроение, но опускает его как можно ниже. Как очень скоро обнаружил Пэки, за столом с хорошо выпившим приятелем никогда не знаешь, на каком ты свете. Радужно начинаешь вечерок с приветливым Джекилом и вдруг — бац! — на тебя уже косится угрюмый Хайд.

За обедом и час-другой после Веллингтон Гедж выказывал все признаки человека, питающегося медвяной росой и вкушающего райское молоко. Он сиял благожелательностью и добродушием. Дитя могло бы играть с ним; мало того, этому дитяти еще и на конфеты бы перепало. И,

ничуть не подозревая, что он уже не в обществе добродушного Чирибла, Пэки был преисполнен бодростью и оптимизмом.

То, что настроение у Геджа переменилось, и теперь он стал, скорее, Шопенгауэром после дурной ночи, Пэки и в мыслях не имел. Правда, прыти у обитателя Шато что-то поубавилось, но ведь, честно говоря, пора бы уже ему и прекратить хоть на минутку-другую свои возгласы и песни.

Словом, и не подозревая об истинном положении дел и очутившись наконец наедине с Геджем, Пэки начал подводить разговор к теме, наиболее близкой его сердцу.

— В Шато «Блиссак», значит, живете? — начал он.

Гедж точно бы и не слышал, все тем же горящим глазом взирая на танцующих. Нижняя челюсть у него выдвинулась вперед, и он тяжко сопел.

— В Шато «Блиссак», значит, живете, мистер Гедж?

— Э?

Пэки повторил свой вывод в третий раз, и его приятель с минутку посидел молча, прокручивая реплику в уме. Внимательный наблюдатель отметил бы, что замечание удовольствия ему не доставило.

— В Шатллбиссак?

— Да.

— Я там ж-живу?

— Да.

— А кто говорит, н-нет?

— Я сказал, вы живете там, правда? Гедж насупился.

— Если какой тип посмеет заявить, что я там не ж-живу, — выговорил он, — я ему по носу вмажу! Да-с, сэр! Еще ч-ч-че-го!

— Нет-нет! Все говорят, что вы там живете.

— Хр-ш-ш-ш, — с обманчивым спокойствием проговорил Гедж, но в спокойствии этом таилась явная угроза.

И он опять погрузился в сумрачное молчание, а Пэки только сейчас заподозрил, что перед ним уже не прежний обаятельный собутыльник, и слегка обеспокоился. Но так много держалось на нем, что он попытался снова.

— Дом, должно быть, чудесный!

— Э?

— Дом, говорю, чудесный. Должно быть.

— Что — ДОЛЖНО?

— Шато.

— Какое еще Ш-шато?

— Шато «Блиссак».

— Н-зна, — буркнул Гедж.

Теперь Пэки приуныл всерьез. Стало очевидно, что выудить официальное приглашение от упившегося вдребадан хозяина будет нелегко. Он пожалел, что не затронул этой животрепещущей темы за обедом.

Случилась минутка сразу после первой бутылки шампанского, когда Гедж явно собрался пригласить к себе хоть весь белый свет.

От раздумий Пэки оторвало приглушенное шипение. Гедж с откровенной ненавистью взирал на танцующих.

— Фрынцуззы! — фыркнул он.

— Извините?

— Что пло-хо в на-шем мире? — заскрежетал зубами Гедж. — Фрынцуззв много. Трпыть н-не мо-гу. Посол? Ну, это! Нет-с, сэр! Прям счас! Знаешь, что я отвечу им? Я отвечу: «Нет, с-сэр!». Кто этот г-гад зеленый?

— Это виконт.

— Что за вкнт?

— Виконт де Блиссак.

— Ух, врежу!

— Вы так полагаете?

— Д-да! И бачки прыткт.

— Прошу прощения?

— Пжылт.

Наступила пауза, которую Гедж использовал с толком, швырнув мокрой пробкой от шампанского в проходящую парочку.

— Вы говорили про бачки…

С неожиданным пылом сосед развернулся к нему.

— А ч-что? Нет, ч-что? Слушш! Зн-чт, этт ммша грит, снтехнка в порядке. Так? В плнм прядке. Ха-ха! А бачок прткает! А? Ч-что? Ба-чок. Как тут не вм-зать? Н-нет, ты ск-жи, как не вм-зать? Прр-те-ка-ет, ик! Бчк.

— Н-да, это плохо, — дипломатично отозвался Пэки.

— Э?

— Плохо, я говорю.

— Куда хже! — сурово заключил Гедж.

Пэки выждал несколько минут, но Гедж свое явно отговорил. Разыскав полбулочки, он подбрасывал ее на ладони, словно решая, то ли швырнуть в дирижера, то ли в тучного, средних лет галла с окладистой бородой, явившегося на Праздник (хотя лучшие друзья и старались

отговорить его) швейцарским альпинистом.

— Бачок протекает? Верно?

— Что знчт — врн, не врн?! Я сам видл.

— А вот хотелось бы мне, чтобы вы его и мне показали.

— Э?

— Я говорю, мне бы очень хотелось взглянуть на этот ваш бачок.

— Чуш-шь! Ты — тут, бчк — в Шыто.

Разумеется, Пэки предпочел бы отложить решение вопроса на другой, более подходящий момент, но реплика была настолько соблазнительной, что жалко было упускать.

— Почему бы вам не пригласить меня туда?

— К-куда?

— В Шато.

— Каки-таки Шыто?

— Шато «Блиссак».

Гедж бешено бабахнул по столу. Просьба каким-то таинственным образом сыграла роль последней соломинки.

— Прям! Еще ч-что! Нет, сэр! Не прглшу! Не нравиш-шся ты мне. А, ч-что? И не-че-го фыр-кать!

— Я вздохнул.

— Н-неч! Вздохнул он! Ха-ха!

Пэки пошел на компромисс, подпустив в свой взгляд молчаливого укора.

— А я и не знал, что не понравился вам.

— Ну, зныш-шь! — с пылом подтвердил Гедж. — А к-му ты пнравшсь?

— За обедом я подумал было, что нам с вами предстоит великая дружба.

Гедж задумчиво нахмурился, стараясь припомнить, что же такое происходило за обедом.

— Мне уже рисовалось, что вы бросаетесь мне на шею и умоляете, чтоб я приехал погостить в Шато, да на подольше.

— Чт за Шыто?

— Я по-прежнему говорю о Шато «Блиссак».

— Д я тм живу! — тоном первооткрывателя воскликнул Гедж.

— Я знаю.

— То-то! — Гедж с отвращением уставился на Пэки. — Что это у тебя за ух-х?

Пэки объяснил, что это — память об одном ноябрьском дне, когда он

ринулся лечь костьми за старый добрый Йейл, и, с помощью одиннадцати симпатяг-принстонцев, ему это почти удалось.

— Йы-л-л?

— Я в Йейле играл в футбол.

— Прям! — издевательски расхохотался Гедж. — Еще ч-что! Этт в Йы-йл! В по-гре-муш-ку тм играйт, а не фтбыл!

Пэки вздрогнул, уязвленный до глубины души. Желание добиваться симпатии этого пузатого пьяницы вдруг смыло волной бешенства, оскорбленной гордости патриота. Человек, перед которым стоит цель победить, многое может претерпеть от косоглазого коротышки, да, многое, но не поношение родного университета.

— Д-дъ! В по-гре-муш-ку с бо-ба-ми! — твердо повторил Гедж. — В Клфырнь, вот где футбол! Этт ваш Йыйл против них не иг-ра-ет. Н-нет, ср! Соображают потому что!

Пэки очень сочувствовал Джейн и жалел, что не может способствовать ее интересам, внедрившись в Шато «Блиссак» и взломав для нее сейф, но унижаться дольше перед человеком с такими чудовищными взглядами никак не мог. Он поднялся, и Гедж уставился на него стеклянным взором.

— Куд-да?

— Домой.

— Да-да, двигай, пъка не схло-по-тал по но-су. Пэки хранил гордое молчание.

— Закажи еще шмпынск! — попросил Гедж.

— Сам заказывай.

Бесцеремонность этого ответа вызвала в Гедже мгновенную смену настроения. Глаза его налились слезами, и он свалился головой прямо в блюдечко с мороженым.

— Никто меня не любит! — прошептал он.

— Значит, есть у людей разум, — определил Пэки.

VI

1

Луна, в освещении парка сотрудничавшая с китайскими фонариками, над дюнами у гавани трудилась в одиночку, и работу выполняла вяло, спустя рукава. Пэки, который забрел сюда выкурить трубочку перед возвращением на яхту, очутился в мире теней, и, раза два споткнувшись на невнятной тропинке, решил бросить блуждания и присесть передохнуть.

В потреблении алкоголя он и за обедом и после поотстал от приятелей, желая сохранить голову ясной, чтобы обворожить Геджа. Теперь в награду за воздержание он смог проникнуться красотами ночи, и даже наслаждаться ими.

Ночь стояла теплая, шелковистая, умиротворяюще тихая. Изредка из Парка Развлечений доносился галдеж галльского веселья, но слабый, не решающийся соперничать с музыкальными всплесками волн. Легкие бризы шептались у покалеченного уха, летали туда-сюда застенчивые мошки — словом, пейзаж и вся атмосфера идеально подходили для долгих обстоятельных мечтаний о *ней.*

Но, как ни странно, Пэки не мечтал о Беатрисе. Перед мысленным его взором вставал образ Джейн Опэл. И его грызло раскаяние.

Что скрывать от себя, он, конечно же, подвел. В час нужды, когда, прояви он чуточку такта, сумел бы служить ей, он с маху бросил деву в беде. Уязвленный глумлением Геджа, он разошелся с ним, как небезызвестные корабли в море. И вот, какое бы собрание гостей ни набилось сейчас в Шато «Блиссак», Пэки Франклина в их рядах не будет. Надо бы перетерпеть и обрабатывать Геджа, запоздало каялся Пэки. Проявить должную кротость. Не допускать, чтобы пренебрежительные фразочки об уровне йейлского футбола сбили тебя с курса.

Придя к такому выводу, Пэки поднялся, намереваясь двигаться к пирсу, где была зачалена шлюпка с «Летящего Облака», когда внезапно в ночи послышался шум. Кто-то на всей скорости бежал в его сторону.

В следующую минуту робко выглянувшая луна смутно осветила хорошо запомнившуюся ему фигуру. То был Суп Слаттери.

Бежал он в хорошем темпе, но когда достиг небольшого пригорка, на котором стоял Пэки, стало очевидно, что бег — не его стихия. Суп тяжело

пыхтел. Проскакивая мимо Пэки, он заметил его, узнал, нервно махнул рукой в том направлении, откуда бежал, бросил короткий, сосредоточенный, умоляющий взгляд и, собрав остатки сил, скакнул влево, где спрятался, отдуваясь, за холмик. Несколько минут стояла тишина, нарушаемая только приглушенным тяжким дыханием.

А потом снова раздался топот бегущих ног, и почти тут же в спокойную ночь нагрянула группа местных жандармов. Они, судя по всему, тоже подзапыхались и с явным облегчением восприняли Пэки как предлог остановиться и начать расспросы.

Во французском Пэки не был мастак, да если б даже и был, то все равно вряд ли сумел бы разобраться в их трескотне — фразы для его уха звучали водой, бурно хлещущей через запруду. Но, пустив в ход сообразительность, он догадался, что они желают узнать, и оживленно потыкал на тропу позади себя.

Погоня откатилась в ту сторону. Когда последние ее отголоски замерли, из-за холмика вынырнула робкой черепахой голова несчастного Слаттери.

— Вот это да! — оценил он происшествие, и то, что он обрел достаточно дыхания для слов, подсказало Пэки, что беглец снова готов к бегу. Не тратя времени на расспросы и объяснения, он уцепил его за руку и торопливо потянул по склону. Десятиминутная пробежка по местности привела их к шлюпке, на которой они и отплыли.

Расстояние до «Летящего Облака» было невелико, и за все плавание Суп успел произнести всего две фразы — «Ух» и «Подайте мне Чикаго!». Ступив на палубу яхты, он стал красноречивее.

— Брат, — проговорил он, опускаясь на кучу веревок и стягивая башмаки, — проживи я хоть сто лет, и то не забуду эту ночь и твою помощь!

Пэки скромно отмахнулся от благодарностей.

— А что случилось? Ты убил кого-то?

— Нет, никого я не убивал. Только…

— Погоди, принесу тебе выпить, — перебил Пэки, вспомнив об обязанностях хозяина.

— У-у! — проговорил Суп, облизнув губы длинным языком. Вернувшись со всем необходимым для выпивки на ночь,

Пэки нашел гостя вполне оправившимся — тот уже надел ботинки, и дыхание у него стало полегче.

— Ох, прям роман бы написать! — заметил беглец.

Он, очевидно, шел на поправку, и Пэки почувствовал, что теперь

можно поинтересоваться деталями дела, не обижая человека.

— Расскажи мне все. Какие события привели к беде? Почему за тобой гонятся жандармы?

— Кто?

— Ну, копы. Что ты наделал, чем разозлил их?

— Я пел. С этого все и закрутилось.

— Во Франции арестовывают за пение?

— Э… э… в общем, я еще и стол ломал.

— Ага, понятно. Возможно, и в этом причина. А с чего ты вдруг взялся ломать стол?

— А что такого? — рассудительно осведомился Слаттери.

— Хм, тоже верно, — согласился Пэки. Слаттери опять освежился выпивкой.

— Ну, в общем, сижу я себе, столик ломаю, развлекаюсь. И вдруг вваливается компашка, одеты копами, и начинают меня толкать. Да, черт побери! — с чувством добавил Слаттери. — Все скажут, что я компанейский парень! Кто-кто, а уж я гуляю, если и праздник разгулялся. Живи и другим не мешай, вот мой лозунг. Значит, когда они взялись толкаться, не отстал и я. Так мы и толкались.

— Что ж, все по-честному.

— Ты послушай. Буквально через полминуты один придурок вытаскивает новенький нож и тычет мне вот сюда. Здорово так кольнул. Я и разозлился. И говорю себе: «Слушай, а какого, собственно, черта?»

— Меньше и не скажешь.

— «Какого черта?» — говорю. — Веселье, оно, конечно, веселье, но всему есть границы. И ведь сначала предупредил, заметь себе: «Брат, ты гляди, не расходись. Как бы тебе веселье в голову не ударило, — сказал я. — Ты хамишь, так ведь и я могу!» Как об стенку. Ткнул меня еще, и я совсем разозлился. Сорвался, понимаешь. Не то двоим, не то троим врезал по носу. И только начал входить во вкус, как вдруг… Тебя молния когда-нибудь ударяла?

Пэки ответил, что нет.

— Так вот, меня как молнией шарахнуло. Вдруг как осенило — а ведь дурни-то эти не ряженые! Они и правда копы! Мало того — французские! А тут у них сразу узнаешь, Франта — это тебе не Америка. Там, дома, коп шутки понимает. Он и внимания-то не обратит, если вмажешь ему по сопелке. А в этой собачьей стране — охо-хо! — того гляди, укатают на Остров Дьявола или куда подальше. Ну, я и не стал мешкать да извиняться, сдернул побыстрее, а вся компашка — за мной. Чем бы все кончилось, не

наскочи я на тебя, а ты не сбил бы их со следа, и говорить неохота. Классный ты парень. Можешь прям так и написать домой, похвастать родне — Суп Слаттери сказал, я классный парень!

— Суп? — удивился Пэки. — Тебя так зовут?

— Прозвали так. В Чикаго. Я ведь очень знаменитый взломщик, — скромно объяснил Слаттери. — Сейфы делаю.

— Взломщик сейфов? — вздрогнул Пэки. — То есть ты хочешь сказать, что умеешь вскрывать сейфы?

— Это я? Умею? Ты поспрашивай там ребят, умеет ли Суп Слаттери вскрывать сейфы! А что, тебе требуется по этой части обтяпать? — спросил Слаттери, заметив чудное выражение на лице собеседника. — Если требуется, только шепни.

Пэки от души застонал. Дикая ирония жизни подавляла его. С самого начала вылазки ему только и требовался доброжелательный друг, умеющий вскрывать сейфы, а теперь, когда он его обрел, слишком поздно. Он снова попечалился о глупой своей гордыне, толкнувшей его на разрыв с Геджем.

— Нет! — вздохнул он. — В данный момент, боюсь — нет. Пэки растоптал бесплодные зародыши мыслей о том, как все могло бы обернуться.

— Расскажи, — попросил он, — а что стало с другими?

— С Геджем и Блиссаком?

— Да. Я рано ушел.

Суп загрохотал готовым извергнуться вулканом. По-видимому, то был его способ выражать веселье.

— У-ух, парень! Много потерял! Цирк! Ну тебе чистый Цирк!

И загрохотал снова.

— Сижу я, понимаешь, за столом. Ясно? А рядом фрукт этот, Гедж. Угрюмый, прям туча!

— Он таким уже был, когда я прощался.

— Ну так вот, веселее он не стал, уж поверь. Бурчит что-то, швыряется чем ни попадя. А потом повернулся ко мне и стал плакаться на сантехнику в Шатту этом, ну, где он живет. Говорит, никуда она не годится.

— Протекает бачок?

— Да. Ну, и еще всякое. Так вот, только-только он разошелся, а парень этот, Блиссак, ну, помнишь, еще танцевал в одиночку, вернулся за стол, подкрепиться. Подкатил он, значит, а тут Гедж разоряется насчет сантехники, так и чешет, так и чешет.

— Недурная ситуация. Драматическая.

— А то! Блиссак этот вдруг распрямился и как заорет: «Что такое?». Гедж говорит: «То есть в каком смысле?». Блиссак так это спрашивает: «Значит, не нравится наша сантехника?» — «Прогнила вся насквозь». Блиссак кричит: «Ну-ка, повтори!». А Гедж этот берет да повторяет. Я глазом не успел моргнуть, они уже катаются по полу. Ну, я как бы рефери, велю им разойтись. Куда там! Только минуты через две удалось мне отодрать их друг от друга.

Все симпатии Пэки были на стороне виконта. Ни один уважающий себя человек не потерпит поругания отчей сантехники.

— Вполне согласен, — подхватил Слаттери. — Я так Геджу и сказал, когда отцепил его от виконта. «Разве красиво, — сказал я, — ругать чужую сантехнику? Это ж его родной дом! Разве так можно?» Проняло, расплакался прямо в салат. Ну, стал я урезонивать Блиссака, не заводись, говорю, смотри на вещи просто. Помирились мы снова, ну — дружки, не разлей вода! Пока они вглухую не отключились, очень было хорошо.

Запнувшись, Слаттери взглянул на Пэки с немалой обидой. Он считал, что любопытную эту историю рассказывает очень неплохо. Однако слушатель явно впал в транс и не слушает его! Стоит как деревянный, уставясь куда-то в ночь.

— Конечно, если тебе неинтересно…

Пэки обернулся. Глаза у него странно блестели.

— Ты сказал, они отключились?

— Упились вглухую. Свалились прям там, и лапки кверху.

— А что же стало с их телами?

— Ну, я уж позаботился. Блиссака усадил в такси и транспортировал в отель.

— Так. А Гедж?

— Его посадил в другое и отправил в Шату. Наказал шоферу звонить в дверной звонок, пока кто не появится, и передать труп, посоветовав, чтоб его положили на лед.

Слаттери самодовольно приостановился, видимо, гордясь тем, что, оказавшись в роли папаши двум собратьям, проявил себя так замечательно. И опять уловил, что внимание публики рассеялось.

— Ловко я все обстряпал, а? — робко поинтересовался он.

— Извини, — виновато вздрогнул Пэки. — Задумался. У меня мелькнула идея, со мной это нечасто случается. А когда случается, эти идеи прямо-таки нокаутируют меня.

— Идея?

— Да вроде того.

— А какая?

— Да так, ничего особенного. Правда, это давно меня грызло, а теперь — как озарило. Послушай, ты сейчас в состоянии сойти на берег? Если да, я перевезу тебя на шлюпке. Мне бы хотелось перекинуться словечком с Виком.

— Что еще за Вик?

— Да твой приятель, де Блиссак. Ты сказал, что отправил его обратно в отель. Как ты считаешь, есть шанс, что он уже очухался?

— Вроде есть. А он тебе?

— Да, так, нужен. Это все идея.

— Ну, не знаю. Я бы не прочь завалиться спать.

— Вот и прекрасно. Тогда сразу и отправимся. Кстати, а это твое предложение взломать для меня сейф остается в силе?

— Брат! После того, что ты для меня сделал, я для тебя Национальный Банк взломаю! — с жаром заверил Суп.

2

Виконт де Блиссак был крепко скроен, прочно сшит. Многие в его состоянии остались бы там, где их свалили, до следующего утра. Но не успело и часа миновать после того, как носильщики уложили его на постель в номере отеля «Дез Этранжэ», он был, можно сказать, на ногах. Точнее, он набрался сил доковылять до раковины и выпить пинту-другую воды из стоявшего там кувшина, а потом, намочив губку, приложить ее к пылающей голове.

Только-только успел он снова намочить губку и бережно провести ею по лбу, как услышал, что стучат в дверь. Еле доплетясь до порога, он эту дверь открыл и узрел своего приятеля Пэки.

— Привет, — слабо промямлил виконт, не в силах разобраться, рад он визиту или нет. По какой-то причине им владела апатия, ему хотелось отдыха и одиночества.

Пэки не отозвался. Пройдя в комнату, он с величайшей осмотрительностью прикрыл за собой дверь, будто швейцар на экстренном заседании «Черной Руки», которому приказано проверить, чист ли горизонт.

С растущим неудовольствием виконт наблюдал за ним.

— Что ты странное делаешь? — осведомился он.

— Тс-с! — прошипел Пэки.

Виконт, усевшись на кровать, сжал голову руками. Он был не в настроении для подобных штучек. Взглянув через минуту, он обнаружил, что Пэки о тревогой уставился на него.

— Вик!

— Я тебя слушаю.

— Крепись, старина!

— А что такое?

— У меня дурные вести.

В висках у виконта стрельнуло. Все эти подходы вынудили его напрягать мозги, а ему было необходимо хоть какое-то время думать как можно меньше.

— Дурные? Вести?

— О бедняге Гедже.

— Гедж? А что происходит с Геджем?

— Очень сомнительно, что он выздоровеет.

— Он, — испугался виконт, — в автокатастрофу попал?

— Вик, — укорил Пэки, — я ведь тебе друг. Чего со мной-то в кошки-мышки играть? Я не полиция.

— А полиция при чем?

Подкравшись к двери, Пэки рывком распахнул ее и, явно успокоенный, вернулся к кровати, где опустил братскую руку на плечо приятеля.

— Одно можно предпринять. Затаись тут, пока охота не уляжется.

— Я не понимал. Брови у Пэки взлетели.

— Ты шутишь!

— Не понимал ни слова, что ты там рассказывал.

— Ты что, забыл про драку с Геджем?

— А что с ней такое?

— Что? Да ты, считай, человека убил!

Виконта с кровати как сдуло. Он вытаращил глаза.

— Но, Пэки, и всего-то была небольшая потасовка. Без таких и не обходится. Ты что ж, сказать хочешь, будто я серьезно зашибил человека? Геджа этого? Мы же с ним потом сидели вместе и опрокинули пару рюмок. Он целехонек, как некий огурчик.

— А-а, так ты про первую драку говоришь?

— Неужто случилась еще одна? Потрепав друга по плечу, Пэки отвернулся.

— Что происходит? — слабо вопросил виконт.

— И не спрашивай.

— Но когда?..

— Нет, не спрашивай. Если забыл, так лучше тебе и не знать. Еще разнервничаешься.

— Я уже разнервничаю!

— Есть шансик, совсем хиленький, что все обойдется, но только если ты заляжешь на дно. Слава богу, ты был в наряде ящерицы. Эта штука скрывала лицо. Вряд ли кто сумеет тебя опознать. Но рисковать все-таки не стоит. Носа из этой комнаты не высовывай дней десять. Это ты, надеюсь, понимаешь?

— Но, мой Пэки, я же договаривался приезжать в Шато!

В глубоком смятении виконт глядел на Пэки. По выражению его лица он видел, что друг совершенно упустил из виду это обстоятельство.

— Н-да. И то верно, — задумчиво процедил Пэки. — Конечно…

— Предположим, я не приехал. И что тогда? Геджи тут же телеграфировают маман…

— Ну, сам-то Гедж, боюсь, еще долго не сможет телеграфировать. Если вообще сможет… Очень опасаюсь, что свою последнюю телеграмму он уже отбил. — И Пэки погрузился в задумчивость.

— А знаешь, Вик, — вдруг очнулся он, — есть ведь один выход! Сам ты в Шато ехать, безусловно, не можешь, это очевидно. Мило получится, приезжаешь ты туда, тебя провожают в спальню, а ты вдруг остановишься на лестнице и спросишь дворецкого: «Что за непонятные звуки я слышу? Кто-то играет кастаньетами?». А он ответит: «Нет, сэр. Это предсмертные хрипы мистера Геджа, сэр». Так не годится! Ты и сам понимаешь. Знаешь, как все можно бы уладить? Вместо тебя поеду я. Ни для кого другого я бы на это не пошел! Ни за что! Но ты мне друг. Я выручу тебя из передряги. В Шато поеду я!

— Но, мой Пэки!..

— Миссис Гедж тебя никогда не видела. А мистер Гедж, хотя и видел, гостей принимать не в состоянии. Прекрасно все получится!

Минуту поколебавшись, виконт проникся этими доводами и разразился потоком невнятных благодарностей, хотя голова у него разболелась от усилий. Пэки от благодарностей отмахнулся.

— Чтобы помочь такому другу, как ты, Вик, чего б я только не сделал, — с чувством заверил он. — Ну а теперь ложись в постель, выспись как следует. Утром скажешь всем, что у тебя легкая простуда. И пусть еду тебе приносят в номер до дальнейших распоряжений.

— Да, мой Пэки.

— И смотри, ни под каким видом носа из комнаты не высовывай!

— Ни за что, мой Пэки!

— Знаешь, отдай-ка ты мне лучше свой маскарадный наряд. Копы в этот самый момент, возможно, прочесывают город, разыскивая его обладателя. Отвезу костюм к себе на яхту и выброшу за борт. Надеюсь, — чуть педантично добавил Пэки, — тебе это послужит уроком. Не ходи на маскарады в костюме ящерицы. Поменьше б людей болталось по городу в таких костюмах, — заключил он, — мир стал бы куда лучше и чище!

3

На следующий день, в два часа, Гедж, лежа на диване в гостиной, был не в самой отменной форме. Во рту чувствовался какой-то темно-серый привкус, и он испытывал нерасположенность к любым мыслям или действиям. Снаружи весело щебетали птички, но ему хотелось одного — чтобы они умолкли.

Вчерашний вечер расплывался в тумане путаными обрывками. В общих чертах припоминалось, что он пережил приключения, каких у него не бывало со времен Лос-Анджелеса, но детали как-то комкались. Четко проступало одно: он с кем-то дрался.

Потом картина прояснилась, и он, со страдальческим вздрогом, сел. Ему ясно вспомнилось, что соперником в драке был молодой человек в ярком костюме ящерицы. А так как такой костюм носил только виконт де Блиссак, то, следовательно, он и был противником. Особой сообразительностью Гедж не отличался, но уж такой простой вывод сделать сумел.

И пришел в смятение! Сегодня виконт должен был приехать в Шато на неопределенный срок, и вставала проблема — как же правильно вести себя хозяину с почетным гостем, если накануне вечером он приложил столько усилий, чтобы придушить его? Решить сейчас такую сложную задачу Геджу было не под силу.

Он все еще сражался с ней, когда дверь открылась, и голос дворецкого, объявляющий о приезде виконта де Блиссака, вынудил его подскочить, будто под ним взорвался диван.

Через минуту вошел Пэки, протягивая руку.

— Добрый день, добрый день, добрый день! — зачастил он. — Какой денек! А-ах, какой же сегодня денек! Жаворонок на крыле, улитка на листе, Бог в небесах. Все расчудесно в нашем мире! А как вы, мистер

Гедж?

Гедж взирал на гостя, содрогаясь от холодной враждебности. Для человека, который терпеть не может улиток и не так уж обожает жаворонков, бьющая через край веселость в такой момент, даже выказанная дорогим другом, непременно показалась бы несносной. А уж если это не друг… Почему в точности, Гедж припомнить не мог, но знал, что этого типа он сильно невзлюбил. Мало того, цитируя стихи, когда и прозу-то с трудом вытерпишь, препротивный тип ни с того, ни с сего объявляет себя виконтом де Блиссаком. Какой бы в голове Геджа ни царил хаос, но уж кто Блиссак, а кто нет, он помнил прекрасно.

— Какого такого дьявола вы сюда ввалились?

— В гости приехал!

Кинув на него короткий взгляд, Гедж потянулся к звонку.

— Я бы не стал, — остерег его Пэки.

— Что?

— Не стал бы, и все.

— Я хочу позвонить дворецкому, чтобы он вас вышвырнул отсюда.

— Вот я и говорю — не стал бы.

— Врывается, видите ли, прикидывается де Блиссаком…

— Прикидываться покойным де Блиссаком у меня есть особые причины. Ах, Гедж, Гедж! — вздохнул Пэки. — Вы сами не осознаете всей своей силы!

— О чем это вы, черт вас дери? — выкатил глаза Гедж.

— О драке с виконтом. Вы, надеюсь, не запамятовали? Гедж явно старался проглотить свое адамово яблоко. Это ему не удалось; оно по-прежнему прыгало вверх и вниз.

— Да я до него и не дотрагивался!

— Хм… А вот полиция придерживается другой точки зрения. Они раскинули сети и прочесывают окрестности, разыскивая невысокого, но плотного убийцу, которого в последний раз видели в восточном наряде с тюрбаном на голове.

Гедж затрясся.

— Да я и поколотил его самую чуточку…

— А-а, вы говорите о первой стычке! Позвольте, я назову ее предварительной разминкой?

— О первой?

— Ну да, а про вторую, значит, забыли?

— Ой, Господи! Вот-те на!

Гедж суматошно копался в закоулках своей ущербной памяти в

поисках хоть крупицы воспоминаний о драке. Но не обнаружил ничего.

— Вы, что, хотите сказать, была и вторая драка?

— Ого! Еще какая!

— И субъект этот в плохой форме?

— Вообще ни в какой. Вот я и решил: единственно, что можно сделать, — приехать сюда вместо него. Конечно, если рассматривать вопрос под строго формальным углом — я не виконт де Блиссак. Но вы совершите чудовищную ошибку, если не примете меня в этом качестве. Миссис Гедж, вернувшись, не найдет в Шато ни одного виконта. Вам не кажется, что она кинется наводить справки?

Гедж мешком рухнул в кресло и принялся усердно тереть лоб. Верить или не верить, вот в чем вопрос!

Одна частичка ума нашептывала ему: нелепо предполагать, что человек, отчаянно подравшись за ужином, может наглухо забыть все на следующий день. Но тут же снова закрадывалась обескураживающая мыслишка: а что, если этот Пэки все-таки говорит правду? В таком случае, выгонять его — попросту катастрофа!

Тем самым натуральный цвет решения окрасился болезненным оттенком метаний, а энергичные и срочные меры, вроде звонка дворецкому, потеряли всякое право именоваться поступками. Мало кто из людей в альпаковом пиджаке и полосатых фланелевых брюках так напоминал Гамлета, как Гедж в эту минуту.

— Нет, я не могу — простонал он. — Неужели я мог забыть? Когда «Храмовники» встретились в Лос-Анджелесе, я все прекрасно помнил и на другой день! Отчетливо вспоминал, как врезал этому Уэнстейну. Рыжий такой, недвижимостью занимался. Посмел отколоть шуточку насчет калифорнийского климата… Все, все помнил!

— Не имел удовольствия видеть вас в Лос-Анджелесе, — отвечал Пэки, — но вряд ли тогда вы упились, как вчера. Уж и не припоминаю, когда мне доводилось встретить такого упившегося человека. Просто в лоскуты! Пожалуй, вы забыли, что и мне врезали?

Глаза у Геджа совсем выпучились.

— А я врезал?

— Еще как! Глянули нехорошо так — и бамц!

Гедж наконец уверился. Если уж он забыл, что налетел на субъекта таких габаритов, да еще и врезал ему, то мог забыть что угодно.

— Как же мы поступим? — осведомился Пэки. — Стараюсь я ради одного — спасти вас от неприятностей. Если желаете, чтоб я ушел, разумеется, я уйду сейчас же. Но тогда — как же с миссис Гедж? Она ведь

напишет виконтессе, интересуясь, куда же запропастился ее сынок. Несомненно напишет. И выплывет вся история. А уж полиция обязательно нападет на ваш след. А после… Да, насчет гильотины можно шутить сколько угодно… единственное средство от перхоти и так далее… но никто не убедит меня, что вам она понравится. Так как? Оставаться мне или убираться?

Гедж метнулся с кресла и лихорадочно вцепился в пиджак гостя.

— И не думайте уходить!

— Итак, по зрелом размышлении, вы хотите, чтоб я остался?

— Конечно, черт вас дери!

— Думаю, решение разумное.

Гедж промокнул лоб и подобострастно взглянул на Пэки. Неужели было время, когда ему не нравился — да что там, когда не внушал обожания — этот достойный молодой человек?

— Не знаю, как и благодарить…

— Что вы, что вы! Не за что.

— Так благородно с вашей стороны. Да, именно. Благородно!

— Ну, что вы! Так, ерунда!

Запоздалое воспоминание о вчерашнем вечере всплыло у Геджа.

— Послушайте-ка, я вроде брякнул на Празднике, будто настоящего футбола в Йейле нет…

— А-а, ерунда! Забудьте!

— Нет, не ерунда! — серьезно возразил Гедж. — Так знайте, я восхищаюсь тамошним футболом. По-моему, классный футбол. — И, поколебавшись с минутку, точно бы чувствуя, что необходимо принести последнюю жертву, закончил: — Спросите меня, и я скажу: Йейл превосходит университет Южной Калифорнии на три очка.

— Ну, не на три же!

— Да-с, сэр! Именно — на три!

— На одно максимум.

— Ладно, скажем, на два, — уступил Гедж.

VII

В каждой запутанной повести, вроде той, что рассказывается тут, наступает момент, когда добросовестный рассказчик обязан урвать минутку и устроить своего рода инспекцию, или парад различных персонажей драмы, если он желает вести честную игру. Очень удобно для читателей и способствует четкому видению, когда дается обзор событий с птичьего полета для тех, кто — не по своей вине — не умеет летать, как птичка.

Вот он, краткий обзор того, что происходило, когда Пэки Франклин явился в Шато «Блиссак».

Миссис Гедж сидит в офисе своего лондонского адвоката. Ее не удовлетворили его действия от ее имени на предмет уклонения от английского подоходного налога, и она выкладывает ему все начистоту.

Леди Беатриса Брэкен сидит в саду отцовского поместья (Уорблс, графство Дорсетшир), уже в третий раз перечитывая письмо Пэки, сообщающего об отъезде в Сен Рок. Хорошо зная, что курорт этот — осиное гнездо азартных игр и там слоняются толпы весьма сомнительных личностей, а среди них и виконт де Блиссак, она ни в малейшей степени не одобряет его выбора. Читая, она хмурится, а хмурясь, притопывает ножкой, а притопывая, приборматывает «Хм!». И отнюдь не шутит! За ленчем, когда ее тетя Гвендолин снова высказывает мнение, что Пэки — вертихвост и висельник, Беатриса ловит себя на том, что разделяет мнение допотопной дамы.

Гордон Карлайл, выглядя джентльменом хоть куда в новехонькой шляпе, новехоньких туфлях, новехоньком костюме и с гарденией в петлице, сидит на палубе парохода «Антилопа», наблюдая, как все четче обрисовывает полуденный свет красные крыши Сен Рока. На новехоньком чемодане рядом с ним — свежая наклейка, на которой востроглазый наблюдатель прочитал бы «Герцог де Пон-Андемер».

Суп Слаттери сидит в казино. От ночных приключений голова у него утром была тяжеловата, но алкогольный тоник собственного изобретения быстро поправил дело, и теперь он в отменной форме. Осторожно понтируя за одним из столиков, и, если это кому интересно, выигрывая по маленькой. Виконт де Блиссак — не в такой отменной форме. Он лежит (а не сидит) на кровати в своем номере, уставясь в потолок и конвульсивно вздрагивая всякий раз, как за дверью раздаются шаги, и неимоверно

страдает: некий невидимка упорно старается ввинтить накаленные добела шампуры в его глазные яблоки. Это, вдобавок к его терзаниям, что вот-вот распахнется дверь, протянется Рука Закона и поволочет его в тюрьму, оказывает самый угнетающий эффект на разнесчастного молодого человека.

Гедж снова вернулся на диванчик в гостиную и слегка постанывает.

Сенатор Опэл резво прогуливается по окрестностям Шато.

Блэр Эгглстон пребывает в замке, в комнатах для прислуги, где задумчиво чистит обширный зад хозяйских брюк. Счастливым его назвать нельзя; да и не один из длинной череды камердинеров сенатора Опэла счастливым не был. Такой камердинер узнавал сразу, что жизнь сурова и посланы мы в этот мир не для веселья и удовольствий.

Мисс Путнэм, личная секретарша миссис Гедж, опять же сидит в библиотеке, решая кроссворды. Этой формой умственной тренировки она весьма увлечена.

Кухарка спит.

Дворецкий пишет письмо матери.

Мэдвей, горничная миссис Гедж, занимается своими обязанностями, чтобы, переделав все, пройтись к озеру и отдохнуть там с детективным романом, читать который она начала накануне вечером.

Пэки разыскивает Джейн.

А Джейн стоит на заросшей тропинке, вьющейся по холму, на котором расположилось Шато, и задумчиво глядит на гавань.

*

День, как мы уже намекали, был не из самых удачных для жаворонков и улиток. Тот факт, что жаворонки на крыле, а улитки на листе, приносил мало утешения Геджу. Так же мало утешало это обстоятельство и Джейн. Пока она стояла, обозревая пейзаж, сердце у нее ныло. С тех пор как внезапная любовь бросила их в объятия друг другу, она впервые задумалась, а вправду ли ее Блэр так богоподобен, как она считала. Ей даже подумалось на миг, а нет ли в нем, если покопаться, чего-то и от хлюпика?

Едва выскочив из подсознания, мысль эта моментально унырнула обратно, но все-таки возникла, отчего Джейн охватило смутное беспокойство. Молниеносная мысль омрачила солнечный свет и унесла по меньшей мере процентов сорок удовольствия от лазурного неба и

щебетания птичек.

В последние несколько дней Блэр, несомненно, выказывал себя не с лучшей стороны. Постоянное общение с сенатором породило в нем раздражительность, брюзгливость и жалость к себе. На их коротких, тайных встречах, когда Джейн предпочла бы беседовать о любви, он стремился свернуть разговор к своим личным несчастьям, да так на них и застревал. А это мучительно для чувствительной и романтичной девушки: летишь, как на крыльях, в тихих сумерках, чтобы увидеть возлюбленного, и обнаруживаешь, что он желает обсуждать привычку ее отца швыряться в него овсяной кашей.

Однако все бы это Джейн могла простить, если бы Блэр хоть раз пришел с хитроумным планом кражи. Если правда, что Критический Час порождает Героя, правда и то, что Критический Час безжалостно разоблачает слабаков. Как заговорщик Блэр обнаружил полную свою никчемность. Никакого конструктивного курса действий выдвинуть он не сумел. С таким же успехом его могло бы и не быть здесь.

Нехотя Джейн пришла к выводу: в подобных затруднительных обстоятельствах ей требуется кто-то, больше похожий на Пэки Франклина. Вот он, понимала она, человек действий, на которого можно положиться; он хотя бы попробует что-то предпринять, чем без толку слоняться и тратить время на нытье из-за того, что кто-то швырнул в него капельку каши. Да, она печально его вспоминала, и внезапно всем сердцем захотела, чтобы он оказался здесь, и сейчас же. Подняв глаза, увидела, что он и вправду здесь, спускается к ней по тропинке. Вот это быстрое обслуживание, подумала Джейн и подпрыгнула в изумлении дюйма на два с четвертушкой, чувствуя себя Аладдином, случайно потеревшим лампу.

— Вы!

То же самое выкрикнула она и в предыдущую их встречу, но тогда это короткое слово разорвалось, точно ручная граната. Теперь же оно вызвало на лице Пэки радостную улыбку. Знаток словечка «Вы!», он сразу распознал его тайный смысл — благожелательность и даже восторг. Такое «вы» всегда приятно услышать молодому человеку-

— Что?.. Почему?.. Как?..

Пэки пожал ее маленькую ручку. Строгий ревнитель нравов, пожалуй, отметил бы, что для помолвленного с другой он пожимает ее чересчур ласково.

— Все в порядке!

В нескольких простых словах Пэки обрисовал ситуацию. Он передал разговор с виконтом де Блиссаком и более недавнюю беседу с Геджем.

Предвосхищая возможный вопрос — а как же теперь, когда он в Шато, он намерен проникнуть в запертый сейф, Пэки поведал о благодарности Супа, доказывая тем самым, что у него есть умелый помощник. Сейчас сообщил он, нужно дождаться миссис Гедж, потом оставить открытым ближайшее окно, а уж Суп довершит остальное.

— Вот такие дела, — завершил рассказ Пэки.

Джейн глубоко вздохнула. Не будь она на редкость прелестной девушкой, кто-то мог бы и сказать, что она засопела. В глазах у нее сиял свет, какого Пэки еще не видел. Сияние ему очень понравилось, и его снова укололо сожаление — ах, какая девушка бросается в объятия этому обсевку природа, Блэру Эгглстону!

— Ой, как вы чудесно все устроили! — тем временем вскричала она.

— Ну, что вы! Ничего особенного.

Сейчас-то вообще не было необходимости снова брать и пожимать ее ручку, но он все-таки взял и пожал.

— Почему вы все это делаете для меня?

Джейн затронула вопрос, который и самого Пэки ставил в тупик. Нелепо было бы предполагать, что легкая физическая привлекательность как-то повлияла на человека, помолвленного с леди Беатрисой. Приходилось относить все за счет внутреннего благородства. Встречаются порой такие люди — великодушные, бескорыстные альтруисты. Без всякой личной выгоды мечутся они по свету, творя добро налево-направо.

Слишком скромный, чтобы выдвигать такую теорию, Пэки скромно отмахнулся.

— Ну, мне подумалось, что вам потребуется помощь. Как я догадался из ваших слов по телефону, от Эгглстона вы особого проку не ждете.

— От Блэра вообще толку нет! — вздохнула Джейн.

— Этого я и опасался.

— Он никак не может оторваться от мыслей об овсяной каше.

— От каши?

— Ой, ну все случилось в первое же утро. Папа потребовал завтрак в постель, и Блэр принес. А кухарка, зная, что папа — американец, естественно сочла, что ему на завтрак требуется овсянка. Понимаете, папа ее терпеть не может. Овсянку, не кухарку.

— Многие не могут ее терпеть.

— Да, но он не сказал об этом попросту. Не такой у него характер. О, нет! Дождавшись, пока Блэр поставит поднос у кровати, он поднял крышку и спрашивает: «А это что? Овсянка?». Блэр отвечает: «Да, овсяная каша». Папа переспрашивает мягко так, ласково: «Ах, овсянка?». Блэр уже

двинулся к дверям, и вдруг что-то горячее и скользкое хлопнуло его по затылку. А папа сидит в кровати и зачерпывает ложкой овсяную кашу. Блэр стал гадать, что же это такое, почему у него весь затылок в каше. Тут папа вынимает полную ложку и, придерживая дно левой рукой, а верх — двумя пальцами правой, мечет ее, ну, знаете, как раньше метали из катапульты в древних историях? Все выплеснулось на Блэра, на этот раз ему в лицо.

Легкая дрожь сотрясла стройную фигуру Пэки. Ему припомнился эпизод со стрижкой, и до него дошло, на какой же риск он, беспечный, так опрометчиво нарывался. При мысли, что Амброуз Опэл мог бы совершить, окажись у него под рукой бланманже или чашка бульона, его пробрала дрожь.

— Ну, значит, стоит Блэр с кашей на затылке и по всему лицу, в общем — сплошная каша, а папа так спокойненько, с обаятельной улыбкой, и говорит: «Не люблю овсянку». Это происшествие засело у Блэра в мозгу. Боюсь, он чуточку злится. Говорит, мне следовало предупредить его, чему он себя подвергает.

— Откуда вы-то могли угадать?

— Папа рассказывал мне, что его камердинеры никогда не задерживаются у него дольше чем на неделю, но объяснял это тем, что большевистский дух сейчас очень силен. Досадно все это, Блэр стал капельку капризным… сварливым… вряд ли он очень счастлив.

— Да, вряд ли. Лично я, скорее, впал бы в немилость у Аль Капоне, чем служил камердинером у вашего папы.

Пэки был бы не прочь развить эту тему, но в эту минуту донеслось пыхтенье, и из-за поворота появился самолично сенатор Опэл.

При виде Пэки сенатор застыл, как вкопанный. На лицо его набежала тень озабоченности; последнее время он много нервничал, а нервы, как ему было известно, вызывают галлюцинации. Потом, рассмотрев, что призрак держит его дочь за руку, а та, по всей видимости, вполне осознает его присутствие, он чуточку приободрился. Когда Джейн повернулась к нему и окликнула: «А, папа! Это мистер Франклин!» — последние его сомнения развеялись, а остатки страха сменились праведным гневом.

— Только, — продолжала Джейн, пока лицо ее папы постепенно багровело от воспоминаний о стрижке, а глаза, устремленные на Пэки, загорались огнем, — смотри, не забудь, теперь ты должен называть его «виконт де Блиссак»!

Как подметил еще Шекспир, нет ничего скучнее, чем история, рассказанная дважды; но когда Пэки второй раз повествовал о событиях,

которые привели его в Шато под чужим именем, в манере Джейн не было и намека на скуку. Она буквально сияла, вставляя изредка: «Правда, здорово?» и «И подумай только, папа, как умно!»

Сенатор и сам не остался равнодушным. Потихоньку багровый оттенок сползал с его физиономии, а на ней проступали благоволение и почтительность, как незадолго до того и на лице его дочери, а еще раньше — на лице Геджа. Ближе к финалу он засопел, и наконец заговорил с видом человека, для которого все прояснилось.

— Так вы — тот самый парень?

— Какой, папа?

— Да тот, про кого ты говорила мне в Лондоне. Ну, за которого ты хочешь выйти.

Джейн приохнула от изумления. Ошибка была естественной, и даже неизбежной, но все-таки вызвала неловкость. Покраснев, она взглянула на Пэки.

Во взгляде его тоже читалось легкое замешательство. Но он незаметно подмигнул ей, как бы советуя: «Не возражайте ему. Так лучше». Объясняться, понял Пэки, значило напрямую ввести тему Блэра Эгглстона, а интуиция подсказывала ему, как прежде подсказала и Джейн, что сейчас делать это безрассудно.

— Да, сэр, — поддакнул он, слабое эхо Геджу, — все верно. Сенатор Опэл излучал добродушие и сердечность. Самым задушевным манером он похлопал Пэки по плечу.

— Раздобудьте обратно письмецо, и никаких с моей стороны препон! Никаких! Франклин?.. Франклин?.. А не футболист ли Франклин, а?

— Да, я играл в футбол в Йейле.

— Ничего себе! Играл! Да вас включили в сборную Америки!

— Э… в общем-то да.

— Я и сам из Йейла. Черт, мне ведь все про вас известно! Пару лет назад вам кто-то оставил пару-тройку миллионов.

— Да, дядя.

Сенатор обежал дочку взглядом, в котором читалась серьезная тревога за ее рассудок.

— Студент Йейла… полузащитник Американской сборной… с тремя миллионами долларов… Почему же ты хотела сохранить все в тайне? Ума не приложу. Чего не сказала прямо? — Сенатор повернулся к Пэки, и его суровость смягчилась до елейной сладости. Он стал похож на викторианского папашу, готового осенить их благословением.

— Вы — именно тот зять, о каком я всегда мечтал. Поцелуйте ее!

Если Пэки и раньше слегка смущался, то теперь смущение разрослось не на шутку. Он был не из тех, кто заливается румянцем на каждом шагу. Напротив, многие его друзья были убеждены, что краснеть он разучился еще в далеком детстве. Тем не менее сейчас под здоровым загаром зарделся розовый румянец, который мигом превратился в довольно красивый цвет давленой клубники.

— Да, ничего, сэр, все нормально. — Пэки попятился, избегая смотреть на раскалившуюся от смущения Джейн.

Но сенатор Опэл был из породы людей, которые, отдав распоряжение, любят, чтобы исполнялось оно в мгновение ока. Вдобавок он придерживался здравых и старомодных взглядов на то, как подобает вести себя молодым влюбленным. Сердечность на лице у него поугасла.

— Слышали, что я сказал? Поцелуйте ее!

— Но…

— Давайте! Давайте!

Нелегко одарить девушку достаточно нежным поцелуем, чтобы остался доволен отец, которому нравятся поцелуи от всей души, и, одновременно, выразить ей намеком глубокие и самые почтительные извинения. Но Пэки старался изо всех сил.

— Вот, правильно! — оживленно одобрил сенатор, очевидно, сочтя поцелуй вполне удовлетворительным. — Разрешаю делать это всякий раз, как захочется! А теперь — к письму. Знаете, куда я ухожу? — осведомился он, внушительно глядя из-под кустистых бровей.

— Папа, ты же еще не уходишь? — немножко встревожилась Джейн.

— Именно ухожу, и скажу тебе, куда. Теперь, когда приехал этот молодой человек, можно начать действовать. И первое, что требуется, — выяснить, куда эта гадюка запрячет мое письмо. Его она наверняка привезет с собой. Знаю я вас, женщин. Попади такой документ к мужчине, он бы хранил его в банковском сейфе. Но вам, идиоткам, нравится держать ценности при себе, чтобы можно было вынимать каждые две минуты и любоваться.

— Истинная правда! — согласился Пэки.

— Разумеется, правда. Так же поступит и эта морда. Вы смотрите, как она хранит драгоценности! Сколько раз ей советовал, чтобы положила их в банк, но она — ни в какую. И письмо, конечно, тоже запрет в сейф. А сейф, пари держу, у нее в спальне. Вот я и наведаюсь туда, взгляну. Ждите меня на террасе через двадцать минут…

И он тяжело затопал прочь, а Джейн с Пэки направились обратно в замок. Оба молчали, задумавшись.

Пэки слегка удивлялся — как же так, он влюблен в Беатрису, а не стал особенно протестовать против этого поцелуя? Удовольствия, разумеется, никакого, но и противно не было. Однако очень хорошо, что Беатриса не видела этой сцены.

Приблизительно в том же русле текли и мысли Джейн. Мы бы не решились сказать, что она получила удовольствие, но, с другой стороны, поцелуй и не оскорбил ее до глубин души. Кстати, она тоже радовалась, что Блэра не оказалось поблизости.

Словом, они в задумчивости приблизились к замку.

— Какие эти замки забавные, — обронила Джейн.

— Ужас, — согласился Пэки.

— Башенки эти… всякие штуковины…

— Угм, башенки…

И они принялись сдержанно обсуждать средневековую французскую архитектуру.

VIII

1

Через пятнадцать минут садовая дверь Шато отлетела нараспашку, и из нее выскочил сенатор, шагая по-молодому бойко. Поиски его завершились полным успехом. После самого беглого осмотра венецианской спальни сейф обнаружился — он был вделан в стену рядом с кроватью. Сенатор был вполне доволен собой, и все его поведение кричало об этом.

Последние несколько дней он пребывал в унынии. Что может быть отвратительнее для гордого, деспотичного человека, чем попасть в полную власть к женщине, да еще к той, к которой испытываешь явную неприязнь? И что совсем уж огорчительно — винить в этом ну абсолютно некого! Катастрофа грянула единственно по его собственной оплошности.

Зато теперь все опять превосходно. Миссис Гедж непременно привезет письмо с собой и спрячет его в сейф. Где сейф, он уже установил, а у этого расчудесного Франклина, которого он с каждой минутой ценил все больше, есть знакомый взломщик, готовый в любой момент, стоит только шепнуть ему словечко, вскрыть для него что угодно!

Облегчение сказалось и в походке, сенатор буквально бегал взад-вперед по террасе, когда вдруг заметил молодую женщину, приближающуюся к нему. То была Мэдвей, горничная миссис Гедж. В одной руке она держала книгу, в другой — недокуренную сигару.

Последнее сенатора удивило. В противниках курения он не числился, вовсе нет, не осуждал и модного поветрия — курящих дам. Но дама с сигарой! Нет, такого он не видывал!

Мэдвей подошла ближе, приостановилась, вскинула на него почтительный взор и протянула сигару двумя изящными пальчиками.

— Она вам еще нужна, сэр?

— А?

— Вы забыли сигару в спальне у мадам, и я подумала — а может, она вам нужна?

2

Сенатор сразу пал духом. Курильщик машинальный и бессознательный, он, пустившись в розыски, забыл про недокуренную сигару. Горло ему заметно перехватило, и он издал слабый хрип, похожий на предсмертный кряк погибающей утки.

— Вас там не было!

— Нет, сэр, я была.

— А я вас не заметил!

— Да, сэр, не заметили.

Сенатор шумно прочистил горло. Очень ему хотелось задать несколько вопросов этой невозмутимой девице, но он чувствовал, что это неблагоразумно. Бросающееся в глаза обстоятельство, которым требовалось заняться незамедлительно, — то, что она видела, как он шныряет по венецианской спальне. Где скрывалась она сама — вопрос второстепенный.

— Х-рм-фх! — неловко выдавил он.

Мэдвей мирно и уважительно ждала его ответа. Нет, думал сенатор, всматриваясь в ее глаза, так ли они полны почтительности, как ему показалось? Девица скрытная. Трудно угадать, что у такой на уме.

— Э… М-дэ… вам, наверное, кажется странным, что я зашел в спальню миссис Гедж?

Мэдвей молчала.

— Дело в том, что у меня хобби… антиквариат. Мэдвей сохраняла невозмутимую безмятежность.

— Такой дом, как этот… исторический, знаете, старинный… подлинный замок старого мира, полон занимательных образчиков… и мне… э… э… очень любопытно. Да, очень. Любопытно… э… любопытно по нему побродить. Н-да, я нахожу это весьма любопытным.

На снежно-белые волосы уселась муха. Мэдвей в молчании разглядывала ее. Сенатор откашлялся снова. Он понимал, что мог бы выступить и поубедительнее.

— Но я понимаю вполне, — снова замямлил он, стараясь добиться хоть слабого подобия той звучности голоса, которая производила такое впечатление на молодых депутатов в Вашингтоне. — Я понимаю, что миссис Гедж, возможно, не понравится… она, возможно, станет возражать… так сказать, удивится, что в ее отсутствие я заглянул в ее sanctum sanctorum.[5] Ну, в общем… буду вам весьма признателен, моя дорогая, если вы ничего ей об этом не скажете. Вот… — Сенатор, перейдя к делу, извлек из кармана купюру, очень надеясь, что это не mille,[6] но

опустить глаза и проверить не посмел. — Вот, возьмите.

— Спасибо, сэр.

— Значит, договорились? Ни словечка?

— Да, сэр.

— Понимаете… То есть, понимаете… Вообще-то, с другой стороны, мне лучше бы дождаться миссис Гедж. Она сама, лично, поводила бы меня по замку… Но так как… э… учитывая, что… в общем, лучше будет, если вы… а… хр-м-фр… так вот.

— Конечно, сэр.

Такая покладистость покорила сенатора. Тактичность в ситуации, чреватой неловкостью, полностью восстановила его благодушие. Теперь он не возражал — ладно, пускай хоть и mille. Он испытывал глубочайшую доброжелательность, и ему казалось, что небольшая любезность — чисто отеческая, разумеется, — придется сейчас весьма кстати.

— Вижу, вы с книгой…

— Да, сэр.

— Любите читать?

— Да, сэр.

— Наверное, когда миссис Гедж в отъезде, у вас много досуга?

— Да, сэр.

Сенатору она нравилась все больше и больше. Как привлекательна в конце концов эта почтительная манера!

— Что же мы читаем? — осведомился он голосом, практически равноценным похлопыванию по руке. — Любовный романчик?

— Нет, сэр.

— А что, не любите романов?

— Нет, сэр. Я в них не верю. Мужчины, — в голосе ее впервые пробилось какое-то чувство, — такие обманщики! Ух, эти мужчины! И эта самая любовь! — совсем уж горько воскликнула Мэдвей.

Сенатор съежился, не желая влезать в трагедию, на которую намекали и слова, и тон.

— Детективная, значит, история? — сказал он, мельком уловив картинку на обложке: мускулистый джентльмен в маске сражается в джиу-джитсу с большеглазой красоткой, явно не подозревая, что из-за шторы на заднем плане высовывается рука с револьвером. — Триллер?

— Да, сэр.

— Что ж, не буду вас задерживать. Наверное, вы дочитали до самого интересного места?

— Да, сэр. Преступники как раз пытаются взломать сейф и не

подозревают о том, что девушка, которую они принимают за горничную, на самом деле сыщик Джанис Деверо. Доброго вам здоровья, сэр.

И она отправилась своей дорогой, грациозно ступая по дерну. Сенатор Опэл глядел ей вслед, пока она не скрылась из виду, и не потому, что любовался ее изяществом. Чудовищное подозрение закралось ему в душу.

— А, черт! — воскликнул он.

В его смятенные размышления ворвался веселый говор. На террасе появилась его дочка Джейн в сопровождении молодого Франклина.

3

Легкое замешательство, препятствовавшее вначале вольной болтовне между Джейн и Пэки, не продержалось долго. Теперь они пребывали в превосходнейших отношениях, и сенатору, услышавшему их болтовню, показалось, что более отвратительного треска он в жизни не слышал.

— Эй! — резко крикнул он. Любое веселье в подобный момент его возмущало.

Беззаботные голоса моментально оборвались. То, что сенатор Опэл пребывает в душевном смятении, не ускользнуло бы на таком близком расстоянии ни от кого. Джейн встревожилась — она любила отца. Пэки удивился — для него было откровением, что сенатор может так нервничать. Пэки воспринимал его как человека из стали, невосприимчивого ни к каким слабостям.

— Папа, что случилось?

Сенатор окинул окрестности заговорщическим взглядом. За исключением лягушки, выпрыгнувшей из кустов и смотревшей странным апоплексическим взглядом, каким обычно смотрят лягушки, словно бы гадая, что же теперь делать, вокруг не было ни души. Тем не менее сенатор понизил голос до сиплого шепота.

— Слушайте! Надо быть начеку!

— Я начеку! — легкомысленно откликнулся Пэки. — Предоставьте все мне, старине Пэки, надежному Франклину. Ситуация у меня под контролем.

— Прекратите трещать, как идиот!

— Папа!

— А ты брось свои «папа»! Представляете, что стряслось?

Тем же сиплым, бронхиальным шепотом сенатор Опэл поведал им всю историю. Он рассказал о своем броске в венецианскую спальню, об

успешном знакомстве с сейфом, о триумфе и ликовании и о победной пробежке по террасе.

Далее рассказ принял минорные тона. Сенатор перешел к Мэдвей и сигаре, Мэдвей и ее загадочном взгляде, Мэдвей и детективному роману, Мэдвей и ее прощальным словам, которые, если не зловещи, то каковы же еще?

— «Преступники как раз пытаются взломать сейф и не подозревают, что эта чертова горничная на самом деле — переодетый детектив». Так и сказала! И вы бы видели ее взгляд! Признайся она в открытую, что она — частный детектив, так и то не было б яснее! Я весь похолодел!

— Ну, нет! — воскликнула оптимистка Джейн. — Не может быть!

— Уверяю вас, — мрачно возразил пессимист-сенатор. — Это сыщица!

Пэки занял промежуточную позицию.

— Вполне вероятно, конечно, что миссис Гедж наняла детектива приглядывать за драгоценностями. Но слова про сейф, на мой взгляд, — простое совпадение.

— Никто вас не спрашивает!

Джейн заметила, что не стоит попусту кипятиться. Сенатор возразил, что кипятиться он и не думает.

— Я хладнокровен. Абсолютно. И, заметьте, невозмутим. Я просто излагаю вам факты, чтобы их обсудить. Исследовать проблему досконально. Мне нужно выяснить, как нам Действовать дальше, если она и вправду сыщица. А вот когда я был молодым, девушки со своими отцами так не разговаривали.

Подавив желание порасспросить сенатора поподробнее, как все было во дни его молодости, Пэки задумчиво нахмурился.

— Да, согласен. Надо непременно это выяснить, прежде чем приступать к операции. Коллега, про которого я вам рассказывал, человек, конечно, железный, но даже железные люди не любят действовать в потемках. Вряд ли честно, чтобы он брался за работу, не зная, выскочит ли из засады, в разгар его работы сыщица и не подставит ли подножку. Хотя он и благодарен мне, его, пожалуй, и заденет, если мы его в это втравим.

— Пэки имеет в виду, что неудобно, если в доме детектив, — разъяснила Джейн.

Сенатор ответил, что и сам преотлично понял, что имеет в виду Пэки, а заодно швырнул окурком сигары в лягушку, угодив той по носу и устранив, таким образом, все ее сомнения, куда же двигаться дальше. В два прыжка упрыгала она в кусты, а Пэки, использовавший паузу для

напряженной мысли, выступил с предложением.

— Наш первый ход — прояснить эту девицу. Надо организовать расследование. Или устроить допрос.

— Как же, черт дери, — поинтересовался сенатор, — все это организовать?

— Проблема не в том, как, — объяснил Пэки, игнорируя легкую резковатость его речи. — С этим все просто. Очевидно, кому-то следует подружиться с горничной — ну, прямо скажем, поухаживать за ней, вкрасться в доверие и вытянуть из нее правду. Проблема в другом — кто?

И Пэки так многозначительно покосился на сенатора, что тот осведомился, всерьез ли он предлагает, чтобы столп правительства Соединенных Штатов взялся ухаживать за хозяйской горничной?

— Да ведь не так уж много и дела, чтобы она раскололась, — подначил его Пэки.

— Конечно! Совсем немножечко, — подхватила Джейн.

— Сказать ей ласковое словцо. Пожать ручку…

— Поцеловать ее…

— Да, можно и поцеловать. Да, правильно.

— В общем, легче легкого. В папе столько обаяния. Вы прямо удивитесь!

— Я уже вне себя от изумления!

Сенатор издал резкий пронзительный вскрик. На минутку Пэки предположил, что это — предвестник неистовой ярости, и немного попятился, готовясь к бегству. С таким человеком нельзя точно знать, когда возникнет необходимость быстрого маневра. Но взрыв эмоций вызвала не ярость. Вскрик означал вдохновение.

— Эгглстон!

— А?

— Эгглстон! Вот кто это сделает! Этот мерзкий, вислоухий бездельник. Мой лакей. Он и только он!

4

Если сенатор рассчитывал, что такое решение проблемы встретит единодушное одобрение, он разочаровался. Пэки действительно сразу проникся всеми достоинствами этой кандидатуры. Помимо того, что Эгглстону давно пора трудиться, внося свой вклад в дело, тот идеально подходил для цели, к которой они стремились. Он может все время

общаться с этой Мэдвей. Что естественнее, чем камердинер, флиртующий с горничной? В этом есть эстетическая неизбежность. Словом, голос Пэки сенатору был обеспечен.

Однако Джейн энтузиазма не проявила. У нее было время присмотреться к Мэдвей, и мысль о том, что Блэр сдружится с такой привлекательной девушкой, отнюдь не вызывала в ней восторга.

— Ой, папа, нет!

— Что еще?

— Он не захочет!

— Ничего, захочет. Если у него имеются хоть слабые зачатки чувства долга, то он просто ухватится за такую возможность. Я очень хорошо с ним обращаюсь, и пусть только посмеет не оказать мне такой пустячной услуги! Я ему позвоночник в шляпу вобью.

Следуя обычному своему методу призывать личного слугу, сенатор Опэл, запрокинув голову, принялся подвывать, словно лесной волк, и подвывал, пока Блэр Эгглстон не выбежал из-за угла со щеткой в руках. Он был еще далеко, но голос его хозяина звучно гремел:

— Эй! Скорей!

От быстрого перемещения в пространстве Блэр запыхался. Он встал, отдуваясь, точно марафонский бегун у финишной ленты, и стоял, пока сенатор, которому нравилось, чтобы камердинеры его отличались проворством, не схватил его за плечи и не тряханул как следует, подбавляя жизненного тонуса. От сотрясения голова романиста чуть не сорвалась с прикола, зато безраздельное его внимание было обеспечено.

— Эй, вы, идиот пучеглазый! — воззвал сенатор. Нелегко объяснить своему камердинеру, что он должен поухаживать за горничной, чтобы выяснить, сыщица она или нет. Рядового человека это могло бы и в тупик поставить, но сенатор Опэл рядовым не был. Он умудрился растолковать все в шестидесяти пяти словах.

— Вот так! — заключил он. — Ступайте и выполняйте!

— Но…

— Что я слышу? — опасным голосом поинтересовался сенатор. — Кто-то вякнул «Но»?

Джейн почувствовала, что необходимо вмешаться.

— Конечно, — с виноватой улыбкой сказала она, — вы, наверное, решили, что просьба странновата…

Сенатор Опэл терпеть не мог, чтобы перед кем-то лебезили.

— Да плевать, что он там решил! Пусть отправляется и выполняет! И что ты имеешь в виду — просьба? При чем тут просьба?

— Но, папа…

— Нет у меня времени на пустую болтовню! Если этот несчастный недоумок чего недопонял, сама ему растолкуй. — Сенатор повернулся к Пэки. — А с вами я хочу переговорить. Поцелуйте на прощание Джейн и пойдем.

Чтобы целовать невесту в присутствии ее жениха — нужен тонкий такт. Пэки постарался, как мог, осуществить этот подвиг, но ему все-таки казалось, что расположения публики завоевать ему не удалось.

Постаравшись не глядеть на Эгглстона — в конце концов и так известно, как тот выглядит, — он двинулся с террасы за сенатором.

5

Заподозрив, что Блэр, пожалуй, обнаружит повод для критики в недавнем спектакле, Пэки не ошибся. Поведение романиста, впившегося взглядом в Джейн, напоминало об Отелло. Он тяжело дышал, и его так захлестнули эмоции, что он даже пригладил волосы одежной щеткой.

— Что, — прохрипел он, — это означает? Джейн кинулась его успокаивать.

— Я понимаю, милый, тебе показалось странным… Папа забрал себе в голову, будто горничная миссис Гедж…

— Какая горничная, — нетерпеливо отмахнулся щеткой Блэр. — Я говорю про Франклина.

— Ах, это… Ну, тут долгая история. Он приехал в Шато, выдав себя за виконта де Блиссака…

— Неважно, за кого он себя выдал! Он поцеловал тебя! Если до этого Джейн была ласковой, то теперь стала прямо медово-масляной.

— Ну да! Я про это и говорю. К несчастью, папа почему-то решил, что это в него я влюблена.

— Не удивляюсь. Если ты ведешь себя с ним так…

— Но, Блэр, неужели ты…

— Он *поцеловал* тебя!

— Ну да! Папа настоял. Ты ведь не считаешь, что это мне нравится?

— Не уверен.

— Блэр!

— Я не заметил, чтобы ты сильно противилась.

— Ну что я могла сделать, когда папа смотрит? По-твоему, мне что, закричать: «На помощь!». Или, может, тебе хочется, чтобы я открыла папе,

что на самом деле это ты…

Последняя фраза оказала должный эффект. Суровый обвиняющий взгляд (любителю поэзии он напомнил бы покойного лорда Теннисона, а точнее, знаменитую беседу короля Артура с Гиневрой в монастыре) сменился тревожным. Способный к психологии, как и все романисты Блумсбери, Блэр давно читал характер своего нанимателя, как открытую книгу. И то, что он вычитал в ней, не склоняло его к подобным действиям.

— Ни в коем случае! — торопливо воскликнул он, чуть позеленев при одной этой мысли. Его отношения с сенатором Опэлом были совсем не таковы, чтобы вселить иллюзии, будто сенатор с восторгом примет новость о помолвке камердинера с его дочерью. — Что ты, что ты, что ты! Ни в коем случае!

— Вот! Ты и сам видишь…

— Однако же…

Блэр задумчиво вертел одежную щетку. Другой рукой он потянулся было покрутить усики — обычный его жест, когда перед ним вставала дилемма, но усиков на месте не было. Из уважения к словам хозяина о том, что ему противно, когда рядом болтается камердинер с мерзостной порослью на физиономии, фыркающий на него из-за этого супового сита (так грубо сенатор обзывал аккуратнейшее из аккуратных украшений), Блэр сбрил в конце концов лелеемое сокровище. Утрата причиняла ему великие душевные муки, но его невесту, судя по всему, позабавила.

— О, Блэр! — воскликнула Джейн. — Без усиков ты такой уморительный!

Восклицая так, она подсознательно понимала, что дело обстоит еще хуже. Мир полон мужчин, которым усов сбривать нельзя, и Блэр Эгглстон принадлежал к их числу. Явив лицо открытым, он показал упомянутому миру, что у него не очень красивый, скажем так, брюзгливый рот. Из тех самых ртов, что рождают сомнения у девушек.

Блэр окаменел. Ему в последние дни доставалось и без таких подшучиваний.

— Рад, что посмешил тебя.

— Да я же пошутила!

— Понятно.

— Ты что, шуток не понимаешь?

— Меня еще никогда не обвиняли, — веско проговорил Блэр, — в отсутствии чувства юмора…

— Ой, ладно! Так, с языка сорвалось. Ну, пошутила. Ради Бога, давай не ссориться!

— У меня и нет такого желания…

— У меня — тоже. Так что все прекрасно.

Повисла пауза. И тут внезапно Блэру открылось, что без всякого желания с его стороны главный предмет дискуссии ловко увели в сторону.

— Однако я решительно возражаю против подобных поцелуев.

— Да что же я-то могу поделать?

— Никакой необходимости в них нет.

— Да? Видел бы ты сам. В первый раз папа чуть не ударил Пэки каким-нибудь тупым орудием, если б тот заартачился, не захотел целовать.

— Для тебя он уже и Пэки?

— О, Блэр!

Лидера новых романистов не могли укротить какие-то женские восклицания. Он немножко раздулся и помахал щеткой с холодным достоинством.

— Не думаю, что про меня можно сказать, будто я чрезмерно требователен, когда жалуюсь на… э… на то, что происходит. Но на одном я настаиваю — встречайся с этим Франклином как можно реже. Лично я не могу понять, что он тут вообще толчется.

— Он приехал помочь мне.

— С какой стати?

— Чувствует, наверное, что я нуждаюсь в помощи.

— Странный альтруизм со стороны человека, в сущности, совершенно незнакомого.

Легкий румянец слабым заревом первой летней зорьки окрасил щеки Джейн Опэл.

— Не обязательно намекать, будто…

— Я ни на что и не намекаю.

— Не намекаешь? Да ты каждым словом намекаешь! — жарко возмутилась Джейн, не любившая обиняков. — Совсем как эти идиоты из твоих книг!

— Очень жаль, что тебе кажется, будто персонажам моих книг недостает интеллекта.

— В общем, ты глубоко ошибаешься. Я для Пэки ничего не значу… — ой, ладно, ладно, — для мистера Франклина! Неужели ты сам не понимаешь, что он из тех мужчин, которые ввязываются в чужие дела просто так, забавы ради? Вдобавок, он помолвлен. Ты же сам слышал, как он говорил нам.

Факт этот начисто вылетел из головы Блэра, и он подрас-терялся, признавая, что тот ослабляет его позиции.

— Сам видишь! Теперь, надеюсь, ты понял, что глупо ревновать?

Так далеко Блэр зайти не мог.

— Если я и позволил себе излишнюю…

— И вообще, я думала, ты мне доверяешь! Я вот тебе доверяю.

— В каком смысле?

— Позволяю тебе ухаживать за этой Мэдвей.

Срочная необходимость выступить с упреками на минутку отвлекла Блэра от возложенной на него миссии.

— А кстати, *что это еще за чушь?* — тут же возбудился он.

— Очень просто. Мы подозреваем, что она — переодетая сыщица. Мистер Франклин сказал, единственный способ узнать наверняка — поухаживать за ней и завоевать ее доверие.

— Пусть бы сам и ухаживал.

— Поручить задание тебе — папина идея.

Блэр поперхнулся. У него было свое мнение о сенаторе Опэле, и он бы с превеликим наслаждением детально и подробно изложил его.

— Ну так вот, я отказываюсь!

— Что ты! Ты должен! Обязан!

— А я категорически против.

— Блэр, ты *должен.* Нам очень нужно выяснить про эту девицу. Ну, очень. И знаешь, я правда думаю, пора бы и тебе что-то сделать. До сих пор пользы от тебя, как от головной боли.

Ответ Блэра на этот выпад останется навеки неизвестным. Возможно, он был бы преисполнен возвышенного укора, но возможность эта канет в вечность среди прочих прекрасных вещей, о которых мы не написали, потому что в этот момент Джейн сказала слова, которые разом стерли все возражения с его губ.

— Значит, передать папе, что ты отказываешься?

На лице Блэра снова проступила зеленоватая тень. Какие бы чувства не испытывала к сенатору длинная череда его камердинеров, ни один не относился к нему как к человеку, чьими желаниями можно беспечно пренебречь. Блэр, последний в этой череде, скорее отказал бы атакующему носорогу.

— Ладно, — выговорил он. — Так и быть.

— Вот это правильно!

— Но позволь сказать тебе, иногда я гадаю, во что же это я впутался. Иногда я спрашиваю себя…

Времени открыть, о чем он себя спрашивает, ему не хватило: на террасу торопливо ворвался Пэки, явно веселясь от всей души.

— Ох, и намучился я с этим чокнутым… о, прошу прощения, я имел в виду, с вашим достопочтенным папой. Он выдвинул три разных плана, один безумнее другого. Мне потребовалось немало времени, чтобы убедить его — все практические действия надо предоставить мне.

Блэр хрипло полаял.

— С чего вдруг такой сардонический смех? — удивился Пэки.

— Поправьте меня, если ошибаюсь, но мне кажется, что я — хотя я такое ничтожество, бесполезнее головной боли, — но мне тоже перепала некоторая доля практических, как вы называете, действий.

— Что? — вытаращился Пэки. — Держать Мэдвей за ручку? Это, по-вашему, действия? Детские забавы! Между прочим, очень приятные. Вдобавок, такой опыт очень пригодится вам в вашем бизнесе. Не удивлюсь, если вы выудите от нее сюжетик для нового романа.

— У Блэра нет сюжетов.

— Хм, вот как? А почему?

— Он считает, что сюжет — это слишком примитивно.

— Надо как-нибудь почитать. Но не сейчас, конечно. Потом, на досуге.

— Критики пишут, что его романам присуще новое бесстрашие.

— Это уже кое-что!

Литературную дискуссию оборвал внезапный уход обсуждаемого автора. Темнее тучи Блэр затопал к дому. Пэки проводил его тревожным взглядом.

— Обиделся, а?

— Да. Немножко.

— А он… хм, забыл, что хотел сказать.

— Да, именно.

— Этого я и боялся.

— С Блэром иногда бывает очень трудно, — тяжело вздохнула Джейн.

— Могу себе представить.

— Артистический темперамент, наверное.

— Скорее всего. Мудреные личности эти романисты. Видимо, им в голову чернила бросаются.

— Иногда я думаю…

— Что?

— Да так! Ничего.

— Простите, — раздался позади неодобрительный голос, — но вы сейчас, виконт, очень заняты?

Они обернулись. Спрашивала мисс Путнэм, благожелательно сияя

через роговые очки.

— Миссис Гедж настоятельно просила, чтобы я показала вам протекающий бачок.

В намерения Пэки вовсе не входило тратить погожий летний день на осмотр всяких бачков. Предложение, столь манящее для слесаря, его не заинтриговало. Однако человеком он был любезным.

— Взгляну с наслаждением. — Пэки повернулся к Джейн. — А вы? Не присоединитесь к нам?

— Нет, вряд ли. Спасибо.

— Девушки нынче, — повернулся Пэки к мисс Путнэм, покачивая головой, — очень пресыщенны!

— Я хотела пойти на лужайку, посидеть в гамаке.

— Пропустите что-нибудь занимательное. Что ж, поступайте, как знаете. Я подойду чуть позже.

— Это отнимет всего несколько минут, — кротко уточнила мисс Путнэм.

— Значит, через несколько минут, — сообщил Пэки, — я присоединюсь к вам.

IX

Несмотря на то что Пэки с большой неохотой отправился на осмотр достопримечательности, к которой его пригласили с таким энтузиазмом, в нем проснулась некоторая приятная возбужденность, пока он следовал за секретаршей на верхний этаж дома. Бачок этот, как ни крути, сыграл в его жизни важную роль. Если б не он, не случилось бы ссоры между Геджем и де Блиссаком; а если б не вышло ссоры, то он и не очутился бы в Шато. Так что, можно сказать, это исторический памятник, пришел к заключению Пэки, поднимаясь по узкому темному пролету лестницы. Наверху мисс Путнэм приостановилась.

— Осторожнее, виконт. Потолок здесь низковат. Хотя, что это я! — жеманно подхихикнула она. — Вам-то не нужно сообщать об этом!

— Сейчас уже нет! — отозвался Пэки, потирая ушибленную голову.

— Наверняка вы частенько прятались здесь в детстве, играя в прятки?

— Нет. — Пэки понадеялся, что его спутница не станет чересчур задерживаться на добрых старых деньках. — Сегодня мой первый визит сюда. Похоже на ад, как по-вашему?

Секретарша ухмыльнулась. Так мог бы ухмыльнуться Вергилий, отпусти эту шуточку Данте, пока он водил его по аду.

— Да, тут не очень приятно, — согласилась она. — Наверное, маленьким мальчиком вы побаивались прибегать сюда.

— Совсем уж маленьким я вообще не был, — поправил Пэки. — Явное недоразумение. Мальчик я был рослый. Крупная кость. И, знаете, мускулы.

Мисс Путнэм, видимо, задумалась над этим, потому что на несколько минут умолкла. Потом махнула рукой туда, где раздавалось астматическое журчание.

— Вот! — сообщила она. — Это бачок!

С бачком Пэки официально знакомили первый раз в жизни, и он был не совсем уверен, как нужно вести себя по этикету. Слегка поклонившись, он с интересом оглядел весьма отталкивающий предмет.

— Он протекает, — добавила мисс Путнэм.

— А вы уверены?

— Все время течет.

— И по воскресеньям тоже? Без выходных?

— Миссис Гедж хотела, чтобы вы взглянули на него, прежде чем она

пошлет за слесарем. Естественно, она немного раздосадована. Ведь виконтесса заверила, что эти приспособления в полном порядке.

— Да, она такая. Большая шутница.

— Ну, если вы удовлетворены…

— О, вполне. Я считаю, судебное дело у миссис Гедж непробиваемое. Она поймала маман на увертке и, полагаю, сумеет выкачать из нее неплохие денежки.

Они стали спускаться обратно. Пэки с превеликим удовольствием спускался бы молча, но мисс Путнэм трещала без умолку.

— Я так завидую вам, что вы, виконт, росли в таком красивом доме! Какие у вас, наверное, воспоминания!

— О, да!

— Что-то вы без особого пыла говорите.

— Не люблю вспоминать детство, — заявил Пэки, считавший, что подобные разговоры надо душить в зародыше. — У меня, видите ли, оно было не очень счастливое. Одинокий, заброшенный ребенок… Я бы предпочел забыть.

— О, как грустно!

— Ничего, сейчас все в порядке. Я в последнее время воспрял духом.

— Как вы превосходно говорите по-английски, виконт.

— Да?

— Никто б и за француза вас не принял.

Такое течение мыслей, по мнению Пэки, взывало к срочным мерам.

— Я учился в английской школе.

— Где же это?

— В И-итоне.

— Простите?

— В И-т-о-н-е.

— Ах, в Итоне? Тогда понятно. Пэки очень на это надеялся.

— Но вот что странно, у вас американский акцент. Пэки ощущал отчетливую неприязнь к этой женщине.

Сначала она показалась ему хрупкой, застенчивой особой, которую так приятно успокоить, и вообще, вести себя с ней как большой, сильный, великодушный и очень добрый мужчина. Теперь же проявлялись все признаки менее привлекательных качеств — ну первостатейная липучка!

— Я много путешествовал по Америке. Ах, мадемуазель! — с галльской страстностью воскликнул Пэки. — Что за великая страна!

— Рада слышать, я сама американка.

— А, так вы из Эти Юми?

— Прожила там всю свою жизнь.

— О-о! Вы меня разыгрываете?

— Виконт, а трудно вам было выучить английский?

— О нет, нисколько!

— А мне иностранные языки всегда плохо давались. Это оказалось большой помехой, когда я жила в Мексике два года назад.

— Да?

— Да. Отдала бы тогда что угодно, лишь бы встретить человека, говорящего на моем родном языке.

— Мне знакомо такое чувство.

— Вам? Хотя вы так говорите по-английски?

— Да, и нередко.

Миновав холл, они вышли на крыльцо, в которое упиралась подъездная дорога.

— О! — воскликнула мисс Путнэм.

Восклицание это исторг внезапный скрежет дряхлого такси. Обогнув угол дома, оно шустро рулило к ним.

— Наверное, герцог!

— Кто?

— Герцог де Пон-Андемер, — объяснила мисс Путнэм. — От миссис Гедж пришла телеграмма, она известила, что он сегодня приедет.

Женский инстинкт не подвел. Такси скрипуче затормозило у крыльца, распахнулась дверца, и из машины аристократически выпрыгнул джентльмен весьма изысканной наружности.

— Добрый день! — поздоровался он, приближаясь с радужной, но полной достоинства улыбкой. — Разрешите представиться. Я — герцог де Пон-Андемер.

X

1

Каких только ролей не переиграл за свою долгую карьеру Гордон Карлайл! Начал с самого низа социальной лестницы (наивный юный паренек, который, сэр, только что нашел на улице вот это колечко с рубином, сэр, и хочет поскорее продать его, такая роскошная вещица, сэр, за сколько вам угодно, сэр). Потом, исключительно благодаря своим талантам, он пробился на самый верх своей профессии, и сейчас для него сыграть даже южноамериканского идальго с документами на право владения поместьем, богатым нефтью и полезными ископаемыми, было бы сущим пустяком. Следовательно, не к чему думать, будто изобразить французского аристократа для него слишком трудно. Нет, он источал небрежную уверенность. Он чувствовал, что эти люди, кто бы они ни были, просто обязаны им восхищаться.

Пэки было нелегко привести в замешательство, но он испытывал чувства, близкие к панике. Он и думать не думал, что ему потребуется встречаться с герцогами; а уж если такая встреча неминуема, то страстно желал бы, чтобы она произошла не в присутствии мисс Путнэм. Если ей не воспрепятствовать, очень скоро она воскликнет: «Ах, как мило, что виконту встретился человек, с которым он может пообщаться на родном языке!»

Пока что она отвлеклась, приветствуя вельможного гостя.

— Здравствуйте, герцог. Я — секретарша миссис Гедж.

— Мадемуазель! — отвесил поклон Карлайл.

Мисс Путнэм приветливо улыбалась достойному приверженцу politesse ancien regime.[7]

— Надеюсь, поездка была приятной?

— В основном, да, спасибо. Море как…

— … мельничный пруд! — подсказала мисс Путнэм. Любительница кроссвордов, она редко терялась.

— Мельничный пруд! Да, именно. А этот джентльмен?

— Это виконт де Блиссак. Как же мило, что…

Пэки показалось, что при упоминании имени виконта по лицу гостя скользнуло мимолетное недоумение, но он весь погрузился в собственные

трудности и не стал уделять этому особого внимания.

— Здравствуйте. Приятно познакомиться, — ринулся он в воды светской беседы.

— Для меня огромная честь, — откликнулся Карлайл с неизменной вежливостью, — посетить ваш исторический замок. Ведь Шато де Блиссак сыграл такую значительную роль в истории нашей страны!

— А вы не из здешних мест?

— О, нет. Мои поместья в Тюрени.

— Из Парижа сейчас?

— Из Англии.

— Пароходом?

— Дэ-э.

— Как же мило… — снова попыталась вклиниться мисс Путнэм.

— Сейчас очень многие, — быстро продолжал Пэки, — летают самолетом.

— А, дэ-э.

— Мне тоже нравится летать.

— И мне-э.

— Есть в полете что-то такое…

— Дэ-э…

— Как же мило…

— Подумайте, — тараторил Пэки, — какую массу времени теряет человек в поезде, потом на пароходе, добираясь до такого городка.

— Дэ-э.

— А на самолете — всего какой-то час…

— Дэ-э.

— Но вы все-таки добрались сюда, правда, герцог? — лукаво улыбнулась мисс Путнэм. — И как же мило, что вы и виконт сможете теперь поговорить друг с другом на родном языке. Я только что говорила виконту, как бы хорошо ни знали мы иностранный язык, а все-таки это не одно и то же.

За столь авторитетным суждением повисла напряженная пауза. С четверть минутки французские аристократы молча и тупо взирали друг на друга. Вот они, сказали бы вы, увидев их, — мужественные, молчаливые французы.

Первым очнулся Карлайл.

— Parfaitement! — выговорил он.

— Alors, — отозвался Пэки.

— Parbleu!

— Norn d'une pipe.[8]

Грянула новая пауза, словно глубоко занимательная тема была исчерпана до донышка.

Пэки указал на небо, явно считая, что на него непременно следует обратить внимание гостя.

— Le soleil!

— Mais oui!

— Beau!

— Parbleu![9] — откликнулся Карлайл, бесчестно повторяясь.

И оба снова умолкли. Теперь, за исключением «O la’, 1a’!», которое вдобавок он не знал толком, куда ввернуть, Пэки расстрелял все патроны.

Но Карлайл был сделан из материала покрепче. Многое, конечно, можно сказать против мошенничества как профессии, но, рассматривая ее с чисто утилитарной точки зрения, отдадим ей должное — она, безусловно, выковывает в своих адептах завидное хладнокровие, позволяет им вести себя непринужденно и изящно в обстоятельствах, в которых дилетант просто утонет. После первых двух минут, которые, как он и сам признавал, получились неудачными, Карлайл вновь обрел свою находчивость.

— Дорогой мой друг, — с легким смешком проговорил он, — все это расчудесно, однако вы не должны искушать меня, о, нет! Английский у меня не очень хорош, и я обещал своей instructeur, что беседовать постараюсь только по-английски. Вы понимаете?

Пауза позволила Пэки откопать в памяти самое что ни на есть классное словечко.

— C'est vrai, — отвечал он и кинул взгляд на мисс Путнэм, сочтя, что это хотя бы ненадолго утихомирит ее. — Mais, n'est vrai, mon vieux. O la, la, c'est vrai!.[10] Я тоже совершенствуюсь в английском и не желаю говорить по-французски.

И Пэки глянул на потомка гордых Андемеров чуть ли не с собачьей преданностью. Ему показалось, что он в жизни не встречал такого милого человека. Француз, да, никто не спорит. Но как же благородно он сгладил этот недостаток, стойко отказавшись вести беседу на родном языке! Пусть бы потверже придерживался этого курса, ни разочка не вильнув в сторону. Тогда их пребывание в Шато, пожалуй, перерастет в великую дружбу, о которой столько читаешь в книгах.

Уход мисс Путнэм, случившийся в этот момент, дал ему предлог сорваться и самому. Очевидно, утратив всякий интерес после того, как поток французских выражений иссяк, она ушла, по своему обыкновению,

молча.

Пэки, весьма довольный, счел, что и ему давно пора отправляться к гамаку — он заставляет Джейн ждать.

— Что же, герцог, до встречи! — жизнерадостно бросил он. — У меня свидание!

— Au revoir, — попрощался Пон-Андемер, долгим взглядом проводив Пэки, умчавшегося через лужайку. Потом, развернувшись, энергично зашагал по подъездной дороге. Ему не терпелось перекинуться словом со своим другом и коллегой Супом Слаттери.

2

Супа он нашел, где и рассчитывал, — в коктейль-баре отеля «Дез Этранжэ». Взломщик сейфов, завершив свою скромную игру, освежался напитками Постава.

Он вскинул глаза на приближающегося Карлайла.

— А, вернулся!

— Угу.

— Ну, и как успехи?

— О' кэй. Я — в Шато.

Почтительное восхищение загорелось в глазах у Супа. Он воздавал должное, когда того заслуживали.

— Отменная работа, Втируша! Ты и правда скользкий, как масло!

Обычно Карлайл любил комплименты, но теперь перебил приятеля.

— Послушай-ка, Суп. Дела-то не так хороши, как тебе кажется.

— А что такое?

— В Шато ошивается какой-то пройдоха, по тому же дельцу.

— Что?!

— Точно, Суп! Наткнулся на него с ходу, не успел приехать. Говорит, он — виконт де Блиссак.

— Блиссака я знаю.

— Вот и я тоже. Еще и года не прошло, как я его ободрал на пару тысчонок как-то вечерком в Лондоне. Потому-то сразу и расчухал — никакой это не Блиссак, а какой-то пройдоха. Подскочил прям, когда эта баба ткнула в него и говорит: «Знакомьтесь, виконт де Блиссак!» Я тут же раскусил обман. Этого типа я в жизни не видал. Могучий такой парняга, на боксера смахивает.

— А он? Раскусил тебя?

— Нет. Не сомневается, что я французский герцог. Нам надо от него избавиться.

Массивный подбородок Слаттери выдвинулся вперед.

— Да уж, надо. И поскорее. Я не позволю, чтобы кто-то вторгался на нашу территорию.

Карлайл кивнул, вполне довольный. Хотя в плане интеллекта он считал Супа ничтожеством, но знал: когда доходит до грубых физических действий, на него можно положиться.

— Для меня он слишком здоровый, не справиться. Так что он — на тебе. Потолкуй с ним. И лучше всего сегодня же вечерком.

— Потолкую. А как же мне, — растерялся Слаттери, — его разыскать?

— В какой комнате он спит, еще не знаю, но разузнаю. Оставлю план дома под камнем с правой стороны крыльца у парадной двери. Возьмешь бумажку, как явишься. И где-то рядом будет для тебя открытое окно. Ясно?

— Ну! — коротко бросил Суп.

— Войди к этому парню да вправь ему мозги, чтоб света белого невзвидел. Поймет тогда, что болтаться ему в Шато вредно для здоровья.

Слаттери без слов вытянул массивную лапу, сжал и разжал пудовый кулак. Одобрительно улыбаясь, Карлайл тепло распрощался с ним и с легкой душой зашагал обратно в замок. Он чувствовал, что дело препоручил в надежные руки.

3

Энергичная умственная деятельность сказывается обычно и на поведении. В Шато Карлайл шагал бодрым шагом, а так как послеполуденное солнце жарило весьма ощутимо, то очень скоро он почувствовал, что весьма разгорячился. Добравшись до подъездной дороги, он мечтал только об одном — поскорее принять прохладную ванну. Пока он тешился такими желаниями, взгляд его зацепил между деревьями серебристое посверкивание воды.

Вода притягивала его как магнит. Сойдя с дорожки, он прямиком двинулся к ней, и вскоре очутился на берегу водного пространства, известного местным жителям под названием озера, хотя на самом деле то была соленая лагуна, соединявшаяся с гаванью Сен Рока узким каналом.

Озеро манило и соблазняло. Карлайл благопристойно покосился направо и налево. Густые кусты ширмой огораживали часть озера и даже

тропинку, по которой он сюда спустился. Очевидно, ни один глаз не мог углядеть его. Со вздохом удовлетворения он сбросил пиджак и галстук и был уже готов выскользнуть из брюк, когда позади раздался суровый девичий голос, пронзивший Карлайла словно пулей.

— О-ой!

4

После ухода сенатора Опэла горничная по имени Мэдвей понесла свою книжку на озеро. То было ее излюбленное местечко. Тут, лежа на мягком дерне, в приятном тенечке, она снова взялась за приключения Джанис Деверо с того самого места, где остановилась вчера. Но едва она успела прочитать про убийство, начинавшее главу одиннадцатую, как шум шагов подсказал ей, что в ее убежище вторглись. Ноги прошагали мимо и остановились у кромки воды.

Раздвинув кусты, она выглянула. Увиденное зрелище исторгло у нее восклицание, только что записанное тут.

Женщина в Мэдвей была оскорблена до самого донышка души.

— О-ой! — закричала она, будто бы сама миссис Гранди. — Вы что же вообразили? Вам тут что, купальня?

Карлайл так и остался плясать на одной ноге, будто тополь, раскачивающийся под легким ветром. Озеро и деревья вокруг него все еще исполняли сложное адажио, в которое вдруг пустились. Он мучительно ловил ртом воздух.

Любой женский голос, раздавшийся в такой момент, напугал бы его, но этот оказал особо разрушительный эффект: Карлайл узнал его. Да и как не узнать! Голос этот, можно сказать, звенел в его ушах с того самого дня, когда год назад обозвал его двуличным подлецом, бросив такие слова вслед огромной китайской вазе, обрушившейся на его лобную кость.

То был голос его потерянной Герти.

А в следующую минуту появилась и она сама, выйдя из-за кустов.

— Герти! — заорал он.

Те, кто имел привилегию заглянуть в душу Гордона Карлайла, может понять его чувства. Хотя при расставании эта девушка огрела его вазой, кстати, очень ценной, старая любовь не заржавела. После первого изумления в груди, которую он суетливо старался прикрыть пиджаком, вспыхнул восторг. Брюки (нечего и говорить, ведь моральный кодекс Карлайлов весьма строг) он подтянул при первом же намеке, что он тут не

один.

— Герти! Наконец-то! После этих томительных месяцев! Она смотрела на него холодно, жестко и гордо. Прежние обиды еще резали ей душу, женщины легко не забывают.

— А-а, мистер Карлайл!

Было очевидно, что ледяная отчужденность при встрече, которой следовало бы стать встречей влюбленных, ранила Гордона.

— Герти, — выговорил он, подпустив в голос трепета, с помощью которого однажды удалось вытянуть у некоего Макферсона (скупердяя, как все шотландцы) пожертвование в десять фунтов на Приют для Больных Матерей, — разве ты не хочешь похоронить прошлое?

— Нет, не хочу.

Карлайл сглотнул, подыскивая слова, которые смягчили бы такую черствость.

— Ты не представляешь себе, Герти, как я скучал по тебе!

— Болтай, болтай!

— Я тебя всюду искал!

— Болтай!

— Я не болтаю! — с жаром вскричал Карлайл. — А зачем бы еще я прикатил в Европу, если бы не узнал, что ты сюда уехала?

— А в Шато ты явился как герцог какой-то там, оттого, что я тут? — презрительно расхохоталась Герти. — Все я про тебя знаю! Слышала, как мисс Путнэм разговаривала с дворецким. Распорядилась поместить тебя в Желтую комнату. Лично я, — добавила она с надменностью королевы, — поместила бы тебя в бак для мусора.

— Нет, в Шато я приехал не из-за тебя, — признался Карлайл. — Я на работе. И спорю, что и ты тут по тому же дельцу. Ты нанялась горничной, чтобы получить возможность заграбастать брюлики миссис Гедж.

— А у тебя, что, есть возражения?

— Разумеется. Ты сама напрашиваешься на неприятности! Обстряпать дельце в одиночку у тебя ни малейшего шанса!

Герти задумчиво закусила губку. В авантюру эту она пустилась с веселым оптимизмом, считая, что наверняка улучит разок, когда хозяйка забудет запереть свои безделушки, но теперь узнала, что служит у женщины, которая в жизни ничего не забудет, и надежда ее медленно гасла.

— Что же ты надумал? — осведомилась она. — Хочешь работать со мной на пару?

— А почему бы и нет?

— Почему бы, действительно. Ничуть не возражаю против общего бизнеса, но строго — пятьдесят на пятьдесят. Однако какой от тебя прок? Работа не по твоей части. Сейфы-то вскрывать ты не умеешь.

— Представь, умею. Супу-то и невдомек! Я его просвещать не стал. Если у твоей хозяйки сейф обычный, а у женщин они всегда такие, я сумею его взломать.

— Какой еще Суп?

— Ты что, Супа Слаттери не помнишь? Мы в деле вместе. Я впускаю его в дом, а он вскрывает сейф. Но это все глупости. Теперь, когда я тебя нашел, мы его надуем. Заберем все себе.

На Герти это произвело впечатление.

— А где ты научился вскрывать сейфы?

— Плаг Донахью научил. Сразу после того, как ты сбежала. Увидел, что я прям на куски разваливаюсь, отвлечься мне как-то надо…

— Кончай ты рассусоливать, о деле говори! Если хочешь обстряпать его вместе и принимаешь условие — строго пополам, — я не против. Я уж давно поняла, одной мне не осилить.

— Если бы ты знала, Герти, — страстно задышал Карлайл, — что ты для меня значишь! Когда мы снова…

— Слушай-ка, прекрати, — перебила Герти эту прекрасную речь. — У меня на уме есть еще кое-что. Не может случиться так, что этот субъект никакой на самом деле не сенатор?

— Никто не может просто так назваться сенатором Опэ-лом, — возразил Карлайл, — А что, эта чума тут? — поинтересовался он, поскольку не был ярым сторонником великого законодателя.

— Тут. Если это он. Я только что застукала его в спальне у миссис Гедж, где стоит сейф. Шпионил. А когда я сказала, что была там и все видела, наплел сказочку, будто интересуется антиквариатом.

Карлайл погрузился в размышления.

— А может, так оно и есть, — наконец заключил он. — Во всяком случае, фальшивкой он быть не может. Геджи сенатора знают. Миссис Гедж сама мне говорила. Проскользнуть сюда под видом старика Опэла не удастся никому. Может, и правда интересуется. Но я скажу тебе, кто тут фальшивка. Тот тип, который называет себя виконтом де Блиссак.

— Не может быть!

— Вот видишь, — ненавязчиво намекнул Карлайл, — Ты ведь про это не знала, да? Сколько он тут уже пробыл?

— Сегодня днем заявился. Дворецкий проводил его в гостиную. Он и сказал мне, кто это.

— Так вот, никакой он не виконт!

— Откуда ты знаешь?

— Знаком с настоящим. Нагрел его как-то на пару тысчонок. Тебе, Герти, досталась бы половина, если б ты так вот не сбежала.

— Ладно, неважно. Так, значит, гусь этот — фальшивка? Наверняка тоже за брюликами охотится.

— А то как же!

— Что же нам теперь делать? Нельзя, чтоб он путался у нас под ногами. Нужно выпихнуть его!

— Как же ты это устроишь?

— Провалиться мне, если я знаю, — нахмурилась Герти.

— Вот именно! — снова кольнул ее Гордон. — Может, теперь ты наконец убедилась, как сильно я тебе нужен?

— А что ты-то можешь?

— Что? — заносчиво переспросил он. — Зайду к нему сегодня же вечером, да и вышибу из него дух. Если завтра увидишь его здесь, на костылях будет ползать!

При этих храбрых словах у его собеседницы вырвался легкий вздох, прозвучавший для Карлайла сладчайшей музыкой. То был вздох невольного восхищения! По-видимому, холодная отчужденность его Герти начала подтаивать.

— Неужто одолеешь его?

— Вот посмотришь!

— Да ведь он здоровущий, как шкаф!

— Пхе! — небрежно фыркнул Карлайл.

— Что-то новенькое. — Глаза, смотревшие на него, сияли светом, никогда не сиявшим прежде. — Я и не знала, что ты — такой…

— Ты, Герти, никогда меня не понимала, — ласково укорил Карлайл. — Никогда.

— Ты, что ж, вправду отправишься и поколотишь такого здоровенного парня?

— Ради тебя, Герти, я измолочу хоть десяток!

— Что ж, — она испустила глубокий вздох. — Если и вправду отдубасишь его, то, может, я и взгляну по-другому на то, что случилось год назад. Не говорю, что обязательно… Но и не говорю, что нет. Сделай! А потом все обсудим. Посмотрим, что к чему.

— Нет, что за девушка! — преданно выдохнул Карлайл.

Сомнения не грызли его. Он знал, на Супа Слаттери можно положиться.

XI

1

Ночь, черная богиня, в своем темном величии простерла с эбенового трона свинцовый скипетр сна над заснувшим миром. Внизу, в казино «Мунисипаль», еще катилась бойкая игра, но Шато «Блиссак» погрузилось во тьму и молчание. Было почти час ночи, а Шато выставляло кошку на улицу и забиралось под одеяло в половине двенадцатого. Во всем огромном доме не было слышно ни шороха.

А если какой и раздавался, то производил его уж никак не Суп Слаттери. Несмотря на могучее телосложение, мало кто еще мог красться так неслышно, как он, если того требовали обстоятельства. Найдя план Карлайла, он с помощью электрического фонарика изучал его под окном, которое напарник оставил для него открытым.

Чертеж был ясный и четкий. Выключив фонарик, Суп бесшумно просочился в окно.

Для тех, кто подобно де Блиссаку и Поставу, бармену в отеле «Дез Этранжэ» видел Супа Слаттери только в минуты его выпивок, было бы настоящим открытием наблюдать, каким жестким и целеустремленным стало его лицо, когда он поднимался по лестнице. Ему предстояла встреча с конкурентом, а к конкурентам по профессии относился он непримиримо сурово. Он их не привечал, ярко демонстрировал свою нелюбовь, а сейчас стремился к тому, чтобы этот выскочил в окно как был, в пижаме, и бежал, не останавливаясь, до самого Парижа.

Дверь в спальню Пэки была заперта. Но что значат запоры для Слаттери? Несколько секунд он искусно манипулировал небольшой стальной пластинкой и помеху устранил.

Шум этой операции, хотя и очень слабый, разбудил Пэки. Однако, что к нему пожаловали, он понял только, когда раздался щелчок выключателя и свет залил спальню.

Даже и тогда он не сразу разглядел лицо незваного гостя. Поняв спросонья, что тот настроен враждебно, Пэки упруго соскочил с кровати, но, поскользнувшись на пятке перевернутой туфли, суматошно запрыгал, что испортило всякий эффект от энергичного броска.

Человек Слаттери был немудрящий и вовсе не склонный попусту

тратить время на любование классическими танцами во время деловой операции.

— Руки вверх! — скомандовал он.

В команде таился подтекст — он держит Пэки под прицелом револьвера, что было абсолютной неправдой. Оружия на такие операции Слаттери с собой не брал, рассуждая вполне разумно: если у человека есть оружие, то он, пожалуй, пустит его в ход, а это повлечет за собой массу неприятностей. Поэтому наставил он на Пэки небольшую стальную пластинку.

Но Пэки вооружение нападавшего волновало меньше всего. Он уже узнал Слаттери и приветствовал как старого друга.

— Мистер Слаттери — или можно уж попросту, Суп? Как же приятно, что вы заскочили на огонек! По-соседски, так сказать.

Слаттери сконфузился дальше некуда и рассыпался в извинениях.

— Ты! Слушай-ка, а я и не знал, что ты здесь.

— О, да! Здесь! Тут сейчас мое маленькое гнездышко. Прилетел прямо сюда и приземлился. А вас-то я и хотел видеть больше всего. Намеревался даже заскочить в отель.

— Ни за что на свете не стал бы нарушать твой сон, — сокрушался Слаттери. — Направили меня по ложному курсу. Я типа разыскиваю, который приехал сюда и выдает себя за виконта де Блиссака.

— Это я и есть. Долгая, видите ли, история.

— Это правда ты?

— Да. Видите ли…

— Погоди-ка, послушай, — перебил Слаттери, снова придушив повествование в зародыше.

Присев на кровать, он взирал на Пэки сурово, с мрачной укоризной. Минутой прежде он до глубины души раскаивался, что потревожил ночной сон человека, спасшего его от жребия, худшего, чем смерть. Но теперь зародились другие чувства. Пусть Пэки ему и личный друг, но все-таки он — конкурент, а отношение Слаттери к конкурентам мы уже описывали.

— Погоди-ка, послушай, — перебил он, — неприятно, конечно, вставлять палки в колеса парню, который так со мной поступил, но надо обсудить кое-что.

— Я и сам с удовольствием! Не возражаете, я снова под простыню заберусь?

— Ты сбил копов со следа, и я, конечно, тебе обязан. Но все-таки, ты влезаешь в это местечко и хочешь испоганить мою работенку, это уж совсем другое дело!

Пэки слушал в полном недоумении.

— Не совсем улавливаю суть…

На такие увертки Слаттери неодобрительно покачал головой.

— А, брось! Знаем, знаем, зачем ты в Шату!

— А я спорю, что — нет!

— Говори прямо, — будто бранчливая тетушка, проворчал Слаттери. — Кончай дурака валять. За брюликами охотишься?

— Что еще за брюлики?

— За брюликами миссис Гедж.

— За бриллиантами?

— А-ха!

— Ничего подобного!

— Брат!

— Ничего, — повторил Пэки, — подобного! Мне нужно вернуть письмо.

— Какое еще письмо?

— Компрометирующее. Один мой друг написал его миссис Гедж. Она, когда вернется домой, положит его в сейф. Вот этот сейф я и хотел бы, чтобы ты, если будешь так любезен, вскрыл для меня.

На месте Супа многие забраковали бы такую версию, явно шитую белыми нитками. Но он был великим любителем кино и про компрометирующие письма знал все. Историям про такие письма, или пропавшие документы, или украденные планы он готов был верить без малейших колебаний. Особенно, если рассказывает человек, которого он так высоко ценит, как Пэки. Словом, он заметно смягчился.

— Ты по-честному?

— Да.

— Не водишь меня за нос?

— Разумеется, нет!

— Ладно. Тогда — порядок! А я-то, само собой, решил, ты здесь ради брюликов.

— Брюлики можешь забрать себе.

— Заберу, заберу! А когда буду забирать, не позабуду и про документики.

— Не — «ки», а — «ик»! Одно-разъединственное письмо.

— Достану я его для тебя.

Пэки нежно похлопал его по плечу.

— Твои слова для меня как музыка! Я знал, что могу на тебя положиться. Если б ты подвел меня, я очутился бы в тупике. Безвыходном.

Видишь ли, я понятия не имею, как подступиться к сейфу. Недостаток образования! А как ты это делаешь? Я часто гадал, как, интересно, вскрывают сейфы?

Слаттери преисполнился восторгом, что может прочитать лекцию на любимую тему.

— Ну, первым делом, — веско начал он, — ты готовишь суп.

— Что за суп?

— Ну, суп и суп. Такой, знаешь, суп из динамита. Берешь динамит, толчешь его, ссыпаешь в пакет, наполняешь жестянку до половины водой и кипятишь в ней этот порошок. Густота оседает на дно, воду ты сцеживаешь, а то, что остается, и есть суп. Перекладываешь его в бутылку — и все, пожалуйста!

— А на сколько кусков меня разнесет?

— Да не взорвется он, — терпеливо улыбнулся Слаттери. — Хотя, конечно, в футбол бутылочкой играть не рекомендую.

— Понятно. Да, это, конечно, было бы ошибкой. Хорошо, суп готов. А что потом? Подходим к сейфу. Что же предпринимает наш герой-взломщик?

— Понимаешь, есть два типа сейфов. С наворотом — это то, в котором имеется кистер.

— А кистер — это…

Тезаурусом все-таки Слаттери не был.

— Хм, черт… Ну, кистер и есть кистер. Не знаю, как его еще назвать… Вроде другого сейфа он туда вделан.

— А, внутреннее отделение?

— Да, верно. Если сейф вот такой, нелегко приходится. Сначала надо взорвать дверь, чтобы добраться до этого кистера. Потом — сшибить болт, привесить что-то на верхний край кистера, втолкнуть чего потолще, еще марлевый тампон воткнуть. Ну, потом размазываешь по марле суп и взрываешь. Вот так. Не кот начхал, как ни посмотри!

— Да уж, не кот. Что ж, ладно, будем надеяться — сейф миссис Гедж не из таких.

— Да, вряд ли. В домах такие редко бывают. Они обычно в банках, в разных этих местах. А в домах — можно вскрыть простой шпилькой. Ну, а если уж шпильки поблизости не найдется, поесть чеснока да и дыхнуть как следует на замок. А если чеснока не хочется, узнать код. Так где стоит сейф?

— В венецианской спальне, этажом ниже.

— Там есть кто-нибудь?

— Сейчас никого.

— Тогда давай спустимся, глянем, — предложил Слаттери. — Самое время разузнать, из легких этот сейф или нет. Наверняка, легкий. В домах, чтоб с кистерами, не водятся. Спроси меня, так, скорее всего, он с кодом из четырех букв, а такой вскрыть — как орешки щелкать!

2

В хозяйской спальне, даже без хозяйки, на посетителя веяло чем-то зловещим. По крайней мере, так показалось Пэки. Венецианская спальня — просторная зала, разукрашенная лепниной, находилась на втором этаже; стеклянные ее двери выходили на балкон, смотревший на подъездную дорогу. Переступив со Слаттери порог, Пэки ощутил острое желание очутиться где-нибудь подальше. Саму миссис Гедж он никогда не встречал, но портрет ее, сложившийся у него в уме, рисовал даму железную. Хотя оснований для того не было, он не смог до конца подавить страх, что в любой момент эта грозная женщина может накинуться на них из-за тяжелых штор, закрывавших окна.

По счастью — поскольку в таком случае не миновать бы большой неловкости — опасения его оказались напрасны. Какой бы великой женщиной ни была миссис Гедж, находиться одновременно в лондонском отеле «Карлтон» и в венецианской спальне она все-таки никак не сумела бы. Внезапный рык тигрицы, защищающей своих детенышей, не взорвал тишину, и Слаттери без помех провел расследование.

Результатом он явно остался доволен. Осмотрев сейф он благожелательно улыбнулся. Сейф оказался, как он и предугадывал, легким. Одобрительно отозвался Слаттери и о стеклянных дверях, и о балконе. Тем благочестивым тоном, каким люди благодарят Провидение за щедрые подарки, он заметил, что все здесь как бы специально устроено, чтобы обеспечить взломщику сейфов незатруднительное бегство.

Но в тот момент, когда все шло так здорово и гладко, в атмосферу, источавшую спокойное удовлетворение, вторглась дисгармоничная нота. Несколько минут Слаттери лениво оглядывал комнату, как вдруг что-то стерло с его лица теплую удовлетворенность. Он напрягся, глаза у него расширились, точно бы он вдруг заметил змею.

— Да это женская спальня! — хрипло проговорил он, понизив могучий голос так, что осталось только шипение, словно газ вырывался из дырявой трубы. Но ни необычный голос, ни встревоженное лицо не

подсказали Пэки, что грядет катастрофа. Ответил он спокойно, ничуть не озаботясь предзнаменованиями.

— Ну да, правильно. Это спальня миссис Гедж.

— Брат! — глубоко взволнованный Слаттери вздрогнул. — Не хочется и говорить, но если так — твое предложение заморожено.

— Как это — заморожено? — удивился Пэки.

— Да так. Я выхожу из игры. Не смогу я.

— Что?!

— Да, сэр, — виновато, но непреклонно подтвердил Слаттери. — Не смогу, и все. В женской спальне взламывать сейфы меня не заставишь!

У Пэки перехватило дыхание. Его ошеломил такой норов в человеке, которого он до сих пор считал весьма уравновешенным представителем мужского пола.

— Да почему?

— Потому. Вскрываешь ты сейф в женской спальне, и что дальше? Она просыпается и поднимает визг. А дальше? А дальше — тебе либо приходится нырять в окно, либо подскакивать к ней и душить. А я, знаешь, в жизни женщин не душил, и начинать не собираюсь.

Сэра Галахада или шевалье Байарда подобные чувства побудили бы пожать руку Слаттери, очень уж они соответствовали высокому духу рыцарства. Поэтому неприятно говорить, что в Пэки они вызвали лишь раздражение, если не отвращение.

— Господи, неужели тебе ни разу не случалось грабить женские комнаты? Сколько уж ты занимаешься взломом сейфов?

— Да уж много лет.

— Ну, вот видишь!

— Нет! Понимаешь, брат, раньше я действовал всегда с напарницей. Ну, работала! Одно слово, мечта. Джулией ее звали. Бросила она меня, а в старое время были мы командой.

— Не пойму, при чем тут какая-то Джулия!

— Понимаешь, напрашивалась она, чтобы ее приглашали во всякие такие гости, — объяснил Слаттери. — Был у нее класс. Если сейф стоял в дамской спальне, проскользнет туда до меня, сунет даме под нос губку с хлороформом и, когда я являюсь, все улажено. Ох, ты представить не можешь, как мне плохо без Джулии! Прям ребенок без мамочки.

Слаттери жестоко сожалел о времени, которое поэты называют «дни минувшие», но Пэки находился не в том настроении, чтобы утешать его. Целиком сосредоточившись на своих колебаниях, он угрюмо задумался.

— Значит, не станешь добывать для меня письмо?

— Не могу. А скажи-ка, кстати, чье письмо-то?

— Сенатора Опэла.

— Нет! — покачал головой Слаттери. — Если б еще твое, может, и сделал бы натяжку, а для какого-то там сенатора…

— Так бриллианты же! Ты и их упустишь?

— Про них и не напоминай! — жалобно взмолился Слаттери. — Больно подумать! Вот так! Уж прости. — Лицо его просветлело. — Однако погоди-ка! Устрой, чтоб тут спал Гедж, и наша сделка опять в силе!

Крывшийся в предложении подтекст, будто в его власти указывать хозяевам дома, где им спать, лишь усилил досаду Пэки.

— Как же, по-твоему, мне это устроить?

— Да какие проблемы! Вот стоит сейф, в нем эти брюлики. Разве можно даме тут спать? Подскажи ей, что ее, неровен час, укокошат, она поймет! Если похожа, конечно, на всех этих дамочек.

— Нет, насколько я слышал, на остальных она непохожа.

— Хм, а я так думаю, похожа. Рассудит, как и все, что, уж если суждено случиться убийству, пусть лучше укокошат ее муженька. Ты ей разобъясни. Подойди к ней и выложи: «Слушайте, миссис Гедж, опасно вам спать в одной комнате с брюликами. Не успеете оглянуться, какой-нибудь медвежатник взломает сейф, а как же тогда вы? Или голову вам прошибет, или глотку перережет. Вот что с вами случится! Выметайтесь-ка лучше подобру-поздорову из этой комнаты, миссис Гедж, и пусть в ней спит ваш муж. А то и опомниться не успеете, как место, где вы спали, копы будут метить мелом». Мигом снимется с якоря.

Пэки призадумался, взвешивая совет. А что, вполне разумно. Такие доводы, пожалуй, произведут нужный эффект. Проблема в том, что трудновато ни с того, ни с сего поднять подобную тему в светском разговоре. Такие сведения не обрушивают на женщину, едва познакомившись, посреди болтовни о том, как красива Бретань или какова сегодня погода.

— Ладно, подумаю…

— Подумай. Иди поспи еще, обмозгуй все. А я, раз уж на месте, осмотрюсь, что тут к чему. Случается, люди золотые часишки на туалетном столике оставят, или что еще. А в наши дни случай упускать никак нельзя. Ты когда видел биржу в таком состоянии? То-то! Катится все на нуль, а я весь капитал вложил в акции. Вот и приходится тянуть, что под руку попадет. Так вот.

Пэки и в голову не пришло вставать на пути приятеля, отважно пытающегося возместить убытки, причиненные колебаниями на мировом

рынке. Более того, ему было очевидно, что никакие доводы не сдвинут Супа с высказанной точки зрения. Пока эта спальня будет женской, он несокрушим. И, пожелав ему спокойной ночи, Пэки отправился к себе.

Минут через десять, когда он уже лежал в кровати, ему показалось, что тишину Шато нарушил отдаленный, неясный не то вскрик, не то вопль, но он почти заснул и не обратил особого внимания. Закрыв глаза, он провалился в сон.

3

От гостящих в доме всегда хотят узнать, как они спали ночью. Что касается Шато «Блиссак», сон подавляющего большинства его обитателей был вполне удовлетворительным. Гедж спал хорошо. Джейн спала хорошо. Неплохо спала и мисс Путнэм. И Мэдвей выспалась тоже. Хорошо спал и Блэр Эгглстон.

И только Гордону Карлайлу выспаться не удалось. От обуревавших мыслей его лихорадило, он крутился и вертелся чуть ли не до утра, а когда ему наконец удалось задремать, его выдернул из сна не то вскрик, не то вопль — тот самый, который на минутку потревожил и сон Пэки. Недоумение, что бы это могло быть, опять не дало ему заснуть. Так что заснул он только на заре, но не прошло и двух часов, как солнечный свет, ворвавшийся в окно — он забыл задвинуть штору, — снова разбудил его.

Из кровати Гордон вылез только ради того, чтобы солнечный свет выключить. Но, очутившись у открытого окна, он высунулся, как и любой другой на его месте, оказавшийся у открытого окна ранним утром, и взглянул, какая сегодня погода.

Вид с третьего этажа расстилался просторный и манящий. Гавани, правда, из его окна видно не было, а вид на нее составлял особую гордость Шато, зато многие другие красоты возмещали этот урон. Перед Карлайлом расстилались сады, весело пестревшие цветами, за ними — леса и затейливые домашние фермы. А над собой, подняв глаза, Карлайл увидел синее небо в воздушных перышках облаков, местных птиц, летевших по каким-то своим делам, двух-трех букашек, с десяток бабочек и чьи-то ноги, облаченные в серые брюки и заканчивавшиеся двумя башмаками необъятных размеров.

Ноги и приковали его внимание. И правда, когда увидишь ноги там, где ногам и делать вроде нечего, это завораживает. Разглядывая их, Карлайл откровенно зашел в тупик. Наскоро припомнив топографию дома,

он заключил, что владелец их — если у них имеется владелец, и это не попросту беспризорные, брошенные за ненадобностью ноги, сидит на подоконнике в спальне сенатора Опэла.

Карлайла обуяла жажда дополнительной информации. Вставать в такую рань он не привык, но если и была у кого основательная причина, чтобы стряхнуть торопливыми шагами росу с травы и встретить солнце на горной лужайке, так это, безусловно, у него. Ведь только выйдя из дома и взглянув на ноги под менее крутым углом, можно было проникнуть в тайну.

На основе имевшихся свидетельств он сделал скоропалительный вывод — на подоконнике сидит сенатор. Только личность, известная своей эксцентричностью, может усесться на подоконник ни свет ни заря, да, строго говоря, и в любой час дня! А из коротких встреч с сенатором Гордон убедился, что эксцентричности у того достанет для любой формы самовыражения.

Только выйдя в сад, Карлайл убедился, что все его рассуждения ложны. Да, возможно, в сенаторе Опэле и трепетала струнка, манившая его усесться на подоконник. Вполне вероятно, наступит день, и у него даже войдет в привычку сидеть там. Но пока что — нет, не он сидел на подоконнике. В сидевшем изумленный Карлайл признал старого своего приятеля, Супа Слаттери. Карлайл обнаружил Слаттери, а Слаттери обнаружил его.

Настал один из тех затруднительных моментов, когда первый собеседник вынужден ограничивать себя, пытаясь передать свои мысли исключительно гримасами, а второй, обалдев от изумления, и нормальную-то членораздельную речь не в состоянии понять. Слаттери гримасничал на все лады. Карлайл взирал на него, разинув рот; и только минут через пять, когда Суп едва не вывихнул себе челюсть в особо красноречивом пассаже, до высококлассного афериста дошло, о чем гримасничает приятель, — он просит принести лестницу!

Вскинув руку в подобии фашистского салюта и энергично покивав, Карлайл пустился на розыски желанного предмета.

Лестница — не из тех вещей, что попадаются на каждом шагу. Розыски пришлось вести тщательные и напряженные. Наконец он углядел одну у отдаленного сарая, однако оказалось, что она слишком тяжелая, в одиночку не дотащить. Возвратясь с тошнотворной головоломной задачей — объяснить пантомимой возникшее затруднение, Карлайл получил новый шок.

Подоконник, на котором всего десять минут назад так явственно сидел

Слаттери, теперь был пуст. Гордон готов был поверить в чудеса. Единственная теория, под которую подпадали факты, — его друг внезапно воспарил в воздух как птица. На землю он не свалился — единственный валявшийся под окном труп принадлежал маленькой улитке.

Но тут, очень своевременно — рассудок его уже готов был рухнуть — Карлайл заметил крепкую водосточную трубу, бегущую вблизи от окна, и, сложив два и два, пришел к дедуктивному выводу: за его отсутствие Слаттери, по-видимому, тоже обнаружил трубу. Раз он не заметил ее раньше, значит, он сел на подоконник, когда мир был окутан тьмой. Это, если вдуматься, тоже загадка. Рассудок Карлайла, единожды спасенный на краешке гибели, снова дал крен.

К счастью для его профессионального будущего — ведь аферисту никак нельзя рассчитывать на победу в своем остро конкурентном бизнесе, если мозги у него набекрень, — случилось нечто, пролившее свет на загадку. Открылось окно, и показался сенатор Опэл, в оранжевой пижаме, с револьвером в руке, изумленный и недоумевающий. Углядев внизу Карлайла, он громовым голосом потребовал сведений.

— Куда подевался мой грабитель?

Ответить на это было нечего. Тон сенатора стал еще раздражительнее.

— Эй, вы там, внизу… герцог… Не видали моего грабителя?

Карлайл опомнился, надо было поскорее собраться.

— Ah, non, — с музыкальным прононсом, соответствующим образу герцога де Пон-Андемера, откликнулся он.

— А — чего?

— А — нет!

— Долго вы там стоите?

— Сию минуту пришел.

— Человека на моем подоконнике видели?

— Нет. На подоконнике? О, нет!

— Черт! — завопил сенатор.

Если ведешь беседу ранним утром, перекрикиваясь с собеседником, стоящим внизу, да еще завершаешь ее громоподобным «Черт!», похожим на взрыв боеприпасов на военном складе, то уж непременно перебудишь всех спящих по соседству. Из окна налево высунулась голова Геджа.

— В чем дело?

— Грабителя потерял!

— А где вы видели его в последний раз? — полюбопытствовал Гедж.

Не успел сенатор ответить на этот вполне уместный вопрос, как в окне справа показалось недоумевающее личико Джейн. В голубеньком

пеньюаре она была просто очаровательной.

— Папа, что такое?

— Оставил тут, понимаешь, грабителя на подоконнике, а он испарился куда-то! — пожаловался сенатор, точно домовладелец, сетующий на пропажу бутылки молока.

— Как это, на подоконнике оставил? Какого грабителя?

— А вот так. Наткнулся ночью на грабителя у себя в спальне, но мне не захотелось суетиться, в полицию звонить — пропал бы тогда мой сон. Я и высадил его на подоконник, намереваясь забрать утром.

— Папа, тебе, наверное, сон приснился…

— Какой там сон!

— Погодите-ка, послушайте, — явно намереваясь поболтать всласть, вмешался Гедж. — Мне самому приснился престранный сон. Будто я в Билтмори, в Лос-Анджелесе, подходит официант взять у меня заказ… и представляете, кто это? Скелет! Да-с, сэр, скелет! В розовой матросской блузе!

Нерасположенность выслушивать чужие сны — черта, присущая почти всем. Сенатор Опэл к редким исключениям не принадлежал.

— Ладно, хватит!

— О, папа!

— А что «О, папа»? Нет, что «О, папа!» Куда он запропастился? Вот что я хотел бы знать!

— Никогда ничего подобного не слыхала! — чопорно заметила Джейн. — Высаживать грабителя на подоконник!

— Ну вот, теперь услыхала.

— Почему ты просто не…

— Я тебе уже объяснил, почему я просто не… Ты что думаешь, я буду лишаться ночного отдыха только из-за того, что какой-то окаянный грабитель влез ко мне в спальню?

— Вероятно, — вмешался в семейную перепалку Карлайл, — этот человек спустился по водосточной трубе.

— По трубе? — в ошеломлении разинул рот сенатор. — Вы что, хотите сказать?.. Господи! И точно — труба! Такая темнотища стояла, я и не заметил ее!

— Так тебе и надо! — заключила Джейн, которая, подобно всем женщинам, жаждала, чтобы последнее слово осталось за ней, пусть бы хоть все лето пришлось спорить. — Ушлый какой!

— Ка-кой? — прогрохотал сенатор, вздрогнув от оскорбительного словечка.

— Ушлый, — твердо повторила Джейн. — Высаживать грабителей на подоконник! Нет чтобы поступить, как все другие! Ты у нас чересчур умный! Очень рада, что он сбежал! Тебе это послужит уроком!

И кинув на родителя суровый взгляд, Джейн унырнула в комнату, закрыв за собой окно. Сердечко у нее было доброе, но, как и всякая современная девица, почтительность к родителям она считала большой глупостью. Если родители поступают как слабоумные, им и надо сообщить об этом прямо в глаза — спокойно, не раздраженно, но все-таки указать, и уж пусть каждый, в меру своей сообразительности, додумывает остальное.

После ухода дочки сенатор Опэл от критики не избавился. Он еще пыхтел и играл бровями, когда критика донеслась и с другой стороны.

— А ведь она абсолютно права, — сказал Гедж, высовываясь из своего окошка, будто улитка из раковины. — Да-с, сэр! Абсолютно права! Думаю, у человека должно быть побольше ума.

Геджу, как уже отмечалось в этой повести, была присуща некоторая природная сообразительность, и теперь ему пришло на ум — вот он, отличнейший случай, посланный Провидением, обострить враждебность к себе у этого фыркающего человека. Чем в большее бешенство он приведет сенатора Опэла, тем сильнее укрепится его и без того твердая решимость употребить все свое влияние, чтобы Дж. Веллингтона Геджа не назначили послом во Франции.

С удовлетворением отметив, что находятся они друг от Друга на почтительном расстоянии и наброситься на него с кулаками у сенатора возможности нет, Гедж продолжал развивать свои взгляды. Это было все равно, что дразнить человека по телефону, а по телефону Гедж был всегда настоящий лев.

Так что разглагольствовал он сильно, красноречиво, и дебаты были в разгаре, когда Пэки, разбуженный голосами, накинув халат, высунулся посмотреть, а что, собственно, творится.

Понять, однако, он ничего не сумел. Очевидно, между Геджем и сенатором Опэлом разгорелся какой-то спор, но так как кричали оба одновременно и во всю мощь легких, то уследить за выпадами и парирующими ударами было мудрено. И Пэки обратился к герцогу Пон-Андемеру, разумному и постороннему человеку.

— Что за суета?

К его удивлению, сторонний наблюдатель, которого минутой раньше он считал безопасным и разумным на этом состязании безумцев, уставился на него определенно тупым взглядом. Пэки знал про себя, что сам он, пока не побреется — не красавец, но все-таки не мог понять, что такого

особенного в его внешности, отчего этот невозмутимый аристократ таращится на него с явным, загадочным ужасом.

Объяснение Карлайл мог бы дать, но давать не стал. Поспешно, без единого слова, резко развернувшись, невозмутимый аристократ двинулся в долгий путь, ведущий к отелю «Дез Этранжэ». Ему требовалось безотлагательно перекинуться словечком с Супом Слаттери.

4

А поразило Карлайла в Пэки то, что тот был целехонек, без царапинки. Крик в ночи убедил его, что Слаттери действует согласно плану: проник в спальню этого типа и отдубасил его в своей неповторимой манере. И нате вам! Этот тип — в окошке, цел-целехонек, даже без синяка под глазом.

Это и привело Карлайла в полное остолбенение. Накануне Суп прямо полыхал праведным гневом, и ясно намекнул, что карательная экспедиция намечается самая суровая. И вот — совершенно ясно, что он ничего не предпринял!

В крайнем ужасе Гордон ворвался в отель. Искомую жертву ему удалось обнаружить в большом обеденном зале, где она, ослабленная после ночи на открытом воздухе, подкрепляла силы завтраком.

Обычный континентальный завтрак состоит из пойла, которое французы, видимо, в насмешку, именуют кофе, трех малюсеньких кусочков масла, булочки в форме булочки и еще одной в форме подковки. Слаттери внес некоторые вариации собственного изобретения. Он только что прикончил omelette fines herbes,[11] двойную порцию ветчины с яйцами и маленький бифштекс, а когда в зал ворвался Карлайл, вопросительно поднял на него глаза, пережевывая тост с джемом.

— А-а, — произнес он, проглатывая загруженные припасы, и повернулся к крутившемуся поблизости официанту. — Encore de coffee.[12]

Карлайл сверлил человека-питона лихорадочным взглядом. Вопросы на него посыпались; но когда Слаттери соизволил наконец заговорить, осушив пятую чашку кофе, то не стал отвечать ни на один. Поделился он мечтой, переливчато-опаловым видением, навестившим его на вахте, ночью. Как говорится, облек ее в слова.

— Я одно хочу, — с чувством произнес Суп, — чтобы когда-нибудь, все равно, когда, я встретил бы этого сивого субъекта в темном переулке, а

поблизости чтоб не было ни одного копа!

Его пробрала дрожь, он вспомнил ночной кошмар.

— Выставить человека на подоконник! — с нарастающей горячностью продолжил он. — Нет, я вас спрашиваю, красиво это? Черт! А я еще вдобавок высоты боюсь, с тех пор как на спор с одной своей подружкой перегнулся через бортик небоскреба и плюнул на Бродвей. Если я оправлюсь от этой ночки к ста годам, так и то считай, скорее скорого!

— Но как же?..

— Сейчас, сейчас расскажу. Рыскаю я себе по этому Шату, поглядываю туда-сюда, ищу, нет ли чего стянуть, и вдруг вижу эту дверь, за ней кто-то храпит. Поворачиваю я эдак тихонько ручку, а она незаперта. Н-ну, красота! Толкаю дверь… и что б ты думал? Заскрипела, гадюка, прям как тормоза у старой колымаги, и тут этот сивый тип наставляет на меня револьвер и приказывает, чтоб я тихо прикрыл дверь и шагал к окну. Черт меня раздери! Если б я не послушался, считай, мог бы надпись на могильном камне заказывать. Против револьвера не попрешь. А револьвер, того гляди, пальнет, стоит чуток дернуться. Ну, я и потопал к окошку, и не успел опомниться, как сижу себе на подоконнике, а этот субъект закрывает ставни. Закрыл, лег, опять храпит, а мне, значит, куковать тут всю ночь. Так, через три тысячи лет начало светать, а еще через пару веков подвалил и ты. Ну, ты ушел, а я вдруг заметил трубу и сполз по ней вниз. И доложу я тебе, — прибавил Слаттери, — врагу того не пожелаю. Даже если б кто из тех жандармов задумал сползать по трубе, я б и то взял его за руку и сказал: «Ступай-ка! Не понравится это тебе! Нет, не понравится!»

Сердце, более чувствительное чем у Карлайла, дрогнуло. бы от такого повествования. Но он и языком не прицокнул.

— А как же насчет того типа, который выдает себя за виконта?

Суп Слаттери намазал на тост джем и впился в кусок, точно всплывшая рыба.

— А, этот? Да с ним полный порядок.

— Как это порядок? Что значит — полный?

— Это мой старый приятель, — объяснил Слаттери. — Мы с ним поболтали немножко, и он мне все объяснил. Ты зря на него подумал. Не за брюликами он охотится. Ему нужно какое-то там письмо. Оно у этой Гедж. *Канпреметирующее* какое-то.

Сказав, что Карлайл был поражен ужасом при этих словах, мы ничуть не преувеличим. Ему всегда было известно, что у Супа Слаттери, хотя человек он и смелый, мозгов — самый минимум, но даже от него нельзя было ждать, что он проглотит такую явную фальшивку.

— А ты и купился?

— Конечно.

— Нет, ну будь я проклят!

— Я ему поверил. Потому что он — мой друг.

Карлайл сглотнул, Слаттери — тоже. Но если Слаттери сглотнул, потому что так быстрее всего выпить шестую чашку кофе, Карлайла сглотнуть заставило крайнее смятение. Он понял, к чему все клонится.

— То есть, ты хочешь сказать, что не станешь избивать этого типа?

Расхохотаться иронически, когда у тебя полон рот кофе, непросто, но Слаттери с этим справился.

— Кто, я? Да зачем? Мы ж с ним — вот так! — Он тесно сдвинул два похожих на бананы пальца, демонстрируя всю близость доверия и дружбы, связывавшие его и Пэки. — Не переживай ты из-за него. Он мне все рассказал. Письмо написал один тип, такой сенатор Опэл, и здорово вляпается, если про него узнают. А его захватила миссис Гедж. Вот за письмом виконт и охотится. Брюлики ему даром не нужны. Нет, правда, даром. Сам мне сказал.

Карлайл резко втянул воздух. Сказочка вдруг показалась ему правдоподобной. У этого эксперта по мошенническим аферам выработалось шестое чувство, нюх на обман. Да, история правдивая, и на минутку он забыл свои тревоги. Глаза у него заблестели. Если сенатор Опэл написал настолько опрометчивое письмо, что ему пришлось человека нанимать, чтоб его выкрасть, то, пожалуй, письмишком этим недурно бы и завладеть!

По каким-то неведомым причинам Карлайл, специалист многогранный, ни разу еще не пускался на эксперименты в шантаже. Не то чтобы у него возникали какие-то возражения нравственного порядка — он мало против чего возражал с точки зрения морали, а просто шантаж никогда под руку не подворачивался. Но теперь, когда замаячил такой изумительный шанс!

Однако приподнятое его настроение продержалось недолго. Остужая восторг, возникла гнетущая мысль — ему ни за что не уговорить Герти! Увидит Пэки крепким и здоровым и потребует объяснений, ни за что не поверив тому, какое он только и сможет дать.

Карлайл торопливо распрощался с Супом. Взломщик сейфов углядел дыню на боковом столике и теперь пытался заказать ломтик, а так как официант английским владел слабо, а Суп понятия не имел, как «дыня» по-французски, процесс обещал затянуться надолго. Они накрепко увязли в объяснениях, когда Карлайл покинул зал. Он достаточно насмотрелся на

завтракающего друга.

Что теперь скажет Герти, горевал он по пути в Шато, когда обнаружит, что он не выполнил своей похвальбы.

Очень скоро Карлайлу представилась возможность выяснить, что она скажет.

Встретив его на подъездной дороге, Герти ничего не Утаила.

— Эй! — едва завидев его, закричала она, и в голосе ее безошибочно слышался упрек. — Что ж это такое, интересно? Обещал, что отдубасишь этого фальшивого виконта ночью, а я только что встретила его — разгуливает себе так важно, и без единой царапинки! Как же это получается?

Карлайл облизал губы, призывая на помощь всю свою профессиональную выучку. Теперь магическое красноречие требовалось ему больше, чем когда-либо.

— Ты удивишься, когда я тебе все расскажу, — приступил он и в замешательстве услышал, как жалко спотыкается; в наиважнейший момент его жизни красноречие подвело! — Дело, видишь ли, в том, что мы с тобой промахнулись насчет этого типа…

— Как это?

— Видишь ли, охотится он не за брюликами, а за компрометирующим письмом.

— Что!

— Да. Сам мне сказал.

— Когда ж это, интересно?

— Ночью, когда я зашел к нему в спальню и…

— В спальню он зашел! Да ты и близко не подходил! Теперь все-все понятно! Могла б еще и вчера понять — ты блефуешь! Ты перетрусил!

— Даю тебе слово…

— А я-то еще подумала, может, ты все-таки не такой уж врун. Что ж, прощайте, мистер Карлайл!

— Куда это ты?

— Не ваше дело! А если и вправду охота знать, возвращаюсь к мистеру Эгглстону!

Спазм мучительной тревоги пронзил Гордона Карлайла. Прозвучал первый намек, что его и без того сложное ухаживание еще больше осложняется из-за появления соперника.

— Кто это?

— Камердинер сенатора Опэла. Очень мне нравится. Так что, извините, мистер Карлайл, я возвращаюсь к нему.

Герти отправилась своей дорогой, и даже ее черные волосы источали отвращение.

Карлайл застыл на месте. Ревнивая ярость обуяла его. Эгглстон!

При первой же возможности, решил он, насколько его взбаламученный ум был способен изобрести какой-то связный план, надо взглянуть на этого Эгглстона. И если при осмотре выяснится, что тот не слишком уж грозный здоровила, он уж знает, как с ним поступить!

XII

День возвращения миссис Гедж в Шато, чьей временной арендаторшей и владелицей она была, был так же хорош, как и многие предыдущие.

Лето в Сен Роке стояло на редкость прекрасное, и если иные из жителей, живущих в городке и поблизости, не оценили его в полной мере, вина целиком на них, а не на погоде.

Вовсю сияло солнце, невольно помогая читателям нашей повести произвести тот обзор с высоты птичьего полета, какой мы изредка совершаем, взяв паузу, чтобы ярче высветить наиболее интересных персонажей этих страниц.

Виконта де Блиссака, этого современного отшельника, забившегося в свою обитель, вполне можно пропустить. Нет нужды упоминать и Супа Слаттери, укрывшегося у себя в комнате из-за легкой простуды.

Но передвижения остальной нашей маленькой компании заслуживают краткого упоминания.

На лужайке у озера, среди кустарников, Герти Галошка (она же — Мэдвей) таяла от комплиментов Блэра, которые неизменно держались на самом высоком уровне, так как оратор ежесекундно ежился от присутствия своего хозяина — сенатора Амброуза Опэла, прячущегося в кустарнике поблизости и ловящего каждое словечко. Сенатор придерживался твердого убеждения, что подчиненные под неусыпным личным надзором трудятся лучше.

Гордон Карлайл удалился на прогулку по окрестностям — не из-за того, что так уж любил физические упражнения, а в надежде, что усталость тела несколько облегчит страдания души. Душу его снедала бешеная ревность.

Джейн Опэл сидела у себя в комнате, писала письма. Пэки усиленно отговаривал ее от этого занятия, но у нее, как и У всех женщин, наступил момент, когда откладывать корреспонденцию дальше уже некуда.

Так что Пэки побрел на террасу, воспользовавшись одиночеством для выработки плана — как убедить миссис Гедж, когда та приедет, чтобы она освободила венецианскую спальню, уступив ее мистеру Геджу. На этом, сознавал Пэки, зиждется весь успех предприятия.

Мисс Путнэм засела в библиотеке, решая кроссворды.

Кухарка возилась на кухне, пекла пирог для своего суженого, симпатичного молодого человека по имени Октав, жандарма из того летучего отряда, который преследовал Супа Слаттери в вечер Праздника. Жандарм дожидался в кустах у кухонной двери.

Гедж находился на пристани, он пришел встречать жену. А миссис Гедж, стоя на палубе парохода «Антилопа», болтала с пассажиркой, с которой познакомилась в плавании.

Пароход «Антилопа» осторожно скользил, причаливая. Процесс этот, как обычно, сопровождался гудками, криками, звоном колокола, и Геджу, старавшемуся затеряться в маленькой группке на пристани, казалось, что пароход не причалит никогда. Каждая минута, проведенная на открытом пространстве, на виду, вызывала невыносимые муки. Он уже приметил за углом двоих жандармов; кто знает, глядишь, еще с десяток таятся в засаде. В любой момент бедняга ждал криков: «Scelerat! Assassin!».[13] Не успеешь оглянуться, как вся французская жандармерия гурьбой накинется на тебя.

Гедж горестно размышлял о напасти, в которую ввергла его судьба. И за что, спрашивается? Он всего-то опрокинул несколько стаканчиков, как и полагается любому нормальному мужчине, в ком течет красная кровь, по случаю Праздника. И что же? У него на совести убийство, ему приходится скрываться от полиции. Ну почему это приключилось именно с ним? Ведь на Празднике была целая толпа гуляк, и все упились не меньше него, но они не набрасывались на виконтов. Этот жуткий поступок Судьба приберегла только для него, Веллингтона Геджа, что представлялось ему дискриминацией чистейшей воды, крайне нечестной и несправедливой. Грохот опущенного наконец трапа прозвучал музыкой для его ушей.

Возвратившихся путешественников приветствовали родные и близкие. Вскоре показалась и миссис Гедж, переговариваясь через плечо с девушкой, такой ошеломительно красивой, что Гедж на минутку позабыл обо всех своих неприятностях и машинально поправил галстук. Хотя он и был смиренным мужем, но красивых девушек все-таки замечал.

Качки за время плавания явно не было. Миссис Гедж, обычно становившаяся после качки зеленоватой, шагавшая с трудом, на подгибающихся коленках, находилась в отменной форме. Шагала она ровно, спокойно, спокойно же поцеловала Геджа и представила его своей спутнице.

— Леди Беатриса Брэкен. Мой муж.

Теперь девушка подошла поближе, и Гедж разглядел, что хотя она и впрямь поразительно красива, но тем не менее не из таких, с кем ему захотелось бы надолго оставаться вдвоем. Было в красавице нечто, от чего

мужчине становилось не по себе. В блестящих ее глазах он заметил то же выражение, какое иной раз отмечал у жены, — сулящее неприятности. Если она приехала в Сен Рок на встречу с представителем его пола, то ему никак не позавидуешь.

— Леди Беатриса была так добра ко мне, Веллингтон. Одолжила свои нюхательные соли. А с ними плавание переносишь совершенно по-другому!

Гедж выдавил какую-то благодарность, кося одним глазом на приблизившегося жандарма, очень зловеще крутившего свои усищи. Противное зрелище отвлекло его внимание, и он пропустил несколько фраз новой знакомой; когда же вынудил себя прислушаться, та говорила что-то про отели.

— Не могли бы вы мне сказать, — спрашивала она, — какие в городе самые крупные отели?

Миссис Гедж ответила, что останавливаются все обычно в отеле «Дез Этранжэ».

— Там очень комфортабельно. Мы сами жили в этом отеле несколько дней, пока для нас готовили Шато. На лето мы арендовали здесь Шато «Блиссак». Вон тот большой дом на холме, принадлежит виконтессе де Блиссак. Не знакомы с ней случайно?

— Нет, но знаю ее сына. Слегка.

— Правда? Как раз сейчас он гостит у нас. Может, придете к нам на ланч завтра? Не сомневаюсь, ему будет очень приятно встретиться с вами опять. Ну что такое, Веллингтон?

Муж ее вдруг охнул, и миссис Гедж кинула на него учительски-порицающий взгляд; поведение его часто вынуждало ее смотреть на него так.

— Все в порядке, — промямлил Гедж. — Так, судорога.

И замер в ожидании рокового удара. В следующую секунду красавица примет приглашение, на следующий день приедет в Шато, а встретив Пэки, конечно же, моментально увидит, что никакой это не виконт — даже самого легкого знакомства с виконтом хватит, чтобы не смириться с заменой. О-о, какую паутину мы плетем, подумал Гедж, как понял еще задолго до него поэт, когда впервые в жизни мы солжем!

Но тут до его ушей донесся музыкальный голос, произносящий слова отказа, то есть — дарующий ему жизнь!

— Очень любезно с вашей стороны, но, думаю, я уплыву уже вечерним пароходом обратно в Англию.

— Вы возвращаетесь сегодня вечером? — удивилась миссис Гедж. —

Так скоро?

— Да. Я приехала только… В Сен Роке проводит отпуск один мой приятель… Когда я спрашивала про отели, я хотела выяснить, в каком, скорее всего, могла бы найти его… Возможно, мы уедем вместе. О, вижу, носильщик уже нашел для меня такси! До свидания. Очень приятно было познакомиться.

— Хотите, мы подвезем вас в отель на нашей машине?

— Нет, благодарю. До свидания.

Миссис Гедж проводила ее недовольным взглядом женщины, с которой не поделились секретами.

— Англичане такие скрытные, — раздраженно заключила она. — Настоящие улитки в раковинах!

Супруги направились к выходу с пристани, причем мистер Гедж слегка напоминал Даниила, попавшего в львиный ров. Правда, пока никакой активности жандармерия не проявляла, но разве можно быть уверенным? Вероятно, просто выжидают благоприятного момента. Успокоился Гедж только оказавшись в машине, когда шофер нажал на акселератор.

— Да, именно улитки! — откидываясь на подушки, повторила миссис Гедж, повторяя характеристику островной расы. — Только вспомнить, как мы подружились на пароходе! Всякий решил бы, что она поделится со мной всеми своими тайнами.

— Какими?

Машина катилась ровно, и Гедж чуть воспрял духом.

— Я, разумеется, только строю догадки, но думаю, события развивались так. Леди Беатриса помолвлена с одним американцем по имени Франклин. Да что с тобой сегодня, Веллингтон?

— А что?

— Распыхтелся вовсю!

— Глубокое дыхание, — просипел Гедж. — Очень полезно здоровья. Франклин, говоришь?

— Да. Про их помолвку было напечатано в газетах. Помню, прочитала, когда сидела в салоне красоты с миссис Уиллоуби Симе. У нее была «Дейли Миррор», и она смотрела фотографии…

— Фотографии!

— Фотографии леди Беатрисы…

— И этого Франклина?

— Нет. Только леди Беатрисы. Я, конечно же, заинтересовалась, я ведь его знаю.

— Знаешь?

— Точнее, знаю про него. А мои знакомые в Америке знают его лично.

— А сама ты его встречала? — осведомился Гедж голоском слабеньким, словно предсмертный хрип очень мелкой инфузории.

— Нет, встречать я его не встречала, но наслышана про него много. Все в один голос твердят, что он несколько… хм… шалый. Это тот самый молодой человек, если помнишь, который после окончания колледжа, несколько лет назад, унаследовал кучу денег. Я всегда говорила, что давать деньги мужчинам — грубейшая ошибка!

Подобной теории Гедж отнюдь не симпатизировал и в другое время жарко оспорил бы ее, но сейчас от облегчения утратил всякий дар речи и, откинувшись, прикрыл глаза. А миссис Гедж, всегда предпочитавшая аудиторию молчаливую, продолжила:

— Вот как все, по-моему, обстоит. Вполне вероятно, что этот Франклин улизнул в Сен Рок ради очередной эскапады. А леди Беатриса, случайно услышав об этом, приехала увезти его. Она сказала «приятель». Очень, должно быть, близкий приятель, раз она прикатила ради него в такую даль!

Продержадось облегчение Геджа всего лишь краткий миг. Вопрос, которым он задавался и от которого, как ему чудилось, по всему телу у него ползают змеи, был таким: а что если поиски роковой красавицы приведут ее в Шато «Блиссак»? Гедж всегда волновался из-за своего сердца, хотя с десяток врачей в один голос уверяли, что сердце у него отменно крепкое. Но еще парочка таких происшествий, и гробовщику Сен Рока перепадет прибыльная работенка.

От этих мыслей он оторвался, услышав, что жена спрашивает о чем-то.

— А?

— Я спрашиваю, как тебе нравится виконт?

Паника, клещами стиснувшая Геджа, несколько поутихла. Было бы преувеличением утверждать, что он вполне успокоился, но убеждал себя, что, возможно, раздул опасность. В конце концов вряд ли эта девица выяснит, что следы Пэки теряются в Шато.

— Прекрасный парень, — ответил Гедж.

— Хорошо с ним поладили?

— Конечно! Одно ты заметишь в этом фрукте сразу— Гедж чувствовал, что жену следует подготовить. — Удивишься, что он — француз.

— Вот как?

— И здорово удивишься. Его за американца можно принять.

— Да, он как будто бы долго путешествовал по Америке.

— Правильно. Этим все и объясняется. Подумал просто, тебя следует предупредить на всякий случай. Чтоб не слишком удивилась. Говорит как американец.

— А как у него с аппетитом? Гедж растерялся.

— С аппетитом?

— Ест достаточно?

— А-а… конечно. А что такое?

— Видишь ли, — по-матерински заботливо заметила миссис Гедж, — когда я была в Париже, договаривалась с его матерью насчет аренды Шато, она показывала мне его фотографии, и на всех он до того худенький, даже хрупкий. Отсутствие аппетита, решила я.

Диагноз этот Гедж никак не прокомментировал. Он обмяк на сиденье, пуская пузыри. Если б гробовщик Сен Рока увидел его сейчас, то, всмотревшись попристальнее, быстренько бы отдал приказания помощникам готовиться к большой работе.

XIII

1

Размышляющий на террасе Пэки пока еще не набрел на блестящую идею, на поиски которой пустился. Напротив, идея как будто бы даже отдалилась, и он готов был уже расписаться в неудаче, когда увидел Геджа. Тот, появившись из дома, торопливо зашагал к нему, словно бы горя нетерпением поговорить. Пэки двинулся навстречу, радуясь случаю дать роздых мозгам за пустой болтовней, хотя бы даже и с Геджем.

— Уже вернулись? — воскликнул он. — Ну, как миссис Гедж? Приехала?

Лицо коротышки исказилось судорогой.

— Приехала!

Пэки озабоченно оглядел его. Ему показалось, что с ним не все ладно. Гедж походил на человека, пережившего тяжкие испытания. Явись ему целая ватага призраков, и то он не выглядел бы взволнованнее.

— Что-то случилось? — осведомился он.

Скрежет загробного хохота, какой вряд ли слышала терраса замка, взорвал тишину.

— О, нет! Ничего! Совсем ничего! Полный порядок! Только вот миссис Гедж, когда была в Париже, видела 57 разных фото настоящего виконта де Блиссака. И только что, выглянув из окна, поинтересовалась: «А это что еще за субъект?». Когда я ответил: «Это виконт», она сказала: «Еще чего! Никакой он не виконт!» — и послала меня за вами, чтоб вы все объяснили. А так — все распрекрасно!

Излагая третьему лицу содержание беседы, главное — передать не столько фактические слова, сколько смысл, что Геджу вполне удалось. Пэки подскочил, словно вспугнутый молодой олень, а его мозг, которому он надеялся подарить передышку, закрутился опять на третьей скорости.

— Что?!

— То.

— Нет, не может быть!

— Может, может.

— Да черт подери!

— А, ладно, — слабо проговорил Гедж, — ладно. Я все сказал.

— Что же вы ей ответили?

— А что я мог ответить? Вскрикнул: «У-у, проклятие! Откуда ж мне было знать?!» Сказал, что вы ввалились и заявили, что вы виконт, и, естественно, я так и думал. Сошло гладко, но что толку? — Гедж скрутил носовой платок, точно полотенце.

— Через две минуты она кинется телеграфировать в Париж, выясняя, куда же запропастился настоящий. А может, и телеграфировать не станет. Позвонит в полицию, и все дела.

До этого момента Пэки казалось, будто мозг его быстрее крутиться не способен. Он полагал, что уже использовал его на пределе возможного. Но теперь скорость будто переключилась, и вдруг обнаружилось, что можно думать и быстрее. Он почти слышал, как жужжит мозг, и удивлялся, как это у него из головы искры не сыплются.

Но вдруг морщинки на лбу у него разгладились.

— Так. Полный порядок!

— Рад, что у вас сложилось такое мнение.

— У меня идея возникла!

— Хорошая?

— Просто блеск!

Пэки осторожно огляделся. Дом, где затаилась в засаде миссис Гедж, находился вне пределов слышимости, но с женщиной такого сорта надо быть настороже.

— Скажите-ка, а где миссис Гедж застраховала свои побрякушки?

— Что за побрякушки?

— Ну, драгоценности.

— А вам зачем знать?

— Это весьма существенно. Если не вспомните, мы потонем.

— Мы уже потонули…

— Нет, если вам известна страховая компания.

— Конечно, известна. «Нью-Йорк, Лондон и Париж». Но нам-то чем это поможет?

Пэки похлопал себя по груди.

— Познакомьтесь с их служащим.

— Каким еще служащим?

— Из компании «Нью-Йорк, Лондон и Париж». С одним из обширного штата детективов. Меня прислали сюда приглядывать за драгоценностями миссис Гедж.

— Что?!

— Такой будет моя версия. Я крепко буду ее держаться.

— Ничего не выйдет!

— Почему?

— Почему?.. Хм, а ведь и правда, почему? — в благоговейном трепете произнес Гедж. — Да-с, сэр! Не вижу, почему. Вполне может удаться. А как это вы надумали все так быстро?

— Последнее время у меня на уме детективы крутятся. Так и выскакивают в разговорах. Вот и придумалось.

— Что ж, это шанс.

— Не вижу ни малейшего изъяна. Сердечный такой жест со стороны страховой компании. Послали человека приглядывать за застрахованными драгоценностями на месте. Итак, где мне найти миссис Гедж?

— В библиотеке она.

— Отправляюсь прямиком к ней! Если услышите глухой стук из библиотеки, знайте — история моя прошла не так гладко, как мы надеялись. Но лично я — оптимист. Так и слышу чириканье синих птичек и зубовный скрежет старушки беды. Хотя не могу сказать, — задумчиво заключил Пэки, — что откажусь опрокинуть наскоро рюмочку перед этой маленькой беседой. Нет, не откажусь.

2

Библиотека Шато «Блиссак» находилась на первом этаже, окнами на подъездную дорогу. Тенты на окнах загораживали ее от солнца, отчего внутри царил сумрак.

Но не настолько густой, чтобы Пэки, войдя, не увидел миссис Гедж, причем весьма отчетливо. От зрелища этого храбрость его чуть подувяла. Как он и предполагал, хозяйка Шато женщиной оказалась грозной. Не понравилось ему выражение ее глаз, да и зловеще поджатые губы. И уж если на то пошло, не понравилось, как сжимались и разжимались ее кулачки.

Однако вошел он со всей уверенностью, какую ему удалось наскрести, и уселся в кресло. А усевшись, почувствовал себя бодрее. Не то чтобы совсем уж хорошо, но получше.

— Ну, как поживаете, миссис Гедж?

Однако информации из первых рук о том, как она поживает, получить ему не удалось. Эта грозная женщина даже не поклонилась в знак приветствия. Она сидела, будто высеченная из цельного пласта скалы.

— Только что разговаривал с мистером Геджем. Она снова не

ответила.

— По его словам, вы знаете, что я — не виконт де Блиссак.

На этот раз реакция последовала. Хозяйка Шато показала, что она из плоти и крови. Такой развязной бойкости она не ожидала, и заметно вздрогнула.

— Но виконт — мой друг. Когда я объяснил ему, насколько мне необходимо попасть в Шато, он согласился, чтобы я занял его место. Я…

— Именно, — перебила миссис Гедж, обретя наконец дар речи. — Очень бы хотелось услышать ваше имя. Или хотя бы один из ваших псевдонимов.

Пэки расхохотался, очень надеясь, что весело. Однако полной уверенности не было. Самому ему хохот показался немножечко каркающим.

— Дорогая моя миссис Гедж! У вас сложилось впечатление, будто я — преступник?

— Вот именно.

На этот раз Пэки ограничился улыбкой. Она далась легче.

— Позвольте же мне объяснить…

— В полиции объясните.

— Они меня не поймут. Я очень плохо говорю по-французски. Миссис Гедж, вы ведь застраховали свои драгоценности в компании «Нью-Йорк, Лондон и Париж»?

— Вы хорошо осведомлены.

— Видите ли, я служащий этой компании, и она прислала меня сюда.

— Что!

— Я — один из обширного штата детективов.

И снова от изумления у миссис Гедж появилось слабое сходство с живым человеком.

— Вы надеетесь, что я этому поверю?

— Очень даже надеюсь.

— Ладно, продолжайте.

Нельзя сказать, чтобы ее поведение слишком уж воодушевляло, но Пэки все-таки продолжил.

— Фирма прислала меня, чтобы я посторожил ваши драгоценности. Сен Рок — скорее всего, вам это неведомо, — превосходное местечко для мошенников в сезон летних отпусков. Они пачками слетаются сюда. Городок просто кишмя кишит ими. Пари держу, что здесь в это время года камня не бросить, не угодив в одного из них.

Миссис Гедж прикрыла глаза, словно бы давая понять, что лично она

камнями не швыряется.

— У моей компании были основания полагать, что предпримут попытку украсть ваши драгоценности…

— Какие основания?

Пэки очень хотелось бы, чтобы эта женщина не перебивала его вопросами. История получалась куда более гладкой, когда ему давали вести монолог. Последний вопрос требовал быстрой смекалки, но Пэки справился.

— В вашем доме уже находится преступник, — веско промолвил он.

И снова миссис Гедж прикрыла глаза. Видимо, движение век заменяло ей речь, и, надо отметить, вполне успешно. Во всяком случае, она ясно передала свое мнение: да, правда, будто бы сказали веки, преступник в доме есть!

Пэки поспешил подкрепить свои слова деталями, и тут всплыло еще одно доказательство, что ирония в нашей жизни всегда тут как тут: ни на единую секунду ему и в голову не пришло бросить тень на герцога де Пон-Андемера. Карлайл был артист своего дела, и Пэки его спектаклю поверил безоговорочно, не усомнившись ни на секунду.

— Речь идет о сенаторе Опэле, вашем госте.

— Вы что же, пытаетесь мне внушить, будто сенатор Опэл — преступник?

— Нет. Но у него есть служащий…

Пэки немножко мучили угрызения совести, что он бросает Блэра в пасть волкам, но он утешился таким соображением: небольшое добавочное неудобство едва ли сильно подействует на человека, уже почти неделю служащего у сенатора.

— Когда отдохнете и у вас выкроится минутка присмотреться к прислуге, то вы заметите невысокого, неприметного человечка — личного слугу сенатора Опэла. Эгглстон, так он себя называет. Но нам он известен под кличкой Эд Англичанин.

Пристально следя за хозяйкой, Пэки с удовольствием отметил, что по ее лицу снова пробежала рябь. Он воспринял это как признак зарождения веры: ага, дело продвигается! И воодушевясь, продолжал:

— Но я начал объяснять, как очутился тут под именем виконта де Блиссака. Как я вам уже сказал, виконт — мой друг. Мы случайно встретились, и, узнав, что он приглашен к вам в гости, я увидел решение проблемы, тревожившей меня. Понимаете, было крайне важно найти способ внедриться в Шато так, чтобы у Эда Англичанина не зародилось ни малейших подозрений. Я доверился виконту, и он охотно позволил мне

занять его место. Пока что, рад сказать, Эд ничего не заподозрил!

— Вы действительно друг виконта де Блиссака?

— Да, и много лет.

— А как его зовут? — проницательно подалась вперед миссис Гедж.

— Морис! — без запинки отвечал Пэки.

Миссис Гедж опять откинулась назад. Результат ее испытания сомнений до конца не развеял, скептицизм еще держался, но она уже начинала верить.

— Н-да, все это представляется мне весьма необычным…

— Возможно…

— Почему же фирма не сообщила мне, что посылает вас сюда?

— Политика фирмы — не тревожить своих клиентов без крайней надобности, — в голосе его прозвучал слабый упрек. — Она действует тихо и незаметно.

Миссис Гедж призадумалась.

— Насчет этого Эгглстона вы уверены?

— Абсолютно!

— Что же вы предполагаете предпринять?

— Буду держать его под неусыпным наблюдением.

— А тем временем, — ехидно заметила миссис Гедж, — он возьмет да убьет меня в моей же собственной постели!

Чувство, подобное тому, какое он однажды испытал на матче, ожидая свистка, по которому на него набросятся одиннадцать вскормленных на кукурузе убийц из Гарварда или Нотр Дама, охватило Пэки. Наступил миг, когда он должен поставить на карту все. Победить или проиграть. Начать действия теперь — или никогда.

Пэки вцепился в подлокотники.

— Да с какой же стати ему вламываться в вашу спальню? Вы ведь не держите там драгоценности?

— Вот именно, держу.

— Держите? Там?! — У Пэки перехватило дыхание, — Вы хотите сказать, что… О-о, дорогая моя миссис Гедж, — очень серьезно проговорил он, — вы не представляете, какому вы себя подвергаете риску! Очень опасно спать в одной комнате со всеми этими брю… бриллиантами — крайне опасно. Да вы подумайте сами! Прокрадывается к вам в спальню медвежатник, то есть взломщик. Вы просыпаетесь, визжите… И что же? Либо он сигает… то есть прыгает в окно, либо думает, не задушить ли вас! Нет, ни под каким видом не спите больше в той комнате!

— Не могу же я оставить ее пустой.

— Мой вам совет: поменяйтесь спальнями с мистером Геджем. В конце концов охранять драгоценности — мужское дело.

От такого варианта миссис Гедж заметно просветлела. Пэки, напряженно наблюдавший за ней, понял, насколько безошибочно проник Слаттери в женскую психологию, когда заметил, что если в доме намечается убийство, то хозяйка предпочтет, чтобы жертвой пал ее муж.

— Н-да… — задумчиво протянула миссис Гедж.

— Да! — подтолкнул ее к решению Пэки.

— Н-да-а…

— Да!

— Да! — решилась миссис Гедж.

Все это было очень похоже на конференцию в Голливуде.

— Скажу мистеру Геджу, когда увижу его, — самым сердечным тоном заключила она и прибавила, проявляя трогательную заботливость хорошей жены: — Одолжу ему свой револьвер.

— Правильно! — одобрил Пэки. — Что ж, очень рад, что состоялся наш маленький разговор. Надеюсь, вы понимаете, если что случится — я всегда тут! Всегда готов помочь!

— Спасибо.

— Не за что. Это моя обязанность.

И, ободряюще улыбнувшись, Пэки ушел. Не успела за ним закрыться дверь, как из-за большой кожаной ширмы донеслось легкое шуршание, и оттуда вылезла хрупкая мисс Путнэм.

— Какая чушь! — сказала она.

3

Почти всем, кто знал личную секретаршу миссис Гедж, она представлялась призрачной тенью. Чувства подсказывали, что она здесь, но факт этот как-то не убеждал. Вы улавливали отблеск сверкнувших очков, видели мягкую почтительную улыбку, плывущую в воздухе, и, сказав себе: «А-а, это мисс Путнэм!», продолжали свои дела, не обращая на нее больше ни малейшего внимания.

Женщина, усевшаяся сейчас в кресло напротив миссис Гедж, была совсем другой. Глаза ее смотрели остро, держалась она властно, но самая большая перемена произошла в ее поведении. Обыкновенная мисс Путнэм никогда и не подумала бы усесться без приглашения, не стала бы сардонически хохотать при хозяйке, более того, никогда бы не стала

проверять ее рефлексы. Однако именно этим она и занималась — подавшись вперед, резко постукивала миссис Гедж по коленке.

— Надеюсь, миссис Г., вы не проглотили всю эту белиберду? — озабоченно осведомилась она.

От появления мисс Путнэм, бесшумного и неожиданного, хозяйка резко подскочила.

— Я и не знала, что вы тут, — проворчала она.

— Да, я тут, — сухо подтвердила мисс Путнэм. — Хотела услышать, что за историю накрутит этот тип. Давно уж к нему приглядываюсь. Да уж, — продолжала она, — хорошей же работенкой вы меня наградили! Хлопот у меня — как у косоглазого субъекта с трясучкой, который пытается набрать номер телефона пожарной охраны. — Она укоряюще покачала головой. — У вас, миссис Г., настоящий талант выбирать гостей! Сначала этот тип, потом этот ваш герцог!

— Герцог де Пон-Андемер? — вздрогнула миссис Гедж. — Вы хотите сказать, что и…

— Ну да! Это Карлайл Втируша. Один из лучших аферистов. Не успела его увидеть, тотчас же и узнала. Как вы вообще умудрились встретиться с ним?

— На пароходе познакомилась.

Мисс Путнэм прицокнула языком, не рассерженно, а укоризненно.

— Разве ваша мама, миссис Г., не учила вас основным правилам жизни? Одно из них — никогда не заводить близкой дружбы на пароходе. А что до этого типа, который говорит, будто он виконт, а потом врет, что он детектив…

— Вы уверены, что он не детектив?

— Вы что же, поверили его басням? — спокойно укорила мисс Путнэм. — Я полагала, у вас побольше здравого смысла.

— Почему вы так уверены?

— Потому что сама сыщик, и другого узнаю за милю!

— Но он — друг виконта де Блиссака!

— Это он так говорит.

— Он знает имя виконта…

— Долго ли узнать? «Готский альманах» можно купить в любой книжной лавчонке. Человек он молодой, крепкий, так что вполне в состоянии открыть книжку и прочитать все, что написано о виконте.

— Да, верно. А я и не подумала…

— И припомните, ему никак не удавалось говорить нормально. Все сбивался на «брюлики» и «медвежатников». Уверяю вас, он мошенник!

Мне ли их не знать! И заметьте, изготовился действовать быстро. Эти его советы поменяться спальнями с мистером Геджем… Профессиональные взломщики, я слыхала, не любят работать в спальне, где спит женщина. Женщины визжат, и к ним они не могут применить грубую физическую силу.

— А мне показалось, — с задумчивым видом отозвалась миссис Гедж, — предложение недурное. Спальнями с мужем я, наверное, все-таки поменяюсь.

— Разумеется, поменяйтесь. Я б и сама это предложила. Пусть эти субъекты думают, будто они преотлично все организовали. Пусть приступают к действиям, уж тут-то мы и застукаем их на месте преступления!

— Вы считаете, и действуют они заодно?

— Нет! — помотала головой мисс Путнэм. — И вот почему: они не так себя ведут. Не гуляют вместе. Держатся отстраненно. Мне все рисуется вот как: тот, который только что был здесь, играет в одиночку…

— Сенатор! — воскликнула миссис Гедж.

— Нет, тут полный порядок! — заверила мисс Путнэм с некоторым сожалением, словно ей хотелось, чтоб и он тоже, для полной симметрии, оказался преступником. — Сенатора Опэла я видела в Вашингтоне. Это тот самый, совершенно точно. И я ни на грош не верю, что камердинер — мошенник. Это все для отвода глаз.

— Нет, я хотела сказать, у меня есть одно письмо, и сенатор, чтобы заполучить его обратно, пойдет на что угодно. Как вы думаете, а вдруг он нанял этого субъекта, чтобы его выкрасть?

— Очень может быть! — с удовлетворением решила мисс Путнэм. — Угодили по шляпке гвоздя! Тогда все прекрасно вписывается. Этот тип работает на сенатора, а Втируша охотится за брюликами. Но Втируша — аферист, сейфов он не взламывает. Значит, есть еще кто-то за пределами Шато, с кем он работает на пару. Мне кажется, я знаю, кто это. Не доводилось вам слышать о человеке по имени Слаттери, Суп Слаттери?

Миссис Гедж ответила не сразу. Видимо, она старательно копалась в памяти.

— Нет, — наконец сказала она. — Не-ет. Суп Слаттери? Что за странное имя! Почему Суп?

— Суп — это вещество, которым взрывают сейф. Динамит.

— О, неужели?

— Когда я на днях наведывалась в городок, поклясться могу, что заметила Слаттери. У него лицо из таких… не забывается. В казино

входил. Я уж подумала, что это его двойник. Но теперь, когда все так повернулось, когда Втируша оказался в Шато — теперь я точно уверена, что это был Слаттери. Втируша пролез в дом и, разведав все, впустит Супа. Так всегда делается.

— Да?

— Это называется — сообщник в доме.

— Сообщник в доме? Как удивительно!

Говорила миссис Гедж спокойно, но мисс Путнэм видела, что она потрясена. Это ничуть ее не удивило. Женщина широких взглядов, она понимала, что присутствие преступников, лично ее бросавшее в дрожь азарта, на владелицу дома может оказать совершенно иной эффект. Непрофессионал, понимала мисс Путнэм, реагирует иначе, чем специалист. К тому же, женщины — народ нервный.

По коленке миссис Гедж мисс Путнэм уже стучала; теперь она потрепала ее.

— Миссис Г., причин нервничать нет. Я здесь. Когда вы нанимаете служащего агентства Джеймса Б. Флаэрти, то получаете настоящего мастера своего дела.

— Что же вы можете сделать?

— Закурите-ка сигарету, выкурите почти до конца, пусть останется окурочек с полдюйма. А я сшибу его выстрелом с двадцати шагов. Вот что я могу.

Миссис Гедж понемножку приходила в себя.

— Я не сомневаюсь, что вполне могу на вас положиться.

— Девиз нашей фирмы — «Верная служба»! — заверила мисс Путнэм.

— Тогда я все предоставляю вам. — Миссис Гедж встала.

— И разумнее поступить не можете.

— Пойду разыщу Веллингтона и скажу ему, что мы меняемся спальнями. А потом, наверное, — прибавила миссис Гедж, — сразу же и лягу. Я очень устала после плавания.

— Надеюсь, вы не разнервничались?

— О, нет! Нисколько!

Но напряженный взгляд опровергал ее заверения. Мисс Путнэм смотрела на нее, пока не закрылась дверь, потом покачала головой. Попадались ей нервные наниматели и раньше, но теперь она жалела, что не сохранила информацию в тайне.

Но тут же и просветлела. Очкастое лицо вскинулось, словно у боевого коня, почуявшего приближающуюся битву. Как-никак события вот-вот

начнут разворачиваться. А бурные события — как она частенько говорила близким друзьям в фирме Флаэрти на 44-й стрит и Седьмой Авеню — самое лакомое блюдо.

XIV

1

Во время исключительно важной беседы между Пэки и миссис Гедж мистер Гедж маялся поблизости от библиотечной двери; и не успел самозванный служащий фирмы «Нью-Йорк, Лондон и Париж» выйти из библиотеки, как наткнулся на него, трепещущего от возбужденности и любопытства.

Отчет Пэки вдохнул в Геджа новую жизнь. Видимо, все сошло легко и гладко. Миссис Гедж проглотила сказочку, не поперхнувшись. И муж ее преисполнился радостью, словно ему даровали отсрочку приговора на ступенях эшафота.

Преподнесенная несколькими минутами спустя новость — миссис Гедж предлагает ему поменяться спальнями — ничуть не уменьшила его ликования. С чего вдруг жене вздумалось совершать такой странный обмен, понять он не мог, но она всегда совершала множество поступков, мотивы которых оставались для него темны. Приписав все пустому женскому капризу, он вышел во двор, чуть ли не пританцовывая. У него, конечно, оставались еще тревоги, но пока что самая большая была решена. Заворачивая за угол, он даже запел.

Возможно, он так и так не пел бы долго, — человеку с множеством забот на уме очень скоро нашлось бы, над чем поразмышлять молча, но пение его оборвалось совсем уж быстро. Неспешно подойдя к задним комнатам Шато и бесцельно блуждая взглядом по сторонам, он наткнулся на зрелище, от которого оторопел, словно его хорошенько двинули кулаком.

Действительно, такая картина обескуражила бы любого, и то, что Гедж издал приглушенный писк, а пятясь, больно стукнулся головой о дерево, нельзя считать свидетельством какой бы то ни было слабости.

Ведь увидел он жандарма! Тот только что нырнул в кусты рядом с кухонной дверью, да как нырнул! Со зловещей прытью леопарда на охоте.

2

Воспользовавшись преимуществом обзоров с птичьего полета, узнаем про этого жандарма поподробнее, и выяснится, что он — не безжалостная гончая, мчащаяся по следу, а всего лишь милый молодой человек по имени Октав, дожидающийся пирога. Тем самым мы можем взглянуть на него хладнокровно. Глаза наши не выкатятся из орбит, как не скатываются твердо сидящие на своих орбитах звезды, а кудри останутся лежать, и ни один волосок не вскочит дыбом, как иглы на взъерошенном дикобразе. Однако с Геджем именно все перечисленное приключилось. Он превратился в настоящее желе из пульсирующих нервов. С силой молота на него обрушилась кошмарная истина: несмотря на все старания и предосторожности, полиция вышла на его след!

Пройти мимо страшных кустов с их страшной начинкой оказалось выше его сил, и, развернувшись, он засеменил обратно. А заворачивая снова за угол, наткнулся на Пэки, единственного человека, с кем мог обсудить это жуткое происшествие.

— Послушайте! — задыхаясь, проговорил он.

Как и почти все, кто видел этого коротышку, Пэки намеревался бросить ему словечко-другое и проскользнуть мимо, но взглянул на него и застыл на месте. Его поразили выпученные от ужаса глаза. Всего минут десять назад он оставил его в состоянии душевного покоя, и не мог вообразить, что же вызвало столь удивительный рецидив.

— Послушайте! — воззвал Гедж. — За домом следят! Теперь уж Пэки впал в совершеннейшее недоумение.

— Ну что вы! — растерянно возразил он.

— То есть как «что вы!»? — осведомился Гедж. Бывают минуты, когда приходится говорить жестко даже с союзниками. — Я видел копа! Собственными глазами!

— Видели?

— Да-с, сэр!

— Где?

— В кустах у кухонной двери.

— Всего один коп?

— И одного хватит.

— Как странно…

Гедж находился не в том настроении, чтобы судить о mot juste,[14] но уж очень ему показалось неподходящим это определение. И он разгневанно фыркнул:

— Странно! Ничего себе!

— Погодите здесь! — велел Пэки. — Сбегаю, взгляну на него.

— Только сами на глаза не попадайтесь!
— Ладно.
Пэки занял выгодную позицию, откуда хорошо просматривалась кухонная дверь. Долго следить не пришлось — трогательная любовная сцена представителей низшего класса вознаградила его за вахту. Из дома вышла кухарка, неся дымящийся пирог. Точно бы влекомый запахом, из кустов выполз жандарм. Пирог перешел из рук в руки. Жандарм поцеловал кухарку, кухарка поцеловала жандарма, и жандарм пошел прочь, держа курс на юг. Он нес пирог и мурлыкал себе под нос какую-то сентиментальную песенку.
Пэки понял все, и к Геджу вернулся целеустремленно. Его осенила новая блестящая идея. Последнее время идеи так и сверкали у него в мозгу, так что он уж почти и удивляться перестал.
— Ну? — подался к нему Гедж.
— Да, жандарм здесь. Все верно. Мне все понятно. Его прислали для расследования. Поразительно, до чего ж сноровисто действует эта французская полиция!
Столь очевидного восторга оперативной работой французской полицейской машины Гедж явно не разделял. Он молча пританцовывал на месте.
Пэки, явно старавшийся докопаться до донышка, задал уточняющий вопрос:
— В ночь преступления…
— Не нравится мне, когда вы так это называете!
— В ночь того неудачного происшествия, — поправился Пэки, — вы говорили кому-нибудь, что отправляетесь на Праздник?
— Нет. Но в дом меня впустил, когда я вернулся, дворецкий. Он же уложил меня в постель.
— И, наверное, заметил, что вы в восточном наряде, с тюрбаном на голове?
— Ну, не заметить он вряд ли сумел бы.
— Вот и разгадка! Так полиция и напала на след. Видимо, информацией их снабдил дворецкий.
— У-у, гончая! — провыл Гедж. — А ведь обещал ни словечка не проронить!
— Надо было дать ему на чай.
— Как это, интересно, дать на чай? Я кто, по-вашему, Джон Рокфеллер?
— Ну ладно, теперь уж все равно поздно горевать. Если полиция села

вам на хвост, остается удирать! Улизнуть и залечь на дно. И я скажу вам, где. На моей яхте!

— На вашей?..

— В Сен Рок я приплыл на ялике. Сейчас он стоит на якоре в гавани. Там вы будете в совершенной безопасности. Отлежитесь со всеми удобствами. На борту полно консервов. Можете хоть месяц там скрываться, вас не найдут. А когда появится возможность спокойно вернуться, расскажете миссис Гедж сказочку… ну, будто потеряли память, что-нибудь в таком роде. Афазия, по-моему, так это называется. Многие известные бизнесмены в Нью-Йорке исчезают из родного дома, а через несколько месяцев их обнаруживают в Дюбеке, к примеру, штат Айова, где они бродят со стеклянными глазами, вопрошая: «Где я?». Детали, в общем, продумаете на яхте. Времени хватит.

Из всех предложений, какие могли бы сейчас выдвинуть перед Геджем, ни одно не показалось бы ему соблазнительнее. Мысль сбежать подальше от дома пленяла его. Будь Пэки крупным финансистом да предложи ему неограниченный кредит, и то он не смотрел бы на него с большей симпатией.

— Пошли! — с пылом выкрикнул он.

— Минутку! — остановил Пэки. — Как же доставить вас на яхту?

— Моторкой управлять умеете?

— Конечно.

— Ну, так в лодочном домике на озере есть моторка.

— Вполне возможно. Но какой толк нам кататься по озеру?

— В озеро вливается канал, соединяющий его с гаванью.

— О, вот как? Прекрасно! Тогда бегите скорее, упакуйте зубную щетку, пижаму, всякие мелочи, и в путь!

С тихим удовлетворением Пэки наблюдал, как Гедж скрылся в доме. Наконец-то, показалось ему, он распутал это сложное дельце. Осталось только, переместив хозяина Шато на «Летящее Облако», нанести визит в отель «Дез Этранжэ», найти там Супа и уведомить его, что больше незачем терзаться колебаниями. Когда он сегодня ночью прокрадется в венецианскую спальню, она будет очищена не только от дамочек, но и от постояльцев мужского пола.

Чувствуя, что он обошелся со Слаттери очень щедро, Пэки повернулся спиной к ветерку закурить сигарету, вполне, по его мнению, заслуженную. А повернувшись, увидел, что к нему приближается Блэр Эгглстон.

Когда Блэр подошел поближе, стало очевидно, что выдающийся романист не в самом радужном настроении. Но это не отпугнуло Пэки от беседы с ним.

— Привет, Эгг, — окликнул он. — Ну, как они, делишки? Блэр насупился еще пуще.

— Не называйте меня Эгг, пожалуйста!

— Простите. А как все-таки делишки?

С минуту Блэр молчал. Он чуть поморщился, глаза у него совсем потемнели.

Дело в том, что от задания, навязанного ему, приятности он получал еще меньше, чем рассчитывал, что служило лишним доказательством трюизма — авторы редко похожи на свои книги.

И впрямь, в сочинениях своих Блэр представал хладнокровным и безжалостным. Как и у многих наших романистов, весь тон его книг кричал, что он — разочарованный, ироничный человек, испивший до дна чашу недозволенной любви, но всегда готовый наполнять ее вновь и вновь. В иных его романах (особенно в «Черве» и «Потрохах») встречались пассажи, от которых читатель просто содрогался, такой цинизм проглядывал там, с такой брутальной силой срывались завесы и миру являли женщину, какая она есть.

Однако лишенный своей авторучки Блэр вел себя с женщинами довольно застенчиво. В реальной жизни ему никогда не доводилось оказываться наедине в благоухающей ароматами студии со скудно одетой, но знатной дамой, возлежащей на тигровой шкуре. Но, даже окажись он в такой ситуации, он непременно подтащил бы стул поближе к двери, а усевшись, завел разговор о погоде. На недавнем свидании у озера только мысль о том, что в кустах подслушивает сенатор, заставляла его вкладывать пыл в комплименты.

Теперь, при вопросе Пэки, он скривился от одного воспоминания.

— Не могу я придумать, что говорить этой проклятой девчонке! — признался он в припадке откровенности, напавшей при воспоминании о перенесенных муках.

— А я-то думал, — удивился Пэки, — что вы, современные романисты, истинные дьяволы с женщинами!

Тут ему пришла новая мысль.

— А здесь-то вы что делаете? Вам же полагается быть рядом с ней.

— Эта девица послала меня принести сигарет и бутылочку вина.

Говорит, ее жажда замучила.

— О-о! Так в доме есть вино? — живо заинтересовался Пэки. — А я и не видел.

— Оно заперто. Но дворецкий может достать.

— Так, так, так! Как же теперь я примусь обхаживать этого дворецкого! Ценные сведения!

Повосхищавшись ими, Пэки вернулся к сути дела.

— Сигареты? Вино? Что ж, все складывается как нельзя лучше. Настоящий Омар Хайям. Видимо, вы добились большого успеха. Наверное, вы из тех, кто много не болтает, а всего добивается взглядами. Я бы не стал тревожиться из-за того, что нечего сказать. Продолжайте обстреливать ее глазами — и победа обеспечена!

Блэр содрогнулся от внезапной ярости.

— А я вот подумываю, взять да и бросить все!

— Нет, нет и нет! Это говорит не ваше истинное «я»! Вспомните, как мы на вас полагаемся!

— До того хочется взять да и бросить! Я считаю, вы со мной плохо обошлись. Поставили в самую неприятную и недостойную ситуацию! Хватит, надоело! Я чувствую…

Проникнуться симпатией к Блэру Пэки никогда не удавалось. С самой первой их встречи он оценил его как чрезвычайно ядовитый сорт сорняка, и мнение его с. той поры не менялось. Сотни раз терялся он в догадках: ну что в нем могло привлечь такую девушку, как Джейн? Тем не менее он не хотел, чтобы молодой романист слишком мучался. Вдохновение, позволившее ему столь триумфально провести недавнюю беседу с миссис Гедж, осенило снова и подсказало выход.

— Ну, если вам так уж противно ухаживать за ней, скажите, что вы сыщик.

— Что?!

— Да, да. Я и сам испробовал такую уловку. Подействовало, как по волшебству. С полной гарантией от Франклина. Скажите, что вы сыщик, работаете на страховую компанию «Нью-Йорк, Лондон и Париж». Вас прислали сторожить драгоценности миссис Гедж. Сами увидите, результаты последуют незамедлительно. Если она по той же части, тут же кинется пожимать вам руку и во всем признается. Ну, а если нет, то проникнется, скорее всего, такой почтительностью, что вы и на милю не сумеете к ней приблизиться. В общем, в любом случае вы выигрываете.

Если Пэки в последнее время и сеял тревоги и беспокойство среди своих новых знакомых, то сегодня он немало потрудился, чтобы

восстановить баланс. Только что он заставил Геджа радостнее взглянуть на жизнь; вот-вот принесет радостные вести Супу; потом его новости окажут тонизирующий эффект на сенатора и Джейн. А теперь он явно снял тяжкое бремя с души Блэра. После короткой борьбы, приспосабливая свои способности к такому предложению, тот явно счел его очень утешительным. Глаза его вспыхнули, и он намеревался выразить свои чувства словами, когда послышалось пыхтение, и, семеня, к ним подскочил Гедж с чемоданчиком в руке.

— Значит, договорились, Эгглстон? — проверил Пэки.

— Слушаюсь, сэр, — откликнулся романист и направился к дому.

— О чем это вы договорились? — осведомился Гедж.

— Я только что дал ему совет, как себя вести, чтобы угодить сенатору.

— В лакеи к старому Опэлу я бы лично не пошел! — заметил Гедж. — Хоть бы и за миллион долларов! Нет, сэр! Ладно, двинулись!

XV

1

За несколько минут до встречи Пэки и Блэра на лужайке Шато «Блиссак» появился, прихрамывая, пропыленный от долгого путешествия джентльмен. Это вернулся с прогулки Гордон Карлайл. Мы уже упоминали, что деревенскими прогулками он не увлекался, и нельзя сказать, чтобы эта сильно способствовала перемене его взглядов. Он натер пузырь на пятке, ему было жарко и душно.

Гордон устало плелся к дому, чтобы захватить купальный костюм, купленный накануне, и, спустившись к озеру, насладиться плаванием в его целительных водах.

Войдя в дом, он взял костюм и полотенце и отправился заросшей тропкой к месту своей мечты. На полпути он заметил, что кто-то поднимается ему навстречу, и, вглядевшись, узнал сенатора Опэла.

Тот жизнерадостно приветствовал его. Наблюдения из засады вполне его удовлетворили. Дела у Эгглстона с этой девицей продвигались прекрасно, и сенатор счел, что надобность в бдительности отпала.

— Привет, герцог! — воскликнул сенатор. — А я как раз иду в город, ноги поразмять. А вы — плавать?

— Дэ-э.

— Осторожнее выбирайте местечко для раздевания. Горничная миссис Гедж там, у озера.

— Дэ-э? — Глаза у Карлайла блеснули.

— Да! Флиртует с моим камердинером Эгглстоном.

— Что!

— Да-да! Сам их только что видел! — хихикнул сенатор и отправился своей дорогой.

Карлайл постоял с минутку, оцепенев. Потом глубоко вздохнул и возобновил поход.

Спустя несколько минут с налитыми кровью глазами и поджатыми губами он уже выдирался из кустов с другого конца тропинки, а там ринулся, кипя мстительной яростью, на полянку у озера. Кровь Карлайлов вскипела. Краткий осмотр Эгглстона накануне вечером вполне его удовлетворил: размеры приблизительно соответствовали тем, какие

нравились ему в людях, которых он вознамерился избить. И Гордон был преисполнен воинственного духа.

Рассчитывая прервать любовную сцену и взвинтив себя за короткий срок до боевого пыла, он был немало обескуражен, увидев Герти одну. Она кидала палки в озеро в явной надежде угодить по голове какой-нибудь водоплавающей птице — невинная забава, придраться к которой не сумеет даже ревнивец из ревнивцев. Гадая, неужели его все-таки неправильно информировали, Карлайл приостановился, но тут ему припомнились прощальные слова на подъездной дороге — жестокие, терзающие слова, каждый слог которых запечатлелся в сердце, и он снова обрел твердость.

Герти оглянулась. Карлайл сверлил ее суровым взглядом.

— Ну, и где же он? — с угрозой спросил Гордон. Глаза ее остались равнодушны.

— Что это, интересно, вы тут поделываете? — осведомилась она. — Могу я вас спросить, мистер Карлайл?

— Где он?

— Кто?

— Тип этот, Эгглстон. Мне сказали, он тут, с тобой.

— Вам сказали, вот как?

— Да. И еще кое-что сказали. Ты флиртовала с ним! Герти зевнула.

— Ну и что?

В суровом взгляде Карлайла проглянула боль.

— Обниматься со слугой! Не ожидал от тебя, Герти!

— Мистер Эгглстон — джентльмен во всех смыслах этого слова, — надменно отвечала она. — А если я нравлюсь ему, тут уж я ничего не могу поделать.

Легкий скрежет нарушил безмятежность дня. Это Гордон Карлайл скрежетал зубами.

— По-видимому, он сильно в меня влюбился, — с легким беззаботным смехом продолжила Герти. — Такой внимательный. А глаза какие! Безумно красивые! И знаешь, так забавно, кажется, он считает, что и у меня красивые глаза!

Скрежет усилился.

— Как раз расхваливал их, когда я послала его в дом. Вернется с минуты на минуту, скажет еще что-нибудь приятное.

— Пусть только попробует при мне!

— Ты ему задашь, да?

— Я шею ему сверну!

— Ох-ох! А кто тебе поможет?

Свирепость Карлайла сменилась жалобной нежностью.

— Герти, не говори так! Не будь ты такой!

— Я буду такой, какой пожелаю. И я тебе не Герти!

— А что тут дурного? — оскорбился Карлайл.

— Все! Если желаешь знать, мы — в ссоре, не забывай! Да-да! Ты пошел на попятную прошлой ночью! Не хватило храбрости отдубасить того типа! Фу!

— Да я же все объяснил!

— А что произошло год назад?

— И про это я объяснил.

— Да уж, объяснил! Заходил ко мне в больницу, миловался со мной, когда у тебя губы горели от *ее* поцелуев!

— Что ты говоришь! Я в жизни ее не целовал. Между нами были простые деловые отношения. И ничего больше! Она знала одного молодого миллионера в консервном бизнесе — ну, знаешь сардины… а я уговаривал его соблазнить, втянуть в крупную карточную игру. Неужели ты мне не веришь?

— Не поверила бы, если б даже знала, что ты говоришь правду. Ты такой двуличный! Будь у меня хоть капля ума, в первый же день раскусила бы, что ты за штучка!

С губ Карлайла сорвался вздох.

— Ты, Герти, пожалеешь об этом. Очень скоро ты поймешь, что недооценивала меня!

— Как только пойму, тут же напишу. В какой ты тюрьме, узнать нетрудно.

Карлайл остолбенел. Он любил эту девушку, но она зашла дальше, чем следует. Оскорбила его мастерство. Больше всего он гордился своим искусством, спасавшим его от грубых промахов, приводивших других аферистов за решетку. А она посмела насмехаться над его профессионализмом! Такого оскорбительного намека Гордон спустить не мог. Он холодно приподнял шляпу.

— После таких слов, — с холодным достоинством произнес он, — вынужден тебя оставить.

— Пожалуйста! Если никогда не вернешься, ожидание не покажется мне вечностью!

— Прощай!

Истинный джентльмен до последнего, Карлайл опять приподнял шляпу и надменно отступил в кусты.

Он хотел вернуться на заросшую тропу, но не успел шагнуть на нее,

как услыхал, что кто-то подходит, замер, и сразу же в поле его зрения возник Блэр.

Карлайл отпрянул в кустарник. Уходить он передумал. Уязвленная гордость снова сменилась ревнивой яростью, Герти отвергла его, или, как сказал бы друг его Слаттери, дала ему под зад, и он не надеялся на примирение. Но оставалась месть!

Гордон бурлил и кипел, а Блэр, пройдя мимо него, вышел на полянку. Страдалец переменил позицию, чтобы ничто не загораживало вид, и горящими глазами впился в соперника.

К несчастью для Блэра, добрый совет Пэки привел его в отличнейшее расположение духа, и улыбающееся лицо, заодно с бутылкой вина, показались Карлайлу безошибочной картинкой распутника, идущего к цели на всех парусах. Да, вот-вот он станет зрителем буйной оргии.

Оргия, если ее можно так назвать, началась в довольно вялом темпе. Эгглстон, откупорив бутылку, наполнил бокалы, угостил даму сигареткой, взял сигарету сам и уселся на Дерн. Пока что поведение его было вполне безобидным. Он заговорил, но слова доносились до Карлайла лишь слабым бормотанием. Несколько минут его речи, о чем бы он там ни вещал, казались вполне безвредными. Герти покуривала, не выказывая эмоций, какие полагалось бы проявлять девушке, слушающей распутника. Потом картинка резко переменилась. До ушей Карлайла донесся судорожный женский вздох. Из пальцев прекрасной дамы выпала сигарета, а сама она уставилась на собеседника, будто сказанное им потрясло ее скромность. Хотя стоял Карлайл не близко, он все-таки ясно различал ужас в ее глазах. И дольше не вытерпел.

Герти, знал он, ханжой не была. Если уж она смотрит так, то наверняка этот мерзавец сказал что-то крайне грубое и мерзкое, а значит, самая пора ему вмешаться. Горя той лихорадкой, какая всегда нападает на мужчин, готовых сразиться с распутниками размером поменьше, чем они сами, Карлайл вывалился из кустов.

Для Блэра, знавшего его под титулом Пон-Андемер и не раз видевшего, как он бесцельно слоняется по Шато, все это никак не просигналило об опасности. Он удивился немножко, так как и не подозревал, что герцог прячется в кустах, но страха не ощутил. Первым намеком на враждебность возникшего ниоткуда гостя стал внезапный его выпад: что-то твердое ударило Блэру в глаз, и на несколько минут мир превратился в черновой набросок кошмарного сна, расплывчатый и приблизительный.

Литератор обычно рисуется нам мечтательным, рассеянным

человеком, не способным здраво соображать в обстоятельствах, требующих практической смекалки. Блэр Эгглстон к такому типу литераторов не принадлежал. Соображал он быстро, не подкачал и сейчас. Для человека его сложения, догадался он, на которого налетел явно спятивший герцог, самое разумное — убраться отсюда подобру-поздорову, да поживее.

Удрать в заросли кустарника он не мог — Карлайл стоял как Аполлон, загораживая тропу. Поэтому, улучив момент, когда его противник переводил дух, Эгглстон, сделав внезапный рывок, галопом рванулся к берегу и, плюхнувшись в воду, неуклюже, но энергично поплыл к островку, лежавшему ярдах в пятидесяти от берега. Выкарабкавшись на землю и отдуваясь, он встал по щиколотку в грязи, поскольку это его убежище дважды в день покрывалось приливом. Зато здесь он хотя бы был один.

Между тем, на большой земле разворачивалась нежная сцена. Наблюдавший ее Блэр еще больше утвердился в сложившемся уже убеждении, что все вокруг рехнулись; но на израненное сердце Гордона пролился настоящий бальзам. Герти, топтавшаяся на обочине битвы, подобно деве средних веков, ради милостей которой сразились два рыцаря, теперь порывисто обняла Карлайла и словами, соответствующими жесту, дала ему понять, что прошлое забыто.

— Втируша! Ты — чудо! Я и не знала, что ты на такое способен! Беру все свои слова обратно!

В ней пробудилась пещерная женщина. То, что у ее поклонника не было равных, когда речь шла о том, чтобы вытянуть наличные из кармана собратьев, она знала всегда. Но сомнения по поводу физического его мужества сильно снижали восхищение, вызываемое его профессиональным мастерством. Сейчас сомнения эти он развеял, а заодно — и сомнения в его любви к ней.

Она его поцеловала. Он поцеловал ее. Этот маленький эпизод не произвел на Блэра идиллического впечатления, хотя идиллическим, несомненно, был.

— Втируша! — выдохнула Герти.

— Герти! — пробормотал Карлайл, и тут же — ведь в наши современные, практичные дни бизнес всегда идет по пятам за примирением влюбленных, — завел разговор о том, что называл «дельцем».

— Послушай, а пора бы и дельцем заняться. Какой смысл бестолку болтаться? Вскрыть сейф я хочу сегодня же, так около часа ночи — время

самое подходящее. Как ты думаешь, сумеешь ты вывести машину из гаража?

— Конечно.

— Тогда дожидайся на подъездной дороге. Мотор включи. Я спрыгну с балкона с товаром, и умчимся в Париж.

— Милый, а ты не покалечишься?

— Что ты! Там высоты-то всего несколько футов. И слушай-ка, еще вот что. То письмо, про которое я тебе говорил, когда ты не захотела слушать…

В нескольких словах он передал суть дела.

Глаза у нее засверкали. Она была тоже деловой и сразу поняла, каким ценным капиталом станет для молодой пары, только начавшей обзаводиться хозяйством, компрометирующее письмо сенатора Опэла.

Но тут же личико ее и потухло. В пылу недавнего примирения она кое-что упустила из виду.

— Втируша, а ведь нам надо поостеречься! Вон тот гусь на острове — сыщик!

— Сыщик! Не может быть!

— Сам мне только что признался. Его прислала страховая компания «Лондон, Париж и Нью-Йорк». Приглядывать за брюликами миссис Гедж.

Стоя на островке (с него вовсю капала вода), молодой романист заметил, как недавний его противник обернулся и устремил на него взгляд, до того неприятный, что ему захотелось, чтобы расстояние между ними выросло раз в десять

— Сыщик… — выговорил Карлайл, — вон оно как!

— Что ж нам делать?

— Остается одно. Связать его и упрятать куда подальше, пока мы не удерем.

— Как же до него добраться?

Задумчивым взглядом Карлайл обозрел водную гладь.

— А лодки на этом пруду не имеется?

— Вон за теми деревьями стоит лодочный домик.

— Герти! — воскликнул Карлайл, преисполнившись энергии, как мог воскликнуть Наполеон, отдавая приказания своему маршалу. — Я подожду здесь, буду следить за ним, чтоб не улизнул, а ты скачи-ка поскорее к этому самому домику и пригони сюда лодку. Заберешь меня, подгребем к островку и зацепим сыщика крюком. Когда бултыхнется в воду, мы отбуксируем его куда следует, а там свяжем и спрячем в лодочном домике. Завтра из Парижа отстучим здешним обитателям телеграмму, где его

искать. Доехало?

— Доехало!

— Все ясно?

— Все!

— Ну так — бегом! — скомандовал Карлайл.

Из-за того, что в Шато «Блиссак» царила суровая трезвенность, пришлось сенатору Опэлу этим погожим летним деньком отправиться в город. В своей частной жизни он привык несколько отклоняться от принципов, столь страстно проповедуемых им на публике, и засушливость в Шато причиняла ему массу неудобств, понуждая к утомительным ежедневным визитам в коктейль-бар отеля «Дез Этранжэ», где придерживались более вольных взглядов. У него стало привычкой заглядывать туда под вечер, чтобы скромно освежиться, как того требовал его организм. Именно туда-то он и направился после встречи с Карлайлом.

Обычно вестибюль сенатор старался проскакивать на полной скорости, с видом бычка, спешащего на водопой в аризонской пустыне, но сегодня его пробег затормозился из-за Пэки. Погрузив Геджа на «Летящее Облако», тот явился в отель сообщить о развития событий Супу Слаттери, и в вестибюль вошел почти одновременно с сенатором.

Сенатор, предпочитавший в эти свои посещения одиночество, случайной встрече не обрадовался.

— А-а, Франклин, — отчужденно бросил он.

— Привет, сенатор! — откликнулся Пэки. — Что привело вас сюда?

— Вспомнил о важной телеграмме. Необходимо отбить в Нью-Йорк, без промедления. Вот и забежал.

— А я к Супу пришел.

— К Супу?

— Коллега мой, мистер Слаттери. Тот человек, который вскроет для нас сейф.

Сенатор Опэл просветлел.

— Роскошно! Вы… э… уже составили план?

— О, да! Все прекрасно. В спальне миссис Гедж никого не будет. Горизонт абсолютно чист. Получите свое письмо завтра!

В багровые тона лицо сенатора Опэла окрашивалось не только от негодования, но и от внезапной радости. Когда он протянул правую руку, схватил руку Пэки и сердечно похлопал того по плечу, как президент фирмы в рекламном журнале, поздравляющий многообещающего юнца, проявившего способности к изучению бизнеса на заочных курсах, он побагровел до корней волос.

— Мой дорогой!

— Так и думал, что вы обрадуетесь.

— Так этот человек в отеле?

— Пойду спрошу его номер у портье. Расскажу вам обо всем позже.

— Правильно. Не теряйте ни минуты!

С чувствами, слишком глубокими, чтобы передать их словами, он наблюдал, как Пэки приблизился к стойке портье, опасаясь, что в такой прекрасный денек эксперта не окажется дома. Но страх исчез, когда молодой человек направился через вестибюль к лифту. Считая, что уж такой-то случай просто взывает к лишней рюмке, сенатор Опэл, развернувшись, возобновил путь, но тут голос позади остановил его.

— Извините!

Сенатор круто обернулся, и у него перехватило дыхание. Даже мелодичность голоса не подготовила к поразительной красоте его обладательницы. Рядом с ним стояла самая красивая девушка, каких ему доводилось видеть, и он мгновенно стал воплощением галантности. Тридцать лет миновало с тех пор, как он умел обходиться с красивыми девушками, но в жесте, каким он сбил шляпу, в изысканной почтительности его поклона проглянула изрядная доля прежнего задора.

— Я видела, вы разговаривали с мистером Франклином. Вы не можете мне сказать, в каком номере он остановился? Портье уверяет, будто в отеле он не живет.

Если б кто минуту назад сказал сенатору Опэлу, что он очень пожалеет о встрече с такой несравненной красавицей, он бы высмеял такого предсказателя. Однако, услышав вопрос, отчетливо почувствовал, что жалеет, и очень. Меньше всего ему хотелось бы, чтобы в критический момент возникла какая-то знакомая Пэки.

Сенатор чуть поперхнулся, но тут же, оправившись, изготовился врать напропалую.

— Мистер Франклин?

— Вы с ним только что говорили…

— Что вы, что вы! Какой же это мистер Франклин! Насколько мне помнится, я даже и не знаком ни с каким Франклином. А говорил я только что с виконтом де Блиссаком.

— Что?!

— Да, вот именно. С виконтом де Блиссаком, — твердо повторил сенатор. — Из очень старинной, знаете ли, французской фамилии.

Красавица неотрывно смотрела на него, и он с сожалением отметил, что глазах ее ясно читалось недоверие; однако отважно врал дальше.

— Такое сходство очень, по-моему, распространено. В жизни каждому не раз приходилось сталкиваться с двойниками. Вот и я сам… Помню, однажды в Вашингтоне…

Долг рассказчика перед читателем отсеивать и отбирать. Любой материал, не представляющий, на его взгляд, потенциального интереса, он обязан выбрасывать, и потому мы целиком выбрасываем историю, приключившуюся с сенатором Опэлом в Вашингтоне. И впрямь, она не увлечет никого. Единственное ее достоинство в том, что она дала рассказчику остро необходимую передышку. К моменту, когда история благополучно завершилась, сенатор поуспокоился, набрался хладнокровия от звука собственного голосам и снова стал самим собой, то есть помпезным и напыщенным.

— Так что сами видите, — заключил он, — это случается без конца. У меня нет сомнений, что между виконтом и вашим другом, мистером Франклином, существует необыкновенное сходство, но заверяю вас еще раз: молодой человек, которого вы только что видели, — виконт, и никто иной. Могу утверждать это вполне авторитетно, поскольку он помолвлен с моей дочерью.

— Помолвлен с вашей дочерью?

— Да.

— Вы уверены?

Эта фраза показалась сенатору Опэлу глупее некуда. Он самодовольно хихикнул.

— Вы и не спрашивали бы, если б видели их вместе. Я рад, что в наше циничное время еще можно наблюдать такую привязанность. Они просто поглощены друг другом. Им только бы целоваться, иначе они жить не могут. Мне нравится на это смотреть, — с чувством добавил сенатор. — Если молодые люди влюблены друг в друга, пусть и ведут себя соответственно. Таков мой девиз. Меня просто тошнит от нынешней идиотской моды — когда жених и невеста держатся так, будто до смерти наскучили друг другу. Ничего подобного между виконтом и моей дочерью нет.

— Какая прелесть!

— Да, да. Именно прелесть!

— Что же, значит, я ошиблась. Простите.

— Не за что, не за что!

— А не можете ли вы мне сказать, где гостиная? Полагаю, никто не станет возражать, если я напишу тут письмо?

— Ни в коем случае! А гостиная вон там, за портьерой.

— Благодарю.

Слегка поклонившись, красавица ушла, а сенатор Опэл, со слабым томлением по годам, когда он ни за что бы не допустил, чтобы такая девушка ушла из его жизни, последовал своей дорогой, искать источник утешения, напиток Постава-филантропа, который мужчины, пусть и миновавшие возраст, когда любовь правит бал, все-таки могли проглотить.

2

Суп Слаттери сидел в кровати, читая «Алису в Стране Чудес». Когда вошел Пэки, он, чихнув, взял стакан, чтобы подкрепиться глотком горячего виски.

— Привет! — бросил Слаттери и показал книгу. — Читал эту книженцию?

— И часто. Где взял?

— В вестибюле подобрал. Забыл, наверное, кто-то. Послушай, может, ты сумеешь мне объяснить. Этот Белый Кролик. Что-то я его не понимаю. Чем он занимается?

— Спешит, по-моему, на чай с Королевой? Что-то в этом роде?

— А почему он тогда в деловом костюме и при часах?

— Н-да…

— Нет, — помотал головой Слаттери. — Так не бывает. Он опять чихнул, и Пэки тревожно всмотрелся в него.

— Ты что, простуду схватил, что ли?

— Да уж точно.

— Жаль. Это осложняет дело. А я пришел просить, чтобы ты взломал для меня сейф сегодня ночью.

Слаттери был истинным спартанцем.

— Подумаешь, простуда! — легко отозвался он. — Ты что ж, считаешь, такая ерундовина меня остановит? Само собой, вскрою. Так ты выпроводил эту тетю из спальни?

— Мало того! Геджа там тоже не будет!

— Кр-расота! А как же тебе удалось?

— О, это долгая история, — нехотя отозвался Пэки. — Понимаешь, я показал необыкновенную мудрость и предприимчивость. Если тебе захочется назвать это гениальностью, тоже возражать не стану. Миссис Гедж перешла спать в спальню мужа, а мистер Гедж наглухо запрятан в одном местечке. Оставлю открытым для тебя окно гостиной. Тебе только и

потребуется — войти и забрать. Непыльная работенка.

— Знаешь, непыльных для меня уже нет, — вздохнул Слаттери. — Раньше, бывало, чем заковыристее дело, тем мне больше по нраву. Джулия даже меня поддразнивала. А теперь я — целиком за спокойную жизнь. Старею, видно. Если б сумел огрести где небольшой капиталец, чтобы ферму хватило купить, ушел бы отдел. Есть что-то такое в фермах… Коровы всякие, цыплятки…

И Слаттери мечтательно забылся. Потом какая-то неприятная мысль вторглась в его мечтания. Взгляд его загорелся.

— Слушай-ка, а я вот что хотел спросить. Насчет Шатту этого…

— Да?

— Что это за тип там живет, с белыми волосами, черными бровями? Здоровила такой?

— А-а, так ты его знаешь? Это сенатор Опэл.

Пэки, пораженный, умолк. У его собеседника вырвался свистящий вздох. Возможно, причиной тому было начинающееся воспаление легких, но больше походило на ярость сильного мужчины.

— Что такое?! — Слаттери дышал все так же странно и натужно. — Сенатор Опэл? Так ты для него хочешь раздобыть то *канпраментирующее* письмо?

— Да, для него самого.

— Брат! Все отменяется! Выхожу из игры!

— Что!

— Ну, нет! Не стану, даже ради тебя. Чтоб я вызволял этого сивого типа из передряги? Чем ему хуже, тем больше мне радости! Тонуть станет, кину ему одно — утюг на голову!

Пэки пришел в полнейшее недоумение. Он ничего не мог понять в этом неожиданном всплеске эмоций.

— Но…

— Нет, — твердо повторил Слаттери. — Если этого типа опозорят, только рад буду. После того, что он со мной сотворил…

И в резких, цветистых фразах, перемежающихся случайным чихом, придающим рассказу дополнительную драматичность, Слаттери поведал историю своей ночи на открытом воздухе. Рассказывал он отменно, так и виделся подоконник, слышались порывы резкого ветра, свистящего вокруг его свисающих лодыжек; и Пэки, слушая, чувствовал, как на него наваливается безнадежность. После такого происшествия нелегко будет успокоить настрадавшегося человека.

— Н-да, круто, — согласился он.

— Круто, — подтвердил, уныло чихая, и Слаттери. — Да, самое точное словцо. Вернее и не подберешь.

— Не будешь же ты дуться из-за таких мелочей?

— Как ты сказал? — переспросил Слаттери. — Мелочей?

— Это ж просто шутка.

— Шуточки, ничего себе!

Пэки спохватился, что выбрал не ту линию уговоров, и ударил по более личной ноте.

— Подумай обо мне! Ты ведь меня не подведешь, а? Слаттери зашелся недоумением.

— Послушай, да при чем тут ты? Чего ты-то так распалился? Если этот дурила написал не то письмо, пускай сам и расхлебывает. Не пойму, каким ты тут боком?

— Понимаешь, у сенатора Опэла есть дочка. Она, конечно, очень расстраивается. Вот я и хочу ей помочь.

— А ты что ж, втюрился?

— Разумеется, нет!

Пэки брала досада, что его дружбу с Джейн, чисто платоническую, все истолковывают неверно. Сам он, конечно, знал, что между ними — ничего нет, только рыцарственное желание помочь попавшей в беду знакомой с его стороны, а с ее — естественная благодарность. Правда, разок-другой он ненароком погладил ей ручку, и даже подержал минутку-другую, но ведь из чистой вежливости; точно так же он вел бы себя и с родной тетей, попади его тетя в беду. Пэки изо всех сил старался растолковать это Слаттери.

— Ничего подобного! Мне просто ее жалко!

— Пожалей лучше старикана Опэла.

— Так ты не выручишь нас?

— Нет уж!

— Не могу поверить, — укоризненно сказал Пэки, — что передо мной действительно Суп Слаттери. Добрый, надежный старина Слаттери.

— Он самый! — заверил Слаттери.

— И ты решительно отказываешься?

— Да!

Пэки направился к двери. Он потерпел поражение.

— Да-а, — с бесконечной грустью вздохнул он, — это разбивает мне сердце. Надеюсь, никогда в жизни у меня не будет таких огорчений.

Надеялся он зря. Шагнув из лифта в вестибюль, Пэки узнал в красивой девушке, направлявшейся к нему, свою невесту.

3

Молодому человеку, помолвленному с красивой девушкой и живущему вдалеке от нее, полагалось бы, неожиданно столкнувшись с ней, испытывать одно — чистейшей воды ликование. Однако чувства Пэки вряд ля подпадали под такую категорию. В ситуации, которая могла бы стать благодатным сюжетом не для одного поэта, чувство им владело одно — будто какой здоровяк-приятель крепко саданул его но носу.

Первой заговорила Беатриса.

— М-да. Что-то ты мне не слишком обрадовался…

При этих словах Пэки опомнился и сумел до некоторой степени воспользоваться своими умственными и физическими способностями. До полной ясности ума было еще далековато, но здравый смысл, доковыляв на подкашивающихся ногах до своего трона, подсказал, что надо выказать хотя бы капельку сердечного восторга. И Пэки кинулся его выказывать. Мозги у него пребывали еще в отупении от грянувшей катастрофы, но он все-таки ухитрился нежно улыбнуться.

— Я ужасно рад, — выговорил он. — Просто не ожидал, что… я имею в виду… понятия не имел…

— Да. Наверное.

— Когда же ты приехала?

— Сегодня днем.

Потихоньку Пэки обретал надлежащую форму. Всеми силами, понимал он, надо избегать малейших проявлений нечистой совести. В конце концов все не так уж и плохо. К счастью, у него есть в качестве алиби яхта. Беатрисе не к чему знать, что обретался он после своего приезда не на «Летящем Облаке». Манеры его, не вполне еще уверенные, стали все-таки гораздо непринужденнее.

— Нет, как чудесно, что ты сумела приехать! — воскликнул он. — Я так и надеялся, когда сообщил тебе в письме, что я тут. Но боялся, что ты не сможешь оставить дом. Как, кстати, ваши гости?

— Прекрасно.

— Много интересных?

— Весьма.

— А как домашние?

— Прекрасно.

— Как твой отец?

— Прекрасно.

— А мать? Как она?
— Прекрасно.
— А тетя Гвендолин?
Столь дотошная внимательность не тронула леди Беатрису, а только раздосадовала.
— Может, сэкономим время? Тебя удовлетворит, если я скажу сразу, что все в Уорблсе, до единого, поживают прекрасно?
Пэки признал разумность такого предложения.
— Да… Как же чудесно, что ты сумела выбраться сюда! — повторял он, оставляя тему здоровья ее родных. — Наверное, тебе нелегко было разыскать меня, я ведь не в отеле живу. Видишь ли, я приплыл сюда на яхте. Помнишь, я говорил, что, возможно, найму… или я в письме написал про яхту?
— Нет. В письме ты написал только, что уезжаешь в Сен Рок.
— А-а… Ну так вот, я нанял яхту. Сейчас она на якоре в гавани.
— И ты живешь на яхте?
— Да, совершенно верно. Живу на яхте.
— Вот как… — протянула Беатриса. — А я так поняла, что гостишь ты в Шато, выдавая себя за виконта де Блиссака.
Пэки снова показалось, что его крепко двинули в нос, и даже, что невидимый драчун, не удовлетворившись одним ударом, заехал и в челюсть. Как сквозь дымку, он слушал дальше.
— Я случайно узнала, что виконт де Блиссак гостит в Шато своей матери у американцев по имени Гедж. А только что встретила одного старика, и он рассказал мне, что ты и есть тот самый виконт де Блиссак и помолвлен с его дочерью. Ты не считаешь, что тебе следует объясниться?
Один из существенных изъянов жизни в том, что иногда человек просто вынужден говорить правду. Такой вот момент, понял Пэки, наступил сейчас. Кое-какую правду ему никак не хотелось выкладывать, но никуда не денешься.
— Я тебе все расскажу!
— Жду с нетерпением.
— Этот старик — сенатор Опэл.
— Итак, ты помолвлен с мисс Опэл?
— Нет, нет и нет! Он только думает, будто я помолвлен.
— Из того, что он рассказал мне, ты, по-моему, даешь ему достаточные основания.
— Сенатор Опэл написал письмо…
— Какое любопытное совпадение! Я только что тоже написала

письмо.

— …очень и очень компрометирующее его. А письмом этим завладела миссис Гедж и пригрозила отправить в газеты. Ему ужасно хочется заполучить письмо обратно. Я случайно познакомился с его дочкой…

— Как же?

— Ну, это долгая история. Подстригал старикану волосы, а…

— Что-что?

— Сейчас некогда вдаваться в подробности. Ну, в общем, когда я подстригал ему волосы, я с ней и познакомился. Она и рассказала мне про письмо. Ну, естественно, я вызвался помочь. А это натолкнуло сенатора на мысль, будто я — Блэр Эгглстон.

— Что?!

Пэки приостановился на минутку, стараясь выстроить мысли. Он видел, что рассказ получается не таким внятным, как хотелось бы.

— Когда я говорю, что он подумал, будто я Эгглстон, я имею в виду, что Джейн…

— Вот так, значит! Уже — Джейн!

— Ее зовут Джейн. Он подумал, будто я — тот человек, с которым мисс Опэл помолвлена. А помолвлена она с Блэром Эгглстоном.

— Вот это уж точно нет! Эгглстон, когда я встретила его в Лондоне, про помолвку мне не говорил.

— Ну, естественно. Понимаешь ли, помолвка у них тайная.

— Да? Что ж, продолжай.

— Вот потому-то сенатор и подумал, что мы помолвлены.

Беатриса отбивала такт ножкой по ковру. Дурной знак.

— Пока что я поняла одно — сенатор Опэл написал письмо, а мисс Опэл желает, чтоб ты раздобыл его обратно.

— Ну, это все так и есть.

— Не совсем. Разве не рискованное занятие — красть письмо у миссис Гедж?

— Ох, рискованное! Это уж точно!

— Ты можешь угодить в очень неприятное положение.

— Вполне вероятно, — подтвердил опять Пэки, тронутый ее заботливостью.

Губы у Беатрисы поджались.

— И тем не менее, — продолжала она тем ласковым, шелковым голосом, каким часто говорят женщины, хотя ни одному мужчине он не принес ничего хорошего, — ты явно готов рискнуть ради мисс Опэл,

которая ничего для тебя не значит.

Слишком поздно Пэки разглядел трясину, в которую Беатриса заманила его. На него навалилось бессильное отчаяние, словно на нервного свидетеля, запутавшегося в сетях перекрестного допроса.

— Да, но разве ты не понимаешь….

— Я все вполне понимаю. Вывод для меня очевиден. Эта девица вскружила тебе голову. Вот, возьми это письмо и прочитай. Избавит нас от лишних разговоров.

— Ты не понимаешь!

— О, вот как?

— Я ввязался в эту затею только ради развлечения!

— Какое же тут развлечение?

— Ну, видишь ли… дух приключений…

— Дух совершеннейшего идиотизма. Ты не только ухаживаешь за мисс Опэл за моей спиной, но вдобавок, как мне представляется, ты еще и слабоумный. И мне вполне очевидно, что ты не тот человек, с каким мне хотелось бы связать свою жизнь. Я воображала, будто могу что-то из тебя слепить, но все — пустые мечтания. С тем же успехом можно признать это сразу. Пожалуйста, как улучишь свободную минутку, дай себе труд, прочитай мое письмо. В нем сказано все. Прощай.

— Но послушай…

Неудобство вести интимные, сердечные разговоры на публике в том, что действия наши стеснены необходимостью соблюдать условности. Даже во Франции вы не можете гнаться за девушкой через вестибюль отеля. Беатриса столь скорым шагом устремилась к выходу, что у Пэки был один выбор — или позволить ей уйти, или припуститься за ней галопом. И он позволил Беатрисе уйти.

Конверт похрустывал у него в пальцах. Он вяло распечатал его, не рассчитывая, что письмо добавит что-то существенное к уже имевшейся у него информации. После последних Беатрисиных слов, таких типичных для нее, ясных и четких, он предположил, что письмо это — разрыв в письменной форме.

Догадки его подтвердились. Написано оно было на трех страницах, захватывая еще и четвертушку четвертой; однако суть можно было бы выразить в одной, мучительно горькой фразе, столь знакомой любителям мелодрамы: «Не звонить нашим свадебным колоколам».

Свадьба между леди Беатрисой Брэкен (да-да, дочерью графа Стейблфорда) и Патриком Б. Франклином (да-да, хорошо известным американским миллионером и спортсменом) отменялась.

4

Статистики, которые так увлекаются цифрами — на ум тут же выскакивает имя Швертфегера из Берлина, — информируют нас, что из молодых людей, только что получивших отказ на предложение о браке (а под эту категорию, безусловно, подпадают и те, чьи помолвки порваны), 6,08 процента стискивают руки и безмолвно глядят вдаль, 12,02 процента садятся на первый же поезд в Скалистые Горы и охотятся там на гризли, в то время как 11,07 процента усаживаются за письменные столы и превращаются в современных романистов.

Остальные (как доказано статистиками, именно они составляют подавляющее большинство) норовят побежать за ближайший угол и хватить рюмашку-другую. В эту подгруппу попал и Пэки. Сильнейшее желание влить в себя чего похолоднее и позабористее охватило его в первые же десять секунд после того, как он внимательно прочел первые строки Беатрисиного письма. Две минуты спустя он уже очутился в баре, умоляя добряка Гюстава прийти на помощь страждущему, а пока тот доставал бутылки и музыкально побрякивал льдом, Пэки заметил, что к нему направляется сенатор Опэл.

И ничуть не удивился. Неубедительному вранью сенатора, будто бы он примчался в отель «Дез Этранже» отправить телеграмму, Пэки не поверил, ни на секундочку не усомнясь, что стоит ему войти в бар, и первый, кого он там увидит, — великий приверженец сухого закона. Заметив сенатора, он почувствовал явную тошноту, накатывающую на молодых людей с разбитым сердцем, которые видят потенциального собеседника, держащего к ним курс. Болтать с ним охоты не было, и лишь жгучее желание принять внутрь целебного снадобья удержало его на месте.

Для начала, прежде чем перейти к более насущному вопросу, сенатор остерег Пэки.

— Только что встретил девушку, расспрашивала про вас. Я ей с три короба наплел, так что все в порядке. Но лучше все-таки не попадайтесь ей на глаза.

Пэки подали снадобье Постава. Одним глотком, не отвечая сенатору, он осушил бокал и заказал еще порцию. Добряк Постав, умеющий читать по лицам, повторный заказ предвидел и моментально наполнил бокал. Пэки вцепился в него, точно напуганный ребенок в материнскую руку.

— Уж не знаю, кто эта девушка, но вас она, безусловно, знает. Однако я наболтал ей, будто вы — виконт де Блиссак, и она ушла вполне

довольная. Выйдите из бара вон через ту дверь и не наткнетесь на нее.

И, разделавшись с такой ерундой, сенатор Опэл перешел к более важному предмету.

— Ну как? Все уладили?

Пэки, почавший третий бокал, посмотрел на него тусклым взором. Буйный нрав сенатора, всегда тлеющий наготове, мигом располыхался. Тень королевского пурпура, обычно заливавшего ему лицо в моменты ярости, уже окрасила его щеки.

— Какого такого дьявола вы пучите на меня глаза, будто рыба? — спросил он. — Вы что, упились? Говорить не можете? Полчаса назад вы поднялись наверх организовать все с этим вашим человеком. Что стряслось?

Пэки с усилием напряг мозги, стараясь уразуметь вопрос. От напряжения ему показалось, будто у него отлетела макушка, но что-то подсказывало, что, лишь выдав затребованную информацию, он сумеет без помех отдаться своим печалям.

— А-а, все сорвалось, — выговорил он. Сенатор побагровел.

— Сорвалось?!

— Угу. Сказал, что не станет…

— Почему? Он ведь взломщик, правильно?

— Угм. Но прошлой ночью, когда он что-то взламывал, вы высадили его на подоконник. Ему это не понравилось.

Сенатор примолк, сраженный ужасом.

— Черт! Это что ж, тот самый тип?

— Ухм…

— Он обиделся, что ли?

— И крепко. Сказал, если вы тонуть станете, он вам утюг швырнет в голову, иной помощи вы от него не дождетесь.

Сенатор молча переваривал эти слова. До чего ж верна истина, думал он: неведомы нам последствия поступков наших, даже самых мелких. Эка, подумаешь, важность — высадить грабителя на подоконник! Повседневный, самый обычный поступок; совершив его, люди через минуту напрочь о нем забывают, а вот на тебе — из-за этого ему грозит полнейший крах! Сенатор скорбел о бесповоротности прошлого, как скорбели и до него многие мужественные люди.

Пэки молчанию только радовался, получив возможность обратиться мыслями к собственным бедам. Он с головой нырнул в них, когда настойчивый шум вернул его на землю и, сильно досадуя, он увидел, что сенатор еще тут; мало того, тот опять принимается за расспросы.

— Что же нам делать?

Пэки с облегчением увидел, что на эту загадку ответ легок и прост.

— Не знаю.

Но сенатор почему-то явно не удовлетворился. Заметив, что его молодой друг впал не то в транс, не то в мечтательность, он завоевал его внимание самым немудрящим способом, резко лягнув по правой лодыжке.

— У-ух! — взвыл Пэки, разом забросив все мечтания.

— Мы должны получить письмо! Необходимо что-то предпринять!

Этот вопрос Пэки прояснить тоже мог.

— А-а, письмо… да я уже получил!

— Что? Получил?

— Ну да…

— Когда же?

— Только что.

— Мое письмо?

— Нет, не ваше. Беатрисино. Сенатор застонал.

— Спятили, а?

— Не то чтобы спятил, но мне неприятно, — признался Пэки. — Видите ли, в нем это… фрукт.

— Фрукт еще какой-то! Что за фрукт?

— Фига.

— Где?

— В письме.

Возможно, только благодаря присутствию духа голова у сенатора Опэла не развалилась на части. Он успел стиснуть виски, хватаясь за краешек ускользающего разума.

— Кто-то должен вскрыть сейф! — Сенатор вернулся к единственному вопросу, который не мог вызвать разночтений и недопонимания. — А сами вы что, сейфы вскрывать не умеете?

— Нет.

— А почему? — возмутился сенатор, словно подобное умение входило в программу обязательных наук.

— Вскрывать сейфы… тут столько сложностей… Кистеры, болты, зажимы… еще много всякого. Динамит нужен… марля, толстые какие-то штуковины, а еще и тонкие… сложно все очень.

— О-ох, черт!

— Если только это не сейф другого типа.

— Какого?

— Такого, как у миссис Гедж. Тогда все просто и легко.

— Легко?

— Угу. Только и надо — отыскать код.

— А как его искать?

Пэки в слабом удивлении взглянул на него.

— Понятия не имею.

Надежды сенатора увяли. Внимание Пэки снова рассеялось.

— Так что, вы хотите сказать, что сделать ничего нельзя?

— Э?

— Сделать ничего нельзя?

— Абсолютно ничего. Она говорит, одно время еще надеялась, будто сумеет что-то из меня сделать, но теперь видит — нет, не получится.

— Какого дьявола? — выпучил глаза сенатор Опэл. — Про что вы тут бормочете?

Сознание Пэки прояснилось. Он увидел, что чуть было не выболтал этому старику, сующему нос в чужие дела, сокровенную историю священной и личной трагедии, которой делиться ни в коем случае нельзя. С некоторой трудностью (Гюстав из отеля «Дез Этранжэ» смешивал очень мощное снадобье) Пэки оторвался от стойки.

— До свидания…

— Эй, эй! Погодите!

Но Пэки уже ушел, ушел туда, где нет никаких голосов, где царят покой и тишина. Ну если не покой, так хотя бы можно размышлять на досуге, в одиночестве, о своем разбитом сердце. По пути к пирсу, где была зачалена его лодка, он немножко поудивлялся, с чего вдруг сенатор Опэл так заинтересовался Беатрисиным письмом, но, приписав этот интерес пустому любопытству, выкинул из головы такую мелочь.

Заведя мотор, он не совсем прямо поплыл к лодочному домику. В состоянии он находился весьма рассеянном и не мог воспринимать приземленные явления.

Именно по этой причине слабое бульканье (его ухитрялся издавать через кляп во рту Блэр Эгглстон, связанный по рукам и ногам в темном углу лодочного домика) не пробилось в его сознание. Если даже Пэки и слышал его, так и внимания не обратил. Зачалив лодку, он, по-прежнему весь в раздумьях, отправился в домик.

5

Несколькими часами спустя, когда Сен Рок окутала темнота, можно

было заметить, как гибкая фигура, выскользнув украдкой из отеля «Дез Этранжэ» направляется, тоже украдкой, к гавани.

Вынужденное затворничество давно угнетало нервную систему Мориса, виконта де Блиссака. Этот молодой человек всю жизнь любил веселье и развлечения; а мало что веселого, а уж тем более — развлекательного в затянувшемся одиночестве.

Сегодня вечером виконт сломался. Долгие часы созерцал он потолок, умывальник, одно кресло, другое, обои в цветочек, гравюру «Прощание гугенота» и готов был пойти на любой риск, пусть хоть самый опасный. Словно героине современной пьесы, ему хотелось одного — убежать от невыносимой среды. Когда он сражался с этим приступом, его вдруг осенила идея, такая блестящая, какая в жизни не осеняла. Почему бы ему не пробраться под покровом темноты на яхту Пэки, а там во имя их старинной дружбы, умолить того сняться с якоря и увезти его в Англию, где он не подвластен жандармерии Сен Рока?

Чем больше виконт раздумывал над этой идеей, тем больше она ему нравилась. Он даже недоумевал, отчего ему раньше такое в голову не пришло? Разумеется, в пробежке по улицам, ведущим к пирсу, таится определенная опасность, но он наплевал на все. Ему хотелось сбежать от потолка, умывальника, кресла, второго кресла, обоев в цветочек и гравюры «Прощание гугенота».

И вот он, с превеликой осторожностью, крадется по загогулистым улочкам, которые, петляя, сбегают к гавани.

Удача сопутствовала ему. Не раздалось строгого окрика с требованием остановиться, тяжелая рука не легла ему на плечо. Виконт добрался до пирса, разыскал лодку, забрался в нее, отвязал канат и отплыл. Было несколько затруднительно опознать «Летящее Облако» среди множества яхт, покачивавшихся на подступающем приливе, но в конце концов ему удалось разыскать и ее.

Виконт тихонько окликнул Пэки, однако ответа не дождался. По-видимому, тот ушел на берег. Он решил, что поднимется и дождется друга на яхте.

Ступив на палубу, виконт де Блиссак вспомнил нечто весьма существенное, о чем узнал в предыдущий свой визит на борт, — местонахождение шкафчика, в котором Пэки хранил виски, и прямиком устремился к нему. Душа его томилась по тонизирующим напиткам.

Лишь несколько минут спустя виконт обнаружил, что он — не единственный пассажир на борту, чьи мысли текут в этом направлении.

Влетев в каюту, он увидел пузатенького коротышку, сжимающего

бокал, полный до краев. Стоял он спиной к виконту, но при звуке шагов встрепенулся, подпрыгнул и расплескал содержимое бокала на консервированный язык, составлявший его скромный ужин.

Виконт де Блиссак обнаружил, что смотрит в выпученные глаза Дж. Веллингтона Геджа, которого, как он знал из надежного источника, он убил три вечера назад, на Празднике Святого Рока.

6

Когда стрелки часов, мимоходом украденных в Цинцинатти, указывали двадцать пять минут первого, лучшая часть Супа Слаттери, после ухода Пэки беспокойно ворочавшаяся в нем, вдруг воспряла и взяла командование в свои руки.

Теперь он ясно увидел, что находился буквально на волосок от греха, почти единственного, который признавал за грех его весьма гибкий кодекс, и грех непростительный: он отказал в помощи приятелю, попавшему в беду. Приятель подал ему сигнал бедствия, а он отмахнулся.

На многие качества Супа Слаттери моралист поджал бы губы и вздернул бровь. Например, взгляды его на священность частной собственности были в корне ложными; и Суп чересчур часто отвечал на зло левым хуком в челюсть, а не кроткими словами.

Но за одно он всегда себя хвалил, одного никто не мог бы поставить ему в упрек — он никогда не подводил друга в час беды.

Теперь он сгорал от стыда и угрызений совести. Несмотря на заверения Пэки, что лишь чистейший альтруизм движет им в желании помочь Джейн Опэл, Суп умел читать между строк и пришел к заключению, что движущей силой была все-таки любовь. Да, Пэки влюблен в эту девицу, а он, Суп Слаттери, только из-за того, что рассорился с ее папашей, вознамерился подсыпать песку в его коробку скоростей. Натягивая брюки и доставая сумку с инструментами, Суп тихо стонал.

С озаренной душой кающегося грешника и тихим восторгом человека, прозревшего на краю гибели, он уже через десять минут выскочил из отеля и припустился по холму к Шато «Блиссак».

На этот раз, знал он, открытое окно для него не приготовлено, но не так уж трудно залезть через балкон, тот самый, еще в первый раз получивший его одобрение. Никаких трудностей и не возникло. Можно было подумать, что установили балкон ради удобства грабителя,

вздумавшего наведаться в дом. Бесшумно, в считанные секунды Слаттери забрался на него и, слегка отдуваясь — был он уже не первой молодости, заметил, что окно открыто.

Это вызвало у него недоумение. Ведь Пэки заверил его, что нынешней ночью спальня будет пустовать. Суп подкрался поближе и изумился еще больше, разглядев, что за шторами горит свет.

Странно! Чуть раздвинув тяжелые складки шторы, он заглянул в узкую щель. На столе лежал электрический фонарик, свет от него падал на сейф. А над сейфом, возясь с замком, склонилась смутно различимая фигура.

XVII

1

Пэки Франклин в тот вечер ушел к себе рано. Но спать не лег. Для человека в таком душевном разброде о сне не могло быть и речи. В поздний час, когда Суп выступил в путь, Пэки все еще сидел у окна, полностью одетый, с трубкой в зубах, и глядел на залитый луной сад с тем же странным тупым блеском в глазах, какой зажегся в них с той минуты, как Беатриса порвала их помолвку.

В своей всемирно известной брошюре, на которую мы уже ссылались, Швертфегер из Берлина писал так:

«Сбегав за угол и хлебнув крепкого напитка, субъект (речь идет о молодом человеке, разочарованном в любви) будет отказываться от любой еды и в 87,06 процента случаев отправится на долгую изнурительную прогулку по дороге или по сельской местности на значительной скорости и в превеликом душевном волнении».

И это сущая правда! Так, видели мы, произошло в случае Гордона Карлайла, так же случилось и с Пэки. Сразу по возвращении в Шато он отправился на прогулку, длившуюся несколько часов, из-за чего и отсутствовал за столом. Час ужина пришел и ушел, а Пэки даже и не заметил. Если он мельком и вспомнил про ужин, то всего лишь ради того, чтобы дать разуму минутку передышки, направив мысли на еду, а потом, скривившись, отшвырнул с отвращением подобные думы.

И теперь, поздней ночью, покуривая у окна, он удивился и даже оскорбился, обнаружив, что все его страдания вдруг скукожились и повернуть в скорбь свою израненную душу он не может, изо всех сил подстегивая ее, больше никак.

Такая перемена в настроении привела его в тупик. А вот Швертфегера — ни капельки!

«Длинная и физически изнурительная прогулка завершена, — пишет Швертфегер. — Субъект возвращается к себе в комнату физически измученным, и тут зачастую происходит следующее: он усаживается в кресло, задрав ноги, закуривает трубку и в 65,09 процента, как установлено, пелена спадает с его глаз. Он пересматривает свое состояние и приходит к выводу, что он — auge davonkommen, а по-английски скажем,

решаясь на перевод непереводимой фразы, — он вполне выздоровел от любви!»

Именно такой стадии и достиг сейчас Пэки.

Несколько часов после расставания с Беатрисой сумрачность туманом окутывала его, но теперь он вдруг почувствовал себя просто распрекрасно.

Пэки рассортировал факты. Итак, Беатриса разорвала их помолвку, это ясно. Но — этот аспект, понял он, он до сей поры упускал из виду — что с того? Чем больше он анализировал ситуацию с этой точки зрения, тем яснее понимал, что происшедшее — отнюдь не трагедия, а, напротив, не что иное, как старомодный добрый хэппи-энд. Второй раз за его карьеру в качестве жениха судьба даровала ему удачное и счастливое спасение. Стать мужем нынешней миссис Скотт или Потт — а, может, даже и Ботт — достаточно плохо. Но разве лучше ходить в мужьях леди Беатрисы Брэкен из Уорблса, графство Дорсетшир?

Все эти мысли о том, чтобы возвысить его душу… Концерты, картинные галереи… Эта склонность запихивать его в общество интеллектуалов с бакенбардами… Разве все это, после того как угаснет первый пыл страсти, не заставит задуматься: а правильный ли, разумный ли ответ ты дал на вопрос священника «Берешь ли ты…»? Конечно, заставит.

А Беатрисина семья, как с ними? Может быть, мужчину, который избежал непрестанной, сплошной охоты и рыбной ловли, спасся от анекдотов графа Стейблфорда, от приходских сплетен леди Стейблфорд, от сверлящих взглядов и ядовитых шуточек леди Гвендолин Бликхорн правильнее поздравить, чем жалеть?

Тысячу раз — да! — решил Пэки, и великий покой снизошел на его душу, точно он сбросил тесные ботинки. Щелкнув, сомкнулись осколки разбитого сердца, и оно стало как новенькое. В этот момент он наконец расслышал, что в дверь тихонько, но настойчиво стучат. Дверь приоткрылась, и вошла Джейн Опэл.

— Тш-шш! — прошипела она.

2

Джейн закрыла дверь.

— Тш-ш! — опять прошипела она.

Но нужды в предупреждениях не было, Пэки и так слова не мог вымолвить. Подобно Супу Слаттери, который сейчас тихонько пробирался

к балкону венецианской спальни, он пребывал в муках совести, что напрочь лишило его дара речи.

Долгие дни и часы, угрызался Пэки, он не уделял этой девушке ни единой мысли. Сосредоточившись на собственной эгоистической печали, он пренебрег ее бедой. А какой удар она, наверное, получила, когда отец сообщил, что Суп Слаттери разорвал договор и надежды на получение письма не осталось! От таких размышлений ему стало не по себе. Как он мог, как только мог!

Пэки печально смотрел на Джейн. На ней был голубенький пеньюар, а в этой хронике уже отмечалось, что в голубеньком пеньюаре она выглядела обворожительно. До того обворожительно, что в душе его что-то взорвалось, словно бомба, и все сожаления были смыты волной новых эмоций.

А теперь мы в последний раз обратимся к Швертфегеру.

«По достижении этой стадии, — пишет он, завершая свои заметки, — субъект испытывает серьезную благодарность небесам за свое счастливое избавление, и весьма вероятно, что он незамедлительно влюбится в другую».

Но Пэки стал бы отрицать, что влюбился. Он придерживался мнения, что, сам того не замечая, любил эту девушку все время. Сейчас он увидел, что виконт де Блиссак был прав и прав был Слаттери. Беатриса, и та была права. Даже сенатор был прав, хотя выводы строил, исходя из ложных посылок. Они все считали, что он влюблен в Джейн, и чутье не подвело их. Он сам удивлялся больше всех, но от фактов не уйти, теперь он и сам признавал: пусть Джейн и не единственная девушка, которую он любил в жизни, но, несомненно, та самая, которую он любит сейчас.

Пэки страстно пожирал ее глазами. Теперь он раскусил, в чем ее привлекательность. В прошлом его влекло к девушкам то одно качество, то другое. В Джейн было сразу все — и живость, составлявшая очарование миссис Скотт (или Потт, а может, и Ботт) и аристократичность леди Беатрисы Брэкен, а вдобавок — обаяние, свойственное лишь ей одной. Она была смесью всех женских качеств, которыми он восхищался. Да, на сто процентов, Джейн — та самая, единственная. Девушка, которую он искал всю жизнь. Его идеал.

Противостоял всему этому тот факт, что сама она была влюблена в Блэра Эгглстона.

Соображение это внесло диссонанс в минуту, когда Пэки осознал, что нашел наконец свою половинку, но оно всплыло, и он свалился обратно в кресло, точно ему подсекли сухожилия.

— Что такое? — встревожилась Джейн.

— Да так, ничего.

Джейн, подойдя к двери, прислушалась. Удовлетворенная тишиной снаружи, она вернулась. На лице ее была написана решимость.

— Я говорила с папой сегодня вечером. Пэки печально кивнул.

— Он мне рассказал, что ваш Слаттери отказался взламывать сейф. И еще, вы ему сказали, что спальня миссис Гедж будет сегодня ночью пуста.

Пэки кивнул опять.

— Да, горько и обидно. Я ради этого трудился, как собака, а теперь все насмарку!

— Вы были изумительны! — воскликнула Джейн. — Изумительны с самого начала. Я никогда никем так не восхищалась!

Глаза ее сияли, и Пэки отвел взгляд. При данных обстоятельствах, считал он, чем меньше он будет смотреть в эти сияющие глаза, тем лучше. Даже если он будет смотреть в другую сторону, и то чести Франклинов едва достанет, чтобы сдержаться и не схватить ее в объятия. Лучше уж не взваливать на честь слишком уж непосильный груз. Одного голубенького пеньюара достаточно, чтобы она дала крен.

— И вовсе не насмарку! — продолжала Джейн. — Все идет замечательно!

От этого поразительного утверждения вся решимость Пэки улетучилась. Он посмотрел, и измученная душа застонала. Джейн стояла, вздернув подбородок, глаза ее сверкали, пеньюар стал совсем уж лазурным. Пэки опять отвел глаза.

— Понимаете, — говорила Джейн, — когда папа рассказал мне все, у меня появилась идея. Я подумала: «Ах, черт подери! В дом всего две ночи назад вломился грабитель, и ей не покажется странным, что я разнервничалась». Я отправилась к мисс Путнэм и сказала, что хочу спрятать свою брошь и другие ценности в сейф миссис Гедж, чтобы они не валялись так вот, на виду. Она, конечно, повела меня в спальню, открыла сейф и убрала их туда. А я пристально наблюдала, не сводя глаз ни на секунду. Она делала так: покрутила что-то, раздался стук, будто что-то упало, потом покрутила еще — и дверца распахнулась. Я уверена, что запомнила все правильно. Почему бы нам не отправиться туда сейчас и не попытаться?

Пэки не мог вымолвить ни словечка. Мысль, что девушка, способная придумать такой смелый план, безрассудно бросается в объятия человека, который носит бакенбарды, а пожалуй что, если покопаться как следует, выяснится, что и берет порой понашивает, бесконечно печалила его.

Выкрав же письмо для сенатора, он сам уберет все препятствия к их браку.

Пэки стиснул зубы. Королева не может ошибаться. Если она желает загубить свою жизнь, так тому и быть. Если судьба в своей иронии настаивает, что именно он должен помочь ей, надо смириться.

Пэки увидел, какую роль ему придется играть. Он будет помогать ей до конца, а потом соединит их с Блэром руки, и благословит их, и уйдет на закате, задыхаясь от самоотречения. А много лет спустя седовласый скиталец заглянет через изгородь старомодного сада, увидит детей, резвящихся на лужайке, и их мать — седую, но еще красивую — и смахнет слезу. Потом, сорвав розовый бутон, спрячет его у сердца и побредет прочь — творить добро.

Но как бы ему все-таки хотелось, чтобы это был кто-то другой, а не Блэр Эгглстон!

Джейн его молчание истолковала неправильно.

— Вы что, не считаете, что стоит попробовать? Пэки, вздрогнув, очнулся.

— Нет-нет. Попробовать можно.

— Тогда чего же мы ждем?

— А мы и не ждем. Вперед!

3

Суп Слаттери все еще смотрел на расплывчатую фигуру и, что интересно, первым его чувством была почти сентиментальная жалость. Не в состоянии разглядеть ничего, кроме бесформенных очертаний, он скоропалительно заключил, что это Пэки, лишившись его профессиональной помощи, пытается совершить взлом вслепую, по-любительски. Энтузиазм этой попытки тронул его чувствительное сердце. Он почувствовал себя отцом, благожелательно взирающим на несмышленыша-сына.

Но тут человек на мгновение обернулся, свет фонаря высветил лицо Гордона Карлайла, и всякие отеческие чувства испарились напрочь.

Мы уже упоминали о неприязни Супа к конкурентам по профессии. Ну, а уж к союзникам и партнерам по бизнесу, которые внезапно превращаются в конкурентов, его антипатию словами не выразить. Открытие, что Карлайл, которому он доверял безоглядно, затеял с ним двойную игру, настолько расстроило его, что пришлось присесть на

балюстраду балкона, переварить эту новость.

В цели Карлайла Суп не усомнился ни на минутку. Не раз этот тип недвусмысленно намекал, что и он умеет вскрывать сейфы, а, следовательно, гнусное предательство планировал с самого начала; и тут же Суп добавил еще одну сентенцию к маленькому запасу мудрости, который копил всю свою активную жизнь: никогда, наказал он себе, не доверяй аферистам, они такие нечестные!

Однако сейчас не время извлекать мораль, надо действовать. Поднявшись, Суп снова приблизился к шторам, бесшумно раздвинул их и шагнул в комнату. Только подкравшись на цыпочках совсем близко к склоненной спине Карлайла, он заговорил.

Дословно воспроизводить его реплику мы не станем. В широком смысле она носила библейский характер, и произнес он ее сквозь стиснутые зубы. Достаточно сказать, что от этих слов Гордона подбросило, точно мексиканский боб.

С самого начала всего предприятия он ужасно нервничал. Взлом сейфов был не по его линии, заниматься этим ему совсем не нравилось, и только мысль о том, что скажет его Герти, если он отступит, побуждала продолжать. Когда он, повернув ручку сейфа, прислушался, не упали ли тумблеры, то даже осознание того, что Герти стоит за дверью на страже, не могло усмирить нервы. Подсознательно он ожидал — того гляди, что-то случится.

Что-то, но все же не это. В мысленном списке неприятностей, какие могли приключиться, никак не входило появление Супа Слаттери. Когда Гордон услышал знакомый голос, ему показалось, что сердце у него изо рта не выскочило только потому, что он накрепко стиснул зубы да еще прикусил язык.

Следующие несколько минут беседу вел Суп. Поток отборной брани, выражавшей мнение о предательстве друга, гулко разносился по залу. Случай был тот самый, когда оратору хотелось бы выразить себя, разглагольствуя во всю мощь легких, но обстоятельства препятствовали.

Однако произнесенные полушепотом слова оказали нужный эффект. В конце концов, когда человека обзывают надувалой, бесчестным гадом, двуличным подлецом и вонючим скунсом, то главное суть, а не громкость звука.

Бочком отступив к стене, Карлайл вжался в нее. Он был не особо обидчив, и словесная критика сама по себе его не задевала. Однако душу тяготило крепнущее подозрение, что ругань — лишь прелюдия. Очень скоро, опасался он, оратор, поняв недостаточность словесных попреков,

перейдет к *действию.* А что это словечко означает на языке Супа Слаттери, он понимал как нельзя лучше.

Потом неожиданно проклюнулась надежда. Позади угрожающе надвигавшегося Супа Гордон заметил Герти, бесшумно проникшую в комнату и, что особенно утешительно, державшую в руке большую крепкую вазу.

По собственному, тяжко обретенному опыту Гордон знал, что его возлюбленная может сотворить с помощью вазы. Сейчас в руках у нее была ваза особенно массивная, крепкая, солидная, во всех отношениях превосходящая ту, какую год назад она обрушила ему на голову. Такая ваза вполне удовлетворила бы даже зулусского вождя, чья дубинка с тяжелым набалдашником временно находится в чистке. Соприкосновение этой вазы с черепом, даже таким дубовым, как у Супа, непременно произведет требуемый эффект, особенно если опустит ее та, которая умеет размахнуться от плеча и стукнуть как надо.

От Гордона требовалось одно — отвлечь потенциальную жертву на несколько секунд, давая возможность этому ангелу милосердия примериться и принять нужную позу. Воодушевленный надеждой на близкое спасение, Карлайл вдохновился.

— Ну что ты! — жарко запротестовал он. — Ты, Суп, неправильно все понял. Да-да, совершенно неправильно!

Тут он увидел, что девушка с вазой, приподнявшись на цыпочки, начала раскачиваться, и это подстегнуло его красноречие.

— Неужто ты подумал, что я веду с тобой двойную игру? Просто так вышло! Когда ты рассказал, как ты сидел на подоконнике, я сказал себе: «Сдается мне, бедняге Супу вряд ли захочется навещать этот домик снова…».

Но Слаттери был упорным человеком.

— А почему прямо мне не сказал, что умеешь вскрывать сейфы?

— Да я и не умею! — голос Карлайла переливался настоящей музыкой. — Как-то один тип обронил при мне, что если будешь слушать тумблеры, то сумеешь распознать код, я и решил — а стоит, пожалуй, попытаться. Видишь ли, после той ночи мне показалось, ты захочешь выйти из дела и…

Больше напрягаться ему не понадобилось, а если бы он и продолжил речь, то к слушателю обращался бы уже неблагодарному. Раздался стук, как при соприкосновении двух тяжелых брусков, и Суп Слаттери рухнул на пол. Карлайл испустил долгий свистящий вздох и отер лоб рукавом.

Но его нареченной некогда было выслушивать похвалы. Она бурлила

энергией, точно леди Макбет, отдающая распоряжения, как поступить с гостем в его спальне.

— Быстро! Затолкай его под кровать и опусти покрывало! — отрывисто скомандовала девушка. — А я замету разбитый фарфор. Пошевеливайся, Втируша! Грохот могли услышать. Сколько тебе потребуется времени, чтобы взломать эту штуковину?

— Пара минут.

— Так быстрее! Я побегу вниз к машине. Кто знает, в любую минуту, может, придется удирать.

Герти поспешно скрылась за шторами, а Карлайл, избавившись от друга, как было приказано, вернулся к сейфу.

Его похвальба была не пустыми словами. Не прошло и полутора минут, как стальная дверца распахнулась, обнажая внутренность сейфа. Но в тот же миг его настороженный слух уловил в коридоре крадущиеся шаги.

Прежде всего, Карлайл был человеком мыслящим, но умел и действовать. Мгновенно выключив фонарь, он присоединился к Слаттери, упрятанному под кровать.

Долго лежать в потемках ему не пришлось, буквально через полминуты комнату залил свет. Кто-то нажал выключатель у входа.

4

Свет включил Пэки. Прибыв к месту назначения и закрыв за собой дверь, он решил, что особых причин действовать в темноте нет. В доме все спят, а снаружи света за шторами не видно.

На венецианском фронте все было спокойно. Несмотря на спешку, расторопная Герти замела все осколки до последнего, а покрывало на кровати, не доставая до пола всего на дюйм, надежно скрывало и Супа, и Карлайла. Тем не менее в Пэки проснулась беспричинная нервозность, нападавшая на него и в первое посещение этой комнаты. Теперь, когда он познакомился с миссис Гедж, атмосфера ее обиталища стала еще грознее.

Джейн, чья реакция на флюиды в женских спальнях была не столь острой, поспешила к сейфу. Увидев его, она изумленно пискнула:

— Ой, а сейф-то открыт! Пэки тоже совершил открытие.

— И окно тоже, — указал он.

Глаза Джейн встретились с его глазами, и он с умилением отметил, что, хотя она и была храброй, но все-таки придвинулась поближе к нему.

— Кто-то, — с легкой дрожью заключила Джейн, — тут побывал!

— Услышал, наверное, что мы подходим, и удрал через окно! — согласился Пэки.

— А может, еще до сих пор на балконе!

— Пойду взгляну.

— Ой, осторожнее!

— Там никого нет, — объявил, вернувшись, Пэки. — Видно, сбежали. Тут легко спрыгнуть.

Внимание его привлекла ее бледность. Если какой-нибудь девушке и требовалось, чтобы сильный мужчина сжал ее тонкое запястье, привлек к себе, погладил волосы и шепнул на ушко два-три утешительных слова, то это, несомненно, Джейн Опэл. Пэки было больно и досадно думать, что лишь оттого, что она связалась с этим мерзким Блэром, честь Франклинов вынуждает его исключить три первых пункта в списке.

Однако прошептать утешительные слова все-таки можно. И он прошептал:

— Бояться нечего! Они ушли. Никогда не видел дома, который бы так приманивал грабителей! Этот Шато «Блиссак» просто кишит ими, как мышами. Однако все к лучшему. Они очень услужливо открыли для нас сейф, и нам не на что жаловаться.

К Джейн вернулось равновесие духа.

— Ну, тогда быстренько! Загляните внутрь, посмотрите, там ли письмо!

Пэки заглянул.

— Вот оно, наверное! Да, это оно! Все правильно.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда передайте его мне! — приказал Карлайл, возникая из-под кровати, и вскочил на ноги, направляя револьвер прямо на Пэки.

— Да попроворнее!

Как водится, молодую пару, занятую грабежом спальни хозяйки дома, внезапное появление бандита обескуражило. Особого хладнокровия ни Пэки, ни Джейн не выказали. Джейн что-то мяукнула, словно напуганный котенок, и стала медленно отступать к окну. Пэки остался на месте, в обалдении глядя на Карлайла.

— Стойте смирно! — приказал нервный, но решительный аферист,

Джейн, прекратив отступление, бросила вопросительный взгляд на Пэки. В эти последние дни он проявил себя человеком, гораздым «а разные выдумки, и в ней тлела слабенькая надежда — а может, он придумает что-нибудь и сейчас?

Никаких планов действия Пэки с ходу не придумал, недоуменно таращась на герцога де Пон-Андемера. Внезапное превращение человека, которого он до этой минуты безоговорочно считал уважаемым представителем французской аристократии, попросту парализовало его.

Временное пребывание под кроватью не способствует укреплению нервной системы. Близкое соседство с Супом Слаттери, пусть даже и потерявшим сознание, подействовало на Карлайла плохо. Еще сильнее прежнего ему хотелось одного — поскорее закончить дельце и вернуться на свою, менее изнурительную, тропу. От растущей паники голос его стал грозным.

— Отдайте письмо!

Пэки наконец обрел дар речи.

— Ни за что!

Ему хотелось, чтобы Карлайл стоял хоть на несколько шагов поближе. Сейчас он был слишком далеко, не достать!

— Считаю до десяти!

— Хоть до ста!

— Раз… два…

— Да зачем оно вам? — попытался воззвать к его разуму Пэки. — Простая бумажонка!

— Три… четыре…

— Если вы коллекционируете автографы…

— Пять… шесть… семь… Пэки начал злиться.

— Вы не кукушка! Давайте сядем, спокойненько обговорим все. Зачем вам, в самом деле, письмо, имеющее ценность только для автора?

— Восемь… девять…

— Десять! — выкрикнула мисс Путнэм от двери. — Ты вышел из игры!

И хладнокровно, решительно вошла в комнату. Следом за нею шла миссис Гедж.

5

Когда собирается небольшая компания, то, если не познакомить всех друг с другом, вечер испорчен. Хорошая хозяйка перво-наперво старается выполнить эту обязанность. И мисс Путнэм не замедлила представиться.

— Я — Кейт Амелия Путнэм из детективного агентства Джеймса Б. Фраэрти в Нью-Йорке, — любезно объявила она, твердо целя револьвером

в живот Карлайла. — Брось оружие! А ты, — кивнула она Пэки, — руки вверх!

Револьвер Карлайла стукнулся об пол. Мисс Путнэм, видимо, осталась вполне довольна.

— Так, теперь все ладненько! — заключила она. — Миссис Г., пожалуйста, сделайте одолжение, подберите его пушку. И раз уж вы все равно там… видите ту маленькую штучку на столе? — Она указала на шерстяного кролика слабоумной наружности, явно служившего для вытирания перьев.

— Положите кролика ему на голову. Устроим небольшой опыт на случай, если у кого из них возникнет искушение затеять потеху!

Миссис Гедж положила кролика на волосы Карлайла и отступила.

— А теперь, — объявила мисс Путнэм, — номер Вильгельма Телля!

Раздался резкий хлопок, и кролик будто взорвался, разлетевшись на обрывки.

— Сами видите, — не без самодовольства заключила сыщица.

В револьверном выстреле всегда есть нечто захватывающее. На всю публику номер явно произвел впечатление. Первым опомнился Карлайл. Шипя от негодования, он повернулся к миссис Гедж.

— Неслыханно! — кипя праведным гневом, воскликнул он. Так всегда изъясняются французские герцоги, когда с их голов выстрелом сшибают шерстяных кроликов. — Рассудите сами, мадам! Я слышу шум, спускаюсь сюда с огромным риском для жизни и нахожу в зале субъекта, который взламывает ваш сейф. Я защищаю вашу собственность! А эта женщина является и стреляет в меня!

Такого мисс Путнэм пропустить, конечно, не могла.

— Не в тебя! Стреляй я в тебя, ни за что не промахнулась бы!

— По какому праву со мной обращаются, будто я…

— Все эти словеса, — перебила мисс Путнэм, — произвели бы на меня гораздо большее впечатление, не знай я точно, что ты — Втируша Карлайл! Сбрось бакенбарды, Втируша.

— Знаете, вот как? — вздрогнув от злости, Карлайл перестал разыгрывать французского аристократа, кипящего праведным гневом. Он понимал, что реплика слабая, но находился не в лучшей форме.

Тут вмешался Пэки. У него было время опомниться, и он ясно представлял себе линию поведения.

— Прекрасно, — бодро одобрил он. — Превосходно! Нет слов! Наверное, миссис Гедж сказала вам, что я тоже по этой части. Я — детектив из штата страховой компании «Лондон, Париж и Нью-Йорк».

Меня прислали сюда приглядеть за драгоценностями. Мисс Опэл только что зашла ко мне и сообщила, что слышит в венецианской спальне шум. Я спустился расследовать, в чем тут дело, а этот тип наставил на меня пушку. К счастью, появились вы, так что все превосходно! А вы, мисс Путнэм, поистине великолепны, — опять похвалил Пэки, надеясь, что говорит не слишком покровительственным тоном. — Попрошу своих хозяев написать специальное письмо в вашу фирму, с высокой оценкой вашей сегодняшней работы. Прекрасно!

— Слушать комплименты я могла бы без конца, — заметила мисс Путнэм, — но, приятель, я и про тебя все знаю. Сегодня вечером звонила в «Лондон, Париж и Нью-Йорк». Там в жизни про тебя не слыхали. Так что насчет письма можешь не утруждаться.

Пэки угас. Да, вина его велика. В том, что мисс Путнэм не утопили при рождении, целиком виноваты ее родители. Но вот что ее не утопили в протекающем бачке, тут уж он сплоховал.

— Да, вы были правы, — слабо проговорила миссис Гедж.

— Я всегда права!

— …когда говорили, что они попытаются взломать сейф сегодня.

— Не сомневалась в этом, как только услыхала, что мистера Геджа не было за ужином. Кто-то из них убрал его с дороги. Не знаю точно, кто и как, да это и неважно.

— Где мистер Гедж? — спросила осиротевшая жена.

— Почем мне знать? — угрюмо буркнул Карлайл.

— Он на моей яхте, — сообщил Пэки, сознавая, что утаиванием этой второстепенной детали не выиграет ничего.

Мисс Путнэм окинула его проницательным взглядом.

— Если ты оглушил его и связал, приятель, тем хуже для тебя.

— Да нет! Он очень охотно, по доброй воле отправился туда.

— Ладно, расследуем все, когда вернем его.

Она рассуждала бы и дальше, но в этот момент кто-то заорал у входа:

— Черт подери!

Сенатор Опэл в багрово-лиловом халате, точь-в-точь под цвет лица, в ужасе уставился на сборище. Как человеку умному, ему не было нужды расспрашивать, что произошло. Неверной походкой он вошел в зал, и мисс Путнэм пронзительно вскрикнула:

— Уйди, болван! Цель загораживаешь!

Однако было уже поздно. Сенатор, оказавшись на линии огня, заслонил цель, а Карлайл был весьма смекалист.

О том, что произошло в следующие несколько секунд, рассказчик

заставляет себя писать очень неохотно. На всем протяжении этой хроники он всячески старался подчеркнуть необыкновенное джентльменство Гордона Карлайла, но сейчас поведение этого джентльмена упало ниже всяких стандартов. Увидев посланного небом сенатора между ним и грозным врагом, тот явно деградировал.

Метнувшись вперед, он схватил Джейн и, прикрываясь ею, как щитом, бросился к окну, а достигнув окна, швырнул ее на приближающуюся мисс Путнэм с такой силой и меткостью, что опытная сыщица рухнула, точно ее ударили боевым топором. Задолго до того, как ей удалось подняться на ноги, окно захлопнулось и послышался слабый шум, знаменующий падение тяжелого тела.

Мисс Путнэм сделала что могла. При исполнении долга служащие агентства Джеймса Б. Флаэрти не щадят себя. Снова открылось и захлопнулось окно. На этот раз из ночи Донеслись выстрелы и одновременно взревел мотор машины.

Сыщица вернулась в комнату, чуть поникшая.

— Удрали!

Но внимание ее тотчас привлекло то, что за время ее отсутствия, видимо, разразился скандал. Пэки стоял на том же месте, где она его оставила, но теперь рядом суетилась миссис Гедж, дергавшая его за руку. Дополнительную живость сцене придавало то, что сенатор Опэл, в свою очередь, тянул за руку миссис 1едж, стараясь ее оттащить.

— На помощь! — закричала миссис Гедж, завидя союзницу. — Он его ест!

— Кого? — растерялась мисс Путнэм.

— Не суетитесь! — весело воскликнул сенатор. — Уже съел! — И, схватив Пэки за руку, горячо потряс ее.

— Съел, а?

— Доглатываю последний кусочек! — заверил Пэки. — В жизни таких вкусных писем не едал!

— Великолепно, мой мальчик!

— Пэки, вы — чудо! — сказала Джейн.

— Извините, — повернулся Пэки к миссис Гедж, — нельзя ли стаканчик воды?

Миссис Гедж взяла себя в руки. Она стояла, точно изваяние неумолимой Судьбы.

— Послушайте, что все-таки происходит? — осведомилась мисс Путнэм.

— Он съел письмо сенатора Опэла.

— Вот как? Приятель, ты, видно, очень любишь неприятности! — Она пронзила Пэки суровым взглядом. — Так и напрашиваешься!

И снова ей пришлось прервать речь; она углядела новых действующих лиц. В дверях набилась целая толпа, взирающая на события, среди них — дворецкий, кухарка и целый полк прислуги помельче рангом. Нельзя же палить из револьвера в загородном доме в глухую полночь, не перебудоражив всю прислугу!

— Все — вон! — раздраженно скомандовала мисс Путнэм. Она всегда была против присутствия посторонней публики в таких случаях. — Вам что тут, цирк?

И временно удалилась из центра боевых действий. Голос ее доносился сначала из коридора, потом — с лестницы; она теснила сопротивляющуюся толпу.

Глаза миссис Гедж смотрели жестко, губы дрожали.

— Вы еще пожалеете, — вскричала она.

— Нет-нет, — скорректировал сенатор Опэл ее взгляд на ситуацию. — Я рад.

— Недолго вам радоваться. Предоставляю вам выбор. Или вы делаете моего мужа послом во Франции, или этот субъект и ваша дочка отправятся в тюрьму! Решайте побыстрее!

— Мисс Опэл тут совершенно ни при чем! — тотчас вмешался Пэки. — Она прибежала сюда только потому, что услышала шум.

— Ничего подобного? — возразила Джейн. — Я с вами пришла!

— Ну, что же это вы! — упрекнул ее Пэки. — Зачем вы это сказали?

— А вы думали, я все взвалю на вас? Думали, я вас брошу?

— Да, но…

— Ну, как? — поторопила миссис Гедж.

Под кроватью что-то заворочалось. Появилась голова в шишках, а следом — массивное тело. Суп Слаттери возвращался к людям.

— Ух ты! — Он медленно поднялся на ноги и задумчиво ощупал череп.

Тут до него дошло, что в комнате он не один. Он огляделся туманным взором. Взгляд его упал на миссис Гедж, и он попятился к сейфу.

В манере миссис Гедж внимательный наблюдатель мог бы отметить оцепенение. Жесткость ее объяснялась уже не праведным гневом. Она застыла, как парализованная, точно увидела привидение.

Дважды рот у Супа открывался, и дважды он не сумел издать ни звука. На третий раз ему повезло больше.

— Джулия! — выдохнул он.

Мисс Путнэм вернулась в зал, играя револьвером, точно тросточкой. Она приостановилась, улыбка осветила ее лицо.

— Собственной персоной! Так я и думала! А мы, мистер Слаттери, поджидали вас!

6

Такая реплика взывала к ответу, но Суп Слаттери молчал в глубоком изумлении.

— Джулия! — повторил он. — Джулия! *Как ты-то тут оказалась!*

Мисс Путнэм слова его показались сущей ерундой.

— Меня зовут не Джулия! — отрывисто бросила она.

Но Пэки понял все.

— Правильно. А вот ее зовут Джулия! — указал он на миссис Гедж. — Наш мистер Слаттери рассказывал мне про нее. Леди и джентльмены! Разрешите представить вам утраченную Джулию, лучшую сообщницу, какая только бывала у взломщика сейфов!

— Что ты там несешь? — вопросила мисс Путнэм.

— Несу? Ну, нет! Если это действительно та Джулия… а это она?

— Точно она, — заверил Слаттери. — Джулия, как ты тут оказалась?

— …то долгие годы она была напарницей Супа. Набивалась на приглашения во всякие шикарные дома, у нее ведь есть класс. Если сейф стоял в дамской спальне, она проскальзывала туда первой и прижимала губку с хлороформом к носу хозяйки, так что когда появлялся Слаттери, все уже было в порядке! Но в конце концов она удрала от него и вон куда прибежала! Леди и джентльмены! Познакомьтесь с миссис Гедж многоликой! Я прав, мистер Слаттери?

— А то!

Взломщик сейфов все еще пребывал в дурмане, но это не помешало ему проявить любезность и галантность.

— А ты, Джулия, ни капельки не изменилась! Не постарела ничуть! Ни на денек!

Комплимент был вполне заслуженный, потому что в данный момент миссис Гедж выглядела и не лучшим образом, но и вправду была на редкость привлекательна. Однако комплимента она не оценила. Лицо у нее перекосилось, глаза сверкнули зловещим светом, пальцы сжались в кулаки.

— Олух несчастный! — выговорила она. — По стенке б тебя размазала!

Для мисс Путнэм, задумчиво за ней наблюдавшей, эти слова значили многое, словно лакировка, которую Пэки, не найдя более подходящего словечка, называл «классом», вдруг слетела с миссис Гедж, словно покров. Сомневающаяся прежде сыщица поверила в правдивость Супа.

— Прости, Джулия, — забеспокоился он, — если причинил тебе неприятности!

— Ничего подобного! — разуверил его Пэки. — Ты спас ситуацию! Принес добрые вести из Аахена в Гент. Сомневаюсь, что теперь наша хозяйка осуществит свой замысел арестовать нас всех за взлом.

— Да, миссис Г., — кивнула мисс Путнэм. — Лучше уж оставьте эту идею. У них против вас есть все компрометирующие сведения. Теперь мне понятно, почему вы так занервничали, когда я сообщила, что Суп Слаттери в городке по соседству.

Сенатор Опэл выступил вперед, словно человек, намеревающийся даровать городу свободу.

— Я хочу, мистер Слаттери, пожать вашу руку!

— Вон как? — Бросил на него недобрый взгляд Слаттери и спрятал руки за спину.

Память у взломщиков долгая.

— Что ж, — с сожалением произнесла мисс Путнэм, надеявшаяся, что не так закончится эта ночь, — вижу, все вы старые друзья. Мне тут делать больше нечего, а потому отправляюсь в постель досыпать.

И она грустно направилась к двери, а дойдя, обернулась на прощание, чтобы поделиться житейской мудростью:

— Вот что получается, миссис Г., когда у человека есть прошлое. Никому не приносит добра, прошлое это. Никогда не знаешь, когда оно выскочит! А я-то еще распиналась перед вами, объясняла, кто это — сообщник в доме! Ладно, доброй вам ночи. — И мисс Путнэм удалилась со сцены, разочарованная, печальная.

После ее ухода на несколько минут воцарилось молчание.

— Что ж… — начал Суп, и то, что он намеревался произнести прощальную речь, доказывало его движение к окну.

— Вот именно! Убирайся отсюда! — воскликнула миссис Гедж.

Он уже ухватил рукой штору, но тут замер.

— Значит, бросила ты меня, Джулия, чтобы выйти за богатого? Не говорю, что ты совсем уж не права. Сейфы — это для простаков, много от них не получишь. Я и сам ухожу от дел. Думаю купить ферму. Прощай!

И штора за ним упала.

— А теперь убирайтесь! — распорядилась миссис Гедж. — Все, все.

— Мадам, — начал сенатор Опэл, — позвольте заверить, что…

И умолк, насторожившись. Из коридора донесся шум неверных шагов. Появясь ниоткуда, ухватилась за дверной косяк рука, точно в романе тайн, потом раскатился веселый смех, и через порог переступил Дж. Веллингтон Гедж.

Двинулся он прямиком к кровати и хлопнулся на нее. Для проницательного глаза было очевидно, что пребывает он на много морских сажень ниже уровня моря.

Когда они с виконтом за несколько часов до того узнали друг друга на яхте, у обоих свалился камень с души. После первого мига паники, когда каждый счел другого за гостя из потустороннего мира, встреча обернулась развеселой пирушкой. С полчаса оба сидели бок о бок, нелицеприятно высказывая мнение о Пэки и набрасывая в общих чертах план, как они поступят с ним, вернувшись вместе в Шато. Виконт высказал соображение, что они не сумеют встретить Пэки достойно, не подкрепившись едой и выпивкой. Гедж охотно с этим согласился, и приятный ужин на двоих начался в отеле «Дез Этранжэ» примерно в половине десятого. В полночь пир был в разгаре. В час ночи виконт молча, с умиротворенным видом соскользнул на пол, и его намерение там остаться было настолько очевидным, что Гедж почувствовал — пора и ему отправляться домой, на боковую. И вот он тут, готовый отойти ко сну.

Сборище народа в его спальне поначалу его озадачило. Он переводил недоуменный взгляд с одного на другого. Но потом, видимо, уверив себя, что в такой час ночи оптические галлюцинации — штука вполне понятная, снял воротничок, ухватив за оба конца и рванув их, а там, забравшись в кровать, заснул мирным сном.

Первым высказался Пэки.

— И этого человека вы хотели сделать послом! Всерьез предлагали опустить его на волю в Париж! Если уж он такое в Сен Роке проделывает, представьте, до чего он дойдет, получив в свое распоряжение все возможности Парижа! Советую вам увезти его обратно в Калифорнию и держать там. В сущности, — добавил Пэки, — простите, я даже настаиваю на этом. Он просто измаялся в тоске по старому родному городу. Жестоко удерживать его вдали от родины. Мне хотелось бы получить ваше слово, миссис Гедж, что вы вернетесь в Глиндейл, и как можно скорее.

Ее глаза встретили его взгляд. Она увидела в них угрозу. Женщиной она был ясномыслящей и сразу поняла, как подорвется домашняя дисциплина, если тайну откроют мистеру Геджу. Зубы ее клацнули, но когда они раздвинулись снова, она слово дала.

— Теперь мы уезжаем, — заявил сенатор с видом довольного гостя, очень неохотно покидающего вечеринку. — Не сомневаюсь, что в отеле мы сумеем найти номер.

— А у меня, — вмешался Пэки, — идея получше! Давайте поедем на мою яхту! Каюты найдутся для всех! Всем будет уютно.

— Очень хорошо!

— Если миссис Гедж разрешит взять на время ее моторку… Спасибо. Тогда встречаемся, как будете готовы, у лодочного домика.

— Паковаться я буду сам, — сообщил сенатор Опэл. — У меня есть кое-какие маленькие ценности, жаль было бы лишиться их. — И он бросил на миссис Гедж многозначительный взгляд, но миссис Гедж не прореагировала. Молча повернувшись, она выплыла из зала. Храп с кровати подгонял ее точно благословение.

7

В напитанной ароматами ночи Пэки спускался по холму к лодочному домику. Мирно сияли звезды, и на сердце у него тоже царил мир. Правда, теперь он навсегда потерял Джейн, но что значат его личные беды в сравнении с Ниагарами нежности и света, залившими окружающий его мирок? Насколько мог видеть глаз, у всех обитателей этого мирка, за исключением его самого, все сложилось прекрасно. Гедж, когда проснется, обретет счастье, которое утешит его страдания от жесточайшей головной боли. Виконт опять стал самим собой. И Джейн с Блэром теперь заживут счастливо.

Да, чудесно получилось, думал Пэки. Здорово и замечательно.

Дойдя до лодочного домика, он открыл дверь, и сразу же его внимание привлек странный придушенный стон, доносившийся из темного угла.

Осторожно приблизившись, Пэки сумел разглядеть что-то вроде кокона огромных размеров, а при более пристальном осмотре обнаружил, что это не кто иной, как Блэр Эгглстон, накрепко связанный прочными веревками, с кляпом во рту.

Пэки перерезал веревки и вынул кляп.

— Эгг! — встревоженно воскликнул он.

Блэр не отозвался. Он проделывал сложный комплекс физических упражнений, пребывая явно не в радужном настроении.

Неловкую тишину нарушила наконец Джейн, которая вошла в лодочный домик.

— Блэр, — закричала она.

Человеком Пэки был деликатным, и священный миг угадывал сразу. Он молча удалился и, отойдя чуть подальше по берегу озера, раскурил трубку.

Минут через десять он услышал голос, окликавший его.

XVIII

Из тени появилась Джейн.

— Что такое с ним приключилось? — поинтересовался Пэки.

Джейн казалась обеспокоенной.

— Я не сумела разобрать и половины того, что он рассказывал. Он очень злился. Бурчал что-то, неразборчиво так.

— Если у кого и есть причины бурчать…

— О, я не виню его. Знаете, он пролежал так в домике несколько часов.

— Кто же это с ним сотворил?

— Говорит, Мэдвей…

— Мэдвей?

— …и человек, который называл себя герцогом де Пон-Андемером. Они притащили его сюда, связали и бросили.

— Бедняга!

— Он очень злится… — раздумчиво повторила Джейн.

— Не удивляюсь.

— Говорит, во всем виноваты мы.

Дело представилось Пэки под новым углом.

— Кто — мы?

— Вы, я и папа. Потому что втравили его в эту затею с Мэдвей. Очевидно, она с каким-то Втирушей хотят пожениться.

— Передайте Эгглстону, пусть стоит насмерть и не вздумает посылать им свадебного подарка.

— Вряд ли я смогу ему что-то передать. — Джейн смотрела на темную воду— Он возвращается в Блумсбери.

— Он что, — сердце у Пэки скакнуло, — разорвал помолвку?

— Да.

На минуту Пэки охватила безудержная радость. Но он тут же сурово одернул себя — это недостойно современного Сидни Картона. Разве Сид радовался бы разрыву? Ему, скорее, подобает сделать все, что в его власти, чтобы примирить влюбленных.

— Я бы не стал очень волноваться, — успокаивающе проговорил Пэки. — Блэр сказал это сгоряча. Нельзя же рассчитывать, что мужчина, провалявшийся бог весть сколько времени в дурно пахнущем домике, связанный по рукам и ногам, так сразу и придет в жизнерадостное

настроение! Пусть отлежится день-другой, и вы его не узнаете. Так уж бывает с добротой. Чуть появится прокол, и она высвистывает через него, точно воздух. Но дайте срок, и мало-помалу она опять наполнит резервуар. Поверьте, через день-два он явится бренчать на гитаре под вашим окошком.

Джейн молчала.

— Явится и попросит: «Забудь мои жестокие слова!» Джейн пнула ногой прутик.

— Я не уверена, что хочу забыть их.

— Что!

— Мне скорее кажется, это самое лучшее, что могло случиться!

Пэки сглотнул что-то острое, мешавшее голосовым связкам.

— Не хотите же вы сказать, что…

— Именно.

— Так вы больше не любите Эгга?

— Не уверена, что вообще любила его хоть когда-то. Сами знаете, как все бывает. Встречаешь кого-то, он представляется тебе набитым всяческими идеалами, р-раз — и вскружилась голова!

Пэки ошеломило это добавочное доказательство того, что они с ней — поистине родственные души.

— Мне и объяснять не надо! Как сказал бы старина Слаттери, я мог бы роман написать! Именно это произошло между мной и Беатрисой.

— Но вы же Беатрису любите…

— Именно что нет. Какой-то толчок в двенадцать ночи, и как рукой сняло.

— Что?!

— Это к лучшему, — прибавил Пэки, — ведь моя помолвка тоже развалилась.

— Не может быть!

— Может. Беатриса дала мне от ворот поворот… когда же это? А, в шесть пятнадцать.

— Да ведь ее здесь нет!

— Вчера была.

— Почему же она порвала помолвку?

— Ну… — Пэки заколебался. — …по нескольким причинам. Каким-то образом у нее сложилось впечатление, что я слабоумный. А еще…

— А еще?

— Э… Видите ли, она нечаянно наткнулась на вашего папу, и он рассказал ей кое-что…

— О чем же?

— Про нас с вами. Беатриса обвинила меня в том, что я ухаживаю за вами за ее спиной.

— Но вы ведь не ухаживали?

— Я знаю. Глупая выдумка. Но вы же понимаете, каковы женщины.

Джейн чуть грустно посмотрела на озеро.

— Жаль, что вы не понимаете…

Странное чувство охватило Пэки. И речи, конечно же, не могло идти, будто какой-то невидимка вдруг огрел его тупым предметом по голове, но чувства он испытывал именно такие. А заодно злодей удалил и все мускулы из ног.

Но он принудил себя оставаться спокойным.

— Вы сказали — жалко, что *я* не понимаю? — осторожно переспросил он.

— Да нет. Если вам не хочется понимать, что ж… Мускулы вернулись в ноги. Голова прояснилась. Он почувствовал себя исполином.

— Да хочется мне! Черт подери, неужели вы… неужели ты… э… ты… как бы тут выразиться?

— По-моему, я влюблена в тебя с тех самых пор, как девчонкой ходила смотреть твои футбольные матчи.

— То же самое и со мной! В точности! Нет, я не смотрел, конечно, как ты в футбол играешь, но… ну, ты понимаешь, про что я!

— А когда ты приехал сюда и так изумительно все придумывал, я это поняла.

— Правда, забавно, как вдруг озаряет человека! — пылко подхватил Пэки. — Теперь я понимаю, что на самом деле любил тебя с той самой минуты, как ты вошла в номер своего папы и присела на стул. Что-то подсказало мне, мы — родственные души, Джейн.

Только через несколько минут после того, как он прижал ее к себе, до него дошло, что остались кое-какие недоговоренности.

— Но ты понимаешь, что я за человек, правда? — беспокойно осведомился он. — Ты не бросаешься ко мне с закрытыми глазами?

— Я считаю, что ты настоящий ангел.

— Ангел-то я ангел, — подтвердил Пэки, — но это не меняет того, что я уже два раза был помолвлен. И с Беатрисой, и с нынешней миссис Скотт, или Потт, а может, и Ботт. Помолвки, можно сказать, вошли у меня в привычку. Многие вообще считают, что я вертихвост и висельник.

— А что это такое?

— То, чем я был, пока не встретил тебя. Но это осталось позади.

Теперь — все окончательно!

— Третий раз, — мудро рассудила Джейн, — всегда счастливый!

— Почему твой носик так интересно поднимается? Самый кончик.

— Не знаю. Так уж оно есть. Тебе не нравится?

— Наоборот! Очень нравится. Мне нравится в тебе все! — Ликование с новой силой охватило Пэки. — Ого-го! Как же мы будем развлекаться! Ты ведь не хочешь, чтобы я ходил по концертам и лекциям? Конечно же, нет! Мы просто будем вместе колесить по всему миру до конца жизни, веселясь так, что небу будет жарко! Я уже говорил, что мы — родственные души?

— По-моему, да.

— Так вот, повторяю: мы — родственные души! Юная Джейн, — Пэки чуть отстранил ее, пристально вглядываясь ей в глаза, — ты уверена, что любишь меня?

— Конечно, люблю.

— Я точно попал на небо, — испустил он долгий вздох, — без всяких хлопот и этой суеты с умиранием.

Позади во мраке возник большой смутный силуэт.

— Извините!

Силуэт оказался Супом Слаттери.

— Я так и знал, что ты меня дурачишь, будто не влюблен в эту девицу, — удовлетворенно заметил он.

Пэки повернулся к нему, чуть раздосадованный, что вполне объяснимо. Не очень приятно для пылкого молодого человека, когда взломщики сейфов вдруг выпрыгивают из засады в такую минуту.

— Зачем, интересно, ты явился?

— Решил подойти поздороваться, да и попрощаться. Досада вмиг растаяла.

— Я тебе рад. Я еще не поблагодарил тебя, что ты все-таки пришел и попытался помочь нам. Это по-мужски.

— Да что там! — скромно пробормотал Суп. — Обдумал все и увидел — а я ведь тебе пакость подстраиваю. Потому и явился.

— Жалко, мистер Слаттери, что вы даром потеряли вечер, — посочувствовала Джейн.

— Ее нежное девичье сердечко, — объяснил Пэки, — страдает при мысли, что у тебя не хватило времени стянуть из сейфа драгоценности.

Слаттери слегка обиделся и даже вознегодовал.

— Как это, не хватило времени? Это кому? *Мне!* Слушайте, как вы думаете, сколько мне времени нужно, чтобы нырнуть в сейф? Чуть

шевельну пальцами, и я там! Смылся с ожерельем, двумя кольцами, подвеской и брошью. Больше вы меня в этих местах не увидите! Возвращаюсь на родину. Куплю себе ферму, да, так и сделаю. Вот она, настоящая жизнь! Яйца, молоко, цыплятки… и собственное яблочное вино! У-у, шикарно! Что ж, рад был повидать тебя, брат! Удачи, мисс. Я пошел.

И его поглотила ночь. Пэки уважительно посмотрел ему вслед.

— Что за человек!

Ужасный треск разбудил птиц на верхушках деревьев. По тропинке, с песней на устах, спускался сенатор Опэл.

Неприметный холостяк

Перевод с английского И. Митрофановой
Редактор Н. Трауберг

ГЛАВА I

1

Мы на крыше многоквартирного дома «Шеридан» рядом с Вашингтон-сквер, в Нью-Йорке. Давайте осмотримся. В свое время на этой крыше развернутся бурные события, и неплохо бы заранее познакомиться с местом действий.

Стоит «Шеридан» в самом сердце богемного, артистического квартала. Бросьте камнем из любого окошка и непременно угодите по голове молодому декоратору по интерьеру или сверхсовременному скульптору, а на худой конец сочинителю новомодных верлибров (правильно, так им и надо). Крыша «Шеридана» — небольшая, уютная, высоко (на десять этажей) взлетевшая над улицей, — выложена черепицей и окружена низкой стеной, с одного края которой — железная пожарная лестница. Спустившись по ней в случае крайности, вы окажетесь в открытом зале ресторана «Лиловый цыпленок», одном из многих оазисов огромного города, где, несмотря на сухой закон, всегда можно, если вас тут знают, произнести несколько слов доверительным шепотом и получить «это самое». Сведения полезные, советую запомнить.

На другой стороне крыши, напротив пожарной лестницы, находится то, что именуется «маленькой холостяцкой квартирой». Это домик с белыми стенами и красной крышей, а неприметный холостяк, его владелец, — весьма достойный молодой человек по имени Джордж Финч. Родом из Ист Гилиэда (штат Айдахо), он стал благодаря недурному наследству, доставшемуся ему от дядюшки, неотъемлемой частицей Латинского квартала, только не в Париже, а в Нью-Йорке. Ему не нужно зарабатывать на жизнь, и он, дав волю потаенным желаниям, прикатил в большой город попробовать себя в живописи. С раннего детства ему хотелось стать художником, и он стал им, возможно — самым дрянным из всех, кто когда-либо брал в руки кисть.

Вот эта штуковина на крыше, похожая на привязной аэростат, — бак для воды, а приземистая продолговатая пристройка, похожая на беседку, — веранда, служащая Джорджу Финчу летней спальней. Растения, похожие на кусты в горшках, — и есть кусты в горшках. Крепкий парень с метлой — камердинер Джорджа, его повар, лакей и вообще работник на все руки.

Зовут его Муллет.

Импозантный же господин с квадратным подбородком, в роговых очках, сверкающих на солнце, как бриллианты, — это Дж. Хамилтон Бимиш собственной персоной, автор знаменитых «Брошюр Бимиша» («Читайте их, и вы превратите мир в уютную раковину!»). Да, тот самый Бимиш, который столько сделал, чтобы научить жителей Соединенных Штатов наблюдательности, проницательности, предприимчивости, рассудительности, решительности, деловитости, организованности, властности, самоуверенности, напористости, оригинальности — в общем, практически всему, начиная с того, «как выводить цыплят», до умения сочинять стихи.

Любой читатель «Брошюр», увидев автора во плоти, помимо вполне естественного трепета, который охватывает нас, когда мы лицезреем великих, скорее всего, удивился бы, как он молод. Хамилтону Бимишу шел третий десяток. Мозг гения созревает быстро, и те, кто удостоился знакомства с Бимишем в начале его карьеры, утверждают: судя по его повадке, он знал все, что следует знать, уже в десять лет.

Выбравшись на крышу, Хамилтон сделал несколько глубоких вздохов — носом, разумеется. Потом, поправив очки, бросил мимолетный взгляд на Муллета и, понаблюдав его секунду-другую, поджал губы.

— Все неправильно! — изрек он, качая головой.

Голос у него был резкий и звучный, что и подобает тем, кто властвует над людьми. В сущности, голос этот походил на рев тюленя, просящего рыбы. Услышав его прямо за спиной, Муллет, напряженный как тетива, подскочил дюймов на восемнадцать и нечаянно сглотнул жвачку. И то сказать, без предупреждения! Великий мыслитель носил туфли на резине («Они спасают ваш позвоночник!»).

— Все неправильно! — подтвердил свое заключение Бимиш.

Уж если Хамилтон Бимиш говорит «Все неправильно!» — значит, так оно и есть, ибо думал он ясно, судил смело, без всяких этих недомолвок, резал без обиняков.

— Неправильно, сэр? — выговорил Муллет, когда, убедившись, что это не бомба, сумел заговорить.

— Да, неправильно. Неэффективно. Слишком много движений пропадает впустую. От мускульного напряжения, которое вы вкладываете в работу, коэффициент полезного действия — процента 63–64. Так нельзя. Пересмотрите свою методу. Полисмен тут, случайно, не появлялся?

— Полисмен, сэр?

Хамилтон досадливо прицокнул языком. Да, пустая трата энергии, но даже у экспертов есть чувства.

— Ну да, полисмен! По-ли-цейский.

— А вы, сэр, ждете полисмена?

— Ждал и жду. Муллет откашлялся.

— Ему что-то нужно, сэр? — нервно осведомился он.

— Ему нужно стать поэтом. И я сделаю из него поэта.

— Поэта, сэр?

— А что такого? Я могу сделать поэта из двух палок и апельсиновой корки. Только бы они тщательно изучали мою брошюру. Этот тип написал мне, объяснил все обстоятельства и выразил желание развивать свое высшее «я». Меня его случай заинтересовал, и я взялся обучать его по специальной методе. Сегодня он посмотрит на город с крыши и опишет этот вид своими словами. А я выправлю текст, объясню ошибки. Простенькое упражнение!

— Понятно, сэр.

— Однако он опаздывает на десять минут. Надеюсь, у него основательные причины. А кстати, где мистер Финч? Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Мистер Финч вышел, сэр.

— Все время он куда-то уходит. Когда его ждете?

— Не знаю, сэр. Все зависит от барышни.

— А, так мистер Финч ушел с барышней?

— Нет, сэр. Он ушел на нее смотреть.

— Смотреть? — Автор популярных брошюр снова прицокнул языком. — Что за чепуха! Никогда не болтай чепухи, это пустой расход энергии.

— Мистер Бимиш, это совершенная правда! Он с ней не говорит, а только смотрит на нее.

— Не понимаю.

— Ну, как бы это объяснить?.. Недавно я приметил, что мистер Финч стал — м-м… э-э-э… — ужасным привередой…

— То есть как это привередой?

— Ну, разборчивый очень, сэр. Когда одежду выбирает.

— Так и говорите, Муллет, — разборчивым. Избегайте жаргона. Стремитесь к чистому стилю. Почитайте мою брошюру «Английский язык». Значит, он…

— Разборчив в одежде, сэр. Наденет синий костюм с розоватой

искрой, а потом вдруг остановится у лифта, вернется и переоденется в серый. А галстуки, мистер Бимиш! На него просто не угодишь! Вот я и подумал: «Ага! Пахнет жареным!».

— Что вы подумали?

— Пахнет жареным, а, мистер Бимиш?

— Почему вы употребили эту отвратительную фразу?

— Да я, сэр, хочу сказать: «Ну, пари держу, влюбился!».

— И как, выиграли?

— А то, сэр! — Муллет искрился лукавством. — Очень уж меня разобрало, и чего это с ним творится? Ну, я и позволил себе вольность, пошел за ним, проследил до 79-й стрит.

— А на 79-й?

— А на 79-й он стал так это прохаживаться мимо большущего дома, там ведь дома все такие, большущие. Ну, вышла эта барышня, уставился он на нее, а она мимо прошла. Он посмотрел ей вслед, повздыхал да и пошел прочь. На другой день я опять позволил себе пройтись за ним, опять то же самое, только на этот раз она вернулась из парка, верхом там ездила. Уставился он на нее, а она вошла в дом. Тогда он уставился на дом и так надолго застрял, что мне пришлось уйти, ведь нужно было обед готовить. Это я вот к чему: когда придет мистер Финч, зависит от барышни. Когда она возвращается, он задерживается подольше. Так что вернуться он может каждую минуту, а может и до обеда не прийти.

— Муллет, — задумчиво нахмурился Бимиш, — мне это не нравится.

— Не нравится, сэр?

— Это похоже на любовь с первого взгляда.

— Похоже, сэр.

— Вы читали мою брошюру «Разумный брак»?

— Да знаете, сэр, то одно, то другое, то по дому дел полно…

— В этой брошюре я выдвигаю веские аргументы против любви с первого взгляда.

— Правда, сэр?

— Разоблачаю такую любовь как разновидность психоза. Брачные пары должны создаваться в результате разумного процесса. А что это за барышня?

— Очень привлекательная, сэр.

— Высокая? Низенькая? Крупная? Изящная?

— Изящная, сэр. Такая, знаете, пупочка…

— Не употребляйте вульгаризмов! Вы хотите сказать, что она низенькая и толстая?

— Нет, что вы, сэр! Какая там толстая! Ну просто куколка… как бы это?.. Симпампулечка.

— Муллет, я не позволю, чтоб в моем присутствии так определяли человека. Понятия не имею, где вы такого набрались, но у вас отвратительный, ужаснейший лексикон!.. Ну, что еще?

Камердинер с выражением глубочайшей тревоги смотрел ему за спину.

— Почему вы гримасничаете, Муллет? — Хамилтон обернулся. — А, Гарроуэй, наконец-то! Вы должны были прийти десять минут назад.

2

Полисмен тронул кепи. Он был долговязый, жилистый и выпирал буграми из своей полицейской формы в самых неожиданных местах, будто у Природы, взявшейся ваять констебля, остался излишек материала — выбрасывать остатки жалко, но и приладить к месту, не нарушая общего рисунка, не удалось. У него были крупные, узловатые, ярко-алые руки и те самые четыре или пять лишних дюймов шеи, из-за которых человека лишают чести участвовать в конкурсе красоты. Если взглянуть на него под определенным углом, то казалось, будто весь он — одно адамово яблоко, но глаза у него были добрые, голубые.

— Извините за опоздание, мистер Бимиш, — начал он, — меня задержали в участке. — Он неуверенно вгляделся в Муллета. — Кажется, этого джентльмена я уже где-то встречал.

— Что вы, что вы! — поспешно заверил Муллет.

— Лицо у вас какое-то знакомое…

— В жизни вас не видел!

— Подойдите сюда, Гарроуэй, — резко перебил их Хамилтон. — Нам некогда терять время на пустую болтовню. — И он повел полицейского к краю крыши. — Так. А теперь скажите мне, что вы видите? — И он широко раскинул руки.

Взгляд полисмена погрузился в глубину.

— Вон там «Лиловый цыпленок», — сказал он. — Скоро наведем шороху в этом местечке.

— Гарроуэй!

— Сэр?

— Я прилагаю немалые усилия, обучая вас *английскому* языку. Видимо, мои усилия пропадают впустую.

— Извините, мистер Бимиш, — зарделся полисмен. — Нечаянно с языка сорвалось. Все из-за общения с ребятами, с коллегами моими то есть, в полицейском участке. Они так несдержанны на язык. Я хотел сказать, в ближайшем будущем мы проведем в «Цыпленке» облаву. Нам сообщили, что там, забывая о восемнадцатой поправке, по-прежнему торгуют алкогольными напитками.

— Оставим «Лилового цыпленка». Я позвал вас сюда, чтобы проверить, как вы сумеете своими словами описать открывающийся отсюда вид. Прежде всего, поэту следует развивать наблюдательность. Итак, какое он производит впечатление?

Неуверенным взором Гарроуэй окинул горизонт. Взгляд его полз по крышам, убегающим вдаль, к водам Гудзона, посверкивая на солнце. Он подергал кадыком, как человек, погрузившийся в глубокую задумчивость, и наконец выговорил:

— Ничего вид. Приятный.

— Приятный?! — Глаза Хамилтона сверкнули. Сейчас вам бы и в голову не пришло, что «Дж.» в его имени означает «Джеймс», а некоторые люди звали его когда-то попросту «Джимми». — Ну, знаете!

— А что, сэр?

— Он — жесткий.

— Жесткий, сэр?

— Жесткий и угрюмый. От него щемит сердце. Поневоле задумаешься, сколько же горестей и низостей таится под этими крышами, и сердце у тебя защемит. Могу сказать сразу: если вы, расхаживая по городу, воспринимаете его как «приятный», современного поэта из вас не получится. Будьте едким и колким, мой друг! Едким и колким!

— Да, сэр. Я постараюсь. Изо всех сил.

— Так возьмите блокнот и набросайте описание того, что видите. А мне надо спуститься к себе, кое-что сделать. Заходите завтра.

— Да, сэр. Извините, сэр, но кто все-таки этот джентльмен? Ну который подметает крышу. Его лицо такое знакомое…

— Это Муллет. Он служит у моего друга Джорджа Финча. Но дело не в нем. Принимайтесь за работу! Сосредоточьтесь! Сконцентрируйтесь!

— Да, сэр. Конечно, мистер Бимиш!

Полисмен с собачьей преданностью взглянул на мыслителя и, лизнув кончик карандаша, приступил к работе.

А Хамилтон Бимиш, развернувшись на бесшумно-резиновых пятках, прошествовал к лестничной двери.

3

После его ухода на крыше «Шеридана» несколько минут Царила тишина. Муллет снова взялся за подметание, а офицер Гарроуэй трудолюбиво царапал в блокноте. Почувствовав, очевидно, что пронаблюдал уже все, что можно, он спрятал блокнот и карандаш в глубины мундира и, подойдя к Муллету, подверг того мягкому, но пристрастному допросу.

— Мистер Муллет, — приступил он, — я все-таки видел ваше лицо.

— Ну что вы! — запальчиво отозвался камердинер.

— А может, у вас, мистер Муллет, есть брат?

— И не один, с десяток наберется. Мать, и та не могла различить нас.

— А я — сирота! — вздохнул полисмен. — Ни братьев у меняли сестер.

— Не повезло.

— Да, едкий я такой, — согласился полисмен. — Очень колкий и жесткий. А как вы считаете, мистер Муллет, не мог я видеть где-нибудь ваше фото?

— Сто лет не снимался.

— Да, странно! — задумчиво протянул Гарроуэй. — Почему-то, не могу точно сказать — почему, ваше лицо ассоциируется у меня с фотографиями.

— Не очень у вас сегодня хлопотный денек выдался, да?

— Я сейчас не на дежурстве. Так вот, видел я вашу фотографию — и даже в нескольких ракурсах — в одном альбоме…

Теперь не оставалось сомнений, что разговор Муллету неприятен. Слушал он с таким видом, словно его гложет тревога — а как там астма у его любимой тети из пригорода? — и уже развернулся, чтобы уйти, когда на крышу вышел молодой человек в сизо-сером костюме.

— Муллет! — окликнул он.

Тот благодарно поспешил к нему, кинув полисмена задумчиво обозревать собственные (заметим, огромные) ноги.

— Да, мистер Финч?

Рассказчик с верной системой ценностей вынужден отметить, что появление Джорджа Финча после того, как появился Хамилтон Бимиш, снизило впечатление. Бимиш заполнял собой все пространство. Аура авторитетности двигалась перед ним, словно огненный столп перед израильтянами в пустыне. При виде Дж. Хамилтона Бимиша, еще до того,

как он заговорит, каждого ударял по мозгам паровой молот, отшибая их напрочь. При появлении Финча ничего подобного не происходило. Внешность его вполне соответствовала сущности — да, неприметный холостяк; именно такие существа мелькают в этом городе на каждом шагу. С одного взгляда было ясно, что ни единой брошюры он не написал, более того, не напишет. Сложения он был стройного, лицом — приятен, но непримечателен. Карие глаза время от времени обретали выражение больной овечки; волосы были русые или, если хотите светло-каштановые. Рассмотреть это было можно — шляпы на голове у Джорджа не было, он держал ее в руках.

Да, держал, и благоговейно, как величайшую ценность, что странно, поскольку мы вправе назвать ее никудышной. Нет, возможно, когда-то она и была отличной шляпой, но теперь выглядела так, будто по ней хорошенько прошлись, а потом еще и попинали ее ногами.

— Муллет, — распорядился Джордж, окидывая эту реликвию мечтательным взором, — возьмите шляпу и уберите ее.

— То есть выкинуть, сэр?

— Ни в коем случае! Уберите, и очень, очень бережно! У вас есть оберточная бумага?

— Да, сэр.

— Тогда заверните ее поаккуратней и положите на стол в моей гостиной.

— Слушаюсь, сэр.

— Извините, что перебиваю, — проговорил позади вежливый голос, — но не могли бы вы, мистер Финч, уделить мне минутку вашего драгоценного времени?

Офицер Гарроуэй, покинув свой наблюдательный пост, стоял позади Джорджа в несколько неловкой позе. В добрых глазах его светилась застенчивость.

— Простите, что перебиваю, — повторил он.

— Ничего, ничего.

— Я полисмен, сэр…

— Да, я вижу.

— И боюсь, — печально продолжил Гарроуэй, — мне придется выполнить довольно неприятный долг. Очень бы хотелось избежать его, если б я только мог согласовать это со своей совестью. Но долг есть долг. Нам, полисменам, мистер Финч, приходится иногда поступать не по-джентльменски.

— Несомненно, — поддакнул Джордж.

Муллет опасливо сглотнул. На лице у него проступило загнанное выражение. Гарроуэй ласково и озабоченно оглядел его.

— Замечу, — продолжил он, — что никакой личной вражды я к мистеру Муллету не питаю. За свое короткое знакомство с ним я не наблюдал никаких признаков, которые опровергли бы впечатление, что собеседник он приятный, работник — ревностный. Тем не менее я обязан сообщить, что мистер Муллет находился в тюрьме.

— В тюрьме?

— Но исправился, — поспешно вставил Муллет.

— Насчет этого ничего сказать не могу, — заметил Гарроуэй. — Говорю только о том, что знаю. Очень возможно, что мистер Муллет, как он утверждает, исправился. Но это не меняет того факта, что он отбыл срок в тюрьме. Во исполнение своего долга я вряд ли могу скрыть это от джентльмена, который в данный момент держит его у себя на службе. Как только нас познакомили, я сразу обнаружил нечто знакомое в его лице, а там и припомнил, что видел его недавно в фотоальбоме преступников в Главном управлении полиции. Возможно, сэр, вам известно, что осужденных преступников вносят в картотеку, то есть фотографируют в различных ракурсах, когда начинается их срок заключения. Что и было проделано с мистером Муллетом полтора года назад, когда его приговорили за кражи к году тюремного заключения. Могу я поинтересоваться, как мистер Муллет оказался у вас на службе?

— Его прислал мистер Бимиш. Хамилтон Бимиш.

— В таком случае, сэр, мне добавить нечего, — полисмен склонился перед столь почитаемым именем. — Несомненно, у мистера Бимиша были самые достойные причины его рекомендовать. Поскольку мистер Муллет уже отбыл срок наказания, мне вряд ли стоит упоминать, что полиция против него ничего не имеет. Просто я счел своим долгом сообщить вам о его прошлом. Вдруг вам неприятно держать на службе человека с такой биографией. А теперь вынужден оставить вас. Долг обязывает меня вернуться в участок, на службу. До свидания, мистер Финч.

— До свидания.

— До свидания, мистер Муллет. Приятно было познакомиться. Вы случайно не встретились в Синг-Синге с молодым человеком по кличке Горилла Джо? Нет? Извините. Он из моего родного городка. Хотелось узнать, как он сейчас.

После ухода Гарроуэя царило долгое молчание. Джордж неловко переминался с ноги на ногу. Он был доброжелательный молодой человек и неприятных сцен не любил.

— Э… Муллет… — начал Джордж и покосился на Муллета. Тот уставился в небо.

— Сэр?

— Неудачно получилось.

— Очень неприятно для всех заинтересованных лиц, сэр.

— Мистер Бимиш мог бы меня предупредить.

— Вероятно, посчитал излишним, зная, что я совсем исправился.

— Да, но все-таки… Э… Муллет…

— Сэр?

— Полицейский говорил о кражах… Что вы, в сущности, делали?

— Нанимался на службу камердинером, сэр, и выжидал, пока не подвернется удобный случай, а потом удирал, прихватив все что можно.

— Вон оно что!

— Да, сэр.

— Хм… Мистер Бимиш все-таки мог бы хоть намекнуть мне, тонко как-нибудь. О, Господи! Наверное, я часто вводил вас в соблазн!

— Нередко, сэр. Но я только рад соблазну. Каждый раз, оставаясь наедине с вашими жемчужными запонками, сэр, я с ним сражался. «Почему бы тебе не украсть их, Муллет? — нашептывал он. — Ну почему бы не украсть?» Превосходная, сэр, нравственная тренировка.

— Н-да, наверное…

— Да, сэр. Жутко вспомнить, на что он только не подталкивал. Иногда, когда вы спали, он нашептывал: «Сунь ему под нос губку с хлороформом и сматывайся с добычей!». Представляете, сэр?

— Да…

— Но я, сэр, побеждал. Не проиграл ни одной битвы, с тех пор как нахожусь у вас на службе, мистер Финч.

— И все-таки, Муллет, вряд ли вы останетесь у меня. Муллет безропотно склонил голову.

— Я боялся этого, сэр. С той самой минуты, как этот плоскостопый коп вылез на крышу, у меня возникло предчувствие — быть беде. Но я был бы очень вам благодарен, сэр, если б вы переменили решение. Могу заверить вас, я полностью исправился!

— Вера повлияла?

— Нет, сэр. Любовь.

Слово это, по-видимому, затронуло тайную струнку в душе Джорджа. Лицо его утратило суровое, решительное выражение. Он взглянул на собеседника почти растроганно.

— Муллет! Вы влюблены?

— Да, сэр. Ее зовут Фанни. Фанни Уэлч. Она — карманная воровка.

— Карманная воровка?

— Да, сэр. Самой высшей квалификации. Умеет стащить часы из кармана так, что вы поклялись бы — она и на ярд к вам не приближалась. Вот это искусство! Но она пообещала мне стать честной, если честным стану я. И я уже откладываю деньги на покупку мебели. Так что очень надеюсь, сэр, что вы передумаете. Меня здорово подкосит, если я сейчас лишусь работы…

— Не следовало, конечно… — Джордж собрал лоб в гармошку.

— Так вы не уволите меня?

— По слабости… да, по слабости…

— Нет, сэр, что вы! Это истинно христианский поступок. Джордж впал в задумчивость.

— Сколько вы уже у меня, Муллет?

— Месяц, сэр.

— И мои жемчужные запонки на месте?

— Лежат, сэр, все в том же ящике.

— Ладно, Муллет. Можете остаться.

— Премного вам благодарен, сэр!

Снова повисла пауза. Заходящее солнце набросило на крыши золотистый ковер. Наступил час, когда человека тянет на откровенность.

— Знаете, Муллет, — произнес Джордж Финч, — любовь — удивительная штука!

— Движет солнца и светила, сэр, я частенько говорю.

— Муллет…

— Сэр?

— Сказать вам кое-что?

— Если желаете, сэр.

— Я тоже влюблен.

— Быть не может!

— Вы заметили, Муллет, что я стал очень разборчив в одежде?

— Что вы, сэр! Внимания не обратил.

— Да, я стал разборчив. И тому есть причины. Она живет, Муллет, на 79-й стрит. Первый раз я увидел ее, Муллет, в ресторане «Плаза» с женщиной, очень похожей на императрицу Екатерину. Вероятно, мать.

— Вполне возможно, сэр.

— Я шел за ней следом, до самого дома. Сам не знаю, почему я все это рассказываю.

— Да, сэр.

— С тех пор я частенько прогуливаюсь у ее дома. Вы знаете, где 79-я стрит?

— Ни разу не бывал там, сэр.

— К счастью, улица не очень оживленная, не то меня давно бы арестовали как подозрительную личность. До сегодняшнего дня, Муллет, я и словечка с ней не сказал.

— А сегодня, сэр, поговорили?

— О, да! Вернее, она со мной поговорила. Голосок у нее, Муллет… Так щебечут весной птички.

— Другими словами, мелодичный, сэр.

— Вернее сказать, небесный! Все, Муллет, случилось так. Я стоял у ее дома, когда она вышла гулять со скотч-терьером. Ветер сорвал с меня шляпу, та покатилась мимо нее, и она ее остановила. Наступила на нее ножкой, Муллет!

— Вот как, сэр?

— Да! На ту самую шляпу, которую вы видите. Наступила! Она! Вот на эту самую шляпу!

— А потом, сэр?

— Из-за переполоха она выпустила поводок, и скотч-терьер удрал за угол, в сторону Бруклина. Я погнался за ним, и мне удалось поймать его на Лексингтон-авеню. Шляпа у меня снова слетела, и ее переехало такси. Но поводка я не выпустил и благополучно вернул песика хозяйке. Она сказала — обратите особое внимание на ее слова — она сказала: «О! Спасибо вам большое!».

— Так прямо и сказала, сэр?

— Представляете? Не просто «спасибо» или там «о, спасибо!», а «спасибо вам большое!» — Джордж устремил острый взгляд на своего лакея. — Муллет, это очень знаменательно.

— Да, сэр. Чрезвычайно.

— Если бы она хотела положить конец знакомству, разве она говорила бы с такой теплотой?

— Ни в коем случае, сэр!

— А я еще не все рассказал! Она добавила: «Знаете, он такой шалунишка, правда?». Муллет, вы постигаете всю тонкость этих слов? «Он такой шалунишка» — просто утверждение, но, добавив «правда?», она как бы спросила, что я думаю. Как бы решила посоветоваться. Знаете, Муллет, что я сделаю, когда переоденусь?

— Пообедаете, сэр?

— Какой обед! — передернул плечом Джордж. — Нет! Бывают

минуты, когда сама мысль о еде оскорбительна. Мы — не животные, Муллет. Как только я переоденусь — а оденусь я со всем тщанием, — я вернусь туда, позвоню в дверь, войду, так вот прямо, и осведомлюсь о собаке. Как там ваш песик… Ну и так далее. В конце концов этого требует элементарная вежливость! Эти скотч-терьеры такие изнеженные… Очень нервные собачки. Никогда не угадаешь, как скажутся на них бурные переживания. Да, Муллет, так я и сделаю. Вычистите костюм, как не чистили никогда!

— Слушаюсь, сэр.

— Подайте мне несколько галстуков. Ну, скажем, дюжину!

— Слушаюсь, сэр.

— А… заходил утром бутлеггер?

— Да, сэр.

— Тогда смешайте виски с содовой, да покрепче, — распорядился Джордж. — Что бы ни случилось, сегодня вечером я должен быть в отменной форме.

4

В упоительные мечтания Джорджа, резко выдернув его в реальность, ворвался грохот трехфунтовых гантелей, покатившихся по крыше к нему. Такой дикий, омерзительный грохот обескуражил бы и Ромео. Следом появился Дж. Хамилтон Бимиш, как ни странно, на четвереньках. Твердо веря в здоровое тело, равно как и в здоровый дух, он регулярно проделывал на свежем воздухе получасовую зарядку с гантелями и с лестницы кувыркнулся не впервые.

Вернув себе в три расчетливо-экономных движения равновесие, гантели и очки, он узрел Джорджа.

— А, вот и ты! — воскликнул Хамилтон.

— Да, — отозвался Джордж, — и…

— Что это я слыхал от Мул лета?

— А что ты слыхал от Муллета?

— Муллет говорит, ты дуришь из-за какой-то барышни.

— Муллет говорит, ты знал, что он бывший заключенный. Хамилтон решил разделаться с пустяком, а уж потом перейти к делу серьезному.

— Ну да, знал. Надеюсь, ты читал мои статьи «Как быть с исправившимся преступником»? Там я четко изложил, что человек, только что освободившийся из тюрьмы, менее всех остальных склонен к

преступлениям. Это же логично! Подумай сам. Если ты пролежал год в больнице после того, как спрыгнул с крыши и расшибся, какой спорт покажется тебе самым отвратительным? Разумеется, прыжки с крыши!

Джордж по-прежнему недовольно хмурился.

— Все это распрекрасно, но как-то неприятно, когда в доме у тебя болтается бывший преступник.

— А, чепуха! Избавляйся от старомодных предрассудков. Тюрьма — своего рода университет, который обучает справляться с трудностями внешнего мира. С моральной точки зрения, заключенные — те же студенты. Ты ведь не замечал за Муллетом недостатков?

— Нет, как будто.

— Работает он хорошо?

— Да.

— Ничего у тебя не украл?

— Нет.

— Так в чем дело? Выкинь все страхи из головы. И лучше расскажи-ка мне про эту девушку.

— Откуда ты про нее узнал?

— Муллет рассказал.

— А он откуда узнал?

— Следил за тобой и все видел. Джордж зарделся.

— Нет, какой змей! Сейчас же пойду и уволю его!

— Ничего подобного. Он действовал из чистого усердия и преданности. Заметил, что ты все уходишь куда-то, бормоча что-то себе под нос…

— А я бормотал? — удивился Джордж.

— Еще как! Бормотал, вел себя крайне странно. Естественно, добрый, усердный слуга пошел за тобой, приглядеть, как бы ты не угодил в беду. Он доложил, что большую часть досуга ты проводишь, таращась на какую-то девицу с 79-й стрит.

Джордж зарделся еще пуще и помрачнел.

— Ну и что с того?

— Вот и я бы хотел узнать, что с того?

— Почему бы мне на нее не смотреть?

— А зачем тебе смотреть?

— Затем, — объяснил Джордж, раздувшись, точно лягушка, — что я люблю ее!

— Какая чушь!

— Ничего не чушь!

— Ты читал мою брошюру «Разумный брак»?

— Нет, не читал.

— Я доказываю, что любовь — разумная эмоция, возникающая из общности вкусов. Растет она постепенно, не спеша. Как ты можешь любить девушку, если и словом с ней не перемолвился и даже имени ее не знаешь?

— Имя я знаю.

— Каким же это образом ты узнал?

— Пролистал телефонный справочник и узнал, кто живет в доме № 16 на 79-й стрит. Мне понадобилась целая неделя, потому что…

— Дом № 16 по 79-й стрит? Уж не хочешь ли ты сказать, что таращился на крошку Молли? На Молли Уоддингтон?

Джордж вздрогнул.

— Да, верно, Уоддингтон. Сигсби Х. — Джордж задохнулся от избытка чувств и благоговейно взглянул на друга. — Хамилтон! Хэмми, старик! Ты… ты хочешь сказать, что знаком с ней? Нет, ты правда знаком с ней?

— Разумеется, знаком. И очень близко. Много раз видел ее в ванне.

Джорджа с головы до пят пробрала дрожь.

— Это ложь! Низкая, грязная…

— Когда она была маленькой.

— Ах, маленькой? — Джордж немного поостыл. — То есть ты знаешь ее с детства? Значит, ты и сам в нее влюблен?

— Ничего подобного!

— То есть как?! — не веря своим ушам, переспросил Джордж. — Ты знаешь эту изумительную девушку много лет и не влюблен в нее?

— Вот именно.

Джордж окинул друга ласково-жалостливым взглядом. Единственным объяснением могло быть одно: в Хамилтоне Бимише кроется какой-то изъян. Печально, потому что вообще он преотличнейший человек.

— При одном взгляде на нее тебя не охватывало чувство, что ради ее улыбки ты готов забраться на небо, сорвать все звезды и бросить к ее ногам?

— Конечно, нет. Если учесть, что ближайшая звезда находится на расстоянии в несколько миллионов…

— Ладно, — перебил Джордж. — Ладно. Оставим. А сейчас, — попросил он, — расскажи мне о ней. О ее семье, о доме. Какой она была, когда впервые остригла волосы, кто ее любимый поэт, в какую школу она ходила, что она ест на завтрак…

Хамилтон призадумался.

— М-да… Я познакомился с Молли, когда была жива ее мать…

— Да она и сейчас жива! Я ее видел. Очень похожа на Екатерину Великую.

— Нет, это ее мачеха. Несколько лет назад Сигсби опять женился.

— Расскажи мне про Сигсби.

Хамилтон Бимиш задумчиво крутанул гантель.

— Сигсби Х. Уоддингтон — из тех людей, кого в годы созревания мул по голове тяпнул. Если мужчины — кости домино, то Сигсби — две пустышки. Его невозможно воспринимать всерьез. Во-первых, он мнимый ковбой…

— Мнимый ковбой?

— Да. Это малоизвестный, но быстро размножающийся подвид. Сродни мнимому южанину. Этот любопытный типаж тебе, наверное, знаком.

— Да нет, вряд ли.

— Ерунда! Разве тебе не приходилось бывать в ресторанах, где играет джаз?

— Да, бывал.

— Ты наверняка замечал, что кто-то из посетителей, испуская дикие вопли, вскакивает на стул и размахивает салфеткой. Как правило, это — продавец верхней одежды, какой-нибудь Розенталь или Бекстейн, родившийся в штате Нью-Джерси и южнее Фар Роквея в жизни не бывавший. Вот это и есть мнимый южанин. Ему кажется, что он — с Юга.

— А-а, понятно.

— Ну а Сигсби Уоддингтон — с Запада. Вся его жизнь, за исключением одного летнего отпуска, когда он ездил в Мэн, прошла в штате Нью-Йорк. Однако послушать его — можно подумать, что он — ковбой-изгнанник. Скорее всего, насмотрелся вестернов. Толи причиной Том Микс, киношный злодей, то ли слабый ум Сигсби вконец сломался от кадров, где Уильям Харт целует свою лошадь, — сказать не берусь, но факт остается фактом: он тоскует о безбрежных просторах прерий. Желаешь поладить с ним, тебе только и надо упомянуть, что родился ты в Айдахо. Деталь биографии, которую, надеюсь, обычно ты тщательно утаиваешь.

— Непременно скажу! — с жаром заверил Джордж. — Не могу передать, Хамилтон, как я тебе благодарен.

— Не стоит. Все равно пользы от этих сведений нет. Женившись во второй раз, Сигсби Уоддингтон продался в рабство со всеми потрохами. Назвать его нулем, и то будет чересчур-. Он выполняет все, что прикажет

жена, и ничего кроме этого. Вот ее расположения добиваться надо.

— А как?

— Никак. Все равно не добьешься.

— Железная дамочка? — тревожно осведомился Джордж.

— Что за выражения! — нахмурился Хамилтон. — Из лексикона Муллета, а мало от чего мыслящий человек содрогается сильнее, чем от его словечек. Тем не менее, в определенном смысле, это вульгарное словцо неплохо передает суть миссис Уоддингтон. На Тибете существует древнее поверье, будто человечество произошло от женщины-демона и обезьяны. Многое в Сигсби и его жене подтверждает эту теорию. Не хотел бы дурно отзываться о женщине, но бесполезно скрывать, что миссис Уоддингтон — особа наглая, высокомерная, злая, и душа у нее похожа на изнанку замшелого камня. Любит она только богатых и знатных. Кстати, я случайно узнал, что некий английский лорд повадился к ним в дом, и за него она прочит выдать Молли.

— Только через мой труп!

— Ну, это она с легкостью организует. Мой бедный Джордж, — Хамилтон ласково погладил друга гантелей, — ты берешься за неподъемную ношу, стараешься прыгнуть выше головы. Ты ведь не из отважных Лохинваров. Ты — мягкий, застенчивый, робкий, неуверенный в себе. Я бы отнес тебя к белым мышам. Женщине вроде миссис Уоддингтон потребуется не более двух минут с четвертушкой, чтобы разжевать тебя и выплюнуть… как выразился бы Муллет, — сконфуженно добавил Хамилтон.

— Ей меня не сжевать! — доблестно вскричал Джордж.

— Хм, не знаю… Она не вегетарианка.

— Я вот подумал, а может, ты введешь меня в дом, представишь?

— И твоя кровь обагрит мои руки? Нет-нет!

— Да что ты, какая кровь? Ты так говоришь, словно это не женщина, а банда головорезов. Не боюсь я ее. Ради того, чтобы познакомиться с Молли, — Джордж сглотнул, — я бы и с бешеным быком сразился!

Хамилтон был тронут. Великим людям не чуждо ничто человеческое.

— Хорошо сказано, Джордж. Да, прекрасно сказано! Правда, твоей безрассудной непродуманной методы я по-прежнему не одобряю. Тебе не помешало бы прочитать мой «Разумный брак», иначе ты не поймешь любви. Но твоим боевым духом я восхищаюсь. Если хочешь — что ж, ладно, введу тебя в дом, представлю миссис Уоддингтон. И Бог тебе в помощь…

— Ой, спасибо! Сегодня вечером, ладно?

— Нет, не сегодня. Сегодня я читаю лекцию о современной драме «Дочерям Минервы». Как-нибудь в другой раз.

— Тогда сегодня я, пожалуй, пойду погуляю по 79-й стрит и… — слабо покраснел Джордж. — Погуляю, в общем.

— Да что толку?

— Могу я хотя бы на дом полюбоваться?

— Молодая кровь! — снисходительно бросил Бимиш. — Молодая кровь!

И, твердо встав на бесшумные подошвы, он мощным рывком вскинул гантели.

5

— Муллет! — окликнул Джордж.

— Сэр?

— Вы уже погладили мой костюм?

— Да, сэр.

— А почистили?

— Да, сэр.

— А галстуки разложили?

— Аккуратным рядком, сэр. Джордж кашлянул.

— Муллет!

— Сэр?

— Вы помните наш разговор?

— Сэр?

— О молодой леди, и… э… а…

— Да, сэр.

— Как я понял, вы ее видели?

— Так, сэр, мельком. Джордж кашлянул опять.

— Э… правда, она довольно хорошенькая?

— Весьма, сэр. Настоящий симпампончик.

— Вот именно, Муллет.

— Правда, сэр?

— Симпампончик… очень точное слово!

— Я тоже так считаю, сэр. Джордж кашлянул в третий раз.

— Таблетку от кашля, сэр? — озабоченно осведомился Муллет.

— Нет, спасибо.

— Слушаюсь, сэр.

— Муллет!
— Сэр?
— Знаете, мистер Бимиш — близкий друг этой семьи.
— Подумать только, сэр!
— Он познакомит меня с *ней*.
— Как хорошо, сэр!
— Ах, Муллет! — мечтательно вздохнул Джордж. — Жизнь прекрасна.
— Для тех, кто любит ее, сэр.
— Что ж, пошли к галстукам!

ГЛАВА II

1

В половине восьмого, когда Джордж примерял пятый галстук, в византийском будуаре дома № 16 по 79-й стрит стояла женщина, меряя шагами комнату. фраза на первый взгляд представляется противоречивой. «Что такое? — удивится придирчивый критик. — Стояла и одновременно мерила шагами комнату?» Ответим: да, это вполне возможно, если человек взволнован до глубины души. Происходит это так: вы устраиваетесь на облюбованном местечке и перебираете ногами, словно кошка, которая месит лапами каминный коврик. Порой только так сильные женщины и спасаются от истерики.

Миссис Сигсби Х. Уоддингтон женщиной была сильной, и настолько, что посторонний мог бы счесть ее тяжелоатлетом. Не то чтобы она была очень высокой, но столь щедро раздалась во все стороны, что на первый взгляд казалась поистине огромной. Ни про один театральный зал нельзя было сказать, что он почти пуст, если туда заглянула эта дама; а ораторы, если она присутствовала на их выступлении, тешились иллюзией, будто обращаются к подавляющему большинству американцев. Когда она прикатывала в Карлсбад или еще куда-нибудь на воды, городские власти нервно сбивались в кучку, гадая, хватит ли этих вод.

Все это было одним из многих огорчений ее мужа. Когда он женился на ней, она была вполне стройной и к тому же — вдовой покойного П. Хомера Хорлика, Сырного Короля, который оставил ей с десяток миллионов долларов. Чуть ли не все проценты она растрачивала на калорийную пищу.

Итак, миссис Уоддингтон стояла и мерила шагами комнату, когда дверь открылась. — Лорд Ханстэнтон, — объявил Феррис, дворецкий.

Образчики мужской красоты, появлявшиеся до сих пор в этой истории, были не очень высокого уровня, но вошедший сейчас джентльмен резко поднял планку. Высокий, стройный, элегантный, с ясным взглядом голубых глаз (один был увеличен моноклем) и с усиками — такими, знаете, тоненько подстриженными, он поистине поражал взоры. Костюм его был сшит мастером, а отглажен гением. Галстук — ну просто воздушная белоснежная бабочка, слетевшая прямиком с небес и парившая над

запонками воротничка, словно над экзотическим цветком! (При виде этого Джордж, трудившийся сейчас над галстуком номер восемь и только что сложивший его вчетверо, взвыл бы от зависти!)

— Вот и я! — объявил лорд Ханстэнтон и, выдержав секундную паузу, добавил: — А что? — точно чувствовал, что на такой вопрос рассчитывают.

— Очень любезно, что сумели зайти, — ответила, повернувшись вокруг собственной оси, миссис Уоддингтон и запыхтела, словно загнанный олень, устремившийся к ручью.

— Ах, что вы, что вы!

— Я знала, что могу на вас положиться.

— Вам стоит только приказать.

— Вы такой преданный друг, хотя мы и знакомы совсем недавно.

— Так что же случилось? — осведомился Ханстэнтон.

К немалому своему удивлению, он почему-то очутился в 7.40 там, куда был зван на 8.30. Когда он одевался, позвонил дворецкий миссис Уоддингтон и передал, что хозяйка просит приехать немедленно. Сейчас, отметив ее крайнюю нервозность, лорд понадеялся про себя, что обед не сорвется.

— Все хуже некуда!

Лорд Ханстэнтон неслышно вздохнул. Неужели весь обед сведется к холодному мясу и пикулям?

— У Сигсби приступ!

— То есть он заболел?

— Нет, не заболел. Раскапризничался. И надо же этому случиться в такой вечер! Вы потратили столько сил на его совершенствование! Я сотни раз говорила, с тех пор как вы появились у нас, Сигсби стал совершенно другим человеком. Знает про всякие вилки, умеет порассуждать про суфле…

— Я очень рад, если те маленькие подсказки, какие я сумел…

— А когда я беру его на прогулку, он держится с внешней стороны тротуара. И на тебе! Сорвался! Да еще когда у меня званый обед!

— Он буйствует?

— Нет. Впал в угрюмость.

— Из-за чего же?

Миссис Уоддингтон жестко поджала губы.

— На него опять напала тоска по Западу.

— Да что вы!

— То самое. Затосковал по великим, безбрежным просторам. Твердит,

что Восточные штаты — для неженок, а он желает очутиться там, среди молчаливых каньонов, где мужчина — это мужчина. Если хотите знать мое мнение — кто-то опять подсунул ему книжонку.

— И ничего нельзя поделать?

— Можно. Будь у меня время, я б вправила ему мозги. Прекратила б выдавать на карманные расходы, и все. Но — требуется время! А тут остался всего какой-то час до обеда, такого важного! На него приглашены самые богатые и знаменитые люди Нью-Йорка. Гости вот-вот явятся, а Сигсби наотрез отказывается надевать парадный костюм. Он говорит, что настоящему мужчине нужно одно: подстрелить бизона, отрезать бок да и зажарить мясо под ночным небом. А мне, хотела б я знать, что прикажете делать?!

Лорд Ханстэнтон раздумчиво покрутил усики.

— Н-да, тупиковая ситуация…

— Я подумала, вот если б вы пошли поговорили с ним…

— Сомневаюсь, что выйдет толк. А на обеде без него не обойтись?

— Тогда нас за столом будет тринадцать.

— Понятно… — Лорд улыбнулся. — Придумал! Пошлите-ка к нему мисс Уоддингтон!

— Молли? Думаете, ее он послушает?

— Он очень ее любит.

Миссис Уоддингтон призадумалась.

— Что ж, попробовать стоит… Поднимусь наверх, взгляну, одета ли она. Молли очень мила, правда, лорд Ханстэнтон?

— Очаровательна, очаровательна.

— Люблю ее, как родную дочку.

— Это видно!

— Хотя, разумеется, я не потворствую ее глупостям. В наши дни столько девушек испорчены глупым потворством…

— О, как верно!

— Я так хочу, лорд Ханстэнтон, чтоб в один прекрасный день она вышла замуж за хорошего человека!

Английский пэр прикрыл дверь за миссис Уоддингтон и несколько минут стоял, погрузившись в глубокие размышления. Скорее всего, он прикидывал, когда, самое раннее, удастся получить коктейль. А может, размышлял и над чем покрепче. Хотя что крепче коктейля?

Миссис Уоддингтон поплыла наверх и остановилась перед дверью на второй площадке.

— Молли!

— Да, мама?

Миссис Уоддингтон нахмурилась. Сколько раз она просила эту девочку называть ее «maman»!

Ну да ладно! Это пустяк, сейчас не до того. Она опустилась в надсадно скрипнувшее кресло. Какой бы сильной миссис Сигсби ни была, она, как и кресло, могла вот-вот сломаться.

— Господи, мама! Что случилось?

— Отошли ее! — шепнула миссис Уоддингтон, кивнув на горничную.

— Хорошо, мама. Джули, вы мне больше не нужны. Я справлюсь сама. Дать воды, мама?

Молли ласково и встревоженно смотрела на мачеху, жалея, что у нее нет ничего покрепче воды. Покойная мать воспитала ее в глупом, ограниченном духе, как раньше все старомодные мамаши воспитывали дочерей: каким бы невероятным ни показалось это в наше просвещенное время, Молли, достигнув двадцатилетнего возраста, не пила крепких напитков. Сейчас, глядя на мачеху, хватавшую ртом воздух, точно лось, на которого свалилась беда, конечно, пожалела, что она не из тех здравомыслящих, современных девушек, которые всегда таскают при себе фляжку, инкрустированную драгоценными камнями.

Хотя ущербное воспитание и не позволило ей стать полезной в нужную минуту, никто не посмел бы отрицать, что вот так, еще не совсем одевшись для обеда, Молли Уоддингтон была на редкость хороша собой. Если б Джордж увидел ее… Если б он ее увидел, то, как и подобает джентльмену, закрыл бы глаза, потому что на этой стадии одевания наряд ее не предназначался для мужского взгляда.

Однако он успел бы заметить, что Муллет еще точнее определил ее, чем ему казалось. Вне всяких сомнений, Молли была именно симпампончиком. Ножки в шелковых чулках сужались к золотистым туфелькам. Розовые пальчики держали синий домашний халатик, отороченный лебяжьим пухом. Короткие кудряшки обрамляли круглое личико с чуть вздернутым носиком. Глаза у нее были большие, а зубки — маленькие, беленькие, ровные. Сзади на шее виднелась коричневая родинка… Короче, доведись Джорджу взглянуть на нее в эту минуту, он, безусловно, совсем ошалел бы от восторга и, свалившись на бок, затявкал по-собачьи.

Миссис Уоддингтон задышала полегче и распрямилась в кресле с

тенью былого величия.

— Молли, — спросила она, — ты давала отцу книжки про ковбоев?

— Конечно, нет!

— Ты уверена?

— Абсолютно. Да вряд ли у нас в доме они вообще есть.

— Значит, он опять улизнул в кино и смотрел эти фильмы…

— Вы хотите сказать?..

— Вот именно! У него опять приступ!

— Сильный?

— Настолько, что он не хочет одеваться к обеду. Говорит, что если этим парням, — миссис Уоддингтон передернуло, — если этим парням не нравится, что он во фланелевой рубашке, так он и вообще не спустится. Лорд Ханстэнтон предложил, чтобы я послала к нему тебя…

— Лорд Ханстэнтон? А он уже пришел?

— Я его вызвала. С каждым днем я все больше и больше полагаюсь на лорда Ханстэнтона. До чего же он милый!

— Да-а? — с сомнением протянула Молли. Лично ей этот пэр не очень нравился.

— И красивый!

— Да-а?

— А какой воспитанный!

— Наверное…

— Я была бы просто счастлива, — заключила миссис Уоддингтон, — если бы такой человек предложил тебе стать его женой.

Молли теребила опушку халатика. Не в первый раз тема эта всплывала у них в разговоре. Только что переданная фраза была, в представлении миссис Уоддингтон, тонким намеком, подпущенным невзначай.

— Однако… — замялась Молли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вам не кажется, что он немножечко чопорный?

— Чопорный?!

— Ну, капельку напыщенный?

— Если ты имеешь в виду, что его манеры безупречны, я вполне с тобой согласна!

— Не уверена, что мне нравится, когда у мужчины совсем уж безупречные манеры, — раздумчиво проговорила Молли. — Разве вам не кажется, что застенчивый человек гораздо привлекательнее? — Она поцарапала носком золотистой туфельки каблук другой. — Мне куда больше нравится, — мечтательно продолжила она, — чтобы мужчина

был… худенький, невысокий, с красивыми карими глазами и золотистыми-презолотистыми волосами. Он любуется девушкой на расстоянии, потому что не смеет заговорить с ней. А когда ему наконец-то подворачивается случай, он давится словами и краснеет, ломает пальцы, издает всякие смешные звуки и спотыкается о собственные ноги… Такой, понимаете, ягненочек…

Миссис Уоддингтон грозовой тучей поднялась из кресла.

— Молли! — закричала она. — Кто этот молодой человек?!

— Да никто. Это я просто фантазирую.

— А-а! — облегченно вздохнула миссис Уоддингтон. — А говоришь так, будто его знаешь.

— Что за идея!

— Если какой молодой человек действительно смотрит на тебя издалека и издает смешные звуки, ты должна окатить его презрением.

— Ну конечно.

Миссис Уоддингтон опомнилась.

— Однако из-за всей этой чепухи я совсем забыла про твоего отца! Ну-ка, живо! Надевай платье и отправляйся к нему. Если он не спустится к обеду, нас за столом будет тринадцать, и весь мой вечер погиб!

— Сейчас, сейчас! А где он?

— В библиотеке.

— Иду.

— А повидаешься с ним, ступай в гостиную и поболтай с лордом Ханстэнтоном. Он там совсем один.

— Хорошо, мама.

— Maman!

— Maman, — послушно повторила Молли. Она была милой, послушной девушкой.

3

Но не только. Молли, к тому же, умела подольщаться и убеждать. Лучшим доказательством служит то, что, когда стрелки часов уткнулись в десять минут девятого, краснолицый человечек с торчащими седыми волосами и насупленным лицом прошаркал по лестнице и, приостановившись в холле, пронзил Ферриса взглядом, полным отвращения. Это и был Сигсби X. Уоддингтон, уже полностью (правда, несколько неряшливо) одетый по моде, принятой в светском

кругу.

Хронология примечательных событий всегда любопытна, и потому опишем подробно, что в библиотеку Молли зашла без семи восемь, подольщаться и уговаривать начала точно без шести минут сорока семи секунд восьмого. В семь пятьдесят четыре Сигсби начал сдаваться, в семь пятьдесят семь оборонял последний окоп, а в семь пятьдесят девять, клянясь и божась, что ни в жизнь не согласится, согласился.

Доводы, выдвинутые Молли, приводить подробно нет надобности. Достаточно сказать так: если у человека не каменное сердце и к нему приходит дочка и говорит, что с нетерпением ждала званого обеда, специально надела новенькое платье, а потом добавляет, что без него все удовольствие пойдет прахом, то человек этот непременно уступит. У Сигсби сердце было не каменное. Многие достойные уважения судьи отмечали, правда, что голова у него — из бетона, но сердце еще никто не порочил. Точно в восемь он рылся в парадной одежде. А сейчас, в десять минут девятого, стоял в холле, пронзая Ферриса уничижительным взглядом, поскольку думал о том, что Феррис — разъевшийся кабан.

А в мыслях у Ферриса мелькнуло, что стыдновато все-таки выходить к людям в этаком галстуке. Но мысли — не слова. Вслух Феррис почтительно осведомился:

— Коктейль, сэр? А Сигсби ответил:

— Тащите скорее!

Наступила пауза Уоддингтон, все еще не умиротворенный, смотрел все так же пасмурно. Феррис, вновь обретя гранитную невозмутимость, отдался привычным мыслям о шропширской деревушке, где он служил дворецким первые, счастливые годы.

— Феррис? — наконец окликнул его Уоддингтон.

— Сэр?

— Бывали вы на Западе?

— Нет, сэр.

— А хотелось бы вам туда?

— Нет, сэр.

— Это почему же? — обиделся Уоддингтон.

— Мне кажется, сэр, в Западных штатах Америки ощущается недостаток комфорта и бытовое обслуживание оставляет желать лучшего.

— А ну, дорогу! — взревел Уоддингтон, устремляясь к парадной двери.

Все душило его здесь. Ему требовался воздух. Он жаждал, пусть хоть несколько коротких мгновений, побыть наедине с молчаливыми звездами.

Было бы бесполезно отрицать, что Сигсби Х. Уоддингтон находился в опасном настроении. История наций свидетельствует, что самые бурные восстания происходят у тех народов, которых угнетали наиболее жестоко; верно это и в отношении отдельных личностей. В короткие моменты случайной ярости нет человека страшнее, чем муж-подкаблучник. Даже миссис Уоддингтон признавала, что, как бы ни был всевластен ее контроль над ним, в минуты приступов он становился свирепым, словно слон-отшельник. Она старалась не попадаться ему на глаза, пока не спадет возбуждение, а уж потом сурово наказывала.

Мрачный стоял Сигсби у дома, упиваясь бензиново-пыльной смесью, сходившей в Нью-Йорке за воздух, и глядя на то жалкое подобие звезд, какое мог предоставить ему Восток. Глаза его метали молнии, и он вполне был готов к убийствам, хитростям и злодействам. Молли ошибалась, в доме были книги о ковбоях. У Сигсби Уоддингтона имелся личный запасец, запертый в секретном ящике, и с раннего утра он не выпускал из рук «Всадников полынного штата», а днем, вдобавок, ухитрился улизнуть в кинотеатр на Шестой авеню, где показывали фильм «Эта крошка с ранчо» с Хендерсоном Гувером и Сарой Свелт. Сигсби, стоявший на тротуаре в своем лучшем костюме, походил на лакея из пьесы, но в сердце своем ему представлялось, что на нем — кожаные ковбойские штаны и ковбойская шляпа «стетсон», а люди зовут его «Двуствольный Том».

Когда к тротуару подкатил «роллс-ройс», мистер Уоддингтон отступил шага на два. Из машины вылез толстяк и помог выбраться даме, которая была еще толще. Уоддингтон узнал их — мистер и миссис Брустер Бодторн. Новый гость был первым вице-президентом «Объединенных Зубных Щеток» и купался в деньгах.

— Бр-р! — прорычал хозяин, и отвращение пробрало его до костей.

Пара исчезла в доме, и вскоре подкатил еще один «роллс-ройс», а за ним «испано-сюиза». Вышел «Объединенный Поп-корн» с женой, а потом «Говядина» с дочкой, стоимостью в восемьдесят, а то и сто миллионов.

— Доколе? — простонал Уоддингтон. — Доколе?

И тут, когда дверь его дома закрылась, он заметил буквально в нескольких шагах от себя молодого человека, который вел себя очень странно.

4

Причиной странного поведения было то, что застенчивый Джордж не

умел подчинять поступки свету чистого разума. Обычный толстокожий молодец с нахальной физиономией и непробиваемой наглостью армейского мула, решись он зайти к девушке и справиться о здоровье ее песика, двинулся бы напролом — поддернул манжеты, поправил галстук и, поднявшись прямо на крыльцо, ткнул кнопку звонка. Джордж действовал не так прямолинейно.

У него были иные методы. Да, иные. Он был изящен и по-своему красив, но совсем, совсем иной. Для начала Джордж постоял минут десять на одной ноге, пожирая глазами дом. Потом, словно дружеская рука всадила штык дюйма на три ему в ногу, метнулся ошалелым рывком вперед. Совладав с собой у самого крыльца, он попятился шага на два и вновь застыл неподвижно. Через несколько секунд штык вонзился снова, и Джордж бойко взбежал по ступенькам, но тут же мигом слетел на тротуар. Когда хозяин дома решил заговорить с ним, он расхаживал мелкими кругами, приборматы-вая что-то себе под нос.

Сигсби Уоддингтон был не в том настроении, чтобы любоваться подобным зрелищем. Такие действия, горько думал он, совершают только на прогнившем Востоке. Там, на Западе, мужчины — это мужчины, они не вытанцовывают на крыльце. Возьмем Вентерса из «Всадников полынного штата». Вот, пожалуйста: «Он стоял, высокий и прямой, расправив широкие плечи, мускулы на руках играли, а в глазах полыхало синее пламя вызова». Как же отличается от него этот слабоумный юнец, вполне довольный тем, что растрачивает весну своей жизни на идиотские игры!

— Эй! — резко крикнул он, застигнув Джорджа врасплох — тот как раз выполнял стойку на одной ноге. Джордж потерял равновесие и наверняка свалился бы, не вцепись он, очень находчиво, Уоддингтону в левое ухо.

— Извините, — пробормотал он отцепляясь.

— Что толку в извинениях? — проворчал пострадавший, нежно ощупывая ухо. — Какого дьявола вы тут вытворяете?

— Я в гости…

— Что-что?

— Я пришел сюда с визитом… Ну, в этот дом…

— Какой еще дом?

— Вот этот. Номер 16. К Сигсби Х. Уоддингтону. Уоддингтон взглянул на него с нескрываемой враждебностью.

— Вон как? Тогда, может, вам интересно, что я и есть Сигсби Х. Уоддингтон и знать вас не знаю. Да!

Джордж судорожно глотнул.

— Вы — Сигсби Х. Уоддингтон? — благоговейно переспросил он.

— Он самый.

Джордж уставился на отца Молли, точно на прекраснейшее произведение искусства — скажем, на несравненное полотно, за которое дерутся любители живописи и которое в конце концов достается доктору Розенбаху за триста тысяч долларов. Но и это дает читателю лишь приблизительное представление о том, что способна творить любовь; ведь, если взглянуть на Сигсби Х. Уоддингтона спокойно и беспристрастно, мы обнаружим, что смотреть-то не на что.

— Мистер Уоддингтон, — проговорил Джордж, — я горд! Я счастлив!

— Вы — что?

— Горд и счастлив.

— Почему это? — неприветливо буркнул Сигсби.

— Мистер Уоддингтон, а знаете, я родился в Айдахо.

Немало написано о том, как усмиряет океанские волны вылитое на них масло, и документально зафиксировано, что святой Грааль, скользящий вдоль радуги, успокаивал яростные страсти молодых рыцарей; но еще ни разу, с самого начала писаной истории, не было столь внезапной перемены от враждебности к лучащейся благожелательности. Когда приведенные выше слова, точно волшебное заклинание, достигли ушей Сигсби, он мгновенно забыл, что его уху здорово досталось от цепких пальцев незнакомца. Ярость испарилась, словно роса под лучами солнца. Он рассиялся улыбками и с отеческой нежностью уцепил Джорджа за рукав.

— Вы правда с Запада? — вскричал он.

— Да.

— Из райской страны? С великого, чудесного Запада, с вольных просторов, где мужчины дышат воздухом свободы?

Джордж не совсем в таких тонах описал бы Ист Гилиэд, этот унылый городишко, где не хватало воды, а киоск с содовой был самым паршивым в Айдахо, но тем не менее согласно покивал.

— Запад! — Уоддингтон смахнул слезу. — Да ведь он мне, как мама родная! Какие просторы!.. Какие вершины!.. Цветы… холмы…

Джордж подтвердил, что все это есть.

— Таинственный сумрак равнин, дрожащее золотое марево…

— Ах! — вздохнул Джордж.

— Тускло освещенные верхушки елей!.. Осины, клонящиеся под ветром, точно волны в бурю!..

— И не говорите!.. — вставил Джордж.

— Буйный шум дубовых лесов, проблески огня!..

— О! А! Э!

— Вот именно! Нам нельзя так сразу расстаться. Нам есть о чем потолковать. Заходите! Приглашаю вас на обед.

— Сейчас?

— Прямо в эту самую минуту. К нам пожаловали с десяток тухлых миллионеров, но фиг с ними! Плюнь и разотри! А после обеда улизнем ко мне в кабинет и уж там поболтаем!

— Миссис Уоддингтон, наверное, станет возражать против неожиданного гостя?

Уоддингтон напыжился и похлопал себя по груди размашистым жестом.

— Еще чего! Как тебя зовут? Финч? Слушай, Финч, неужели я похож на человека, которым командует жена?

Именно на такого человека он походил, но сейчас не тот был момент, чтобы высказывать это мнение.

— Очень любезно с вашей стороны…

— Любезно? Хо-хо! А если б я мчался верхом по этим бескрайним прериям и меня настигла гроза рядом с твоим ранчо, разве ты стал бы суетиться?! Любезно — нелюбезно! Сказал бы попросту: «Давай, заходи, приятель! Мой дом — твой дом!» И все.

Уоддингтон достал ключ.

— Феррис, — распорядился он в холле, — прикажите этим растяпам на кухне, чтобы поставили еще один прибор. Мой приятель с Запада заскочил ко мне перекусить.

ГЛАВА III

1

Безупречная хозяйка всегда старается ни при каких обстоятельствах не выказывать замешательства, прикладывая все усилия, чтобы в минуты испытаний вести себя, как индеец на костре. И все-таки настал миг, когда миссис Уоддингтон, увидев Сигсби, вводящего в гостиную Джорджа, и услышав, как муж объявляет звенящим голосом, что этот прекрасный сын западных прерий заглянул к ним пообедать, заметно вздрогнула.

Правда, она быстро оправилась. Все женское в ней подталкивало ее схватить Сигсби за оттопыренные уши и трясти, пока голова не отскочит, но она переборола соблазн. Постепенно остекленевший взор утратил глянец мертвой рыбины, и она усмехнулась, подобно Смерти в поэме, «жуткой призрачной усмешкой», с напускной любезностью протянув Джорджу подрагивающую руку, вместо того чтоб влепить мужу оплеуху от души этой самой ручкой.

— Как ми-и-ило! — пропела миссис Уоддингтон. — Очень, очень рада, что сумели зайти к нам, мистер…

Она приостановилась, и Джордж, уставившись на нее замутненным взором, сообразил, что она хочет узнать его имя. Он бы с радостью ответил ей, но, как на грех, сам начисто забыл, как его зовут. В мозгах смутно брезжило что-то на «Ф» не то на «Д», но дальше зияла пустота.

Дело в том, что, пожимая руку хозяйке, Джордж краем глаза заметил Молли.

На ней было новое вечернее платье, о котором она с таким чувством толковала отцу в их недавнем разговоре, и Джорджу почудилось, будто с глаз его упала пелена и видит ее в первый раз. Он и прежде смутно догадывался, что у нее есть руки, плечи и волосы, но только сейчас разглядел, что они действительно есть. И руки, и плечи, и волосы — в самом глубоком, священном смысле этих слов. Словно богиня сбросила покрывало. Словно ожила прекрасная статуя… Словно… Ну, в общем, передать мы хотим одно: Джордж Финч был потрясен. Глаза его округлились до размеров блюдец, кончик носа задергался, как у кролика, а кто-то невидимый принялся окатывать спину ледяной водой.

Миссис Уоддингтон, окинув его долгим пристальным взглядом, от

которого на лбу у него выступила испарина, отвернулась и завела разговор с содовым королем. Особо пылкого желания узнать фамилию Джорджа она не испытывала, хотя с превеликим удовольствием прочитала бы ее на надгробном камне.

— Обед подан! — провозгласил Феррис, появляясь бесшумно, точно джинн, вызванный волшебной лампой.

Джорджа увлек поток миллионеров. Он все еще слабо сглатывал, пытаясь что-то выговорить.

Нет большей неловкости для человека застенчивого и впечатлительного, чем званый обед, когда чутье нашептывает ему, что гость он нежеланный. В данном случае это нашептывал взгляд миссис Уоддингтон, который она периодически метала, превращая Джорджа в бесформенную пульпу, и подгадывая как раз те моменты, когда ему казалось, что, если б с ним обходились мягче и ласковей, он в конце концов воспрял бы духом.

Взгляд этот, будто термос, то становился обжигающе горячим, то пронзал ледяным холодом. Джордж наткнулся на него за супом, и ему показалось, что его обдал самум в африканской пустыне. Потом взгляд просверлил его, когда он ковырялся в рыбе, и он испытал то, что испытывают на полюсе, если неожиданно возникла снежная буря. Но, обдавал ли взгляд холодом или жаром, в нем присутствовало неизменно болезненное отвращение. Оно, чувствовал Джордж, не исчезает, как бы он ни старался. Такому взгляду, пожалуй, поразился бы Сисара, заметь он его случайно, еще до того, как Иаиль, жена Хевер, начала примериваться гвоздем к его голове. Да, друга Джордж приобрел, но одного, не двух.

Словом, нам нечего сообщить о лепте, внесенной Джорджем в пиршество остроумия на этом званом обеде. Он не порадовал гостей эпиграммой, не развлек забавной историей. Единственное слово он обронил одному из лакеев, и было это «…хересу», хотя на самом деле он предпочел бы рейнвейн.

Но даже будь условия более благоприятными, сомнительно, чтобы Джордж стал душой общества. При подборе гостей миссис Уоддингтон ограничилась богачами, а беседа богачей, хотя по-своему и занимательна, но все-таки несколько специфична для человека обыкновенного.

За супом гость, походивший на карикатуру капиталиста в социалистической газете, заметил, как он рад видеть, что «Вестинхаус коммон» опять пошли на повышение. Второй, который вполне мог бы сойти за его брата, согласился: да, акции очень недурно подскочили перед закрытием биржи; падение же «Уобэш Преф. А» до 73 и 7/8 достойно

сожаления. Однако очень неплохо выглядят «Ройял Датч Ойл Ординарис» на отметке 54 и 3/4.

За рыбой Говядина взялся рассказывать остроумную, хотя несколько затянутую историю о боливийских концессиях, суть которой сводилась к тому, что один боливийский синдикат, выкупив у боливийского правительства землю и перспективные концессии, теперь станет именоваться «Боливийская Концессия Лтд.», а капитал их составит миллион долларов, заключенный в двухстах тысячах акций «А» по пять долларов и двухстах тысячах акций «В» по полдоллара, и так как никаких выплат не будет, то продавцу выделили в компенсацию все акции «В». Рассказчик вел к тому, что акции эти должны получить половину всей прибыли и уравняются с акциями «А» при распределении активов.

История прошла хорошо, беседа оживилась. Добродушно поворчали насчет эластичности кредита, предоставляемого коммерческими банками, и кто-то вызвал смешок, хитро намекнув на резервный фонд, противостоящий обращению акций и совокупным депозитам. Что касается дополнительной ответственности держателей акций, тут разгорелся спор, но обстановка, уже накалявшаяся, несколько разрядилась, когда миссис Уоддингтон подала сигнал и дамы вышли из комнаты. Был подан кофе, раскурены сигары. Магнаты сбились за одним концом стола, вокруг мистера Уоддингтона. Но он ловко выскользнул от них и пошел к Джорджу.

— Там, у нас, — сообщил он оглушительным шепотом, злобно сверля взглядом Объединенные Зубные Щетки, который завел разговор о предстоящей Межконтинентальной Конференции в Сен Луисе, — ему бы выстрелили под ноги, и все дела!

Джордж ему поддакнул.

— Ох уж эти мне жители Востока! — вздохнул Уоддингтон. Джордж признался, что и его одолевает утомление.

— Как подумаешь, — продолжал Уоддингтон, — что в этот самый миг где-то в Аризоне или Юте сильные мужчины пакуют седельные сумки, закрепляя их к седлам, то прям и не знаешь, смеяться или плакать. Верно?

— Куда уж вернее!.. — подтвердил Джордж.

— М-дэ… м-дэ… Сплавлю я сейчас всех этих пузанов наверх, а мы с тобой улизнем в мой кабинет и уж поболтаем там всласть!

Ничто так не портит доверительной беседы между новыми друзьями, чем склонность к молчаливости со стороны старшего, и, стало быть, очень удачно получилось, что, когда Сигсби уселся напротив Джорджа в своем кабинете, дурманящее влияние книжек и щедрые возлияния склонили его к болтливости. Он достиг стадии, когда мужчины начинают бранить своих жен. Три раза постукав Джорджа по коленке, он уведомил нового друга, что ему очень нравится его лицо, и приступил к жалобам.

— Уинч, ты женат?

— Финч, — поправил Джордж.

— Как это — Финч? — удивился Уоддингтон.

— У меня такая фамилия.

— Ну и что?

— А вы меня назвали Уинч.

— Почему?

— Наверное, решили, что так меня зовут.

— Как?

— Уинч.

— А ты только что сказал — Финч!

— Ну да, я и говорю…

Уоддингтон снова постучал его по коленке.

— Юноша, возьми себя в руки. Если ты — Финч, так и говори. Не нравятся мне эти увертки! Ковбои так не делают. Вот тут, на Востоке, они сами не знают, чего им надо. Да что с них взять! Почки больные, вдов, сирот обижают… Если ты Пинч, так признайся. Сам знаешь, да — так да, а если нет, то нет! — сурово наставлял Уоддингтон, поднося зажженную спичку к авторучке, которую — как случается с лучшими из нас в минуты бурных чувств — ошибочно принял за сигару.

— В общем нет.

— Что — нет?

— Не женат.

— А разве я говорил, что ты женат?

— Вы спросили, женат ли я.

— Да?

— Да.

— Ты уверен? — уточнил Уоддингтон.

— Вполне. Сразу, как только мы сели, вы спросили, женат ли я.

— А ты что сказал?

— Нет, не женат.

Уоддингтон вздохнул с превеликим облегчением.

— Ну вот, наконец мы все и выяснили. И чего ты топтался вокруг да около, понять не могу! Так вот что я тебе скажу, Пинч, и скажу серьезно, я ведь старше, мудрее, красивее, — Уоддингтон задумчиво попыхтел авторучкой. — Вот тебе мой совет, Пинч. Позаботься, чтоб денежки твои, когда ты женишься, остались при тебе, и держи их крепко. Нельзя вечно клянчить у жены! У мужчины свои расходы. Возьми, к примеру, хоть меня. Когда я женился, я был богат. У меня были собственные деньги, и меня все любили. А уж щедрый я был, нет слов! Купил жене — это о первой — жемчужное ожерелье, отвалил пятьдесят тысяч.

Он вскинул на Джорджа блестящие глаза, а тот, почувствовав, что от него ждут комментариев, заметил, что такой подарок делает ему честь.

— Честь тут ни при чем. Тут денежки потребовались. Наличные. Пятьдесят тысяч. И что дальше? Женился я снова, а потом потерял все свои деньги и вот, завишу от второй жены. Да, Уинч, перед тобой — разоренный человек! Скажу тебе, Пинч, еще кое-что. Этого я никому не говорил и тебе не сказал бы, да уж очень ты мне нравишься. Я не хозяин в своем собственном доме!

— Ну?!

— Да-да! Не хозяин в собственном доме! Я желаю жить на великом, славном Западе, а жена настаивает, чтобы мы оставались на Востоке, где человеку губят душу. Признаюсь тебе еще кое в чем, — запнувшись, Уоддингтон досадливо осмотрел авторучку. — Чертова сигара! На раскуривается никак! — раздраженно пожаловался он.

— Мне кажется, это ручка.

— Ручка? — Прижмурив один глаз, Уоддингтон проверил это сообщение и обнаружил, что оно верно. — И то! — с угрюмым удовлетворением согласился он. — Ну скажи мне, разве на Западе так бывает? Человек просит сигару, а ему подсовывают ручку! Ни честности, никакого понятия о добросовестной…

— Мисс Уоддингтон была так хороша за обедом, — заметил Джордж, робко затрагивая предмет, близкий его сердцу.

— Да, Пинч, — не сбился с темы Уоддингтон, — жена меня обижает.

— Как ей идет стрижка! — сказал Джордж. — Просто чудо!

— Не знаю, заметил ты за обедом типа с тупой такой физиономией и с усиками вроде зубной щетки? Лорд Ханстэнтон. Изводит меня всякими этикетами.

— Очень любезно с его стороны, — не к месту заметил Джордж.

Уодцингтон глянул на собеседника так, что тот мигом понял свою ошибку.

— То есть как это — любезно? Наоборот, очень нагло. Пристал, как чума. В Аризоне бы этого не потерпели. Запустили б ему в постель скунса-другого, и весь разговор! К чему мужчине этикет? Если мужчина храбр, честен и бесстрашно смотрит миру в глаза, важно ли, что он возьмет не ту вилку?

— Вот именно!

— Или наденет не ту шляпу.

— Мне особенно понравилась та шляпка мисс Уоддингтон, которая была на ней в первый раз, когда я ее увидел, — поделился Джордж. — Из мягкой такой ткани, бежевая и…

— Моя жена… то есть вторая — первая, бедняга, умерла — прямо прилепила ко мне этого Ханстэнтона! По финансовым причинам, черт его дери, я не могу дать ему в нос. А надо бы, ах, надо бы! Догадайся, что теперь она забрала себе в голову?

— Представить не могу.

— Желает, чтоб Молли вышла замуж за этого субъекта.

— Я бы не советовал! — вскинулся Джордж. — Нет и нет! Нив коем случае! Англо-американские браки редко бывают счастливыми.

— Я — человек широких взглядов и крайне чувствительный, — как бы кстати, а на самом деле ни к тому, ни к сему обронил Уоддингтон.

— А кроме того, мне не понравилась его внешность.

— Чья это?

— Лорда Ханстэнтона.

— Не говори про этого субъекта, он у меня в печенках сидит!

— У меня тоже, — согласился Джордж. — Вот я и говорю…

— Открыть тебе кое-что?

— Да?

— Вторая моя жена — заметь, не первая! — желает, чтоб Молли вышла за него замуж! Ты заметил его за обедом?

— Да, — терпеливо подтвердил Джордж. — И мне не нравится его внешность. Мне он показался холодным и зловещим. Из тех мужчин, которым ничего не стоит разбить сердце юной увлекающейся девушки. Мисс Уоддингтон нужен муж, который отдаст ей все! Который пожертвует чем угодно, только бы ее порадовать! Который будет обожать ее, возведет на пьедестал, из кожи вылезет, чтобы дать ей счастье!

— Жена у меня полновата, — заметил Уоддингтон.

— Прошу прощения?

— Толстая чересчур.

— У мисс Уоддингтон, осмелюсь сказать, на редкость красивая

фигура!

— Слишком много ест и не двигается, вот в чем беда. Ей бы пожить с годик на ранчо да поскакать верхом по прериям…

— Как-то на днях я случайно увидел мисс Уоддингтон в костюме для верховой езды. До чего же он ей идет, просто восхитительно! Очень многие девушки так нелепы в бриджах, только не она! Они подчеркивают необыкновенную, я бы сказал, мальчишескую легкость осанки! По-моему, одно из главных…

— Она у меня поскачет! — взорвался Уоддингтон. — Еще как! Я человек женатый, Линч, женатый дважды — первая моя жена, бедняга, уже умерла, — и могу тебе кое-что посоветовать. Чтобы иметь власть над женой, мужчине требуется полная финансовая независимость. И не старайся подчинить жену, если через пять минут придется клянчить у нее на сигару. Полная финансовая независимость, Минч, — вот главное. И скоро я ее добьюсь. Недавно я наскреб некоторую сумму — какими способами, говорить не будем, и купил большой пакет акций в Голливудской кинокомпании. Слыхал? Это в Калифорнии. Не слыхал, так услышишь. Компания разрастается, скоро я сделаю огромное состояние!

— Кстати, о кино, — живо откликнулся Джордж. — Не стану отрицать, многие актрисы необыкновенно красивы, но им недостает — да-да, недостает! — этой глубокой чистоты. Для меня мисс Уоддингтон…

— Огромный куш отхвачу!

— Сразу видишь, что она…

— Тысячи и тысячи долларов. А уж потом…

— Поэт писал, что одна девушка «ступила робкой ножкою на грань, где встретились река и ручеек, прекраснейшее место…».

— Да, и тесто тоже, — покивал головой Уоддингтон, — но самая большая беда — сладкое. Если женщина напихивает в себя столько пудингов, например хоть сегодня, так обязательно наберет вес. Сколько я ей говорил…

Что мистер Уоддингтон намеревался сказать, навсегда останется еще одной тайной истории. Когда он набрал воздуха, дверь приотворилась, и возникло лучистое видение. Хозяин оборвал фразу на середине, а сердце гостя, кувыркнувшись три раза, стукнулось о передние зубы.

— Мама просила посмотреть, что с тобой, — сказала Молли. Уоддингтон постарался приосаниться и совсем немного не дотянул до благородного, достойного вида.

— Ничего, душенька, со мной не стало. Урвал минутку спокойно побеседовать с молодым другом…

— Папочка! Какие могут быть сейчас беседы? В доме полно важных гостей.

— Подумаешь! Важные! — фыркнул Уоддингтон. — Сборище тухлых пузанов. Там, у нас, их бы линчевали за один внешний вид!

— Особенно тобой интересовался мистер Брустер Бодторн. Он хочет сыграть с тобой в шашки.

— Ну его к лешему! — величаво изрек Уоддингтон.

Молли, обняв отца за шею, ласково его поцеловала, что исторгло у Джорджа страдальческий всхлип, похожий на захлебывающийся вскрик сильного пловца.

— Ну, папочка! Не капризничай. Ступай наверх и будь с ними полюбезнее. А я останусь здесь и развлеку мистера…

— Его зовут Пинч, — подсказал Уоддингтон, нехотя поднимаясь и направляясь к двери. — Встретил его на тротуаре. Там, где мужчины — это мужчины. Попроси, пусть тебе расскажет про Запад. Заслушаешься! Очень, очень занимательно. Прямо заворожил меня своими историями. Решительно заворожил. А меня зовут, — несколько непоследовательно заключил он, нашаривая дверную ручку, — Сигсби Хорейшо Уоддингтон. И мне плевать, пусть весь свет знает!

3

Главный недостаток человека застенчивого — то, что в кризисные минуты жизни он совершенно не походит на смелое и предприимчивое существо, каким рисуется себе в одиноких мечтаниях. Джордж Финч, очутившись в ситуации, какой так часто жаждал — наедине с *нею,* почувствовал, что его истинное «я» подменили неуклюжим дублером.

Тот, кого он знал по дневным мечтаниям, был обаятелен, раскован, остроумен и красноречив. Что там, он был красив, и сразу было понятно, как он добр. Умен — вне всякого сомнения, это сразу становилось ясно, но не в той холодной, сухой манере, которая модна в наши дни. Какими бы искрами ни блистал его разговор, было ясно, что человек он сердечный и, несмотря на все свои дарования, не чванлив. Глаза приятно сияют, губы складываются в чарующую, обаятельную улыбку, руки изящны и прохладны, а накрахмаленная грудь рубашки ни капельки не топорщится. Короче, Джордж мечтаний, был истинным ответом на девичьи молитвы.

И как же отличался от него тот отвратительный субчик, застывший на одной ноге в библиотеке дома № 16! Во-первых, тот явно не причесывался

несколько дней, редко мыл руки и отчего-то весь напыжился. Кроме того, брюки у него пузырились на коленках, галстук съехал к левому уху, а накрахмаленный перед рубашки топорщился, словно грудь нахохлившегося голубя. Да-а, тошнотворная картинка!

Однако внешность, как известно, еще не все. Если б эта жалкая личность сумела блистать хоть десятой долей того остроумия, каким блистал воображаемый Джордж, кое-какие обломки крушения еще можно было бы спасти. Так нет же! Этот жалкий недотепа еще и онемел! Он мог только кашлять, прочищая горло. Попробуй завоюй сердце хорошенькой девушки хрипловатым покашливанием!

Лицу, как он ни старался, не удавалось придать никакого мало-мальски сносного выражения. Когда он попытался изобразить обаятельную улыбку, получилась кривоватая усмешка. А когда усмешку убрал, лицо застыло в зловещем оскале.

Но больше всего жгла душу Джорджа неспособность выдавить хоть слово. После ухода Уоддингтона протянулось едва ли секунд шесть, но Джорджу показалось, что прошло не меньше часа. Подхлестнув себя, он сипло выдавил:

— Я не Пинч.

— Да? — живо откликнулась девушка. — Как забавно!

— И не Уинч.

— О-о! Еще интереснее!

— А Финч. Джордж Финч.

— Замечательно!

Казалось, что она и вправду довольна, поскольку сияла улыбками, словно он принес ей добрую весть из дальних стран.

— Ваш отец, — продолжал Джордж, не решаясь углубить тему, но и не бросая ее, — решил, что я Пинч. Или Уинч. Но это не так. Моя фамилия Финч.

Взгляд его, нервозно скачущий по комнате, ненароком задел Молли, и он до крайности изумился, не различив в ее глазах потрясенного омерзения, какое должны бы вызвать его внешность и речи у любой здравомыслящей девушки. Да, она удивлялась, но смотрела на него довольно ласково, даже по-матерински; и слабенький проблеск света забрезжил во тьме. Сказать, что он взбодрился, мы не смеем, но в окутывавшей его ночи на секундочку проблеснула одинокая звезда.

— А как вы познакомились с папой?

Ответить Джордж мог. Отвечать на вопросы он был вполне в силах. Вот придумывать темы — дело другое.

— Встретил его у вашего дома. Он узнал, что я с Запада, и пригласил меня к обеду.

— То есть как? Он что, накинулся на вас, когда вы проходили мимо?

— О, нет! Я не то чтобы проходил… Я… э… я в общем-то стоял у входа. Во всяком случае…

— У входа? Почему?

Уши его стали красными, как два спелых помидора.

— Я… это… шел, в общем… в гости.

— В гости?

— Да.

— К маме?

— Нет, к вам.

— Ко мне? — Глаза ее округлились.

— Да. Я хотел спросить…

— О чем же?

— О вашем песике.

— Не понимаю…

— Я подумал… может, из-за нервной встряски… всех этих переживаний… он прихворнул.

— Это когда он убегал?

— Ну да…

— Значит, вы решили, что у него нервный срыв?

— Тут такое движение… — лепетал Джордж. — Его могла машина переехать… Все-таки страшно. Нервы… то-се…

Женская интуиция — поразительнейшая штука. Скорее всего, любой психиатр, дослушав до этого места, прыгнул бы на Джорджа и, прижимая его к полу одной рукой, другой подписал бы необходимое свидетельство. Но Молли проникла в самую суть и умилилась. Она поняла одно: этот молодой человек столь высокого мнения о ней, что, несмотря на всю свою болезненную застенчивость, все-таки решился проникнуть в дом под идиотским предлогом. Словом, она опять убедилась, что Джордж — сущий ягненочек, и ей захотелось погладить его по головке, поправить сбившийся галстук, поворковать над ним.

— Как мило с вашей стороны!

— Люблю собачек, — хрипло выдавил Джордж.

— Это видно.

— А вы любите собачек?

— Просто обожаю!

— И я тоже. Обожаю.

— Да?

— Да. Обожаю. Некоторые их не любят, а я вот люблю. На Джорджа напало красноречие. Блеснув глазами, он нырнул с головой в волны истинной литании.

— Да. Люблю! Эрдельтерьеров, и скотч-терьеров, и сэлихемских, и фокстерьеров. И пекинесов, и абердинцев, мопсов, мастифов и далматинцев. И водолазов, и сенбернаров, пуделей, шпицев…

— Ах, вон что! — перебила Молли. — Вы любите всяких собак.

— Да, — подтвердил Джордж. — Очень люблю. Всяких.

— И я тоже. Есть в них что-то такое…

— Есть. Конечно, и в кошках…

— Да, правда?

— И все-таки кошки — не собаки.

— Да, я тоже заметила…

Наступила пауза. Страшно страдая — ведь на этой теме он мог бы развернуться, — Джордж сообразил, что для Молли предмет исчерпан, и застыл в задумчивом молчании, облизывая губы.

— Значит, вы приехали с Запада? — поинтересовалась она.

— Да.

— Там, наверное, красиво.

— Да.

— Прерии всякие…

— Да.

— А вы не ковбой?

— Нет. Я — художник!

— Художник? Пишете картины?

— Да.

— И у вас есть студия?

— Да.

— А где?

— Да. То есть на Вашингтон-сквер. В доме «Шеридан».

— «Шеридан»? Правда? Тогда, наверное, вы знакомы с мистером Бимишем?

— Да. Да. Конечно.

— Он такой душечка, правда? Я знаю его всю жизнь.

— Да.

— Наверное, это так увлекательно — быть художником?

— Да.

— Мне бы очень хотелось посмотреть ваши картины. Теплое

блаженство разлилось по телу Джорджа.

— Могу я прислать вам одну? — проблеял он.

— О, конечно!

Джордж так воспрял от такого непредвиденного поворота, что невозможно и предугадать, к каким вершинам красноречия он воспарил бы, побудь еще минут десять в обществе этой девушки. То, что она готова принять его картину, их очень сблизило. Еще ни один человек не брал его картин. И впервые с начала беседы он почувствовал себя почти легко.

К. несчастью, в эту минуту дверь открылась и, словно струя ядовитого газа, вплыла миссис Уоддингтон.

— Что ты тут делаешь, Молли? — осведомилась она. Джорджа она одарила одним из своих достославных взглядов, и только что обретенная свобода духа пожухла на корню.

— Я разговариваю с мистером Финчем. Представляешь, как интересно! Мистер Финч — художник! Он пишет картины!

Миссис Уоддингтон не ответила, разом лишившись дара речи от чудовищного открытия. До этого она Джорджа толком и не рассматривала — так, кинула взгляд, полный того отвлеченного омерзения, каким любая хозяйка одарила бы пенек, выскочивший без пяти минут до тщательно спланированного обеда. Лицо его, хотя и противное, не вызывало никаких личных чувств.

Но сейчас все переменилось. Противные черты обрели грозный смысл. Описания Молли обеспокоили миссис Уоддингтон еще в спальне, и теперь они вынырнули из глубин подсознания, как безобразные чудовища из темных вод. «Стройный, невысокий, с красивыми карими глазами и такими золотистыми-презолотистыми волосами…» Миссис Уоддингтон уставилась на Джорджа. Ну да! Стройный. И невысокий. Глаза у него хотя и некрасивые, но карие, а волосы, несомненно, светлые.

Кажется, она говорила, что он будет задыхаться, краснеть, ломать пальцы, странно булькать, пыхтеть и топтаться… Точно так и вел себя молодой человек, стоявший сейчас перед ней. Взгляд ее оказал самое дурное воздействие на Джорджа Финча, и редко, за всю его карьеру, удавалось ему кашлять так хрипло, алеть так пунцово, переплетать пальцы так замысловато, извлекать из горла такие забавные звуки и усерднее спотыкаться о собственные ноги. Сомнений у миссис Уоддингтон не оставалось. Портрет, нарисованный Молли, превратился в живую, явную напасть. Вот она, пожалуйста!

Да еще художник! Миссис Уоддингтон содрогнулась. Из множества индивидуумов, составлявших калейдоскоп нью-йоркской жизни,

художников она не жаловала больше всех. У них никогда нет денег. Они распущенны и безалаберны. Они ходят на танцы в странных нарядах, а то и бренчат на гавайской гитаре. И он — один из них!

— Наверное, — сказала Молли, — нам лучше подняться наверх?

Миссис Уоддингтон очнулась от транса.

— *Тебе* лучше подняться наверх!

Интонация ее пробрала бы и самого толстокожего человека.

— Я… э… наверное… — пролепетал Джордж. — Уже поздновато…

— Вы не уходите? — забеспокоилась Молли.

— Разумеется, мистер Финч уходит, — промолвила миссис Уоддингтон, и что-то в ее манере подсказывало, что она готова сгрести его одной рукой за шиворот, а другой — за брюки и вышвырнуть вон. — Если у мистера Финча есть дела, мы не должны его задерживать. Доброй ночи, мистер Финч!

— Доброй ночи. Спасибо за… э… приятный вечер.

— О-о-чень лю-ю-безно с вашей стороны!..

— Заходите к нам еще, — сказала Молли.

— Мистер Финч, — возразила миссис Уоддингтон, — очень и очень занят. Ступай наверх, Молли, и немедленно! До-о-оброй вам ночи, мистер Финч!

Она сверлила его взглядом, не совсем соответствующим старым добрым традициям американского гостеприимства.

— Феррис, — крикнула хозяйка, едва за Джорджем захлопнулась дверь.

— Мадам?

— Ни под каким видом не впускайте в дом человека, который только что вышел отсюда.

— Слушаюсь, мадам!

4

На следующее утро, солнечное и светлое, Джордж Финч бойко взбежал по ступенькам дома № 16 на 79-й стрит и нажал звонок. На нем был его сизый костюм, а под мышкой он держал огромную картину в оберточной бумаге. После долгих раздумий он решил подарить Молли свою любимую работу «Привет тебе, веселая весна!». Картина изображала молодую девушку, слегка задрапированную и явно страдающую в запущенной форме пляской святого Витта. Она танцевала с барашками на

лугу, усеянном цветами. Когда Джордж писал ее, она, судя по выражению лица, больно порезалась об острый камень. И все-таки то был его шедевр, и он намеревался подарить его Молли.

Дверь открылась. Возник Феррис, дворецкий.

— Товары, — сообщил он, бесстрастно глядя на Джорджа, — доставляют с черного хода.

— Я к мисс, — выговорил Джордж, — Уоддингтон.

— Мисс Уоддингтон нет дома.

— А могу я увидеть мистера Уоддингтона? — спросил Джордж, смиряясь с такой заменой.

— Мистера Уоддингтона нет дома.

Джордж чуть замешкался. Но любовь побеждает все!

— А можно тогда видеть миссис Уоддингтон?

— Миссис Уддингтон нет дома.

Пока дворецкий это произносил, с верхних этажей донесся властный женский голос, вопрошающий невидимого Сигсби, сколько раз ему нужно повторять, чтобы он не курил в гостиной.

— Но я же ее слышу!

Дворецкий отчужденно пожал плечами, как бы отказываясь вникать в мистические происшествия.

— Миссис Уоддингтон нет дома, — повторил он. Они помолчали.

— Приятный сегодня денек, — заметил Джордж.

— Да, погодка ничего, — согласился Феррис. На этом разговор и завершился.

ГЛАВА IV

1

— Расскажи мне все, — сказал Хамилтон Бимиш. Джордж рассказал. Вид у него был самый плачевный.

Несколько часов он в смятении бродил по улицам и теперь приполз к другу в надежде, что более проницательный разум сумеет уловить в сгустившихся тучах серебряный проблеск.

— Так, — продолжил Хамилтон. — Ты позвонил?

— Да.

— И дворецкий отказался тебя впустить?

— Да.

Хамилтон сочувственно оглядел побитого друга.

— Бедный ты мой, тупоголовый Джордж! Такую кутерьму устроил! Испортил все из-за своей поспешности. Почему ты не подождал? Я бы ввел тебя в дом нормально, прилично, на правах друга семьи. А ты допустил, что тебя воспринимают, как изгоя какого-то.

— Но ведь старик Уоддингтон пригласил меня к обеду! Представляешь? Взял да и пригласил…

— Надо было дать ему в глаз и удирать со всех ног, — твердо перебил Хамилтон. — После всего, что я тебе рассказал о Сигсби Уоддингтоне, ты не мог питать иллюзий. Он из тех мужей, которым стоит только выказать симпатию к кому-то, как жены сразу решают, что это — истинный подонок. Ему не удастся привести к обеду и принца Уэльского. А когда он кладет на коврик такого субъекта (я употребляю это слово в самом лучшем смысле), да еще за пять минут до званого обеда, путая весь распорядок и вызывая самые черные мысли на кухне, можешь ли ты винить его жену? Мало того, вдобавок ко всему прочему ты прикинулся художником!

— Я и есть художник! — не без воинственности возразил Джордж. На этот предмет он придерживался твердой точки зрения.

— Спорно, спорно… Во всяком случае, тебе следовало скрыть это от миссис Уоддингтон. Женщины ее типа смотрят на художников, как на позор для общества. Говорил же я тебе, для нее мерило людей — их счет в банке.

— Так у меня же полно денег!

— Откуда ей знать? Ты сказал, что ты — художник, и она вообразила, что…

Прервав поток его мыслей, задребезжал звонок. Бимиш нетерпеливо поднял трубку, но заговорил ласково и снисходительно.

— А-а, Молли!

— Молли! — вскричал Джордж. Хамилтон не обратил на него внимания.

— Да. Он мой большой друг.

— Я? — выдохнул Джордж.

Хамилтон все так же не обращал на него ни малейшего внимания, как и подобает человеку, поглощенному телефонной беседой.

— Да, он мне сейчас рассказывает. Да, здесь.

— Она хочет, чтобы я поговорил с ней? — завибрировал Джордж.

— Конечно, приду. Сейчас же.

Бимиш положил трубку и постоял с минуту в задумчивости.

— Что она сказала? — в сильнейшем волнении допытывался Джордж

— Н-да, любопытно…

— Что она сказала?!!

— Придется несколько пересмотреть мою точку зрения…

— Что она сказала?!!

— Однако я мог бы и предвидеть…

— Что — Она — Сказала?

Хамилтон созерцательно поскреб подбородок.

— Странно, как работает ум у девушек…

— Что она сказала?

— Это Молли Уоддингтон, — сообщил мыслитель.

— Что она сказа-а-а-а-ла?!!

— Теперь я почти уверен, — продолжил Хамилтон, по-совиному поглядывая на Джорджа сквозь очки, — что все к лучшему. Я упустил из виду, что такое девушка с нежным сердцем, окруженная мужчинами с шестизначным доходом. Такую девушку непременно привлечет художник без гроша в кармане, с которым, вдобавок, мать запрещает встречаться.

— Да что же она сказала?!

— Спросила меня, действительно ли ты мой друг.

— А потом? Потом?

— А потом сказала, что мачеха запретила пускать те§я в дом и строго-настрого приказала никогда с тобой не встречаться.

— А после этого?

— Попросила меня к ней зайти. Хочет поговорить.

— Обо мне?

— Надо полагать.

— А ты пойдешь?

— Сейчас же и отправлюсь.

— Хамилтон, — дрожащим голосом выговорил Джордж. — Хамилтон, я тебя прошу, наддай там жару!

— Ты хочешь, чтобы я преподнес тебя в лучшем виде?

— Да, именно! Как ты красиво все умеешь сказать! Хамилтон надел шляпу.

— Странно, — отрешенно проговорил он, — что я берусь помогать тебе в таком деле.

— Просто ты очень добрый! У тебя золотое сердце.

— Ты влюбился с первого взгляда, а мои взгляды на такую любовь известны всем.

— Но неверны!

— Мои взгляды не бывают неверными!

— Нет, не все взгляды! — поспешно заверил Джордж. — Понимаешь, иногда, в определенных, в отдельных случаях возможна и такая любовь.

— Любовь должна быть разумной.

— Если встречаешь такую девушку, как Молли? Нет!

— Когда я женюсь, это произойдет в результате тщательного, выверенного расчета. Сначала, после хладнокровного размышления, я решу, что уже достиг возраста, наиболее подходящего для женитьбы. Затем просмотрю список моих приятельниц и выберу ту, чей ум и вкусы совпадают с моими. А потом…

— Разве ты не поменяешь? — перебил его Джордж.

— Поменяю? Что именно?

— Да костюм! Ты ведь идешь к *ней!*

— А потом, — продолжал Хамилтон, — внимательно понаблюдаю за ней в течение длительного периода, чтобы убедиться, что не позволил страсти ослепить меня, проглядев различные недостатки. После же этого…

— Нет, ну никак невозможно, чтобы ты заявился к *ней* в таких брюках! — снова вскричал Джордж. — А рубашка не подходит к носкам. Ты должен…

— После же этого, при условии, что за этот период я не подберу более подходящей кандидатуры, я пойду к ней и в нескольких простых словах попрошу стать моей женой. Сообщу, что дохода моего хватит на двоих, что моральные мои нормы безупречны, что…

— Неужели у тебя нет костюма покрасивее? И туфель поновее, и

шляпы не с такими обвисшими…

— …характер у меня приятный, а привычки размеренны. И тогда мы с ней заключим Разумный Брак.

— А манжеты!

— Что с моими манжетами?

— Ты намерен явиться к *ней* с обтрепанными манжетами?

— Вот именно.

Больше Джорджу добавить было нечего. Настоящее святотатство, но что тут поделаешь?

2

Когда примерно через четверть часа Хамилтон Бимиш ловкими, экономными движениями вскочил на ступеньку зеленого автобуса, дожидавшегося его на Вашингтон-сквер, летний денек расцвел во всю свою силу. Полнокровное, стопроцентное американское солнце сияло с лазурного неба, но в воздухе уже веял намек на вечернюю прохладу. Именно в такие дни лирические поэты вдруг открывают, что «любовь с небес полна чудес», — восхищаются рифмой и мчатся, сопя, поскорее накропать очередной шлягер. В воздухе была разлита сентиментальность, и потихоньку, незаметно, семена ее начали прорастать в каменистой почве Хамилтонова сердца.

Да, мало-помалу, пока автобус катил по улицам, в Хамилтоне начали набухать почки ласковой терпимости. Он уже не осуждал так безоглядно склонность других мужчин внезапно испытывать к противоположному полу ту теплоту эмоций, которая, согласно науке, возникает лишь вследствие длительного и близкого знакомства. Впервые он подумал о том, что какие-то резоны есть и у тех, кто, подобно Джорджу Финчу, влюбляется, очертя голову, в практически незнакомую девушку.

Именно в тот момент, когда автобус проезжал по 29-й стрит, откуда открывался красивый и многозначительный вид на церковку-за-углом, он вдруг заметил девушку, сидевшую напротив него.

В девушке этой несомненно были chic и elan. Можно было пойти дальше и признать в ней espmglerie, je ne saisquoi. Опытный глаз, мало того, смаху оценил ее элегантность: безупречный жакет на шелковой подкладке, платье из узорчатого креп-марокена (юбка — плиссированная) с маленьким воротничком, отделанным присборенным рюшем. Как известно любому школьнику, такие платья бывают бежевыми, серыми,

жемчужными, голубыми, терракотовыми, коричневыми, синими и черными. У нее оно было темно-голубое.

Еще один взгляд дал возможность разглядеть ее шляпку. Шляпка была премиленькая, из тонкой соломки, отделанная шелком и повязанная вокруг тульи репсовой лентой, словом — оригинальная, но не броская, а поистине изысканная. Из-под полей выбивался один-единственный локон примерно того же цвета, каким пленяет нас шерстка породистого пекинеса. Судя по нему, Хамилтон вывел, что девушка чуть смочила волосы особой жидкостью, придав им блеск, мерцание, мягкость, свежесть и пышность. Несомненно, рекламу тоника она прочитала в газете и теперь, купив флакон, убедилась, какими здоровыми и живыми выглядят волосы после применения чудесного средства.

Туфли на ней были черные, лакированные, чулки — серо-стального цвета, цвет лица — юной девушки и кожа, до которой так и тянет дотронуться… Все эти детали тренированный глаз Хамилтона отметил, быстро стреляя вбок и обратно. Но особое внимание привлекло ее лицо. Не выстрой он столь тщательно свою концепцию Разумной Любви, оно сильно взбудоражило бы его чувства. Даже и теперь этот сильный, теоретически подкованный ум не смог подавить, выходя из автобуса, укола той тоскливой печали, какую испытывают мужчины, позволяя уплывать от себя чему-то поистине прекрасному.

Как грустно, думал он, стоя у дома № 16 и готовясь нажать кнопку звонка, что ему никогда больше не увидеть этой девушки. Разумеется, человек его сорта не влюбляется в девушек с первого взгляда, но все-таки он не мог скрыть от себя, что больше всего ему хотелось бы познакомиться с ней и, тщательно изучив ее характер, через годик-другой, пожалуй, решить, что именно се Природа предназначила ему в спутницы.

Именно тогда он заметил, что девушка стоит рядом с ним.

Бывают минуты, когда даже самым хладнокровным экспертам трудно сохранить самообладание. Хамилтон явно растерялся, и, будь он слабее духом, мы бы сказали, что он вытаращил глаза. Во-первых, он как раз думал о ней, и думал с нежностью, а во-вторых — все-таки неловко стоять бок о бок с незнакомой девушкой. В подобной ситуации очень трудно сообразить, как же себя вести. Поднапрячься и создать иллюзию, будто он и ведать не ведает, что рядом кто-то есть? Отпустить непринужденное замечание? Ну, хорошо — но какое?

Хамилтон все еще ломал голову над этой проблемой, когда девушка ее решила. Чуть нахмурясь — лицо ее анфас оказалось еще привлекательнее, чем в профиль, — она воскликнула: «О-о!»

Прежде всего Бимиш обрадовался, как радуется человек чувствительный, когда выясняется, что у хорошенькой девушки к тому же и голос красивый. Слишком часто случалось ему восхищаться кем-нибудь издалека, а потом обнаруживалось: голос у данной особы — как у павлина, накликающего дождь. Однако он тут же понял, что соседка его страдает, и сердце его переполнилось активным сочувствием. Ее мучения пробудили и жалось настоящего мужчины, и рвение блестящего эксперта.

— Вам что-то попало в глаз? — спросил он.

— Пылинка, что ли…

— Позвольте!

Одна из труднейших задач для обычного человека — извлечь инородное тело из глаза незнакомки. Но Хамилтон не был обычным. Через десять секунд он убирал носовой платок в карман, а девушка благодарно моргала.

— Огромное вам спасибо!

— Не за что.

— Врач и то бы лучше не справился!

— У меня свой способ.

— Почему это, — удивилась девушка, — когда в глаз залетает кро-охотная пылинка, кажется, что она огромная, как мир?

На это он ответить мог, предмет он знал досконально.

— Конъюнктива века, то есть слой слизистой оболочки, который обволакивает глаз изнутри, соприкасается с глазным яблоком, и соприкосновение это, формирующее нервный пучок, крайне чувствительно, особенно в той точке, где пластинки волокнистой ткани прикрепляются к орбитальной щели внешними и внутренними лигаментами.

— А-а, вон что!

Они помолчали.

— А вы пришли к миссис Уоддингтон? — поинтересовалась девушка.

— Нет, к мисс.

— С ней я не знакома.

— Значит, вы не всю семью знаете?

— Нет, только миссис Уоддингтон. Пожалуйста, нажмите звонок.

Хамилтон нажал.

— А я заметил вас в автобусе, — сообщил он.

— Правда?

— Да. Я напротив сидел.

— Как странно!

— Чудесный сегодня денек, правда?
— Да. Просто замечательный…
— Солнце.
— Да.
— Небо.
— Да.
— Я вообще люблю лето.
— И я тоже.
— Если не слишком жарко.
— Да.
— Хотя в сущности, — развил свою мысль Хамилтон, — плохо переносит человек не жару, а влажность.
Слова его ясно доказали, что даже опытные эксперты, влюбляясь с первого взгляда, несут всякую ерунду, как и любой другой смертный. Неведомые до сей поры чувства бушевали в груди Хамилтона Бимиша, и, отшвырнув прочь все принципы, он признался себе, без стыда, что к нему наконец-то пришла любовь — не исподволь, потихоньку, согласно науке, но бесцеремонно, пустив в ход локти, словно ошалелый житель пригорода, врывающийся в пригородный поезд. Да, он влюбился. Силу его чувства, притупившего интеллектуальные способности, доказывало то, что ему казалось, будто он блещет красноречием.
Дверь открылась. Возник Феррис, взглянувший на гостью не с тем холодным отвращением, какое выказал раньше, при виде Джорджа Финча, а с отцовской симпатией. Окружность его талии была уже неохватна, но Красоту он еще воспринимал.
— Миссис Уоддингтон просила передать, мисс, — сказал он, — что ее вызвали по срочному делу, а потому ваша встреча отменяется.
— Могла бы позвонить! — жалобно воскликнула девушка.
Феррис позволил себе чуть вскинуть бровь, стараясь передать, что, хотя он ей сочувствует, дух преданности запрещает ему критиковать хозяйку.
— Миссис Уоддингтон просила узнать: удобно ли вам, мисс, если она придет к вам завтра, ровно в пять часов?
— Да, удобно.
— Благодарю вас, мисс. Мисс Уоддингтон ожидает вас, сэр. Хамилтон смотрел вслед девушке, которая, дружелюбно кивнув ему, беспечно удалялась из его жизни.
— Кто это, Феррис? — спросил он.
— Не могу сказать, сэр.

— Как, не можете? Вы же ее узнали!

— Нет, сэр. Эту даму я никогда не видел. Но миссис Уоддингтон сказала, что она зайдет в это время, и попросила передать ей сообщение, которое я и передал.

— Разве миссис Уоддингтон не сказала, кто зайдет?

— Сказала, сэр. Одна дама.

— Осел! — крикнул Хамилтон, однако — не вслух. Даже этому сильному человеку недостало на это сил. — Неужели она не назвала ее имени?

— Нет, сэр. Пожалуйста, заходите, и я провожу вас к мисс Уоддингтон. Она в библиотеке.

— Забавно все-таки, что миссис Уоддингтон не сказала, как зовут эту даму.

— Да, сэр. Очень забавно.

3

— О, Джимми! — воскликнула Молли. — Как мило, что вы зашли!

Хамилтон рассеянно похлопал ее по руке. Слишком занятый своими мыслями, он не заметил, что она назвала его ненавистным именем.

— Со мной произошло нечто поразительное, — признался он.

— И со мной. По-моему, я влюблена.

— Я уделил вопросу самое пристальное внимание, какое возможно в ограниченное время, бывшее в моем распоряжении, — продолжал Хамилтон, — и пришел к выводу, что тоже влюблен.

— Кажется, я влюблена в вашего друга Джорджа Финча.

— А я влюблен… — Хамилтон приостановился, — не знаю в кого. Очаровательная девушка! Просто прелесть! Сначала я заметил ее в автобусе, а потом мы поговорили немножко у дверей. Я вынул пылинку у нее из глаза.

Молли недоверчиво на него взглянула.

— Быть не может! Вы влюбились в девушку, даже не зная, как ее зовут? Вы же всегда говорили, что любовь — чувство разумное.

— Взгляды меняются. Интеллектуальное восприятие не застывает на мертвой точке. Человек склонен развиваться.

— В жизни я так не удивлялась!

— Я и сам удивлен, — признал Хамильтон. — Тем более, что я даже не знаю, как ее зовут, где она живет. Ничего не знаю. Кроме того, что она

как будто бы приятельница, во всяком случае, знакомая твоей мачехи.

— А, она знает маму?

— Очевидно. Она пришла к ней.

— Кто только к маме не приходит! Мама — почетный секретарь самых разных обществ.

— Девушка эта среднего роста, поразительно грациозная, с блестящими каштановыми волосами. На ней — репсовый жакет, платье из креп-марокена с плиссированной юбкой и с маленьким воротничком с присборенным рюшем. Шляпка — из тонкой соломки, с репсовой лентой. Лакированные туфельки, шелковые чулки, а глаза — нежно-серые, словно утренний туман, плывущий над волшебным озером. Говорит тебе что-либо это описание?

— Нет, не припоминаю. Судя по вашим словам, она прехорошенькая.

— Так оно и есть. Я смотрел ей в глаза всего минутку, но никогда их не забуду. Они глубже тихих вод.

— Я могу спросить у мамы, кто это.

— Буду крайне признателен. Объясни, что это та, к кому она собирается зайти завтра в пять. И позвони мне, скажи имя и адрес. Ну а теперь, дитя мое, расскажи про себя. Кажется, ты обронила, что тоже влюблена?

— Да! В Джорджа Финча!

— Прекрасный выбор.

— Он — ягненочек!

— Что ж, если хочешь, пусть ягненочек.

— Я попросила вас прийти, чтобы вы посоветовали мне, что делать. Понимаете, маме он не понравился.

— Да, это я понял.

— Она запретила пускать его в дом.

— Так-так…

— Наверное, потому, что у него нет денег.

Хамилтон уже порывался возразить, что денег у Джорджа почти неприличное количество, но прикусил язык. Зачем же рушить девичьи мечтания? Сердце ее Джордж завоевал как романтический бедный художник. Жестоко открывать, что он богат, а художник — хуже не бывает.

— Твоя мачеха односторонне судит о людях, — заметил он.

— А мне безразлично, пусть у него хоть совсем ни гроша. Знаете, когда я выйду замуж, мне достанется то ожерелье, какое отец подарил моей маме. Продам и получу тысячи долларов. Так что все у нас будет в

порядке!

— Да, вполне…

— Конечно, я не хочу убегать из дома. Только в самом крайнем случае. Мне хочется, чтобы свадьба была, как положено, — с подружками, тортом, подарками, фотографиями. Ну, все-все чтоб было!

— Естественно.

— Значит, Джордж должен маме понравиться. А теперь, Джимми, дорогой! Мама должна встретиться со своей хиромантиой, она же вечно по всяким хиромантам ходит…

Хамилтон покивал. Об этой склонности миссис Уоддингтон он, правда, не слышал, но ждал от нее чего угодно. Теперь, вдумавшись, он признал, что она — именно из тех женщин, которые, если не сидят у косметички с зеленой грязью на лице, бегают по хиромантам.

— А от вас я хочу вот чего. Зайдите к хиромантке раньше мамы и подкупите ее. Пусть скажет, что все мое счастье зависит от художника со светлыми волосами, у которого имя начинается на «Д»!

— Вряд ли даже хиромантке удастся убедить в этом миссис Уоддингтон.

— Она верит всему, что мадам Юлали видит в хрустальном шаре.

— Но уж такому-то вряд ли.

— Может, вы и правы. Тогда уговорите хотя бы эту мадам, пусть настроит маму против лорда Ханстэнтона. Вчера вечером она прямо сказала, чтобы я вышла за него замуж. И он вечно торчит у нас! Ужас какой-то!

— Это я, разумеется, могу сделать…

— И сделаете?

— Конечно.

— Спасибо! Наверное, за десять долларов она согласится.

— Самое большее — за двадцать.

— Хорошо. Я знала, что могу на вас положиться. Кстати, вы сможете обронить кое-что, невзначай, Джорджу?

— Все, что хочешь.

— Намекните ему, что, если завтра днем он случайно будет прогуливаться в Центральном парке около зоологического сада, может, мы нечаянно встретимся.

— Ладно.

— А теперь, — попросила Молли, — расскажите мне про Джорджа. Как вы познакомились, и что вы подумали о нем, когда впервые его увидели, и что он ест на завтрак, и что он сказал обо мне…

4

Можно было бы ожидать, что по прошествии времени, получив возможность неторопливо поразмышлять о нелогичном характере влюбленности, которую он себе позволил, такой ясный, четкий и суровый мыслитель раскается. Но случилось все не так, совсем не так. Сидя на следующий день в приемной мадам Юлали, Хамилтон упивался своим безрассудством, а когда лучшее его «я» осмелилось попенять ему, что он позволил себе обольститься смазливым личиком, то есть чисто случайным сочетанием молекул белковой и жировой ткани, он строго приказал этому «я» засунуть голову в мешок и умолкнуть. Он влюбился, и ему это понравилось! Он влюбился и гордился этим! Его единственной связной мыслью, пока он ждал в приемной, была мысль о том, как бы изъять из обращения брошюру «Разумный брак» и написать какие-нибудь стихи.

— Мадам Юлали сейчас примет вас, сэр, — объявила горничная, врываясь в его мечтания.

Хамилтон прошел в кабинет и, едва войдя, застыл как вкопанный.

— Это вы!

Она быстро поправила волосы — так реагируют женщины на неожиданную ситуацию; а Хамилтон Бимиш, глядя на нее, убедился, что прав во вчерашних предположениях. Волосы, как он и предполагал, лежали сверкающей массой, искрящиеся, свежие, роскошные.

— Как поживаете? — проговорила *она.*

— Превосходно!

— Судьба все время сталкивает нас…

— А я с судьбой никогда не спорю.

— Не спорите?

— Да! — твердо заверил Хамилтон. — Подумать только, так это — вы!

— Кто именно?

— Ну, вы! — Он подумал, что, пожалуй, изъясняется не вполне ясно. — Понимаете, меня прислали сюда с поручением к мадам Юлали, а ею оказались — вы!

— Поручение? От кого это?

— От кого же? — поправил Хамилтон. Даже в тисках любви специалист по чистоте языка себе не изменил.

— Ну, я же так и сказала!

Хамилтон снисходительно улыбнулся. Мелкие промахи можно

исправить позднее — скажем, в медовый месяц.

— От Молли Уоддингтон. Она попросила меня…

— А, так вы пришли не за тем, чтобы я почитала вам по руке?

— Больше всего на свете, — откликнулся Хамилтон, — я хочу, чтобы вы почитали мне по руке…

— Чтобы определить ваш характер, читать по руке мне совсем не нужно. Я и так все вижу.

— Да?

— Конечно. У вас сильная, властная натура и острый, проницательный ум. Очень широкий кругозор, железная решимость, поразительная проницательность. Однако при всем этом у вас нежное сердце, очень доброе и щедрое сверх всякой меры. Вам присущи качества лидера. Вы напоминаете мне Юлия Цезаря, Шекспира и Наполеона.

— Говорите! Говорите еще!

— Если вы когда-нибудь влюбитесь…

— Если когда-нибудь влюблюсь…

— Если вы когда-нибудь влюбитесь, — продолжила она, поднимая на него глаза и делая к нему шажок, — то вы…

— Мистер Делански Кабо, — сообщила горничная.

— Ах ты, Господи! — воскликнула мадам Юлали. — Совсем забыла, что назначила ему встречу. Пусть заходит.

— Можно мне подождать? — преданно выдохнул Хамилтон.

— Да, пожалуйста. Я недолго. — Она повернулась к двери. — Входите, мистер Кабо.

Хамилтон обернулся. Долговязый жилистый человек деликатно вошел в комнату. Одет он был нарядно, и даже сверх меры: сиреневые перчатки, гвоздика в петлице, а на шее, намекающей, что, возможно, он дальний отпрыск жирафа, — белоснежный воротничок. Над воротничком торчало адамово яблоко, которое могло принадлежать лишь одному человеку.

— Гарроуэй! — вскричал Хамилтон. — Как вы сюда попали? И что означает весь этот маскарад?

Полисмен растерялся. Лицо у него стало красным, в тон запястьям. Если б не железный обруч воротничка, то челюсть у него отвалилась бы.

— Не ожидал, мистер Бимиш, встретить вас тут, — виновато произнес он.

— А я не ожидал встретить вас. Да еще под именем де Курси Белвилль.

— Делански Кабо, сэр.

— Хорошо, Делански Кабо.

— Мне оно понравилось, — пояснил новоприбывший. — Наткнулся на него в книге.

Она тяжело задышала.

— Этот человек — полисмен?

— Да, — подтвердил Хамилтон. — Его фамилия Гарроуэй, и я учу его писать стихи. Скажите на милость, — прогремел он, поворачиваясь к незадачливому полисмену, чье адамово яблоко скакало, словно ягненок по весне, — чего вы сюда заявились, прерывая мой… прерывая наше… короче, прерывая? Ваше дело — выполнять свои обязанности или сидеть тихонько дома, изучая Джона Дринкуотера. Жду ответа!

— Понимаете, мистер Бимиш, — кашлянул Гарроуэй, — я ведь не знал, что мадам Юлали — ваш друг.

— Неважно, чей она друг!

— Нет, мистер Бимиш, это большая разница. Теперь я могу вернуться в участок и доложить, что мадам Юлали — вне всяких подозрений. Видите ли, сэр, меня послало сюда начальство, по делу.

— По какому еще делу?!

— Чтобы произвести арест, мистер Бимиш.

— Так и говорите. Избавляйтесь от неясностей в языке.

— Да, сэр. Я стараюсь, сэр.

— Говорите четко и ясно.

— Да, сэр. Конечно, мистер Бимиш.

— С какой стати вас посылают арестовать эту леди?

— Моему начальству, мистер Бимиш, доложили, что мадам Юлали предсказывает будущее за деньги. Это противозаконно.

— Чушь какая! — фыркнул Хамилтон. — Если таков закон, исправьте его!

— Сделаю, что смогу, сэр.

— Я видел, как мадам Юлали показывает свое искусство, и она не говорит ничего, кроме чистейшей правды. Так что ступайте к своему начальству и посоветуйте ему прыгнуть с Бруклинского моста!

— Да, сэр. Так и передам, сэр.

— А теперь оставьте нас. Нам надо поговорить.

— Да, мистер Бимиш.

После того как дверь закрылась, *она* несколько минут смотрела на Хамилтона изумленными глазами.

— Этот человек и вправду полисмен?

— Да.

— И вы с ним так обошлись? Разговаривали таким тоном, а он только

и отвечал: «да, сэр», «нет, сэр». И уполз на четвереньках. — Она испустила глубокий вздох. — По-моему, вы — самый подходящий друг для одинокой девушки в большом городе!

— Рад, что сумел оказать вам услугу.

— Да еще какую! Мистер Бимиш…

— Меня зовут Хамилтон.

— Неужели вы *тот самый* Хамилтон Бимиш? — удивленно воскликнула она. — Тот самый, который написал все эти брошюры?

— Я действительно написал несколько брошюр…

— Вы же мой любимый автор! Если б не вы, я б до сих пор прозябала в захолустном городишке, где даже приличного киоска с содовой нет. Но я прочитала ваши брошюры из серии «А вас не заела рутина?», упаковала вещички и прикатила в Нью-Йорк. Знай я вчера, что вы — тот самый Хамилтон Бимиш, я бы поцеловала вас прямотам, у входа!

Хамилтон хотел было сказать, что комната с опущенными шторами и закрытой дверью еще удобней для такой процедуры, но его впервые в жизни охватила непонятная застенчивость. Не хочется, следуя современной моде (которую автор резко осуждает), выставлять в неприглядном свете великих, но честность обязывает говорить откровенно: да, Хамилтон издал глуповатый смешок и принялся ломать пальцы.

Однако странная слабость миновала, и, снова став самим собой, он твердо поправил очки.

— Не могли бы вы… не захотели бы вы… — проговорил он, — как вы считаете, не могли бы вы со мной пообедать завтра?

— Ну, как неудачно! — вскричала она. — Никак не сумею!

— А послезавтра?

— Вы уж простите. Я выпадаю из оборота на три недели. Завтра я просто бегу на поезд, навестить родню в Ист Гилиэде. В субботу папин день рождения, я никогда его не пропускаю.

— В Ист Гилиэде?

— Да, штат Айдахо. Вы, конечно, и не слыхали про такое местечко, но оно существует.

— Как раз слышал. Мой лучший друг приехал из Ист Гилиэда.

— Не может быть! Кто же это?

— Один юноша по имени Джордж Финч.

— Неужели вы знаете Джорджа? — весело расхохоталась она.

— Он — мой лучший друг.

— Тогда, надеюсь, что он уже не такой тюхтя!

Хамилтон призадумался. Можно ли назвать Джорджа тюхтей?

Насколько точно может человек оценить это качество у лучшего друга?

— Под словом «тюхтя» вы подразумеваете?..

— Тюхтю и подразумеваю. Человека, который не может и на гуся шикнуть.

За общением с гусем Джорджа заставать не доводилось, но Хамилтон подумал, что умеет судить о людях и у друга его достанет храбрости на совершение этого поступка.

— По-моему, Нью-Йорк его изменил, — поразмыслив, ответил он. — Вообще-то я зашел к вам из-за него. Дело в том, что он безумно влюбился в Молли Уоддингтон, падчерицу вашей клиентки.

— Вот это да! И так стесняется, что на милю боится к ней подойти.

— Ну нет! Позавчера вечером он прорвался в дом — да, именно прорвался, — и теперь миссис Уоддингтон запретила ему видеться с Молли, опасаясь, что он загубит ее планы. Она хочет выдать бедную девочку замуж за некоего лорда Ханстэнтона.

Мадам Юлали удивленно взглянула на него.

— А вы правы! Джордж переменился.

— И мы с Молли подумали, что хорошо бы склонить вас… ну, не пошли бы вы… э… на одну великодушную хитрость… Миссис Уоддингтон придет к вам сегодня. Может быть, взглянув в хрустальный шар, вы скажете ей, что Молли угрожает опасность со стороны темноволосого человека с моноклем.

— Конечно, скажу.

— Скажете?!

— Не такая уж большая услуга в благодарность за то, что вы сделали для меня.

— Спасибо, спасибо! Я сразу понял: таких, как вы, — одна на миллион. Простите… а не согласились бы вы пообедать со мной на следующий день после возвращения?

— С удовольствием.

— Я оставлю вам свой номер телефона.

— Спасибо. Передайте Джорджу привет. Хотелось бы увидеться с ним.

— Увидитесь. До свидания.

— До свидания, мистер Бимиш.

— Хамилтон. Она заколебалась.

— Не очень-то мне нравится это имя… «Хамилтон»… Какое-то чопорное…

Хамилтон вступил в короткую борьбу с собой.

— У меня есть и другое, Джеймс. Когда-то многие звали меня Джимми. — Чуть содрогнувшись, он храбро повторил: — Джимми.

— Добавьте к ним и меня! — сказала мадам Юлали. — Джимми — куда лучше. До свидания, Джимми!

— До свидания, — отвечал Хамилтон.

Так кончилась первая стадия любовной истории великого человека. Несколько минут спустя он шел танцующей походкой по улице. У Вашингтон-сквер он подарил мальчишке доллар и осведомился, не желает ли тот стать когда-нибудь президентом.

5

— Джордж, сегодня я встретил твою знакомую, — сказал Хамилтон, — из Ист Гилиэда.

— Как ее зовут? Молли просила что-то передать?

— Мадам Юлали.

— Не помню. А Молли просила что-то передать?

— Она тоненькая, грациозная, а глаза у нее нежно-серые, точно туман, плывущий над озером в волшебной стране.

— Определенно не припоминаю. А Молли просила передать мне что-то?

— Нет

— Нет?! — Джордж в отчаянии рухнул на стул. — Это конец!

— А, да! — вспомнил Хамилтон. — Из головы как-то вылетело. Просила тебе передать, что если ты случайно будешь прогуливаться завтра в Центральном парке поблизости от зоологического сада, то вы нечаянно встретитесь.

— Сегодняшний день, ах, нынешний день, он лучше рая! — завопил Джордж.

ГЛАВА V

1

Мадам Юлали всмотрелась в хрустальный шар, который держала в изящных руках. Лицо, заставившее Хамилтона Бимиша отречься от принципов всей своей жизни, было сосредоточенно и серьезно.

— Туман начинает рассеиваться, — пробормотала она.

— А-а! — выдохнула миссис Уоддингтон. Она очень на это надеялась.

— Есть некто близкий к вам…

— Дух? — нервно поинтересовалась миссис Уоддингтон, боязливо косясь через плечо. Ей всегда чудилось, что нечто в этом роде может замаячить в углу этой тускло освещенной, пахнущей ладаном комнаты.

— Нет, вы не поняли меня, — мрачно поправила ведунья. — Я хочу сказать, что в шаре проступают очертания человека, очень близкого вам, вероятно — родственника…

— Не мужа, случайно? — огорченно осведомилась миссис Уоддингтон. Она знала цену деньгам, и ее вовсе не прельщала перспектива выбросить десять долларов за встречу с Сигсби.

— Имя вашего мужа начинается на «М»?

— Нет! — облегченно выдохнула миссис Уоддингтон.

— В тумане складывается буква «М».

— У меня есть падчерица Молли.

— Высокая и темноволосая?

— Нет. Маленькая, блондинка.

— Значит, это она! Вижу ее в подвенечном наряде. Она идет по церковному проходу. Рядом темноволосый мужчина с моноклем… Такой человек вам знаком?

— Лорд Ханстэнтон.

— Да, я чувствую букву «Х»…

— Лорд Ханстэнтон мой большой друг и очень предан Молли. Вы действительно видите, что она выходит за него замуж?

— Я вижу, что она идет по церковному проходу…

— Ну, это одно и то же!

— Нет! До алтаря она с ним не дойдет.

— Почему? — спросила справедливо раздосадованная миссис

Уоддингтон.

— Из толпы выскакивает женщина. Она преграждает им путь. Что-то говорит. Быстро, с большим жаром. Человек с моноклем отпрянул, лицо у него исказилось жуткой гримасой. Он вскидывает руку. Ударяет женщину. Та отлетает. Выхватывает пистолет… И потом…

— Ну? — закричала миссис Уоддингтон. — Ну?

— Виденье растаяло, — кинула мадам Юлали, резко вставая, как человек, отработавший десятку сполна.

— Этого не может быть! Это невероятно!

— Хрустальный шар не обманывает.

— Лорд Ханстэнтон такой милый человек…

— Несомненно, и женщине с револьвером он казался милым… на ее беду.

— А может, вы ошиблись? Многие мужчины темноволосы и носят монокль. Каков этот мужчина собой?

— А лорд Ханстэнтон каков?

— Высокий, стройный, с голубыми глазами и маленькими усиками. Он их вечно крутит.

— Тогда это он.

— Что же мне делать?

— Очевидно, вы не должны разрешать мисс Уоддингтон общаться с этим человеком.

— Но он сегодня придет обедать…

Мадам Юлали, девица импульсивная, чуть не крикнула: «Отравите ему суп!» — но, вовремя опомнившись, заменила совет сдержанным пожатием плеч.

— Миссис Уоддингтон, я предоставляю вам самой выбрать наилучший курс поведения. Советовать я не могу, могу только остерегать. Если у вас только крупные купюры, могу дать сдачу, — присовокупила она, внося в разговор деловую ноту.

Всю дорогу до 79-й стрит миссис Уоддингтон напряженно раздумывала. Она была не из тех, кто привык напрягать мозги, и пока добралась до дома, испытала все ощущения человека, которого огрели по голове тяжелым мешком. Больше всего в мире, чувствовала она, ей требуется полное уединение; и на своего мужа она воззрилась весьма желчным взглядом, когда, несколько минут спустя после ее возвращения, он пришаркал туда, где она укрылась для дальнейших размышлений.

— Ну что тебе, Сигсби? — утомленно спросила миссис Уоддингтон.

— А-а, вот ты где! — заметил Сигсби.

— Тебе что-то нужно?

— И да, и нет.

Миссис Уоддингтон с раздражением отметила, как грубейшая ошибка ее жизни елозит ногами по паркету, будто разучивая новый танец.

— Да стой ты смирно! — прикрикнула она.

— Не могу! Я нервничаю.

Миссис Уоддингтон прижала руку к пульсирующему виску.

— Тогда сядь!

— Попробую, — с сомнением отозвался Сигсби и опустился было на стул, но тут же и вскочил, словно бы сиденье наподдало его электрическим током. — Нет, не могу! Я просто извелся!

— Да что с тобой, Господи?

— Я должен тебе кое-что сказать и не знаю, как начать.

— Что же?

— Вообще-то и говорить-то ничего не хотел бы, — откровенно признался Сигсби. — Но обещал Молли. Она только что вернулась.

— Ну и что?

— Я в библиотеке сидел. Она разыскала меня там и сказала…

— Будь так добр, Сигсби, держись, пожалуйста, ближе к сути.

— Я обещал ей, что сообщу тебе исподволь, не сразу…

— *Что* сообщишь? С ума сойти можно!

— Помнишь того парня с Запада, ну, Пинча? Он еще заскочил к нам позавчера? Замечательный, веселый такой…

— Вряд ли я забуду этого субъекта. Я отдала строжайший приказ — никогда не пускать его в дом.

— Так вот, этот замечательный молодой человек…

— Меня нисколечко не интересует мистер Финч. По-моему, его зовут именно так.

— А я думаю, Пинч…

— Финч. Да какое вообще это имеет значение?!

— А такое, что Молли хочет носить эту самую фамилию. Понимаешь, она пришла и объявила, что они с Винчем обручились и скоро поженятся.

2

Выговорив эти слова, Сигсби выпучил глаза на жену с зачарованным ужасом человека, который, просверлив дырку в дамбе, наблюдает, как потихоньку сочится вода, зная, что поправить уже ничего невозможно. У

него с самого начала брезжило подозрение, что новость поразит ее, и теперь догадка подтверждалась прямо на глазах. Ничто не могло подвигнуть женщину такого сложения «выпрыгнуть из кресла», но она стала медленно приподниматься, словно воздушный шар, наполовину наполненный газом, и лицо ее так исказилось, а глаза так выпучились, что любой компетентный медик с азартной искоркой поставил бы семь против четырех, что у нее через несколько минут будет апоплексический удар.

Но каким-то чудом беды — если это можно назвать бедой — не произошло. На какое-то время страдалице отказали голосовые связки, слов не получалось, она только квакала. Потом, гигантским усилием воли овладев собой, она выговорила:

— Что — ты — сказал?

— Ты слышала, — угрюмо буркнул Сигсби X., ломая пальцы и желая оказаться сейчас в штате Юта, где он бы занялся угоном скота.

— Я правильно поняла? — Миссис Уоддингтон облизала губы. — Ты сказал, что Молли помолвлена с этим Финчем?

— Да. И, — быстро прибавил Сигсби, давая бой в первом окопе, — не вздумай взваливать вину на меня! Я тут — ни при чем!

— Ты привел его в дом!

— Д-да… — Это слабое звено в обороне Сигсби проглядел. — Ну, я…

На миссис Уоддингтон снизошло призрачное спокойствие, вроде того, что подергивает поверхность расплавленной лавы за миг до извержения.

— Вызови Ферриса! — приказала она. Сигсби позвонил.

— Феррис, — распорядилась миссис Уоддингтон, — попроси мисс Молли прийти сюда.

— Слушаюсь, мадам.

В промежутке, протекшем между уходом дворецкого и приходом заблудшей дочери, беседа была не настолько блестящей, чтобы поведать о ней. Сигсби промямлил «э…», на что миссис Уоддингтон прикрикнула: «Умолкни!» — вот и все. Когда Молли вошла, мачеха смотрела прямо перед собой, грудь ее тихонько вздымалась и опадала, а Сигсби X. только что успешно расколотил фарфоровую статуэтку, которой, сняв ее с ближайшего столика, пытался пожонглировать на кончике ножа для резания бумаги.

— Феррис сказал, вы зовете меня, мама, — сказала Молли, радостно впорхнув в комнату и глядя на родителей сияющими глазами. Щеки у нее прелестно раскраснелись, и ее окружало такое сияние невинной, девичьей веселости, что миссис Уоддингтон с превеликим трудом сдержалась, чтоб не швырнуть в нее бюстом Эдгара По.

— Да, я тебя звала, — подтвердила страдалица. — Пожалуйста, объясни мне, что это за чушь про тебя и… — она поперхнулась, — мистера Финча.

— И скажи наконец, — вставил Сигсби, — кто он все-таки? Финч или Пинч?

— Конечно Финч.

— Ах ты!.. Никудышная у меня память, — посетовал Сигсби. — Помню, учился в колледже с таким Фолансби, и представьте себе, ну никак не мог выкинуть из головы, что его фамилия Фергюссон! Я…

— Сигсби!

— Да?

— Умолкни! — Миссис Уоддингтон снова обратила все внимание на Молли. — Твой отец говорит, ты рассказала ему какую-то чушь, будто ты…

— Помолвлена с Джорджем? — подхватила Молли. — Ну да! Это истинная правда! Помолвлена. По совершенно необыкновенной случайности мы встретились сегодня днем в Центральном парке, у зоологического сада…

— Все собираюсь туда сходить, — снова вставил Сигсби, — но так ни разу и не выбрался.

— Сигсби!

— Да ладно, ладно. Я ведь только говорил…

— Мы оба ужасно удивились, — продолжала Молли. — Я сказала: «Подумать только, и вы здесь!». А он отвечает…

— У меня нет ни малейшей охоты узнать, что ответил Финч.

— В общем, погуляли мы немножко, посмотрели на зверей — и вдруг, у клетки сибирского яка, он попросил меня выйти за него замуж.

— Ну уж нет! — с неожиданной твердостью воскликнул Сигсби, решивший хоть раз в жизни настоять на своем. — Замуж ты выйдешь в церкви святого Фомы, как приличная девушка!

— Да нет! У клетки он сделал мне предложение.

— А-а, понятно! — облегченно вздохнул Сигсби. Мечтательное выражение затуманило глаза Молли. Ее губки сложились в нежную улыбку, как будто она вновь переживала тот чудесный в жизни любой девушки миг, когда мужчина, которого она любит, позвал ее отправиться с ним в рай.

— Вы бы видели его уши! — хихикнула она. — Они стали — ну абсолютно малиновыми!

— Не может быть! — тоже хихикнул Сигсби.

— Прямо алыми! А когда он попытался говорить, то только булькал.

— Вот бедняга! Поистине недотепа… Молли, сверкая глазами, набросилась на отца:

— Как ты смеешь обзывать моего Джорджа недотепой?

— А как ты смеешь называть этого недотепу своим Джорджем? — парировала миссис Уоддингтон.

— Потому что он и есть мой Джордж! Настоящий ягненочек! Я его люблю! И выйду за него замуж.

— Ничего подобного! — Миссис Уоддингтон трясло от ярости. — Ты что, воображаешь, я позволю тебе губить жизнь? Он — жалкий охотник за приданым.

— Нет!

— Он — нищий художник.

— Он страшно умный и сумеет продавать свои картины за большие деньги.

— Ха!

— А кроме того, — вызывающе добавила Молли, — когда я выйду замуж, я получу жемчужное ожерелье, отцовский подарок маме. Я продам его, и этих денег нам хватит на долгие годы.

Миссис Уоддингтон готова была возразить — и без сомнения, возражение это было бы весьма метким, как любое, слетавшее с уст этой дамы, но ее перебил страдальческий стон.

— Ну что еще, Сигсби? — раздосадовано спросила она. Судя по всему, он сражался с бурным волнением, таращась на дочку выпученными глазами.

— Ты сказала… Ты хочешь продать ожерелье? — заикаясь, пролепетал он.

— Ах, да успокойся ты, Сигсби! — оборвала миссис Уоддингтон. — Какое это имеет значение? При чем тут жемчуг? Эта заблудшая девушка намеревается броситься в объятия убогого мазилы, бренчащего на гавайской гитаре…

— На гитаре он не играет, он мне говорил…

— …когда могла бы выйти замуж за превосходнейшего человека, с прекрасным старинным титулом, который…

Миссис Уоддингтон запнулась. В памяти ее всплыла сцена у мадам Юлали.

Молли живо воспользовалась заминкой и ринулась в контратаку.

— За лорда Ханстэнтона я не выйду! Даже если бы на свете не было других мужчин…

— Знаешь, солнышко, — тихо проговорил Сигсби, — лично я на твоем месте ожерелье продавать не стал бы.

— Ну что ты, непременно продам! Когда мы поженимся, нам понадобятся деньги.

— Вы не поженитесь. — опомнилась миссис Уоддингтон. — Любая разумная девушка отвергла бы этого обтрепанного, убогого типа. Да ведь он настолько труслив, что даже не осмелился прийти сюда и объявить мне эту ужасающую новость. Все спихнул на тебя…

— Джордж не смог прийти! Его арестовали.

— Ха-ха! — торжествующе воскликнула миссис Уоддингтон. — И за такого субъекта ты собираешься выйти замуж! Арестант! Хулиган!

— Нет, тут дело в том, что он очень добрый, — возразила Молли. — Он был очень счастлив, что мы обручились, и стал раздавать прохожим доллары. Это было на углу 59-й стрит и Пятой авеню. Через две минуты собралась толпа до Мэдисон-сквер и образовалась пробка. Транспорт встал на несколько миль, вызвали полицейских, Джорджа увезли на патрульной машине, а я позвонила Хамилтону Бимишу, чтобы он его выкупил под залог и привел сюда. Так что с минуты на минуту они приедут.

— Мистер Хамилтон Бимиш и мистер Джордж Финч! — объявил от дверей Феррис. По выразительной интонации, с какой он произнес эти имена, любой смышленый слушатель сразу смекнул бы, что Хамилтон Бимиш — почетный гость, а объявить о Джордже его просто вынудили, мистер Бимиш приказал, сокрушив его сквозь очки ледяным взглядом.

— Вот и мы! — сердечно сообщил тот. — Как раз вовремя, чтобы поучаствовать в оживленной семейной дискуссии.

Миссис Уоддингтон уничтожающе взглянула на Джорджа, который пытался укрыться за столиком с откидной крышкой, осознавая, что вид у него непрезентабельный. Ничто так не отражается на внешности, как арест и путь в тюремную клетку с отрядом нью-йоркской полиции. Воротничок болтался, на жилетке не хватало трех пуговиц, а правый глаз приобрел неприятный оттенок — благородный полицейский, остро уязвленный тем, что Джордж разбрасывает доллары, и уж совсем распалившийся из-за того, что разбросал он все без остатка, от всей души врезал ему, когда они ехали в патрульном фургоне.

— Никакой дискуссии нет, — сказала миссис Уоддингтон. — Вы же не предполагаете всерьез, что я разрешу своей дочери выйти замуж за такого человека?

— Ну-ну-ну! — пропел Хамилтон. — Сейчас он, разумеется, не в лучшем виде, но умоем, почистим — и вы его не узнаете! Какие у вас

возражения против Джорджа?

Миссис Уоддингтон растерялась. Хоть кого спроси так вот, врасплох, — а почему ему не нравится слизняк, змея или черный таракан, и тот затруднится с ходу разложить по полочкам свои предубеждения. Антипатию к Джорджу она считала вполне естественной, само собой разумеющейся. В сущности, она возражала против Джорджа, потому что он — Джордж. Ее оскорбляла его сущность как таковая. Но видя, что от нее ожидают аналитического подхода, она напрягла мыслительные способности.

— Он… художник.

— Микеланджело тоже был художником.

— А это еще кто?

— Очень знаменитый, даже великий человек. Миссис Уоддингтон вздернула брови.

— Я абсолютно отказываюсь вас понимать, мистер Бимиш. Мы обсуждаем этого молодого человека с синяком под глазом и с грязным воротничком, а вы уводите разговор в сторону, на какого-то мистера Анджела?

— Я просто хочу напомнить, — холодно отвечал Хамилтон, — что звание художника не всегда порочит человека.

— А я не хотела бы, — еще холоднее парировала миссис Уоддингтон, — говорить на подобные темы.

— К тому же и художник-то он — препаршивый.

— Ну, в этом я не сомневаюсь!

— Понимаете, — поправился Бимиш, чуть покраснев из-за того, что допустил вульгаризм, — рисует он так плохо, что его едва ли можно назвать художником.

— Вот как? — воскликнул Джордж, в первый раз подав голос.

— А я уверена, что Джордж — один из лучших художников! — вскричала Молли.

— Нет! — прогремел Хамилтон. — Он — любитель! И весьма слабенький!

— Вот именно! — подхватила миссис Уоддингтон. — А значит, надежды сделать деньги у него нет.

Глаза за стеклами очков засверкали.

— Это ваше главное возражение?

— Что именно?

— То, что у Джорджа нет денег.

— Да у меня… — вмешался было Джордж.

— Умолкни! — оборвал друга Хамилтон. — Я спрашиваю вас, миссис Уоддингтон, дали бы вы согласие на брак, если бы мой друг Джордж Финч был богатым?

— Пустая трата времени! К чему обсуждать такую…

— Так дали бы?

— Хм, возможно…

— Тогда позвольте сообщить вам, — торжествующе проговорил Хамилтон, — что Джордж Финч весьма и весьма богат! Его дядя Томас, все состояние которого он унаследовал два года назад, был главой широко известной юридической корпорации «Финч, Финч, Финч, Баттерфилд и Финч». Джордж, дружище, позволь тебя поздравить. Все уладилось! Миссис Уоддингтон сняла свои возражения.

Миссис Уоддингтон фыркнула, но то было фырканье женщины, разбитой наголову превосходящим интеллектом.

— Но…

— Нет! — поднял руку Хамилтон. — Можно ли отступить от своих же слов? Вы недвусмысленно заявили, что, если бы у Джорджа были деньги, вы дали бы согласие на брак.

— Не пойму, что за суета, — вмешалась Молли. — Я все равно выйду за Джорджа замуж, кто бы что ни говорил!

Миссис Уоддингтон капитулировала.

— Отлично! Как вижу, я тут — никто. И слова мои неважны.

— Мама! — укоряюще воскликнул Джордж.

— Мама?! — ошеломленно вздрогнув, отозвалась миссис Уоддингтон.

— Теперь, когда все счастливо разрешилось, я, конечно, смотрю на вас, как на мать.

— О, вот как?

— Да, конечно.

Миссис Уоддингтон неприятно фыркнула.

— Меня силой вынудили согласиться на брак, который я решительно не одобряю. Но позвольте и мне вставить словечко. Лично у меня есть предчувствие, что свадьба не состоится.

— О чем это вы? — встрепенулась Молли. — Конечно, состоится! А как иначе?

Миссис Уоддингтон опять фыркнула.

— Мистер Финч — художник, пусть и очень слабый. Он долгое время жил в самом сердце Гринвич-виллидж и ежедневно якшался с публикой весьма сомнительной нравственности…

— На что это вы намекаете? — перебила Молли.

— Я и не думаю намекать, — с достоинством возразила миссис Уоддингтон. — Я говорю все напрямик. Не являйся *ко мне* за сочувствием, когда выяснится, что нравственность у этого твоего Финча такая, какую и следует ожидать у человека, сознательно, по собственной воле поселившегося на Вашингтон-сквер. Повторяю, у меня есть предчувствие — браку этому не бывать. Такое же предчувствие было у меня насчет моей золовки и одного субъекта по имени Джон Портер. Я сказала тогда: «Ох, не бывать этой свадьбе!» — и была права. В тот самый момент, когда Портер входил в церковь, его арестовали по обвинению в многоженстве!

— Я не женат! — вскрикнул Джордж.

— Это вы так говорите.

— Уверяю вас! Когда дело касается женщин, я одну от другой не отличаю.

— Именно так говорил и Портер, когда его спросили, почему он женился на шести разных девушках.

— Ну что же, — взглянул на часы Хамилтон, — теперь, когда все благополучно улажено…

— Вы так думаете? — не утерпела миссис Уоддингтон.

— …когда все благополучно улажено, — повторил Хамилтон, — я оставляю вас. Мне еще надо зайти домой и переодеться. Надо сегодня вечером выступить на обеде Литературного общества.

Тишину, воцарившуюся после его ухода, нарушил Сигсби.

— Молли, дорогая моя, — начал он, — насчет этого ожерелья… Теперь, когда выяснилось, что твой Уинч очень богат, ты ведь не захочешь продавать его?

Молли чуть сдвинула бровки.

— Нет, наверное, все-таки продам. Мне оно никогда особенно не нравилось. Слишком уж роскошное. Продам и накуплю подарков для Джорджа. Бриллиантовых булавок для галстука… или часы… или машину. В общем, что-нибудь. И каждый раз, взглянув на них, мы будем, дорогой папочка, вспоминать тебя.

— Спасибо, — хрипло просипел Уоддингтон. — Спасибо.

— Редко, — заметила миссис Уоддингтон, выходя из комы, в которую было погрузилась, — редко меня одолевало такое сильное предчувствие.

— О, мама! — воскликнул Джордж.

Хамилтон, беря шляпу в холле, почувствовал, как кто-то дергает его за рукав. Опустив глаза, он увидел Сигсби.

— Ух, ух! — приглушенно стонал Сигсби. — Э… А…

— Что-то случилось?

— Да уж, можете спокойно прозакладывать свои роговые очки! — жарко прошептал Сигсби. — Нам нужно поговорить. Мне нужен совет!

— Я тороплюсь.

— Сколько у вас времени осталось до этого обеда?

— Обед, о котором вы говорите, начинается в восемь часов. Поеду я туда на машине, из дома выйду в двадцать минут восьмого.

— Ага, значит, сегодня нам никак не встретиться… Тэк, тэк-с! А завтра вы дома будете?

— Да.

— Договорились! — воскликнул Сигсби.

ГЛАВА VI

1

— Тэк, тэк-с! — воскликнул Сигсби.

— Продолжайте, — сказал Хамилтон.

— Тэк, тэк-с!

— Я вас слушаю.

— Тэк, тэк-с! — не унимался Сигсби.

Хамилтон нетерпеливо покосился на часы. Даже на обычном уровне слабоумия Сигсби иной раз терзал его критический ум, а сейчас тот вроде бы достиг невиданных глубин.

— Я могу уделить вам семь минут, — сказал Хамилтон, — после чего буду вынужден уйти. Я выступаю у Молодых Американских Писательниц. Вы пришли ко мне, чтобы что-то сообщить. Пожалуйста, приступайте.

— Тэк, тэк-с!

Хамилтон сурово поджал губы. Даже от попугаев он слышал монологи поумнее. На него напало странное желание — огреть этого человека обрезком свинцовой трубы.

— Тэк, тэк-с! Вляпался я по самую маковку.

— То есть попали в неловкое положение?

— Именно.

— Изложите суть дела. — Хамилтон снова взглянул на часы. Быстро и нервно Уоддингтон покосился через плечо.

— Дела? Хорошо. Вы слышали, Молли вчера сказала, что хочет продать жемчужное ожерелье?

— Да, слышал.

— Так вот. — Уоддингтон понизил голос и вновь опасливо оглянулся. — Это не жемчуг.

— А что же это?

— Фальшивка!

— То есть, — поморщился Хамилтон, — имитация?

— Она самая. Что мне теперь делать?

— Все проще простого. Возбудите иск против ювелира, который продал вам жемчуг за подлинный.

— Когда он продавал, жемчуг и был подлинный! Никак вы не

поймете!

— Да, я не понимаю Сигсби облизал губы.

— Слыхали о кинокомпании «Самые лучшие фильмы»? В Голливуде, штат Калифорния?

— Будьте любезны, не отклоняйтесь. Мое время ограниченно.

— Но в том-то и суть! Некоторое время назад один тип сказал мне, что компания эта станет — ого-го!

— Какой она станет?

— Ого-го. Он уверял, что она разрастется, и посоветовал, пока не поздно, воткнуться туда. Такой шанс, говорит, выпадает раз в жизни.

— Ну и что?

— Ну и… Денег-то у меня не было, а шанса упускать не хотелось. Я, значит, сел и принялся думать. Думал я, думал, и вдруг будто кто шепнул мне: «А что? У тебя есть жемчужное ожерелье. Вот оно, бери. Лежит себе, кушать не просит». Мне и деньги-то требовались всего на несколько недель, пока компания не станет приносить прибыль… В общем, взял я ожерелье, вставил туда фальшивые камни, настоящие продал и купил акции. И вот он я, весь в сливках-наливках.

— В чем, простите?

— В сливках-наливках. Так мне показалось.

— А почему вы переменили мнение?

— Понимаете, встретил я тут человечка одного на днях, и он сказал, акции эти гроша ломаного не стоят. Вот они, у меня, с собой. Взгляните.

Хамилтон с отвращением перебрал бумаги.

— Человек этот был прав, — изрек он. — Когда вы впервые упомянули эту компанию, она показалась мне знакомой. Теперь я вспомнил, почему. Генриетта Бинг Мастерсон, президент Литературного общества, говорила про нее вчера. Она тоже купила эти акции и очень сокрушалась. Самое большое, на что они тянут, — десять долларов.

— Да я отдал за них пятьдесят тысяч!

— Значит, ваши бухгалтерские книги покажут убыток в сорок девять тысяч девятьсот девяносто долларов. Сочувствую.

— Что же мне делать?

— Спишите убыток как расходы на приобретение опыта.

— Черт раздери! Как же вы не понимаете! Что будет, когда Молли попытается продать это ожерелье?

Хамилтон покачал головой. Большинство бытовых проблем он щелкал как орешки, но эта, честно признаться, была ему не по зубам.

— Жена меня убьет.

— Очень сочувствую.

— Я думал, вы что-нибудь присоветуете!

— Боюсь, ничего не могу придумать. Разве что выкрасть ожерелье да швырнуть в Гудзон.

— А такой умный человек! — укоризненно сказал Уоддингтон.

— Из такого тупика человеческий мозг выхода найти не может. Остается выжидать, как станут развиваться события, и довериться времени, великому целителю.

— Да, помощи от вас…

Хамилтон пожал плечами. Сигсби Х. Уоддингтон злобно рассматривал акции.

— Если бумаги ничего не стоят, зачем понаставили все эти знаки на обороте? Дурачат людей! А печати! Взгляните только на печати! И все эти подписи!

— Сочувствую, — повторил Хамилтон и, подойдя к окну, вдохнул летний воздух. — Какой славный денек!

— Да уж, славный! — буркнул Уоддингтон.

— Вам, случайно, не знакома некая мадам Юлали? Она хиромантка, — мечтательно поинтересовался Хамилтон.

— Какие еще хироманты! Что мне с акциями делать?

— Я уже сказал, ничего тут не поделаешь. Разве только выкрасть ожерелье.

— Должен же быть выход! Как бы вы поступили на моем месте?

— Сбежал бы в Европу.

— Какая Европа? У меня даже на билет денег нет.

— Так застрелитесь… бросьтесь под поезд… Ну что угодно, — нетерпеливо бросил Хамилтон. — А мне пора. До свидания.

— Что ж, до свидания. Огромное спасибо за помощь.

— Пожалуйста. Не за что. Всегда рад помочь.

И, кинув последний взгляд на фото, стоявшее на каминной полке, Хамилтон ушел. До Уоддингтона донеслась старинная французская песенка — Хамилтон ждал лифта, — и мелодия только усилила его мрачное настроение.

— Индюк надутый! — угрюмо проворчал страдалец. Свалившись в кресло, он отдался печальным раздумьям.

Некоторое время он думал о том, до чего же противный тип этот Хамилтон Бимиш. Расхаживает себе с умным видом, а стоит обратиться к нему с детской проблемкой, которую полагалось бы раскусить за пять минут, выложив с десяток решений на выбор, так он, видите ли,

сочувствует да советует застрелиться или броситься под поезд. Старайся ни старайся, но как сохранить оптимизм в мире, где обретают такие вот Бимиши?

— А это его идиотское предложение — выкрасть ожерелье?! Как это, интересно…

Сигсби вдруг подобрался. В глазах у него загорелся живой блеск. Он фыркнул. А такое ли оно идиотское?

Сигсби бросил взгляд в будущее. Фальшивые жемчуга лежат в банковском сейфе. Но если Молли и вправду выйдет замуж за молодого Пинча, их, конечно, заберут оттуда и выставят на обозрение среди других свадебных подарков. Так что очень скоро, как говорится, наступит лучшая пора, когда человек решительный, с проворными пальцами, смог бы…

Он опять обмяк, глаза у него потускнели. Философы уверяют нас, что ни один человек по-настоящему не познал себя; но Сигсби познал себя достаточно, чтобы понять, что у него и в помине нет хладнокровия, необходимого для такого поступка. Кража ожерелий — не для любителя. Заняться кражами в зрелом возрасте, без предварительной тренировки — немыслимо. Чтобы добиться успеха, нужно готовиться тщательно, упорно, с раннего детства. Начать с бутылок молока или чемоданов на вокзале и потихоньку прокладывать путь к вершинам. Короче, для столь тонкой операции требуется зрелый профессионал. И тут, с горечью понял Сигсби, встает проблема, крайне осложняющая жизнь, прямо скажем — трагическая: как раздобыть специалиста, когда он вам позарез нужен? Все эти книжки, вроде справочника по профессиям, не включают самых важных специалистов, которые помогают в кризисных ситуациях. Там есть нарезчики стекол — кому они нужны, даже если их и отыщешь? Есть производители пивных дрожжей или лоскутных одеял, а человеку позарез требуется производитель отмычек и специалист по краже фальшивых жемчугов!

Уоддингтон застонал в полнейшем отчаянии. Да, странно устроена жизнь! Изо дня в день газеты вопят о преступности; изо дня в день тысячи удачливых мошенников удирают на машинах с тюками награбленного. И вот на тебе! Ему позарез нужен один-разъединственный преступник, а он знать не знает, где же его отыскать.

В дверь несмело постучали.

— Войдите! — раздраженно крикнул Уоддингтон.

И, подняв глаза, увидел долговязого полисмена, топчущегося на пороге.

2

— Извините, сэр, если побеспокоил, — полисмен попятился. — Я к мистеру Бимишу зашел. Конечно, надо было сначала договориться…

— Эй! Эй! Куда же вы?

Полисмен нерешительно застрял у дверей.

— Так если мистера Бимиша нет…

— Проходите, поболтаем. Присаживайтесь, дайте роздых ногам. Разрешите представиться. Уоддингтон.

— А я — Гарроуэй, — любезно ответил офицер.

— Приятно познакомиться.

— И я, сэр, очень рад.

— Сигару не хотите?

— Спасибо, с удовольствием.

— Интересно, где же он их держит? — Поднялся, осматривая комнату, Сигсби. — А, вот они. Спичку?

— Благодарю. Спички у меня есть.

— Отлично.

Сигсби Уоддингтон снова уселся и ласково оглядел нового знакомца. Всего секунду назад он скорбел о том, что не ведает, где ему раздобыть мошенника; и что же? Посланцем небес явился, можно сказать, ходячий справочник по этой части.

— Люблю полисменов, — дружелюбно заметил Уоддингтон.

— Очень приятно слышать, сэр.

— И всегда любил. Что доказывает, какой я честный, ха-ха! Будь я мошенником, напугался бы, наверное, до смерти. Не стал бы сидеть да разговаривать с вами. — Уоддингтон пыхнул сигарой. — Наверное, много преступников встречаете? Э?

— К несчастью, да, — вздохнув, согласился Гарроуэй. — Буквально на каждом шагу. Только вчера вечером, сижу себе, подыскиваю важное прилагательное, а меня срочно вызывают — надо арестовать какую-то сомнительную личность, изготавливающую самогон. Она, то есть он ударил меня по подбородку, и все мое вдохновение улетучилось.

— Да, плачевный случай, — посочувствовал Уоддингтон. — Но я-то говорю о настоящих преступниках, которые пробираются в дома и крадут жемчужные ожерелья. Таких вам доводилось встречать?

— Сколько хочешь! Выполняя свой долг, полисмен вынужден, помимо собственной воли, якшаться с сомнительными личностями. Может,

моя профессия оказала влияние, но у меня острая неприязнь к ворам.

— Однако, не было бы воров, не было бы и полисменов!

— И то правда, сэр.

— Спрос и предложение.

— Да, именно.

— Меня, — Уоддингтон выпустил облако дыма, — интересуют преступники. Хотелось бы познакомиться с экземпляром-другим.

— Заверяю вас, знакомство не покажется вам приятным, — покачал головой офицер. — Пренеприятные, невежественные личности, абсолютно не желающие развивать свою душу. Исключение я делаю, однако, для Муллета. Вот он человек как будто неплохой. С таким хотелось бы встречаться почаще.

— Муллет? А кто это?

— Бывший заключенный, сэр. Работает у мистера Финча в квартире наверху.

— Не может быть! Бывший заключенный и работает у мистера Финча? На чем же он специализировался?

— Кражи в домах, сэр. Насколько я понимаю, теперь он перевоспитался и стал достойным членом общества.

— Но был все-таки грабителем?

— Да, сэр.

— Тэк, тэк-с!

Наступило молчание. Офицер Гарроуэй, старавшийся подобрать подходящий синоним (он слагал стихи), рассеянно уставился в потолок. Уоддингтон энергично жевал сигару.

— Тэк, тэк-с! — повторил он. — Сэр! Полисмен вздрогнул и очнулся.

— Предположим, — начал Уоддингтон, — предположим, ну так, для разговора, что какой-нибудь безнравственный человек пожелал бы, чтобы преступник выполнил для него гнусную работенку. Что ж, ему платить придется?

— Несомненно, сэр. Эти люди крайне корыстны.

— А сколько?

— Думаю, сотню-другую долларов. Зависит от объема предполагаемого преступления.

— Сотню-другую?

— Да. Долларов двести, а то и триста.

Снова наступило молчание. Офицер Гарроуэй возобновил обзор потолка. Ему требовалось слово, характеризующее улицы Нью-Йорка. «Мерзкие» и «гнусные» он уже использовал во второй строфе… О!

«Бесстыжие» — вот оно, в самую точку! Он обкатывал словечко на языке, когда до него вдруг дошло, что новый знакомый вновь обращается к нему.

Глаза Уоддингтона блестели особым блеском. Подавшись вперед, он постукал Гарроуэя по колонке.

— Тэк, тэк-с! Мне нравится ваше лицо, любезный Ларраби.

— Простите, я — Гарроуэй.

— Неважно. Мне нравится ваше лицо. Тэк, тэк-с! А не хотите ли вы огрести кучу денег?

— Хочу, сэр.

— Ну что же, могу сказать вам, вы мне сразу пришлись по вкусу! Я сделаю для вас то, что сделал бы не для многих. Слыхали про компанию «Самые лучшие фильмы», в Голливуде, штат Калифорния?

— Нет, сэр.

— Поразительно! — чуть не ликуя, воскликнул Уоддингтон. — Ну никто про нее не слыхал! Да, это не из тех затрепанных названий, которые у всех уже в зубах навязли. Компания новехонькая. И знаете, что я сейчас сделаю? Продам вам пакет акций, буквально по номиналу. Было бы оскорбительно для вас, отдай я вам их даром. Но я и так, считай, даром отдаю. Вот этот пакет акций стоит тысячи и тысячи долларов, а вы получите его всего за триста. У вас есть триста долларов? — обеспокоенно осведомился Уоддингтон.

— Да, сэр. Такая сумма у меня найдется, но… Уоддингтон помахал сигарой.

— Никаких «но»! Знаю, что вы пытаетесь сказать! Что я граблю самого себя. Да, граблю, ну так что с того? Что такое для меня деньги? Я думаю так: когда человек уже нажил себе состояние, когда ему хватает на семью, самое малое, что он может сделать как истинный гуманист, — отдать лишнее людям. Вы, наверное, нуждаетесь в деньгах, как и прочие?

— Разумеется, сэр.

— Так вот вам! — И Уоддингтон помахал пачкой акций. — Вот на этом вы и сделаете деньги! Можете мне поверить — после изобретения Маркони кинокомпания — самое выгодное дельце!

Офицер Гарроуэй взял акции и задумчиво их перебрал.

— Да, напечатаны красиво…

— А как же! Какие знаки на обороте! А печати! Бросьте-ка взгляд на все эти подписи! Кое-что все это да значит! Что такое кино, вы знаете. Индустрия покрупнее мясной! «Самые лучшие фильмы» — величайшая кинокомпания. Она — не то, что другие! Ну, во-первых, не расходует деньги попусту на дивиденды.

— Нет?
— Что вы, сэр! Не выбрасывает ни цента.
— Все деньги там?
— Да, все там. Более того, она не выпустила ни одного фильма.
— Все там?
— Да, до единого. Лежат себе на полках, полеживают. А возьмем сверхрасходы — то, что разоряет другие компании. Большие студии… дорогие режиссеры… высокооплачиваемые звезды…
— Они все там?
— Нет, сэр. В том-то и соль! Они не там. Эти «Фильмы» не нанимают всяких Гриффитов или Глорий Свенсон, съедающих их капиталы. У компании даже и студии нет…
— Даже студии?
— Нет, сэр. Ничего. Одна компания. Говорю же вам, прибыльное дельце!
Добрые голубые глаза Гарроуэя расширились.
— Такой шанс, сэр, выпадает раз в жизни!
— Раз в десять жизней! — поправил Уоддингтон.
— А ведь так и завоевывают мир, хватаясь за шанс! Что такое Биг Бэн, если разобраться? Простые часы, разглядевшие свой шанс и вцепившиеся в него! — Уоддингтон приостановился. Лоб у него заиграл морщинками. Выхватив пачку акций из рук собеседника, он положил их в карман. — Нет! Не могу! Все-таки не могу их продать!
— Сэр!
— Нет! Слишком большой куш!
— Но, мистер Уоддингтон…
Сигсби Х. Уоддингтон словно очнулся от транса. Встряхнувшись, он уставился на полисмена, будто спрашивая: «Где это я?», — и издал глубокий, скорбный вздох.
— Да, деньги — бесовское искушение, — заметил он. — Как подрывают они все принципы, все добрые намерения! Вот и меня искусила жадность, или, если хотите, алчность. Ведь у меня миллионы в банке — и что же? Я пытаюсь противиться великодушному порыву! Кошмар! — Он выхватил из кармана пачку и перебросил полисмену. — Вот, держите, и скорее, пока я опять не поддался слабости. Быстро, давайте мне триста долларов, и я бегу…
— Не знаю, сэр, как уж и благодарить вас.
— Не надо меня благодарить! Раз, два, три, — пересчитывал купюры Уоддингтон. — Всегда к вашим услугам!

3

А наверху, на кухне у Джорджа, пока велась эта самая беседа, Фредерик Муллет развлекал свою невесту Фанни Уэлч легкими закусками. Трудно выказывать преданность, когда рот у вас набит холодным мясом; трудно — но возможно, Муллет ведь это проделывал. Он смотрел на Фанни приблизительно так же, как Джордж смотрел на Молли, Хамилтон — на мадам Юлали, а миллионы других молодых людей в Нью-Йорке и его окрестностях смотрят или посмотрят на миллионы других молодых девушек. Из-за хлопотной жизни любовь пришла к нему довольно поздно, но когда пришла, то уж навечно.

Внешне Фанни была вполне достойна его чувств — невысокенькая, хорошенькая, с бойкими черными глазками на круглом личике. Обращала на себя внимание изящная лепка ее рук, с длинными чуткими пальцами. Для карманной воровки такие руки — величайшее преимущество.

— А мне здесь нравится, — произнесла она озираясь.

— Правда, кисанька? — нежно спросил Муллет. — Я так и надеялся. Потому что у меня есть для тебя маленький секретик.

— А какой?

— Здесь мы проведем наш медовый месяц.

— Что? На этой кухне?

— Нет, что ты! В нашем распоряжении будет вся квартира, да еще и крыша!

— А что на это скажет мистер Финч?

— Он и знать не будет. Понимаешь, лапочка, мистер Финч и сам помолвлен. Он скоро женится и уедет в свадебное путешествие. Так что вся квартира останется на это время нам. Ну, что скажешь?

— Неплохо…

— Через минуту-другую я тебе ее покажу. Это лучшая такая квартира во всем квартале. Большая красивая гостиная с окнами на крышу. Есть и летняя веранда, можно там спать, когда тепло. И ванная есть, с душем. Квартирка — уютнее не найдешь. Мы будем с тобой, как птички в гнездышке. А когда месяц пройдет, переедем на Лонг-Айленд, купим там утиную ферму и заживем счастливо.

На лице Фанни отразилось сомнение.

— Фредди, а ты можешь представить меня на утиной ферме?

— Тебя? — Глаза его засияли. — Конечно, могу! Ты стоишь в льняном фартучке на старой кирпичной дорожке между розовыми кустами

и смотришь, как Фредерик-младший играет под яблоней.
— Младший — *кто?*
— Фредерик.
— О? А ты заметил, как маленькая Фанни льнет к моей юбке?
— Да, а Уильям Джон лежит в колыбельке на веранде…
— Знаешь, пожалуй, хватит, — сказала Фанни, — что-то наша семья чересчур быстро растет.
Муллет восторженно вздохнул.
— Зато как все спокойно и мирно после той бурной жизни! Утки крякают, пчелы жужат… Положи назад эту ложку, заинька. Ты же знаешь, она не твоя.
Фанни извлекла ложку из потайных складок платья и с некоторым удивлением оглядела ее.
— Не пойму, как она туда попала?
— Ты слямзила ее, дорогая, — ласково подсказал Муллет. — Твои маленькие пальчики на минутку зависли над ней, точно пчелка над цветком, и — р-раз — ложка исчезла. Красиво проделано, но положи обратно. Ты же покончила со всем этим.
— Да-а, наверное… — с сожалением протянула Фанни.
— Нет, не наверное, кроличек, — поправил ее будущий муж, — а точно. Так же, как и я.
— Фредди, а ты правда стал честным?
— Конечно, правда. Честен, как белый день.
— По ночам работаешь, значит? Муллет — человек-моль! Роешься в хозяйской одежде, будто ревнивая жена.
Муллет снисходительно засмеялся.
— Все та же малютка Фанни! Как ты любишь поддразнивать! Да, куколка, я с этим покончил. Навсегда. Не украду и костяной запонки, даже если моя матушка придет и будет на коленях меня умолять. Мне нужны только маленькая женушка и домик в деревне.
— А тебе не кажется, — Фанни капризно сдвинула бровки, — что на утиной ферме слишком спокойно? Какая-то… вялая жизнь, а?
— Вялая? — удивился Муллет.
— Ну, может и нет. Понимаешь, Фредди, что-то мы слишком рано уходим на покой.
Лицо Муллета стало озабоченным.
— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебя еще тянет к старой игре?
— Ну а что, если тянет? — задиристо спросила Фанни. — И тебя ведь тоже, если уж начистоту!

— Ничего подобного! — Озабоченность его сменилась чувством собственного достоинства. — Честное слово, Фанни, меня теперь не соблазнишь. И мне очень хочется, чтобы ты испытывала те же чувства.

— Да я не говорю, что стану связываться с какой-то мелочевкой. Но правда, Фредди, просто преступно уйти в сторонку, если что стоящее подвернется. У нас ведь не так много денег. Кое-что я стащила по мелочам в магазинах, да и ты, наверное, тоже что-то сберег… Но кроме этого — ничего. Так, немножко наличных, сколько удалось сэкономить. Мы должны быть практичными.

— Лапочка, подумай, на какие ужасные неприятности ты рискуешь нарваться!

— Я не боюсь. Если меня сцапают, я приготовила сказочку насчет старенькой бедной мамы…

— У тебя нет матери!

— Нету, конечно. А сказочка есть. Бедная старенькая мама будет та-ак плакать!.. Вот послушай! «Не сдавайте меня в полицию, мистер! Я сделала это только ради матери, моей бедной старушки! Если б у вас долгие месяцы не было работы, и вы помирали с голоду, и вам пришлось бы сидеть и смотреть, как ваша бедная старая мать горбится над лоханью…»

— Не надо, Фанни, пожалуйста! Слушать этого не могу, хотя и знаю, что все — вранье! Я… Эй! Звонят в дверь. Может, натурщица зашла насчет работы. Подожди меня, ладно? Сплавлю ее и мигом вернусь.

4

Однако прошел миг, и второй, и только через несколько минут Фредерик вернулся на кухню, найдя невесту совсем не в том приятном расположении духа, как оставил. Она стояла, скрестив руки, а температура в комнате заметно упала.

— Ну как, хорошенькая? — ледяным тоном поинтересовалась Фанни, не успел Муллет перешагнуть порог.

— Э?

— Ты сказал, что сплавишь натурщицу мигом, а я дожидаюсь тебя уже почти четверть часа. — Фанни сверилась по часам, загадка исчезновения которых с витрины до сих пор оставалась покрыта мраком тайны для процветающей ювелирной фирмы на Пятой авеню.

Муллет стиснул невесту в объятиях, что было трудновато, потому что она отбрыкивалась.

— Совсем и не натурщица! Это джентльмен. С седыми волосами и красным лицом.

— Да? И чего ему понадобилось?

Муллет, и так не худенький, раздулся от глубоких чувств.

— Фанни, он явился соблазнять меня.

— Соблазнять?

— Да, именно. Сначала выяснил, я ли это, а потом предложил мне совершить преступление за триста долларов.

— Правда? А какое?

— Я даже не стал дожидаться, пока он скажет. С ходу отверг его предложение. Вот тебе доказательство, исправился ли я. Легкая, приятная работенка, соблазнял он, уйдет на нее пара минут.

— И ты его отшил?

— Само собой. Решительно и бесповоротно.

— А потом ушел?

— Прямо сюда.

— Так послушай, — стальным голосом сказала Фанни, — время-то не сходится! Говоришь, предложение он тебе сделал после того, как услышал твое имя? Почему же тебе потребовалась четверть часа, чтобы вернуться на кухню? Если желаешь знать, что я думаю, — не краснолицый это мужчина с седыми волосами, а девица с Вашингтон-сквер.

— Фанни!

— Да я ведь тоже кое-что читала. Знаю, что тут творится, в вашем богемном квартале. У всех этих художников, натурщиц и всяких этих…

Муллет подобрался.

— Твои подозрения, Фанни, больно ранят меня. Если дашь себе труд выйти на крышу и заглянуть в окошко гостиной, сама его увидишь. Он дожидается, чтобы я принес ему выпить. Я отсутствовал так долго, потому что ему потребовалось десять минут, чтобы спросить, как меня зовут. Первые десять минут он сидел и что-то лопотал.

— Ладно, веди на крышу.

— Ну, видишь! — минуту спустя воскликнул Муллет. — Веришь мне теперь?

Через балконные двери гостиной был виден человек, вне всяких сомнений, в точности такой, как описывал Муллет. Фанни мгновенно раскаялась.

— Значит, я обидела своего бедненького маленького Фредди?

— Да. И очень.

— Ну прости! Вот!

И она его поцеловала, а он тут же растаял.

— Теперь я должен вернуться и принести ему выпить.

— А мне пора бежать.

— Ой, нет! Погоди! — взмолился Муллет.

— Нет-нет! Пора! Мне еще заглянуть в пару магазинов…

— Фанни!

— Надо же девушке обзаводиться приданым!

— Только, пожалуйста, — тревожно вздохнул Муллет, — будь поосторожнее, лапочка!

Муллет ушел, а Фанни, послав ему воздушный поцелуй изящными пальчиками, вышла на лестницу.

Минут через пять, когда Муллет сидел на кухне, погруженный в золотые мечтания, а Сигсби Х. Уоддингтон потягивал виски с содовой, неожиданный дробный перестук по стеклу двери заставил гостя конвульсивно вздрогнуть, и большая часть виски выплеснулась ему на жилет.

Сигсби вскинул глаза. У балконной двери стояла девушка и, судя по жестам, просила впустить ее в гостиную.

5

Однако дверь он открыл не сразу. Существуют, несомненно, женатые мужчины более низменного сорта, которые только порадовались бы встрече с хорошенькой девушкой, подающей знаки через окно. Но Сигсби был не из них. По натуре и воспитанию он был человеком осмотрительным; а потому какое-то время просто стоял и таращился на Фанни. Только когда взгляд ее стал совсем уж властным и практически загипнотизировал его, он заставил себя отодвинуть щеколду.

— Давно пора! — досадливо бросила Фанни, бесшумно проникая в комнату.

— Что вам нужно?

— С вами потолковать. Что это такое я слыхала, будто вы просите людей совершить преступление?

Совесть Сигсби металась сейчас в такой лихорадке, что слова гостьи оглушили его, будто взрыв динамита. Его бурному воображению тотчас представилось, что девушка, столь близко знакомая с его личными делами, агент секретной службы, а те, как известно, из кожи вон лезут, чтобы омрачить жизнь преступникам-любителям.

— Не понимаю, — хрипло выговорил он.

— Ну прямо! — нетерпеливо бросила Фанни. Девушкой она была деловой и терпеть не могла всяческой канители. — Мне Фредерик Муллет все рассказал. Вам требуется сделать для вас работенку, а он отказался. Что ж, вот вам заместитель. Это я. Если дельце по моей части, я готова!

Уоддингтон все еще опасливо таращился на незнакомку. Теперь он решил, что она расставляет ловушку, чтобы выудить у него признание, а потому не издавал ни звука, только трудно и хрипло дышал.

Однако Фанни, девушка ранимая, истолковала его молчание неправильно. Ей показалось, что он не верит в способности женщин.

— Если это может проделать Фредди, могу и я! — сказала она, и Уоддингтону показалось, что она как-то качнулась, словно марево перед глазами. — Вот, смотрите!

Фанни подняла тонкими пальчиками часы и цепочку.

— Что это? — выдохнул Сигсби.

— А на что похоже?

Уоддингтон прекрасно видел, на что, и ошалело ощупал свой жилет.

— А я не заметил, как вы их вытащили!

— Никто никогда не замечает, как я вытаскиваю! — горделиво ответила Фанни, и то была истинная правда. — А теперь, когда вы видели мою работу, вы мне поверите. Что сумеет Фредди, сумею и я!

Прохладная, целительная волна облегчения накатила на измученную душу Сигсби Х. Уоддингтона. Он понял, что ошибался в посетительнице. Вовсе не детективом она оказалась, а блестящим специалистом, до того ловко вытаскивающим всякую всячину из чужих карманов, что никто и не замечает. Как раз такая девушка ему и требовалась.

— Конечно, сможете! Конечно! Не сомневаюсь, что сможете! — жарко воскликнул он.

— Так что за работа?

— Я хочу, чтобы вы стащили для меня жемчужное ожерелье.

— А где оно?

— В сейфе, в банке.

На живом личике Фанни отразились разочарование и досада.

— Эх, что толку и обсуждать? Я по сейфам не работаю. Я девушка тонкая, благовоспитанная и в жизни не держала в руках оксиацетиленовой паяльной трубки.

— Нет, вы не поняли! — заторопился Уоддингтон. — Когда я говорю, что ожерелье в банке, я имею в виду — *пока что.* Вскоре его оттуда вынут и положат среди других свадебных подарков.

— А-а, вот теперь похоже на дело!

— Конечно, имен упоминать я не могу…

— Да мне и ни к чему.

— Просто скажу, что «А», то есть владелица ожерелья, вскоре выходит замуж за «Б».

— Про это я и сама догадалась. Могу добавить, заполняя пробелы, — они любят друг друга.

— У меня есть основания предполагать, что венчание состоится в Хэмстеде, на Лонг-Айленде, где у мачехи (назовем ее «В») имеется летний домик.

— А почему не в Нью-Йорке?

— Потому что, — не стал скрывать Уоддингтон, — я высказал желание, чтобы венчание состоялось в Нью-Йорке.

— А вы тут при чем?

— А я — «Г». Муж этой «В».

— Ага. Тот субъект, который заполняет резервуар водой за шесть часов пятнадцать минут, тогда как «В» заполняет другой за пять часов сорок пять минут? Приятно познакомиться.

— А теперь я и сам — целиком за венчание в Хэмстеде. В Нью-Йорке труднее ввести вас в дом. А в Хэмстеде высокие стеклянные двери столовой, где выставят на обозрение подарки, выходят прямо на лужайку. Вы сможете спрятаться в саду, карауля удобный момент.

— Проще пареной репы!

— Вот и я так подумал. А значит, сегодня вечером изо всех сил примусь настаивать, чтобы венчание состоялось в Нью-Йорке, и уж тогда оно точно будет в Хэмстеде.

— Как забавно!.. — задумчиво оглядела его Фанни. — Если вы — «Г» и муж «В», а «В» — мачеха, так вы, стало быть, отец «А». Зачем же вам тогда понадобилось воровать ожерелье у дочери?

— Ну-ну-ну! — пылко завел Уоддингтон. — Дельце это деликатное, и прежде всего вам надо усвоить — *никаких вопросов!*

— Да я так, просто девичье любопытство.

— Вот и запрячьте его подальше, завяжите бантиком. Повторяю, дело деликатное, и меньше всего мне нужно, чтобы кто-то разнюхивал мотивы и доискивался причин. Словом, за работу, как и подобает пай-девочке! Раздобудете ожерелье, передадите его мне, пока никто не смотрит, а потом — выкиньте все из своей хорошенькой головки раз и навсегда!

— Как скажете. А теперь, переходя к делу, что мне с этого будет?

— Триста долларов.

— Да ну! Совсем не та сумма!

— Это все, что у меня есть.

Фанни призадумалась. Триста долларов — деньги, конечно, жалкие, но все-таки деньги. Всегда пригодятся на меблировку молодоженам, а работа, как ее описали, совсем простенькая.

— Да ладно! — уступила она.

— Так беретесь?

— Ну!

— Умница! — похвалил Уоддингтон. — Где я смогу вас найти?

— Вот мой адрес.

— Черкну вам записочку. Вы все поняли?

— А то! Я прячусь в кустах, выжидаю, пока никого не будет, а потом проскользну в комнату, стяну ожерелье…

— И передадите его мне!

— Само собой.

— Я буду ждать в саду под окнами и встречу вас, как только вы появитесь. Таким образом, — Уоддингтон устремил на свою юную помощницу спокойный, многозначительный взгляд, — мы избежим всяких фокусов-покусов.

— Каких еще фокусов-покусов? — поинтересовалась Фанни.

— Да так, никаких, — небрежно махнул рукой Уоддингтон. — Фокусов-покусов, и все!

ГЛАВА VII

Каждому известно, что есть много способов измерять время; и с давних пор ученые мужи жарко отстаивают каждый свой. Гиппарх Родосский злорадно усмехался, стоило упомянуть при нем Марина Тирского; а взгляды Ахмеда ибн Абдаллы из Багдада до колик смешили Пурбаха и Региомонтана. Пурбах, в обычной своей грубовато-добродушной манере, говорил, что человек этот, видимо, настоящий осел, а когда Региомонтан, чьим девизом было «Живи и другим не мешай», убеждал, что Ахмед просто молод и честолюбив, а потому не следует судить его слишком сурово, Пурбах спросил: «Да-а?» — и Региомонтан отвечал: «Да, да» — на что Пурбах воскликнул, что от Региомонтана его просто тошнит. Так случилась их первая ссора.

Тихо Браге мерил время широтами, квадрантами, азимутами, крестовинами, армиллярными сферами и параллактическими линейками и частенько говаривал жене, выводя азимут и выставляя кошку на ночь: «Самое верное дело!». А потом, в 1863 году, явился Доллен с его «Die Zeitbesttimmung vermittelt des tragbaren Durchgangsinstrument im Verticale des Polarstens» (ставший бестселлером в свое время, а впоследствии экранизированный под названием «Грехи в багровых тонах») и доказал, что Тихо, перепутав как-то вечерком, после бурного ужина в Копенгагенском университете, амиллярную сферу с квадрантом, все свои исчисления вывел неправильно.

Истина же в том, что время измерить невозможно. Для Джорджа Финча, наслаждавшегося обществом Молли, следующие три недели мелькнули, как одно мгновение; а для Хамилтона Бимиша, чья любимая девушка укатила в Ист Гилиэд, штат Айдахо, представлялось невероятным, что хоть один разумный человек может предположить, будто в сутках всего двадцать четыре часа. Случались моменты, когда Хамилтону чудилось, будто с луной что-то стряслось и время застыло на одной точке.

Но вот наконец три недели миновали, и в любую минуту Хамилтон мог услышать, что Юлали вернулась в мегаполис. Весь день напролет он расхаживал со счастливой улыбкой на лице, и сердце у него колотилось и пело от избытка чувств, когда он вышел встретить Гарроуэя, который только что появился в его квартире.

— А, Гарроуэй! — воскликнул Хамилтон. — Ну, как дела? Что привело вас ко мне?

— Как я понял, сэр, — ответил полисмен, — вы просили принести вам мои стихи, когда я их закончу.

— Ах да, конечно, конечно! Запамятовал. С памятью у меня что-то последнее время. Итак, вы написали первые свои стихи, а? Про любовь, молодость и весну, наверное…

Их перебил телефонный звонок.

— Простите. — Хотя аппарат разочаровывал его последние дни раз за разом, Хамилтон все-таки возбужденно подскочил и сорвал трубку.

— Алло?

— Алло-о?

На этот раз разочарования не последовало. Голосок был тот самый, так часто звучащий в его мечтаниях.

— Мистер Бимиш? То есть — Джимми?

Хамилтон глубоко вздохнул и до того обрадовался, что в первый раз с тех пор, как он достиг совершеннолетия, сделал вдох через рот.

— Наконец-то! — закричал он.

— Что вы сказали?

— «Наконец-то!» С тех пор, как вы уехали, каждая минута тянулась для меня, будто час.

— И для меня тоже.

— Вы серьезно? — страстно выдохнул Хамилтон.

— Да. В Ист Гилиэде минуты всегда так тянутся.

— А, да-да, — несколько обескураженно пробормотал Бимиш. — А когда вы вернулись?

— Четверть часа назад. Хамилтон воспарил снова.

— И сразу позвонили мне?

— Да. Хотела узнать телефон миссис Уоддингтон в Хэмстеде.

— И это *единственная* причина?

— Конечно, нет. Я хотела узнать, как вы…

— Правда? Правда?

— …и скучали ли обо мне.

— Скучал ли!

— Значит, скучали?

— Конечно! Конечно!

— Как мило с вашей стороны! А я уже подумала, вы о моем существовании и думать забыли.

— У-ух! — в полном расстройстве выкрикнул Бимиш.

— А хотите, я что-то скажу? Я тоже скучала.

Хамилтон сделал еще один глубокий, абсолютно ненаучный вдох и

уже готов был излить всю душу в аппарат, отчего провода наверняка бы расплавились, как вдруг нахальный мужской голос ударил по барабанным перепонкам.

— Эд, это ты?

— Нет! — загремел Хамилтон.

— А это — Чарли. Эд, в пятницу годится?

— Нет! — прогрохотал Хамилтон. — Слезь с провода, болван! Убирайся, чтоб тебя!

— Разумеется, если хотите, — отозвался нежный женский голосок, — но…

— Прошу прощения. Простите, простите и еще раз простите! Какой-то дьявол в образе человеческом затесался в наш разговор, — поспешно объяснил Хамилтон.

— А-а! Так о чем мы говорили?

— Я намеревался…

— А-а, вспомнила. Телефон миссис Уоддингтон. Я как раз просматриваю свою почту и, представьте, наткнулась на приглашение от мисс Уоддингтон на свадьбу. Как я вижу, свадьба завтра! Подумать только!

Хамилтон предпочел бы поговорить о другом, не о пустяках вроде женитьбы Джорджа Финча, но тему сменить оказалось трудно.

— Да. Венчание в Хэмстеде завтра. Джордж живет там в гостинице.

— Значит, тихая деревенская свадьба?

— Да. Наверное, миссис Уоддингтон постарается не афишировать Джорджа.

— Бедняга этот Джордж!

— Я поеду туда поездом в час тридцать. Может быть, поедем вместе?

— Не уверена, что вообще сумею выбраться. Накопилось много дел, меня ведь так долго не было. Давайте пока оставим вопрос открытым.

— Хорошо, — безропотно согласился Хамилтон. — Но в любом случае, вы согласны пообедать со мной завтра вечером?

— С большим удовольствием.

Глаза Хамилтона прикрылись, и он стал переминаться с ноги на ногу.

— Так какой же номер миссис Уоддингтон?

— Хэмстед, 4076.

— Благодарю.

— Пообедаем в «Лиловом цыпленке», хорошо?

— Чудесно.

— Туда всегда можно попасть, если вас там знают.

— А вас знают?

— И очень близко.

— Ну и прекрасно. До свидания.

Несколько минут Хамилтон простоял в глубокой задумчивости, а отвернувшись от аппарата, с удивлением наткнулся взглядом на офицера Гарроуэя.

— А я и забыл про вас совсем. Так, дайте вспомнить, вы сказали, что пришли?…

— Прочитать вам стихи.

— Ах да, конечно. Полисмен застенчиво кашлянул.

— Это, мистер Бимиш, маленькое произведение — так, учебный набросок, можно сказать, об улицах Нью-Йорка. Как они видятся патрульному полисмену. Мне бы хотелось прочитать их, с вашего позволения…

Офицер Гарроуэй перекатил вверх-вниз адамово яблоко и, прикрыв глаза, стал декламировать тем особым голосом, какой приберегал для свидетельских показаний мировому судье.

— Улицы!

— Это заголовок, да?

— Да, сэр. А также — первая строка.

— Это что же, — вздрогнул Хамилтон, — верлибр?

— Сэр?

— Нерифмованные стихи?

— Да, сэр. Как я понял, вы говорили, что рифмы — прием затасканный.

— Неужели я действительно так говорил?

— Действительно, сэр. И знаете, без рифм гораздо удобнее. Сочинять такие стихи очень легко.

Хамилтон недоуменно взглянул на него. Наверное, он и вправду говорил то, что процитировал сейчас его собеседник, и все же: неужели он намеренно пожелал лишить собрата-человека чистой радости срифмовать «любовь» и «вновь»? В нынешнем его настроении поверить этому немыслимо!

— Странно! — пробормотал он. — Весьма странно! Однако продолжайте.

Офицер Гарроуэй опять проглотил что-то крупное и острое и опять прикрыл глаза:

Улицы!

Мрачные, безжалостные, мерзкие улицы!
Мили и мили мучительных улиц
На Восток, на Запад, на Север,
А уж тем более на Юг!
Печальные, унылые, безрадостные
Улицы!

Хамилтон Бимиш вздернул брови.

Я меряю эти скорбные улицы,
Невыносимо страдая.

— Почему? — поинтересовался Хамилтон.

— Это, сэр, входит в мои обязанности. Каждый патрульный прикреплен к определенному району города.

— Нет, я имел в виду — почему вы страдаете?

— Потому что, сэр, сердце истекает кровью.

— Кровью? Это сердце?

— Да, сэр. Я смотрю на всю мерзость, и сердце — ну, истекает.

— Ладно, продолжайте. Мне это кажется весьма странным. Но — продолжайте.

Я вижу, как мимо снуют серые люди,
Кося и виляя взглядом,
Глаза их блестят смертоносной злобой,
Они — прокаженные улиц…

Хамилтон как будто порывался что-то сказать, но сдержался.

Мужчины, которые были мужчинами,
Женщины, бывшие когда-то женщинами,
Дети, сморщенные обезьянки,
И псы, которые скалятся, кусают,
рычат, ненавидят.
Улицы!
Мерзкие, зловонные улицы!

Я шагаю по этим бесстыдным улицам
И смерти взыщу!

Офицер Гарроуэй замолчал и открыл глаза, а Хамилтон, подойдя к нему, энергично похлопал его по плечу.

— Так, понятно! — сказал он. — У вас нелады с печенью. Скажите, случаются у вас боли под ложечкой и в спине?

— Нет, сэр.

— Высокая температура?

— Нет, сэр.

— Значит, гепатита еще нет. Вероятно, легкая атония пищевого тракта. Мой дорогой, вам самому должно быть ясно, что эти стихи совершенно неправильны. Что за абсурд? Разве вы не замечаете, патрулируя улицы, сколько приятных и красивых лиц? На улицах Нью-Йорка полно милейших людей. Я вижу их всюду. Беда в том, что вы смотрите на них желчным взглядом.

— Так вы же сами велели мне быть неистовым и едким, мистер Бимиш.

— Ничего подобного! Видимо, вы неправильно меня поняли! Едкость в поэзии совершенно неуместна. Стихи должны дышать красотой, очарованием, чувством. А тема у них всегда одна — сладчайшее и божественней шее из всех человеческих чувств, Любовь! Только она способна вдохновить истинного барда. Любовь, Гарроуэй, — это огонь, который сверкает и разгорается, пока наконец не воссияет над всеми людьми, над сердцем Вселенной и не осветит весь мир и всю природу щедрыми лучами! Шекспир говорит об экстазе любви, а уж он знал, что делал. Ах, Гарроуэй! Лучше жить в убогой хижине с милой, чем одному — в огромном дворце! В мирное время любовь исторгает звуки из пастушьей свирели, во время войны пришпоривает боевого коня. В чертогах красками сверкает, в селеньях нивы освещает своим немеркнущим огнем. Она везде, где мы вдвоем с подругой нежной пребываем, шалаш убогий станет раем, когда она сияет нам, иль мы, по голубым волнам, плывем, не ведая разлуки… В общем, уясните все это своей тупой головой, и, возможно, тогда вы напишете приличные стихи. Если же вы будете придерживаться таких нелепых взглядов — зараза какая-то, собаки — впустую потратите время. Уж лучше вам сразу взяться за титры к фильмам.

Офицер Гарроуэй был тихим человеком. Он смиренно склонил голову перед бурей.

— Хорошо, мистер Бимиш. Я вас понял.

— Очень надеюсь. Изложил я все достаточно ясно. Что за тенденция у молодых писателей сосредоточиваться на трупах, сточных канавах и отчаянии? Писать надо про любовь. Говорю вам, Гарроуэй, любовь — это второе солнце, которое рождает добродетель, куда ни упадут ее лучи. Она сладка, она ясна, как свет. Ее прекрасный голос не устанет. Она — великий дар, которым Бог благословил лишь только нас, людей. Она — отметьте это особо, Гарроуэй, — не жаркий огнь воображения, который вспыхнет и тотчас угаснет. Не похотью питается она и не живет страстями. Нет, любовь — серебряная цепь, святая связь, соединяющая сердце с сердцем, с душою — душу, человека — с Богом… Вам ясно?

— Да, сэр. Именно, сэр. Теперь мне все совершенно понятно.

— Тогда ступайте, перепишите свои стихи в таком ключе.

— Да, мистер Бимиш. — Полисмен засмеялся. — Только вот еще одно дельце…

— В мире нет дел важнее любви!

— Видите ли, сэр, это насчет фильмов… Вы упомянули о титрах…

— Гарроуэй! Надеюсь, вы не намерены сообщить мне, что после всех моих стараний вы все-таки хотите опуститься до работы в кино?

— Нет, что вы, сэр! Правда, нет! Но несколько дней назад я приобрел по случаю акции кинокомпании и до сих пор, как ни стараюсь, не могу их сбыть. Я подумал, раз уж я тут, спрошу-ка вас, может, вы что про них знаете.

— А что за компания?

— «Самые лучшие фильмы», в Голливуде, штат Калифорния.

— Сколько же акций вы купили?

— На пятьдесят тысяч долларов.

— А заплатили сколько?

— Триста долларов.

— Вас надули. Все эти акции — просто бумага. Кто вам их продал?

— К несчастью, забыл его имя. Такой старикан с красным лицом и седыми волосами. Только бы мне его встретить… — тепло и сердечно добавил Гарроуэй. — Так его отколочу, что на внуках отзовется. Сладкоречивый крокодил!

— Любопытно, — задумчиво произнес Хамилтон, — где-то в глубине памяти что-то такое у меня смутно шевелится, именно в связи с этими акциями. Кто-то консультировался со мной насчет них. Хм… Нет, бесполезно! Никак не вспоминается. Слишком я был занят последнее время, у меня все вылетело из головы. Ну а теперь ступайте, Гарроуэй, и

принимайтесь за стихи.

Полисмен насупился. В его добрых глазах полыхнуло бунтарское зарево.

— Нечего их переделывать! Там все правда!

— Гарроуэй…

— Я написал, что Нью-Йорк плохой город, так ведь он и правда плохой. Тьфу, мерзость! Вот уж поистине зараза! Вползут к тебе в душу, всучат эти собачьи акции… Стихи у меня правильные, и я их исправлять не буду. Вот так-то, сэр!

Хамилтон покачал головой.

— Ничего, Гарроуэй, — сказал он, — Однажды в сердце у вас проснется любовь, и вы поменяете свои взгляды.

— Однажды, — холодно возразил полисмен, — я встречу этого втирушу и попорчу ему физиономию. А тогда уж не у меня одного сердце будет разрываться!

ГЛАВА VIII

День свадьбы Джорджа Финча расцвел светло и ярко. Солнце сияло так, как будто Джордж, женясь, оказывал ему личное одолжение. Ветерки несли с собой слабый, но отчетливый аромат апельсинового цвета, а птицы, как только покончили с практическими делами, то есть закусили ранним червячком, все до единой, на много миль вокруг, занялись одним: усевшись на ветках, во всю распевали «Свадебный марш» Мендельсона. Словом, денек был из тех, когда человек колотит себя по груди, заливаясь «Тра-ля-ля-ля!», что Джордж и проделывал.

Шагая из гостиницы после ланча, он думал только об одном — через несколько коротких часов их с Молли унесет волшебный поезд, и каждый поворот колес будет приближать их к Островам Блаженства, уносить (что еще приятнее) все дальше от миссис Уоддингтон.

Мы не станем отрицать, что за последние три недели будущая теща досаждала Джорджу дальше некуда. Ее попытки — всегда безуспешные — скрыть муки, какие ей причинял один его вид, обескураживающе действовали на впечатлительного молодого человека. Нельзя сказать, чтоб Джордж страдал особым тщеславием, и если б мачеха Молли удовольствовалась тем, что смотрела на него просто как на ошметок, что приволок из мусорного бака кот, он и то воспрял бы духом. Но нет! Миссис Уоддингтон зашла еще дальше. Все ее взгляды кричали о том, что кот, вглядевшись в Джорджа попристальнее, разочаровался напрочь. Увидев, что за ошметок он извлек из бака, кот, досадливо поморщившись, как всегда морщатся кошки при открытии, что все их труды пропали впустую, отправился на новые розыски. Для влюбленного, считающего минуты до того дня, когда единственная девушка в мире соединится с ним, все, буквально все вокруг сияет радостью и счастьем. Но Джордж, несмотря на серьезнейшие старания, вынужден был исключить из «всего» миссис Уоддингтон.

Однако мелкие досады были в конце концов пустяком, и мысль, что в доме, к которому он приближается, обитает страдалица, которую печалят всякие напоминания о нем и ничто не может утешить, ничуть не снизило бьющего через край блаженства. Тихонько мурлыча под нос, Джордж вошел в сад, а на дорожке наткнулся на Хамилтона Бимиша, задумчиво раскуривающего сигарету.

— Привет! — воскликнул Джордж. — Ты здесь?

— Да, здесь, — согласился Хамилтон.

— Ну, как ты нашел Молли?

— Очаровательной. Правда, видел я ее мельком, она убегала.

— Как так — убегала?

— Атак. Какая-то маленькая закавыка. Разве ты не знал? Джордж схватил друга за руку.

— Боже мой, в чем дело?

— О-ой! — охнул Хамилтон, выдирая руку— Нечего так волноваться! И всего-то, со священником произошел несчастный случай. Только что позвонила его жена и сообщила, что, пытаясь дотянуться до ученого тома на верхней полке, он свалился со стула и растянул лодыжку.

— Бедняга! — посочувствовал Джордж. — Чего ему понадобилось лезть куда-то в такое время? Человек все-таки должен раз и навсегда решить в самом начале своей карьеры: либо он священник, либо акробат, — а уж потом не отклоняться от выбранного пути. Хамилтон, что за чудовищная новость! Я должен немедленно подыскать замену. О, Господи! Всего какой-то час до свадьбы, и нет священника.

— Угомонись ты, Джордж! Все хлопочут и без тебя. Миссис Уоддингтон с радостью все отменила бы, но Молли сразу принялась действовать, и очень активно. Позвонила всюду, куда можно, и наконец ей удалось разыскать незанятого священника. Они с мамашей отправились за ним на машине. Вернутся часа через полтора.

— То есть я, что же, — побледнел Джордж, — не увижу Молли еще полтора часа?

— В разлуке любовь разгорается только сильнее. Это я цитирую Томаса Хейнса Бейли. А Фредерик Уильям Томас (начало девятнадцатого века) развивает эту мысль в следующих строках:

Говорят, что разлука губит любовь,
Но, прошу вас, не верьте тому!
Разлучался с тобою я вновь и вновь,
А тебя забыть не могу.

Будь мужчиной, Джордж! Крепись. Попробуй мужественно перенести разлуку!

— Но это так больно…

— Мужайся! Я вполне понимаю твои чувства. Я сам терплю мучения разлуки.

— Ужасно больно! А еще священник называется! На стул не может залезть, чтоб не звездануться! — Внезапная мысль ударила его. — Хамилтон! А к чему это, когда священник падает со стула и растягивает лодыжку в день венчания?

— Что-что?

— Ну, может, это дурная примета?

— Для священника — несомненно.

— А тебе не кажется, что это — дурное предзнаменование для жениха и невесты?

— Никогда про такую примету не слыхивал. Научись-ка обуздывать свои фантазии. Сам доводишь себя до нервного состояния, а потом…

— Ну а в каком состоянии, по-твоему, может быть человек, если в утро его свадьбы священник кувыркается со стула?

Хамилтон терпеливо улыбнулся.

— Н-да, в таком случае некоторая нервозность неизбежна. Я заметил, что даже Сигсби, не главное, казалось бы, действующее лицо, и то весь издергался. Гулял он тут по лужайке, а когда я, подойдя сзади, положил ему руку на плечо, подпрыгнул, словно вспугнутый олень. Будь у него ум, я бы сказал — у него что-то на уме. Определенно, опять замечтался о своем Западе.

По-прежнему ярко сияло солнышко, но Джорджу почему-то казалось, что вокруг стало облачно и прохладно. Дурное предчувствие охватило его.

— Ну что за досада!

— Так сказал и священник.

— Такую хрупкую, чувствительную девушку, как Молли, огорчают в такой день!

— По-моему, ты преувеличиваешь. Мне показалось, она ничуть не потеряла самообладания.

— Она не побледнела?

— Ни в малейшей степени.

— И не расстроилась?

— Она была в нормальном, обычном состоянии.

— Слава Богу! — воскликнул Джордж.

— Вообще-то она сказала Феррису, отъезжая…

— Что же? Что?

Хамилтон, оборвав фразу, нахмурился.

— С памятью у меня что-то кошмарное. Разумеется, из-за любви. Только что помнил…

— Так что же сказала Молли?

— А теперь забыл. Зато вспомнил, что меня просили передать тебе, как только ты приедешь. Любопытно, как часто бывает — называешь имя, и это подстегивает память! Сказал «Феррис», и мне тут же вспомнилось: а ведь Феррис передал для тебя сообщение.

— К черту Ферриса!

— Попросил, когда увижу тебя, передать, что утром тебе звонила женщина. Он ей объяснил, что живешь ты в гостинице, и посоветовал перезвонить туда, но она ответила — ничего, неважно, она все равно сюда едет. И добавила, что она — твоя старая знакомая по Ист Гилиэду.

— Да? — безразлично обронил Джордж.

— Фамилия, если не перепутал, не то Даббс, не то Таббс, а может, и Джаббс или… ах, да вот! Вспомнил! Память-то у меня лучше, чем я предполагал. Мэй Стаббс. Вот как ее зовут. Говорит тебе что-то это имя?

ГЛАВА IX

Легко и небрежно бросив имя, Хамилтон ненароком взглянул вниз и заметил, что у него развязался шнурок. Наклонившись его завязать, он не заметил, как изменилось у Джорджа лицо, и не услышал (ведь он был из тех, кто даже простейшей задаче отдает все внимание своего великого ума), как тот с присвистом чем-то подавился. Мгновение спустя, однако, он заметил какое-то движение и, оглянувшись, увидел, что ноги Джорджа странно вихляют.

Хамилтон выпрямился. Теперь он видел Джорджа прямо перед собой, во весь рост, и сразу убедился, что переданное сообщение угодило в центр нервной системы его друга. Симпатичное лицо подернулось зеленоватым отливом. Глаза выпучились. Нижняя челюсть отвисла. Ни один человек, хоть раз побывавший в кино, ни на миг не усомнился бы, что Джордж выражает глубочайшее смятение.

— Джордж, дорогой мой! — встревожился Хамилтон.

— Че… чу… чте… — Джордж судорожно глотнул. — Что за имя ты назвал?

— Мэй Стаббс. — Хамилтон с неожиданным подозрением взглянул на друга. — Джордж, расскажи-ка мне все! Незачем притворяться, что это имя тебе незнакомо. Совершенно очевидно, что оно всколыхнуло в тебе потаенные и явно неприятные воспоминания. Очень надеюсь, Джордж, что это не брошенная невеста. Не сломанный цветок, который ты бросил погибать у дороги!

Совершенно ошалелый Джордж таращился в пространство.

— Все кончено! — еле ворочая языком, выговорил он.

— Расскажи мне все, — смягчился Хамилтон. — Мы ведь друзья. Я не стану судить тебя строго.

Внезапная ярость расплавила лед оцепенения.

— А все священник виноват! — страстно вскричал он. — Мне сразу как стукнуло — дурной знак! Ух, вот райское местечко был бы наш мир, если бы священники не грохались со стульев да не подворачивали лодыжки! Все, я погиб!

— Кто такая Мэй Стаббс?

— Знал я ее в Ист Гилиэде, — безнадежно поведал Джордж. — Мы, вроде как, были помолвлены.

— Ты неряшливо построил фразу, — поджал губы Хамилтон, — что,

возможно, и простительно при данных обстоятельствах, но, вдобавок, я не понимаю, что значит в данном случае «вроде как». Человек или помолвлен, или нет.

— Не там, откуда я приехал. В Ист Гилиэде есть такое… молчаливое взаимопонимание.

— И между тобой и мисс Стаббс оно было?

— Ну да. Так, детский роман. Сам знаешь, как это бывает. Ты провожаешь девушку разок-другой из церкви. Приглашаешь на пикник… Над тобой начинают из-за нее подшучивать… Ну и вот вам. Видимо, она решила, что мы помолвлены. А теперь прочитала в газетах про мою свадьбу и прикатила устроить шум.

— Вы с ней что, поссорились?

— Да нет. Так, разбежались в разные стороны. Я думал, все кончено и забыто. А когда увидел Молли…

— Джордж, — опустив руку на плечо друга, перебил Хамилтон, — послушай меня очень внимательно, сейчас мы подошли к сути дела. Писал ты ей письма?

— Десятки. Уж, конечно, она их сохранила! Клала, наверное, под подушку.

— Плохо дело, — потряс головой Хамилтон. — Очень плохо.

— Помню, она как-то говорила, что надо судить людей, которые бросают девушку…

Хамилтон стал совсем уж чернее тучи, точно бы печалясь о кровожадности современных девушек.

— Ты считаешь, она едет сюда, чтобы устроить шум?

— А для чего же еще?

— Н-да, наверное, ты прав. Я должен подумать.

С этими словами Хамилтон резко повернул налево и, задумчиво наклонив голову, принялся медленно описывать по лужайке круги. Глаза его обрыскивали землю, словно бы тщась почерпнуть из нее вдохновение.

Редкое зрелище так бодрит, чем вид великого мыслителя, погруженного в глубокое раздумье. Однако Джордж, наблюдая за другом, все больше злился. Он жаждал — что и простительно — скорых результатов; а Хамилтон, хотя и расхаживал весьма солидно, результатов никаких не выдавал.

— Надумал что-нибудь? — не вытерпел Джордж, когда его друг в третий раз отправился по кругу.

Хамилтон в молчаливом укоре вскинул руку и зашагал дальше. Наконец он приостановился.

— Ну? — подался к нему Джордж.
— Относительно этой помолвки…
— Да не было никакой помолвки! Детские глупости, и все.
— Относительно этих глупостей. Слабое звено в твоей линии защиты, несомненно, тот факт, что сбежал ты.
— Да не сбегал я!
— Ладно, я употребил неточное выражение. Надо было сказать — инициативу проявил ты. Ты уехал из Ист Гилиэда в Нью-Йорк. Следовательно, формально ты бросил эту особу.
— Знаешь, ты такими словами не бросайся. Как ты не можешь понять? Это были вполне невинные отношения. Они разваливаются сами собой.
— Я смотрю на дело с точки зрения адвоката. И разреши мне указать, отношения ваши явно на закончились. Я стараюсь четко прояснить для себя все. Если ты желал, чтобы отношения закончились, тебе следовало до отъезда из Гилиэда принять меры, чтобы вашу помолвку расторгла сама мисс Стаббс.
— Не было у нас помолвки!
— Хорошо, расторгла глупости. Вот тогда бы ты стер прошлое. Надо было сделать что-нибудь такое, чтобы она прониклась к тебе отвращением.
— Как я мог? Я не умею!
— И даже сейчас, сумей ты совершить что-нибудь крайне омерзительное, чтобы мисс Стаббс отшатнулась от тебя с гадливостью…
— К примеру?
— Я должен подумать.
Хамилтон прокрутил еще четыре круга.
— Предположим, ты совершишь какое-то преступление, — сказал он, возвращаясь к исходной точке. — Предположим, ей станет известно, что ты — вор. Она не захочет выходить за тебя замуж, если ты на пути к Синг-Сингу.
— Правильно. Но тогда и Молли не захочет.
— Хм, верно. Ладно, подумаю еще…
Несколькими минутами спустя Джордж, уже посматривающий на друга с той неприязнью, которую вызывают носители высшего разума, когда не могут выдать стоящего совета, заметил, что друг этот внезапно вздрогнул.
— Вот оно! — закричал Хамилтон. — Нашел!
— Ну? Ну?
— Мисс Стаббс… Скажи-ка мне, она очень нравственная? Деревенские девицы обычно… такие, ну… недотроги.

Джордж призадумался.

— Не помню. Да ведь я ничего и не делал!

— Думаю, мы можем исходить из предположения, что, проживя всю жизнь в Ист Гилиэде, она все-таки нравственна. А следовательно, решение проблемы очевидно: надо внушить ей, что ты стал распутником.

— Кем?

— Ну, Дон Жуаном. Сердцеедом. Бабником. Это очень легко. Наверняка она насмотрелась фильмов из нью-йоркской жизни, и нетрудно внушить ей, что ты тут испортился. Теперь наш план действий выстраивается четко и просто. Все, что нам требуется, — раздобыть девушку. Пусть явится сюда и заявит, что ты не имеешь права жениться ни на ком, кроме нее.

— Что?!

— Я прямо воочию вижу эту сцену! Мисс Стаббс сидит рядом с тобой, серенькая мышка в самодельном деревенском платьице. Вы вспоминаете старые дни. Ты поглаживаешь ей руку. Внезапно дверь распахивается, ты вскидываешь глаза и вздрагиваешь. Появляется девушка, вся в черном, с бледным лицом. У нее страдальческие глаза, волосы в беспорядке, в руке она сжимает маленький узелок…

— Нет! Только не это!

— Хорошо. Обойдемся без узелка. Она простирает к тебе Руки. Неверным шагом идет к тебе. Ты бросаешься поддержать ее. Очень похоже на сцену из «Прохожих» Хэддона Чемберса.

— А что там такое?

— А что может быть? Невеста видит, что у погубленной девушки больше прав на ее жениха, соединяет их руки и тихо, молча уходит.

Джордж невесело рассмеялся.

— Ты проглядел одно. Где это, интересно, мы раздобудем бледную девушку?

— Н-да, проблема. Я должен подумать.

— А пока ты думаешь, — холодно заметил Джордж, — я предприму единственно возможные меры. Поеду на станцию встречать Мэй. Поговорю с ней и постараюсь убедить…

— Что ж, и это неплохо. Но все-таки мой план — идеален. Только бы найти девушку. Как неудачно, что у тебя нет темного прошлого!

— Мое темное прошлое еще впереди, — горько бросил Джордж.

И, развернувшись, поспешил по тропинке, а Хамилтон, погруженный в глубокое раздумье, зашагал к дому.

Дойдя до лужайки и остановившись закурить сигарету в помощь

своим раздумьям, он увидел сцену, побудившую его отшвырнуть спичку и быстро вернуться под укрытие дерева.

Там Хамилтон встал, смотря во все глаза и слушая. Выйдя из зарослей рододендронов, незнакомая девушка тихонько кралась, в обход лужайки, к высоким дверям столовой.

Девичество — пора мечтаний. И Фанни Уэлч, задумавшуюся над положением дел после получения последних инструкций, посетила затейливая мыслишка, залетевшая на ум ненароком, будто пчелка на цветок: пожалуй, если она навестит дом на часик пораньше условленного срока, то, стащив ожерелье, сумеет оставить его себе.

Изъян в первоначально изложенном плане заключался, видимо, в том, что руководство взял на себя заказчик. Он заберет у нее добычу в тот самый миг, как она получит ее. Слегка видоизмененный план обрел несравненно большую привлекательность, и она начала претворять его в действие.

Удача как будто сопутствовала Фанни. Поблизости никого, дверь чуть приоткрыта, а на столе лежит то, что сейчас она уже рассматривала как награду за остроту ума. Фанни осторожно выбралась из тайного укрытия и, тихо обойдя лужайку, проникла в комнату, а там — зажала футляр в руке, как вдруг ей открылось, что удача не так уж и сопутствует ей. На плечо легла тяжелая рука, и, обернувшись, она увидела импозантного мужчину с квадратной челюстью.

— Так-так, моя милочка, — сказал он.

Фанни тяжело задышала. Мелкие неприятности составляли риск ее профессии, но от того, что она это понимала, сносить их философски ничуть не легче.

— Положите на место футляр.

Фанни положила. Наступила пауза. Хамилтон подошел к двери, загораживая отступление.

— Ну и что? — спросила Фанни. Хамилтон поправил очки.

— Ну, застукали вы меня. И что теперь будете делать?

— А как вы считаете?

— Полиции сдадите?

Человек у двери коротко кивнул. Фанни заломила руки. Глаза у нее наполнились слезами.

— Ах, пожалуйста, мистер! Не сдавайте меня быкам! Я пошла на это только ради своей матери!

— Все неправильно!

— Если бы вы сидели без работы, и голодали, и смотрели, как ваша

бедная старая ма гнется над лоханью…

— Все неправильно! — твердо повторил Хамилтон.

— *Что* неправильно?

— Изображаете примитивную бродвейскую мелодраму. Такая чушь, может, кого и обманет, но только не меня.

— Решила попробовать, — пожала плечами Фанни.

Хамилтон пристально рассматривал ее. Живой ум никогда не дремлет, а теперь он заработал в еще более интенсивном режиме.

— Вы актриса?

— Я? Да нет, не сказала бы. Родители бы не пустили.

— У вас есть определенный актерский дар. В околесице, которую вы несли, проскальзывали вполне искренние ноты. Ваш монолог многих обманул бы. Думаю, что могу использовать вас в маленькой драме. Давайте заключим сделку. Мне не хотелось бы отправлять вас в тюрьму…

— Вот это разговор!

— Хотя, конечно, следовало бы.

— Так-то оно так, да ведь куда забавнее поступать не так, как следует, правда?

— Дело в том, что один мой друг попал в затруднительное положение, и мне пришло в голову, что вы могли бы его выручить.

— Со всем моим удовольствием.

— Мой друг сегодня женится. Но он только что услышал, что его прежняя невеста, про которую он, в волнении, обычно сопутствующем новой влюбленности, напрочь запамятовал, едет сюда.

— Поднять бузу хочет?

— Вот именно.

— Ну а как я тут могу помочь?

— А вот так. Я хочу, чтобы на пять минут вы преобразились в жертву моего друга. Сыграете?

— Что-то не пойму.

— Объясню проще. Очень скоро эта девушка приедет. Возможно, уже с моим другом, который отправился на станцию ее встречать. Вы подождете тут, в саду, а в подходящий момент ворветесь в комнату, протянете руки и закричите: «Джордж! Джордж! Почему ты бросил меня? Ты не принадлежишь этой девушке! Ты принадлежишь только мне!»

— Еще чего!

— А?

Фанни гордо выпрямилась.

— Еще чего! — повторила она. — А что, если про это ненароком

прознает мой муж?

— Вы замужем?

— Вышла замуж сегодня утром в церковке-за-углом.

— И явилась сюда красть! В день свадьбы!

— А что такого? Вам не хуже моего известно, сколько стоит в наши дни обзавестись хозяйством.

— Для вашего мужа, конечно же, будет жестоким ударом, когда он узнает, что вы угодили за решетку. Думаю, лучше проявить благоразумие.

Фанни скребла пол носком туфли.

— А это попадет в газеты?

— Боже сохрани!

— И еще одно. Предположим, устрою я это представление, но кто же мне поверит?

— Девушка поверит. Она совсем простушка.

— Да уж, если на такое купится…

— Что с нее взять, неискушенная провинциалка.

— Ну а если ко мне пристанут с расспросами? Что да как?

— Не пристанут.

— Ну а если? Предположим, девушка спросит: «А где вы познакомились? Когда все это было? И какого черта…» — и, ну, сами знаете. Что мне тогда отвечать?

Хамилтон Бимиш обдумал вопрос.

— Думаю, самое лучшее сразу же после произнесенных реплик разыграть, будто вы, от переизбытка чувств, упали в обморок. Да, так лучше всего. Выкрикнув свой монолог, воскликните: «Воздуха! Воздуха! Мне душно!» — и стремглав вылетайте из комнаты.

— Вот теперь дело говорите. Вот это мне нравится — стремглав из комнаты. Умчусь так, что они меня и разглядеть толком не сумеют.

— Значит, вы согласны?

— Похоже, придется.

— И прекрасно! Будьте любезны, прорепетируем монолог. Я должен убедиться, что вы знаете слова.

— Джордж! Джордж!

— Перед вторым «Джордж!» выдержите паузу. И вдохните. Помните, глубина и громкость голоса зависят от амплитуды колебаний голосовых связок, а высота тона — от количества колебаний в секунду. Тон усиливается резонансом воздуха в глоточной и ротовой полости. Еще раз, пожалуйста.

— Джордж!.. Джордж! Почему ты бросил меня?!

— Протяните руки! Так!

— Ты не принадлежишь этой девушке!

— Пауза. Вдох.

— Ты принадлежишь *мне!*

Хамилтон со сдержанным одобрением кивнул.

— Недурно. Совсем недурно. Мне бы хотелось осмотреть, как эксперту, ваши связки, но некогда. Жалко, что у вас нет времени изучить мою брошюру «О голосе»… Однако сгодится. А теперь ступайте и спрячьтесь в рододендронах. Та девушка может появиться с минуты на минуту.

ГЛАВА X

Хамилтон вышел в холл. Он заработал сигарету — кое-что попробовал, кое-что предпринял — и как раз раскуривал ее, когда послышалось шуршание шин по гравию, и в открытую дверь он увидел мадам Юлали. Она выпорхнула из красного двухместного автомобильчика. Хамилтон радостно кинулся ей навстречу.

— Вы все-таки сумели приехать!

Мадам Юлали пожала ему руку — коротко, но дружелюбно. Еще одно качество, составляющее ее очарование.

— Да. Но мне придется сразу же разворачиваться и уезжать обратно. У меня на сегодня назначены три встречи. А вы, наверное, останетесь на свадьбу?

— Да, хотел бы. Я обещал Джорджу, что буду его шафером.

— Жаль. А то я могла бы подбросить вас в Нью-Йорк.

— О, я легко могу все переиграть, — заторопился Хамилтон. — Что я и сделаю, как только вернется Джордж. Он без труда раздобудет себе другого шафера. Десяток!

— Когда… вернется? Куда же он уехал?

— На станцию.

— Вот досада! А я приехала его повидать. Ну да ладно, неважно. Встречусь тогда с мисс Уоддингтон на минутку.

— А ее нет.

Мадам Юлали вскинула брови.

— Что? В этих краях не принято сидеть дома в день свадьбы?

— Понимаете, приключилось маленькое происшествие, — пустился объяснять Бимиш. — Священник растянул лодыжку, и миссис Уоддингтон с Молли уехали во Флашинг за заменой. А Джордж отправился на станцию…

— Зачем, интересно?

Хамилтон засмеялся. Однако он не мог ничего скрывать от этой девушки.

— Вы умеете хранить секреты?

— Не знаю. Никогда не пробовала.

— Так вот, строго между нами. У бедняги Джорджа неприятности.

— Еще худшие, чем у всякого жениха?

— Мне не нравятся такие шуточки, — огорчился Хамилтон. — Вы как

будто смеетесь над любовью.

— О, нет! Ничего против любви не имею.

— Спасибо, спасибо.

— Прошу!

— Любовь — единственное стоящее чувство в мире! В мирное время Любовь настраивает свирель, а в войну пришпоривает коня…

— Да, все верно. Вы хотели рассказать мне про неприятности Джорджа.

— Дело в том, что в день его венчания внезапно объявилась старая подружка.

— Так-так.

— Джордж написал ей несколько писем. И она до сих пор хранит их.

— Ай-я-я-яй!

— Если она затеет скандал, то венчание сорвется. Миссис Уоддингтон ухватится за любой предлог, лишь бы запретить свадьбу. Она уже высказывалась вполне недвусмысленно, что подозревает Джорджа в безнравственности.

— Что за нелепость! Это Джорджа-то! Да он чист, как свежевыпавший снег.

— Вот именно. Превосходнейший человек. Что там говорить, помню даже, как-то раз он ушел на холостяцком ужине из-за стола, потому что кто-то рассказал неприличный анекдот.

— Потрясающе! А что за анекдот?

— Не помню. И тем не менее у миссис Уоддингтон такое мнение о бедняге.

— Очень занимательно. Что же вы предпримете?

— Джордж отправился на станцию перехватить эту мисс Стаббс. Попытается ее урезонить.

— Мисс Стаббс?

— Да, так ее зовут. Кстати, она тоже из вашего городка, Ист Гилиэда. Не знаете ее?

— Что-то смутно припоминаю. Значит, Джордж отправился урезонить ее?

— Да. Разумеется, она захочет сюда приехать.

— Н-да! Паршиво. Хамилтон улыбнулся.

— Не так паршиво, как вы думаете. Видите ли, я пораскинул мозгами и могу сказать — держу ситуацию под контролем. Я урегулировал все.

— О, вот как?

— Да.

— Вы, наверное, ужасно умный!

— Ну… — смутился Хамилтон.

— Хотя, конечно, я поняла это, как только прочитала ваши брошюры. У вас сигаретки не найдется?

— О, прошу!

Мадам Юлали вынула сигарету из его портсигара и закурила. Хамилтон, вытянув спичку из ее пальчиков, задул ее и трепетно спрятал в левый карман жилета.

— Продолжайте же! — попросила она.

— Ах, да! — очнулся он от транса. — Оказывается, у Джорджа, перед тем как ему уехать из Ист Гилиэда, была… Он говорит, было взаимопонимание, а как мне представляется, самая что ни на есть обычная помолвка с этой мисс. До чего ж пошлая фамилия!

— Кошмарная просто. Я непременно сменила бы!

— Потом Джордж, унаследовав деньги, укатил в Нью-Йорк и напрочь забыл про девицу.

— Но она про него не забыла?

— Очевидно, нет. Мне она рисуется эдакой жалкой серенькой мышкой — ну, знаете, каковы эти провинциалки, без малейшего шанса заиметь другого мужа. Вот она и вцепилась в этот свой единственный вариант. Наверное, считает, что, явившись сюда в такой день, вынудит Джорджа жениться на ней!

— Но вы не допустите?

— Вот именно.

— О, вы просто изумительны!

— Очень любезно с вашей стороны, что вы так считаете, — Хамилтон одернул жилет.

— Как же вы все урегулировали?

— Видите ли, главная трудность та, что помолвку порвал сам Джордж. Итак, когда приедет мисс Стаббс, я хочу, чтобы она прогнала Джорджа по собственной воле.

— Как же вы этого добьетесь?

— Очень просто. Принимаем как само собой разумеющееся, что девица эта — чистоплюйка. Исходя из этого я сочинил маленькую драму, в результате которой Джордж предстанет перед ней завзятым ловеласом.

— Это Джордж-то!

— Она будет потрясена. В ней зародится отвращение, и она тут же порвет с ним.

— Ясно. И вы сами все это придумали?

— Целиком и полностью!

— Для одного человека у вас слишком много ума. Хамилтону показалось, что настал момент высказаться откровенно, без уверток и виляния. Открыть в самых отточенных фразах любовь, которая разрастается в его сердце, точно дрожжи, с той самой минуты, как он извлек пылинку из глаза этой девушки на ступеньках дома № 16 (79-й стрит). И был уже готов приступить, когда мадам Юлали взглянула мимо него и приятно рассмеялась:

— А вот и Джордж Финч!

Вполне понятно, раздраженный Хамилтон обернулся. Всякий раз, как он предпринимал попытку заговорить о своей любви, возникала какая-то помеха. Вчера этот тошнотворный Чарли в телефоне, а теперь вот — Джордж. Тот стоял в дверях, раскрасневшись, будто от быстрой ходьбы, и смотрел на девушку взглядом, возмутившим Хамилтона. Выражая свое возмущение, он резко кашлянул.

Но Джордж и внимания не обратил, по-прежнему не отрывая взгляда от прекрасной хиромантки.

— Ну как ты, Джорджи? Такую занимательную историю перебил.

— Мэй! — Джордж сунул палец за воротничок, будто бы пытаясь ослабить удушье. — Мэй! А я… я только что ездил на станцию встречать тебя.

— Я на машине приехала.

— Мэй?! — воскликнул Хамилтон. Страшный свет истины открылся ему.

Мадам Юлали быстро повернулась к нему.

— Да. Та самая жалкая, серенькая мышка.

— Совсем не жалкая и не серенькая! — Думать сейчас Хамилтону было не под силу и сконцентрировался он лишь на одном неоспоримом факте.

— Была, когда Джордж знал меня.

— И зовут вас Юлали…

— Это мое профессиональное имя. Разве мы с вами не согласились, что имя «Мэй» и фамилия «Стаббс» всякому захочется поменять как можно быстрее?

— Неужели вы действительно Мэй Стаббс?

— Да.

Хамилтон закусил губу и холодным взглядом окинул своего друга.

— Поздравляю тебя, Джордж. Ты помолвлен с двумя самыми хорошенькими девушками, каких я видел.

— Как мило, Джимми, с твоей стороны, — заметила мадам Юлали.

Лицо Джорджа конвульсивно исказилось.

— Мэй, честно!.. Имей же сердце! Ты ведь не считаешь всерьез, что я с тобой действительно помолвлен?

— А что?

— Но… но… я считал, ты и думать про меня забыла.

— Что! После всех твоих красивых писем?

— Юношеский роман! — пускал пузыри Джордж.

— Неужто?

— Но, Мэй!..

У Хамилтона, слушавшего этот обмен репликами, температура быстро ползла вверх, лихорадочно колотилось сердце. Никто не скатывается к первобытному состоянию, воспламенившись огнем любви, быстрее человека, проведшего всю жизнь в прохладных эмпиреях интеллекта. Двадцать с лишним лет Хамилтон полагал, что он выше примитивных страстей, но когда любовь захватила его, то захватила накрепко. И теперь, при разговоре этих двоих, его пронзила такая ревность, что он не в силах был молчать. Хамилтон Би-миш, мыслитель, прекратил свое существование, и на его место встал Хамилтон Бимиш, потомок предков, улаживавших свои любовные дела с помощью крепкой дубинки. Видя соперника, они не тратили время впустую, а обрушивались на него, будто тонна кирпича, изо всех сил стараясь откусить ему голову. Если б сейчас нарядить Хамилтона в медвежью шкуру и снять с него очки, то вот он, доисторический человек, перед вами!

— Эй! — окликнул Хамилтон.

— Мэй, ты же знаешь, что не любишь меня…

— Эй! — неприятным, злобным голосом опять окликнул их Хамилтон.

И пала тишина.

Пещерный человек поправил очки, буравя ядовитым взглядом былого друга. Пальцы у него подергивались, ища дубинку.

— Слушай, ты! Да гляди, не ошибись! Завязывай с этой своей трепотней. Она — тебя — не — любит. Доехало? А то подойду сейчас да как вмажу по сопелке! Я ее люблю, ясно? И замуж она выйдет за меня! Просек? За-ме-ня. Если хочешь что сказать, скорее извещай своих друзей, где тебя похоронить. Любит она его, ишь, выдумал! Размечтался! Меня она любит. Просек? Меня! И точка!

И скрестив руки, мыслитель приостановился в ожидании ответа.

Ответ последовал не сразу. Джордж, не привыкший к примитивным

взрывам страстей, ошарашенно застыл на месте, проглотив язык, так что держать речь выпало на долю мадам Юлали.

— Джимми! — слабо пискнула она.

Хамилтон властно, по-хозяйски обнял ее и поцеловал одиннадцать раз.

— Вот так! — заключил он.

— Да, Джимми…

— Ты любишь только меня!

— Да, Джимми.

— И завтра же поженимся!

— Да, Джимми.

— Ну, тогда все нормально! — заключил Хамилтон. Джордж очнулся, точно заводная игрушка.

— Хамилтон! Дружище! Поздравляю тебя!

— Спасибо, спасибо.

Говорил Хамилтон ошеломленно и недоуменно помаргивал. Фермент начал угасать, и Бимиш, пещерный человек, быстро уступал место Бимишу, автору брошюр. В уме его смутно забрезжило, что высказывался он жарковато, пуская в ход словечки, какими вообще-то изъясняться бы не стал. Но тут он поймал взгляд Юлали, устремленный на него, и все угрызения совести и всякая неловкость растаяли.

— Спасибо! — еще раз поблагодарил он.

— Мэй — чудесная девушка! — заверил Джордж. — Вы будете очень счастливы. Уж я-то ее знаю. Как ты всегда умела сочувствовать мне!

— Правда?

— Безусловно. Разве ты не помнишь, что все свои неприятности я нес к тебе, и мы сидели вдвоем на диванчике перед каминным огнем в твоей гостиной?

— И всегда боялись, что кто-то подслушивает у двери.

— Если и подслушивали, все равно ничего бы не услышали.

— Эй! — резко вклинился Хамилтон.

— То были счастливые дни… — вздохнула она.

— А помнишь, как твой маленький братишка дразнил меня? Апрельский ливень!

— Вон как! — фыркнул Бимиш. — Это еще почему?

— Потому что я всегда приносил Мэй цветы.

— Ну, хватит! — оборвал их Хамилтон. — Хотелось бы напомнить тебе, Финч, что эта леди помолвлена со мной.

— Конечно, конечно.

— Попрошу и впредь не забывать! А впоследствии, когда станешь

заходить к нам, чтобы разделить с нами трапезу, уж постарайся обходиться без воспоминаний о старых добрых днях! Понял?

— О, вполне!

— Тогда мы уезжаем. Мэй нужно вернуться в Нью-Йорк, я еду с ней. Придется поискать другого шафера. И тебе очень повезло, что венчание вообще состоится. До свидания, Джордж. Пойдем, моя дорогая.

Двухместный автомобильчик уже катился по подъездной дороге, когда Хамилтон хлопнул себя полбу.

— Надо же! Совсем из головы вон!

— Что ты забыл, Джимми, дорогой?

— Кое-что надо было сказать Джорджу. Подожди меня здесь…

— Джордж, — возвращаясь в холл, начал Хамилтон, — я только что вспомнил. Позови Ферриса и вели ему оставаться в комнате со свадебными подарками. Пусть не уходит оттуда ни на минуту. Небезопасно, что валяются они вот так, без присмотра. Тебе следовало бы нанять детектива.

— Мы и хотели, но мистер Уоддингтон так настаивал, что миссис Уоддингтон отмела эту идею. Пойду и немедленно скажу Феррису.

— Да, пожалуйста.

Хамилтон вышел на лужайку и, приблизясь к рододендронам, тихонько посвистел.

— Ну, что еще? — высунула голову Фанни.

— Ах, вот вы где!

— Да, тут! Когда начнется шоу?

— Оно не начнется, — сказал Хамилтон. — События повернулись так, что наша маленькая комедия стала ненужной. Так что можете возвращаться домой к мужу, как только пожелаете.

— О?

Сорвав рододендроновый листик, Фанни медленно раскрошила его.

— Я вроде и не спешу никуда… Мне тут нравится… Воздух… солнце… птички поют. Погуляю еще немножко.

Хамилтон со спокойной улыбкой посмотрел на нее.

— Разумеется, как хотите. Должен, однако, сообщить, что, если намереваетесь сделать еще одну попытку, то есть украсть драгоценности, распрощайтесь с этой мыслью. С этой минуты здоровяк дворецкий будет неотлучно находиться в столовой и следить за ними. Так что могут выйти неприятности.

— О-о? — задумчиво протянула Фанни.

— Да.

— Обо всем позаботились, да?

— Уж я такой, — отозвался Хамилтон.

ГЛАВА XI

Мешкать Джордж не стал. Совет Хамилтона показался ему на этот раз даже разумнее обычного. Он звонком вызвал Ферриса.

— Э, Феррис, — приступил Джордж, — мистер Бимиш считает, вам надо бы посидеть в этой комнате со свадебными подарками. Покараулить их.

— Слушаюсь, сэр.

— На случай, если вдруг кто-то попытается что украсть.

— Понятно, сэр.

Облегчение, как это случается всегда, подтолкнуло Джорджа к разговорчивости. Ему хотелось уцепить кого-нибудь за лацкан и болтать, болтать, болтать. Он предпочел бы, конечно, кого другого, не Ферриса, так как ранние эпизоды их знакомства еще не выветрились из его памяти, и, как ему казалось, в манерах дворецкого и до сих пор чувствовалась застоявшаяся неприязнь. Но рядом оказался Феррис, и Джордж принялся болтать с ним.

— Приятный денек, правда, Феррис?

— Да, сэр.

— Чудесная погодка!

— Да, сэр.

— И места такие красивые!

— Нет, сэр. Джордж растерялся.

— Вы сказали — «Нет, сэр»?

— Да, сэр.

— Ах, «Да, сэр»! А мне послышалось — «Нет, сэр».

— Да, сэр. Нет, сэр.

— То есть вам здешние места не по вкусу?

— Нет, сэр.

— Почему же?

— Я их не одобряю, сэр.

— Почему, почему?

— Не та сельская местность, к какой я привык. Совсем не похожа на окрестности нашей деревни.

— А где это?

— В Англии, сэр.

— Наверное, английская деревня красива?

— Полагаю, сэр, она удовлетворяет всех.

Разговорный пыл Джорджа подостыл. В своем приподнятом настроении он надеялся, что Феррис сумеет забыть роль дворецкого, окунувшись в роль друга.

— Что же вам не нравится в здешних местах?

— Я, сэр, не одобряю комаров.

— Да их совсем мало!

— Я не одобряю, сэр, даже и одного. Джордж сделал новый заход.

— Наверное, все внизу, Феррис, взбудоражены из-за венчания?

— Внизу, сэр?

— Ну, э… слуги…

— Я не собирал их мнений, сэр. Со своими коллегами я общаюсь крайне редко.

— Не одобряете их, наверное? — колко ввернул Джордж.

— Да, сэр.

— Почему же?

Дворецкий поиграл бровями. Он бы предпочел, чтобы низшие слои среднего класса не выказывали столько любопытства. Однако до объяснений снизошел.

— Многие из них, сэр, шведы, а остальные — ирландцы.

— А шведов вы не одобряете?

— Нет, сэр.

— Отчего же?

— Головы у них, сэр, совсем квадратные.

— И ирландцев не одобряете?

— Да, сэр.

— А их почему?

— Потому что они — ирландцы, сэр. Джордж тревожно переступил с ноги на ногу.

— Надеюсь, венчания, Феррис, вы одобряете?

— Нет, сэр.

— Отчего же?

— Мне они представляются печальными событиями.

— А вы сами, Феррис, вы женаты?

— Вдовец.

— Разве вы, когда женились, не были счастливы?

— Нет, сэр.

— А миссис Феррис?

— Ей церемония как будто бы доставляла определенное удовольствие,

сэр, но скоро все развеялось.

— Чем же вы это объясняете?

— Не могу сказать, сэр.

— Жалко, Феррис, что венчания навевают на вас грусть. Конечно, когда двое людей любят друг друга и намереваются любить вечно…

— Брак, сэр, не способствует длительной любви. Он мумифицирует ее труп.

— Но, Феррис, если б не было браков, что сталось бы с потомством?

— В потомстве, сэр, я не вижу необходимости.

— Вы его не одобряете?

— Вот именно.

Задумчивый и печальный, Джордж отправился на подъездную дорогу перед домом. Он понимал, как сильно упало блаженное состояние души, подвигнувшее его завязать беседу с дворецким. Теперь он отчетливо видел, что беседовать в день венчания с Феррисом — грубейшая ошибка. Феррис — собеседник подходящий, и даже идеальный, в день похорон — резко диссонировал со звоном свадебных колоколов.

Сдержанно, протрезвевшим взглядом Джордж оглядел красивый сад; а оглядывая, наткнулся на приближающегося Сигсби X. Уоддингтона, производившего впечатление человека, услышавшего дурные вести или сделавшего открытие, сорвавшее его планы.

— Тэк, тэк-с! — закричал Сигсби. — Какого такого дьявола этот чертов дворецкий толчется в комнате со свадебными подарками?

— Караулит их.

— И кто это распорядился?

— Я.

— Черт раздери!

И, одарив Джорджа непонятным взглядом, Сигбси исчез. Будь наш жених более расположен анализировать взоры своего будущего тестя, он, пожалуй, разглядел бы в них сильнейшее отвращение. Но не в таком расположении духа пребывал Джордж. Вдобавок, не того сорта человек был Сигсби, чтобы его взоры еще и анализировать; не успевал он скрыться с глаз, как о нем забывали. И Джордж почти немедленно стал забывать о нем. Он еще забывал, когда из-за поворота показался автомобиль и, затормозив рядом с ним, высадил Молли, миссис Уоддингтон и человека с лошадиным лицом. Замена заболевшему, сообразил Джордж по его клерикальному одеянию, священник из Флашинга.

— Молли! — закричал Джордж.

— Вот и мы, мой ангел!

— И мама с вами, — с меньшим пылом добавил Джордж.

— Мама! — совсем уж холодно повторила миссис Уоддингтон.

— А это — его преподобие Гедеон Вулес, — представила священника Молли. — Он нас поженит.

— А это, — адресовалась к священнику миссис Уоддингтон тоном, показавшимся чувствительному уху Джорджа слишком уж виноватым, — наш жених!

Преподобный Гедеон Вулес глянул на Джорджа глазами снулой рыбины. Человеком, брызжущим жизнерадостностью, он жениху не показался. Но в конце концов, когда вы женитесь, то женитесь, и не все ли равно, если священник походит на снулую рыбину?

— Как поживаете? — вяло осведомился Гедеон.

— Превосходно! — откликнулся Джордж. — А вы?

— В преотменном здравии, благодарю.

— Вот и расчудесно! С лодыжками порядок? Преподобный Гедеон покосился вниз и остался вполне доволен видом этой части нижних конечностей, хотя они и были скрыты белыми носками.

— Да, с ними все в порядке, спасибо.

— А то сейчас столько священников, — пояснил Джордж, — грохаются со стула и растягивают себе лодыжки. А потом передвигаться не могут.

— Нет, я со стула никогда не падал.

— Тогда вы — именно тот человек, которого я искал! Будь все священники вроде вас…

— Не желаете ли стакан молока? — пробудилась к жизни миссис Уоддингтон.

— Нет, благодарю вас, мама, — поблагодарил Джордж.

— Я не вам предлагала, — вскинулась миссис Уоддингтон, — а мистеру Вулесу! Он совершил длинную поездку, и ему, конечно, хочется освежиться.

— Конечно, конечно! — подхватил Джордж. — О чем я только думаю! Да, вам непременно следует подзаправиться, чтобы сохранить силы. А то еще в обморок хлопнетесь посреди церемонии.

— У него будут все основания, — подпустила шпильку миссис Уоддингтон.

И направилась в столовую, где на столике были расставлены легкие закуски, а сам столик украшен присутствием Сигсби. Он потягивал джин с тоником и косился на массивного, непрошибаемого дворецкого. Феррис свадебных подарков не одобрял, но сторожил их зорко и преданно.

— Чего вы тут толчетесь, Феррис? — осведомилась миссис Уоддингтон.

Дворецкий вскинул преданные глаза.

— Охраняю подарки, мадам.

— Кто распорядился?

— Мистер Финч, мадам.

Миссис Уоддингтон метнула гадливый взгляд на Джорджа.

— В этом нет ни малейшей необходимости.

— Слушаюсь, мадам.

— Только слабоумный мог отдать такое распоряжение.

— Именно, мадам.

И дворецкий удалился. Сигсби, проводив его взглядом, печально вздохнул. Вот, теперь Феррис ушел… В комнату сейчас набьется полно народу. Уже начали подкатывать автомобили, и поток свадебных гостей устремился к столику с закусками.

Преподобный Гедеон Вулес, вдумчиво набивая бездну желудка сэндвичами с ветчиной, увлек Джорджа в уголок и попытался познакомиться с ним поближе.

— Мне всегда нравится поболтать немножко перед церемонией с женихом, — поделился он, — так приятно почувствовать, что он, в некотором роде, твой личный друг.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил тронутый Джордж.

— Венчал я недавно во Флашинге молодого человека по имени Миглетт… Клод Р. Миглетт. Вам не знакомо это имя?

— Да нет…

— А! Я думал, может, читали в газетах. Про это дело столько писали. У меня не проходит ощущение, что, не установи я с ним личный контакт до церемонии, после несчастья мне не удалось бы утешить его.

— После несчастья? Какого же?

— Невесту задавил грузовик, как раз когда они выходили из церкви.

— Господи!

— Да, мне это показалось на редкость несчастливым происшествием. Но, с другой стороны, на венчаниях, которые провожу я, всегда почему-то что-то да случится. Прямо рок какой-то! За неделю до того венчал я прелестную молодую пару, так оба погибли, не прошло и месяца. На них балка упала, когда они проходили мимо строящегося здания. А у другой пары, ее я венчал в начале года, жених заразился слабой формой скарлатины. Отличнейший молодой человек, но весь пошел розовыми пятнами. Все мы очень расстроились. — Священник повернулся к миссис

Уоддингтон, оттертой в угол наплывом гостей. — Рассказываю нашему молодому другу о всяких необыкновенных случайностях. А в последних двух венчаниях, которые я совершал, женихи, оба, умерли буквально через несколько дней после свадьбы.

Лицо миссис Уоддингтон подернулось легкой завистью. Выражение его как бы намекало: да, такое везение долго не держится!

— Лично у меня, — поделилась она, — с самого начала возникло предчувствие, что венчание это ни за что не состоится.

— Как любопытно! — откликнулся преподобный Гедеон. — Я в предчувствия верю.

— И я тоже.

— Я считаю, они посылаются, чтобы остеречь нас. Помогают нам подготовить себя к бедствиям.

— В нашем случае слово «бедствие», по-моему, не совсем… Неверной походкой Джордж уковылял прочь. Снова в душу ему вползло тусклое предчувствие, уже навещавшее его сегодня. Настолько угнетена была его нервная система, что он отправился искать утешения в обществе Сигсби. В конце концов, подумал он, каковы бы ни были недостатки этого человека, но он хотя бы — друг. Философ, принимающий близко к сердцу будущее рода человеческого, возможно, и вздохнул бы тяжко при одном взгляде на Сигсби, но Джорджу в холодном неприветливом мире особо привередничать не приходилось.

Минуту спустя на него обрушилось неприятное открытие: чересчур оптимистично было предполагать, будто он нравится будущему тестю. Взгляд, каким тот одарил его, когда он приблизился, любящим мы не назвали бы. Такой взгляд старый джентльмен, будь он шерифом в штате Аризона, мог бы бросить на конокрада.

— Чего ты лезешь? — сварливо прошипел Сигсби. — Суешься куда не следует.

— Э? — растерялся Джордж.

— Надо ж придумать! Взял да приказал дворецкому торчать здесь, караулить подарки!

— Боже мой, неужели вы не понимаете, что, если б я не распорядился, сюда могли бы пробраться и что-то украсть?

На лице Уоддингтона проступило то выражение, которое проступает у ковбоя, который, бросившись в постель, обнаруживает, что озорной дружок засунул ему кактус под простыню. И Джордж уже намеревался, в полном упадке духа, отступить к столику с закусками, чтобы поесть картофельного салата, когда от сгрудившейся у столика толпы отделился

массивный, ярко разодетый толстяк, дожевывающий бутерброд с икрой. Джорджу смутно припомнилось, что он видел его среди гостей на том, первом званом обеде, в доме № 16. И память не подвела его — это был не кто иной, как Соединенная Говядина.

— Привет, Уоддингтон! — окликнул Говядина.

— У-ур! — прорычал Сигсби. Тип этот совсем ему не нравился — мало того, что тот когда-то отказался одолжить ему деньги, так еще и до такой низости дошел, что процитировал себе в подмогу Шекспира.

— Послушай-ка, Уоддингтон, — продолжил Говядина, — верно ли мне помнится, что ты вроде как-то заходил и советовался насчет этой кинокомпании? Подумывал деньги в нее вложить, да?

Мучительная тревога исказила лицо Уоддингтона. Он болезненно сглотнул.

— Нет, это не я, — поспешно возразил он. — Не я! Не хотел я купить никакие акции. Я думал только, если они хороши, может, жена заинтересовалась бы…

— Ну, это одно и то же.

— Нет!

— А не знаешь, купила твоя жена акций?

— Нет-нет, не купила! Позже я услыхал, компания эта никуда не годится, и даже говорить ей ничего не стал.

— Н-да, обидно… — протянул Говядина. — Очень и очень…

— Почему это?

— Да видишь ли, случилась поразительнейшая штука. Прямо настоящий роман. Компания эта, ты правильно заметил, и вправду никуда не годилась. Ничего не умели сделать толком. Но вчера, когда рабочий начал копать землю под табличку «НА ПРОДАЖУ», представь себе, он наткнулся на нефть!

Очертания нехуденькой Говядины маревом расплылись перед глазами Уоддингтона.

— Нефть? — пробулькал он.

— Ну, представь себе! Нефть! Да какой фонтан! Видно, крупнейший на юго-западе!

— Но… но… ты что же, хочешь сказать, акции и вправду чего-то стоят?

— Миллионы, всего-навсего! Да-с! Миллионы! Вот досада, что ты тогда не купил! А икра, — задумчиво жуя, добавил он, — очень недурственная. Да, Уоддингтон, очень и очень. Пойду еще тостик возьму.

Миллионера, устремившегося за икрой, остановить сложно, но

Уоддингтону удалось, вцепившись мертвой хваткой ему в рукав, на минутку застопорить бег.

— А когда ты про это услышал?

— Сегодня утром, как раз когда сюда выезжал.

— Как думаешь, еще кто знает?

— На бирже — наверняка.

— Послушай! — не отставал Уоддингтон. — Послушай-ка! — Он отчаянной хваткой цеплял икролюбивого гостя. — Знаком мне один тип, к бизнесу никакого отношения не имеет, у которого есть пакет этих акций. Как считаешь, есть шанс, что он еще не слыхал?

— Вполне вероятно. Если хочешь перекупить у него, так поторопись. Возможно, история попадет в вечерние газеты.

Слова эти ударили Сигсби с силой электрического разряда. Он выпустил рукав гостя, и тот устремился к столику с закусками, словно домашний голубь на родную голубятню. Уоддингтон ощупал карман, чтобы убедиться, что по-прежнему обладает тремястами долларами, предназначавшимися для Фанни Уэлч, и пулей вылетел из комнаты, из дома и из ворот, а там — одним махом одолев широкую, длинную дорогу до станции, запрыгнул в поезд, который словно бы специально дожидался его. Ни разу в жизни ему не удавалось так быстро и удачно сесть в поезд. Счастливая примета! С бодрой уверенностью предвкушал он разговор с полисменом, которому — в минуту ложной щедрости — продал свои драгоценные акции. Полисмен этот показался ему простодушным, из тех именно людей, с которыми так приятно делать бизнес. Уоддингтон принялся репетировать начальные фразы беседы.

— Тэк, тэк-с! Тэк, тэк-с, дорогой мой…

И резко выпрямился. Имя полисмена вылетело у него из головы!

ГЛАВА XII

Несколько часов спустя, когда уже проклюнулись первые звезды, а птицы сонно шуршали на деревьях, можно было наблюдать одинокую фигуру, медленно ковыляющую по подъездной дорожке к парадной двери летнего дома Уоддингтонов в Хэмстеде, на Лонг-Айленде. Это возвращался из своего путешествия Сигсби.

Шагал он крадучись, словно кот, ждущий, что в него вот-вот швырнут кирпичом. «О-о, — говорит поэт, — вернуться домой! Опять домой!» Но Сигсби никак не мог заставить себя разделить этот радостный взгляд. Теперь, когда выдалась минутка поразмышлять, он ясно понял, что под крышей дома его ждут крупные неприятности. Случалось ему и раньше, отбывая второй срок женатой жизни, совершать поступки, вызывавшие неодобрение жены, — и неодобрение свое она высказывала откровенно и бурно, но никогда прежде не совершал он преступления, под бременем которого его шатало сейчас. Ведь он — ни больше ни меньше — удрал со свадьбы единственной дочери! И это после того, как его специально обучали передавать ее жениху перед алтарем! Если его жена не выскажется на эту тему в манере, от которой содрогнется сама Гуманность, — что ж, тогда Сигсби решит, что весь его прошлый опыт ничего не значит, а он в роли справочника никуда не годится.

Уоддингтон безотрадно вздохнул. В настроении он пребывал угнетенном и разбитом. Не хватало еще и выслушивать горькие истины о себе. Ему хотелось одного — полежать на диване, сбросив туфли, и чтоб стаканчик вина стоял рядом. В большом городе ему пришлось несладко.

Возможно, в этом повествовании уже не раз упоминалось, что Сигсби был из тех, у кого от усиленных размышлений разбаливается голова; но, даже рискуя заработать головную боль, он размышлял глубоко и усиленно, пока ехал в Нью-Йорк, пытаясь выудить из глубин своего топкого подсознания имя полисмена, которому он продал акции. К тому времени, когда поезд прибыл на вокзал Пенсильвания, Сигсби добился ограничения поисков до двух имен — или Малкэхи, или Гаррити.

У человека, бродящего по Нью-Йорку в розысках полисмена Малкэхи, работы невпроворот, как и у человека, разыскивающего Гаррити. Ну а уж тому, кто разыскивает обоих, скучать не приходится ни минутки. Мечась взад-вперед по городу и расспрашивая всех встречных стражей порядка, Сигсби исходил много миль. Регулировщик на Таймс-сквер подсказал, что

рядом с Могилой Гранта стоит один Малкэхи, а несколько Гаррити обретаются на Колумбус-серкл и Ирвинг плейс. Малкэхи-у-могилы, выразив сожаление, порекомендовал навестить Малкэхи со 125-й стрит или — на выбор — еще одного на Третьей авеню и 16-й стрит. Гаррити на Колумбус-серкл с большой похвалой отозвался о Гаррити рядом с Баттери, а Гаррити на Ирвинг плейс ничуть не усомнился, что его кузен в Бронксе вполне отвечает цели розысков. Когда часы пробили пять, Уоддингтон пришел к однозначному заключению — если мир хочет стать лучше, чище, ему следует проредить несметные ряды Малкэхи и подправить их качество. В 5.30, вернувшись из Бронкса, он всей душой проголосовал бы за любую поправку к Конституции, пожелай Конгресс ее ввести, о полнейшем запрете всех Гаррити на территории США. А точнехонько в 6.00 вдруг проникся непоколебимой убежденностью, что имя разыскиваемого полисмена и вовсе Мэрфи.

В эту минуту Уоддингтон шагал по Мэдисон-сквер, только что обежав 14-ю стрит в поисках еще одного Малкэхи, но теперь им так глубоко завладела новая идея, что он просеменил к скамейке и, свалившись на нее, тяжело застонал. Момент был переломный; Уоддингтон решил бросить все и отправляться домой. У него болела голова, ныли ноги, онемел зад. Первый прекрасный, безоглядный порыв, с каким он бросился на поиски, засох на корню. Если и был человек в Нью-Йорке, абсолютно не способный расхаживать по городу в поисках Мэрфи, то человеком этим был Сигсби Уоддингтон. Кое-как доковыляв до вокзала Пенсильвания, он ближайшим поездом отправился домой — и вот он приближается к концу пути.

Дом показался ему каким-то слишком тихим; хотя, конечно, так и должно быть. Венчание состоялось уже давным-давно, счастливая пара отбыла на медовый месяц. Давным-давно ушел и последний гость, теперь под этой мирной крышей осталась только миссис Уоддингтон, наверняка оттачивающая разъяренные фразы в уединении будуара — то отбросит раскаленное прилагательное, заменяя его еще более ядовитым, только что всплывшим на ум; то решит, что словечко «червь» слишком уж ласково, и кинется разыскивать в словаре что-нибудь похлеще. Уоддингтон приостановился на крыльце, думая о том, не сбежать ли в поисках уединения в сарайчик для инструментов.

Возобладали намерения более мужественные. К тому же в сарайчике выпить нечего, а его страждущая душа буквально жаждала выпивки. Он переступил порог и резко подскочил, когда от телефона отделилась темная

фигура.

— У-ух! — произнес он.

— Сэр? — вопросила фигура.

Ему стало легче — слава Богу, не жена! Это Феррис; а именно Феррис в данный момент ему и требовался, потому что только Феррис мог проворнее всех его напоить.

— Тш-ш! — прошипел Сигсби. — Есть тут кто?

— Сэр?

— Где миссис Уоддингтон?

— В будуаре, сэр.

На это Сигсби и рассчитывал.

— А в библиотеке кто-нибудь есть?

— Нет, сэр, никого.

— Тогда принесите туда выпивку, Феррис, и никому ни словечка!

— Слушаюсь, сэр.

С трудом волоча ноги, Уоддингтон доплелся до библиотеки и бросился на большой мягкий диван. Потекли блаженные, покойные минуты, а скоро послышалось музыкальное треньканье. Вошел Феррис с подносом.

— Вы не дали точных инструкций, сэр, — сказал дворецкий. — Поэтому, действуя по собственной инициативе, я принес вам виски с содовой.

Говорил он холодно, потому что не одобрял Уоддингтона. Но тот не мог анализировать оттенки его интонаций. Он схватился за графинчик, глаза его увлажнились благодарностью.

— Феррис, вы — молодец!

— Спасибо, сэр.

— Вам бы жить на Западе, где мужчины — это мужчины! Дворецкий морозно шевельнул бровью.

— Все, сэр?

— Да. Но не уходите, Феррис. Расскажите-ка мне обо всем.

— По какому именно пункту, сэр, желаете получить информацию?

— Расскажите, как прошло венчание. Я не мог присутствовать. Дело, понимаете, и очень важное. В Нью-Йорке. Потому не мог присутствовать. Очень оно важное.

— Вот как, сэр?

— Чрезвычайной, понимаете, важности. И в Нью-Йорке. Невозможно пренебречь. Ну, так как венчание? Все нормально?

— Не совсем, сэр.

— Как это?

— Венчание, сэр, не состоялось.

Уоддингтон напряженно выпрямился. Что за ерунду бормочет дворецкий? А уж когда совсем не хочется слушать дворецких, бормочущих ерунду, так это после утомительного рыскания по Нью-Йорку в розысках не то Малкэхи, не то Гаррити.

— Как это — не состоялось?

— Так, сэр.

— Почему же?

— В последний момент возникла закавыка.

— Только не говорите, что и этот священник вывихнул лодыжку!

— Нет, сэр. Священник находился в отменном состоянии. Помеха возникла из-за молодой женщины. Она ворвалась в комнату, где собрались гости, и устроила скандал.

Глаза у Сигсби выпучились.

— Расскажите-ка мне все.

Дворецкий вперил загадочный взгляд в стену напротив.

— Сам я при этой сцене не присутствовал, сэр. Но один из младших слуг — он случайно оказался у открытой двери — уведомил меня о подробностях происшествия. Вот как все случилось, сэр. Когда все намеревались отправиться в церковь, через стеклянные двери с лужайки вбежала молодая женщина и, остановившись у порога, закричала: «Джордж! Джордж! Почему ты покинул меня? Ты не принадлежишь этой девушке! Ты принадлежишь *мне!*» Обращалась она, как я понял, к мистеру Финчу.

Глаза у Сигсби вытаращились уже и опасно. Хлопни его сейчас кто резко по плечу, они бы выскочили из орбит.

— Вот так номер! А потом что?

— Как передавал мне слуга, поднялась суматоха. Жених совсем растерялся и очень жарко протестовал. Миссис Уоддингтон клялась, что нечто подобное она предвидела с самого начала. Мисс Уоддингтон, как я понимаю, очень расстроилась. Гости пребывали в немалом замешательстве.

— И я их не виню.

— Да, сэр.

— А потом?

— Молодую женщину стали расспрашивать, но она совсем разнервничалась, только вопила, как передавал мне слуга, и заламывала руки. Потом, неверным шагом дойдя до стола с подарками, упала на него в

обморок, однако, почти сразу же очнувшись, с криками: «Воздуха! Задыхаюсь!» — вылетела в стеклянные двери. Насколько я знаю, сэр, после этого ее никто больше не видел.

— А что же случилось потом?

— Миссис Уоддингтон отказалась дать разрешение на свадьбу. Гости вернулись в Нью-Йорк. Мистер Финч, что-то бормоча — слов слуге расслышать толком не удалось, — уехал тоже. А миссис Уоддингтон уединилась в будуаре с мисс Уоддингтон. Очень, сэр, неприятное происшествие. Такого ни за что не могло бы произойти в Брэнгмарли Холле.

Не хотелось бы этого писать, но факт остается фактом: Сигсби почувствовал облегчение. Он не думал о разбитой любви и не испытывал жалости к несчастной девушке, сыгравшей главную роль в трагедии. Сильнее всего тронуло его то, что он все-таки не влип. Возможно даже, его отсутствие прошло незамеченным. Значит, жена ругаться не будет.

Потом сквозь облегчение пробилась некая мысль.

— Хм. А как выглядела та девушка? Которая с лужайки вбежала?

— Судя по описанию, сэр, невысокая, вполне грациозная. У нее, простите, вздернутый носик и черные глаза.

— О, Господи! — Уоддингтон спрыгнул с дивана и, несмотря на гудящие от боли ноги, резво ринулся через холл. Вбежав в столовую, он включил свет и метнулся к столу с подарками. На первый взгляд, все они лежали на месте. Но второй взгляд открыл, что подозрения его обоснованны.

Исчез футляр с ожерельем.

ГЛАВА XIII

Один из наиболее благотворных даров, каким обладает человек, — это его способность усматривать светлую сторону в любой беде. До настоящего момента Сигсби этим даром не пользовался. Однако, возможно, в силу того что он только что ублажил душу целебной выпивкой, он вдруг с прозрачной четкостью понял: а ведь исчезновение фальшивого ожерелья — это для него, пожалуй, самое лучшее.

Он не собирался разрешать молодой помощнице, чтобы она использовала ожерелье в своих целях, но раз уж так случилось, из-за чего, собственно, мучиться? Главное — ожерелье исчезло. Если смотреть в корень — произошло именно то, что и было его целью с самого начала.

Сейчас, когда суматоха улеглась, при нем остались триста долларов наличными, и, следовательно, он сумеет, если все-таки разыщет того полисмена, а полисмен случайно еще не прослышал про новость…

На этом месте раздумья Уоддингтона внезапно прервались, и он испустил пронзительный крик. Перед его глазами огненными буквами начерталось одно слово: «ГАЛЛАХЕР».

Все поплыло у него перед глазами. Галлахер! Ну да, конечно! Так его и зовут! Не Малкэхи! И не Гаррити! И даже не Мэрфи. А Галлахер!

Как и многие достойные люди до него, Сигсби разозлился на то слабоумие, с каким вела себя память. Ну с какой такой стати она взяла и подсунула ему всяких Малкэхи и Гаррити, да еще и Мэрфи в придачу? Ведь он же просил сообщить про Галлахера! Сколько времени пропало впустую!

Однако еще не поздно. Он сейчас же отправится в Нью-Йорк и возобновит поиски. К тому же судьба подкидывает ему замечательный предлог для поездки в Нью-Йорк. Когда у хладнокровного, ясномыслящего человека украли жемчужное ожерелье, он непременно должен с первым же поездом отправиться в Нью-Йорк и изложить факты в полицейском управлении.

— Все очень даже неплохо, — поведал Уоддингтон своей бессмертной душе и на деревянных ногах, но с легким сердцем, заковылял к будуару.

Когда он открыл дверь, до ушей его донеслись голоса, оборвавшиеся при его появлении. Миссис Уоддингтон раздраженно взглянула на мужа.

— Где ты пропадал, хотела бы я знать? К такому вопросу Сигсби был

готов.

— Я гулял. Такая, знаешь, долгая загородная прогулка. Я был так потрясен, удивлен и огорошен этой кошмарной сценой, что дом буквально душил меня. Я отправился на долгую загородную прогулку. Только что вернулся. Нет, какая беда! Феррис утверждает, что в Брэнгмарли Холле ничего такого ни за что бы не случилось!

Молли, с покрасневшими глазами и с мятежной складкой У губ, подала голос в первый раз.

— А вот я не сомневаюсь, что этому есть объяснение!

— Пхе! — произнесла миссис Уоддингтон.

— Есть! Я знаю!

— Тогда почему же твой драгоценный Финч не соизволил его дать?

— Растерялся очень.

— Ничего удивительного.

— Я уверена, произошла какая-то ошибка.

— Да, правильно, — вступил Уоддингтон и успокаивающе похлопал дочку по руке. — Все было подстроено.

— Пожалуйста, Сигсби, говори разумно.

— Я и говорю разумно.

— Это по-твоему, но ни один человек, кроме слабоумных, не назовет твои слова разумными.

— Да? — Уоддингтон засунул большие пальцы в проймы жилета, чувствуя себя победителем. — Так вот, позволь тебе сообщить, девица эта попросту прикинулась. Чтобы одурачить тебя и чтобы все подумали, что она — не она.

Миссис Уоддингтон страдальчески вздохнула.

— Ступай отсюда, Сигсби.

— Хорошенькое дело! Говорю тебе, девица эта — воровка. По-другому в дом она проникнуть не могла, вот и пустила в ход этот затрепанный трюк. Она охотилась за свадебными подарками.

— Тогда почему же она не стащила их?

— Стащила! Стащила жемчужное ожерелье!

— Что?!

— Ты слышала. Она украла жемчужное ожерелье Молли.

— Чушь!

— Но оно исчезло.

Молли с сияющими глазами вскочила со стула.

— Я так и думала! Значит, мой милый Джордж и правда не виноват!

Очень немногим в цивилизованном обществе удалось видеть сбитую с

толку тигрицу, но любой, наблюдающий сейчас за миссис Уоддингтон, получил бы вполне наглядное представление, как эти тигрицы выглядят.

— Не верю!

— Да, но ожерелье исчезло! — повторил Сигсби. — Ты ведь не думаешь на кого-то из гостей? А? Хотя лично я ожидаю от лорда Ханстэнтона чего угодно. Конечно же, стащила ожерелье эта девица. В обморок она упала на стол с подарками, так? Закричала, что ей нужен воздух, и удрала, так? И никто ее после этого не видел, так? Если бы не моя загородная прогулка, я бы уж давно все раскусил.

— Сейчас же еду в Нью-Йорк, разыщу Джорджа и расскажу ему! — возбужденно дыша, заявила Молли.

— Ничего подобного! — отрубила, поднимаясь, миссис Уоддингтон.

— А я поеду в Нью-Йорк заявить в полицию, — проговорил Сигсби.

— Ни в коем случае. Я сама поеду в Нью-Йорк и заявлю в полицию. А вы с Молли сидите здесь.

— Но послушай…

— И хватит дискуссий! — Миссис Уоддингтон нажала на звонок. — А что до тебя, — повернулась она к Молли, — неужели ты вообразила, что я разрешу тебе ходить ночью ко всяким ловеласам?

— Он не ловелас!

— Конечно, нет, — вмешался Сигсби. — Прекраснейший молодой человек. Приехал из Айдахо.

— Нет, подумай сама! — горячилась Молли. — То, что рассказал папа, совершенно обеляет Джорджа! Да эта девушка с таким же успехом могла ворваться и заявить, что это папа бросил ее!

— Эй-эй! — заволновался Уоддингтон.

— Ей требовался только предлог проникнуть в дом.

— Возможно, — признала миссис Уоддингтон, — в данном случае Джордж Финч не так уж и виноват. Но что это меняет? Он — мужчина, к которому любая мать, пекущаяся о счастье дочки, отнесется с глубочайшим подозрением. Он — художник. Он по собственной воле выбрал для жилья квартал Нью-Йорка, печально известный своим вольномыслием и богемными нравами. Он…

Дверь открылась.

— Вы звонили, мадам?

— Да, Феррис. Велите Бассету немедленно приготовить машину. Я еду в Нью-Йорк.

— Слушаюсь, мадам. — Дворецкий кашлянул. — Простите, мадам, за вольность, но не позволите ли вы мне поехать тоже? Я сел бы рядом с

шофером.

— А это еще зачем?

В жизни всякого человека случаются моменты, когда объяснять подлинные мотивы своих поступков утомительно. Действительная причина была та, что дворецкий хотел зайти к редактору блестящего и очень популярного еженедельника «Городские сплетни», чтобы честно заработать, сообщив о сенсационном скандале, случившемся в высшем обществе. Сразу после того, как подробности скандала стали ему известны, Феррис стал дозваниваться до «Сплетен», но ему каждый раз отвечали, что директора нет в городе. Однако при последней его попытке осторожный помощник, убедившись наконец, что у него и вправду имеются интересные новости, но он не намерен открывать их нижестоящим сотрудникам, посоветовал наведаться к Л. Ланселоту Биффену, главному редактору, домой, на девятый этаж дома «Шеридан», рядом с Вашингтон-сквер. Мистер Биффен, как считал помощник, вернется после обеда.

Все это дворецкий мог бы, конечно, открыть хозяйке, но, как и все люди высокого интеллекта, не любил долгих объяснений.

— Я только что получил сообщение, что моя близкая родственница заболела, мадам.

— Да? Ну что ж, езжайте.

— Спасибо, мадам. Сейчас же передам Бассету.

— А кроме того, — добавила миссис Уоддингтон, когда дверь закрылась, — нам ведь ничего не известно. История этой девушки, возможно, все же правдива, а кража жемчуга — это так, плод внезапного соблазна.

— Мама!

— А что? Я полагаю, она нуждается в деньгах. Без сомнения, этот твой Финч, с присущим ему бессердечием, никак не помогал ей.

— Ты все поняла неправильно, — вмешался Сигсби.

— А что, тебе про это что-то известно?

— Нет, ничего, — осмотрительно поспешил с ответом Сигсби.

— Тогда воздержись, будь любезен, от пустой болтовни. И с тяжеловесной величественностью миссис Уоддингтон покинула комнату; а Сигсби, по-прежнему сохраняя осмотрительность, плотно притворил за ней дверь.

— Тэк, тэк-с! — заметил он. — Молли! Мне нужно поехать в Нью-Йорк! Просто позарез!

— И мне тоже. Я непременно должна увидеть Джорджа. Наверное, он вернулся к себе.

— Что же нам делать?
— Как только уедет мама, я подвезу тебя на своем двухместном авто.
— Молодчина! — с жаром одобрил Уоддингтон. — Вот это разговор!
И ласково поцеловал дочку.

ГЛАВА XIV

1

Полицейские в полицейском управлении показались миссис Уоддингтон премилыми. Правда, некоторое время они находились под впечатлением, что явилась она, чтобы признаться в краже драгоценностей, но когда все объяснилось, то с горячим рвением принялись за ее дело, хотя описание воровки, данное ею, ничего им не говорило. Но если бы сказало что-то, заверили они, она бы изумилась, с какой беспощадной быстротой закрутились бы колеса закона.

Будь эта воровка, к примеру, высокой и худой, с рыжеватыми волосами и модной стрижкой, они мигом бы раскинули сети на Китти-Чикаго. Если б у нее был курносый нос и две родинки на подбородке, тогда каждый полицейский участок предупредили бы: не упустите Сью-Цинциннати. А вот если б она чуть прихрамывала и шепелявила, то Эдну-Индианополис арестовали бы буквально в считанные часы. Однако в теперешнем случае, признали полицейские, они — в полном тупике. Удалилась миссис Уоддингтон с ощущением, что, не будь у нее достаточно денег, она и сама могла бы заняться кражей драгоценностей, все равно не поймают. Конечно, некрасиво обзывать главного детектива толстомордым невежей, но ведь она, как-никак, немножко разозлилась.

В сильной досаде вышла она на улицу, где чуть подуспокоилась на приятном вечернем воздухе, и сумела понять, что кража ожерелья — дельце в конце концов второстепенное. Ей предстоит работенка похлеще, чем поймать воровку. Главная цель, на которую нужно бросить все силы, — это низвержение Джорджа Финча.

Тут ей пришло на ум, что ей требуется союзник, сочувствующий пособник, который будет с ней рядом, выполнит все ее распоряжения и вообще окажет всяческую помощь и поддержку в довольно-таки рискованных действиях. Зайдя в телефонную будку, она опустила пятицентовик в прорезь «местные звонки».

— Лорд Ханстэнтон?

— Алло?

— Это миссис Уоддингтон.

— О? А? Очень рад.

— Чем вы сейчас заняты?

— Подумывал, как бы выскочить и перекусить.

— Встречайте меня в «Ритц Карлтон» через десять минут.

— Ладно. Благодарю. Встречу. Да. Спасибо. Хорошо. Прекрасно. Абсолютно.

И вот мы видим миссис Уоддингтон в вестибюле отеля «Ритц Карлтон». Она сидит и следит за дверью, точно кошка за мышиной норкой, нетерпеливо постукивая по ковру широченной своей туфлей. Как и любому другому, кому доводилось ждать знакомого в ресторане, ей казалось, что сидит она здесь уже часов десять, не меньше. Наконец терпение ее было вознаграждено. У входной двери замаячила элегантная фигура и поспешила к ней, сияя от счастливого предвкушения. Лорда Ханстэнтона отличал волчий аппетит, но он совсем не любил платить за угощение, а потому перспектива обеда за чужой счет весьма его прельщала. Впрямую он не облизывался, но весьма живо поглядывал на лестницу, по которой сновали услужливые официанты с едой для довольных посетителей, и на лице у него играла радужная улыбка.

— Надеюсь, не опоздал, — проговорил лорд Ханстэнтон.

— Сядьте! — велела миссис Уоддингтон. — Я хочу поговорить с вами.

Говорила она долго и пространно. Лорд Ханстэнтон жалобно мигал.

— Э, э… Простите, пожалуйста, — вклинился он в паузу, потребовавшуюся собеседнице для вдоха, — все это крайне занимательно, но я как-то не улавливаю сути. Что, если мы обсудим все неспешно, в обеденном зале? За бифштексом или еще за каким блюдом?

Миссис Уоддингтон окинула его взглядом, полным отвращения и граничащим с презрением.

— Надеюсь, вы не воображаете, что я стану тратить время на еду?

— Как? — Челюсть у его светлости отпала. — Разве мы не будем обедать?

— Разумеется нет! Я повторю то, что сказала. А вы, пожалуйста, слушайте на этот раз повнимательнее.

— Но как же!.. Обеда не будет?

— Нет.

— И супа?

— Нет!

— А рыбы? И закусок?

— Разумеется нет! У нас нет времени! Мы должны действовать. Быстро и незамедлительно!

— Может, хоть сэндвич…

— При этой кошмарной сцене вы присутствовали, — перебила миссис Уоддингтон, — так что описывать ее нужды нет. Вы помните, как вбежала эта особа, как она обличала Джорджа Финча…

— Да, помню. Очень занятно.

— К сожалению, все было неправдой.

— Э?

— Это была уловка. Особа разыграла представление, чтобы стащить жемчужное ожерелье, принадлежащее моей падчерице. Оно лежало среди других свадебных подарков.

— Нет, неужели? Подумать только!

— Сомнений, к сожалению, нет. Однако, вместо того чтобы прийти в ужас от нравственной развращенности Финча, моя падчерица относится теперь к нему, как к человеку пострадавшему, и желает, чтобы брак все-таки состоялся. Вы слушаете?

Лорд Ханстэнтон вздрогнул. Его дразнили ароматы из обеденного зала, дивные запахи мяса и соуса, и внимание его рассеялось.

— Извините! Отвлекся на минутку. Вы говорили, мисс Уоддингтон ужаснулась нравственной развращенности Финча.

— Нет, наоборот. Не ужаснулась.

— Вот как? Какие же, однако, у современных девушек широкие взгляды! — заметил лорд Ханстэнтон, отворачиваясь и стараясь не вдыхать слишком глубоко.

— Пусть в этом, отдельном случае Финч и невиновен, — продолжала миссис Уоддингтон, — однако его нравственность, если покопаться, такая же, как у всех художников. Я прямо чувствую, что этот Джордж — тот еще гусь!

— Гусь! — простонал лорд Ханстэнтон.

— И я пришла к решению. Если я хочу раскрыть истинную его сущность, необходимо наведаться к нему домой. Квартиру он снимает на Вашингтон-сквер. Порасспросим его слугу насчет его личной жизни. Отправимся мы туда немедля.

— Послушайте, я-то вам зачем?

— Как — зачем? Без вас не обойтись. Вы что, воображаете, я одна сунусь в логово *такого* мужчины?

Через верхнюю площадку лестницы прошмыгнул официант, от блюда на его подносе поднимался парок. Лорд Ханстэнтон проводил его измученным взглядом и тут же пожалел об этом: в зале, у столика, другой официант нарезал жареного цыпленка. Да какого! Про таких в старости

рассказывают внукам. Его светлость испустил слабый стон.

— Ладно, — поднялась миссис Уоддингтон, — пойдемте! Возразить этой властной женщине лорд Ханстэнтон не смел, никто никогда не противоречил ей, и через несколько минут такси подкатило к дому «Шеридан». Две фигуры стали подниматься по лестнице. Одной из приятнейших особенностей «Шеридана» было то, что лифт в доме практически не работал.

Добравшись до верхнего этажа, лорд Ханстэнтон позвонил. Перезвон слабым эхом раскатился по квартире.

— Вероятно, никого нет, — заметил английский пэр, снова нажимая на звонок.

— Значит, подождем.

— Что, здесь?

— На крыше.

— А как долго?

— Пока не вернется слуга этого Финча.

— Он может не вернуться еще несколько часов.

— Значит, и ждать будем несколько часов. Томящийся желудок лорда Ханстэнтона подталкивал его к протесту. «А ну, похрабрее!» — бурчал он. И хотя на категорический отказ храбрости лорд не набрался, с предложением выступить все-таки осмелился.

— Может, тогда я сбегаю за угол, перекушу немножко? Я хочу сказать, а вдруг слуга разъярится? Горой встанет за своего молодого хозяина. Если я поем, я стану настоящим мужчиной. Подкреплюсь тарелочкой бобов или еще чем, греющим желудок, и сумею постоять за нас.

— Ну ладно, — окинула его презрительным взглядом миссис Уоддингтон, — только возвращайтесь побыстрее.

— О, разумеется, разумеется! Наскоро перекушу — и мигом назад. Вы даже и заметить не успеете, что я уходил.

— Найдете меня на крыше.

— На крыше. Договорились! До свидания, — бросил лорд и сбежал по лестнице.

Миссис Уоддингтон, взобравшись еще на один пролет, вышла под просторный свод небес, где могла любоваться либо видом сверкающего огнями города, либо темными окнами Финча. Выбрала она окна и принялась неотрывно следить за ними.

Следила она довольно долго, когда вдруг стеклянная дверь осветилась. Миссис Уоддингтон шагнула вперед: сбылись заветнейшие ее мечтания.

На желтой шторе промелькнула тень, принадлежащая, несомненно, молодой девушке и такой низкой нравственности, что в любом другом месте неодобрительно вздернули бы брови и резко, осуждающе вздохнули. Подойдя к двери, миссис Уоддингтон властно постучалась.

Изнутри донесся испуганный вскрик. Штора отодвинулась, явив плотного человека в черном костюме. В следующий момент дверь открылась, и плотный человек высунул голову.

— Кто тут? — осведомился он.

— Я, — ответила миссис Уоддингтон.

— О, Господи! — воскликнул толстячок.

2

Весь день Фредерик Муллет находился в нервном расположении духа, еще более нервном, чем положено нормальному жениху в день бракосочетания. Он гадал: куда уезжала невеста?

Любой жених расстроится, если невеста бросит его сразу после венчания и сбежит, сказав: «Я по важному делу» — и пообещав, что увидятся они позднее. А Фредерик расстроился тем более. Тревожило его не столько то, что он планировал блаженный день веселья, включая посещение Кони Айленда, а все сорвалось. Конечно же, это было разочарованием; но по-настоящему терзался он душой, думая о том, что, с точки зрения Фанни, можно назвать важным делом. Ее скрытность испортила ему весь день.

Короче, был он именно в том настроении, когда человек, женившийся на карманной воровке, исчезнувшей по важному делу, совершенно не желает слышать резких стуков в дверь. Пробеги в тот момент по полу мышка, Фредерик Муллет и то заподозрил бы, что это — замаскированный детектив. С холодным ужасом взирал он на миссис Уоддингтон.

— Что вам угодно?

— Я хочу поговорить с молодой женщиной, которая находится в квартире.

Во рту у Муллета пересохло, по позвоночнику пробежал озноб.

— Какая такая женщина?

— Да будет вам, будет!

— Нет тут никакой женщины.

— Ах, ах!

— Правда нет, уверяю вас.

Прямолинейный ум миссис Уоддингтон возмутился.

— Я заплачу. Вам выгодно сказать правду.

Муллет отшатнулся. При мысли, что его просят продать жену в день свадьбы, его пронзило отвращение. Нельзя сказать, чтобы он, конечно, продал ее в другой день; но такое предложение превратило его, как выразился бы Гарроуэй, в человека едкого и колкого.

С омерзением захлопнув дверь, он выключил свет и неровными прыжками достиг кухни, где у плиты стояла, переворачивая гренки с сыром, вернувшаяся после отлучки миссис Фредерик Муллет.

— Привет, милый! — проворковала новобрачная, вскидывая на него глаза. — Я только что приготовила кролика. И супчик готов.

— Вот и мы попали, как курица в суп! — глухо отозвался Муллет.

— Почему это?

— Фанни, где ты была днем?

— Да так, в деревню ездила, дорогой. Я же тебе говорила.

— Но не сказала, зачем.

— А вот это пока что секрет, миленький. Хочу, чтоб получился сюрприз. У нас скоро будут деньги.

Муллет несмело смотрел на нее.

— Фанни, ты сегодня провернула работенку в деревне?

— Ну, Фредди! Что за мысль!

— Тогда чего сюда завалились быки?

— Быки?!

— Там на крыше стоит здоровенная сыщица. Спрашивает тебя.

— Меня? — вытаращила глаза Фанни. — Да ты спятил!

— Она сказала: «Хочу поговорить с молодой женщиной, которая находится в квартире».

— Пойду гляну, кто такая.

— Только чтоб она тебя не заметила! — встревожился Муллет.

— Уж это вряд ли!

И Фанни вполне хладнокровно прошла в гостиную, не угрызаясь ни малейшим беспокойством. Спокойная совесть — лучшее утешение. Хорошо при этом знать, что не оставил за собой следов. Фанни была убеждена, что, удрав из дома Уоддингтонов, она чисто обрубила все хвосты. Никакая, даже самая коварная сыщица не могла проследить за ней до квартиры. Муллет, не сомневалась Фанни, просто ошибся.

Чуть отодвинув штору, она осторожно выглянула. Незваная гостья стояла так близко, что ее можно было прекрасно разглядеть даже и при неверном свете, и то, что Фанни увидела, убедило ее. С хорошими вестями

она вернулась к своему встревоженному мужу.

— Никакая она не сыщица! Сыщиков я за милю чую!

— Тогда кто же?

— Вот сам ее и спроси. Пойди отвлеки ее, а я улизну из дома. Как закончишь с ней, сразу и встретимся где-нибудь. Стыд и позор, конечно, что пропадет такой вкусный ужин, но зато сходим в ресторан. Слушай, буду ждать тебя у «Астора».

— Если это не сыщица, так чего бы нам не остаться дома?

— Ты же не хочешь, чтоб люди знали, что я тут? Предположим, прослышит твой хозяин…

— И то правда. Тогда ладно, жди меня у «Астора». Хотя чересчур уж шикарное местечко…

— Сегодня наш свадебный вечер, да? Разве ты не хочешь в шикарном местечке отпраздновать?

— Ты права.

— Я всегда права. — Фанни ласково ущипнула мужа за щеку. — Это первое, что ты должен накрепко запомнить.

Вернувшись в гостиную, Муллет снова включил свет. Дух его укрепился. Несколько нагловато он открыл стеклянную дверь.

— Итак, про что вы говорили, мадам?

— Что вы себе позволяете? — накинулась на него миссис Уоддингтон. — Захлопываете дверь у меня перед носом!

— Дела на кухне были, мадам. Могу я вам чем помочь?

— Да! Я желаю знать, что за молодая женщина находится в квартире!

— В квартире, мадам, нет никаких женщин.

Миссис Уоддингтон почувствовала, что за дело она взялась не с того конца. Рука ее нырнула в сумку.

— Вот вам десять долларов.

— Спасибо, мадам.

— Хочу задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста, мадам.

— И отблагодарю, если ответите правдиво. Сколько вы уже на службе у мистера Финча?

— Около двух месяцев, мадам.

— И что вы думаете о его нравственности?

— Она — выше всяких похвал, мадам.

— Чушь! Не старайтесь меня обмануть. За время вашей службы вы частенько впускали в квартиру девушек? Так?

— Только натурщиц, мадам.

— Натурщиц!
— Мистер Финч — художник, мадам.
— Это я знаю. — Миссис Уоддингтон содрогнулась. — Итак, вы утверждаете, что у мистера Финча образ жизни вполне достойный?
— Да, мадам.
— Тогда, — заявила миссис Уоддингтон, аккуратно вытягивая десятку из его пальцев, — может, вам интересно узнать, что я вам не верю!
— Эй, послушайте! — глубоко задетый, вскричал Мул-лет. — Вы же сами ее мне дали!
— А теперь — забрала обратно! — Миссис Уоддингтон спрятала купюру в сумку. — Вы не заслужили денег.
Оскорбленный в лучших чувствах Муллет захлопнул дверь. Несколько минут он стоял, бурля негодованием, потом, совладав с ним, выключил свет и вышел из квартиры.
Он уже дошел до лестницы, когда услышал, как его окликнули, и, обернувшись, увидел долговязого полисмена, рассматривавшего его с мягким дружелюбием.
— Мистер Муллет? — проговорил полисмен. — Правильно?
— Да! — в замешательстве откликнулся Муллет. Привычки искореняются не вдруг, а ведь недавно только миновали времена, когда от одного лишь вида полисмена он дрожал, точно осенний лист.
— Помните меня? Я — Гарроуэй. Мы познакомились недели две назад.
— А, конечно! — с облегчением отозвался Муллет. — Вы пишете стихи. Как говорится, стихотворец.
— Очень любезно с вашей стороны, — самодовольно произнес Гарроуэй. — Иду сейчас к мистеру Бимишу с последним моим произведением. Как мир обходится с вами, мистер Муллет?
— Ничего, неплохо. А у вас? Все путем?
— Вполне. Ну, не буду задерживать вас. Вы, несомненно, спешите по важному поручению.
— Да, верно. Послушайте! — Муллета внезапно осенило. — Вы сейчас на службе?
— В данный момент — нет.
— Но помочь можете?
— Конечно. Я всегда готов — и даже стремлюсь исполнять свои обязанности.
— Понимаете, на нашей крыше как раз сейчас находится одна подозрительная личность. Мне не понравился ее вид.

— Правда? Так-так, очень интересно…

— Вынюхивает что-то, заглядывает в наши окна. Видимо, на уме у нее что-то недоброе. Не могли бы вы пойти туда и выяснить, что ей тут понадобилось?

— Немедленно займусь этим делом.

— Будь я на вашем месте, я бы арестовал ее по подозрению. До свидания.

— Доброй ночи, мистер Муллет.

И Муллет в приподнятом настроении, которое всегда наступает после похвального дела, бодро двинулся вниз. А офицер Гарроуэй, помахивая дубинкой, задумчиво стал подниматься вверх на крышу.

3

Мнимую сыщицу между тем перестала удовлетворять политика бдительного наблюдения. Она не сомневалась, что тень, мелькнувшая на шторе, принадлежит молодой женщине, и инстинкт подсказывал ей, что очень скоро в квартире на Вашингтон-сквер начнут бурлить события. Уж конечно, человек, которого она расспрашивала, предупредил эту особу о ее посещении, и теперь та, скорее всего, уже улизнула. Но она вернется. Тут вопрос терпения, только и всего.

Но с крыши надо уйти. Крыша — первое место, которое кинется осматривать виновная пара. А найдут крышу пустой, и страхи их улягутся. Самый верный стратегический ход — спуститься вниз и караулить на улице.

Она уже намеревалась уйти и даже сделала шаг к лестничной двери, когда внимание ее привлек легкий скрип, и с удивлением она увидела, что дверь эта открывается.

Приотворилась она дюймов на шесть и от порыва ветра захлопнулась снова. Чуть спустя опять раздался скрип, и опять дверь приоткрылась. Очевидно, страдая от утраты десяти долларов, слуга забыл ее запереть.

Миссис Уоддингтон застыла, подошла на шаг ближе, приоткрыла стеклянную дверь и заглянула в темноту. В комнате было пусто, но женщиной миссис Уоддингтон была осторожной.

— Эй, уважаемый! Никто не отозвался.

— Я хотела бы с ва-а-ами поговорить… По-прежнему тихо. Миссис Уоддингтон прибегла к самому крепкому испытанию.

— Хочу вернуть вам десятку.

И снова — тихо. Теперь она убедилась, что в комнате действительно никого нет. Переступив порог, она ощупью, по стенке, двинулась в поисках выключателя. И тут до нее сквозь вибрирующую темноту донеслось… нет, донесся…

Запах супа!

Миссис Уоддингтон замерла, будто собака, сделавшая стойку. Хотя, сидя в вестибюле «Ритц Карлтона» с лордом Ханстэнтоном, она оставалась невосприимчивой к благоухающим ароматам, так сильно действовавшим на его светлость, она тоже была человек. Давно миновал обычный час ее обеда, а когда речь шла о еде, она была женщиной устоявшихся привычек. Еще на крыше она ощущала какое-то томление, а теперь поняла, уже вне всяких сомнений, что голодна, и задрожала с головы до пят. Запах супа взывал к самым глубинам ее существа, будто голос старой-старой любви.

Двигаясь вперед словно в трансе, она, все так же ощупью, по стенке, добралась до открытого проема двери, ведущей, по всей видимости, в коридор. Здесь, вдали от окна, темнота совсем уж сгустилась, но если видеть она не могла, то запах очень даже ощущала, так что другой поводырь, кроме собственного носа, ей и не понадобился. Миновав коридор, миссис Уоддингтон принюхалась у открытой двери, и в нос ей шибанул столь сильный аромат, что у нее чуть голова не закружилась. Теперь запах стал многослойным, и преобладал в нем мотив гренок с сыром. Миссис Уоддингтон нащупала выключатель, надавила кнопку и увидела, что она на кухне, а там, над кастрюлькой на плите, маревом зыбился пар.

Выпадают моменты, когда даже самые целеустремленные женщины позволяют себе отклониться от главной цели. Миссис Уоддингтон достигла стадии, когда суп показался ей самым важным — а может, и единственно важным — в жизни. Она сняла крышку, и мясной дух защекотал ей ноздри, словно поцелуй.

Глубоко вдохнув, она налила супа в тарелку. Отыскала ложку. Хлеб. Соль. Перец.

И, когда она любовно окропляла суп перцем, голос позади произнес:

— Вот я тебя и сцапал!

4

Мало что могло оторвать внимание миссис Уоддингтон от тарелки.

Землетрясение, например, могло бы. Или взрыв бомбы. Но этот голос оторвал мгновенно. С резким вскриком она обернулась; сердце у нее скакало, будто бы исполняя танец Южных морей, популярность которого она всегда находила достойной сожаления.

В дверях стоял полисмен.

— То есть я вас арестовал, — поправился он, сильно расстроенный тем, что в возбуждении от встречи опять оплошал, нарушив чистоту слога.

В карман за словом миссис Уоддингтон никогда не лезла, но теперь все слова куда-то порастерялись. Она стояла молча и прерывисто дышала.

— Вы уж простите, — любезно продолжал полисмен, — но будьте любезны последовать за мной. Мы избежим множества неприятностей, если вы пойдете спокойно.

Оцепенение от шока у миссис Уоддингтон потихоньку рассасывалось.

— Я могу все объяснить! — закричала она.

— У вас будут все возможности сделать это в полицейском участке, — отвечал полисмен. — В ваших же собственных интересах я бы посоветовал вам до тех пор говорить как можно меньше. Должен предупредить вас, что я, исполняя свой долг, запишу все ваши слова. Видите, блокнот и карандаш у меня наготове.

— Я не сделала ничего дурного…

— Это решать судье. Едва ли стоит указывать, что одно ваше присутствие в чужой квартире — и то по меньшей мере двусмысленно. Вы проникли через стеклянную дверь — действие это квалифицируется как взлом и вторжение. Более того, вы присваиваете собственность владельца квартиры, а именно — суп. Боюсь, вам придется сопровождать меня.

Миссис Уоддингтон начала было в отчаянной мольбе ломать руки, но внезапно почувствовала, что жесту этому мешает какое-то препятствие.

Вдруг она увидела, что по-прежнему сжимает в руках перечницу. Пышной розой расцвела неожиданно пришедшая мысль, и чело ее просветлело.

— Ха! — воскликнула она.

— Простите? — переспросил полисмен.

Все в мире, даже самое незначительное происшествие, про которое мы всего лишь прочитали, предназначено, как убеждают нас философы, вооружить нас для битв жизни. Согласно этой теории, совсем не случайно несколькими днями раньше миссис Уоддингтон прочитала и подсознательно запомнила статейку о краже со взломом у некоего выдающегося гражданина Вест Оранджа, штат Нью-Джерси. Статья была специально послана в помощь ей.

Мелкие детали этого события в памяти ее не удержались, но одна характерная черта вспомнилась сейчас с силой озарения, посланного свыше. Загнанный в угол негодующим владельцем дома, взломщик умудрился удрать, применив нехитрое средство: швырнул две унции перца в лицо хозяину.

Раз уж это сумел заурядный и, скорее всего, необразованный взломщик, то такая женщина, как она, — почетный президент двадцати трех благотворительных обществ и хорошо известный лектор (тема — воспитание детей) уж как-нибудь справится. Жеманно потупясь, она принялась лихорадочно отвинчивать крышечку перечницы.

— Поймите, — умоляюще продолжал полисмен, — мне крайне неприятно…

И оказался прав. «Неприятно», как он понял минуту спустя — слово самое точное, его выбрал бы и педантичный стилист. Вселенная вдруг взорвалась огромным облаком перца. Перец щипал ему рот, перец забил ноздри, перец ел глаза и припорошил адамово яблоко. Секунду Гарроуэй слепо дергался, а потом, схватившись за стол, принялся чихать, как заводной.

Под звуки титанического чихания миссис Уоддингтон с грохотом неслась в потемках, пока не достигла стеклянной двери и, галопом промчавшись по крыше, не метнулась к пожарной лестнице.

5

Единственной ее политикой, или планом действия, было смутное желание удрать куда подальше от представителя Закона, пока тот не прочихался и, открыв глаза, не начал оглядываться. Но когда нога ступила на первые перекладины лестницы, у нее начали складываться замыслы постройнее. Пожарная Лестница, если спускаться по ней достаточно долго, ведет на землю, и она решила выбраться туда по этой. Однако, спустившись до девятого этажа и глянув вниз, обнаружила, что данная лестница выходит не в какой-то проулок, а на ярко освещенную веранду ресторана.

Зрелище это вынудило ее остановиться, и даже, если уж быть точным, окоченеть на месте. Разволновалась она не напрасно. Тем из читателей этой хроники, которым доводилось швыряться перцем в лицо полицейскому, а потом удирать по пожарной лестнице, прекрасно известно, что у пожарных лестниц, хотя они и считаются недурным

средством спасения, есть один дефект — уж очень они на виду. В любой момент, опасалась миссис Уоддингтон, полисмен может подойти к краю крыши и заглянуть вниз, а обдурить его, прикинувшись мусорным баком или молочной бутылкой, как она прекрасно понимала, актерских способностей у нее не хватит.

Инстинкт самосохранения не только обостряет находчивость, но и притупляет нравственную разборчивость. Это и случилось с миссис Уоддингтон. Ее обострившийся интеллект в один миг подсказал: если она влезет в окно, рядом с которым сейчас стоит, то скроется от любопытных глаз. Притуплённая же нравственность отказывалась вспоминать, что такое действие равносильно, как объяснял деликатный полисмен, взлому и вторжению, а значит, достойно порицания. Один взлом и одно вторжение она уже сегодня совершила, но аппетит, как известно, приходит во время еды. Словом, через несколько секунд миссис Уоддингтон опять пробиралась ощупью в потемках по чьей-то чужой квартире.

Ощутимый запах жира, капусты и влажных полотенец подсказал ей, что крадется она по кухне. Темнота была такой непроглядной, что она ничего не различала. Единственное, что она могла сообщить определенно про эту кухню, — в ней есть метла. Уверенность основывалась на том факте, что миссис Уоддингтон только что наступила на нее и ручка больно стукнула ее по лбу.

— У-ух! — не удержавшись, вскрикнула несчастная женщина.

Никаких комментариев высказывать она не намеревалась — тому, кто крадется по чужой кухне, следует сохранять молчание и не терять бдительности; но внезапная боль была столь острой, что вскрик вырвался невольно. К своему ужасу миссис Уоддингтон обнаружила, что он услышан! В потемках раздался странный звук, будто кто-то вынимает пробку, и неприятный гортанный голос осведомился:

— Кто там?

Миссис Уоддингтон застыла. При данных обстоятельствах ей не доставила бы удовольствия даже самая мелодичная речь, хотя нежный, сочувственный голос, несомненно, вызвал бы меньше мук и тревог. Этот же, скрипучий и злобный, явно принадлежал человеку, лишенному всякой жалости. В мыслях миссис Уоддингтон тут же понеслись крупные заголовки:

> «ВИДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНИЦА НАЙДЕНА УБИТОЙ НА КУХНЕ!»

— Кто там?

«РАСЧЛЕНЕННЫЙ ТРУП ПОД РАКОВИНОЙ!»

— Кто та-ам?

«ОТРЕЗАННАЯ ГОЛОВА ПРИВЕЛА СЫЩИКОВ НА МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ!»

— Кто та-а-ам?

Миссис Уоддингтон сглотнула.

— Я — миссис Сигсби Х. Уоддингтон, — пролепетала она; и как бы изумился Сигсби, услышь он сейчас жену. Оказывается, она способна говорить с такой приятной кротостью!

— Кто там?!

— Миссис Сигсби Х. Уоддингтон с 79-й стрит и из Хэмс-теда, Лонг-Айленд. Простите, что я так странно…

— Кто там?!?

От досады ужас миссис Уоддингтон чуть ослабел. Глухие всегда раздражали ее; как и большинство властных и нетерпеливых женщин, она твердо придерживалась мнения, что все они прекрасно услышат, если дадут себе труд слегка поднапрячься. Повысив голос, она повторила уже с некоторой холодностью:

— Я уже сообщила вам, я — миссис Сигсби Х. Уоддингтон…

— Возьми орех, — предложил, меняя тему, собеседник.

Зубы миссис Уоддингтон звонко клацнули. Всякие эмоции, владевшие ею, вмиг исчезли, сменившись холодной яростью. Какое унизительное открытие для гордой женщины! Потратить столько времени на уважительную беседу с попугаем! Скандалу помешало лишь то, что в темноте невозможно обнаружить, где он. Иначе, несомненно, птичке пришлось бы туго.

— Брысь! — миссис Уоддингтон пришлось ограничиться словесным излиянием. Игнорируя совершенно неуместную и бестактную просьбу — подойти и почесать попочке голову, — она рванулась дальше, на поиски дверей.

После пережитых страхов она стала почти спокойной. Тревога, терзавшая ее несколько минут назад, исчезла; теперь миссис Уоддингтон двигалась энергично и деловито. Отыскав дверь, она ее открыла. За ней тоже лежали потемки, но света, проникавшего через незанавешенное окно,

вполне хватило, чтобы она разглядела гостиную. В одном углу стоял диван с высокой спинкой. В другом — письменный стол с двумя тумбами. А на мягком ковре расположились кресла, в одно из которых миссис Уоддингтон при других обстоятельствах с удовольствием бы погрузилась.

На ногах она была уже давненько, но осмотрительность остерегала: «Нельзя поддаваться соблазну. Сейчас время действовать, а не отдыхать». Она повернула к двери, ведущей, предположительно, в холл, а оттуда — на лестницу, к безопасности. Но не успела открыть ее, как раздалось щелканье ключа.

Миссис Уоддингтон прореагировала стремительно. Странное спокойствие, владевшее ею, сменилось паническим ужасом. Она метнулась обратно в гостиную и, одним вдохновенным скачком подлетев к дивану, прилегла за ним, стараясь не пыхтеть.

— Долго ждали? — осведомился невидимый человек, включая свет и обращаясь к невидимому собеседнику.

Голос ей был незнаком, но другой, ответивший, она знала, и очень даже хорошо, а потому — застыла, едва обуздывая свои чувства. То был голос Ферриса, ее дворецкого, которому, если б он говорил правду, полагалось сидеть у чьей-то постели!

— Некоторое время, сэр. Совсем недолго.

— Почему вы хотели меня видеть?

— Я говорю с мистером Ланселотом Биффеном, главным редактором «Городских сплетен»?

— Да, именно. Выкладывайте, что у вас, да поживее. Через минутку я опять должен убегать.

— Как я понял, мистер Биффен, «Городские сплетни» охотно берут любопытные новости, касающиеся известных членов нью-йоркского светского общества, и выплачивают солидное вознаграждение. У меня есть такие новости.

— Про кого?

— Про мою хозяйку, миссис Сигсби Х. Уоддингтон.

— А что с ней такое?

— Это долгая история…

— Тогда у меня нет времени.

— Это насчет скандала, помешавшего венчанию падчерицы миссис Уоддингтон…

— Так что, венчание не состоялось?

— Нет, сэр. И обстоятельства, воспрепятствовавшие ему… Биффен нетерпеливо вскрикнул, видимо, взглянув на часы и поразившись, до чего

ж быстро летит время.

— Мне пора! У меня встреча в «Алгонкине» через четверть часа. Приходите завтра в редакцию…

— Боюсь, это будет невозможно, сэр…

— Тогда вот что. Вы когда-нибудь писали?

— Да, сэр. Там, в Англии, я часто писал коротенькие статейки в приходской журнал. Викарий очень их хвалил.

— Тогда садитесь и напишите все своими словами. А я потом отшлифую. Вернусь через час. Если желаете, подождите.

— Хорошо, сэр. А как насчет вознаграждения?

— Это обсудим позже.

— Хорошо, сэр.

Биффен вышел. Из его спальни донесся приглушенный грохот; видимо, он что-то разыскивал. Потом хлопнула парадная дверь, и на квартиру снова опустилась тишина.

Миссис Уоддингтон все так же лежала, припав к полу. Сразу вслед за уходом Биффена она уже было приподнялась, чтобы предстать перед вероломным дворецким и сообщить ему, что он больше у нее не служит, но новое соображение удержало ее. Да, прельстительно было бы внезапно появиться над спинкой дивана и посмотреть, как съежится под ее взглядом дворецкий, но ситуация — слишком сложная, и нельзя позволить себе такой поступок. Оставшись, где была, она коротала время, пытаясь избавиться от онемения нижних конечностей.

До нее доносилось мягкое поскрипывание пера. Феррис явно усердствовал изо всех сил. Видимо, он, как и Флобер, не щадил трудов в стремлении к абсолютной ясности и мог исправлять до бесконечности. Миссис Уоддингтон уже казалось, что бдению ее конца не предвидится.

Но в суетливом городе, вроде Нью-Йорка, редко какому творцу позволят сосредоточиться. Резкая дребезжащая трель телефонного звонка вторглась в тишину, и миссис Уоддингтон впервые за долгое время порадовалась: телефон был в коридоре, а не в комнате. Необузданная радость, сродни чувствам заключенного, которому отсрочили смертный приговор, охватила ее, когда она услышала, как поднимается из-за стола дворецкий. Вскоре его размеренный голос доносился издалека, сообщая невидимому собеседнику, что Биффена нет дома.

Страдалица поднялась из-за дивана. В ее распоряжении было секунд двадцать, и она не потеряла понапрасну ни единой. К тому времени, пока Феррис вернулся и вновь окунулся в литературные труды, она уже была на

кухне.

Стоя у окна, миссис Уоддингтон оглядывала пожарную лестницу. Теперь-то уж, прикинула она, безопасно снова подняться на крышу. И решила: «Сосчитаю очень медленно до трехсот и рискну».

ГЛАВА XV

Молли и Сигсби (который беспрерывно приборматывал «Галлахэр, Галлахэр, Галлахэр», боясь, как бы магическое имя опять не вылетело из памяти) выехали в двухместном автомобиле через четверть часа после отъезда миссис Уоддингтон. На полпути к Нью-Йорку, однако, спущенная шина остановила их продвижение, а неумелость Сигсби задержала еще дольше. Добравшись наконец до Нью-Йорка, Молли высадила отца у полицейского управления и к дому «Шеридан» подъехала, когда миссис Уоддингтон уже совершила опрометчивый поступок, расстроивший офицера Гарроуэя.

Поспешно поднявшись по лестнице, Молли позвонила в квартиру Джорджа. Некоторое время ей казалось, что звонок не нашел отклика, но через несколько минут в коридоре раздались шаги. Дверь открылась, и на Молли уставились воспламененные глаза полисмена.

Она с удивлением смотрела на него. Никогда прежде она не видела этого человека, и у нее мелькнуло чувство, что она предпочла бы не видеть его и сейчас. Нос, глаза и уши у него ярко пламенели, со спутанных волос капала вода. Чтобы ослабить жжение, Гарроуэй какое-то время держал голову под краном и теперь выглядел точь-в-точь как труп, который извлекли из реки после нескольких дней пребывания в воде. Мелкое отличие состояло в том, что он чихал.

— Что вы тут делаете? — воскликнула Молли.

— А-апчхи!

— Что? — переспросила Молли.

С благородством, заслуживавшим продвижения по службе, полисмен подавил новый чих.

— Грубое насилие, — сообщил он.

— Мистер Финч не пострадал? — всполошилась Молли.

— Он — нет. Я — да.

— А кто вы?

— Гар-оо-чхи… чхи…

— Как?

— Гар-иш-чхи-и-и… Гарроуэй! — чуть успокаиваясь, сумел выговорить полисмен.

— А мистер Финч где?

— Не могу сказать, мисс.

— У вас что, простуда?

— Нет, мисс, не про… — чх-упчх-апчхи! Женщина швырнула мне в лицо перцем.

— Не надо водить знакомства с такими особами, — строго попеняла Молли.

Несправедливость укора ужалила Гарроуэя.

— Она мне не знакомая! Я ее арестовывал.

— А, понятно.

— Она вторглась в чужую квартиру.

— О, Господи!

— А когда я довел до ее сведения, что вынужден арестовать ее, она взяла да и швырнула мне перцем в лицо! И сбежала!

— Ах вы, бедняга!

— Спасибо, мисс, — признательно отозвался Гарроуэй. Человеку всегда приятно сочувствие, а уж тем более от молодой прелестной девушки, глядящей на вас огромными голубыми глазами. Именно в эту минуту офицер почувствовал явное улучшение.

— Принести вам что-нибудь? — осведомилась Молли.

— Нет, мисс, — печально покачал он головой. — Это противозаконно. Вообще-то я должен участвовать в облаве сегодня вечером. Там, в ресторане, продают спиртные напитки.

— Нет, я имела в виду — из аптеки что-нибудь. Скажем, мазь…

— Спасибо, мисс, не смею доставлять вам такие хлопоты. Я сам загляну в аптеку по пути в участок. А сейчас я вынужден оставить вас, мне надо одс. пчх… а-апчхи!

— Что-что?

— Одеться, мисс.

— Да вы одеты!

— Для рейда, о котором я только что упомянул, необходим полный вечерний костюм… пчхи… апчхи! Чтобы обмануть служащих ресто… пчхи!.. усыпить их бдительность. Ничего не получится, если мы нагрянем туда в полицейской форме. Сразу насторожатся.

— Ой, как интересно! А в каком ресторане будет облава?

— Видите ли, мисс, — заколебался офицер Гарроуэй, — это служебный секрет, но если вы никому не скажете — обла… пчхи… а-пчхи! — будет в «Лиловом цыпленке». Это здесь, за углом. Так что пожелаю вам, мисс, доброй ночи, а мне пора бежать.

— Минуточку! Я ведь пришла к мистеру Финчу! Вы его не видели?

— Нет, мисс. Никто не заходил в квартиру, пока я был тут.

— Тогда я подожду. Доброй ночи. Надеюсь, вам станет получше.

— Мне уже лучше, мисс, — галантно сообщил Гарроуэй, — благодаря вашему сочувствию. Доброй вам… апчхи-и! — ночи, мисс.

Молли, выйдя на крышу, встала там, глядя на миллионы переливающихся огней. На такую высоту голос Нью-Йорка доносился едва слышным шепотом. Воздух был прохладен и душист. Легкий ветерок шелестел кустами в горшках, за которыми с таким рвением ухаживал Муллет. Укоризненно сиял полумесяц, словно понимая, что предстает он не в самом выгодном свете. Как и Сигсби Х. Уоддингтону (гонявшемуся сейчас за третьим Галлахэром), луне, чтобы выразить себя, нужны широкие просторы.

Молли, однако, не увидела в серебристом сиянии повода для критики. Клуне она испытывала собственнический интерес. То была ее личная, персональная луна, она должна была бы светить сейчас в окошко поезда, уносящего ее в свадебное путешествие. В том, что путешествие пока что откладывалось, луна ни капельки не виновата. Глядя на светило, несчастная невеста попыталась продемонстрировать своим поведением, что воспринимает все правильно.

Именно тогда в покой ночи ворвалось приглушенное восклицание, и, обернувшись, Молли увидела Джорджа.

Джордж стоял в лунном свете, поедая ее оловянными глазами. Хотя фигурка перед ним обладала всеми признаками Молли и хотя опрометчивый наблюдатель с ходу признал бы — да, это Молли и есть, казалось настолько невозможным, чтобы она очутилась здесь, что Джордж решил — он страдает галлюцинациями. Видимо, его подкосило нервное напряжение такого тяжелого дня, доведя до того состояния, в каком находится путник, которому мерещатся миражи. Поэтому он остался стоять, где стоял, не смея шевельнуться. Ему ведь было известно, что стоит дотронуться до человека во сне — и он исчезает.

У Молли склад ума был более практичный. Она двадцать миль проехала ради того, чтобы увидеть Джорджа, прождала его уйму времени, и вот он наконец-то здесь! Тогда она совершила самый разумный поступок — слегка вскрикнув от восторга, скакнула к нему, словно кролик.

— Джордж! Мой дорогой!

Человек учится, пока живет. Джорджу стало ясно, что он здорово промахнулся; надо пересмотреть все эти предвзятые идеи насчет того, что может и чего не может произойти во сне. От прикосновения Молли не исчезла, а, наоборот, с каждой секундой становилась реальнее.

Прикрыв глаза, он нерешительно поцеловал ее. Потом открыл их.

Молли по-прежнему стояла рядом.

— Так это и правда ты? Наяву?

— Да, это я, наяву.

— Как же… Что?…

Уровень интеллекта у него был вполне приличный, и тут до него дошло, что он портит золотой миг бессмысленной болтовней. Он прекратил всякие расспросы, и на крыше воцарилось молчание. Луна смотрела сверху, весьма довольная. Не очень-то большой интерес рассматривать огромный город. Вот такое зрелище куда приятней. Единственное зрелище, если подумать, ради которого и стоит светить.

Джордж прильнул к Молли, а Молли прильнула к Джорджу, точно двое уцелевших после кораблекрушения, случайно встретившиеся на омываемом волнами берегу. Забытый мир уходил от них все дальше и дальше.

Но мир никогда не позволяет забывать о себе надолго. Вдруг Джордж оторвался от Молли, вскрикнул, подбежал к стене и взглянул вниз.

— Что случилось?

Успокоенный Джордж вернулся. Тревога оказалась ложной.

— Мне показалось, что я увидел кого-то на пожарной лестнице.

— На пожарной лестнице? Кто ж там мог быть?

— Подумал, может, сосед с этажа ниже. Пренеприятный тип. Очень любопытный, вечно всюду сует нос. Некий Ланселот Биффен. Он и раньше сюда захаживал. Редактор «Городских сплетен». Меньше всего нам нужно, чтоб он за нами подсматривал.

— А ты уверен, — тревожно спросила Молли, — что его там не было?

— Абсолютно.

— Если кто увидит меня здесь…

Джордж выругал про себя чересчур живое воображение, которому почудился темный силуэт на фоне летнего неба. Разрушил сам золотой миг, и его уже не вернуть.

— Не пугайся, дорогая. Даже если он и видел тебя, то ни за что не догадается, кто ты.

— Ты хочешь сказать, что ему не в диковинку, что ты кого-то целуешь?

Джордж пребывал в том расположении духа, когда человек не вполне отдает себе отчет, что он говорит, но он был уверен, что ничего подобного не имел в виду, и язык у него узлом заплетался, когда он попытался выразить это тремя разными способами.

— Да-а, после того, что произошло сегодня днем… — протянула

Молли.

И отодвинулась. Она была доброй, но общеизвестно, что любая особа женского пола обожает помучить мужчину, которого любит. Женщина может быть ангелом милосердия, исцеляя муки и страдания, но если ей выпал случай кольнуть возлюбленного и понаблюдать, как тот корчится в муках, она этого случая не упустит.

Язык казался сейчас Джорджу клубком шерсти, с которым вдосталь наигрался котенок. Огромными усилиями он расправил два-три главных узла, чтобы произнести хоть что-то.

— Клянусь тебе… — начал Джордж, настолько увлекшись эмоциями, что даже пылко вскинул кулак клуне.

Молли замурлыкала от наслаждения. Она просто обожала смотреть на него, когда он бывал особенно смешным, а уж смешнее, чем сейчас, он еще никогда не выглядел.

— Клянусь тебе чем хочешь, я в жизни не видел этой чертовой девицы!.

— А она прекрасно тебя знает!

— Для меня она — абсолютная, совершенная незнакомка! Целиком и полностью!

— Ты уверен? Может, просто забыл о ней?

— Клянусь, — повторил Джордж, удержавшись в последнюю секунду, чтоб не прибавить — «этой луной!». — Если хочешь знать…

— Да! Очень-очень!

— Так вот, я думаю — она ненормальная. Совершенно безумная особа!

Молли решила, что мучение длилось достаточно долго. Девушки с поразительной точностью умеют рассчитывать время пытки. Мучения в меру мужчинам на пользу — они подстегивают их, позволяют поддерживать активную и энергичную форму. Но слишком много — это тоже перебор.

— Джордж, бедняжечка мой! — проворковала она. — Неужели ты хоть на миг мог подумать, будто я поверила хоть единому слову из того, что она наговорила?

— Что! Ты не поверила?

— Конечно, нет!

— Молли! — Теперь Джордж аккуратно взвешивал слова. — Ты самая милая… самая добрая… самая прекрасная, самая совершенная девушка на свете!

— Конечно. Видишь, как тебе повезло!

— Ты ведь сразу поняла, что она — сумасшедшая! Сразу раскусила, что она одержима какой-то манией…

— Ничего я такого не поняла! Сначала я совсем растерялась, но потом пришел папа и сказал, что исчезло мое жемчужное ожерелье.

— Твое жемчужное ожерелье? Исчезло?!

— Девица стащила его. Она воровка. Разве ты еще не понял? Все подстроено, и очень хитро. По-другому заполучить его она не могла. А вот так, ворвавшись, крича всякую чепуху, она, естественно, отвлекла внимание от свадебных подарков. Потом притворилась, будто хлопнулась в обморок на стол, схватила ожерелье и быстренько сбежала. Никто даже и не догадался, что же произошло на самом деле.

Джордж присвистнул. Кулаки у него сжались. Он враждебно уставился на куст в горшке, точно тот нанес ему личное оскорбление.

— Если я когда-нибудь встречу эту…

— А вот мама, — расхохоталась Молли, — все еще говорит, будто ты знал ее и ее история — правда, а ожерелье она стянула по пути. Забавно, а?

— Забавно, — горько заметил Джордж, — не то слово. Из-за твоей мачехи я хохочу без остановки, с самого начала. Она заслуживает, чтоб ей как следует дали дубинкой по голове. Если хочешь знать, что я думаю об этой заразе, об этой каре небесной, которая ухитрилась прицепиться к вашей семье и отравить всем жизнь, позволь мне начать с того, что… Однако сейчас не время…

— И правда. Мне пора возвращаться.

— О, нет!

— Да. Надо ехать домой и упаковываться.

— Упаковываться?

— Возьму только один чемодан.

Вселенная вокруг Джорджа бешено завращалась.

— То есть — ты что же, уезжаешь? — упавшим голосом выговорил он.

— Ну да! Завтра.

— О, Господи! Надолго?

— Навсегда. С тобой.

— Со?..

— Конечно! Разве ты не понял? Сейчас я еду домой уложить чемодан. Потом вернусь в Нью-Йорк, переночую в отеле. Завтра мы рано утром обвенчаемся и днем уедем. Совсем одни.

— Молли!

— Взгляни на эту луну. Сейчас ей полагалось бы светить в окошко

нашего поезда.

— Да.

— Ну что же, завтра вечером луна будет не хуже! Джордж облизал губы. Что-то щекотало ему нос, а в груди разрастался непонятный нарост, затрудняя дыхание.

— А полчаса назад я думал, что никогда не увижу тебя.

— Пойдем, спустимся. Проводи меня до машины, — отрывисто сказала Молли. — Я поставила ее у дверей.

Они спустились по лестнице. Из-за эксцентричных повадок лифта Джорджу частенько приходилось подниматься и спускаться пешком, но только сейчас, впервые, ему бросилась в глаза особенность, отличающая ее от всех других лестниц в многоквартирных домах. Эта была увита розами и жимолостью, на ней вовсю распевали птицы, чего, собственно, не бывает в многоквартирных домах. Странно… И все же, как он незамедлительно понял, так и должно быть!

Молли забралась в свой автомобильчик, а Джордж высказал то, что давно уже вертелось у него на языке.

— Не понимаю, зачем тебе вообще торопиться.

— Как это зачем? Надо упаковаться и уехать до возвращения мамы.

— Так что, эта черте… твоя мачеха в Нью-Йорке?

— Да. Поехала в полицию.

До этой минуты Джордж относился к Нью-Йорку как к городу особенному. В частности, ему очень нравилось, как через уличные плитки пробиваются сейчас фиалки, — но, услышав эту новость, он обнаружил, что город утратил частицу очарования.

— О, она в Нью-Йорке, вот как?

— Сейчас, наверное, едет домой.

— А может, у нас еще есть время пойти куда-нибудь и наскоро пообедать? Уютненький такой, маленький обед в каком-нибудь спокойненьком ресторанчике…

— Господи, нет! Мне и так уже надо поторапливаться. — Молли пристально взглянула на него. — Джордж, милый, ты умираешь от голода! Я вижу. Ты такой бледный и измученный. Когда ты ел последний раз?

— Ел? Когда ел? Не помню уж.

— А что ты делал после скандала?

— Я… Ну, прошелся немножко. Потом сидел в кустах, надеялся, вдруг появишься ты. А потом, наверное, отправился на станцию и сел в поезд.

— Бедняжечка ты мой! Ступай и сейчас же поешь.

— Почему я не могу поехать в Хэмстед с тобой?

— Потому что не можешь.

— А в каком отеле ты остановишься на ночь?

— Пока не знаю. Но непременно перед этим загляну на минутку к тебе.

— Что, сюда? Ты заедешь сюда?

— Конечно.

— Обещаешь?

— Да, если ты сейчас же пойдешь и пообедаешь. Ты совсем бледный.

— Пообедаю?.. Ну ладно, схожу.

— Обязательно, смотри! Если не пообедаешь к тому времени, как я вернусь, я сразу же уеду домой! И никогда, никогда не выйду за тебя замуж! До свидания, милый. Мне пора.

Автомобиль тронулся и свернул на Вашингтон-сквер. Джордж стоял и долго смотрел ему вслед, когда и смотреть-то уже было не на что, только на пустую улицу; а потом, будто средневековый рыцарь, отправился совершать подвиг во имя своей дамы. Хотя она, разумеется, сильно ошибалась, приказав ему обедать. Единственное, что ему хотелось и что прописал бы ему любой доктор, — вернуться на крышу и любоваться луной. Однако самое пустяковое *ее* желание было для него законом.

Куда же добраться быстрее всего и выполнить омерзительную задачу с минимальной затратой времени?

В «Лиловый цыпленок», разумеется. Ресторанчик рядом, под боком, и человек целеустремленный, если возьмет комплексный обед за полтора доллара, сумеет побросать в себя всю еду минут за десять, так что луна не истомится в ожидании.

Вдобавок в «Цыпленке» можно раздобыть «то самое», если вас там знают. Джордж, человек молодой и умеренный, чувствовал, что «то самое» нужно ему позарез. Ему, конечно, следовало бы наслаждаться золотистым нектаром из старинного хрустального бокала, но раз уж его под рукой нет, придется довольствоваться виски, поданным в обычном кофейнике.

ГЛАВА XVI

1

В «Лиловом цыпленке», судя по всему, был наплыв посетителей. Внутренний зал, когда Джордж заглянул туда, был битком набит, шанса найти столик — ни малейшего. Джордж прошел дальше, надеясь отыскать укромное местечко на веранде или в саду, мимоходом подивился атлетическому сложению многих посетителей.

Обычно в «Цыпленке» собиралась богема из близлежащих кварталов, мускулатурой не блиставшая. Столики занимали в основном худосочные поэты да изящные художники-футуристы. Сегодня поэтов с художниками хватало, но их затмевали гранитолицые мужчины с могучими плечами и квадратными челюстями. Джордж решил, что в Нью-Йорке проходит конференция и это ее участники из других штатов, решившие вечерком поглазеть на богему.

Однако особо задумываться над этим не стал, потому что, подстегнутый видом еды, начал понимать, что Молли была права — женщины ведь всегда правы: хотя высшее его «я» требовало луны, более низменное, почти с той же настойчивостью, стремилось подкрепиться. А в этом ресторанчике счастливо сошлись возможности удовлетворить желания обоих «я»: над мощеным задним двором, именуемым здесь «садом», вовсю сияла луна, прекрасно видная, самая что ни на есть подлинная, и стояли наготове официанты, горя рвением подать обед за полтора доллара.

Комбинация показалась Джорджу исключительно удачной, и теперь его заботило одно — как бы разыскать местечко. На первый взгляд и тут все столики были заняты.

Впечатление подтвердил и второй. Зато у стены дома «Шеридан», в нескольких шагах от пожарной лестницы, Джордж углядел столик, за которым сидел всего один человек. К нему он и подошел, виновато улыбаясь. Обычно ему не нравилось делить столики с незнакомцами, но если альтернатива — уход отсюда и долгие розыски другого ресторана, то и с соседством можно смириться.

— Простите, сэр, — проговорил Джордж. — Вы не возражаете, если я сяду за ваш столик?

Человек, поглощенный до того poulet roti aux pommes de terre и salade Bruxelloise,[15] вскинул на него глаза. Судя по его телосложению, он тоже был участником конференции из другого штата. Он возвышался над столиком, точно великан из цирка, и руки, сжимавшие нож и вилку, отличала мощь, какую Джордж заметил и у других обедавших. Однако была и разница — взгляд. У тех он был стальной и недружелюбный; такие глаза водитель автоматически связывает с дорожной полицией, а профессиональный вор — с профессиональными сыщиками. Этот же смотрел ласково, глаза его можно было бы назвать даже красивыми, если б их не портили красные ободки вокруг век и общий, несколько воспаленный, вид.

— Ничуть не возражаю, сэр, — отозвался он на вежливую просьбу.

— Что-то сегодня народу многовато.

— Да, немало.

— Значит, если не возражаете, я тут и устроюсь?

— Всегда рад.

Джордж огляделся, ища официанта, и обнаружил одного у своего локтя. Как ни переполнен был «Цыпленок» постоянными клиентами, прислуга их знала, а Джордж уже несколько месяцев регулярно посещал этот ресторан.

— Добрый вечер, сар, — приветствовал его официант улыбкой, некогда разбившей немало сердец в Италии.

— Добрый вечер, Джузеппе, — отозвался Джордж. — Возьму обед.

— Да, сар. Зуп-пюре или пульон?

— Пюре. Многовато сегодня клиентов, Джузеппе.

— Да, сар. Полно. Хороший бизнес.

— Официант, похоже, вас знает, — заметил его сотрапезник.

— О, да. Я частенько сюда забегаю.

— Ага… — задумчиво отозвался другой.

Прибыл суп, и Джордж жадно набросился на него. Его сосед с чудовищным аппетитом поедал спагетти.

— Вы первый раз в Нью-Йорке? — поинтересовался после паузы Джордж.

— Вообще-то нет. Я тут живу.

— А-а. Я думал, вы из другого штата.

— Нет, сэр. Живу прямо тут, в Нью-Йорке.

Престранная мысль, что он уже где-то видел этого человека, мелькнула у Джорджа. Да, теперь он мог бы поклясться, что видел и долговязую фигуру, и выпирающее адамово яблоко, и это доброе

выражение лица. Он покопался в памяти. Но нет, ничто не ворохнулось в ее глубинах.

— У меня странное чувство, будто мы уже встречались, — поделился Джордж.

— Мне и самому так показалось.

— Моя фамилия Финч.

— А моя — Кабо. Делансиси Кабо. Джордж покачал головой.

— Нет, не знаю.

— А я вот вашу знаю. Слышал ее, но никак не припомню — где.

— Вы в Гринвич Виллидж живете?

— Немного дальше. В центре. А вы?

— А я на верхнем этаже вот этого самого дома. Позади нас. Внезапный свет узнавания, заметил Джордж, осветил лицо его собеседника.

— Вспомнили, где мы встречались?

— Нет, сэр. Нет-нет! — заспешил тот. — Совсем из памяти вон. — Он отхлебнул ледяной воды. — Однако вспоминается, что вы как будто художник?..

— Правильно. А вы тоже художник?

— Я — поэт.

— Поэт? — Джордж постарался скрыть естественное удивление. — А где вы печатались?

— Пока что, мистер Финч, я еще ничего не опубликовал, — печально признался тот.

— Вот незадача! Я тоже не продал еще ни одной картины.

— Н-да, паршиво.

И они взглянули друг на друга добрыми глазами, два страдальца, две жертвы дурного вкуса публики. Возник Джузеппе, неся блюдо с яблочным пирогом в одной руке и poulet roti в другой.

— Джузеппе! — окликнул его Джордж.

— Сар?

Джордж приблизил губы к внимательному уху официанта.

— Тш-пш, пш-тш, — зашептал он.

— Да, сар. Слушаю, сар. Один момент!

Джордж удовлетворенно откинулся на спинку стула. И тут ему подумалось, что, пожалуй, он допустил маленькую невнимательность. Конечно, красноглазый — ему не гость, но все-таки они соседи по столику и близки по духу; обоим известно, каково это — трудиться на ниве искусства без всякой поддержки или должной оценки.

— А может, и вы присоединитесь? — предложил он.

— Присоединюсь? К чему, сэр?

— Выпьете виски? Джузеппе сейчас принесет.

— Вот как? А разве в этом ресторане можно приобрести алкогольные напитки?

— Легче легкого, если вас тут знают.

— Это же противозаконно?

— Ха-ха-ха! — весело рассмеялся Джордж. Ему нравился этот приятный, забавный парень. — Ха-ха! А вы шутник!

И он с искренним дружелюбием взглянул на соседа. Так смотрят на незнакомца, у которого вдруг открылось недюжинное чувство юмора. А взглянув внимательно, Джордж окаменел.

— О, Господи!

— Сэр?

— Ничего-ничего!

Память, несколько подзадержавшись по пути, все-таки достигла цели. Человек этот совсем не чужой! Теперь Джордж вспомнил, где видел его. На крыше «Шеридана»! Одетый в полицейскую форму, тот остерегал его, сообщая о прискорбном прошлом Фредерика Муллета. Этот человек — коп! А он только что, прямо на его обведенных красным глазах, заказал виски!

— Я, конечно, шутил, — нервно хохотнул Джордж. — Сами понимаете…

— Насчет чего, мистер Финч?

— Да когда сказал, будто тут легко получить спиртное. Джузеппе мне имбирный эль принесет, и всего-то!

— О-о, правда?

— И зовут меня не Финч, — нес Джордж, — а… э… Брискетт. И живу я не в той квартире, наверху. Я живу…

Сбоку подоспел Джузеппе. Вел он себя до того заговорщицки и так хитро подал высокий бокал и кофейник, что похож был, ни дать ни взять, на служителя Черной Руки, плетущего заговоры против общественного блага.

— А-а, мой имбирный эль? — прочирикал Джордж. — В кофейнике ведь имбирный эль? Да?

— Да, сар. Имбирный эль. Эль! Ха-ха-ха! Вы такой забавник джентльмен, мистер Финч! — одобрительно прибавил Джузеппе.

Джорджу захотелось лягнуть его как следует. Если все современные итальянцы таковы, ничего удивительного, что Италии потребовалась

диктатура.

— Унесите его! — дрожащим голосом приказал он. — Я не хочу, чтоб подавали в кофейнике.

— Но, мистер Финч, виски мы всегда подать в кофейнике. Вы сами знаете!

Взглянув через стол, Джордж пришел в смятение. Долговязая фигура соседа, будто разматывая и разматывая кольца, поднималась все выше, а на лице у него возникло странное выражение решимости и угрозы.

— Вы…

В продолжении Джордж не сомневался:… «арестованы!» Но слово так и не прозвучало. В неожиданном припадке безумия Джордж кинулся действовать. При обычных обстоятельствах склонности к буйству он не проявлял, но сейчас выручить могло только буйство. В мозгу у него пронеслась картинка того, что случится, если он не примется действовать быстро и решительно. Его арестуют, упрячут за решетку. А Молли никто не встретит, хуже того — никто на ней не женится завтра!

Джордж не колебался ни секунды. Уцепив скатерть, он рывком сдернул ее. Вихрем взлетели яблочный пирог, ледяной чай, хлеб, картошка, салат, poulet roti. Высоко взметнув скатерть, словно тореадор на арене, он опустил ее на голову полисмена. Со всех сторон посыпались заинтересованные возгласы. Ресторанчик был не чопорный, в нем всегда царил дух богемного веселья, но даже здесь все это вызвало живейший интерес. Четверо обедавших счастливо расхохотались, пятый воскликнул: «У-ух! Наддай жару!», шестой призвал: «Нет, вы только взгляните!».

В нью-йоркской полиции лодырей нет. Полицейские могут вести себя тихо, но отдела не отлынивают. Цепкая рука выпросталась из-под скатерти и ухватила Джорджа за плечо. Другая цепкая рука зависла над его воротничком. Пальцы первой сжали крепче.

Джордж был не в том настроении, чтобы терпеть подобные выходки. Он ударил, и попал по чему-то крепкому.

— Casta dimura salve e pura! Молодец! Врежь ему еще! — посоветовал Джузеппе, смекнувший, что человек под скатертью не из тех, кто принимает интересы «Цыпленка» близко к сердцу.

Джордж совету последовал. Скатерть заволновалась еще пуще. Рука с его плеча упала.

В этот момент из внутреннего зала донеслись нестройные крики и погас свет.

Лучшего Джордж и желать не мог. Темнота как раз отвечала его интересам. Скакнув к пожарной лестнице, он взобрался на нее с такой же

прытью, с какой миссис Уоддингтон недавно спускалась, добрался до крыши и, приостановившись на минутку, вслушался в суматоху внизу. Потом, разобрав сквозь грохот и шум на лестнице, что по ней кто-то взбирается, сиганул к спальной веранде и нырнул под кровать. Искать убежища в квартире, понимал он, бесполезно. Это первое место, куда кинется его преследователь.

Джордж затаил дыхание. Шаги приблизились. Дверь открылась, вспыхнул свет.

2

Предполагая, что люди, которые забираются по пожарной лестнице, преследуют его, Джордж допустил вполне простительную ошибку: в силу самых разных обстоятельств бегство его из «Цыпленка» прошло незамеченным.

Во-первых, когда Гарроуэй уже выпутывался из складок скатерти, Джузеппе с преданностью хозяевам, достойной всяческих похвал, хватил его кофейником в глаз, что снова затуманило взор полисмена. А пока в голове у него прояснялось, погас свет.

Одновременно луна, явно выступавшая на стороне Джорджа, унырнула за густое облако, где и схоронилась. А потому ни один человеческий глаз не наблюдал, как спасался бегством наш герой.

Шаги же, которые он услышал на пожарной лестнице, принадлежали молодой паре, на уме у которой, как и у него самого, было одно — убраться подальше. Ни малейшей враждебности к Джорджу у них и в мыслях не было. Напротив, заметь они его, только бы поторопили и пожелали удачи. Ведь то были мадам Юлали и Дж. Хамилтон Бимиш собственной персоной.

Хамилтон с невестой прибыл в ресторан через несколько минут после Джорджа и, как и Джордж, обнаружили, что столики заняты все до единого.

Однако, в отличие от Джорджа, он не смирился с ситуацией безропотно и покорно. Пустив в ход всю силу своего величия, он вызвал из небытия добавочный столик, который поставили и накрыли в уютном местечке, на границе внутреннего и внешнего залов.

У места этого на первый взгляд было много недостатков. Часто пробегавшие официанты неизменно спотыкались о стул Бимиша, что особенно неприятно, когда человек пытается разговаривать с любимой

девушкой. Но близился момент, когда все недостатки поблекли в сравнении со стратегическими преимуществами. В минуту, когда облаву объявили, можно сказать, официально, Хамилтон наливал даме сердца то, что у администрации сходило за шампанское. Но любезному его жесту помешали: тяжелая рука легла ему на плечо и грубый резкий голос сообщил, что он арестован.

Последовал ли бы Хамилтон пылкой тактике Джорджа Финча, закутавшего полисмена в скатерть, а потом ударившего его, останется неведомым, поскольку необходимость подобных действий была устранена внезапно погасшим светом. И вот в этот-то момент и раскрылись все преимущества его месторасположения.

До пожарной лестницы было всего несколько шагов. Хамилтон, схватив невесту за руку, быстро потащил ее туда и, поставив на нижнюю перекладину, так энергично подтолкнул вверх, что неправильных толкований возникнуть не могло. Через секунду мадам Юлали поспешно карабкалась к крыше, а Хамилтон поспешал за ней по пятам.

Достигнув конца пути, они встали рядом, глядя вниз. Свет в «Цыпленке» все еще не зажегся, из темноты доносился галдеж, свидетельствующий, что неведомые личности обходятся весьма грубо с другими неведомыми личностями. Мадам Юлали сочла, что они удачно удрали оттуда, что и высказала.

— Я даже и не подозревала, Джимми, дорогой, как замечательно иметь тебя рядом в минуту опасности! — заявила она. — До чего ж ловко ты выдернул нас оттуда! В жизни такого не видала. У тебя, должно быть, преогромный опыт!

Хамилтон отирал платком куполообразный лоб. Ночь была теплая, а подъем — скоростной.

— Никогда себе не прощу, что подверг тебя таким испытаниям!

— Ну что ты! Это очень весело!

— Ладно, все закончилось благополучно, и слава Богу…

— Закончилось ли? — перебила мадам Юлали.

— О чем ты? Она указала вниз.

— Сюда кто-то поднимается.

— Да! Ты права!

— Что же нам делать? Сбежать по лестнице?

— Вход они, по всей вероятности, охраняют, — покачал головой Хамилтон.

— Тогда — что?

В минуты, подобные этой, и отличишь великий ум. Человек

заурядный зашел бы в тупик, и, конечно, ему пришлось бы потратить уйму драгоценного времени на раздумья. Хамилтон же, единой вспышкой гигантского ума, блестяще решил проблему всего за четыре секунды с четвертушкой.

Взяв невесту под руку, он развернул ее.

— Смотри!

— Куда?

— Туда!

— Что там?

— Это.

— Что — это? — На красивом личике проступило замешательство. — Я не пойму. На чего мне смотреть-то?

— На что мне смотреть, — автоматически поправил Хамилтон и потянул ее через крышу. — Видишь веранду? Это летняя спальня Джорджа Финча. Зайди, закрой дверь, включи свет…

— Но…

— …и частично разденься.

— Что?

— Если кто явится, скажешь, Джордж сдал тебе веранду, и ты как раз переодеваешься, чтобы идти на обед. А я между тем спущусь к себе в квартиру и поднимусь через несколько минут проверить, готова ли ты. — Гордость, вполне объяснимая, обуяла его настолько, что, пренебрегши даже чистотой слога, он опустился до жаргона. — Ну, классный фокус-покус? — в восторге спросил он. — Отпад, а?

Невеста благоговейно взглянула на него. Одно из утешений, которые есть у нас, у людей с интеллектом, — то, что, когда грянет кризис, ум побеждает женское сердце. В минуты мира женщины могут увлекаться шейхами и смотреть томным взглядом на светских щеголей, которые только и способны, что проделать первые три па чарльстона. Но пусть только что-то пойдет не так, пусть только грянет внезапная угроза беды — и кто тогда король? Кто главный спасатель? Тот, у кого размер шляпы — восемь с четвертью!

— Джимми! — воскликнула мадам Юлали. — Это — блеск!

— Вот именно.

— Мы спасены!

— Правильно. Быстрее! Нельзя терять ни секунды!

Так и случилось, что Джордж, затаившийся под кроватью, получил еще один шок, от которого, как ему показалось (хотя он должен бы попривыкнуть к шокам) волосы у него мгновенно поседели — все, до последнего волоска!

После того как глаза попривыкли к свету, первой в сознание Джорджа Финча вторглась лодыжка в прозрачном чулке. К ней почти сразу же присоединилась вторая. Довольно долго обе эти лодыжки, хотя и стройные, занимали так много места в Джорджевом мире, что, можно сказать, затмили весь горизонт. Потом они исчезли.

За минуту до их исчезновения Джордж, скромно вжавшийся в стенку, сказал бы, что ничто не доставило бы ему большего удовольствия. И однако же, когда они действительно исчезли, ему с трудом удалось сдержать панический вскрик. Потому что из виду их скрыла пелена упавшего платья, будто скроенного волшебными ножницами из лунных лучей и звездной пыли. В витрине магазина оно вызвало бы у Джорджа восхищение. Но любоваться на платье в витрине магазина и видеть, как оно пеной упало на пол спальни, — вещи абсолютно разные! Джордж покраснел, и ему почудилось, что от его щеки уже затлел коврик. Прикрыв глаза, он стиснул зубы. Конец это, вопрошал он себя, или всего лишь начало?

— Да? — внезапно раздался женский голос, и Джорждева голова, конвульсивно дернувшись, чудом не слетела со слабо прикрепленной шеи.

Ответил этот голос, как он интуитивно догадался, когда к нему вернулась способность соображать, на резкий и властный стук в дверь. Стучали каким-то тяжелым предметом, очень похоже, что полицейской дубинкой. А вслед за стуком раздался резкий, властный оклик:

— Откройте дверь!

Обладательница лодыжек была явно не из трусливых.

— И не подумаю! Я одеваюсь!

— Кто вы?

— А *вы* кто?

— Неважно.

— Ну, тогда неважно и кто я!

Наступила пауза. Джорджу, как судье беспристрастному, показалось, что с небольшим перевесом побеждают лодыжки.

— А что вы там делаете? — спросил мужской голос, берясь за расследование с другого конца.

— Одеваюсь! Сколько можно повторять!

Повисла новая пауза. Затем к напряженным переговорам подключился

третий участник.

— Что тут происходит? — резко осведомился он. Джордж узнал голос своего старого друга.

— Гарроуэй, — с досадливой строгостью продолжил тот, — какого дьявола вы тут делаете? За этой дверью — дама. Честное слово, мне непонятно, в чем все-таки состоят обязанности нью-йоркских констеблей? Их жизнь — одно бесконечное безделье! Убивают время, болтаясь по городу и досаждая женщинам. Вы вообще знаете, что дама в комнате — моя невеста? Она переодевается, чтобы идти со мной в ресторан.

Офицер Гарроуэй, как всегда, сник перед превосходящим интеллектом.

— Вы уж простите, мистер Бимиш!

— Может, и прощу. А как вы вообще тут оказались?

— Внизу, в этом «Цыпленке», случились беспорядки. На меня напал некий мистер Финч. Я преследовал его по пожарной лестнице…

— Мистер Финч? Что за околесица, Гарроуэй! Мистер Финч сейчас в свадебном путешествии. Он очень любезно сдал этой даме свою спальную веранду на время своего отсутствия.

— Но, мистер Бимиш, я только что говорил с ним! Мы сидели за одним столиком.

— Ерунда!

Платье из поля зрения исчезло, и Джордж услышал, как открывается дверь.

— Джимми, что нужно этому человеку?

— Не что, а кто. Врач, несомненно. Он говорит, будто только что встретил здесь Джорджа Финча.

— Но Джордж уже за сотни миль отсюда!

— Вот именно. Ты готова, дорогая? Тогда пойдем, пообедаем где-нибудь. А вы, Гарроуэй, выпейте брома с сельтерской. Зайдемте ко мне, и я смешаю. А когда выпьете, рекомендую полежать спокойно на диванчике. Лично я считаю, что вы несколько перенапрягли мозг, сочиняя поэму. Кто подбил вам глаз?

— Я сам бы очень хотел знать, — с сожалением откликнулся Гарроуэй. — Получил увечье в «Цыпленке». В этот момент на голове у меня была скатерть, и личность нападавшего установить я не смог. Но если я найду его, отколочу так крепко, что и внукам его аукнется.

— Скатерть?

— Да, мистер Бимиш. Пока я старался выпутаться из складок, кто-то двинул мне в глаз кофейником.

— Как же вы догадались, что именно кофейником?

— Валялся рядом со мной, когда я вылез.

— Ну что же, — подытожил Хамилтон, — надеюсь, это послужит вам уроком. Не ходите в такие места. Вам еще повезло, что так легко отделались. А вот если б вы отведали там сыра… Ну ладно, пошли. Посмотрим, чем я сумею вам помочь.

4

А Джордж остался на месте. Знай он укрытие получше, то перебрался бы туда, но он не знал. Кто-кто, но только не он стал бы притворяться, будто ему удобно лежать под кроватью, где пух щекочет ноздри, а около левого уха гуляет сквозняк. Но при данных обстоятельствах ничего больше не оставалось. Для человека, не умеющего летать, существуют только два способа уйти с крыши: спуститься по пожарной лестнице и, вероятнее всего, угодить в лапы констеблей или украдкой спуститься по обычной лестнице и, очень вероятно, наскочить на мстительного Гарроуэя. Правда, Хамилтон советовал полисмену, выпив брома с сельтерской, отлежаться на диване; но кто же знает, последует ли тот совету? Может, уже сторожит на лестнице. Припомнив его сложение и горечь, с какой он говорил о нападавшем, Джордж решил, что риск слишком велик. Как ни многочисленны изъяны его укромного приюта, для человека в его щекотливом положении местечка лучше не отыщешь. Итак, он забился поглубже и попытался скоротать время за раздумьями.

Раздумывал он о многом — о своей юности в Ист Гилиэде, о зрелости в Нью-Йорке, о Молли. О том, как любит ее. О миссис Уоддингтон и о том, как же портит она великую картину мирозданья; о Хамилтоне Бимише и о том, как небрежно управляется он с полисменом. Об офицере Гарроуэе и его дубинке, о Джузеппе и его кофейнике; о преподобном Гедеоне Вулесе и его белых носках. В раздумьях своих он дошел даже до Сигсби Х. Уоддингтона.

Ну а уж когда человек принимается думать про Сигсби, это значит, что ресурсы раздумий у него окончательно иссякли. Возможно, учитывая этот факт, судьба любезно подкинула Джорджу свежий материалец. Лениво раздумывая о Сигсби и гадая, как тот дошел до жизни такой, Джордж вдруг услышал приближающиеся шаги.

Он свернулся в клубок, и уши у него встали торчком, точно у борзой. Да, действительно, шаги. И мало того, направляются прямиком к его

спальной веранде.

Волна жалости к себе затопила Джорджа. Что ж это за наказание такое, в самом деле? Почему на него так и сыплются напасти? Он мало просил у Жизни — и всего то, чтобы позволила ему спокойно лежать под кроватью, вдыхать пух. И что же? Одни помехи! Можно сказать, пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, как выразился Киплинг. С той самой минуты, как он отыскал себе это укромное местечко, мир превратился в сплошной серый ад. Как все-таки неправильно и несправедливо!

Единственное, что можно было сказать в пользу этих шагов, — они были слишком легки, а потому никак не могли принадлежать нью-йоркскому полисмену. Теперь они приблизились к самой двери. Ему даже показалось, что они зашли в комнату.

Он оказался прав. Щелкнул выключатель. Живым зверьком прыгнул на него свет. А когда он открыл глаза, то увидел лодыжки в чулках прозрачного шелка.

Дверь закрылась. Миссис Уоддингтон, только что ступившая на последнюю перекладину пожарной лестницы, метнулась через крышу и, прильнув ухом к замочной скважине, напряженно прислушалась. Наконец-то, возликовала она, дело двинулось!

5

С минуту взирая на это новое зрелище, Джордж чувствовал лишь слабое негодование и обиду на придурковатость судьбы, воспользовавшейся тем же методом, какой использовала совсем недавно. Судьба, думал он, ведет себя по-детски. Один раз все эти фокусы с лодыжками еще могут позабавить человека, но перебарщивать все-таки не стоит.

За негодованием пришло облегчение. Вспомнив разговор Хамилтона с полисменом, он понял, что обладательница лодыжек — его старая приятельница Мэй Стаббс из Ист Гилиэда, штат Айдахо. Сейчас, предположил он, лодыжки принадлежат, как и прежде, ей, а видит он их — ну, мало ли! Вернулась захватить пудреницу или там помаду. Что-то забыла в пылу недавних препирательств.

А это, безусловно, меняет положение дел. Это означает, что вместо нового врага он обрел союзника. Девушка широких взглядов, вроде Мэй, сразу поймет мотивы, побудившие его спрятаться под кроватью, и посочувствует ему. Кстати, можно бы использовать ее — пусть разведает,

чисто ли на лестнице. Короче, новое вторжение в его убежище — совсем не бедствие, а большая удача.

От всей души чихнув (в нос ему залетел пушок), Джордж выкатился из-под кровати и с веселым смехом встал на ноги, тут же и обнаружив, что он очутился перед вытаращенными глазами абсолютной незнакомки. Незнакомой, по крайней мере, она показалась ему в первый момент. Но постепенно, пока он разглядывал ее, у него стало зарождаться чувство, что где-то, когда-то он уже видел эту девушку. Но — где? И когда?

Девушка ошалело таращилась на него — невысокая, хорошенькая, с бойкими черными глазами и премиленьким ротиком, не будь он сейчас раскрыт, как у рыбы. На веранде воцарилась безраздельная тишина, и миссис Уоддингтон, напрягавшая слух у двери, начала уже думать, что, может, Джорджа в этом логове вовсе нет и ей снова предстоит заступить на вахту. Но тут раздались голоса, и, хотя слов ей было не разобрать — дверь была массивной, крепкой, — вне сомнений, один из голосов принадлежал Джорджу. Миссис Уоддингтон на цыпочках отошла, вполне удовлетворенная. Подозрения ее подтвердились, теперь оставалось решить, как же действовать наилучшим образом. Она встала в тень бака с водой и постояла там, размышляя.

А на веранде девушка, не сводя глаз с Джорджа, стала медленно пятиться. Шага примерно через три она наткнулась на стенку, и шок восстановил ее речевые способности.

— Что вы делаете в моей спальне? — закричала она.

От подобного вопроса замешательство Джорджа сменилось бурной яростью. Нет, это уже чересчур! Нынешним вечером обстоятельства как сговорились превращать его веранду в место собраний. Но будь он проклят, если позволит всяким особам такую наглость!

— Интересно, с какой такой стати спальня — ваша? — крикнул он. — Кто вы вообще такая?

— Миссис Муллет.

— Кто?

— Миссис Фредерик Муллет.

А миссис Уоддингтон между тем выстроила план действий. Ей, решила она, требуется свидетель. Пусть зайдет с ней в это гнездо порока и своим свидетельством подкрепит ее слова. Будь здесь лорд Ханстэнтон, как ему полагалось бы, так и искать бы больше не надо. Но тот растворился в гуще огромного города, набивая свой низменный желудок едой. Кого же завербовать в помощники? Ответ нашелся сам собой.

Ферриса, конечно же! Он рядом, под рукой, его можно привести без проволочек.

И миссис Уоддингтон припустила к лестнице.

— Миссис Муллет? — поразился Джордж. — Как это? Муллет не женат.

— Нет, женат. Мы сегодня утром поженились.

— А где он?

— Оставила его внизу, докуривать сигарету. Он сказал, мы будем здесь, как две птички в гнездышке. Одни.

Джордж расхохотался неприятным сардоническим смехом.

— Если Муллет воображает, что человек может остаться здесь наедине хоть на пять минут кряду, так он большой оптимист! И какое, интересно, имеет он право устраивать гнездышко в моей квартире?

— Разве это ваша квартира?

— А чья же еще?

— Ой-ей-ей!

— Прекратите сейчас же! Не орите! Вокруг кишат полисмены.

— Полисмены!

— Ну да.

Глаза, смотревшие на него, внезапно набухли слезами. Маленькие ручки стиснулись в страстном жесте мольбы.

— Не сдавайте меня быкам, мистер! Я сделала это только ради моей бедной матери! Если б вы тоже были без работы и вам пришлось смотреть, как ваша бедная старая мама гнется над лоханью…

— У меня нет бедной старой мамы, — грубовато перебил Джордж. — И вообще, что вы несете?

Вдруг он замолк — ошеломительное открытие стерло с его губ все речи. Девушка, разомкнув ладошки, заломила руки, и жест этот пришпорил память: бессознательно Фанни приняла ту самую позу, как и в столовой миссис Уоддингтон, сегодня утром. Джордж, едва увидев заломленные руки, моментально вспомнил, где встречал эту девушку. Позабыв все остальное, позабыв, что загнан в ловушку на крыше, а справедливо разозленный полисмен сторожит единственный выход, он коротко, резко вскрикнул.

— Это вы! А ну-ка, верните ожерелье!

— Какое еще ожерелье?

— То, что украли в Хэмстеде!

— Вы смеете обвинять меня в краже?

— Вот именно!

— А знаете, что я сделаю, если вы выдвинете против меня такое обвинение? Я…

Она оборвала фразу на полуслове. Раздался тихий, осторожный стук в дверь.

— Лапочка!

Фанни взглянула на Джорджа, Джордж — на Фанни.

— Муж! — прошептала она.

Джордж находился не в том настроении, чтобы его запугивал какой-то Муллет. Он размашисто шагнул к двери.

— Лапулечка!

Джордж широко распахнул дверь.

— Лапу…

— Да, Муллет?

Камердинер отступил на шаг, глаза у него округлились. Кончиком языка он облизал губы.

— Оса в улье! — вскричал он.

— Не дурите! — одернул его Джордж.

Муллет пялился на него, как человек, пораженный до глубины души.

— Разве вам недостаточно собственного меда, мистер Финч? — укоризненно попенял он. — Явились еще и моим полакомиться?

— Не валяйте дурака! Моя свадьба временно отложена.

— Понятно… Беда любит компанию, вот вы и решили испортить мою.

— Ничего подобного!

— Если бы я знал, что вы, мистер Финч, дома, — с достоинством заявил Муллет, — то не позволил бы себе вольность воспользоваться вашей квартирой. Пойдем, Фанни, мы переезжаем в гостиницу.

— Да? — с иронией спросил Джордж. — Позвольте сказать вам, что сначала надо уладить одну проблемку. Возможно, вы еще не знаете, что у вашей жены находится ценное ожерелье, принадлежащее леди, которая, если бы не ваша жена, звалась бы сейчас миссис Финч!

Муллет прижал руку ко лбу.

— Ожерелье!

— Это ложь! — закричала новобрачная.

Муллет печально покачал головой. Он уже сложил два и два.

— Когда это случилось, мистер Финч?

— Сегодня, в Хэмстеде.

— Фредди, не слушай его! Он полоумный!

— А что именно произошло, мистер Финч?

— Вот эта особа внезапно ворвалась в комнату, где собрались гости, и

прикинулась, будто я ее бросил. А потом свалилась на стол со свадебными подарками, словно упала в обморок. Очнувшись, она вылетела вон, а некоторое время спустя обнаружилось, что пропало ожерелье. Только не говорите, — добавил он, поворачиваясь к обвиняемой, — что сделали это ради своей бедной матери! Я уже столько вынес сегодня, больше не могу.

Муллет прицокнул языком печально, но и горделиво. Девушки, они и есть девушки, как бы говорил он, но мало какая сравнится умом с его маленькой женушкой.

— Отдай мистеру Финчу ожерелье, заинька, — ласково сказал он.

— Нет у меня никакого ожерелья!

— Отдай, дорогая, как велит тебе Фредди, не то наживем неприятностей!

— Неприятности, — тяжело задышал Джордж, — уж точно будут!

— Ничего не скажу, чистая работа. Ни одна девушка в Нью-Йорке не сумела бы такого придумать, не говоря о том, чтобы потом безнаказанно удрать. Даже мистер Финч согласен, что проделано красиво.

— Если вам интересно мое мнение… — запальчиво начал было Джордж.

— Но мы ведь покончили с такими делами раз и навсегда, правда, душенька? Отдай ему ожерелье.

Черные глазки миссис Муллет захлопали. Она нерешительно ломала изящные пальчики.

— Забирайте свою дрянь! — наконец крикнула она. Джордж на лету поймал ожерелье и, сказав «спасибо», убрал его в карман.

— А теперь, мистер Финч, — вкрадчиво заметил Муллет, — пожелаем вам спокойной ночи. У моей крошки был утомительный день, и нам пора ложиться спать.

Джордж поспешил через крышу к себе. Придется пренебречь риском, решил он, покинуть безопасное убежище веранды. Ведь надо немедленно позвонить Молли, сообщить ей про ожерелье.

Он уже открывал стеклянную дверь, когда услышал оклик, а оглянувшись, увидел Муллета, торопившегося к нему от лестничной двери.

— Мистер Финч! Минуточку!

— Что еще такое? Мне нужно позвонить…

— Я подумал, обрадуетесь…

И с видом фокусника, который на забаву детям извлекает двух кроликов и большущий старый флаг из цилиндра, Муллет разжал пальцы.

— Ваше ожерелье, сэр.

Джорджева рука метнулась в карман и появилась пустая.

— О, Господи! Да как же?..

— Все моя крошка! — Глаза лакея сияли гордостью и нежностью. — Слямзила его у вас, когда вы уже уходили. Мне, однако, удалось ее убедить. Напомнил ей, что все эти делишки мы оставили в прошлом. Спросил: как же она будет жить на нашей утиной ферме, если у нее такое на уме? Она почти сразу все поняла. Если подойти к ней тактично и с любовью, она очень разумная.

Джордж глубоко вздохнул. Теперь он спрятал ожерелье во внутренний карман и, застегнув пиджак, отошел шага на два.

— И вы хотите, Муллет, поселить такую женщину на утиной ферме?

— Да, сэр. Мы покупаем маленькую ферму на Лонг-Айленде.

— Да ваша жена в первую неделю повыдергает перья у всех уток в округе!

Польщенный Муллет поклонился.

— Ни одна утка, сэр, и не догадается, что лишилась хвоста, — согласился он. — В нашей профессии никто и рядом не стоял с моей девочкой. Но, сэр, с этим теперь покончено. Она свернула бизнес. Окончательно и бесповоротно. Ну разве что наведается когда в большой магазин на распродажу. Женщинам ведь тоже нужно поразвлечься. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Вынув ожерелье, Джордж внимательно осмотрел его, снова спрятал в карман и, опять застегнув пиджак, отправился звонить Молли.

ГЛАВА XVII

1

Как-то миссис Уоддингтон прочитала рассказ, в котором описывалось, как многочисленные эмоции, а именно страх, ужас, изумление и тошнотворное смятение, «чередовались быстро, один за другим» на лице презренного негодяя, когда он осознал, что злодеяния выплыли наружу. И теперь, рассчитывая увидеть все это на луноподобной физиономии Ферриса, она нажала дверной звонок на девятом этаже.

Но ее ждало разочарование. Феррис, появившийся в ответ на звонок, подрастерял свою напыщенную величавость, но только из-за того, что мы, авторы, после тяжких битв за письменным столом всегда выглядим несколько встрепанными. Волосы у дворецкого стояли дыбом, поскольку он хватался за них в муках творчества, а на кончике носа расплывалось чернильное пятно. Но вообще он был в достаточно хорошей форме и даже не вздрогнул, увидев, что за посетительница пожаловала.

— Мистера Биффена нет дома, мадам, — ровно сообщил Феррис.

— Зачем мне мистер Биффен? — раздулась от праведного гнева миссис Уоддингтон. — Феррис! Я знаю все!

— Вот как, мадам?

— Нет у вас никаких больных родственников! — продолжала она, хотя тон ее намекал, что у человека, связанного с таким негодяем узами родства, есть все основания заболеть. — Вы здесь кропаете статейку о том, что случилось в моем доме, для грязного листка, каких-то «Сплетен»…

— В корпорацию входят также «Шепотом на Бродвее» и «Пересуды на Таймс-сквер», — услужливо подсказал дворецкий.

— Постыдились бы!

— Осмелюсь поспорить с вами, мадам, — вскинул брови Феррис— Профессия журналиста весьма почетна. Многие очень достойные люди писали для прессы. Гораций Грили, например, Делани…

— Что за чушь!

— Мадам?

— Ладно, это мы обсудим позже.

— Слушаюсь, мадам.

— А пока я требую, чтобы вы сопровождали меня на крышу…

— Боюсь, я должен со всей почтительностью отклонить это предложение, мадам. По крышам я с детства не лазил…

— А по лестнице вы еще в состоянии подняться?

— По лестнице? Разумеется, мадам. Буду в вашем распоряжении через несколько минут.

— Нет, идемте сейчас же!

— Извините, мадам, — покачал головой дворецкий. — Я занят заключительным абзацем статьи, про которую вы только что упомянули, а мне очень хочется закончить к возвращению мистера Биффена.

Миссис Уоддингтон прожгла дворецкого тем властным взглядом, перед каким ее супруг скукоживался и потрескивал, точно горящее перо. Но дворецкий отбил его непринужденно, с апломбом человека, который в свое время поглядывал на герцогов, давая им понять, что у них брюки пузырятся на коленках.

— Не желаете ли войти и подождать, мадам?

Миссис Уоддингтон вынуждена была признать, что она побеждена. Она расстреляла все патроны. От циклона ее наглый дворецкий, может, и содрогнется, но взглядом его не пронять.

— Не стану заходить!

— Как угодно, мадам. По какой причине вы желаете, чтобы я сопровождал вас на крышу?

— Хочу, чтобы вы… взглянули кое на что.

— Если на вид города, мадам, то должен заметить, я уже любовался им с крыши Вулворта.

— Нет, не на вид. Я желаю, чтобы вы взглянули на мужчину, который живет в открытом грехе!

— Хорошо, мадам. — Феррис ничуть не удивился, разве что дал понять, что всегда не прочь взглянуть на мужчину, живущего в открытом грехе. — Через несколько минут я в вашем распоряжении.

И он мягко прикрыл дверь, а миссис Уоддингтон, раздуваясь от трусливой ярости, которая осмеливается жечь, но не смеет полыхать, отказалась от намерения лягнуть по двери и осталась стоять на площадке, тихо посапывая. Вскоре до нее с нижних этажей донесся радостный свист.

Появился лорд Ханстэнтон.

— Привет-вет-вет! — весело воскликнул он. — А вот и я! Вот и я! Вот и я! — подразумевая, конечно же, что вот он и пришел.

В наружности его с последнего раза произошла разительная перемена. Теперь вид у лорда был беззаботный и добродушный, как у человека, недурственно пообедавшего. Искорки в глазах кричали о прозрачном

бульоне, а улыбка буквально вопила об утке с зеленым горошком. Миссис Уоддингтон, у которой и крошки хлеба во рту не было, он показался преотвратительным субъектом.

— Хорошо пообедали, надеюсь? — ледяным тоном обронила она.

Английский пэр разулыбался совсем уж солнечно, а в глазах у него появилась мечтательная дымка.

— Чудно! Начал с жюльена, потом перешел к омару, потом подали лонг-айлендского утенка, надо сказать, превкуснейшего…

— Замолчите! — потрясенная до самых основ, вскричала миссис Уоддингтон.

— А закончил я…

— Да замолчите вы, пожалуйста! У меня нет желания выслушивать подробности вашей трапезы.

— О, извините! А я думал, вам хотелось…

— Вы отсутствовали так долго, что могли бы за это время съесть десяток обедов. Однако случайно так вышло, что вы не слишком опоздали.

— Отлично! Порок еще цветет?

— Несколько минут назад, — стала рассказывать миссис Уоддингтон, направляясь на крышу, — я заметила, как молодая женщина вошла на веранду рядом с квартирой этого Финча. И сразу же услышала ее голос. Она с ним разговаривала.

— Ай-яй-я-яй! — укоризненно покачал головой его светлость. — Какой разврат!

— Я спустилась сюда за Феррисом, своим дворецким, чтобы привести его как свидетеля, но, к счастью, появились вы. Почему не вернулись полчаса назад, понять не могу!

— Я же вам рассказываю! Начал я с жюльена…

— Замолчите!

В полном недоумении лорд Ханстэнтон последовал за ней; он понять не мог, почему у его спутницы какое-то нездоровое отношение к еде. Они вышли на крышу, и миссис Уоддингтон, подняв остерегающе палец, подкралась к веранде.

— А теперь что? — спросил лорд, когда они остановились под дверью.

Миссис Уоддингтон постучала.

— Джордж Финч!

Ответом ей была мертвая тишина.

— Джордж Финч!

— Джордж Финч! — эхом прокричал пэр, вполне осознавая

обязанности хора.

— Финч! — крикнула миссис Уоддингтон.

— Джордж! — подхватил лорд Ханстэнтон.

Миссис Уоддингтон толкнула дверь. Внутри царила кромешная темень. Она щелкнула выключателем. Пусто…

— Так-так! — проговорила миссис Уоддингтон.

— Может, они под кроватью…

— Посмотрите!

— А что, если он кинется на меня?..

Конечно, в таких случаях надо учитывать малейшие случайности, но в данном случае миссис Уоддингтон сочла, что предусмотрительность ее союзника заходит слишком далеко. Досадливо фыркнув, она повернулась… и застыла, уставясь на то, что вдруг материализовалось за его спиной.

Материализовался там долговязый, жилистый полисмен. Миссис Уоддингтон встречала его всего раз в жизни, но обстоятельства были таковы, что встреча эта накрепко врезалась в ее память. Узнала она его мгновенно и сразу же сникла, несмотря на сильную свою натуру, словно улитка, которой насыпали соли между глаз.

— Что такое? — осведомился лорд Ханстэнтон и тоже обернулся. — О, вот это да! Констебль!

Офицер Гарроуэй смотрел на миссис Уоддингтон глазами, из которых вечер в нью-йоркском богемном квартале напрочь изгнал доброту. Теперь во взгляде у него бушевала такая злость, что, сверли миссис Уоддингтон два глаза, а не один, она грохнулась бы в обморок. К счастью, второй был выведен из строя, а именно — прикрыт ломтиком сырого мяса и повязкой.

— Ах-ха! — произнес Гарроуэй.

На письме это восклицание не воспринимается во всей его зловещности. Но слышали бы вы, как оно звучит в устах полисмена, особенно после того, как ему в лицо швырнули пригоршню перца! Миссис Уоддингтон, пятившейся в глубь веранды, почудилось, что в восклицании слились воинственный клич индейцев и трубы Судного дня! Нет, еще и вой волчьей стаи! Коленки у нее подогнулись, и она рухнула на кровать.

— Сцапал вас, да?

Вопрос был чисто риторическим, полисмен даже паузы не сделал, чтобы выслушать ответ. Поправив повязку, он продолжал: — Вы арестованы!

Лорду Ханстэнтону все это представлялось крайне непонятным и неправильным.

— Э, послушайте-ка… — начал он.

— И вы арестованы, — перебил Гарроуэй. — Вы тоже, видимо, замешаны. Арестованы оба! Только попробуйте выкинуть новый фортель! — пригрозил он дубинкой. — Палочка эта прогуляется по вашим тыквам. Ясно?

Последовала пауза, столь часто возникающая в разговоре малознакомых людей. Гарроуэй, видимо, свое сказал. У миссис Уоддингтон слов не нашлось. Лорду Ханстэнтону хотелось задать пару вопросов, но от зрелища помахивающей дубинки все слова у него из головы улетучились. На такую дубинку посмотришь только, и уже начинает стучать в висках. Он слабо сглотнул — и промолчал.

Тут откуда-то снизу донесся голос человека, взывавшего: «Бимиш! Эй, Бимиш!» То был голос Сигсби Х. Уоддингтона.

2

Ничто не вызывает такой досады у читателя, как персонаж хроники, который выныривает ни с того ни с сего, а летописец и не думает объяснять, откуда он, собственно, взялся. Добросовестному рассказчику полагается объяснять появления и уходы даже таких малозначительных представителей рода человеческого, как Сигсби Х. Уоддингтон. А потому мы сделаем сейчас перерыв и все объясним.

Сигсби, если припоминаете, отправился на розыски полисмена по имени Галлахэр, и Нью-Йорк предоставил ему широкий выбор. Перед взглядом его в изобилии прошли Галлахэры, но так как на самом деле требовался ему Гарроуэй, то даже такой бурный наплыв не произвел на него впечатления. Каких только Галлахэров он ни навидался! Высоких и низеньких, худых и толстых, косых и прыщавых, рыжих и со сломанными носами, совсем кошмарных (их было двое), а под занавес — экземпляр Галлахэра, уж вообще ни на что не похожий! Но человека, которому он продал пакет акций, среди них не отыскалось.

Очень многие в подобной ситуации сдались бы без боя. Сдался и наш герой. Последний из Галлахэров патрулировал в районе Бликер-стрит, и Уоддингтон, свернув на Вашингтон-сквер, доковылял до скамейки, а там — мешком рухнул на нее.

На несколько минут исступленное облегчение вытеснило все другие чувства. Потом он подумал: явись оно раньше, это сберегло бы ему массу энергии. Он вдруг припомнил, что сгинувшего полисмена встретил у

Хамилтона Бимиша, и, следуя за течением мысли к логическому выводу, решил, что именно он способен сообщить ему, где полисмен находится.

Ни один тоник, даже самый популярный и широко разрекламированный, не смог бы оказать столь мгновенного эффекта. Разница между Уоддингтоном до посетившего его озарения и после была почти магической. За миг до того он сидел, привалясь к спинке скамейки в измученной позе, которая убедила бы любого наблюдателя, что надо поскорее уведомить городские власти, чтоб останки подобрали и сунули в мусоросжигатель. Но теперь, сбросив безнадежность, как плащ, Уоддингтон, резво вскочив, припустил через площадь к «Шеридану», да так быстро, что упомянутый наблюдатель не успел бы воскликнуть «Ого-го!».

Даже неработающий лифт не сумел сдержать его бодрой рысцы. Он белкой проскакал по лестнице к квартире Хамилтона Бимиша.

— Бимиш! — заорал он у двери. — Эй! Эй! Бимиш!

На крыше офицер Гарроуэй встрепенулся, точно боевой конь при звуках горна. Он узнал голос. Если вас удивит, что узнал он его через несколько дней после одной-единственной беседы, мы готовы объяснить: голосу Уоддингтона были присущи определенные свойства. За скрежет напильника его можно было принять, но спутать с чьим-то еще — невозможно.

— Ах, черт! — Гарроуэй затрепетал, словно осиновый лист на ветру.

Подействовал голос и на миссис Уоддингтон. Она подпрыгнула на кровати, словно та вдруг раскалилась.

— Сидите! — прикрикнул Гарроуэй. Миссис Уоддингтон села снова.

— Мой дорогой констебль… — начал было лорд Ханстэнтон.

— Ти-хо! Лорд умолк.

— Ах, черт! — снова выругался Гарроуэй.

В муках нерешительности он оглядел пленников, разрываясь от желания находиться в двух местах одновременно. Что говорить, положение незадачливое!.. Слететь по лестнице и переговорить с типом, всучившим ему акции? Тогда придется оставить без надзора этих двух арестованных и они, несомненно, дадут деру, чего Гарроуэю хотелось бы меньше всего. Да ведь это — самый значительный арест с начала службы в полиции! Женщина — застигнутая на месте преступления взломщица, да к тому же напавшая на полисмена. А когда он приведет мужчину в управление да проверит по каталогу, то, несомненно, выяснится, что это и есть Пижон Уилли, разыскиваемый в Сиракузах за сбыт фальшивых монет. Упрячешь

их за решетку — и продвинешься по службе.

С другой стороны, спуститься и вцепиться в горло типу внизу? Тогда он вернет свои кровные триста долларов… Что же делать?

— О, черт! — терзался Гарроуэй. — О, ч-черт!

Послышались размеренные, неторопливые шаги, и в поле его зрения возник человек с посольской внешностью. Жилет у него топорщился, на носу красовалось чернильное пятно. Увидев его, полисмен издал ликующий вопль.

— Эй! — крикнул он.

— Сэр? — отозвался пришедший.

— Вы меня замените! Ну, как бы заместитель…

— Нет, сэр, я дворецкий.

— Э-эй! Би-и-и-миш! — все надрывался голос внизу.

Это подстегнуло полисмена на стремительные и решительные действия. В более спокойную минуту он, пожалуй, оробел бы под взглядом зеленовато-серых глаз, взиравших на него сурово и невозмутимо, но сейчас ничуть не устрашился.

— Заместитель! — повторил он. — Знаете, что это означает? Я, полицейский офицер, назначаю вас своим заместителем.

— Простите, но я на это не претендую. — Голос прибывшего подзвякнул ледяным колокольчиком. Именно из-за такого звука младший сын маркиза вышел из всех клубов и сбежал в Уганду.

Но на офицера Гарроуэя никакие колокольчики не произвели ни малейшего впечатления. Он был одержим яростью.

— Неважно! — заорал он. — Я назначаю вас заместителем, и вы им будете! Не то угодите за решетку за сопротивление при исполнении. А вдобавок получите по башке этой вот дубинкой! Ну так как?

— В ситуации, какую вы обрисовали, — с достоинством откликнулся дворецкий, — у меня нет иной альтернативы, как только повиноваться вашему желанию.

— Как зовут?

— Руперт Энтони Феррис.

— Где живете?

— Я служу у миссис Сигсби Х. Уоддингтон, проживающей в настоящее время в Хэмстеде на Лонг-Айленде.

— У меня тут двое арестованных, ясно? Их разыскивает полиция. Я их запираю. — Офицер захлопнул дверь и повернул ключ. — Вы стоите здесь и караулите, пока я не вернусь. Не такая уж великая просьба, а?

— Вполне в пределах моих сил, и я добросовестно ее выполню.

— Ну так приступайте! — распорядился Гарроуэй. Феррис встал спиной к веранде, уставясь с легкой тоской на луну. Лунными вечерами в нем пробуждалась тоска по дому, потому что Брэнгмарли Холл особенно хорош при луне. Как часто он, беззаботный, легкомысленный лакей, любовался лунными лучами, играющими в водах рва, и под легкие шорохи английской деревни праздно размышлял: а кто же победит в двухчасовом заезде? Счастливые деньки! Да, счастливые деньки!

Голос, бормочущий его имя, вернул его улетевшие мысли в будничный мир. Он с интересом огляделся, и интерес его возрос, когда он увидел, что на крыше никого нет.

— Феррис…

Удивляться дворецкий себе не позволял, но теперь поймал себя на том, что испытывает чувство, весьма близкое к удивлению. Никогда прежде не сталкивался он с бестелесными голосами, нашептывающими его имя. Вряд ли это мог быть кто-то из арестованных; они находились за бетонной стеной и массивной дверью. Чтобы их стало слышно, им надо было кричать, а не шептать.

— Феррис!

«А может, это ангел?» — подумал дворецкий и обратился мыслями к другому миру, когда заметил, что в стене, у которой он стоит, есть маленькое оконце, довольно высоко над ним. Значит, все-таки один из двух арестантов… Едва он заметил оконце, как голос заговорил снова, и так отчетливо, что Феррис узнал свою хозяйку, миссис Сигсби Х. Уоддингтон.

— Феррис!

— Мадам?

— Это я, миссис Уоддингтон.

— Очень хорошо, мадам.

— Что вы сказали? Подойдите ближе! Мне не слышно.

Дворецкий, хотя и был не из тех, кто потакает хозяевам, на этот раз сделал исключение и встал на цыпочки. Приблизив рот к оконцу, он повторил ответ.

— Я сказал, очень хорошо, — объяснил современный Пирам.

— Да? Тогда действуйте поскорее.

— Поскорее, мадам?

— Поскорее выпустите нас отсюда!

— Вы желаете, чтоб я освободил вас, мадам?

— Да.

— Хм!

— Что вы сказали?

Дворецкий, посчитавший было, что для ступней тяжеловато без конца напрягаться, приподнялся опять.

— Я сказал: «Хм, мадам»!

— Что он сказал? — послышался голос лорда Ханстэнтона.

— «Хм»! — ответила миссис Уоддингтон.

— Почему?

— Откуда я знаю? По-моему, он пьян.

— Дайте *я* с ним поговорю! — предложил лорд. Наступила пауза. Тисба мужского рода заняла место у стены.

— Эй!

— Сэр? — отозвался Феррис.

— Вы там, как вас зовут…

— Феррис. Так меня зовут и всегда звали, сэр.

— Значит, так, Феррис. Слушайте меня и сразу примите к сведению — я не из тех, кто терпит всякую чепуху. Так вот, эта добрая леди велела вам выпустить нас, а вы ответили «хм»! Да или нет?

Дворецкий снова привстал на цыпочки.

— Восклицание это я издал, чтобы выразить сомнение, милорд.

— Сомнение? Насчет чего же?

— Насчет того, что я не вижу способа выпустить вас, милорд.

— Не будьте болваном, и идиотом к тому же. Не такие уж тут потемки. Все разглядеть можно.

— Я имел в виду трудности, встающие передо мной из-за того щекотливого положения, в которое я поставлен, милорд.

— Что он говорит? — поинтересовался голос миссис Уоддингтон.

— Что-то о щекотливом положении.

— Чем же оно щекотливое?

— Сам не понимаю.

— Дайте *я* с ним поговорю.

Послышалось шарканье, тяжелое падение и жалобный вскрик дамы, попавшей в беду.

— Так и знал, что стул сломается, если вы на него встанете, — заметил лорд Ханстэнтон. — Эх, досада! Надо было пари заключить…

— Подвиньте к окну кровать, — попросила неукротимая женщина. Хотя с правой лодыжки у нее содрался кусочек кожи, белый флаг она все-таки не выбросила.

Скрежет возвестил, что кровать передвигают. Скрипнули под тяжестью пружины. Окно в своей функции громкоговорителя объявило, что говорит миссис Уоддингтон.

— Феррис?

— Мадам?

— Почему ваше положение щекотливое?

— Потому что я — заместитель, мадам.

— Что это означает?

— Я, мадам, представляю закон.

— Что? — переспросил лорд Ханстэнтон.

— Закон, — объяснила миссис Уоддингтон. — Он говорит, что представляет закон.

— Дайте *я* поговорю с этим паршивцем!

Воцарилась новая пауза, воспользовавшись которой, дворецкий стал массировать нывшие ступни.

— Эй!

— Милорд?

— Что за ерунда собачья? Какой-такой закон?

— Меня назначил полицейский офицер, который недавно ушел. Велел караулить вашу светлость и миссис Уоддингтон и следить, чтобы вы не совершили побег.

— Феррис, постарайтесь не говорить лишних глупостей. Соберитесь, напрягите извилины. Надеюсь, вы не предполагаете, что мы с миссис Уоддингтон совершили нечто дурное?

— Не мне судить об этом, милорд.

— Послушайте, Феррис. Давайте займемся суровой практической стороной дела. Если б старый феодальный дух еще не угас, вы бы совершили такой пустяк — выпустили нас отсюда из чистой преданности хозяйке. Но учитывая, что мы живем в коммерческую эпоху, сколько?

— Вы предлагаете мне взятку, милорд? Если я вас правильно понимаю, я должен предать оказанное мне доверие за деньги?

— Именно. Сколько?

— А сколько у вашей светлости есть?

— Что он сказал? — опять не вытерпела миссис Уоддингтон.

— Спрашивает, сколько у нас есть.

— Чего?

— Денег.

— Он хочет вытянуть из нас деньги?

— Похоже на то.

— Давайте *я* поговорю с этим человеком! Миссис Уоддингтон забралась на кровать.

— Феррис!

— Мадам?

— Постыдились бы!

— Да, мадам.

— Ваше поведение меня изумляет! Оно мне противно… отвратительно…

— Очень хорошо, мадам.

— С этой минуты вы больше не служите у меня!

— Как пожелаете, мадам.

Миссис Уоддингтон отвернулась для короткого совещания.

— Феррис! — снова вернулась она к окну.

— Мадам?

— Все, что у нас есть. Держите! Двести пятнадцать долларов.

— Сумма вполне приемлемая, мадам.

— Тогда будьте добры, поторопитесь и отоприте дверь!

— Слушаюсь, мадам.

Миссис Уоддингтон сердито перебирала ногами. Убегали минуты.

— Мадам!

— Ну, что еще?

— Сожалею, мадам, но должен сообщить, — почтительно проговорил Феррис, — что полисмен унес с собой ключ!

ГЛАВА XVIII

Джорджу потребовалось немало времени, чтобы дозвониться до дома в Хэмстеде, но наконец он дозвонился. Однако ему сообщили одно — что Молли нет. Она заезжала на своем двухместном автомобиле, проинформировал его шведский голос, но, пробыв дома совсем немного, уехала снова.

— Превосходно! — воскликнул Джордж, когда его собеседник уже перешел на родной язык.

Бурлящее расположение к ближним переполняло его, когда он вешал трубку. Если Молли уже выехала в Нью-Йорк, то ждать ее можно с минуты на минуту. Сердце его ликовало, и соображения о том, что пребывает он в незавидном статусе беглеца, да еще вдобавок полицейская ищейка, кровно заинтересованная в его местонахождении, шныряет где-то поблизости, совершенно позабылись. Пренебрегши всякой осторожностью (хотя, казалось бы, именно она должна бы заботить человека в его ситуации), Джордж разразился веселой песенкой.

— Эй, Пинч!

Джордж, как раз забравшийся на высокую ноту, спустился на землю, заледенев от страха. Первым его порывом было — стрелой метнуться в спальню и забиться под кровать; в этом у него уже появилась известная сноровка. Потом верх взял разум, и паника поугасла. Только один его знакомый мог обратиться к нему «Эй, Пинч!».

— Мистер Уоддингтон? — пробормотал он, открывая дверь гостиной.

— А кто же еще? — Аромат свежей сигары защекотал ноздри Джорджа. — У тебя, что, света нет в этой твоей квартирёшке?

— А полисмены тут есть? — заговорщицким шепотом осведомился Джордж.

— Сидит один у Бимиша, — с довольным хохотком ответил Уоддингтон. — Продал мне только что все эти акции. Кинокомпания такая в Голливуде, штат Калифорния. За триста зелененьких! Вот я и зашел отпраздновать. Выставляй выпивку! — В настроении Уоддингтон явно пребывал в самом радужном, только что не дошел до той стадии, когда крушат мебель.

Джордж включил свет. Если его враг так далек, осторожность можно и отбросить.

— А-атлично! — воскликнул Сигсби. Он привалился к книжной

полке, заломив шляпу, сунув в рот сигару. Глаза его поблескивали почти человеческим разумом. — У меня, Пинч, здорово варит котелок насчет бизнеса, — заявил он, ловко, одним движением верхней губы перебросив сигару с крайнего востока на крайний запад. — Парень я с ба-а-аль-шими мозгами!

Хотя все данные, какие ему удалось собрать за время их знакомства, доказывали прямо противоположное, Джордж не собирался затевать спор. Сейчас его занимали вопросы повесомее, чем дискуссия об умственных способностях этого бедолаги.

— Я нашел ту девушку! — сообщил Джордж.

— Какую?

— Да ту, что стащила ожерелье. И оно уже у меня!

Тему он выбрал удачно. Сразу заинтересовавшись, Уоддингтон забыл на время о своих деловых удачах. Глаза у него выпучились, и он выпустил облако ядовитого дыма.

— Не может быть!

— Да вот оно!

— Дай-ка его мне! — вскричал Сигсби. Джордж нерешительно покачивал ожерельем.

— Отдать его надо Молли.

— Нет, мне! — категорически заявил Уоддингтон. — Я — глава семьи и отныне вести себя буду как глава. Чересчур долго, Пинч, я позволял попирать себя железной пятой и лягать шипастыми башмаками. Ты меня понимаешь. Но теперь власть будет у меня. С сегодняшнего дня и впредь, все долгие годы до тех пор, пока мои друзья и родственники, собравшись у моего гроба, не прошепчут: «Какой же умиротворенный у него вид!» — все будет по-моему. Давай сюда ожерелье! Надо сделать новую оправу. Или продам и верну Молли вырученные деньги. В любом случае, давай сюда!

И Джордж отдал. Вид у Сигсби стал совсем иной, властный и повелительный, так что не захочешь — отдашь то, что он просит. У него стал вид человека, которого кормят мясом.

— Пинч!

— Финч, — поправил Джордж.

— Джордж! — неожиданно вскрикнул другой голос, и от неожиданности Уоддингтон ткнул сигарой себе в глаз.

Волна чувств захлестнула Джорджа.

— Молли! Это ты?

— Да, милый. Я пришла!

— Как ты быстро!

— Я торопилась.

— Вообще-то мне показалось, что несколько часов прошло.

— Правда, дорогой?

Мистер Уоддингтон все еще не оправился от потрясения.

— Если б мне кто сказал, что родная моя дочка так вот подкрадется да рявкнет сзади над ухом, — проворчал он, — ни в жизнь не поверил бы.

— О, папа! И ты здесь. А я тебя и не заметила.

— Пока — здесь. Но едва не очутился *там!* От твоего крика у меня чуть голова не отлетела.

— Прости, пожалуйста!

— Чего теперь-то извиняться? — капризно бурчал Уоддингтон. — Явилась и испортила лучшую сигару в Хэмстеде.

Грустно оглядев остатки, он достал новую из верхнего кармашка жилета и откусил кончик.

— Молли, ангел мой! — трепещущим голосом выговорил Джордж. — Подумать только! Мы снова вместе!

— Да, Джордж, милый! Знаешь, мне показалось, что в твоей спальной веранде кто-то есть.

— Что?

— Правда-правда. Я слышала голоса.

Если разобраться как следует, то нет инстинкта более глубокого, чем уважение к собственности — своей, разумеется. Самая добрейшая собака набросится на ищеек, защищая свой личный двор, а добродушнейший из людей, будь он настоящим червяком, взвоьется, если кто покусится на его владения. От новости, что кто-то опять забрался на его веранду, Джордж просто вскипел. Ему почудилось, будто все население Нью-Йорка уже рассматривает эту веранду как фешенебельный курорт. Не успел он выгнать одну толпу визитеров, нагрянула новая!

С бессловесным мычанием он ринулся на крышу. Невеста его с отцом спешили по пятам. Молли боялась, что Джорджу нанесут увечье, а Уоддингтон опасался, что его не изобьют. Вечер для Сигсби был великий, и ему не хотелось, чтобы под конец он лишился красок.

— Приготовь револьвер! — крикнул он, держась в глубоком тылу— Стреляй, когда увидишь белки их глаз!

Добежав до веранды, Джордж бабахнул кулаком в дверь.

— Эй! — закричал он и повернул ручку. — Господи! Да тут заперто!

Из верхнего окошка донесся ослабленный расстоянием умоляющий голос:

— Эй-эй! Послушайте! Послушайте! — Для лорда Ханстэнтона удары

в дверь прозвучали первыми выстрелами армии-освободительницы. Он испытывал все чувства девушки, которая слышит музыку волынщиков, марширующих по освобожденному Лакноу. — Послушайте, кто вы там! Выпустите нас! Пожалуйста!

Джордж заскрипел зубами.

— То есть как — кто вы там?! Я — Джордж Финч, и эта веранда принадлежит мне!

— А, Джордж! Выпусти нас поскорее, Джордж, старик! Ты ж хороший парень!

— Зачем вы туда забрались?

— Нас полисмен запер! А этот болван-дворецкий пообещал отпереть дверь и наплел какие-то небылицы, будто не может разыскать ключ. И еще удрал со всей нашей наличностью. Так что будь мужчиной, Джордж, и Бог тебя вознаградит! Действуя быстро, ты спасешь жизнь моего доброго друга. Он, то есть она, икает и, мне кажется, уже на грани истерики.

— О ком ты говоришь?

— О миссис Уоддингтон.

— А что, и миссис Уоддингтон там с тобой?

— Конечно!

Джордж резко втянул воздух.

— Да-а, мама, — укоризненно протянул он, — от вас я такого не ожидал!

Сигсби издал страшный вопль.

— Моя жена! Там! С мужчиной! Дай *я* поговорю с ними!

— Кто это? — осведомился Ханстэнтон.

— Мистер Уоддингтон, — объяснил Джордж. — А это кто? — удивился он, когда еще один пронзительный вопль огласил воздух.

— Миссис Уоддингтон. Послушай, Джордж, старик, — тревожно осведомился лорд, — как поступать, если женщина вдруг синеет и тихонько булькает?

Догадавшись, что человеку его сложения бесполезно докрикиваться через окошко, если он не встанет на что-то, Сигсби метнулся через крышу и вернулся в обнимку с цветочным горшком. Горящие глаза и то, что он даже в такой момент продолжал пыхтеть сигарой, придавали ему поразительное сходство с изрыгающим пламя драконом. Он бухнул горшок на пол и, точно человек, всходящий по камням умершего «я» к другому «я», к высшему, взобрался на него.

Теперь он прекрасно дотягивался до оконца и сумел дать лорду Ханстэнтону в морду, что оказалось и к лучшему. Его светлость,

зашатавшись, упал, открыв вид оскорбленному мужу на провинившуюся жену.

— Х-р-р! — зарычал Сигсби.

— Сигсби, я могу все объяснить!

— Наглость, — фыркнул Сигсби, — нравится мне, но в меру и на своем месте. У женщины хватает нахальства порочить прекраснейшего молодого человека, одного из лучших на Золотом Западе, а когда я случайно приезжаю в Нью-Йорк по важному делу и нахожу ее запертой с мужчиной, она заявляет, что может все объяснить!..

Тут Уоддингтон прервал сам себя, чтобы набрать воздуха.

— Сигсби!

— А все оттого, что живем мы на душепагубном Востоке, — продолжил он, набрав свежего воздуха в грудную клетку. — Я сто раз говорил…

— Сигсби, все получилось нечаянно. Лорд Ханстэнтон сказал правду. Нас действительно запер полисмен.

— Как вы вообще там очутились? Наступила короткая пауза.

— Я зашла посмотреть, чем занимается Финч. Я слышала, как он разговаривал здесь с распутной девицей.

Уоддингтон вопросительно взглянул на Джорджа.

— Ты разговаривал сегодня вечером с распутной девицей?

— Конечно, нет! — негодующе вскричала Молли.

— Я не говорил ни с одной представительницей противоположного пола, — с достоинством ответил Джордж, — кроме девушки, укравшей ожерелье. У нас с ней был чисто деловой спор. Я сказал: «Отдайте мне ожерелье!» — и она отдала, а потом пришел ее муж и увел ее.

— Ну, слыхала?! — спросил Уоддингтон.

— Нет, мне тут ничего не слышно.

— Так вот, поверь мне на слово, этот замечательнейший молодой человек с Запада чист, как свежевыпавший снег. А теперь послушаем тебя. Почему полисмен вас запер?

— У нас случилось недоразумение…

— Какое?

— Ну, я… э… нечаянно бросила ему немножечко перца в лицо…

— Господи милостивый! Зачем?

— Он застал меня в квартире Финча и хотел арестовать.

— В самом деле? — холодным, непреклонным голосом спросил Уоддингтон. — Что ж, дальше некуда. Если не можешь жить на Востоке, не швыряясь перцем в полисменов, придется нам отправиться на Запад,

пока ты с топором на них не стала кидаться. Это мое последнее, непоколебимое решение! Мы едем на Запад, женщина, где сердца чисты. Попытаемся начать новую жизнь!

— Я поеду, Сигсби! Я поеду, поеду!

— Да уж, можешь поклясться своим крашеным рыжим перманентом. Поедешь, не отвертишься.

— Завтра же куплю билеты!

— Нет уж! — И горшок с кустом, на котором стоял Уоддингтон, чуть не опрокинулся от его широкого жеста. — Билеты куплю я. Может быть, тебе интересно узнать, что благодаря коммерческой сделке, придуманной этой вот головой, я снова стал богатым. Да, да, да! Я могу купить все билеты, требующиеся моей семье, и управлять этой семьей, как ею нужно управлять. Теперь я — большой человек! Да, я — Сигсби Х… — Горшок с кустом чуть накренился, и оратор свалился на руки Гарроуэя, который поднялся на крышу проверить, что там с пленниками, и очутился вдруг в дискуссионном клубе.

— …Уоддингтон! — заключил Сигсби.

Полисмен холодно оглядел его. Неприязнь, которую он испытывал к этому человеку, миновала, но смотреть на него как на друга он все-таки не мог. Более того, свалившись с горшка, Уоддингтон тяжело ухнул ему на правую ногу, чуть ли не единственную часть тела, оставшуюся не изувеченной после приключений этого вечера.

— В чем дело? — поинтересовался Гарроуэй.

Его взгляд упал на Джорджа, и он испустил то тихое, зловещее рычание, какое можно услышать от леопарда, напавшего на след жертвы, тигра, изготовившегося к прыжку, и нью-йоркского полисмена, неожиданно наткнувшегося на человека, который набросил ему скатерть на голову, а потом саданул в глаз.

— Так вот вы где! — Гарроуэй взвесил дубинку на руке и мягко двинулся вперед. Молли с криком заступила ему дорогу.

— Остановитесь!

— Окажите любезность, мисс, — крайне вежливо, как всегда в разговоре с дамой, попросил Гарроуэй, — уйдите к чертям с дороги!

— Гарроуэй!

Полисмен резко повернулся. Только один человек в мире был способен обуздать его грозные замыслы, и именно он только что присоединился к группе. В свитере и спортивных туфлях, Хамилтон Бимиш производил достойное и живописное впечатление. Стоял он в лунном свете, отблескивающем от его роговых очков, и держал гантели.

Режим есть режим, и все переживания за день не заставили бы его пропустить час упражнений.

— Что за шум, Гарроуэй?

— Э, мистер Бимиш…

Вокруг раздался нестройный хор голосов.

— Он пытался убить Джорджа!

— Он запер мою жену на веранде!

— Чудовище!

— Наглец!

— Джордж ничего ему не сделал!

— Моя жена всего и бросила ему капельку перца в лицо! Хамилтон повелительно вскинул гантели.

— По очереди, по очереди! Гарроуэй, изложите свою версию.

Он внимательно выслушал рассказ.

— Отоприте дверь! — распорядился он, когда все было сказано.

Полисмен ее отпер. Появилась миссис Уоддингтон, а следом за нею лорд Ханстэнтон, опасливо глянув на Уоддингтона, с небрежным видом скользнул к лестничной двери. Все ускоряя шаг по мере приближения к ней, он внезапно исчез. Человек он был воспитанный и терпеть не мог скандалов, а все инстинкты подсказывали ему, что скандалом пахнет и лучше всего поскорее оказаться в другом месте.

— Остановите этого человека! — воскликнул Гарроуэй и заметно помрачнел. — Ну вот! Теперь он удрал! А его разыскивают в Сиракузах!

Сигсби покачал головой. Город этот он не любил, но смекалка у него все-таки была.

— Даже в Сиракузах, — заметил он, — вряд ли нужен такой субъект.

— Да это же Пижон Уилли! Я хотел доставить его в участок!

— Вы ошибаетесь, Гарроуэй, — поправил Хамилтон. — Это лорд Ханстэнтон. Лично мне знакомый.

— Так вы его знаете, мистер Бимиш?

— И очень близко.

— А ее? — Полисмен ткнул в миссис Уоддингтон.

— Да, близко.

— А его? — спросил Гарроуэй, тыкая в Джорджа.

— Один из моих лучших друзей.

Полисмен испустил тяжелый вздох и озадаченно умолк.

— Все дело, — изрек Хамилтон, — возникло из-за дурацкого недоразумения. Эта леди, Гарроуэй, мачеха юной леди, на которой Финч должен был сегодня жениться. Но возникла небольшая помеха. Как я понял

со слов Сигсби, миссис Уоддингтон сочла, будто мораль мистера Финча не на высоте. Но позже обнаружились факты, убедившие ее, что она ошиблась, и она поспешила в Нью-Йорк, чтобы разыскать мистера Финча и сообщить ему, что свадьба состоится с полного ее одобрения. Правильно, миссис Уоддингтон?

Миссис Уоддингтон сглотнула. На минуту показалось, что в ее глазах снова появится хорошо знакомое всем выражение воинственной рыбы. Но нет, дух ее был сломлен. Она перестала быть прежней. Утратила былую форму.

— Да… да… То есть… Ну да, — просипела она.

— Итак, вы зашли к мистеру Финчу, чтобы сообщить ему это? Не с какой-то иной целью?

— Да, ни с какой иной… то есть с этой…

— В общем, вы хотели разыскать своего будущего зятя и заключить в материнские объятия. Я прав?

Пауза была такой долгой, а взгляд, брошенный на Джорджа, таким выразительным, что Джордж, и всегда тонко чувствующий, невольно призадумался: а уж не пренебрег ли он долгом мужчины и гражданина, не вмазав ей по носу?

Наконец она выговорила:

— Правы…

— Ну и отлично! — подытожил Хамилтон. — Так что, сами видите, Гарроуэй, причины пребывания миссис Уоддингтон в квартире достойны всяческого восхищения.

— А почему она швырнула мне перцем в лицо?

— Да, Гарроуэй, — покивал Хамилтон, — это не совсем безобидно. Вы имеете полное право сердиться и даже возбудить судебный иск за оскорбление действием. Но миссис Уоддингтон — дама разумная и, несомненно, пожелает уладить это маленькое недоразумение способом, приемлемым для всех сторон.

— Я ему заплачу! — закричала разумная дама. — Любые деньги!

— Эй! Эй!

То был голос Уоддингтона. Он стоял, властный и сильный, сигара его потухла, и он воинственно жевал ее.

— Тэк-тэк-с! — сказал он. — Если речь идет о взятке, дать ее должен я, как глава семьи. Загляните ко мне завтра, Галлахэр, туда, в Хэмстед, и мы все обсудим. Вы убедитесь, что человек я очень щедрый. Мы, ковбои с Запада…

— Грандиозно! — заключил Хамилтон Бимиш. — Итак, все счастливо

уладилось!

На той частичке Гарроуэева лица, которая оставалась на виду, отразились сомнение и неудовольствие.

— А как же насчет этого вот гуся? — показал он на Джорджа.

— Этого индивидуума, — поправил Бимиш. — А что с ним, Гарроуэй?

— Он же мне в глаз вмазал!

— Несомненно, в порыве безудержного веселья. Где это случилось?

— Внизу, в «Лиловом цыпленке».

— А-а! Если бы вы знали этот ресторанчик получше, вы бы поняли, что такие происшествия — это так, мелочи повседневной жизни. Гарроуэй, вы должны об этом забыть.

— Что ж, и вмазать ему нельзя?

— То есть ударить? Нет, нельзя. Я не могу допустить, чтобы вы докучали Финчу. Он завтра женится.

— Но…

— Гарроуэй, — спокойно и повелительно перебил Хамилтон, — мистер Финч — мой друг.

— Хорошо, мистер Бимиш, — безропотно отозвался полисмен.

— Сигсби, — тормошила мужа за рукав миссис Уоддингтон.

— Да, что?

— Сигсби, дорогой, я умираю с голоду. У меня весь день во рту маковой росинки не было! А тут есть такой чудесный супчик…

— Сейчас пойдем — Сигсби повернулся к Джорджу. — Ты идешь?

— Я хотел повести Молли куда-нибудь.

— О нет, Джордж! Пойдем с нами! — чарующим голосом пригласила миссис Уоддингтон и подошла к нему поближе — Джордж, а ты правда ударил полисмена в глаз?

— Да.

— Расскажи мне про это подробнее.

— Он, видите ли, пытался меня арестовать. Ну, я набросил скатерть ему на голову, а потом съездил по рылу. Он и отстал.

Глаза миссис Уоддингтон заблестели. Она взяла его под руку.

— Джордж! Я неправильно о тебе судила. Лучшего мужа для Молли я и желать не могу!

Хамилтон стоял в лунном свете, поднимая и опуская гантели. Поработав с гантелями, он перешел к простым упражнениям для укрепления мышц: раздвинул ноги дюймов на шесть, слегка вывернул

носки и положил ладони на бедра большими пальцами назад. Потом наклонился вперед от плеча — не от бедер. Втянул живот и, держа его втянутым, наклонился налево, напрягая мускулы левого бока. Ноги он держал прямо, выпрямив колени. Затем проделал то же с правой стороны и повторил упражнение двадцать раз: десять — справа, десять — слева. Выполнял он их, как и положено, медленно, без рывков.

— А-а! — выдохнул он расслабляясь. — Прекрасная тренировка для мышц. Превращает их в живой пояс. Вы, Гарроуэй, тренируете мышцы?

— Да вроде нет, — покачал головой полисмен. — А так мышек я видел. Их в Бронксе много.

Хамилтон взглянул на него озабоченно.

— Гарроуэй, что-то вы рассеянны, — заметил он, — слышите совсем не то.

— Бывает, знаете, бывает, — горько отозвался полисмен. — Когда тебе швырнут перца в лицо, закутают голову в скатерть, а потом еще и стукнут в глаз… Тут уж не захочешь, станешь рассеянным, а к тому же, когда я уже решил, что зацапал…

— Арестовал.

— Ну, арестовал этих… индивидуумов, вдруг выясняется, что они — ваши друзья. Пришлось отпустить всех подчистую. Вот что мне тяжело, мистер Бимиш.

Хамилтон похлопал его по плечу.

— Каждому поэту, Гарроуэй, необходимо познать страдания, прежде чем преподавать в своих стихах науку жизни. Возьмите хоть Китса! Или Чаттертона! Наступит день, и вы будете только благодарны за сегодняшние события. Страдания выкуют из вас поэта. А кроме того, вспомните-ка о деньгах, которые вы получите от Уоддингтона.

— Сейчас мне бы выпить чего, и похолоднее…

— Мистер Гарроуэй!

Полисмен оглянулся. В окне стояла Молли.

— Мистер Гарроуэй. Случилась очень странная вещь. Джордж наткнулся в шкафу на две большущие бутылки шампанского. Он прямо не представляет, как они там очутились. Знаете, осмотрите их, а? Проверьте, хорошее ли вино.

Тучка, омрачавшая лицо полисмена, растаяла словно по волшебству. Медленно высунулся изо рта язык и алчно облизал пересохшие губы. Глаз, оставшийся на виду, загорелся светом, неведомым доныне ни на суше, ни на море.

— Пойдете со мной, мистер Бимиш? — спросил он.

— Опережу вас, — ответил Хамилтон.

Большие деньги

Перевод с английского Н. Цыркун

ГЛАВА I

1

Майским полднем, когда деловой Лондон делает паузу в трудах, дабы восстановить силы за ленчем, в кофейном зале клуба «Трутни» на Доувер-стрит произошло приятнейшее событие — встреча школьных друзей. Годфри, лорд Бискертон, сын и наследник шестого графа Ходдесдона, угощал своего некогда закадычного дружка Джона Бересфорда Конвея.

В то утро, направляясь в Сити, чтобы обсудить с управляющим банка небольшую проблему, связанную с превышением кредита, лорд Бискертон случайно столкнулся с Берри Конвеем на Корнхилл. Последний раз они виделись три года назад, и теперь в поведении лорда, когда он смотрел через стол на своего визави, сквозил легкий упрек, вроде того, с каким взыскательный постановщик блошиного театра возвращает на место свою артистку, скакнувшую прочь из загончика.

— Невероятно! — сказал он.

Лорд Бискертон был молодым человеком с рыжей шевелюрой и такого же разительного оттенка растительностью над верхней губой, которую можно было принять за робкий набросок будущих усов. Он с чувством налегал ножом и вилкой на лежавшую перед ним жареную подметку.

— Совершенно невероятно, — повторил он. — Никак не могу успокоиться. Заинтригован. Вот сидим мы, два птенчика, с одной стороны — ты, с другой — я, которые когда-то были не разлей вода. Наша дружба была каноном братской любви. И убей меня Бог, если мы хоть раз видались с того самого лета, когда Ореховый Прутик выиграла юбилейный гандикап. Уму непостижимо.

Берри Кон вей чуть заерзал на стуле. Он выглядел смущенным.

— Надеюсь, что мы все же скучали друг по другу.

— Но в какой мере? — Лорд Бискертон был настроен дойти до самых глубин. — Вот что мне желательно знать. В какой мере? Я бываю везде. На бегах, в ресторанах, театрах, словом, всюду. Любого спроси, тебе скажут, как трудно меня обойти. Я отравляю жизнь чертовой прорве народу. «Мать моя, — сетуют они, — опять ты!» — и бросаются в первый попавшийся переулок затем лишь, чтобы столкнуться со мной лоб в лоб. И как только тебя миновала чаша сия?

— Вот оно, фамильное везение Конвеев.

— Тогда почему ты меня не искал? Тебе должно быть известно, где я обретаюсь. В телефонную книгу заглянул бы.

Берри покатал пальцами хлебный шарик.

— Далек я теперь от тех дней, — ответил он. — Живу в пригороде, в Вэлли Филдс.

— Не женился, а? — с внезапной тревогой спросил лорд Бискертон. — Не обзавелся женушкой или другой такой бедой?

— Нет, живу с Обломком Прошлого. Бывшей нянькой. Она, кажется, до сих пор себя ею считает, — сказал Берри, и лицо его омрачилось. — Когда я нынче утром уходил из дома, она кричала вслед, не забыл ли я надеть теплые кальсоны.

— Мой дорогой! — Лорд Бискертон удивленно поднял брови. — К чему такие интимные подробности? Не стоит позволять себе лишнего. Старушка хлопочет вокруг тебя? Что ж, таковы они все, старые няньки, — добавил он, передернувшись от неприятного воспоминания, — Моя однажды поцеловала меня на перроне Паддингтонского вокзала, загубив мой авторитет в школе на целый семестр. А почему ты не отцепишь от себя эту болячку? Назначил бы ей ренту.

— Ренту! — усмехнулся Берри. — На какие шиши? Скажу тебе, Бисквит, всю правду. Я потому выпал из нашего круга, живу за городом и перестал видеться со старыми приятелями, что оказался на дне. У меня нет ни гроша.

Названный Бисквитом уставился на него.

— Ни гроша?

— Ну, я, может, преувеличил. Если быть точным, сейчас мои дела получше, чем года два назад, потому что я получил работу секретаря у Фрисби, американского финансиста. Но он платит мне всего несколько фунтов в неделю.

— Так ведь секретарь должен знать стенографию и прочую скукоту?

— Я научился стенографировать.

— Да что ты! — изумился Бисквит. По-видимому, это откровение заставило его наконец представить себе драматизм ситуации во всем его мраке. — Тебе, должно быть, пришлось нелегко.

— Именно так. Если бы один старый хрыч, от которого я абсолютно ничего не ожидал, не одолжил мне две сотни фунтов, я бы, наверное, помер с голоду.

— Да что же такое стряслось? — спросил Бисквит, сбитый с толку. — Ты в школе считался чуть ли не миллионером. Идешь, а в карманах звенят

монеты. Бутерброд с джемом себе и товарищу — раз плюнуть. Куда же ухнули денежки? Что разладилось?

Берри мешкал с ответом. За последнее время он истосковался в одиночестве, и возможность поделиться невзгодами с сочувствующим собеседником выглядела соблазнительной.

— Ты вправду хочешь услышать историю моей жизни, Бисквит? — осторожно спросил он. — Тебе не наскучит?

— Наскучит? Что ты, мой дорогой! Да я горю от нетерпения. Выкладывай всю подноготную. Прямо с самого начала. Детство — окружение — гениальные задатки, унаследованные по мужской линии, — все, что полагается.

— Ну смотри, ты сам этого хотел. Бисквит задумался.

— Когда мы впервые встретились, — сказал он, — тебе было, помнится, лет четырнадцать. Обидчивый подросток, голенастый, красноухий, но над тобой стоило потрудиться, имея в виду твое огромное богатство. Откуда оно у тебя было? Только честно!

— От тети. Дело в том, что я был единственным ребенком…

— Ну, одного этого хватит.

— Моя мать умерла, когда я родился. Отца я никогда не знал.

— Я иногда сожалею о том, что знаю своего, — вставил Бисквит. — У шестого графа есть свои плюсы, но временами он просто невыносим. Так почему ты не знал своего отца? Ты был необычным ребенком?

— Он погиб в железнодорожной аварии, когда мне исполнилось три года. Тогда меня усыновила его тетка. Она как раз потеряла мужа, который оставил ей состояние. Он, кажется, заработал его производством джута. Те самые денежки, которые, по-твоему, звенели у меня в карманах. Единственное, что я о нем запомнил, — бакенбарды.

— В три года ты, должно быть, был пренеприятнейшим субъектом, — задумчиво протянул Бисквит. — Ты и в четырнадцать был не подарок. А уж в три на тебя, наверное, никаких нервов не хватало.

— Напротив. Ханна мне часто говорила…

— Что за Ханна?

— Ханна Уисдом. Которая за мной присматривает.

— Понятно. Та самая, которая следит за твоим нижним бельем. Мне было показалось, что ты ввел в нашу беседу сексуальный мотив.

— Ханна часто говорила, что в своем бархатном костюмчике я выглядел чистым ангелочком. У меня были длинные золотые локоны…

— Гадость какая, — сурово прервал его Бисквит. — Прекрати. Есть вещи, о которых не говорят при мужчинах. Давай ближе к теме. Ты

остановился на богатой тетке. Итак, что же дальше?

— Она баловала меня, как принца. Отправила учиться в школу, потом в Кембридж, окружила самой утонченной роскошью.

Бисквит нахмурился.

— Очевидно, — сказал он, — где-то тут и зарыта собака. Только пока не пойму, где.

— Собака, — сказал Берри, — вот где. В то золотое беззаботное время, когда мы с тобой бездумно перебрасывались чернильными бомбочками, моя тетя, как теперь выясняется, так же бездумно просаживала свой капитал. Не знаю, пыталась ли она добывать золото из морской воды, но если нет, это единственная причуда, которая не пришла ей в голову. Всякому, кто возникал на ее горизонте с настолько бредовой идеей, чтобы от нее шарахались все здравомыслящие люди, она со всех ног бежала выписывать чек.

— Женщинам, — прокомментировал Бисквит, — нельзя доверять чековые книжки. Я всегда это говорил. Они все чокнутые.

— Два года назад она умерла, оставив мне свое состояние. Оно состояло из трех тонн ценных бумаг, выпущенных фиктивными компаниями. Вот и все, что мне досталось.

— Из князей в грязи, значит.

— Да.

— Ужасно, — констатировал Бисквит. — Иначе не скажешь.

— На мое счастье, адвокат моей тети, некто Эттуотер, имеет обыкновение появляться в трудную минуту, чтобы поддержать веру в человека. У него рыбьи глаза и деревянная физиономия, а когда он приходил к нам обедать, то всегда щелкал меня по носу как истый джентльмен старой закалки, если я осмеливался проронить хоть слово. Но видит Бог, под этой грубой внешностью… Словом, он одолжил мне двести фунтов — две сотни настоящих, весомых фунтов. Если у меня когда-нибудь появится сын, он будет наречен именем Эбнезера Эттуотера.

— Лучше ему не появляться, — заметил Бисквит.

— Эти деньги просто спасли мне жизнь. Три месяца я прочесывал Лондон в поисках хоть какой-то работы. А по ночам в поте лица изучал стенографию и машинопись. Наконец меня взял секретарем один человек из экспортно-импортной компании. Месяц назад он отошел отдел и рекомендовал меня своему коллеге и приятелю. Таким образом Фрисби вошел во владение моим бренным существованием. Вот почему, — заключил Берри, — я живу за городом и не общаюсь с Бискертонами и прочей золотой молодежью. Самое обидное, что, как раз когда разразилась

эта катастрофа, я собирался отправиться в кругосветное путешествие на грузовом судне. Конечно, пришлось отказаться.

Бисквит изобразил крайнее изумление.

— Ты хочешь сказать, что избегал меня, потому что тебе не повезло? Ты стыдился своей бедности? В жизни не слыхал ничего глупее.

Берри зарделся.

— Легко тебе говорить. Нельзя водиться с людьми, которые намного богаче тебя.

— Кому нельзя?

— Никому.

— А я всю жизнь вожусь, — гордо ответил лорд Бискертон, — и если Бог не выдаст, и дальше собираюсь с ними водиться, покуда не стану совсем стар и сед. И представь себе, я нисколько не богаче тебя. Я знаю, что такое деньги, только понаслышке.

— Шутишь!

— Нисколько. Если хочешь узнать, что такое настоящая нищета, посмотри на мое семейство. Я разорен. Мой папаша разорен. Моя тетка Вера разорена. Просто эпидемия банкротства. Я задолжал всем лавочникам в Лондоне. Отец неделями не ест мяса. А тетя Вера, вдова полковника Арчибальда Мейса, кавалера Ордена Виктории, вынуждена писать утешительные статейки в вечерние газеты. Знаешь, их печатают на последней странице о том, что где-то всегда светит солнце и нам надо жить и радоваться, как птичкам на ветке. Бедная женщина попала в такие стесненные обстоятельства, что сделала попытку занять денег у меня. У меня, ты только подумай! Когда мне самому впору петь Лазаря.

Он засмеялся своим воспоминаниям. Затем, отведав фруктового салата, снова посерьезнел и вывел мораль.

— Корень зла, дружище, в том, что сегодня графы ничего не значат. Все равно что играть в наперстки. Если тебе кто предложит сыграть в наперстки, дай в глаз и беги. А уж быть сыном и наследником графа и того хуже.

— Мне всегда казалось, что ты купаешься в деньгах, Бисквит. У тебя же огромное поместье в Сассексе…

— В том-то и беда. Слишком огромное. Прорва ненасытная. Я знаю, что ввело тебя в заблуждение. Это общая ошибка. Ты видишь фотографию в «Сельской жизни»— граф стоит в небрежной позе у северо-восточного фасада своего родового гнезда в Лоамшире, и говоришь: вот счастливчик, вот бы с кем познакомиться! Тебе и невдомек, что в тот момент, когда щелкнул затвор, этот бедолага ломал голову, где бы достать деньжат на

краску для этого самого фасада. Я уж не говорю о земельном налоге, налоге с дохода, налоге со сверхприбыли и так далее, из-за них фамильный чулок совсем оскудел, старина. Вот ведь в чем дело, — сказал Бисквит, подводя итоги. — Если Англия хочет иметь счастливую, сытую аристократию, она не должна воевать. Или одно, или другое.

Он вздохнул и погрузился в глубокое молчание.

— Жаль, что мне не удалось найти способ заработка, — резюмировал он свои соображения. — На бегах у меня ничего не получается. И с бриджем не везет. Тем не менее способ должен быть. Посмотри на всех этих богатых зануд, которые снуют туда-сюда. Они же нашли выход. Я на днях прочитал в одной книжке, как один тип подходит к другому на улице — совершенно незнакомому, но сразу видно, что богатому— и шепчет на ушко — первый тип шепчет — «Хочу вам сказать словечко, сэр!» Это второму типу, ты понимаешь. «Хочу вам словечко сказать, сэр: я знаю вашу тайну!» И все — второй тип делается белым как бумага и обеспечивает первому безбедное существование до конца жизни. Чем не вариант?

— Тянет лет на семь, надо думать.

— Ладно, если я на такое решусь, дам тебе знать. А ежели меня отправят в Бастилию, ты будешь меня навещать и просовывать хлеб через решетку.

Он съел сыр и вернулся к предыдущей теме.

— А что это ты говорил насчет кругосветного путешествия? — спросил он. — Насколько я помню, ты сказал, что тебе перекрыли кислород именно когда ты его планировал. По-моему, это бред. Что за идея — путешествовать вокруг света на грузовой посудине?

— Просто мне захотелось оторваться и отправиться навстречу приключениям. Помнишь, у Киплинга: «И я хочу в Бразилию, к далеким берегам!».

— Ш-ш-ш! — стыдливо зашипел на него Бисквит. — Дружище! Здесь нельзя декламировать стихи! Это против клубных правил. Есть специальный циркуляр.

— Я на днях беседовал с одним субъектом, — начал Берри, и глаза у него загорелись. — Он только что вернулся из Аризоны. Рассказывал про Мохавскую пустыню. Занимался там изысканиями. Я почувствовал себя орлом в клетке.

— Чем?

— Орлом в клетке.

— Почему?

— Потому что понял — мне никогда не выбраться из Вэл-ли Филдс и не увидеть ничего стоящего.

— Ты видел меня.

— Представь только, Гранд Каньон!

Лорд Бискертон послушно прикрыл глаза.

— Ну представил, — сказал он. — И что?

— Разве у меня есть шанс увидеть Гранд Каньон?

— А что, нету? Берри передернулся.

— Ты слышишь, что я говорю? — спросил он.

— Как не слышать, — с энтузиазмом ответил Бисквит. — Ни слова не упустил. Но твое утверждение кажется мне путаным и необоснованным. Насколько я понимаю, ты желаешь прокатиться в Бразилию. И вроде бы страдаешь оттого, что не можешь. А почему не можешь? Бразилия открыта для всех желающих в любое время года. Разве не так?

— Ты забыл про Эттуотера и деньги, которые он мне одолжил? Я не могу с ним расплатиться, если не заработаю денег. А как я заработаю, если брошу все и отправлюсь гулять по свету?

— Ты собираешься с ним расплачиваться? — удивился Бисквит.

— Разумеется.

— В таком случае не о чем говорить. Если ты намереваешься идти по жизни, щепетильно выплачивая долги, — с ноткой суровости произнес Бисквит, — то должен смириться с тем, что тебе не гулять по свету.

Повисла пауза. Лицо Берри омрачилось.

— Меня иногда такое беспокойство одолевает, — сказал он. — Просто не знаю, куда себя девать. С тобой это бывало?

— Никогда. Мне и в Лондоне хорошо.

— А мне нет. Этот субъект, который из Аризоны приехал, рассказывал, как они там в пустыне работают.

— Вот уж что меня не прельщает.

— Идешь под палящим солнцем, спишь под звездным небом, сверлишь дырки в монолитной скале…

— Полный идиотизм. И выпить негде, правильно я понимаю? Что ж, если тебе именно этого недостает, скажи спасибо. Скажи спасибо, что тебя миновала чаша сия. Ничего страшного, что ты чувствуешь себя креветкой в желе.

— Я не говорил, что креветкой. Я сказал — орлом.

— Это одно и то же.

— Совсем не одно и то же.

— Ну ладно, — примирительно ответил Бисквит. — Как знаешь.

Пусть будет по-твоему. Но получается, что ты не можешь осилить долг в две сотни фунтов? Неужели в наследстве твоей тетушки совсем ничего ценного не оказалось?

— Одни бесполезные бумажонки.

— А какие конкретно?

— Всех не упомнишь. На пять тысяч от какой-то Федеральной лакокрасочной компании, еще три тысячи от компании развития чего-то там… Да, и еще одной шахты. Забыл, какой.

— Ба! Ты владелец шахты? Тогда дело на мази.

— Да это пустышка, как все приобретения моей тетушки.

— Но что все-таки за шахта?

— Я особенно не вникал, что зря утруждаться, если в ней ничего нет. Какие-то медные копи, кажется. Рудник — «Мечта Сбывается». По мне это не мечта, а чистый кошмар.

— Берри, старина, — сказал Бисквит. — Повторяю тебе со всей ответственностью, что дело на мази. На кой она нужна, эта медь, понятия не имею. В карманах ее носить — звон один. Кошелек набить — одна тяжесть. И что на нее купишь? Вечернюю газету или упаковку пластыря. Тем не менее общеизвестный факт — народ хлебом не корми, дай завладеть медными приисками. Тебе надо немедленно продать эту шахту, отдать старику Эттуотеру его деньги (если ты зациклился на своей безумной затее), одолжить мне, сколько сможешь, из оставшейся суммы, а потом отправляться на все четыре стороны и делать, что душе угодно.

— Сколько можно повторять, что в этой «Мечте» никакой меди нет!

— Зато в мире полным-полно чокнутых. Черный будет день для старой доброй Англии, когда в ней не найдется хоть одного чудака, желающего купить шахту, пускай и пустую. Ты говоришь, в твоей шахте ничего нет? Ну и что из этого? Мой папаша однажды купил акции нефтяной скважины, так там не только нефти, но и самой скважины не было. Осмелюсь заметить, что если ты бросишь взгляд окрест себя, то обнаружишь дюжину идиотов, которые спят и видят отдать тебе несколько тысяч за эту штуковину.

Берри схватился за край скатерти. Чтобы разжечь его воображение, достаточно было ничтожной искры.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно.

Глаза у Берри засверкали огнем.

— Если мне удастся найти человека, который дал бы денег, чтобы заплатить долг Эттуотеру, я бы тут дня не остался. Я бы сел на первый

пароход, отправляющийся в Америку, и двинул бы на Запад. Представь только такую картину, Бисквит. Пустыня, простирающаяся на мили и мили вокруг, каменные утесы, очертания которых тонут в мареве. Караванные пути. Пурпурно-алые горы. Мужчины в сомбреро и синих комбинезонах.

— Опасный, должно быть, народ, — заметил Бисквит. — Держись от них подальше, послушай моего совета. Ты что, покидаешь меня? — спросил он, видя, как Берри подымается с места.

— Боюсь, мне надо идти. Пора на работу.

— Уже?

— У меня перерыв один час, и сегодня неподходящий день, чтобы нарушать правила. У старика Фрисби опять диспепсия, а в этом состоянии он сердит.

— Ну тогда двигай, раз должен, — сказал отходчивый Бисквит. — И не забудь насчет рудника. Жалко, что у меня не было тетки, которая отказала бы мне что-нибудь этакое. В моей жизни две тетки. Одна из них — Вера, о которой я уже говорил. Вторая, почтенная Каролина, отошла в лучший мир несколько лет назад, задолжав мне два фунта шесть пенсов, которые взяла на такси.

2

В то время как Берри Кон вей, неохотно оторвав себя от дружеского застолья, входил в вагон подземки, который должен был доставить его в Сити, к трудам насущным, Т. Патерсон Фрисби, его хозяин, сидел в конторе на Паддингтон-лейн, 6, и разговаривал по телефону со своей сестрой Джозефиной.

Т. Патерсон Фрисби, невысокий человек, имел такой кислый вид, будто его долго выдерживали в крепком маринаде. Лицо его, когда он взялся за трубку, выражало крайнюю степень недовольства. Сестра всегда вызывала у него раздражение, особенно по телефону, когда ее природная склонность к болтливости достигала невыносимых пределов; к тому же он жестоко страдал от несварения желудка, о каковом и упомянул Берри в беседе с лордом Бискертоном.

Готовность к мукам нисколько не снижала их интенсивности. Напротив, к физическим страданиям добавлялись терзания духовного свойства. Целая медицинская кафедра убеждала мистера Фрисби воздерживаться от жареной утки, и как правило, у него хватало силы воли следовать этому совету. Но вчера вечером искушение сделалось слишком

сильным. Он безвольно и безрассудно набросился на фаршированную утку, продемонстрировав здоровый крестьянский аппетит. Сегодня его настигло неминуемое возмездие. В довершение всего позвонила Джозефина.

— Алло? — произнес мистер Фрисби, как бы взывая из бездны.

Он взял таблетку пепсина и бросил ее в рот — не тем полным достоинства жестом, каким величественный монарх швыряет в толпу золотые монеты, а неохотным движением человека, вынужденного сунуть подаяние назойливому попрошайке. Он знал, что желудочная кислота будет делать свое черное дело, покуда не ублажишь ее этой подачкой.

В мире так много прекрасного, что жаль, казалось бы, тратить время на пищеварение мистера Фрисби, и тем не менее долг историка — не отворачиваться от темных сторон жизни и видеть ее во всей полноте.

— Алло? — произнес мистер Фрисби. Ему ответило чистое сопрано.

— Патерсон!

— Угу.

— Это ты?

— Угу.

— Послушай.

— Слушаю.

— Ну так слушай.

— Слушаю! Сказал же. Давай к делу. И побыстрее. Не забывай, что каждая минута обходится мне в сорок пять монет.

Дело в том, что миссис Мун говорила из своих апартаментов на Парк-авеню в Нью-Йорке. Хотя эта женщина могла позволить себе любые траты, для мистера Фрисби транжирство даже чужих денег было невыносимым. Сам он владел двадцатью миллионами долларов и любил в них каждый Цент.

— Патерсон! Послушай!

— В чем дело?

— Ты меня слышишь?

— Конечно, слышу.

— Ну так слушай. На следующей неделе я еду в Японию с Генри Бессмерсом.

Мистер Фрисби издал тихий стон. Его лицо, напоминающее лошадиную морду, исказилось болью. Нет, желание сестры отправиться в Японию, которая гораздо дальше, чем Нью-Йорк, он вполне одобрял. Его душу ранило то, что она проматывала наличность, извещая его об этом факте. Для такого случая достаточно почтовой открытки из Токио с крестиком и надписью «Это мой номер» на одном из гостиничных окон.

— Только ради этого ты и звонишь? — спросил он сдавленным голосом.
— Нет. Послушай.
— Я уже слушаю.
— Дело касается Энн.
— Ах, Энн… — пробурчал мистер Фрисби, почувствовав некоторое облегчение. Он питал довольно прохладный интерес к делам сестры, но ее дочь, пожалуй, даже любил. Они не виделись несколько лет, поскольку смещение центра его деловой активности увело его прочь от родной земли, но сохранил память о племяннице как о хорошенькой девчушке с приятными и непосредственными манерами.
— Правда, Патерсон! Я всю голову с ней сломала.
Мистер Фрисби снова издал бурчание, на этот раз означающее, что, по его мнению, это не вяжется с планами столь далекого путешествия.
— Патерсон!
— Ну?
— Слушай.
— Я слушаю!
— Я говорю, голову изломала с этой Энн.
— Это я уже слышал.
— Знаешь, что она учудила на прошлой неделе? Мистер Фрисби заерзал, как будто только что обнаружил, что сел в муравейник.
— Каким чертом я мог узнать? Я что, по-твоему, — ясновидящий?
— Она отказала Кларенсу Дамфри, сыну Мортимера Дж. Дамфри. Объявила, что он зануда. А Кларенс — милейший молодой человек. Он не пьет, не курит и унаследует миллионное состояние. А знаешь, что она сказала мальчику Бурвашей?
— Что это за мальчик Бурвашей?
— Томбли Бурваш. Ты знаешь. Сын Дуайта Н. Бурваша. Она сказала, что выйдет за него, если он ударит полисмена.
— Что сделает?
— Ударит полисмена.
— Какого полисмена?
— Все равно какого. Сказала, что он сам может выбрать полисмена. Томбли, натурально, отказался. Он на такое не способен. И вот так всегда. Я отчаялась выдать ее замуж и живу в постоянном страхе, что она убежит с первым встречным. Она безумно романтична. Ни один добропорядочный молодой человек ей не годится. О Господи! Я как-то ее спросила, кого она хочет в мужья, и что она ответила? Смесь Джина Танни с Т.Э. Лоуренсом и

Линдбергом и чтобы был похож на Рональда Колмена. Так что, поскольку я еду в Японию, мне кажется, лучше всего будет отправить ее на лето в Англию. Может быть, встретит кого-нибудь… ну, приличного.

Мистер Фрисби закашлялся.

— Слушай, — решительно сказал он, нечаянно впадая в плагиат. — Если ты надеешься повесить ее мне на шею…

— Разумеется, нет. Холостяцкий образ жизни, который ты ведешь, не годится для юной девушки. Она должна общаться с порядочными людьми. Я хочу, чтобы ты дал объявление в газеты о том, что требуется дама с титулом. Энн сможет у нее жить и выезжать с ней в свет.

— А-а, — с облегчением протянул мистер Фрисби.

— И когда будешь выбирать, поосторожней с титулом. Миссис Генри Бессмер рассказывала, что один друг присоветовал ей леди Такую-то, а она оказалась всего-навсего вдовой человека, которого удостоили рыцарским званием за то, что он был мэром какого-то городишки в Ланкашире, когда король открывал там ратушу или что-то в этом роде. Запомни, настоящих аристократок зовут по имени — леди Агата Так-то или леди Агата Сяк-то. Значит, она дочь герцога или графа.

— Ладно.

— Дело хлопотное, но куда денешься. А как твой люмбаго?

— У меня его нет.

— Не глупи. Я знаю, ты очень мучишься.

— Чем-чем? Скажи по буквам.

— Лисица, юность, майонез…

— Господи! — воскликнул мистер Фрисби, едва не плача. — Ты оплачиваешь звонкой монетой каждую букву! Вот тараторка.

— Кто-кто?

— Туша, амфора, роза, амфора, туша, окно, роза, кнопка, амфора. Ради Бога, повесь трубку, пока тебя не отправили в долговую тюрьму!

После того как гвалт на другом конце провода утих, мистер Фрисби несколько минут сидел в глубокой задумчивости. Потом протянул руку за целлулоидными манжетами, лежавшими возле чернильного прибора. Тяга к удобству была у него сильнее стремления к элегантности, и, принимаясь за работу, мистер Фрисби их отстегивал. В минуты нервных потрясений их блестящая поверхность будила в нем литературные наклонности. Манжеты для Т. Патерсона Фрисби служили тем же, чем скрижали для поэта.

Взяв один из этих пошлых предметов, он нацарапал на нем следующую pensee:[16]

«Джозефина — зараза».

Слова эти написанного внесли в его душу некоторое успокоение. Но неудовлетворенность осталась. Он лизнул карандаш и внес поправку:

«Джозефина — опасная зараза».

Теперь гораздо лучше. Сильнее. Определеннее. Даже когда слова льются из самого сердца, писателю приходится шлифовать текст, придавая ему яркость и сочность.

Удовлетворенный шедевром, он придвинулся к столу и вернулся к работе.

Примерно через четверть часа его известили, что опять на проводе Нью-Йорк. И тут же, покрыв расстояние в три тысячи миль, до него донесся мелодичный голос юной девушки.

— Алло! Дядя Патерсон?

— Угу.

— Привет, дядя Патерсон! Это Энн.

— Догадался.

— Как здорово слышно, правда? — беззаботно произнес голос. — Ну как будто…

— Сидишь в соседних комнатах, — вздохнул мистер Фрисби. — Знаю. В чем дело?

— Какое дело?

Мистер Фрисби тихонько простонал.

— По которому ты звонишь, — объяснил он, воздевая очи в направлении небес, которые, чуял он, не могли благословить такое издевательство над человеком.

Энн счастливо рассмеялась.

— Да так, ничего особенного, — сказала она. — Просто захотелось немножко поболтать. Доставить себе удовольствие. Мне еще ни разу не случалось звонить по трансатлантическому кабелю. Какое счастье сознавать, что наш разговор обходится маме по десять долларов за слог! Дядя Патерсон!

— Угу.

— Как твой люмбаго?

— Черт бы его побрал!

— Надеюсь, что поберет, — сочувственно отозвалась племянница. — И все же, как он?

— Лучше.

— Прекрасно. Мама с тобой разговаривала?

— Угу.

— Блеск! Представляю, какой счетец ей выпишут! Она сказала, что

отправляет меня в Лондон?

— Угу.

— Я отплываю на «Мавритании» в пятницу.

— Угу.

— А как там, в Лондоне?

— Паршиво.

— Почему?

— Потому.

— Для меня это земля обетованная, — убежденно заявила Энн. — Здесь у нас вокруг одни мультимиллионерские сынки, и почему-то так складывается, что отпрыски богачей все как на подбор одна кислятина. Зануда на зануде. К тому же я с ними с детства знакома. Может ли девушка проникнуться нежностью к человеку, которого помнит с тех пор, как он под стол пешком ходил в костюмчике лорда Фаунтлероя? Хочется познакомиться с людьми другого сорта. Хочется завести роман. Должно же быть где-то в мире место роману, а, дядя Патерсон?

— Нет!

— Я не согласна. Мне нужен мужчина из тех, про которых пишут в книжках. Впервые встретив девушку, он заглянет ей в глаза, воскликнет: «Друг мой!» — и немедленно заключит в объятия. Мне плевать, пусть он будет хоть амбал портовый и без гроша в кармане. Кстати, дядя Патерсон, мама сказала, что, если я в Англии найду себе неподходящую пару, она всю ответственность возложит на тебя. Я подумала, тебе надо знать заранее.

— Повесь трубку! — рявкнул мистер Фрисби с необычным для себя жаром.

Он с грохотом швырнул трубку, бросил взгляд на манжеты, чтобы утихомирить бушевавший в груди вулкан, но, не почувствовав облегчения, прибегнул еще к одной таблетке пепсина. Потом оперся подбородком на кулак и устремил взгляд в будущее, которое теперь виделось ему мрачнее прежнего.

Он с горечью вспомнил, как радовался браку сестры. Еще надел чертовски неудобный костюм и сорочку с жестким воротничком… Радовался он и рождению крошки Энн. Не сетуя, раскошелился на серебряную купель. Прошли годы, и вот чем все это обернулось!

Он прекрасно понимал, какое значение вкладывает его сестра в понятия «вся ответственность» и «неподходящая пара». Мало того, он знал, как проявит себя ее неудовольствие, если чадо, переданное на попечение дяди, заключит брачный союз с неугодной личностью. Она

примчится в Лондон и накинется…

Резкий звук ударил в ухо, как взрыв бомбы. Телефон опять зазвонил в самый неподходящий момент. Мистер Фрисби отпрянул, как стреноженный скакун, и вернулся к действительности.

— Алло, — выдохнул он.

— Это кто? — спросил чей-то голос. Голос был женский, и мистер Фрисби, мобилизовав остатки рыцарства, удержался от привычного ответа.

— Мистер Фрисби слушает, — коротко бросил он.

— О! — отреагировал голос— Доброе утро, сэр. Я хотела спросить, вы часом не знаете, надел мастер Берри теплые кальсоны?

Финансист глотнул ртом воздуха.

— Знаю ли я — как вы сказали?

— Вы ведь тот самый мистер Фрисби, у которого работает мистер Конвей?

— У меня есть такой секретарь.

— Тогда вы спросите, надел он теплые кальсоны? Погода что-то сыровата, а он такой слабенький.

Если бы пророк Иов вошел в этот момент в кабинет, Т. Патерсон Фрисби пожал бы ему руку и сказал: «Старина, теперь я понимаю, каково тебе было». Страдальческая морщина прорезала его лоб. Больше всего на свете, полном неприятных неожиданностей, он не терпел звонков персоналу по его личному телефону. А уж звонки об исподнем резали его ножом по сердцу.

— Не вешайте трубку, — сдавленно сказал он и нажал кнопку на столе.

Раздался резкий звонок, а вслед за ним в комнату вошел личный секретарь мистера Фрисби, загорелый и подтянутый.

Берри Конвей мало походил на чьего бы то ни было личного секретаря. Он плохо соответствовал этой роли. Конечно, трудно очертить некие жесткие правила, которым должна отвечать внешность секретаря; во всяком случае ей следует хотя бы приблизительно отвечать определенным ожиданиям. Скажем, отнюдь не помешали бы очки в роговой оправе и легкая бледность.

Берри Конвей — поджарый, атлетически сложенный, с внешностью боксера полулегкого веса, который принимает по утрам холодный душ и при этом поет — был далек от идеала. Лицо у него было чисто выбритым, тело мускулистым. А мистер Фрисби, даже в те минуты, когда не страдал желудочными коликами, имел наружность совсем иного рода. Его подспудно оскорблял вид маячившего перед ним человека. Берри мог был

взять мистера Фрисби одной рукой и съесть как цыпленка; и подчас вечерами, после трудов праведных, сожалел о том, что этого еще не сделал. Дело в том, что мистер Фрисби умел быть неприятным.

Вот и сейчас он сделался неприятным.

— Эй, вы! — рубанул он. — Что вы о себе воображаете? Почему ваши друзья звонят сюда? Какая-то полоумная баба требует вас к телефону. Ответьте ей.

Разговор, последовавший затем, продлился недолго. Невидимая собеседница говорила — и, по-видимому, наступательно, — а Берри, рдея лицом и ушами, робко отвечал: «Конечно, нет — сегодня ведь тепло — я хорошо себя чувствую — да хорошо, хорошо!». — И, положив трубку, всем своим видом он выражал стыд и смятение.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Это моя старая няня.

— Няня?

— Бывшая няня. Она никак не может примириться с мыслью, что я уже вырос.

Мистер Фрисби шумно вдохнул.

— Она спросила — *меня* спросила — надели ли вы теплые кальсоны.

— Знаю, — залившись краской, ответил Берри. — Этого больше не случится.

— А вы надели? — спросил мистер Фрисби с понятным любопытством.

— Нет, — коротко ответил Берри.

— Ухх! — выдохнул мистер Фрисби.

— Сэр?

— Живот болит, — пояснил финансист. — У вас бывало несварение желудка?

— Нет, сэр.

Мистер Фрисби неодобрительно смерил взглядом секретаря.

— Так-таки не бывало? Ну ничего, еще будет. И у вас, и у вашей няньки заодно. Запишите: племянница — титулованная леди — газеты.

— Простите, сэр…

— Вы что, по-английски не понимаете? — спросил мистер Фрисби. — Моя племянница приезжает из Америки на Лондонский Сезон, и ее мамаша желает, чтобы я поместил объявление в газеты, что требуется титулованная дама в качестве компаньонки. Не понимаю, что тут неясного. Мне кажется, это доступно любому, кто имеет хоть чуточку серого вещества. Поместите объявление в «Тайме», «Морнинг пост» и так далее. Сформулируйте как знаете.

— Да, сэр.

— Хорошо. Все.

Берри направился к двери. Дойдя до нее, он остановился. Ему в голову пришла мысль. Как человек добросердечный, он старался по возможности совершать добрые поступки. Ему показалось, что сейчас явилась как раз такая возможность.

— Могу я кое-что предложить, сэр?

— Нет, — ответил мистер Фрисби.

Берри не так-то просто было обескуражить.

— Я просто подумал, что леди Вера Мейс может вам подойти.

— Кто?

— Леди Вера Мейс.

— Кто такая?

— Сестра лорда Ходдесдона. Она вышла замуж за человека по фамилии Мейс.

— Откуда вы его знаете?

— Я учился в школе с ее племянником, лордом Бискертоном.

Мистер Фрисби с интересом взглянул на своего работника.

— Что-то я не пойму, — протянул он. — Вы якшаетесь с верхушкой аристократии, в школу ходите с их племянниками, а сами работаете у меня в конторе…

— За смешное жалованье, сэр? Истинно так. История довольно грустная. Меня усыновила богатая тетушка, которая вдруг превратилась в бедную.

— Действительно грустно, — заметил мистер Фрисби, вынимая из флакончика таблетку пепсина.

— Если бы, — предположил Берри, — вы выразили сочувствие в виде небольшой прибавки…

— Идите к черту, — прервал его мистер Фрисби. — Переменим тему.

— Хорошо, сэр. Поговорим о леди Вере Мейс.

— Вы с ней знакомы?

— Виделся однажды. Она как-то приехала к нам в школу и выставила угощение. Кофе, орешки, клубничное желе, два вида джема, два вида кекса, мороженое и сосиски с картофельным пюре, — перечислил Берри, в сердце которого это воспоминание хранило неувядаемую свежесть.

У мистера Фрисби воспоминание о еде вызвало иную реакцию. Его чувствительный желудок произвел четыре мощных спазма и затих.

— Не говорите о таких вещах, — сказал он, передернувшись всем телом. — Даже не заикайтесь о еде в моем присутствии.

— Хорошо, сэр. Так я могу передать леди Вере, чтобы она к вам обратилась?

— Если хотите. Вреда не будет.

— Огромное вам спасибо, сэр, — сказал Берри.

Он не мешкая вышел в коридор и позвонил в клуб «Трутни». Как он и ожидал, лорд Бискертон оставался на месте.

— Алло? — сказал Бисквит.

— Это Берри.

— Высказывайся побыстрей, старина, — сказал Бисквит. — Слушаю тебя внимательно. Только в темпе, потому что ты оторвал меня от крайне напряженной игры. Что случилось?

— Бисквит, я помогу тебе наварить деньжат.

На другом конце провода произошел эмоциональный взрыв.

— Да ты что!

— Похоже, что так. Бисквит впал в задумчивость.

— А что я должен делать? — спросил он. — На убийство я вроде не очень гожусь, и фальшивые деньги вряд ли сумею печатать. Не пробовал никогда. Но постараюсь.

— Племянница старика Фрисби приезжает из Америки на Сезон. Ей нужна компаньонка.

— Ах так, — разочарованно протянул Бисквит. — А я тут с какого боку припека? Ты хочешь, чтобы я нанялся на эту работу, ловко прикинувшись вдовствующей герцогиней? Зря ты беспокоишь занятого человека этакой ерундой, Берри. Честно ли пробуждать надежды, чтобы махом их разбить?

— Осел ты, братец. Я думал, это дело подойдет твоей тетке.

— А! — Бисквит переменил тон. — Теперь понимаю. Понимаю твою мысль. Работа для тети Веры, так? Недурно. Это денежное дельце, так?

— Ну конечно. Еще какое денежное!

— И она с этим справится, она такая! — сказал лорд Бискертон. — Ну, ты молодец! Прямо манна небесная.

— Так позвони ей и введи в курс. Если дельце выгорит, тебе обломится от ее доходов.

— Думаешь? — переспросил Бисквит. — Думаешь, обломится? Я, естественно, буду настаивать на комиссионных, а уж мы с тобой поделим их пополам — ты получишь долю как автор идеи, а я за тетушку.

— Идея не моя, — сказал Берри. — Я тут ни при чем. Я просто посредник, Санта Клаус.

Лорд Бискертон умилился.

— Берри! Это благородно. Да, именно так. Благородно. По-нашему, по-скаутски. Настоящий друг. Скажи, а каковы шансы моей родственницы зацепиться за эту крайне выгодную должность?

— Очень большие. Если она вовремя подсуетится и вырвется вперед.

— Я заставлю ее попыхтеть через полчаса.

— Передай, чтобы она позвонила на Паддингтон-лейн, 6, и спросила мистера Фрисби.

— Обязательно. Да наградят тебя небеса за то, что ты сегодня сделал. Удача впервые улыбнулась нашему семейству за годы, годы и годы. Надо отметить это событие. Вечером устрою пир!

3

Если бы мистер Фрисби принадлежал к той породе людей, которые способны замечать оттенки чувств на лицах своих подчиненных, при последней встрече с секретарем он, должно быть, обратил бы внимание на необычную веселость в его поведении. Берри обладал живым темпераментом, который легко зажигался любой блеснувшей грезой, и чем глубже он вдумывался в идею, поданную Бисквитом, тем более привлекательной она ему казалась. Он сам себе удивлялся — как за столько лет не удосужился подумать о том, чтобы извлечь какие-то деньги из медных копей.

Конечно, в этой шахте еще не нарыли руды даже на одну дверную ручку, но, как справедливо заметил Бисквит, в мире полным-полно чудаков. Ежедневные газеты свидетельствовали об этом каждое утро. Один покупает у первого встречного золотые кирпичи, другой со всех ног бежит отдать все, что имеет, случайному знакомому, чтобы только подтвердить ему свое доверие.

Было бы неплохо посоветоваться на этот счет с хозяином. Известно, что Т. Патерсон в курсе медных дел — он президент компании «Прыткая Ящерка» — и в перерывах между приступами диспепсии бывает близок к гениальности. Наблюдательному человеку не составит труда заметить приближение такого светлого момента и припасть к источнику мудрости прежде, чем он вновь иссякнет.

Однако пока аудиенцию пришлось отложить, потому что прибыла леди Вера Мейс. Тетушка Бисквита была не из тех женщин, кто станет мешкать, когда в воздухе пахнет деньгами. Она явилась точно в три тридцать.

— Пришла леди Вера Мейс, сэр, — сказал Берри. — Пригласить?

— Угу.

— А можно мне потом обратиться к вам по личному делу?

— Угу.

Берри вернулся в свою комнатушку и предался мечтам. Время от времени он возвращался мыслями к переговорам, происходившим в кабинете мистера Фрисби. Хорошо бы Бисквитова тетя зацепилась за место. Когда-то она была добра к нему, школьнику, а теперь вот оказалась на мели. К тому же и Бисквит получил бы комиссионные, так что как ни кинь — всем бы подфартило.

Она просто должна получить эту работу, размышлял Берри. Беспощадное время не позволило ей узнать бывшего школьника и возобновить знакомство, но в других отношениях оказалось к ней благосклонным. Леди Вера оставалась сногсшибательно красивой, как в те времена, когда навещала племянника и угощала его приятелей. Все тот же нежный серебристый голос, все те же изысканные манеры. Или он, Берри, ничего не смыслит в жизни, или она с ходу сразит Т. Патерсона.

Резкий звук звонка вывел его из раздумий. Войдя в кабинет, он застал хозяина в одиночестве. Т. Патерсон Фрисби сидел, откинувшись на спинку кресла, и выглядел, как подобает великому финансисту, довольно рассеянным. На устах его блуждала ухмылка, причем глуповатая. А в петлице красовалась роза, которой прежде не было.

— Ну? — спросил он, выпрямляя спину при виде Берри.

— Слушаю, сэр.

— Что вы хотите?

— Что *вы* хотите, сэр? Вы позвонили. Мистер Фрисби очнулся от забытья.

— Ах, да. Запишите.

— Слушаю, сэр.

— Пим, Пятница.

— Простите, сэр?

— Я пригласил леди Веру Мейс на ленч в ресторан «Пим», — расшифровал мистер Фрисби. — Она желает посмотреть биржу.

— Понимаю, сэр.

— Насчет объявлений. Не надо их давать. Нет нужды.

— Нет нужды, сэр.

— Я договорился с леди Верой. Она будет опекать мою племянницу, когда та явится.

— Да, сэр.

Мистер Фрисби вернулся в состояние транса. Глаза его полузакрылись, и хотя лицо еще хранило кисловатое выражение, он выглядел почти по-человечески.

— Замечательная женщина, — пробурчал он. — Она меня вылечила.

— В самом деле, сэр?

— Она сказала, это чисто нервное, — продолжил мистер Фрисби, как лектор, не обращающий ни малейшего внимания на аудиторию. — Она сказала, что от лекарств нет никакого толку. Надо, сказала она, думать о чем-нибудь приятном. Впустите в душу солнечный свет, сказала она. Она сказала: «Представьте, что вы маленькая птичка на ветке. Что бы вы делали? Вы бы пели. Итак…».

Он внезапно замолк. Должно быть, увидев себя маленькой птичкой, он вернулся к действительности.

— Да, весьма замечательная женщина, — сказал он и отрешенно взглянул на Берри. — Так что вы хотели? Что-то насчет ваших личных дел. Что такое?

Берри почувствовал, что поймал крайне благоприятный момент. Настроение хозяина как нельзя способствовало тому, чтобы подать добрый совет кому-то из малых сих. Он не был таким благодушным и дружелюбным с того дня, как Объединенные Купоны подпрыгнули на двадцать пунктов.

— Я насчет рудника, сэр. Ну, этого… У меня акции…

— Что за рудник?

— Медный.

Проблески гениальности застыли на лице мистера Фрисби кристаллами льда.

— Вы скупаете акции медных компаний? — с угрозой в голосе переспросил он. — Позвольте заметить вам раз и навсегда, молодой человек, что я не позволяю своему персоналу заниматься биржевыми спекуляциями.

Берри поспешил занять оборонительную позицию.

— Я и не занимаюсь, — сказал он. — Это мой рудник. Мой собственный. Мне принадлежит. Я хозяин.

— Бросьте дурака валять, — сурово отрезал мистер Фрис-би. — Какой, к черту, из вас хозяин?

— Мне тетя его завещала.

И второй раз за этот день Берри вытащил на свет свою фамильную историю.

— Понятно, — резюмировал сметливый мистер Фрисби. — Где же

этот рудник?

— Где-то в Аризоне.

— Название?

— «Мечта Сбывается», — застенчиво пролепетал Берри. — «Жаль, — подумал он, — что первый владелец, давая имя своему детищу, не выбрал что-нибудь менее напоминающее название популярной песенки».

— «Мечта Сбывается»?

— Да.

Мистер Фрисби подался вперед и, облокотившись о столешницу, разглядывал вечное перо. Видимо, он снова впал в транс.

— Там никакой меди не добывают, — продолжал Берри виноватым тоном. — Но я за ленчем поговорил с одним человеком, и он сказал, что, если присмотреться, всегда можно найти человека, который хочет приобрести рудник.

Мистер Фрисби вернулся к жизни.

— А?

Берри повторил свое соображение.

— Что ж, можно, — заметил он, — если повезет найти дурака. Они, как известно, рождаются каждую минуту.

— Я вот хотел узнать: вы не посоветуете мне, как лучше обделать это дельце?

— Вы говорите, там ничего не добывают?

— Да.

— Тогда нельзя рассчитывать, что много выручишь.

— Я и не рассчитываю, — сказал Берри.

Мистер Фрисби взял перо, оглядел его и положил на место.

— Я вот что скажу, — начал он. — Как ни странно, у меня есть на примете один тип, Хоук. Дж. Б. Хоук. Возможно, он примет ваше предложение. Он как раз по этой части — покупает всякую бесполезную собственность. А вдруг из этого получится что-нибудь дельное? Если хотите, я с ним свяжусь.

— Большое спасибо, сэр.

— М-да, м-да… Надо будет его разыскать. Если предложить задешево, он возьмет не глядя. Так и быть, я с ним свяжусь.

— Огромное спасибо!

— Не стоит благодарности, — ответил мистер Фрисби.

Берри вышел из кабинета. Мистер Фрисби снял трубку и назвал номер.

— Хоук? Это Фрисби.

— Слушаю вас, мистер Фрисби, — почтительно ответил голос на другом конце провода.

Голос был низкий и хриплый. Слыша его, можно было предположить, что его владелец краснолиц и излишне тучен.

— Надо повидаться, Хоук.

— Слушаюсь, мистер Фрисби. Прийти к вам в контору?

— Нет. В Гросвенор-хаус. Около шести.

— Хорошо, мистер Фрисби.

— Не опаздывайте.

— Хорошо, мистер Фрисби.

— У меня все.

— Хорошо, мистер Фрисби.

4

Люди, которых мистер Фрисби собирал для переговоров в своей резиденции Гросвенор-хаус, всегда демонстрировали подчеркнутое послушание. Всем своим видом они показывали, насколько четко понимают, что ступили на священную территорию. Краснолицый субъект вошел в гостиную ровно в шесть почти на цыпочках.

Дж. Б. Хоук был одним из тех нужных людей, которые обитают на периферии волшебного мира финансов и живо откликаются на обращение «Эй, вы!», исходящее от любого из больших финансистов, пожелавших воспользоваться их услугами. Готовность угодить являлась основным свойством мистера Хоука. Он пошел бы, куда бы его ни послали, и сделал бы все, о чем бы ни попросили.

— Добрый вечер, мистер Фрисби, — произнес Дж. Б. Хо-ук. — Как поживаете?

— Не ваше дело, — отвечал мистер Фрисби. — Есть одна комбинация.

— Слушаю, мистер Фрисби.

— Как вам известно, я президент «Прыткой Ящерки».

— Да, мистер Фрисби.

— Рядом с нашими копями — одна малютка, «Мечта Сбывается». Несколько лет стоит заброшенной.

— Понимаю, мистер Фрисби.

— Я получил письмо от моих директоров. Им почему-то взбрело в голову завладеть этим рудником. «Прыткая Ящерка» расширяется, и, возможно, им понадобилась земля для строительства жилищ рабочим или

чего-то в этом роде. Они не вдаются в подробности. Я хочу, чтобы вы…

— Выявил владельца, мистер Фрисби?

— Не перебивайте, — обрезал его Т. Патерсон. — Владелец мне известен. Это мой секретарь, некто Конвей. По его словам, он получил рудник по наследству. Я хочу, чтобы вы пошли к нему и купили рудник для меня. Дешево.

— Да, мистер Фрисби.

— Я не хочу засвечиваться в этом деле. Если молодой Конвей узнает, что за его собственностью охотится «Прыткая Ящерка», он взвинтит цену.

— Понимаю, мистер Фрисби.

— И не торопитесь с покупкой. Я сказал ему, что свяжусь с вами, но вы в данный момент в Америке. Не надо проявлять слишком большой заинтересованности. Я дам сигнал, когда действовать.

— Слушаюсь, мистер Фрисби.

— Хорошо. Это все.

Т. Патерсон Фрисби по-наполеоновски кивнул, давая понять, что переговоры закончены, и Дж. Б. Хоук, чуть не ударившись лбом при поклоне, пятясь удалился.

Покинув зал аудиенции, мистер Хоук поднялся наверх и свернул в коридор, ведущий в американский бар. При его появлении там, мужчина, сидевший на табурете, потягивая коктейль, встал с места.

— Ну? — спросил он.

Он устремил на мистера Хоука вопрошающий взгляд. Это был один из тех невероятно гладко выбритых людей неопределенного возраста и невыразительных черт лица, которые немедленно ассоциируются с миром скачек. Именно на бегах Дж. Б. Хоук и свел знакомство с этим джентльменом. Звали его Келли, в кругах, в которых он вращался, он был известен как капитан Келли, хотя, в каком полку он имел честь служить, никому не было ведомо.

Капитан увлек мистера Хоука в уголок и еще раз окинул цепким взглядом.

— Чего он хочет? — спросил он.

С того момента, как Дж. Б. Хоук покинул гостиную мистера Фрисби, манеры его претерпели изменение к худшему. Его почтительная вкрадчивость исчезла, как не бывала.

— Старый хрыч, — с отвращением сказал он, — всего-навсего нанял меня агентом по покупке какой-то бездействующей медной шахты где-то у черта на куличках.

Он рассеянно жевал зубочистку. Приглашение в резиденцию мистера

Фрисби взбудоражило его и пробудило надежды на солидные комиссионные. Но он вышел оттуда разочарованным.

— На кой ему сдалась какая-то заброшенная шахтенка? — спросил капитан Келли, не отрывая пристального взгляда от лица партнера.

— Говорит, она расположена рядом с «Прыткой Ящеркой», — уныло ответил мистер Хоук. — Земля понадобилась для застройки.

— Гм, — протянул капитан Келли.

— Я ему не нужен. Любой конторский мальчишка управился бы с этим делом за милую душу. Я только время потеряю.

Капитан Келли перевел взгляд на муху, которая села ему на рукав, и внимательно изучал те суетливые движения, которые мухи в таких случаях производят. Ничего нельзя было прочесть на его лице, но, судя по тому, что он перестал говорить, мистер Хоук догадался, что он начал думать.

— Ну? — спросил мистер Хоук не без некоторого раздражения. Невозмутимость товарища подчас выводила его из терпения.

Легким движением локтя капитан согнал муху.

— Гм, — вновь произнес он.

— Что ты хочешь сказать?

— Подозрительно все это, — сказал капитан.

— Что именно?

— То, что ему вдруг понадобилась эта штука.

— По-моему, ничего странного.

— Это потому, что ты дурак, — бесстрастно констатировал капитан. — Первое, что приходит в голову, это что на месторождении открыли новую жилу.

— Чепуха, — ответил мистер Хоук. — Я как раз в курсе дела. Мне случилось побывать в тех краях несколько лет назад. И знаю этот рудник, и парня, который дал ему идиотское название «Мечта Сбывается». Его фамилия Хиггингботом, изыскатель с Перевала Бурра, он застолбил участок десять лет назад. И с тех пор по сию пору там не добыли ни унции меди. Не поручусь, что разработки не прекратились через полгода после вскрытия шахты.

— Зато «Прыткая Ящерка» процветает.

— Ну и что с того, что процветает?

— А то, что они могли пронюхать, что их жила идет прямехонько на соседскую территорию.

— Ишь ты! — удивился мистер Хоук. Его не слишком проворные мозги впервые за время беседы пришли в движение.

— Я слыхал, такое бывает.

— И я слыхал, — сказал мистер Хоук.

Он с волнением взглянул на собеседника. Перед ним забрезжили радужные видения.

— Надеюсь, ты не ошибся, — сказал он.

— Во всяком случае, мне так кажется.

— Да тут же большие деньги зарыты!

— Еще бы! — подтвердил капитан.

— Послушай-ка, — сказал мистер Хоук.

Он из предосторожности понизил голос и заговорил о деле. Капитан время от времени одобрительно кивал.

ГЛАВА II

И вот пришел час, когда в оранжево-синих сумерках прекрасного майского дня Энн Мун прибыла в Англию с сердцем, полным надежд, и с десятью сундуками, чтобы проследовать вместе с леди Верой Мейс в ее уютную квартирку на Дэвис-стрит в Мейфейре, и немедленно с головой окунулась в наслаждения, которые может предложить лондонский модный сезон.

Она завтракала в «Беркли», пила чай в «Клэридже», обедала в «Эмбасси» и ужинала в «Кит-Кэт».

Она посетила Кембриджскую Майскую Неделю, Прием в саду Букингемского дворца, Демонстрацию татуировок в Элдершоте, Дерби и Готорн Хилл.

Она танцевала в «Мейфейре», «Бате», у Соврани, в кафе «Де Пари» и у Бре на набережной.

Она проводила уик-энды в загородных поместьях Бака, Берка, Хэнтса, Линкса, Уилтса и Девона.

Она представляла Агат на Балу драгоценностей, Кальцеоларию на Балу цветов, королеву Марию Шотландскую на Балу Знаменитых Женщин.

Она видела лондонский Тауэр, Вестминстерское аббатство, Музей мадам Тюссо, Клуб «Бакс», ресторан «Симеон» на Стрэнде и все виды гонок — от мотоциклетных до пингвиньих в Сент-Джеймском парке.

Она познакомилась с военными, которые рассказывали про лошадей, и моряками, которые говорили про коктейли, с поэтами, которые толковали об издателях, и живописцами, которые рассуждали о сюрреализме, абсолютных формах и трудности выбора между архитектоникой и ритмикой.

Она познакомилась с мужчинами, которые информировали ее относительно единственного места в Лондоне, где можно позавтракать, отобедать, потанцевать и купить зонтик; с женщинами, которые сообщили о единственно приемлемом в Лондоне месте, где можно купить платье, шляпку, пару перчаток, а также сделать маникюр и укладку; с молодыми людьми, владеющими системой выигрыша через ставку на второго фаворита; с пожилыми людьми, владеющими секретом поддерживать жизненный тонус с помощью джина и вермута; со стариками, которые нашептывали ей на ушко комплименты и сожалели, что их внучки так мало на нее похожи.

А в начале своего пребывания свела знакомство с Годфри, лордом Бискертоном, и одним воскресным утром он повез ее в арендованном двухместном автомобиле обозреть родовое владение Эджелинг-корт в графстве Сассекс.

Они взяли с собой бутерброды и прекрасно провели день.

ГЛАВА III

Есть мнение, что обитатели Великобритании — люди холодные и бесстрастные, эмоции которых трудно пробудить, и что настоящее чувство можно встретить лишь по ту сторону Атлантики. Солидное подтверждение тому представили резко контрастирующие методы изложения одного события, использованные газетой «Курьер Интеллидженсер» в Мэнгассете, штат Мэн, и ее старшей современницей, лондонской «Морнинг Пост», сообщившие — через полтора месяца после начала этой истории — о помолвке Энн Мун и лорда Бискертона.

Мэнгассет — деревушка, где родители Энн имели летний дом, а редактор «Курьера Интеллидженсера», у которого с эмоциями было все в порядке и который однажды видел Энн в купальном костюме, почувствовал — и совершенно справедливо, — что случай требует лирической ноты. Он соответствующим образом подтянулся — что потребовало определенного усилия, ибо у него было внушительное брюшко, нажитое исключительно сливками. Редактор всю свою жизнь был крайне воздержан, несмотря на то что его внешний вид свидетельствовал против того.

«Будущая невеста *(писал указанный редактор)* — девушка, наделенная удивительным обаянием и замечательной привлекательностью. Обладая очаровательными манерами, голосом сирены, чувствительностью тонкой, как аромат цветка, духом веселым, как щебетанье птиц, умом блестящим, как сверкающий узор на зимнем стекле, сердцем чистым, как роса, трепещущая на лепестке фиалки, она обратит жилище супруга в Эдемский сад, как обратила свой отчий дом, и звуки небесных арф, исполненные любовью, преданностью и нежностью, ниспошлют на молодую чету сладостнейшее блаженство, когда-либо волновавшее чувства экстатическим восторгом».

«Морнинг Пост» в своей бесстрастной, жесткой манере ограничилась простой констатацией фактов. Никакого пыла. Никакого волнения. Никакого смятения чувств. Событие было подано столь же безэмоционально, как информация о том, что ученики и ученицы школы на Берчингтон-роуд победили в конкурсе детских оркестров и получили кубок на северолондонском музыкальном фестивале в Кениш-тауне.

Итак:

«БРАЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Лорд Бискертон, сын и наследник графа Ходдесдона, обручился с Энн Маргарет, единственной дочерью мистера и миссис Томас д. Мун из Нью-Йорка».

Таковы газетчики в Лондоне. Поработав несколько лет на Флит-стрит, они делаются невосприимчивыми и не могут распознать разницу между кучей детей, дующих в тромбоны, и юношей и девой, начинающими долгий путь рука об руку. Если захотите взбудоражить журналиста, надо быть по меньшей мере маньяком-убийцей и заколоть полдюжины жертв.

Усталая пресыщенность «Морнинг Пост» не поразила, однако, читающую публику. В сотне постелей сотня молодых людей замерла, не донеся до рта чашку с чаем и скорбно глядя на газету. Для некоторых из них эта заметка имела зловещий смысл. Они сосредоточили ум, каким бы тот ни был, на устрашающем предзнаменовании, поданном фигурой, означенной в качестве жениха; и, прошептав себе под нос «Боже мой!», перешли к результатам бегов с тяжким ощущением, что ныне никто не может чувствовать себя в безопасности.

Но были и другие — и они составляли большинство, — кто упал на подушки и потухшим взором глядел в потолок, пока душа, прикрытая шелковой пижамой, терзалась мукой. Эти размышляли над несовершенством бытия и недостижимостью мечты. Они швыряли прочь тонкий ломтик хлеба с маслом и, когда в спальню с ворчаньем входил приставленный к ним лакей, чаще всего посылали его к черту.

То были молодые люди, которые танцевали с Энн, обедали с Энн, водили Энн посмотреть на пингвинов в Сент-Джеймском парке и которые, попадись им на глаза мэнгассетский «Курьер Интеллидженсер», сочли бы ее редактора писателем с чрезвычайно скудным воображением, в своем описании ни на йоту не приблизившимся к реальности.

Энн Мун, вращаясь в лондонских кругах, несомненно сделала свое присутствие в городе весьма ощутимым. Не может девушка с манерами сирены полтора месяца крутиться в городе, не нанеся ран сердцу-другому.

В столовой «Укромного уголка» на Малберри-гроув, Вэлли Филдс, 21, Берри Конвей просматривал утренние газеты, перед тем как отправиться на поезде в 8.45 в Лондон. Читать ему было трудно из-за суетливости Обломка Прошлого, имевшего обыкновение сновать туда-сюда во время завтрака, оглашая что-то вроде бюллетеня последних событий.

Миссис Уисдом была плотной и округлой. Она смотрела на Берри с неизбывной нежностью, как корова на турнепс. Для нее он по-прежнему

оставался тем ребенком, которого она когда-то увидела. В ее поведении прослеживалась одна тема: умудренная Старость помогает беспомощной Юности бороться с тяготами жизни. Она не упускала ни единого слова или дела, которые могли бы сгладить ему тернистый путь и оградить от тьмы опасностей. Зимой она совала ему в постель ненавистные грелки. Летом, не стесняясь, напоминала о полезности фланелевого белья и призывала беречься сквозняков, ежели вспотеешь.

— Майор Флад-Смит, — произнесла она, имея в виду отставного вояку, проживавшего в «Лесном замке», через дом от них, — сегодня рано утром занимался в саду шведской гимнастикой.

— Да?

— А у кошки из «Мирной Заводи» случился обморок. Берри невольно задумался о странностях причинно-следственной связи.

— Я слыхала, фирма посылает мистера Болито в Манчестер. Мне Мюриел из «Заводи» сказала. Он хочет сдать «Заводь» в аренду, с мебелью. Я считаю, надо дать объявление в газеты.

— Неплохая мысль. Очень разумно.

Внимание миссис Уисдом отвлекло что-то в коридоре. Она отдрейфовала туда, и Берри услышал, как упала подставка для зонтиков. Обломок Прошлого тут же вернулась назад.

— Как только майор ушел, вышла его племянница и нарезала цветов. Я всегда говорю, какая приятная, хорошенькая девушка.

— Да?

— И что забавно, такая вроде счастливая.

— Что ж тут забавного?

— Ну как же, мастер Берри! Я ведь вам рассказывала, какая у нее беда?

— Не припомню, — отозвался Берри, переворачивая страницу. Может, и рассказывала, подумал он, но она несет столько чепухи, словно испытывая облегчение от всякого несчастья, которое случалось в округе, что поневоле разовьешь в себе защитную тугоухость.

Миссис Уисдом всплеснула руками и воздела к потолку глаза, как бы призывая себе на помощь силы справедливости.

— Просто ума не приложу, как я могла вам «Замка» не сказать! Мне сказала Глэдис из «Замка», а она узнала эту историю, когла прислуживала за столом, и еще как-то вечером, когда эта барышня пришла на кухню и захотела узнать, не приготовит ли она какую-то «тянучку». А потом осталась и сама сделала, это такое суфле, и рассказала им про свою беду, пока сбивала сахар с маслом.

— А! — сказал Берри.

— Она сама из Америки. Ее мамаша — сестра майора, она вышла замуж в Америке, и они жили в одном местечке под Нью-Йорком, которое называется, вы не поверите, Крепкая Шея. Ну и названьице для городка! Похоже, эта Шея, мастер Берри, кишмя кишит артистами, и наша соседка, ее зовут Кэтрин Вэлентайн, сдуру решила, что влюбилась в одного, захотела за него выйти, а он просто никто, артист какой-то. Отец, конечно, рассердился, отослал ее сюда, к майору, чтобы она избавилась от этого наваждения.

— А? — переспросил Берри. — Боже милостивый! Подумать только! Бисквит-то что учудил! Пропал парень. Бискертон! Я с ним вместе учился.

— Самоубийство совершил? — обрадованно вскричала миссис Уисдом. — Какой ужас!

— Не то чтобы самоубийство. Он обручился с одной американкой. Энн Маргарет, единственной дочерью мистера и миссис Томас Л. Мун из Нью-Йорка.

— Мун? — Миссис Уисдом наморщила лоб. — Уж не та ли это девушка, про которую мне говорила Глэдис из «Заводи», которой про нее говорила мисс Вэлентайн? Мисс Вэлентайн плыла на пароходе с какой-то мисс Мун, и я просто уверена, что Глэдис мне сказала, что она сказала, что ее звали Энн. Они очень подружились. Мисс Вэлентайн говорила Глэдис, что ее мисс Мун очень милая. Очень хорошенькая и привлекательная.

— «Морнинг Пост» про это ничего не пишет. Но если она хорошенькая и привлекательная, может, я ошибаюсь, что Бисквит продался за золото.

— Фу, мастер Берри! Как можно так говорить о своем друге!

— Так или иначе, ему повезло. Эта девушка наверняка купается в золоте.

— Надеюсь, вы никогда не женитесь на деньгах.

— Я — нет. Я романтик. Практически одна душа.

— Я всегда говорю, что любовь движет миром.

— Замечательно сформулировано, — сказал Берри. — Не удивлюсь, если вы окажетесь совершенно правы. Что, часы бьют? Мне надо торопиться.

Джордж, шестой граф Ходдесдон, отец жениха, не видел «Морнинг Пост» почти до одиннадцати часов. Он вставал поздно и поздно брался за газеты. Удовлетворенно ознакомившись с объявлением и поглаживая седые усы, он надел серый котелок и вышел навестить свою сестру, леди Веру Мейс.

— Доброе утро, Вера.
— Доброе, Джордж.
— Все на месте.
— Объявление? О, да.
Лорд Ходдесдон с почтением посмотрел на сестру.
— Как это тебе удалось?
— Мне? — Сестра подняла брови. — Удалось?
— Ну, чего там, — буркнул лорд Ходдесдон, который, как многие английские аристократы, был не склонен преувеличивать достоинства своего отпрыска. — Не хочешь же ты сказать, что такая девушка, как Энн Мун, приняла бы его предложение, если бы кто-нибудь не взрыхлил почву!
— Естественно, я сделала что могла, чтобы свести их.
— Еще бы!
— При каждом удобном случае я говорила ей о том, какой он обаятельный.
— Ну, это ты хватила! — недоверчиво воскликнул лорд Ходдесдон.
— Почему же? Когда захочет, он может быть очень симпатичным. По крайней мере — забавным.
— Он даже ни разу не одарил меня такой малостью, как улыбка, — сказал лорд Ходдесдон. — Если не считать одного случая, — поправился он, — когда пытался разжалобить, чтобы одолжить десятку. Большое счастье для него, что он встретил такую девушку.
Он расправил грудь под прекрасно скроенным жилетом, удовлетворенно перевел дух, и красивое лицо его озарилось внутренним светом.
— Впервые со времен Карла Второго наша семья увидит, как выглядят настоящие деньги, — сказал он.
Повисла пауза.
— Джордж, — произнесла леди Вера.
— Да?
— Выслушай меня внимательно, Джордж.
Лорд Ходдесдон окинул сестру почти нежным взглядом. Этим приятнейшим из утр он все видел сквозь розовый туман, но даже с такой поправкой готов был признать, что леди Вера выглядела чрезвычайно привлекательно. Честное слово, подумалось лорду Ходдесдону, год от года она делается все красивее. Он произвел в уме некоторые вычисления. Да, ей перевалило за сорок, но на вид больше тридцати двух не дашь. Он ощутил прилив гордости, который сделался еще явственней, когда лорд поймал в зеркале свое цветущее отражение. Что бы там о них ни говорили,

но семья держит марку.

Однако вслед за восхищением безупречностью черт ее лица лорда Ходдесдона посетило сомнение по поводу того, нравится ли ему выражение, присущее им в данную минуту. Выражение довольно странное. Пожалуй, жесткое. Такое было у гувернантки, которая била его по рукам в детстве.

— Должна напомнить тебе, Джордж, что брак еще не заключен.

— Конечно. Естественно, нет. Объявление о помолвке только что напечатали.

— И посему будь добр, — продолжила леди Вера, и в глазах ее сверкнула сталь, — воздержись от намерения нанести визит мистеру Фрисби и просить у него небольшой заем. В данных обстоятельствах этого ни в коем случае i: е следует делать.

У лорда Ходдесдона перехватило дыхание.

— Неужто ты считаешь меня таким дураком? Беспокоить Фрисби!

— А разве ты не собирался это сделать?

— Конечно, нет. Определенно — нет. Я думал — мне показалось, по правде сказать, мне пришло в голову, что, может, ты захочешь мне толику уделить.

— Вот как?

— А что такого? — жалобно прогнусавил лорд Ходдесдон. — У тебя должны завестись денежки. Компаньонство — дело доходное. Когда три года назад ты опекала аргентинскую девчушку, ты получила пару тыщ фунтов.

— Тысячу пятьсот, — поправила сестра. — В минуту слабости — иначе этот приступ безумия не назовешь — я одолжила их тебе.

— Ах, да, — ничуть не смутившись, сказал лорд Ходдесдон. — Отчасти это так. Я как раз сейчас должен эти денежки получить.

— Чего не скажешь обо мне, — прозвенел серебряным колокольчиком голос леди Веры. Для ее брата он звучал набатом.

Повисла еще одна пауза.

— Ладно, нет так нет, — угрюмо согласился лорд Ходдесдон.

— Вот именно, — согласилась леди Вера. — Но кое-что я могу предложить. Я собиралась взять с собой Энн на ленч в ресторан «Беркли», но мистер Фрисби позвонил и пригласил меня поехать с ним на денек в Брайтон, так что я дам тебе денег и препоручу девицу.

Лорд Ходдесдон чувствовал себя как тигр, который изготовился оттяпать руку по локоть, а вместо этого получил сырную палочку, но успокоил себя с помощью великолепной ходдесдоновской философии,

согласно которой немножко — все же лучше, чем ничего.

— Хорошо, — сказал он. — Я сейчас свободен. Давай десятку.

— Сколько?

— Ну, пятерку или сколько там.

— Ленч в «Беркли», — сказала леди Вера, — обойдется в восемь шиллингов шесть пенсов. На двоих — семнадцать шиллингов. Два шиллинга на чаевые. Возможно, Энн пожелает лимонада или другой воды. Набросим еще два шиллинга. Гардероб — шестипенсовик. Плюс кофе и экстренные расходы — полкроны. В общем, если я дам двадцать пять шиллингов, хватит с лихвой.

— С лихвой? — выговорил лорд Ходдесдон.

— С лихвой, — подтвердила леди Вера.

Лорд Ходдесдон суетливо пощипал усы. Он почувствовал себя, как пророк Илия в пустыне, когда бы кормившие его мясом и хлебом вороны вдруг набросились на него, чтобы разорвать в клочья.

— А если она захочет коктейль?

— Она не пьет коктейли.

— Зато я пью, — храбро сказал лорд Ходдесдон.

— И ты не пьешь, — заявила леди Вера, и ее сходство с бывшей гувернанткой сделалось поразительным.

Лорд Бискертон не был регулярным читателем «Морнинг Пост». Известие о том, что объявление о его помолвке было предано печати, он получил, когда Берри Конвей позвонил ему из конторы мистера Фрисби, чтобы поздравить. Он принял пожелания друга с подобающей благодарностью и чередом продолжил завтрак.

Он уже принялся за мармелад, когда явился его отец.

Лорд Ходдесдон нечасто навещал сына и наследника, но когда он покидал апартаменты леди Веры, ему неким неисповедимым путем навеяло мысль о том, что у Бискертона, вероятно, имеется под рукой определенная наличность, которой он захочет поделиться с человеком, подарившим ему жизнь.

— Э… Годфри, мальчик мой!

— Привет, хозяин.

Лорд Ходдесдон откашлялся.

— Э… Годфри, интересно знать, — путаясь в словах, сказал лорд Ходдесдон, — так случилось, что я в данный момент слегка на мели, и подумал, не мог бы ты…

— Отец, — удивленно откликнулся Бисквит, — не смеши меня. Ты

что, пришел пощупать мой карман?

— Я думал…

— Как тебе могло взбрести в голову, что у меня есть чем поживиться?

— Я вообразил, что, может, мистер Фрисби сделал тебе небольшой презент.

— С какой стати?

— По случаю, э… — счастливого события. Как-никак, он дядя твоей невесты. Если уж это неподходящий случай…

— Неподходящий, — уверил его Бисквит. — Совсем неподходящий. Этот траченный молью старый тюфяк, на которого ты возлагаешь надежды, — единственный человек в этом огромном городе, который никогда не делает никаких презентов по случаю каких бы то ни было счастливых событий. Их семейный девиз — «Nil desperandum» — «Никогда не сдаваться».

— Очень плохо, — вздохнул лорд Ходдесдон. — А я-то надеялся, что ты меня выручишь. Мне остро необходима материальная поддержка. Твоя тетушка попросила меня угостить сегодня ленчем твою невесту в «Беркли», но у нее странные представления о том, во что это может обойтись. Она раскошелилась на двадцать пять шиллингов!

— Щедро, — серьезно сказал Бисквит. — Мне бы кто-нибудь отвалил двадцать пять монет. У меня один-единственный фунт на все про все до конца месяца.

— Неужто так плохи дела?

— Фунт, два раза по пенсу и двухпенсовик, если уж быть точным.

— Тем не менее, — заметил лорд Ходдесдон, — ты должен помнить, что у тебя блестящие перспективы. Ваше поколение мудрее нашего, мальчик мой. — Он пригладил усы и издал еще один горестный стон. — В молодости, — продолжил он, — моим величайшим недостатком была импульсивность. Мне следовало бы жениться на деньгах, как совершенно разумно поступаешь ты. До чего же ясно я теперь это понимаю! И ведь у меня была возможность — но я упустил ее. Богатые наследницы роем вились вокруг меня. Но я был романтик, идеалист. В ту пору твоя бедная матушка служила на выходах в «Гайети», и, посмотрев пьесу, в которой она играла, шестнадцать раз, я удосужился ее заметить. Она стояла в дальнем углу сцены, возле кулисы. Наши глаза встретились — нет, я ни секунды об этом не сожалел, конечно, — сказал лорд Ходдесдон. — Как же, имея такого сына! Но с другой стороны — да, ты показал себя более мудрым мужчиной, чем твой старый отец, мальчик мой.

Во время отцовского монолога Бисквит предпринял несколько

попыток прервать этот поток красноречия. И наконец получил возможность заговорить.

— Тебе не следовало бы мешать в одну кучу Энн и твоих богатых невест, — с праведным гневом произнес он. — Ты говоришь так, словно мне, кроме денег, ничего не надо. Позволь мне заявить, что дело идет о любви. Настоящей любви. Я без ума от Энн. Не кривя душой скажу, что, когда я думаю о том, что девушка может быть одновременно такой обворожительной и вместе с тем богатой, ко мне возвращается вера в Провидение, вознаграждающее за добродетель. Она — прелестнейшее существо на свете, и будь у меня чуть больше чем фунт, два раза по пенсу и двухпенсовик, я бы сам повел ее сегодня на ленч.

— Девушка очаровательна, — согласился лорд Ходдесдон

— Но как тебе удалось ее уломать? — спросил он, когда к нему вернулось естественное отцовское недоумение.

— Эджелинг помог.

— Эджелинг?

— Эджелинг. Можно что угодно предъявить против нашего родового гнезда — содержать его стоит целого состояния, оно слишком велико, чтобы сдать в аренду, это адское бремя и прочее, но что у него не отнять — это очень романтическое место. Я сделал Энн предложение на старой лужайке — мы приехали в двухместном авто Бобби Блейтуэйта, — и, поверь мне, нет в мире девушки, которая смогла бы отказать в такой декорации. Голуби гулили, пчелы жужжали, вороны каркали, а заходящее солнце золотило покрытые плющом стены. Ни одна девушка не смогла бы отказать в этом окружении. Поверь, как бы ни насолил нам Эджелинг, он внес свою лепту в семейное благо и заслужил награду.

— Кстати, насчет награды, — подхватил лорд Ходдесдон, — приятно думать, что ты получишь сполна.

Бисквит горько рассмеялся.

— И не мечтай, — грустно сказал он и указал на кипу бумаг, лежавших на столе. — Взгляни сюда.

— Что это?

— Исполнительные листы. Если я сегодня не заплачу, завтра утром должен предстать перед судом графства.

Лорд Ходдесдон издал смертельный крик.

— Не может быть!

— Может. Эти ребята жаждут крови. Шейлок по сравнению с ними — сосунок.

— Боже милостивый! Ты понимаешь, ты осознаешь весь ужас? Если

тебя приведут в суд, помолвка будет расторгнута. Для таких, как Фрисби, этот аргумент несокрушим.

Бисквит успокаивающе поднял руку.

— Не бойся, отец. Ситуация под контролем. Я принял меры предосторожности. Посмотри-ка.

Он выдвинул ящик стола, достал что-то оттуда, на секунду скрылся за этажеркой и вынырнул вновь. Лорд Ходдесдон сдавленно вскрикнул.

И имел на то причину. За исключением волос, унаследованных от матери, ничто в облике наследника не отвечало эстетическому чувству шестого графа. Теперь же в черном парике, скрывшем эти волосы, и с окладистой черной бородой он являл собой картину столь отталкивающую, что отцу позволительно было произвести столь странный звук.

— Вчера купил в «Кларксоне», — объявил Бисквит, с удовлетворением разглядывая себя в зеркале. — В кредит, конечно. Еще брови есть. Ну как?

— Годфри, мальчик мой… — Голос лорда Ходдесдона задрожал, как в минуты наивысшего волнения. — Ты выглядишь ужасно. Отвратительно. Мерзко. Как международный шпион или что-то в этом духе. Убери эту гадость немедленно!

— А ты бы меня узнал? — упорствовал сын. — Вот в чем штука. Если б, к примеру, ты был «Ховс и Довс. Сорочки — Галстуки — Белье», двадцать три фунта четыре шиллинга шесть пенсов, узнал бы ты за этим камуфляжем Годфри, лорда Бискертона?

— Конечно, узнал бы.

— Бьюсь об заклад — ни за что. Даже если бы ты был «Дайке, Дайке и Пинвид, Костюмы и Подтяжки», восемьдесят восемь фунтов пять шиллингов и одиннадцать пенсов. И я скажу, как я собираюсь опробовать этот маскарадный набор. Ты говоришь, вы с Энн пойдете на ленч в «Беркли»? Я приду туда, сяду к вам как можно ближе. И если Энн воскликнет: «Ба, да это мой Годфри!» — я позову официанта, отдам ему бороду, парик и брови, велю зажарить и съем.

Лорд Ходдесдон тихо простонал и закрыл глаза.

ГЛАВА IV

1

Как было у него в обычае, привычным ударным рывком на последних пятидесяти ярдах Берри Конвей успел застать на станции Вэлли Филдс экспресс, отправлявшийся в 8.45, за полсекунды до отбытия. Хотя жизнь за городом была ему чуждой, Берри в определенной степени владел даром, отличающим загородных аборигенов от другой породы людей, — беспримерной способностью всегда успеть на поезд, причем никогда не ранее, чем за три с четвертью секунды до отхода. И поскольку те, кто рысит к утреннему экспрессу, заняты в этот момент более серьезным делом, нежели наблюдение за погодой, то, лишь заняв свое место и отдышавшись, Берри удосужился оглядеться вокруг себя и заметить, какой особенно приятный выдался сегодня денек.

Он понял, что такой день дается для радости, приключений и любви. Солнце сияло с сапфировых небес. Под его лучами Херн Хилл выглядел очень поэтично. И Бриксон тоже. И река, когда поезд пересекал ее, смеялась. Подъехав к вокзалу Паддингтон, Берри решительно пришел к выводу, что провести такое утро в душной конторе было бы преступлением.

У него и раньше возникали такие ощущения, но в этом плане он никогда не находил понимания у мистера Фрисби. На создание Т. Патерсона Фрисби пошел грубый, тяжелый материал. Вы бы нипочем не поймали его на том, что он плюнул на дела и отправился танцевать на балу просто потому, что пригрело солнышко. Как правило, именно такие лучезарные утра подстегивали старого зануду к особо извращенным формам трудовых бдений. «Ну, поехали!» — возвещал он при виде Берри и подозрительно озирал небосклон, как будто видя там угрозу своим денежкам.

Но когда кротко и терпеливо ждешь чудес, они случаются. Едва Берри покончил с сортировкой скучнейшей из коллекций писем, когда-либо оскорблявших чувства молодого человека в ясный летний день, как дверь отворилась и на пороге возникло нечто столь лучезарное, что Берри пришлось дважды моргнуть, чтобы поймать видение в фокус.

Не в том дело, что Т. Патерсон Фрисби облекся в костюм из легкой

серой фланели. И не в том, что на голове его красовалась панама, а шею охватывал красивый галстук. Не это поразило наблюдателя. Самым удивительным было выражение жизнелюбия на лице вошедшего. Он положительно казался шаловливым проказником. Пока Берри тупо пялился на Т. Патерсона Фрисби, по лицу последнего прошелся спазм, несколько нарушивший гармонию черт. То была улыбка.

— Доброе утро, Конвей!

— Доброе утро, сэр, — бесцветным голосом отозвался Берри

— Есть что-нибудь важное?

— Ничего существенного, сэр.

— Ладно, оставим это до завтра.

— До завтра?

— Да. Я еду в Брайтон.

— Слушаюсь, сэр.

— Вы можете взять выходной.

— Большое спасибо, сэр.

Он онемел от удивления. Такого еще никогда не случалось. Ни разу за все время их общения с мистером Фрисби от него не поступало такого предложения. И теперь в это верилось с трудом.

— Выезжаю прямо теперь. На авто. Не вернусь до вечера. Вам два задания. Ступайте в агентство Меллона и Пирбрайта на Бонд-стрит и закажите мне два места у прохода на какое-нибудь хорошее представление сегодня вечером. Пусть запишут на мой счет и пришлют билеты на дом.

— Слушаюсь, сэр.

— Скажите, что мне нужно что-нибудь действительно стоящее. А потом поезжайте в ресторан «Беркли» и закажите столик для ужина.

— Слушаюсь, сэр.

— Столик на двоих. Подальше от оркестра.

— Слушаюсь, сэр.

— Хорошо. Кстати, насчет вашей просьбы. Я вчера говорил с этим Хоуком. Сказал ему про ваш рудник. Он заинтересовался.

Душа Берри затрепетала.

— Вот как, сэр?

— Да. Как ни странно, он оказался в курсе дела. Вы вечером на месте?

— Да, сэр.

— Я скажу, чтобы он заехал повидаться. Между нами: не проговоритесь, что я вам сказал, но он готов выложить до пяти сотен.

— Неужели?

— Сам сказал. Пытался обойтись меньшей суммой, но я уверил его,

что вы не согласитесь. Так что если вам подходит, он привезет бумаги, и вы обстряпаете дельце прямо сегодня. И я даже не потребую от вас комиссионных, — хихикнув, добавил мистер Фрисби.

Берри потупился. Искреннее раскаяние кольнуло его в сердце при мысли о том, что не раз в душе своей он припечатывал этого сердечнейшего человека эпитетом акула-рабовладелец. Теперь он видел его в истинном свете — и это был ангел во плоти.

— Чрезвычайно обязан, сэр, — заикаясь, проговорил он.

— Не стоит благодарности.

— Вы правда думаете, что он даст мне пятьсот фунтов?

— Конечно, даст. Ну ладно, все. До свидания, — сказал мистер Фрисби и отбыл.

Несколько мгновений Берри стоял как вкопанный. Но недвижным было только его тело. Мозг его лихорадочно работал.

Пятьсот фунтов! Это значит — жизнь и свобода. Он заплатит долг Эттуотеру. Определит содержание Обломку Прошлого и избавится от нее. И, исполнив эти обязанности перед обществом, сможет броситься в пучину приключений.

Берри глубоко вздохнул. Телом он еще пребывал в кабинете хозяина, но духом уже летел по улочкам залитого солнцем городка, лежащего в горной долине. И местные жители, глядя ему вслед, понимающе кивали.

— Это он, — говорили они. — Видите этого парня? Крутой Конвей! Круче не бывает.

*

Приближалось время ленча, когда Берри, совершив покупку театральных билетов, вновь вышел из конторы Меллона и Пирбрайта на шумную и сверкающую Бонд-стрит.

День достиг новых сияющих высот. Солнце светило в небе, солнце согревало сердце. Волшебный экстаз будоражил воздух. Берри в восторге оглядывал Бонд-стрит.

Для пресыщенного светского хлыща или отъявленного фланера Бонд-стрит в час дня пополудни в разгар Лондонского Сезона — всего лишь Бонд-стрит. Но для молодого человека с любовным жаром в груди, на которого свалился нежданный выходной, сулящий чудесные приключения, — это главная улица, это сказочный Багдад. Берри почувствовал в крови сладкий яд, ощутив себя центром мира.

У него было в обычае, гуляя по Лондону, озираться в надежде на то, что вот-вот с ним случится нечто необычное. Пока что ничего, имеющего хоть малейший интерес, не происходило, и Берри даже чувствовал себя иной раз обделенным. Но Бонд-стрит оживила его оптимизм. Уж тут-то, думал он, в любой момент может случиться все что угодно.

Где, если не здесь, говорил он себе, изящная дамская ручка в тонкой перчатке могла бы вложить в руку такого мужчины, как он, узкий конверт с Морским Соглашением, выкраденным нынче утром в министерстве иностранных дел, узнав его по гардении в петлице. В то время как на Треднидл-стрит или в Вэлли Филдс можно всю жизнь прогулять, не дождавшись ничего серьезнее почтовой открытки с видом.

Вдоль по узкой улице сновали дорогие автомобили, на тротуарах было полным-полно дорого одетых пешеходов. Кто-то из них задел Берри локтем, толкнув к мостовой, и в тот же момент перед ним остановился двухместный автомобиль. А в следующую секунду к нему обратился человек в автомобиле, говоривший с чудовищным акцентом.

— Извините, это, вы могли бы указать мне путь к Лестеррр-скверрр?

Берри поднял на него глаза. Нет, то была не Мата Хари, а какой-то странный субъект с лохматыми бровями и черной бородкой.

— Лестер-сквер? — переспросил Берри. — Налево и потом через площадь Пиккадилли.

— Спасибо, сэррр.

Берри стоял, глядя вслед удаляющейся машине. Что-то в этом человеке озаботило его. Конечно, он не сказал ничего такого, что могло бы бросить тень на репутацию, но что-то в его облике вселяло подозрение, что карманы этого типа просто набиты украденными документами политической важности. Берри стоял, задумчиво глядя вдаль, и мог бы простоять так до бесконечности, если бы какой-то оголодавший пешеход, спешивший на ленч, не наткнулся на него сзади.

Возвращенный таким способом в реальность, Берри проследовал к ресторану «Беркли», чтобы заказать столик для мистера Фрисби.

Очевидно, мистер Фрисби был частым гостем в «Беркли». Одно только упоминание его имени вызвало уважительный интерес. Метрдотель, больше похожий на итальянского поэта, уверил Берри, что все будет в лучшем виде. Столик на двоих, подальше от оркестра. Именно так.

Потом метрдотель ласково осведомился, не желает ли Берри откушать у них в ресторане, и искусительным жестом указал на столик. Берри хотел было ответить, что такая роскошь ему не по карману, но, повернувшись, чтобы взглянуть на столик, увидел картину, от которой слова застряли у

него в гортани.

Бородатый субъект сидел в шести шагах от него и тыкал вилкой в копченого лосося.

Берри колебался не дольше секунды. Для человека, стесненного в средствах, ленч в таком месте был безрассудной, отчаянной, можно сказать — дьявольской авантюрой. Этот шаг стоил бы ему тяжких трудов в течение многих долгих дней. Но, видно, сама Судьба послала ему этого Таинственного Незнакомца, и со стороны Берри было бы непростительной дерзостью пренебречь ее вниманием из недостойных соображений.

Этот человек заинтриговал Берри. Очень подозрительная личность. Появиться с такой бородой в Лондоне! Больше того; после того как ему ясно объяснили, что надо повернуть налево и ехать через Пиккадилли, он повернул направо и явился в «Беркли». Если тут скрыта не тайна, то что тогда?

Берри сел, и тут же над ним склонился официант, протягивавший меню.

Бородач теперь ел рыбу под соусом. По мере наблюдения за ним подозрение Берри росло с каждой секундой. Борода явно фальшивая. Очень уж она мешает владельцу. Он просовывает кусочки рыбы в рот с осторожностью натуралиста, входящего в неведомые дебри. Он не из тех несчастных, которым не под силу справиться с буйной растительностью и кто достоин искреннего сочувствия, а не осуждения; нет, он нарочно нацепил бороду, Бог весть из каких темных побуждений возвел дебри на собственном лице, чтобы в любой момент скрыться в них и избавиться от преследования. Было бы ребячеством недооценивать опасность, которая исходила от этого человека.

И, словно в подтверждение этой мысли, последовала сцена столь красноречивая, что Берри содрогнулся, став ее свидетелем.

Поглаживая седые усы, в ресторан вошел импозантный джентльмен лет пятидесяти. Он что-то сказал метрдотелю, видимо, спросил столик. Потом, когда повернулся, чтобы пройти в холл, где посетители ожидали своих гостей, взгляд его упал на бородача. Джентльмен вздрогнул, будто увидел нечто ужасное — да, собственно, так и было, — и подошел к бородачу. Произошел краткий разговор, во время которого, видимо, пожилого джентльмена пытались успокоить. После чего он, глубоко потрясенный, прошествовал к выходу.

Берри в возбуждении подался вперед. Он расколол бородача. Он все видел. Это наверняка Нюхач, таинственный главарь великого Кокаинового кольца, доставляющий столько хлопот Скотланд-Ярду. Что касается

седоусого, то он, должно быть, связной из высшего света, какой-нибудь баронет с безупречной репутацией, которого никто не заподозрит в преступных деяниях. И его нескрываемое волнение было вызвано шоком от встречи с Нюхачом в таком месте, как «Беркли», где борода неминуемо должна вызвать провал.

— Ступай в подвальный кабак, где тебя знают и уважают, — наверное, прошептал джентльмен Нюхачу. А Нюхач, нагло усмехаясь — Берри ясно видел, как тот усмехается, — ответил в том духе, что он уже принялся за ленч и, значит, должен за него заплатить, так что риск риском, но провалиться ему на месте, если он зря просадит хоть один фунт.

Получив такой ответ и хорошо зная своего хозяина, джентльмен исчерпал аргументы и ретировался.

Греза приобретала зримые контуры, и если ничего не помешает, она собиралась принять определенный вид. Но через минуту все мысли о Нюхаче вышибло из головы Берри. Седоусый вернулся в обеденный зал, и на этот раз он был не один.

Впереди — как принцесса, продвигающаяся в толпе простолюдинов — шла девушка. При виде ее глаза у Берри чуть не выскочили из орбит. Челюсть у него отвалилась, сердце бешено застучало, и картофелина упала с задрожавшей вилки.

Ибо то была девушка, которую он искал всю жизнь, девушка, о которой он мечтал летними вечерами, когда небосклон окрашивается алым цветом, и весенними утрами, когда птицы поют гимны природе на росистых лугах. Он узнал ее сразу, потому что уже давно оставил всякую надежду когда-либо повстречаться с ней, и вот она явилась, точь-в-точь такая, какой он ее рисовал себе в мечтах лунными ночами, когда где-то вдали пели скрипки.

Он сидел, не сводя с нее глаз, и когда официант разрушил очарование момента, осведомляясь насчет того, не подать ли сыра, Берри с трудом удалось соблюсти свойственную семейству Конвей вежливость.

2

Глядя на Энн Маргарет, единственное чадо мистера и миссис Томас Л. Мун из Нью-Йорка, Берри Конвей, несомненно, переступал рамки приличий. Но в том же самом можно было упрекнуть многих, очень многих молодых людей из ресторанов, где успела побывать эта особа. Энн Маргарет была из тех девушек, не смотреть на которых молодые люди

могли, лишь собрав в железный кулак всю свою волю.

Мы уже узнали, что думал об Энн редактор газеты «Курьер Интеллидженсер», и вправе официально заявить, что его описание явно грешило, если вообще имело отношение к истине, излишней сдержанностью. Вероятно, из-за недостатка газетной площади он опустил два или три пункта, которых нельзя было не коснуться и которых мы обязательно коснемся, чтобы представить достоверный портрет. Например, ямочка на подбородке, которая так забавно прыгала, когда Энн смеялась. Впрочем, в отношении удивительного обаяния и замечательной привлекательности, а также чувствительности, тонкой, как аромат цветка, редактор был совершенно прав. Берри заметил это сразу.

Лорд Ходдесдон тоже заметил эти качества, и его сознание вторично пронзила мысль о невероятности случившегося: как могла такая девушка, даже под воздействием Эджелинг-корта во всем его очаровании, принять руку его сына, который сидел сейчас через два столика от них, заслонившись черной бородищей?

Однако главное, на чем он сосредоточился в данную минуту, была необходимость свести счет за ленч к разумной сумме. Если ему удастся ограничить девичьи запросы по части кофе и прочих напитков, можно будет позволить себе невинное мужское удовольствие в виде сигары и ликера.

— Выпьете что-нибудь, дорогая? — спросил он, когда возле столика остановился официант.

Энн взглянула на него и ответила:

— Нет, спасибо. Ничего.

— Ничего, — повторил лорд Ходдесдон официанту, пытаясь скрыть свою радость.

— Виши? — настаивал официант.

— Ничего, ничего.

— Сен-Гальмье? Тоник? Эвиан?

— Нет, спасибо. Ничего.

— Лимонад? — спросил официант, который был из тех, кто не знает удержу.

— Да, я, пожалуй, выпью лимонада, — отозвалась Энн.

— Не советую, — искренне сказал лорд Ходдесдон. — Честно, не стоит. Вредный напиток. Много кислоты.

— Хорошо, — согласилась Энн. — Тогда немножко простой воды.

— Только простой воды, — с затаенной угрозой глядя прямо в глаза официанту, сказал лорд Ходдесдон.

Он одарил будущую невестку нежной улыбкой человека, выигравшего два шиллинга. «Как мило, — думал он, — встретить в наше время девушку, которая не желает портить цвет лица и пищеварение коктейлями, вином и кислотой!»

Но улыбка пропала втуне. Энн ее не заметила. Она смотрела в глубину зала. Грохот оркестра и гул голосов доносились до нее словно издалека. Будущий свекор, сидевший за одним с нею столом, был от нее за тридевять земель. Она вернулась к своим мыслям, прерванным обсуждением напитков. С того момента, как она прочла в газете объявление о собственной помолвке, Энн впала в странную задумчивость.

Есть в печатном слове некое особое свойство, которое приводит наши умы в замешательство. Будоражит. Только увидев объявление, набранное безличными буквами, Энн до конца поняла чрезвычайную значимость шага, который она собиралась сделать, и чрезвычайную кратковременность своего знакомства с человеком, которому готовилась вручить свою судьбу.

Ее вдруг охватила жажда информации. Она подалась вперед, к своему визави.

— Расскажите мне о Годфри, — внезапно попросила она.

— А? — отозвался лорд Ходдесдон, заморгав глазами. Он тоже был погружен в свои мысли. Он обдумывал свои аргументы на случай, если спутница пожелает кофе, и старался сформулировать соответствующий совет так, чтобы он прозвучал наиболее деликатным образом. — А что именно?

Энн трудно было ответить на этот вопрос. «Что он за человек?» — хотелось бы ей спросить. Но, дав согласие выйти замуж, как-то глупо дознаваться, за кого именно.

— Ну, каким он был в детстве? — нашлась она, выбрав самый невинный вопрос. Он в самом деле прозвучал вполне невинно и вполне в духе ситуации.

Лорд Ходдесдон напряг память, пытаясь оживить сцены, которые предпочитал забыть.

— Он был истинным чудовищем, — сказал лорд Ходдесдон и, спохватившись, добавил: — Очень симпатичным, живым, в общем, как все мальчишки.

Он почувствовал, что едва не позволил чувству возобладать над разумом, инстинкту — над дипломатичностью. Дай он себе волю в обрисовке характера юного Бискертона даже для благосклонного слушателя, дело могло бы принять нежелательный оборот. Лучше не шевелить прошлого, не вспоминать, как этот негодяй вымазал вареньем

отцовское кресло. Как правильно заметила его сестра, эта девушка еще не стала женой Бискертона. Было бы безумием ляпнуть что-нибудь такое, что могло бы изменить-ее решение. Зная Бискертона, как мог знать только отец, лорд Ходдесдон понимал, что невеста нуждается в поощрении.

— Живым, как все мальчишки, — повторил он. — Полным чувств. Причем всегда наилучших, — бесстрастно добавил он.

— Наилучших? — переспросила Энн и слегка передернулась.

— Он всегда был воплощением благородства, — торжественно провозгласил лорд Ходдесдон.

Энн опять передернулась. Воплощением благородства был Кларенс Дамфри. Она часто его на этом ловила.

— Ни разу, ни в детстве, ни потом, — продолжал лорд Ходдесдон, найдя правильный тон и уже плавно скользя по накатанной колее, — не доставлял он мне каких-либо хлопот. — Тут лорд Ходдесдон нервно оглянулся, будто ожидая увидеть за плечом ангела, заносящего в книжечку его слова. С облегчением обнаружив там только официанта, он вернулся к своему предмету — Он не из тех, кто до полуночи танцует с девочками из варьете и тому подобное. И, насколько я знаю, в карты он тоже никогда не играл.

— Но это вы не точно знаете, — промолвила Энн, не желая расставаться с последней надеждой.

— Знаю, — твердо возразил лорд Ходдесдон. — Сейчас вот вспомнил, как спросил его однажды, и он ответил, что нет, не играл. Если бы у него была такая привычка, он бы сказал: да, папа, я играю. Такой уж он у меня — честный и прямой. О чем бы я его ни спросил, всегда он так прямо в лицо и выпалит: да, папа; или: нет, папа. Помню, как-то, — начал лорд Ходдесдон, слегка отклоняясь от выбранного пути, — вымазал он мне вареньем кресло в библиотеке…

— Правда? — оживилась Энн.

— Да, — ответил лорд Ходдесдон. — Но,— тут же взяв себя в руки, продолжил он, — мальчик сразу пришел ко мне и, глядя прямо в лицо, сказал: «Папа, это я выпачкал кресло вареньем. Прости меня. Я решил признаться, чтобы не заподозрили кого-нибудь другого».

— Сколько ему тогда было?

— Лет десять.

— И он вот так и сказал?

— Этими самыми словами.

— И теперь он такой же?

— В точности, — с готовностью подтвердил лорд Ходдесдон. —

Настоящий английский джентльмен, благородный до мозга костей.

Энн поморгала глазами и вернулась к своим мыслям. Теперь она думала об Эджелинг-корте без прежней нежности.

Приписывая обаянию фамильного гнезда решающее значение в согласии Энн на брак, лорд Бискертон проявил известную проницательность. Эджелинг-корт действительно сыграл в этом деле важную роль. Присущее ему очарование Старого Света, несомненно, затуманило свойственную ей ясность ума, которой она привыкла гордиться и которая, как Богом ниспосланный дар, оберегает девушек от поползновений со стороны всех Кларенсов Дамфри в мире. Все эти пчелы, голуби и вороны, соображала теперь Энн, словно сговорились подавить ее сопротивление, и вот вам, она уже невеста идеального английского джентльмена.

Энн собрала волю в кулак и сказала себе, что не должна верить всему, что слышит. Очень даже вероятно, что лорд Бискертон на самом деле никогда не был благородным. Мало ли что наговорит родной отец! И даже если он таковым был, он ведь мог это преодолеть. Он мне нравится, уверяла она себя. Он забавный. Он меня смешит. Мы будем счастливы вместе — очень, очень, очень счастливы.

Все-таки жаль, что он иностранец, думала Энн. И если было бы преувеличением утверждать, что она пожалела о том, что сделала, все же ее грызла мысль, что девушка на пороге свадьбы должна бы чувствовать себя более уверенной. Правда, она плохо себе представляла, каким должно быть полное и абсолютное счастье накануне свадьбы. Но сама она ощущала тревогу и беспокойство, как молодой автор, только что поставивший свою подпись на договоре с директором театра и теперь сомневающийся насчет параграфа о правах на экранизацию своей пьесы.

— Вы что-то слишком молчаливы, дорогая, — сказал лорд Ходдесдон.

Энн встрепенулась.

— Извините, я просто задумалась.

Лорд Ходдесдон хотел было отпустить какое-то замечание по поводу любовных грез, но удержался.

— Вкусная курица, — сказал он, выбрав более безопасный предмет для разговора.

— Да, — сказала Энн.

— Картофеля не добавить?

— Нет, благодарю.

— Хотите заказать десерт?

— Да, пожалуйста.

— А кофе? — спросил лорд Ходдесдон, и его чистый взгляд замутился. — Не знаю, как вы, но я полагаю, что из-за содержащегося в нем наркотического вещества — кофеина — его следует избегать. Плохо действует на нервы. Все Доктора так говорят.

— Я, пожалуй, не стану его пить. Вообще я хотела бы уйти сразу после десерта. Вы не возражаете, если я вас покину?

— Конечно, нет, дорогая. Отнюдь. Я останусь, посижу, послушаю музыку. Может, возьму сигару и ликер. А вы хотите пойти за покупками?

— Нет, но погода дивная. Я хотела проехаться в машине. Она стоит у входа. Думаю съездить к реке.

— Поезжайте в Стритли. Очаровательное местечко. Или в Соннинг.

— Мне надо проветриться и собраться с мыслями.

— Понимаю, — по-отечески кивнул лорд Ходдесдон. — Это так естественно. Не беспокойтесь насчет меня. Я тут посижу. Люблю посидеть.

Энн улыбнулась и, еще раз посмотрев в глубину зала, встретилась глазами с молодым человеком в коричневом костюме, который сидел за столиком у стены, — в седьмой раз за время ленча.

Энн Мун так часто встречалась глазами с этим мужчиной по двум причинам. Первая заключалась в том, что смотреть она могла только в его направлении, ибо в противоположном взгляд ее натыкался на бородача столь отвратительно-зловещего вида, что ее прямо в жар бросало, когда она его видела. Мало того, что на него было неприятно смотреть, он еще странным образом чем-то напоминал ее нареченного, лорда Бискертона, и это ее беспокоило.

Вторая причина состояла в том, что, кляня себя за слабость, Энн испытывала удовольствие, ловя на себе взгляд Берри. Этот факт никак нельзя было отрицать. У него были необычные глаза. В них горел какой-то жадный огонек. Вот новость так новость. Ни у одного из знакомых ей мужчин глаза не горели огнем желания. Ни у Кларенса Дамфри, известного зануды. Ни у этого мальчишки Буруоша. Ни, если уж на то пошло, у лорда Бискертона. А ей понравился этот огонек.

Худощавый, стройный молодой человек с умным лицом и широкими плечами заинтриговал ее. У него внешность человека, который делает дело, подумала Энн. Который способен на отважные поступки. Она, к примеру, могла бы себе представить, как он отважно спасает ее из горящего дома. Она могла представить, как он спасает ее из лап бандитов, нанося им удары направо и налево. Это мужчина, который создан для нее.

Жаль, что они незнакомы.

Берри, в свою очередь, еще более пылко сожалел, что они незнакомы.

Если в глазах его горел огонек, то вполне резонно. Он отчаянно сокрушался, что Судьба, которая захлестнула его потоком смешанных чувств, от которых у него голова шла кругом, не устроила так, чтобы эти чувства были направлены на девушку, с которой он каким-то образом мог познакомиться.

Теперь он окончательно убедился, что повстречал представительницу противоположного пола, которая создана в полном соответствии с его вкусами. Если бы ему довелось лично участвовать в материализации собственной грезы, он не смог бы справиться лучше. Эти глаза; этот изящный носик; эти зубы; эти волосы; эти руки — все было безупречно.

И при всем при том шансов познакомиться с ней у него было столько, сколько было бы, живи она на другой планете.

Они как корабли, разошедшиеся в ночи.

Теперь она уходит. И бородач тоже. Но что о нем думать! Бородач был вытеснен из сознания, не выдержав конкуренции. Он всего лишь бородач, не более того.

Берри показалось, что ему тоже пора. Он попросил счет и, получив его, попытался ничем не выдать своих чувств.

*****

Выйдя на солнечный свет, Энн задумчиво прошествовала к своему двухместному автомобилю. Она поставила его возле площади. Где-то неподалеку, очевидно, оставил машину и бородач — он обогнал Энн, на ходу бросив на нее короткий странный взгляд. Сходство с Бискертоном показалось Энн еще более разительным, чем в ресторане. Вблизи он мог бы сойти за его родного брата, у которого до того плохо пошли дела, что он отпустил бороду.

Эта встреча пробудила в Энн чувство вины. Пришлось признаться себе, что в мыслях она была не совсем верна Годфри. Выяснилось, что в душе она успела сравнить его — и не в его пользу — с тем сильным, романтического вида молодым человеком в коричневом костюме, чьи глаза горели огнем и который сейчас, не успела она усесться за руль своей машины, впрыгнул на соседнее сиденье и хрипло прошептал, от чего у нее мурашки пробежали по спине:

— Следуйте за этой машиной!

3

Помимо мурашек, этот вежливый шепот произвел на Энн еще один эффект — она прикусила язык. Поэтому, когда она обернулась к соседу, глаза ее были полны слез, а голос звучал хрипло от боли:

— Гой шиной? — переспросила она.

Берри ответил не сразу. Он чувствовал себя в этот момент так, как если бы прыгнул в бассейн с ледяной водой и пытался там обжиться. Собственный поступок застал его врасплох, как это случается с теми, кто действует под влиянием импульса.

— Гой шиной? — повторила Энн.

Берри сосредоточился. Раз уж он ввязался в историю, надо овладевать ситуацией.

— Вон за той, — указал он.

Берри несказанно бы удивился, узнав, что его собеседница думает о том, какой приятный у него голос. На его вкус, собственный голос был сейчас похож на кваканье старой лягушки.

— В которой сидит этот бородач? — уточнила Энн.

— Да, — подтвердил Берри. — Следуйте за ним, куда бы он ни направился.

— Зачем? — спросила Энн.

«Все-таки она необыкновенная девушка, — подумал Берри. — Другая на ее месте с этого бы начала».

Берри не стал долго размышлять над тем, зачем ему понадобился бородач. Его ответ последовал незамедлительно.

— Его разыскивают.

— Кто?

— Полиция.

— Вы полицейский?

— Я из секретной службы, — сказал Берри.

Энн нажала на акселератор. Солнце светило. Птицы пели. Никогда она не чувствовала себя такой счастливой. Никогда в жизни.

Ей было приятно думать, что она не обманулась насчет этого молодого человека. Она сразу зачислила его в разряд тех, кто живет опасной жизнью, — и оказалась права.

Дрожь пробрала ее от головы до пяток, подбородок радостно вздернулся. «Наконец-то, — подумала Энн Мун, — мне встретилось нечто особенное».

4

Годфри, лорд Бискертон, тоже был в радужном настроении.

— Тра-ля-ля, — распевал он, въезжая на Пиккадилли, и — трам-там-там, — сворачивая к югу на углу Гайд-парка. Он был преисполнен того вполне оправданного возбуждения, которое овладевает человеком, предпринявшим грандиозный и удачно закончившийся эксперимент.

Решаясь на апробацию бороды и бровей (от Кларксона) в таком часто посещаемом им месте, как ресторан «Беркли», Бисквит отдавал себе отчет в том, что идет на отчаянный риск. Уж если там его никто не узнает, значит, никто и нигде не узнает. Мало того, что он должен был сидеть в компании целого взвода своих приятелей и большинство официантов его прекрасно знали. По правде сказать, метрдотель относился к нему, скорее, как к младшему брату, чем как к клиенту.

И что же вышло? Ни Ферраро, ни один из его помощников ничем не обнаружили ни малейшего признака дружбы прежних дней. Они, должно быть, называли его между собой «необычным бородатым незнакомцем», но наверняка никто не сказал: «Да, ну и видок нынче у старины Бискертона!». Никто его не засек. Испытание выдержано с честью.

И Энн он дал фору. Он так значительно смотрел на нее в ресторане и потом прошел мимо на расстоянии в один шаг, когда она садилась в машину. Но и Энн не смогла проникнуть за покров его тайны.

И старина Берри. То, с каким равнодушием он откликнулся на его просьбу, можно считать настоящим триумфом. «Извините, это, вы могли бы указать мне путь к Лестеррр-скверрр?» Ведь лицом к лицу встретились. И Берри даже ухом не повел.

Итак, суммируем. Если старые друзья и знакомые не узнали его, что же говорить об этих кровососах, куда тут Братьям Джонс, Цветочникам, двадцать семь фунтов девять шиллингов шесть пенсов; или Галлиуэллу и Гучу, Туфли и Ботинки, тридцать четыре, десять и восемь?

У лорда Бискертона отлегло от сердца. Благодаря этим проверенным бровям и бороде он сможет остаться в Лондоне и гулять без боязни оказаться под судом. Вплоть до сегодняшнего дня он в этом сомневался. На него даже находили приступы отчаяния, когда он готов был искать убежища где-нибудь в Бексхилле или Уигане.

Вдобавок ко всему денек выдался чудесный: машина бежала резво, и если нажать на газ, можно успеть в Сандаун-парк к трехчасовому заезду. Бискертон находил нечто особенно приятное в этом трехчасовом заезде, и,

слава Богу, пока еще найдется достаточно букмекеров, которые, при недостатке норманнской крови в жилах, компенсировали его верой в удачу, которую поэты ценят гораздо выше.

Когда Бисквит достиг Эшера, душа у него просто пела. А подъехав к «Веселым пахарям», извещавшим клиентов о наличии лицензии на продажу спиртных напитков и табачных изделий, почувствовал потребность заглянуть туда.

Он притормозил машину и вошел в бар.

5

В машине, следовавшей за ним, сперва царила тишина, нарушаемая лишь урчанием мотора, повиновавшегося ножке Энн, жавшей на акселератор. До самого перехода на Кингстон-стрит пассажиры молчали, предаваясь размышлениям. У каждого из них было над чем помозговать, оба прямо-таки сгибались под тяжестью дум.

Энн была девушкой совестливой. И надо сказать, что Совесть, наследие по линии новоанглийской родни, имела неприятное свойство отравлять ей самые приятные моменты жизни. Она вцепилась в нее в ресторане. И теперь опять укусила. У этой Совести были повадки настоящей дикой кошки. Себя не обманешь. Честная по природе, Энн не могла не отдавать себе отчета в том, что, дав слово выйти замуж за лорда Бискертона, она ограничила поле возможностей. Есть вещи, которые обрученная девушка не может себе позволить. А если позволяет, то осуждает себя за это. К числу таких вещей относится переглядывание с незнакомыми молодыми людьми в ресторанах. А если пойти дальше, то никак не позволительно подолгу думать о незнакомом молодом человеке, с которым переглядывалась в ресторане, и сожалеть о том, что он тебе незнаком. И, разумеется, попустительствовать его действиям, когда он прыгает в твой автомобиль и сопровождает тебя, несмотря на сугубо официальный флер секретной службы, в поездке, которую неподкупная Совесть квалифицировала как упоительную.

«Нечего мне твердить про гражданский долг, — сказала Совесть в присущей ей отвратительной новоанглийской манере. — Тебе это понравилось».

И Энн пришлось признать, что понравилось. Она неохотно сказала себе, что никогда не чувствовала себя счастливее с тех самых пор, как в четырнадцать лет получила фотографию Джона Бэрримора с автографом.

Если иметь богатых и знатных родителей может считаться для девушки несчастьем, то только в том смысле, что заставляет ее вести жизнь, защищенную от каких бы то ни было неожиданностей и полную условностей. Сколько она себя помнила, Энн жила в роскошном, но ограниченном мирке. Школьный бал в Париже, несколько сезонов в Нью-Йорке, зимы на Палм-бич или в Эйкене, лето в Мэне или Саутгэмптоне… Невыносимое существование для романтической души.

Мужчины в ее кругу были неизменно прекрасно воспитаны, привлекательны, вежливы, но, увы, заурядны и практически неотличимы друг от друга. Ей иной раз приходилось делать усилие, чтобы вспомнить, с кем она в данный момент беседует.

Тот же, кто сидел сейчас рядом с ней, был совершенно другим.

Тем не менее она не имела права — и прекрасно это понимала — ощущать такое внезапное волнение. Следовало либо отказать в этой из ряда вон выходящей просьбе, либо — если вполне извинительное побуждение оказать помощь секретной службе Великобритании заставило бы ее идти на компромисс, — сохранять отчужденно-безразличный вид, как будто она просто шофер такси.

Итак, Энн вела машину, а Совесть все крепче сжимала на ее шее свои цепкие пальцы.

Что касается Берри, было бы преувеличением сказать, что он прыгнул в машину незнакомой девушки, хоть в малой степени руководствуясь доводами разума. Но он чувствовал, что поступил правильно. Оглядываясь назад, он не видел причин для раскаяния. Поведение, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать упрек в эксцентричности, в этот День казалось нормальным и приличным. Не соверши он этот поступок, волшебная девушка навсегда исчезла бы из его жизни. Чтобы предотвратить эту трагедию, можно было бы пойти на что угодно.

Тем не менее он понемногу в достаточной мере пришел в себя, чтобы оценить ситуацию как весьма затруднительную. Подобно отважному, но плохо подготовленному охотнику, поймавшему в джунглях Индии тигра за хвост, он чувствовал, что до сих пор события развивались в правильном русле, но дальнейшее их течение требует тщательного обдумывания.

Итак, при полном молчании автомобиль подъехал к переходу на Кингстоне. Вперед на гладкий бетон вырулила какая-то машина. Куда именно направлялся ее водитель, догадаться было трудно, но он явно следовал в ту же сторону.

Берри первым нарушил молчание.

— Чертовски благородно с вашей стороны, — сказал он.

— Ну что вы, — возразила Энн.

— Нет, правда.

— Ну что вы!

— В самом деле, — настаивал Берри.

— Пустяки, — ответила Энн.

— Говорю вам, — продолжал Берри, — это чертовски благородно с вашей стороны.

Обмен любезностями снял напряжение. Берри восстановил дыхание, а Энн зашла так далеко, что оторвала взгляд от дороги и метнула его в сторону пассажира. В профиль его лицо произвело на нее еще большее впечатление. Энергичные физические упражнения и трезвый образ жизни обеспечили Берри прекрасный профиль, можно сказать, медальный. Складки у носа и небольшой белый шрам возле уха придавали ему особую привлекательность. «След пули, — подумала Энн, — такой шрам могла оставить только пуля».

— Большинство девушек перепугались бы до смерти, — сказал Берри.

— Я тоже испугалась.

— Да, — подтвердил Берри с растущим воодушевлением, — но вы ни секунды не сомневались. Не стали мешкать. Мгновенно схватили ситуацию.

— Кто это? — спросила Энн, внимательно глядя на поравнявшийся с ними двухместный автомобиль. — Или вам нельзя говорить?

Берри предпочел бы смолчать, положение было безвыходным. Как удачно, что в ресторане у него было время поразмыслить над идентификацией этой бородатой птички.

— Я думаю, — ответил он, — что это Нюхач.

— Нюхач? — осевшим от волнения голосом переспросила Энн. — Какой Нюхач? Что это значит? Кто такой Нюхач? Почему Нюхач?

— Главарь большой кокаиновой банды. У него кличка Нюхач. Если, конечно, это тот самый тип. Но вполне возможно, что это ни в чем не повинный человек. Вы, вероятно, слышали, как разрослась в последнее время наркосеть?

— Нет, не слышала.

— Очень разрослась. И все из-за этого типа.

— Нюхача?

— Нюхача.

Оба немного помолчали. Энн набрала в легкие воздуха.

— Для вас это, наверное, обычное дело, — сказала она. — А я дрожу, как осенний лист. Неужели для вас это так привычно?

Молодые люди в старой доброй Англии не обладают совестливостью жителей Новой Англии. Мы говорим о пуританской совести, но Берри не ведал и ее. И потому ответ его прозвучал не только твердо, но и иронично.

— Разумеется, это обычная работа.

— Вы хотите сказать, что такое случается с вами сплошь и рядом?

— Более или менее.

— Вот это да! — воскликнула Энн.

Она понимала, что следующий вопрос, который вертелся у нее на языке, относится к разряду личных, но не могла сдержать любопытства.

— А откуда у вас этот шрам? — не дыша, спросила она.

— Шрам?

— У вас маленький шрамик возле уха. Вас поцарапала пуля?

Берри с трудом проглотил комок, застрявший в горле. До чего же женщины любят эту дребедень. Взять хотя бы Отелло и Дездемону. Отелло и не собирался рассказывать всю эту муру насчет превратностей судьбы, лишений и трудов, испытанных на суше и на море, пока девчонка все это из него не вытянула. Отелло прекрасно понимал, что, плетя истории про горы с вершинами, касающимися неба, и каннибалах, друг друга поедающих, хватает через край, но деться было некуда.

Что же оставалось делать Берри Конвею?

— Да, — сказал он и понял, что с этого момента мосты сожжены.

— Надо же! — воскликнула Энн. — Еще бы чуть-чуть…

— Да, но чуть-чуть не вышло, — сказал Берри, окончательно умертвив в себе лучшую часть самого себя, — потому что в следующую секунду я выстрелил.

— Выстрелили?

— Да, пришлось.

— Я вас не виню, — проронила Энн.

— Я видел, как его рука скользнула в карман…

— Чья рука?

— Джека Маллоя. Я тогда обезвреживал банду Маллоя.

— А кто это?

— Организаторы поджогов.

— Поджигатели?

— Вот именно, — подтвердил Берри, сожалея, что не ему пришел в голову этот термин. — У них была штаб-квартира в Дептфорде. Начальник послал меня произвести разведку… Вы не подождете здесь?

— Подождать?

Она заметила, как лицо его сделалось каменным, а взгляд — суровым.

— Мне надо последовать за ним.

— А можно мне с вами?

— Нет. Могут возникнуть неприятности.

— Я люблю неприятности.

— Нет, — твердо ответил Берри. — Уж будьте так добры. Энн вздохнула.

— Ну хорошо. А оружие с вами?

— Да.

— Держите его наготове, — посоветовала Энн, — и не стреляйте, пока не увидите белки его глаз.

Берри исчез. «Он идет, как гончая», — подумала Энн. Откинувшись на теплую кожу, она предалась сладким грезам. Впервые в жизни с ней случалось такое. Энн Мун никогда не приходилось участвовать ни в каких гонках, кроме ночных возвращений из клуба. А единственным приключением, столкнувшим ее с беззаконием, был случай, когда по дороге из Нью-Йорка в Пайпинг-рок ее догнал полисмен на мотоцикле и вручил штрафную квитанцию за превышение скорости.

И в самый сладостный миг грез что-то жесткое и острое впилось ей прямо в душу.

«Ага, — торжествующе провозгласила Совесть, сызнова берясь за свое. — Попалась!»

6

Когда лорд Бискертон вошел в бар «Веселые пахари», он был пуст, если не считать рыхлой леди в черном атласном платье и с огромной брошью на груди с надписью серебром «пупсик». Она стояла за стойкой, как альпийский сенбернар, ожидающий возможности оказать помощь жаждущему. Она приветливо улыбнулась Бисквиту и поделилась мнением о погоде.

— Хороший денек, — сказала она.

— Лучше не бывает, — сердечно отозвался Бисквит.

Пенящаяся кружка перешла из рук в руки, и полился приятный незатейливый разговор, какой обычно возникает при подобных обстоятельствах.

Искусство обмениваться словами через стойку даровано не каждому. Бывает, что лучшие умы лишены этого дара. Взять, к примеру, покойного Герберта Спенсера. Но для Бисквита это была родная стихия. Он

немедленно становился приятелем каждого бармена и каждой барменши. У него были приятные манеры, и говорил он разумные вещи. Больше того, он умел слушать. А поскольку каждая девушка за стойкой располагает длинным списком жалоб на своего хозяина, это качество ценится у них выше красноречия.

К тому моменту, когда Бисквит одолел четверть пинты эля «Сёррей», между ним и барменшей установились отношения сердечной доверительности. Мало-помалу беседа приобрела личный оттенок. Барменша с самого начала критически смотрела на бороду, но до поры природный такт удерживал ее от словесного выражения своих сомнений по этому поводу.

— Зачем вы ее носите? — наконец спросила она.

— Другой нет, — ответил Бисквит.

— Чудно как-то.

— Вам не нравится?

— Я ничего против не имею. Но смотрится чудно.

— Было бы еще чуднее, — возразил Бисквит, — ежели бы половина была розовой, а половина зеленой.

Барменша подумала и согласилась.

— Но так тоже чудно, — все же сказала она.

— Знаете, как я ею обзавелся?

— Отрастили небось.

— Ну, что вы! Это долгая история. Надо вам сказать, что ребенком я был прелестной девочкой. Но в один прекрасный день нянька везла меня в коляске и остановилась поболтать с солдатом, как это в обычае у нянек, и когда отвернулась от коляски, из кустов выскочила цыганка с отвратительным бородатым мальчишкой на руках. И знаете, что она сделала? Выкрала меня из коляски и на мое место уложила этого бородатого мальчишку. С тех пор я стал мальчишкой с бородой.

— Жаль, что она не положила в коляску бритву.

— Бритва тут без пользы, — вздохнул Бисквит. — Они тупятся и ломаются. Как и резаки для колючей проволоки. Один доктор, с которым я консультировался, порекомендовал мне ее выжечь. Я возразил, что огонь, может, и остановит рост волос, но я, пожалуй, тоже сгину в пламени. Мои слова произвели на него впечатление, он заметил, что это не приходило ему в голову. В общем, история малоприятная и доставляет много хлопот.

— Знаете, что бы я сделала, если бы вы вошли сюда несколько лет назад?

— Что?

— А вот что!

Она протянула руку и, весело хихикнув, с силой дернула Бисквита за бороду.

Это было последнее ее хихиканье на многие и многие дни. Знающие люди утверждали, что она уже никогда не была такой, как прежде. Берри, как раз взявшись в ту секунду за дверную ручку, замер, оглушенный ее визгом. Убивают там, что ли? Распахнув дверь, он вновь остановился как вкопанный.

Зрелище, открывшееся его взору, могло бы парализовать кого угодно. За стойкой неподвижно стояла барменша, держа в руке бороду, и казалась чем-то огорченной. Напротив нее, тоже смущенный, застыл его школьный друг, лорд Бискертон. Берри был не в силах шелохнуться. Давно он не видел таких кошмаров.

В следующее мгновение немая сцена оживилась. Вырвав бороду из рук барменши, Бисквит торопливо приладил ее к лицу. А барменша, издав длинный, протяжный стон, повалилась на бок на манер леди, падающей в обморок.

Бисквит, хотя и испытывал к барменше искреннее расположение и успел насладиться беседой с нею, все же не до такой степени проникся чувствами, чтобы задержаться для оказания первой помощи. Он торопился в другое место, но, бросившись к двери, увидел Берри и остановился на полпути.

— Бисквит! — вскричал Берри.

— Господи Боже! — промолвил лорд Бискертон.

Не тратя времени на комментарии, он схватил Берри за руку и повлек к выходу. Только оказавшись с глазу на глаз во дворе, укрывшись от посторонних взглядов каменной стеной, Бисквит пустился в объяснения.

— Какого черта ты тут делаешь, Берри?

— А ты?

— Я ехал в Сандаун. А тебя как сюда занесло?

— Я следовал за тобой, чтобы узнать, куда ты направляешься.

— С какой стати?

— С такой. Что ты болтаешься по всему Лондону и близлежащим графствам с длинной бородищей?

На лице Бисквита отразилась глубокая озабоченность.

— Ты хочешь сказать, — запинаясь, произнес он, — что сразу узнал меня?

Берри сообразил, что не стоит с порога отвергать это предположение. Быстрый умом, он понял, что ему предоставили шанс показать себя либо

проницательным наблюдателем, либо доверчивым простаком. Берри выбрал первое.

— Разумеется, узнал, — с достоинством ответил он.

— На Бонд-стрит? — допытывался Бисквит.

— Конечно.

— То есть сразу, как я с тобой заговорил?

— Ну да.

— А почему же не раскололся?

— Решил тебя подурачить, осел ты этакий.

— Подурачить меня?

— Да. Мне показалось, что ты расстроишься, если увидишь, что не удалось меня провести.

— Черт! — в сердцах выдохнул Бисквит.

— А зачем ты все это затеял?

— Берри, — дрогнувшим голосом сказал Бисквит, — ты, надеюсь, знаешь, что Ферраро и прочие в «Беркли» знают меня как облупленного?

— Ну да.

— Именно это побудило меня искать нетривиальный выход.

Он немного помолчал, формулируя в уме избранный им способ действия.

— С помощью бороды я думал провести своих кредиторов, — пояснил он наконец, — Они сели мне на хвост, и пришлось изменить внешность до полной неузнаваемости, чтобы безопасно передвигаться по Лондону. Но ты, говоришь, сразу меня раскусил?

— С первого взгляда.

— Значит, все идет к тому, — разочарованно протянул лорд Бискертон, — что мне придется покинуть метрополию. Иначе я рискую тем, что меня потянут в суд и просветят рентгеном мои финансы. Надо залечь на дно где-нибудь в провинции. Может, в Бексхилле. Или в Саутэнде. Но Бог мой! Как же я объясню?

— Что именно?

— Черт побери, мне надо как-то объяснить внезапное исчезновение. Я только что обручился. Моя невеста немного удивится, если я смоюсь с горизонта, не говоря ни слова, как ты думаешь?

— Я про это и не слыхал, — ответил Берри.

— Да я и сам только что об этом вспомнил, — чистосердечно признался Бисквит. — Может, черкнуть ей, что сломал ногу и прикован к постели? Нет, не годится. Она явится с цветами и фруктами меня навестить. Наверняка. Фу, глупость какая. Черт, как же выпутаться-то, а?

— Я знаю, — сказал Берри. — Свинка.

— Что?

— Скажи, что подхватил свинку. Она к тебе на милю не подойдет.

Бисквит дрожащей рукой хлопнул друга по плечу.

— Гений, — просто сказал он. — Настоящий гений. Наверное, унаследовал гениальность по мужской линии от прадедушки. Ты решил проблему, старина. Осталось только придумать, куда мне двигать. Куда-то надо. Продам какие-нибудь безделушки, выручу немного деньжат на экстренные расходы и уйду в ночь… Вот только куда? Куда-нибудь в дебри. Не в Брайтон же ехать. Дайке, Дайке и Пинвид наверняка проводят воскресенье в Брайтоне. В Бексхилл? Не знаю. Хоус и Доус скорее всего именно там купили себе бунгало. В конце концов получается, что безопаснее всего ехать в Уиган.

Хроника этого летнего дня достоверно выявила, что интеллект Берри Конвея достиг зенита. Как только мистер Фрисби выпустил его из конторы на волю, умственные способности Берри получили отменный стимул. Этому же фактору он был обязан и энтузиазмом, который овладел им сейчас.

— Бисквит, — сказал он, — вот что я сейчас подумал. Парень, который живет со мной по соседству, неожиданно должен ехать в Манчестер…

— У него тоже неприятности с кредиторами? — сочувственно осведомился лорд Бискертон.

— Он хочет сдать свой дом. С мебелью. Можно прямо сейчас въезжать. Я могу вечером с ним поговорить, если пожелаешь. Может, он уже уехал, правда. Но я могу связаться с его агентом. Идеальный вариант. В Малберри-гроув тебя никто не сыщет. Можешь залечь там до донца дней. Будем соседями.

— Будем вечерами лазить друг к другу через забор? — радостно воскликнул Бисквит.

— Вот именно.

— Сплетничать о соседях! Одалживать косилку!

— Точно.

— Берри, старина, — сказал лорд Бискертон, — это то, что надо. Твой прадед был просто кладезь ума. Его, наверное, на площади показывали. Народ ездил поездами на него смотреть. Улаживай детали и пришли мне весточку домой. И будь добр, не затягивай с этим делом, потому что я уже чую за спиной горячее дыхание Дайкса, Дайкса и Пинвида. Буду наслаждаться загородной жизнью. Отдохну хорошенько.

— Сегодня же все улажу.

— Господь тебя благослови! Ты настоящий друг, если только они бывают на свете, — сказал Бисквит. — Может, мне лучше пойти к несчастной невесте и сказать, что я еду на бал-маскарад, пикник или что-нибудь в этом роде. Она, бедняжка, расстроится, но я же не навеки исчезаю, рано или поздно все уладится. А как, кстати, ты сюда добрался?

— На машине.

— Своей?

— Нет.

— Взял напрокат? Тогда мне лучше подождать здесь, пока ты не отъедешь на порядочное расстояние. Береженого Бог бережет. Я раз-другой арендовал машины в разных гаражах, и может статься, что твой шофер меня знает. Ты меня извинишь, если я не провожу тебя?

— Извиню.

— Как называется резиденция, в которой я поселюсь?

— «Мирная заводь».

— Мирная заводь! — повторил Бисквит— Один звук этих слов действует на меня, как бальзам. Кстати, что касается звучности, боюсь, старина, мы должны будем распрощаться со звонким титулом сира де Бискертона, если не возражаешь. Скажи этому славному соседу, что некий Смит желает снять квартиру с ванной. Смит из Смитфилда. Вот так. А теперь надо пойти успокоить крошку. Когда я покидал ее, бедного агнца, она храпела как паровоз, и дым шел у нее из ноздрей.

7

Берри, довольно улыбаясь, вышел из «Веселых пахарей». Итак, разработан замечательный план. Он скажет девушке, что подозреваемый бесследно исчез, и вообще выяснилось, что он не Нюхач. А потом они вместе поедут в Фейриленд и будут болтать о всяких приятных вещах, как и подобает в такой чудный денек.

Да, программа что надо. Просто восхитительная программа.

Но программы имеют дурное обыкновение меняться без всякого предупреждения. Как будто его внезапно настигло тяжкое известие, улыбку мгновенно смыло с лица Берри, и он неловко оглянулся вокруг.

Автомобиль с девушкой исчез.

ГЛАВА V

Прибытие лорда Бискертона за город, где он предполагал найти временное пристанище, ни в малейшей степени не отличалось ничем выдающимся или значительным и отнюдь не напоминало въезд короля во владения вассала. Лорд с самого начала вел себя как человек, менее всего желающий привлечь к себе внимание. Ревнитель языковой точности назвал бы его поведение вороватым.

После раннего ленча у себя в клубе он прокрался на крыльцо, зорко оглядел улицу, надвинул на глаза шляпу и, прыгнув в проезжавшее мимо такси, поехал на вокзал Виктория, где сел в поезд, отправлявшийся в 1.59. Только когда поезд отошел от перрона, он позволил себе расслабиться. Если только Дайке, Дайке и Пинвид не успели спрятаться под сиденье, можно почувствовать себя в безопасности.

Местность, называемая Вэлли Филдс, вскоре открывшись его взору, приятно его удивила. Горожанин до мозга костей, Бисквит всегда думал о территории Сёррея — когда он вообще давал себе труд о ней думать — как о краях угрюмых и безотрадных, куда не ступала нога человека и где не звучало слово Божье. Пейзаж Вэлли Филдс, залитый солнцем и живописный, показался ему необычайно веселым. Тенистые сады и густая листва деревьев придавали ему настоящий деревенский вид, и даже странно было думать, что Берри Конвей почему-то невзлюбил это место.

Станция выглядела как самая типичная загородная станция. Крутые, заросшие травой насыпи были засажены капустой, свеклой и даже розами. Не говоря уже о четырех видах петрушки. Бисквит пришел к выводу, что Берри просто ничего не понимает в жизни. Ибо, насколько можно было заключить из беглой инспекции, Вэлли Филдс — того рода край, куда американский поэт вечно мечтал возвратиться. Ключи от нового владения Бисквит забирал в агентстве Мэттерса и Корнелиуса.

Мистер Корнелиус встретил его по-отечески. Это был джентльмен в годах, похожий на друидского жреца, с длинной белой бородой, которую Бисквит, понаторевший в бородах, разглядывал с уважительной завистью. Исполненный патриотизма относительно всего, касающегося Вэлли Филдс, мистер Корнелиус с одобрением встречал каждого, кто намеревался тут поселиться.

— Лучше и желать не приходится, — уверил он Бисквита. — Дом — игрушка, тонущая в тенистой зелени. В высшей степени удачно

расположенное, современное строение, оснащенное всеми новейшими удобствами и пребывающее в полном порядке.

— Компания отвечает за поставку воды?

— Разумеется.

— И за прочие удобства?

— Обязательно.

— А что представляет собой усадьба?

— «Мирная заводь», — прокомментировал мистер Корнелиус, — представляет собой парковую зону, простирающуюся к северу на одну восьмую акра.

— А если потеряешься, — заинтересовался Бисквит, — наверное, сенбернаров посылают на поиски?

Он проследовал к месту назначения и без приключений достиг Малберри-гроув. Его удовлетворение углубилось, потому что прямо за углом глаза его уперлись в восхитительный паб. Он зашел и продегустировал пиво. Оно оказалось превосходным. Каждый исследователь скажет вам, что самое важное в незнакомой местности — расположение пивной точки. Таким образом Бисквит, довольный, что эта проблема нашла благополучное разрешение, вышел из паба твердым, уверенным шагом, и через минуту перед ним открылся Малберри-гроув во всей своей красе.

В письме, адресованном в газету «Саут Ландон Аргус», вскрывающем недостатки в деятельности местных отделений газовой, электрической и водопроводной компаний, майор Флад-Смит из «Лесного Замка» назвал Малберри-гроув райским. Он отдал письмо горничной, но она забыла его отправить и, найдя через три недели в ящике стола, сожгла. Так что редактор газеты не сумел с ним ознакомиться и не напечатал — что противоречило принципам, которые «Аргус» исповедовал, но надо признать, что в описании Малберри-гроув майор был глубоко прав.

Малберри-гроув был крохотным тупичком, засаженным сиренью, миндалем, терновником, рябиной и золотым дождем. Домов здесь было всего два — Замок (на отшибе) и строение тех же пропорций на той же стороне, которое несколько лет назад было преобразовано в две отдельные резиденции. Другая сторона улочки была залита водой, по которой плыли два лебедя, слева направо — Эгберт и Перси. Впечатление полной деревенской идиллии дополнялось тем, что сады, окружавшие дома, плавно переходили в зеленые лужайки вэллифилдского лаун-теннисного клуба. Словом, местечко источало патриархальную прелесть, и, если вновь процитировать майора Флад-Смита, невозможно представить, что отсюда

было всего семь миль до угла Гайд-парка, а если по прямой, то и все пять.

Ничто не нарушало мирной тишины Малберри-гроув. Сюда не ступала нога полисмена. Мальчишки-рассыльные, въезжая сюда на велосипедах, приглушали звонки. И даже бездомные собаки, забредая сюда с желанием полаять на лебедей, издавали только невнятное кряхтенье и почтительно ретировались.

Бисквиту здесь чрезвычайно нравилось.

— Полный порядок, — сказал он себе.

И, сделав паузу, чтобы запустить банановой шкуркой в лебедя Перси, который, вытянув шею, издавал звук паровоза, выпускающего пар, Бисквит прошествовал далее и подошел к калитке, на которой белела выцветшая надпись из двух слов:

«МИРНАЯ ЗАВОДЬ»

Заводь эта оказалась двухэтажным зданием в стиле загородной неоготики, сложенным из кирпича, выкрашенного ядовитой желтой краской, которая начала тускнеть. Как и многие другие дома в Вэлли Филдс, оно демонстрировало, на что способен местный архитектор Монтгомери Перкинс, если постарается. Несомненно, именно ему принадлежала идея разместить на парадной лестнице двух оштукатуренных сфинксов.

Там, где мистеру Перкинсу помогала матушка-природа, результат был еще более ошеломляющим. Одна половина дома была оплетена плющом, а вдоль забора тянулся вьюнок. Там и сям росли внушительные кусты благородного лавра, а короткая тропинка, ведущая к дому, которую мистер Корнелиус величал подъездной аллеей, была обсажена цветами.

Справа, затененная рябиной, виднелась решетчатая Дверь, очевидно, ведущая на задний двор. И Бисквит, с присущим естествоиспытателю любопытством, немедленно направился прямо к ней.

Пройдя в дверь, он задержался, не то чтобы заколдованный, но крепко озадаченный. Перед ним, вгрызаясь в землю лопатой величиной с нее самое, возникла девушка.

Ничто в словах мистера Корнелиуса не подготовило Бисквита к встрече на территории своего парка с девушками.

— Привет, — сказал он.

Землекопша прекратила копать, взглянула на него и выпрямилась.

— Привет, — отозвалась она.

Мужчина, который, подобно лорду Бискертону, только что обручился,

конечно, не имеет права оценивающе засматриваться на незнакомых девушек. Но именно на этом поймал себя Бисквит. Тот факт, что Энн Мун приняла его руку, не повлиял на остроту его зрения, и он не смог не заметить, что девушка исключительно привлекательна. Ее голубые глаза смотрели прямо ему в лицо, и Бисквит почувствовал, что ему хочется, чтобы это длилось без конца.

Что-то — возможно, то, что она была блондинкой, а он джентльменом — неудержимо влекло его к нарушительнице границы.

— Вы входите в комплект? То есть я хочу спросить, вы тут живете?

— Вы мистер Смит?

— Да, — ответил Бисквит.

— Рада познакомиться, — сказала девушка.

Ее голос прозвучал с той приятной интонацией, которая смутно напоминала манеру речи его нареченной.

— Вы американка, да? — спросил Бисквит.

Она кивнула, и копна золотых волос затанцевала вокруг ее головки.

«Очень мило», — довольно неуместно отметил про себя Бисквит. Одновременно она произнесла некий звук, отдаленно похожий на «да», прозвучавший очень музыкально.

— Я недавно приехала из Америки, — добавила она.

В этот момент Бисквит наконец-то мог бы ответить без угрызений совести и вполне искренне. «А, — сказал бы он беспечно, — какое совпадение! Моя невеста — тоже американка».

Но вместо этого он сказал:

— О! И какими судьбами?

— Я приехала в гости к дяде, — сказала девушка. — Вот сюда—И кивком золотой головки она указала в сторону соседнего дома. — Перелезла через забор. Ваш сад в ужасном состоянии. За ним несколько недель никто не ухаживал. Я просто видеть не могу запущенный сад. А сейчас пыталась привести его в порядок.

— Ужасно мило с вашей стороны, — сказал Бисквит. — Так поступают настоящие девушки. Рад, что вы любите садовничать. Это одно из моих любимейших занятий. Можем вместе поработать граблями и лопатой.

— Вы только въехали?

— Да. Вещи привезли позавчера. Надеюсь, старина Берри проследил, чтобы все было как следует. Он обещал.

— Берри?

— Берри Конвей, из Уголка. Мой сосед.

— Я не знакома с мистером Конвеем.

— Зато вы познакомились со мной, — сказал Бисквит. — Разве этого удовольствия недостаточно для девушки величиной с пол-орешка?

Он прикусил язык, сообразив, что дал ему многовато воли. Новообрученный молодой человек, беседующий с голубоглазой блондинкой, должен быть более сдержан.

— Чудесный день, — значительно произнес он.

— Замечательный.

— Вы здесь надолго?

— Очень вероятно.

— Прелестно! — сказал Бисквит. — А имечко?

— Какое имечко?

— Ваше, конечно, тугодум вы этакий. Чье же еще?

— Вэлентайн.

— А для неформального общения?

— Кичи.

— Насморк схватили?

— Я назвала свое имя. Кичи. Взгляд Бисквита стал суровым.

— Мое открытое лицо и честный взор не должны вводить вас в заблуждение; не думайте, что можете так легко меня Дурачить, — заявил он. — Позвольте вам заметить, что я очень умный и могу отличить имя от чиха. Девушка не может так зваться.

— Тем не менее это сокращенное от Кэтрин. А вас как зовут?

— Годфри. Сокращенное от Уильям.

— Ну что ж, — сказала девушка, которая во все время разговора неотрывно изучала его верхнюю губу. — Позвольте и мне кое-что вам сказать. Надо что-то сделать с вашими усами — либо отрастить, либо сбрить. А то вы похожи на Чарли Чаплина. Простите за переход на личности.

— Отвечаю в обратном порядке. Не стесняйтесь переходить наличности. Кому и беседовать по душам, как не таким старинным приятелям вроде нас? Во-вторых, я должен заметить, что не вижу ничего предосудительного в том, чтобы быть похожим на Чарли Чаплина, человека многих достоинств, которого я глубоко уважаю. В-третьих, я нахожусь в процессе отращивания усов — до умеренной длины, в определенных границах. А теперь, когда мы объяснились по всем пунктам, скажите: как вам нравится в Англии? Рады, что приехали?

— Очень нравится. Но скучаю по дому.

— Вот как? А где ваш дом?

— Около Нью-Йорка. Городок называется Крепкая Шея.

— И вы скучаете по нему?

— Конечно.

— Почему конечно? — продолжал допытываться Бисквит. — Какая вы все же необычная девушка. Ведете увлекательную беседу с одним из лучших умов Вэлли Филдс, причем этот лучший ум облечен в новый костюм, сшитый самым модным лондонским портным, и говорите, что скучаете по какой-то Крепкой Шее! Невероятно! Что там такого неотразимо влекущего?

— Там Мер, — ответила девушка.

— Mere?[17] Ваша матушка, хотите сказать?

— Да нет, я сказала — Мер. Мервин Флок. Человек, с которым я обручена. Папа ужасно огорчился, потому что Мер — актер, и отослал меня подальше от него, в Англию. Поняли теперь?

Бисквит понял. И, как ни странно, это ему не понравилось. Для обрученного мужчины новость о том, что золотоволосая голубоглазая девушка, с которой он только что познакомился, оказывается, тоже обручена, должна быть приятной. Она должна наводить на мысль, что они оба принадлежат к некоему великому сообществу. Он должен чувствовать себя как любящий брат, которому принесли благую весть о сестре. Ничего подобного не чувствовал лорд Бискертон. Несмотря на сердечное обожание, которым он был преисполнен по отношению к своей суженой, информация о помолвке стоявшей перед ним девушки вызвала у него неприятные ощущения.

— Мервин Флок! — повторил он сквозь зубы.

— Слышали бы вы, как Мер играет на гавайской гитаре!

— Я не желаю слушать, как Мер играет на гавайской гитаре! — с жаром отозвался лорд Бискертон. — Я не стал бы этого слушать даже за деньги. Мервин! Ха!

— Вот именно — Мервин, — с ответной теплотой произнесла мисс Вэлентайн. — Это имя звучит гораздо лучше, чем Годфри.

Бисквита неприятно поразило, что разговор начинает приобретать недружелюбный оттенок.

— Извините, — сказал он. — Давайте не будем ссориться. И Боге ними, нашими половинами. Переменим тему. Каковы ваши впечатления от английской жизни? Каково вам в «Лесном Замке»? Весело? Празднично?

— Не слишком. Я ожидала, что попаду в местечко пообширнее. Когда мне сказали, что у меня есть дядя, который живет в доме с таким названием — Кастлвуд, я решила, что это дворец.

— А что? В усадьбе есть летний домик и ванная. Чего вам еще? Уж если вы недовольны, что говорить обо мне? Где тот прием, который должен быть мне оказан? Где толпы пейзан?

— Каких пейзан?

— Я всегда думал, что в таких случаях на сцену является хор пейзан, чтобы приветствовать нового эсквайра танцами и пением. Но мне пришлось быстро убедиться, что я утратил все права владетельного сеньора. Легко, думаете?

— А зачем вам они?

— К примеру, по дороге сюда я заметил нечто вроде озера. Могу ли я ловить в нем рыбу? А лебеди, которые там плавают, мои или нет? Если да, я возьму лук и выпущу в них все свои стрелы. Без разговоров.

Девушка пристально смотрела на него.

— Знаете, — сказала она, — когда вы быстро говорите, вы очень напоминаете Мера. Он нос так же морщит.

На языке лорда Бискертона уже вертелось нечто такое ядовитое, что начавшая вызревать между ним и девушкой дружба завяла бы на корню, как росток крокуса от удара молнии. Но в эту секунду краем глаза он углядел, что в Замке творится что-то странное.

— Слушайте-ка, — сказал он, обращая внимание собеседницы к этому явлению, — там в окне какой-то жуткий типус в очках пялится на нас и машет руками.

— Это мой дядя.

— Прошу прощения.

— Не за что, — мило ответила девушка.

Бисквит с интересом наблюдал за живым семафором.

— А что это он делает? Шведскую гимнастику?

— Он, наверное, хочет, чтобы я шла домой. Я вспомнила, что, когда сказала ему о своем намерении пойти в ваш сад, он ответил, что мне не следует этого делать, пока он не свяжется с вами и не определит, что вы за человек. Так что мне лучше идти.

— А я как раз собирался пригласить вас в дом, чтобы вы его осмотрели. Там наверняка многое взывает к женскому участию.

— Как-нибудь в другой раз. Мне еще письма надо написать. Я прочла в газете, что девушка, с которой я познакомилась на пароходе, обручилась. Нужно поздравить.

— Обручилась! — угрюмо повторил Бисквит. — Сдается мне, весь мир заразился этой бациллой.

— И вы в том числе?

— Я! — взвился Бисквит. — Слушайте, вам лучше поторопиться. Дядюшка сейчас из окошка вывалится.

Он немного постоял, восхищенно наблюдая, с какой удивительной грацией его маленькая подружка перемахнула через забор. Потом в глубокой задумчивости проделал путь до дверей дома, чтобы убедиться в том, в какую дыру угодил он благодаря судьбе и кредиторам.

*****

В тот же вечер, за дружеским перекуром с соседом Джоном Бересфордом Конвеем, лорд Бискертон, к удивлению друга, с глубоким одобрением, моментами вырастающим до экстаза, заговорил о привычках Верховного Мормона.

Верховный Мормон, сказал Бисквит, гениально устроил свою жизнь. Это самая замечательная жизнь на свете. Он заметил также, что, по его мнению, бигамию, нормальный результат творческих сил природы, ни в коем случае не нужно наказывать.

— И еще, старина, я не понимаю, что ты имеешь против Вэлли Филдс, — сказал он. — Нет места, которое понравилось бы мне больше. Это же эдемский сад. Можешь передать мое мнение в печать, я не стану отказываться.

После этого лорд Бискертон впал в долгое задумчивое молчание, из которого очнулся, чтобы произнести одно-единственное слово.

И слово это было «Мервин!».

ГЛАВА VI

1

Трудно было ожидать, что исчезновение лорда Бискертона с привычного горизонта останется незамеченным и не будет оплакано обитателями мирка, который этот горизонт окружает. Хоус и Доус глубоко чувствовали утрату. Так же, как Дайке, Дайке и Пинвид и прочие кредиторы. Они или их представители ежедневно навещали опустевшее гнездо затем лишь, чтобы в очередной раз услышать из уст Веннера, доверенного лакея Бисквита, что его милость покинула город и не представляется возможным сказать, когда вернется. После чего визитеры, понурясь, отправлялись восвояси, унося в своих сердцах скорбь, о которой поэт сказал, что нет печальнее трагедии, чем исчезновение родного лица.

Еще одной персоной, расстроенной побегом этого молодого человека, был граф Ходдесдон. Он пришел обсудить пропажу с сестрой.

— Э-э, Вера…

Леди Вера Мейс предостерегающе подняла изящную ручку.

— Нет, Джордж, — сказала она, — больше ни пенни! Аристократическая выдержка лорда Ходдесдона дала сбой под давлением понятного раздражения.

— Что ты размахалась, как постовой на перекрестке? — хлестко сказал он. — Ты не регулировщик.

— Но и не кредитор.

— Я пришел не деньги одалживать, — нервно вскричал лорд. — Я пришел обсудить безрассудство Годфри.

— Годфри очень некстати подхватил свинку, — сказала леди Вера, которая была женщиной трезвомыслящей, — но я не вижу…

Лорд Ходдесдон скрипнул зубами. В детские годы он нашел бы выход своим эмоциям, стукнув сестрицу по затылку или дернув за косичку. Лишенный этого средства самоуспокоения императивом noblesse oblige[18] и тем фактом, что хорошо причесанная дама не носит косичек, он пнул стул. Ножка сломалась, и лорд почувствовал облегчение.

— Оставь ты этот проклятый стул, — сказал он в ответ на горестный жест леди Веры над обломками. — Есть вещи поважнее стульев. Я был у Годфри дома и выведал правду у Веннера. Никакой свинки у мальчика нет.

Он переехал за город.

— Переехал за город?

— За город. Поселился там под фамилией Смит. В «Мирной заводи», Малберри-гроув, Вэлли Филдс. Так сказал Веннер. Он направляет туда корреспонденцию.

Леди Вера забыла про стул.

— Он с ума сошел! — вскричала она.

— Нет, — вынужден был признать лорд Ходдесдон. — Он скрывается от судебного преследования, у него на хвосте тысяча кредиторов. В свете этого факта его поведение вполне разумно. Во всяком случае, это умнее, чем болтаться по Лондону с приклеенной бородой. Безумно то, что он сообщил своей невесте, будто заболел свинкой.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Напряги интеллект, черт подери. Она приняла его предложение под влиянием момента, из каприза, поэтому нельзя было давать ей времени опомниться. А он заявляет, что свинку подхватил! Свинку! Нашел, что соврать. Сколько, по-твоему, девушка может хранить в памяти образ влюбленного рыцаря, ежели у нее перед глазами встает картина жуткой образины, раздутой, как футбольный мяч, да еще обложенной компрессами! Не удивлюсь, если ее чувства уже пошли на убыль.

— Джордж!

— С ума сойти можно. Подумать только, сколько у него было вариантов на выбор! У меня прямо кровь закипает. Проконсультируйся он со мной, я бы подсказал ему сотню версий. Он мог бы сказать, что собирается пройти в парламент и потому должен пожить за городом, чтобы заручиться поддержкой электората. Поди проверь. Или можно было бы придумать родственника, умирающего в Ирландии, Ментоне или на Мадейре. Так нет! Он идет и говорит, что его разнесло и он залег в постель. Не удивлюсь, если девушка уже переменила решение. Ты с ней встречаешься каждый день. Как она? Задумчива? Ты видела ее в мрачном настроении? В размышлениях? Она похожа на девушку, которая погрузилась в свои мысли и пришла к выводу, что совершила тяжкую ошибку?

Леди Вера передернулась

— Что за странные вещи ты говоришь, Джордж!

— Ничего странного, — возразил лорд Ходдесдон. — Я говорю как проницательный человек, который умеет смотреть вперед. Что ты тут видишь странного?

— Она и раньше бывала задумчивой. Очень даже.

— Господи!

— Да, я часто это замечала. Несколько раз, когда мы мирно обедали дома, я замечала, как по ее лицу пробегала тень задумчивости. Точно такое выражение бывает в глазках у моего дорогого Шам-Пу, когда он слышит звяканье кофейных чашек. Он так любит сахарок, который подают к кофе, лапочка моя.

— Избавь меня от твоего Шам-Пу, — нетерпеливо прервал ее лорд Ходдесдон, который не принадлежал к числу обожателей пекинеса своей сестры. — Если у тебя есть что сказать про Шам-Пу, поделись с ветеринаром. А пока сделай милость, сосредоточься на Энн Мун.

— Я просто сказала, что у нее было точь-в-точь такое выражение лица, как у Шам-Пу, когда он думает про сахарок. Словно она лелеет сладкую мечту.

— Ну ладно, черт подери. То есть, если она только и делает, что лелеет сладкие мечты…

Леди Вера разрушила зарождавшуюся у брата надежду. Лицо ее было очень серьезным.

— Рассуди сам, Джордж. Стала бы девушка, думающая о Годфри, выглядеть так, словно лелеет сладостную мечту?

— Господи, конечно, нет. Это правда. То есть! — вскричал лорд Ходдесдон, задрожав всем телом, когда страшный смысл этих слов дошел до него. — Не хочешь ли ты сказать?..

Леди Вера печально кивнула.

— Вот именно. Я боюсь, что Энн познакомилась с кем-то еще.

— Не говори таких ужасных вещей, Вера!

— Я в самом деле считаю, что это случилось. У меня сложилось впечатление, что она что-то обдумывает. А что ей обдумывать, кроме того, что она ошиблась, приняв предложение Годфри и ей следует разорвать помолвку, освободиться и выйти замуж за другого.

Лорд Ходдесдон стоически сопротивлялся сонму страхов, овладевавших им.

— Только не говори про «другого», как будто он действительно существует. Ты же не знаешь наверное. Это только догадка.

— Женская интуиция мне подсказывает, Джордж. Кроме того…

— Кто бы это мог быть? Где она с ним встретилась? Я знаю, что она ходит на ленчи и обеды, на танцы каждый день и встречает тысячи молодых людей, но они все как капля воды похожи на Годфри. Я даже их не различаю. И никто не различает. Они все выглядят одинаково, и думают одинаково, и говорят одинаково. Нельзя и помыслить предполагать, что

кто-то из них вдруг ее чем-то очаровал. Если бы она пошла на турнир и воспылала страстью к победителю, какому-нибудь жеребцу с накачанными мускулами, это я бы смог понять. Но чего ради менять одного Бискертона на другого? Когда я давеча говорил, что она может разорвать помолвку, я вовсе не имел в виду, что она планирует брак с другим. Я просто опасаюсь, что она даст Годфри отставку и отчалит в Америку.

— Позволь мне сказать одну любопытную вещь, Джордж. Помнишь тот день, когда ты возил Энн на ленч в ресторан «Беркли»?

— Ну и что?

— В тот вечер я случайно встретила леди Венейблс, и она спросила меня, кто тот молодой человек, с которым Энн ехала по Пиккадилли. Она сказала, что ей он незнаком, а она всех знает в Лондоне.

— Что?

— Очень симпатичный мужчина, сказала она, с мужественным, открытым лицом. Она уверена, что никогда раньше его не видела. А леди Венейблс дает столько вечеров, чтобы выдать замуж бедняжку Харриет, что не осталось ни единого холостяка, которого она не видела хотя бы мельком. Так что мужчина, с которым видели Энн, в самом деле никому не известен, и он может быть кем угодно, хоть твоим жеребцом-победителем, например.

Лорд Ходдесдон мерил шагами гостиную. Внезапно он сел.

— У меня мурашки по спине забегали, Вера!

— Извини. Я просто делюсь мыслями.

— А Годфри якобы валяется в постели со свинкой! Что же делать?

— Прежде всего надо повидаться с Годфри и объяснить ему, какому риску он подвергает свою помолвку. Я считаю, кредиторы не кредиторы, а ему следует немедленно вернуться в город.

— Как же он вернется? Энн думает, что он прикован к постели.

— Он мог бы сказать, что доктор поставил неправильный диагноз. Свинку на первых порах легко спутать с массой других болезней. Может, это флюс, к примеру.

— Воспаление лицевых мышц, — вдохновенно подхватил лорд Ходдесдон.

— Тоже хорошо.

— А как же быть с этими ребятами, которые хотят притянуть его к суду?

— Это можно уладить. Кстати, теперь, когда они знают, что он обручился с дочкой миллионера…

— Да-да.

— Во всяком случае, ему надо, не откладывая, связаться с Энн. Пусть хотя бы напишет ей. Надо надеяться, если она будет получать от него письма, это поможет. Я думаю, ему лучше всего поехать в Париж, а потом и она могла бы туда отправиться.

— А деньги где взять?

— Я улажу.

— Ты? — с надеждой спросил лорд Ходдесдон. — Ну, раз так…

— Но, — твердо сказала леди Вера, — я сказала, что достану денег, чтобы послать Годфри в Париж. Субсидировать тебя, Джордж, я отказываюсь.

— Мне всего-то и надо двадцать фунтов.

— Покидая этот дом, ты будешь по-прежнему в них нуждаться.

— Это так мало, — жалобно проговорил лорд Ходдесдон, — двадцать фунтов.

— Это ровно на двадцать фунтов больше, чем ты можешь получить от меня, — непреклонно ответила сестра.

— Ладно, — сказал брат. — Ладно. За спрос денег не берут, так ведь? Что плохого в том, чтобы попросить взаймы у родной сестры?

— Ничего плохого, Джордж. Всегда рада тебя выслушать, — сказала леди Вера. — Не стесняйся, проси. В любое время, как только тебе понадобятся деньги, можешь адресоваться ко мне. Но ты их, разумеется, не получишь.

Лорд Ходдесдон подергал себя за усы.

— Итак, возвращаясь к нашим баранам, я, по-твоему, должен поехать к Годфри?

— Полагаю, это сейчас главное. Энн очень импульсивная девушка, как бы нам не опоздать.

— Не говори так, Вера, — раздраженно сказал лорд Ходдесдон. — Я вижу, тебе доставляет удовольствие ковыряться в открытой ране. Ну ладно. Придется ехать за город. Или письмо написать?

— Нет. Ты очень скверно выражаешь свои мысли на бумаге. Он не поймет, как все серьезно. Немедленно отправляйся в Вэлли Филдс и встреться с ним лично.

— А деньги на такси?

— Какое такси? — спросила леди Вера.

Она отыскала железнодорожное расписание и стала проворно перелистывать странички. Лорд Ходдесдон наблюдал за ее действиями с растущим неудовольствием. У него было свое, старомодно-непоколебимое представление о том, как должна вести себя сестра по отношению к брату,

и леди Вера им не соответствовала. На секунду он предался волшебной мечте, в которой фигурировала сказочная сестра, обладавшая такими достоинствами, как крупный банковский счет, чековая книжка и глубокая привязанность к брату, — и тут же был выведен из этого приятного состояния металлическим звуком ее голоса.

— «Регулярные поезда с вокзала Виктория», — зачитала она. — Так что не задерживайся. И, пожалуйста, ничего не перепутай. Билет первого класса стоит один фунт и пенни.

— С чего это ты так расщедрилась? — с горечью спросил лорд Ходдесдон. — Почему бы тебе не отправить меня третьим?

— Ни в чем себе не отказывай, Джордж, — в тон ему ответила леди Вера. — За билет ты заплатишь сам.

2

Красоты Вэлли Филдс, с первого взгляда пленившие его сына и наследника, произвели на шестого графа Ходдесдона гораздо меньшее впечатление. Мировоззрение лорда, с самого начала экспедиции принявшее мрачновато-желчный оттенок, ничуть не изменилось, когда он достиг места назначения. Сойдя с поезда, он сразу невзлюбил Вэлли Филдс. Узнав у носильщика на перроне дорогу к Малберри-гроув, лорд Ходдесдон направился туда, полный черных мыслей.

Берри Конвей, находясь в самой лучшей форме, мог одолеть расстояние от Малберри-гроув до станции Вэлли Филдс примерно за восемьдесят три секунды. Лорд Ходдесдон, не такой быстрый ходок, покрыл указанное расстояние за более длительное время. Но так или иначе, делая частые остановки, чтобы, сняв котелок, вытереть платком пот со лба, потому что день выдался жарковатый, лорд Ходдесдон в конце концов достиг Бенджафидд-роуд, на углу которой расположился паб, произведший столь благоприятное впечатление на лорда Бискертона в день его прибытия. Случилось так, что в этом самом месте его отец начисто забыл инструкции, полученные на станции, и понял, что заблудился.

На самом деле от угла, где стоял сейчас лорд Ходдесдон, До «Заводи» было рукой подать. Не догадываясь об этом, он озирался, ища взглядом, у кого бы спросить дорогу, и взгляд его упал на человека в кепи, подпиравшего могучим плечом стену паба. Незнакомец задумчиво посасывал пустую трубку и рассматривал приближавшегося к нему лорда Ходдесдона с явной неприязнью. По-видимому, неприязнь вызвал серый

котелок как знак классового превосходства.

Самое сложное в жизни большого города — система правил, регулирующих выбор подобающего головного убора для каждого случая. На Бонд-стрит или Пиккадилли котелок — это шик, это комильфо, это последний крик. В Вэлли Филдс, всего лишь в нескольких милях от центра Лондона, это — атрибут чужака, можно даже сказать, неприятеля. Королевская свита на скачках в Аскоте могла бы восхититься шляпой лорда Ходдесдона. Человек в матерчатом кепи видел в ней почти что личный вызов. Как будто этот серый котелок унижал его мужское достоинство.

Таким образом, между лордом Ходдесдоном и человеком в кепи с самого начала установились отношения, которые трудно было назвать взаимной симпатией.

— Мне надо пройти на Малберри-гроув, — заявил лорд Ходдесдон.

Незнакомец, не переменив позы, скосил на него горящий глаз. Молча посмотрел. Потом коротко кивнул.

— Это недалеко, — наконец сказал он.

Лорд Ходдесдон попытался уточнить информацию.

— Не могли бы вы показать мне дорогу к Малберри-гроув? Глаз вторично совершил круговращение в орбите. Он ощупал лорда Ходдесдона с головы до пят и с ног до головы. Достигнув головы, глаз остановился.

— Что это у тебя за штуковина на голове? — холодно спросил незнакомец. — Чудная какая-то штуковина.

Лорд Ходдесдон не был расположен к дискуссии о шляпах. Несмотря на светившее солнышко, мир по-прежнему казался ему мрачным. С тех пор, как он вышел за порог дома леди Веры, его не покидало беспокойство.

— Какое вам дело до моей шляпы! — отчужденно ответил он.

Но незнакомца эта тема, видимо, сильно занимала. Он прямо зациклился на ней.

— Вы, клерки из Сити, чтой-то последнее время совсем зарвались, — неодобрительно сказал он. — Тошнит от вас. Вот в Москве такого не увидишь. И в Ленинграде тоже. Буржуи, вот вы кто с вашими шляпами-котелками. Знаешь, что бы с тобой в Москве сделали? Кто-нибудь — может, даже Стейлин — подошел бы к тебе и спросил: «А чой-то ты, буржуй, разгулялся тут в своей шляпе?» — и как…

Лорд Ходдесдон, не дослушав, поспешил прочь. Вероятно, он лишил себя ценной информации насчет московских обычаев, зато освободился от общества человека, которого не смог бы назвать своим другом. Напротив паба сидел на корточках и полоскал руки в канаве мальчишка, к которому

он и обратился с вопросом.

— Как пройти к Малберри-гроув, дружок? — спросил лорд Ходдесдон довольно приветливо для человека, у которого в груди бушевала ярость, а давление подскочило выше нормы. — Буду весьма обязан, если подскажешь.

На этот раз вежливость нашла отклик. Дружок перестал полоскать пальцы в воде и ткнул в нужную сторону.

— Ступайте туда, сэр, и первый проулок налево, — учтиво ответил он.

— Спасибо, — сказал лорд Ходдесдон. — Спасибо. Спасибо.

Он двинулся в указанном направлении, бросив на человека в кепи выразительный взгляд. Что было в этом взгляде, сказать трудно, но лорд Ходдесдон пытался передать в нем свою надежду на то, что кепчатый стал свидетелем сцены между лордом и мальчиком и на него произвело должное впечатление поведение гораздо младшего по возрасту, но неизмеримо более воспитанного земляка, явившего пример достойного поведения. В мозгу лорда даже мелькнула неясная мысль вернуться и наградить дружка пенсом, но она тут же была вытеснена более разумными и деловыми соображениями. Однако он уже почти решил обернуться и послать дружку улыбку, но в этот момент что-то ударило его между лопатками. Это был удар так удар. Потому что, обернувшись, он увидел, как по дороге во всю прыть удирает тот самый дружок.

Лорд Ходдесдон опешил. Произошедшее казалось ему невероятным. Знай он наперед, что вежливый малец и человек в кепи были сыном и отцом, он подивился бы тому, что ненависть к котелкам, сжигавшая отца, перешла к сыну. То был заурядный пример наследственности. Но он этого не знал. Он успел подумать про кровь в связи с сыном лишь одно: тот ее жаждал; и это заставило его прибавить шагу. Хотя лорд Ходдесдон не бегал уже много лет, он сумел догнать сорванца, успевшего порядочно удрать.

Есть две школы в методике воспитания юнцов, швыряющихся на улицах камнями в тех, кто старше и во всех отношениях лучше их. Одна учит, что их следует шлепать по заднему месту, другая рекомендует подзатыльники. Лорд Ходдесдон, ничтоже сумняшеся, использовал оба способа. Причем для человека, не практиковавшего ни того, ни другого со школьных времен в Итоне, замечательно в этом преуспел. С полминуты он трудился, не щадя сил, и, подустав, повернулся и продолжил путь к Малберри-гроув.

Его самочувствие разительно изменилось. Как будто целительный бальзам пролился на его наболевшую душу. Впервые за весь день он

почувствовал себя счастливым. Благодаря физическим усилиям душа его очистилась от скверны. Ему захотелось насвистывать что-нибудь жизнерадостное, и он уже сложил губы трубочкой, но его остановил чей-то голос.

— Эй! — сказал голос.

Это был человек в кепи. Уже без трубки, он шагал бок о бок с лордом Ходдесдоном, дыша парами эля всех сортов. Глаза его дико вращались и горели красноватым светом, как будто в них горел огонь. Следом за ним тянулся с недавнего поля боя раненый.

— Ты зачем моего мальца тронул? — спросил человек в кепи. Лорд Ходдесдон оставил вопрос без ответа. Не потому что не нашелся, у него в запасе был прекрасный ответ. Просто он не пожелал снизойти до объяснений с этим типом. И продолжал путь в молчании.

— Ты почто побил моего малыша Герберта?

Лорд Ходдесдон почувствовал легкое беспокойство. Что значит «моего малыша»? Этот намек означал, что этих двоих связывали узы родства. То, что поначалу казалось досужим любопытством постороннего, извергаясь из глубин отцовского сердца, приобретало зловещий смысл. Глянув краем глаза на нежелательного спутника, он почувствовал неудовольствие от его близости. Уж слишком того было много.

Лорд Ходдесдон прибавил шагу. Он вдруг всей кожей ощутил устрашающую безлюдность местности, по которой ему выпало идти. Никакого намека на присутствие полиции. «В таких краях, — печально подумал он, — на всю округу небось всего один полицейский, и тот спит где-нибудь вместо того, чтобы исполнять свой долг на благо общества». В эту минуту лорд Ходдесдон был крайне сурово настроен по отношению к провинциальной полиции.

Но он не мог долго думать о чем-либо, кроме этого неприятного человека, неотступно следовавшего рядом и издававшего невнятные бормотанья. Несчастный лорд уловил слова «городской клерк» и «буржуй», повторявшиеся довольно часто. В любых обстоятельствах, будучи человеком амбициозным, он запротестовал бы против того, чтобы его принимали за клерка; но сейчас эти слова звучали особенно оскорбительно, потому что этот тип, очевидно, сильно недолюбливал городских клерков. Последнее выразилось с полной определенностью, когда здоровяк в кепке, повысив голос, стал распространяться насчет того, с каким удовольствием он поотрывал бы бошки этим шалопаям в серых котелках. Так, если лорд Ходдесдон точно услышал, поступил бы с ними в Москве Стейлин, а что хорошо для Стейлина, то хорошо и для него,

Кепчатого.

И тут, вдохновленный новой идеей, этот тип начал обсуждать, что лучше — вывалять лорда Ходдесдона в грязи или посадить его на штырь в ограде, которая отделяла тротуар от проезжей части. Бедный пэр, некоторое время пытавшийся сохранить лицо, делая вид, что просто шагает в свойственной ему быстрой манере, беззастенчиво перешел на рысь. Свернув за угол, он увидел перед собой дома, и ему показалось, что в одном из них он сможет найти желанное спасение. Резким рывком лорд Ходдесдон перешел с рыси на галоп. Небезынтересно поразмышлять, как часто Судьба выбирает один и тот же предмет в прямо противоположных целях. Серый котелок лорда Ходдесдона навлек на него неприятности, и именно этот серый котелок помог ему от них избавиться. Потому что, когда его владелец бросился бежать, котелок свалился с его головы и покатился по дороге, а его спутник, решительно вышедший на тропу войны, не смог удержаться от искушения и после секундного раздумья бросился вдогонку.

Он настиг котелок у канавы и сладострастно пнул. Потом пнул еще раз. Наконец подпрыгнул и пнул в третий. Проделав все это, он оглянулся и увидел, как лорд Ходдесдон исчезает за калиткой первого по проулку дома. Подбежав к воротам с надписью «Лесной замок», он не увидел более ничего интересного и решил обогнуть владение.

Но позади дома было пусто. Он задумался.

В моменты крайней опасности разум работает быстрее обычного. Поначалу лорд Ходдесдон намеревался со всем присущим ему достоинством войти через парадный вход, позвонить в колокольчик, спросить хозяина или хозяйку, сказать им, что спасается от преследований пьяного разбойника и надеется, что в ответ его пригласят в гостиную, усадят в удобное кресло и позвонят в полицию. Но программа оказалась скомканной.

Прежде всего, не было времени на то, чтобы спокойно звонить в звонок. Надо было немедленно ввести в действие альтернативный план. Этот план еще не созрел к тому моменту, когда лорд Ходдесдон появился в саду «Замка», но осенил его, когда он завернул за угол и увидел на первом этаже открытое окно. С быстротой кролика он нырнул в окно — придирчивый глаз мог бы отметить лишь незначительные несовершенства в технике прыжка, — и когда его преследователь вошел в сад, уже полз на четвереньках внутрь комнаты.

На этом развитие событий приостановилось.

На сколько оно могло зависнуть, сказать трудно. Кепчатый был

тугодумом, и ему, по-видимому, требовалось некоторое время для выработки решения. И надо же было такому случиться, что в этот момент лорду Ходдесдону приспичило поднять голову и выглянуть из окна, чтобы посмотреть, что творится в большом мире. Первое, что он увидел, был его преследователь, который как раз в этот момент смотрел в это самое окно.

В следующую секунду лорд Ходдесдон с грохотом опустил раму и закрыл на защелку. Представители Труда и Старого Режима молча уставились друг на друга через стекло, как редкие рыбки в стоящих рядом аквариумах.

Лорд Ходдесдон первым нарушил достигнутое равновесие. Он слишком долго терпел общество Кепчатого и, надо сказать, порядочно им пресытился. Даже сквозь стекло в его воспаленных глазах горела угроза, и лорду Ходдесдону захотелось оказаться как можно дальше от него. Поспешно ретировавшись, он вышел в коридор, в конце которого увидел возле входной двери вешалку для шляп, на которой торчали головные уборы, напоминавшие головы буржуев после одной из социальных революций. При виде их мысль лорда Ходдесдона приняла другое направление.

До сего момента утрата серого котелка не столь глубоко трогала его. Подсознательно он, конечно, о ней не забывал, но только теперь она предстала перед ним во весь свой рост. Глядя на шляпы, висевшие на вешалке, он впервые ощутил свою, так сказать, неприкрытость и прочувствовал необходимость исправить положение. Его не покидала тщеславная надежда вернуться в Лондон, вырвавшись из этого проклятого пригорода. Но даже на секунду он не мог представить, что возвращается туда с непокрытой головой — каждая капля его голубой крови стыла от этого в жилах. Перемещаться по улицам Лондона без шляпы было немыслимо.

Тем временем он стоял, изучая шляпы на вешалке, подобно потерпевшему кораблекрушение моряку, завидевшему на горизонте парус, и сердце его опускалось в пятки. Кто бы ни был хозяин этого дома, по части головных уборов он обладал весьма причудливым вкусом. На трех крюках соответственно были представлены: кепи в лиловую крапинку (сущий кошмар), невероятная конструкция из черной соломки и цилиндр. Лорд устремил свой взор именно на цилиндр. Две другие вещицы, как он сразу определил, не могли приниматься к рассмотрению.

Цилиндр тоже был далек от идеала. Он имел редкую по нынешним временам квадратную форму и был приплюснут сверху; и все же настолько отличался от кепи и соломенного канотье в лучшую сторону, что лорд

Ходдесдон не сомневался ни секунды. Быстрым движением он сорвал цилиндр с крюка и услышал за спиной рев разъяренной львицы, на глазах которой утаскивали одного из ее детенышей.

Лорд Ходдесдон повернулся, как будто на него плеснули сзади кипятком. Вниз по лестнице сбегал маленький человечек с апоплексическим цветом лица и с моноклем в глазу.

У майора Флад-Смита из Кастлвуда было в обычае соблюдать послеобеденную сиесту. Вот и сегодня он предвкушал спокойный отдых у себя в спальне. Племянница Кэтрин уехала с соседом, этим Смитом, на дневное представление в театре «Астория» в Брикстоне, и дом был в полном его распоряжении. Довольный сам собой, он уже задремал, как вдруг что-то заставило его взглянуть в окно, за которым он увидел отвратительную личность в матерчатом кепи, приклеившуюся носом к стеклу гостиной. Схватив из ящика револьвер, майор Флад-Смит кинулся вниз, и разрази его Бог, ежели не застал в прихожей какого-то другого мерзавца, щупавшего его головные уборы.

Майор мгновенно поднял на ноги весь дом.

— Ну, знаете! — прогремел он, — Какого черта!

Все аристократическое воспитание и благоприобретенное образование лорда Ходдесдона померкли перед благоговением перед Формой. Он понял, #что в Итоне, Оксфорде и впоследствии даже на службе в личной гвардии Ее Величества он кое-чего недополучил. В том числе навыка воровать шляпы с вешалки у людей, которым он даже не представлен.

Поэтому ничего странного не было в том, что ему изменила выдержка, с какой он обычно встречал житейские трудности. Потеряв дар речи, он безмолвно стоял, прижимая к груди цилиндр.

— Ты кто такой? Как сюда попал? Что делаешь с моим цилиндром? — наступал на него майор, оснащая свою речь выразительными словечками, которых набираются люди на армейской службе. Майор Флад-Смит семь лет провел в Королевском Вустерширском полку, известном своим красноречием.

Все еще не в силах произнести ни слова, лорд Ходдесдон смог продемонстрировать благородный жест. Со старомодной грацией он вернул цилиндр на крюк.

Майор, однако, не выразил удовлетворения.

— Нарушил право частного владения! Средь бела дня! Украл шляпу прямо на глазах! Ну я тебе!..

И он упомянул кое-что из того, что мог бы сделать. Частично эти деяния носили духовный характер, но некоторые имели прямой

материальный смысл.

Лорд Ходдесдон наконец нашел слова. Но, когда они пришли, лучше бы ему было промолчать.

— Все в порядке, — сказал он.

Трудно было сделать более неподходящее замечание. Цвет лица у майора Флад-Смита сделался почти лиловым.

— В порядке? — вскричал он. — В порядке? В порядке? В порядке? Я застаю тебя в собственной прихожей за воровством моих шляп, и ты имеешь наглость бормотать, что все в порядке! Я тебе покажу порядок. Я тебя…

Внезапно он умолк. Не потому, что исчерпал запас своих замечаний, до этого было далеко. Если есть где-нибудь майор в отставке, всегда пребывающий в состоянии мобилизации, то это наш майор. Просто в этот момент до его ушей донесся мерзкий звук бьющегося стекла. Он прозвучал как взрыв и ударил в самое сердце майора Флад-Смита.

Он затрясся всем телом и произнес несколько слов на малоизвестном диалекте одного из племен Гиндукуша.

Лорд Ходдесдон, хотя ног под собой не чуял, прекрасно понимал, что происходит. Свободные граждане Вэлли Филдс не таковы, чтобы можно было оставить их притязания без последствий. Бедный пэр захлопнул окно гостиной, оставив по ту сторону человека в кепи, как пери у врат райского сада. Но разве можно противостоять инстинкту пролетариата, привыкшего преодолевать препятствия с помощью булыжника? Именно это проделал сейчас Кепчатый. И лорд Ходдесдон подивился, что он не сделал этого раньше. Несомненно, задержка была обусловлена поисками подходящего орудия.

Майор Флад-Смит был раздираем двумя противоречивыми желаниями. С одной стороны, ему хотелось остаться и разделаться со шляпным воришкой. С другой — били все-таки его окна.

Этот благородный человек любил свои головные уборы. Но он также любил свои окна.

Очередной звон разбиваемого стекла склонил чашу весов в сторону окон. Майор Флад-Смит с ревом исчез в коридоре, и лорд Ходдесдон, спасенный в последнюю минуту, схватив с вешалки что под руку попало, открыл дверь, прошмыгнул в нее, выскочил на улицу и сломя голову помчался прочь от Малберри-гроув в сторону железнодорожной станции.

Только приблизившись к ней, он обнаружил, что держит в руке крапчатое кепи.

3

— Я знала, что ты провалишь все дело, — сказала леди Вера.

ГЛАВА VII

1

Берри Конвей подошел к Малберри-гроув и остановился, чтобы нащупать в кармане ключ от калитки «Укромного уголка».

В лучах заходящего летнего солнца Малберри-гроув казался идиллическим местом. Ласковый ветерок шелестел в листве, а на воде, сиявшей опаловым блеском, замер, подняв голову, один из лебедей, в то время как второй делал вокруг него круги, будто что-то искал. Каждый, кто оказался бы сейчас здесь, не мог бы не вспомнить про Аркадию, где ничего не бывает слишком — ни дождя, ни снега, ни ветра.

Но если подобное сравнение мелькнуло в голове Берри Конвея, он ничем себя не выдал. Малберри-гроув он озирал с неудовольствием. Глядя на ладненький домик, хмурился. Глядя на лебедей, Эгберта и Перси, кривился. А когда со стороны вэллифилдского лаун-теннисного клуба до него доносился счастливый вопль удачливого игрока, издавал негромкий стон и страдальчески возводил очи горе, как Прометей при виде своего мучителя, летевшего пообедать.

Безжалостное изъятие из его жизни единственной девушки, которую он когда-либо любил или мог полюбить, сделало существование Берри невыносимым.

Нащупав ключ, он вошел в дом и сразу прошествовал в спальню. Сняв костюм и взяв халат, поплескался в ванной в холодной воде и стал переодеваться к обеду, как полагается английскому джентльмену. Вечером предстоял вечер выпускников, встреча школьных друзей. И хотя с тех пор, как он пополнил ряды наемных работников, Берри предпочитал вести отшельническую жизнь и по мере возможности избегал спутников давно ушедших дней, его навещали элегические настроения, побуждавшие исполнять определенные обязанности.

Едва он закончил туалет, как в дверь постучали. Он ждал визита. И открыл дверь, мысленно поздравив себя с тем, что вовремя успел повязать галстук. Иначе Обломок Прошлого настояла бы на том, чтобы сделать это лично.

— Я и не слыхала, как вы пришли, мастер Берри, — сказала Обломок Прошлого, расплывшись в улыбке. — Как вы хорошо выглядите! Можно

мне поправить галстук?

— Сделайте милость, — покорно ответил Берри.

— Когда вы сами его повязываете, он немножко топорщится.

— Вы правы, — сказал Берри. — Топорщится.

— Вот именно. Топорщится. Глэдис из «Замка» говорит, — продолжила Обломок Прошлого, без паузы переходя к новостям, — у них нынче грабители объявились. Говорит, никогда не видала майора таким лиловым. У нее был выходной, и, когда она вернулась домой, он бегал по саду с револьвером в руке и что-то бормотал. Очень был сердитый, говорит Глэдис. Будешь сердитым, коли ворвутся к тебе в дом и станут кепи воровать.

— Неужто кто-то украл у майора кепи? — спросил, оживившись, Берри. Он терпеть не мог эту деталь его туалета.

— Истинно так, мастер Берри. А еще кто-то камнем разбил в доме два окна.

— Значит, Малберри-гроув в опасности.

— Ничего, — успокоила его миссис Мудрость. — Я переговорила с мистером Финбоу, он обещал следить.

— Кто такой мистер Финбоу?

— Это джентльмен из полиции, он обещал, что, хоть Малберри-гроув и далековато от участка, он будет приглядывать. Я подумала, что это очень благородно с его стороны, и угостила кексом. Какое совпадение — мистер Финбоу родом из тех мест, где я жила девочкой. Я всегда говорю, что мир тесен. То есть, я хочу сказать, из тех мест в том смысле, что мои дорогие папа и мама имели коттедж в Хертфордшире, а мистер Финбоу жил в Бирмингеме, но, в конце концов, что ж тут странного. Мы славно поболтали. Вы позволите мне взять щетку и хорошенько почистить ваш костюм, мастер Берри?

— Спасибо, не надо, — поспешно остановил ее порыв Берри. — Некогда. Надо торопиться. Если я не успею на поезд в шесть пятьдесят, опоздаю на обед.

— Смотрите не перегрузитесь!

— Не беспокойтесь. Я не настолько голоден, чтобы наброситься на еду.

— Я имею в виду, что опасно сидеть на сквозняках в вагоне, когда шторы открыты.

— Я их закрою, — сказал Берри. — До свидания.

Он вышел из дома, сопровождаемый возгласом восхищения со стороны соседа, лорда Бискертона. Бисквит как раз пропалывал сад возле

парадного входа, со всей энергией отдаваясь этому занятию.

— Вот это да! — воскликнул Бисквит, поедая глазами великолепие своего друга. — Собираешься кого-то здорово Удивить, а? Что случилось? Тебя пригласили на чай в Бэкингемский дворец?

— Традиционный сбор, — коротко пояснил Берри. — Если бы ты не был таким шалопаем, поехали бы вместе.

Бисквит мотнул головой.

— Для меня эти радости в прошлом, — сказал он. — Я наперед знаю, что меня там ждет. Инициативная группа посадит тебя либо между парой выживших из ума стариканов, которые будут, вытягивая шеи через твою голову, вспоминать, как их отпустили с уроков во время битвы при Гастингсе, либо в куче недорослей, которым хочется головы поотрывать. И еще вопрос, какой вариант поганей. В прошлый раз меня усадили с недорослями. Не поручусь, что кое-кто из них не прибыл в детской коляске. Заметил ли ты, старина Берри, как помолодел мир вокруг нас? Это потому, что мы сами стареем. В золоте волос появились серебряные нити. Тебе сколько?

— Двадцать шесть стукнет.

— Глубокий старик, — констатировал Бисквит, щелкнув языком и выдергивая сорняк. — Глубокий старик. На следующий год тебе будет двадцать семь и, если я правильно загнул пальцы, потом — двадцать восемь. Можно сказать, в ожидании конца. Себя не обманешь, дружище, мы катастрофически быстро стареем, и наше место у печки.

— Значит, не едешь?

— Нет. Останусь здесь, буду возделывать свой сад. Очень возможно, что крошка Кичи Вэлентайн выйдет погулять и мы поболтаем через забор. Насколько я понимаю, в провинции долг каждого — поддерживать добрососедские отношения. Англичане живут слишком обособленно. Я этого не одобряю.

*

Окинув взором компанию, разместившуюся в Восточном банкетном зале отеля «Мазарин» на Пиккадилли, Берри быстро сообразил, какой из двух вариантов, упомянутых Бисквитом, выпадет сегодня на его долю. Выжившие из ума стариканы составляли на традиционном сборе ударную силу, но они все сидели за дальними столиками. Ему же было уготовано место в самом центре зала, среди молодняка. Его взяли в кольцо

жизнерадостные юнцы, которые наслаждались обществом друг друга и совершенно не нуждались в компании Берри. И по мере того, как он наблюдал за чужим

веселием, его собственное настроение делалось все мрачнее и мрачнее.

Он уже понял, что совершил большую ошибку, взяв на себя такое испытание. Он был никак не расположен выносить общество этих безусых юнцов. Разгоряченные выпивкой, они замельтешили между столиками, что ужасно раздражало людей зрелых и настрадавшихся. С каждой минутой, уносящей кусочек его жизни, их детская непосредственность все больше и больше выводила Берри из себя.

Некогда, думалось ему, — о, как давно это было! — он тоже пребывал в таком расположении духа. Некогда он тоже жил в Аркадии и преломлял хлеб на дружеских пирушках. Как далеко в прошлое ушло все это!..

Скоро ему стукнет двадцать шесть! Дожил. Двадцать шесть, ни годом меньше, и никуда не денешься.

А на что он потратил свою жизнь? Ни на что. Не говоря уж о том, что, встретив наконец девушку своей мечты, он преспокойно позволяет ей исчезнуть прямо средь бела дня, чего вообще он смог достичь? Ничего. Умри он нынче ночью — например, поев вот этой подозрительной рыбки, усопшей от неизвестной причины и положенной перед ним официантом-астматиком, — какой след оставит он по себе? Практически незаметный. Едва видную царапинку.

Пожалеет ли о нем та девушка? Вряд ли. Вспомнит ли она вообще, что встречалась с ним? Вероятно, нет. Такая чудесная девушка встречается с мужчинами на каждом шагу. С какой стати держать ей в уме столь невидный образец мужской породы? Такая девушка может рассчитывать на внимание сливок английской мужественности. Она находится в эпицентре бурлящего потока дерзких и красивых субъектов, раскатывающих на «бентли», в карманы которых стекается все золото мира. Какие у него основания рассчитывать на то, что она хоть раз о нем вспомнила? О старой развалине двадцати шести годов… Внезапная вспышка интуиции подсказала ему, почему она покинула его, не сказав ни слова. Он ей просто наскучил, и она смылась, улучив подходящий момент.

Достигнув глубин самоистязания, Берри готов был углубиться и ниже, но тут в левое ухо ему ударил огрызок булки, посланный крепкой молодой рукой. Конвульсивно дернувшись, он на мгновение забыл о девушке. В подобных обстоятельствах Данте забыл бы о Беатриче. Огрызок был порядком затвердевший, с острыми краями, и эффект от его попадания можно было сравнить с прямым попаданием разрывного снаряда. Берри

угрожающе поднял глаза. И тогда дитя, сидевшее на другом конце стола, с извиняющейся улыбкой нанесло ему последний удар.

— Ой, простите, сэр! — вскричало дитя. — Страшно извиняюсь, сэр. Ужасно сожалею, сэр. Я метил в молодого Догсбоди.

Берри по инерции улыбнулся в ответ, но улыбка получилась вымученной, потому что на сердце легла тяжесть. «Вот, — подумал он, — это конец».

Это юное существо обратилось к нему «сэр».

«Сэр»!

Так сам он обращался к Т. Патерсону Фрисби, этому музейному экземпляру, которому не меньше пятидесяти.

Он понял все. Теперь он понял все. Девушка была к нему поначалу добра просто потому, что у нее доброе сердце и она с детства приучена уважать старость. То, что он ошибочно принял за чувство товарищества, было всего лишь терпимостью, обусловленной его сединами. Несомненно, она сразу же решила про себя: «При первой же возможности отделаюсь от этого старого зануды» — и при первой же возможности так и поступила. «Сэр»! Вот уж в самом деле! Старина Бисквит просто в самую точку угодил. Надо было быть полным идиотом, чтобы явиться в этот детский сад. И лучшее, что можно сейчас сделать, — исправить ошибку, немедленно удалившись.

Покинуть званый обед в самом его разгаре непросто, и сомнительно, что только старческое уныние, как бы глубоко оно ни было, подвигло бы Берри на такой шаг. Но в этот момент его взгляд упал на стол, за которым сидели почетные гости, расположившиеся по обе стороны от президента колледжа, числом около двадцати, и Берри понял, что минимум восемь из них наверняка намеревались произнести речь. Среди них, с лицом, не предвещающим ничего хорошего, восседал епископ.

Всякий, кто хоть раз посетил традиционный сбор, знает, что епископы — крепкие орешки. Они своего не упустят. Они знают цену каждому своему слову. Они с ужасающим тщанием будут переходить от нравоучения к шутке, от мужественной прямоты к причудливой иносказательности. И меньше чем за двадцать пять минут нипочем не управятся.

Берри больше не колебался. Банкет достиг той точки замерзания, когда ждать оставалось только мороженого на прогорклом масле, набальзамированной сардинки на тосте и кофе с мышьяком, после чего неминуемо должен был разразиться поток речей. Нельзя было терять ни секунды. Берри отодвинул стул, бочком протиснулся к двери, открыл ее,

проскользнул вон и затворил дверь за собой.

Теперь он стоял в холле отеля. Празднично одетые мужчины и женщины сновали туда-сюда, кто — в обеденный зал, откуда доносились звуки музыки, кто — к лифтам. Где-то наверху, видимо, шло веселье, потому что лифты ездили вверх-вниз непрестанно. Лифты заглатывали публику в огромных количествах, и Берри наблюдал за этим с чувством отрешенности и нарастающего неодобрения. Легкомысленность толпы ранила его, как бурная радость гостей в Восточном банкетном зале. Не очень-то приятно, копаясь в своей душе, видеть вокруг наслаждающихся жизнью недоумков. Берри уже достиг такого состояния, когда его без вопросов приняли бы в чеховскую пьесу. Вот до чего довело его все это веселье. Смех дурака — все равно что скрежет ножа по тарелке.

Особенно большая партия гостей собиралась ехать наверх. Лифт битком набился представителями обоих полов — хихикающими девушками и беззаботными мужчинами. Берри просто затошнило. Кабина была так заполнена, что, казалось, там не найдется места для девушки в зеленом вечернем платье, торопливо идущей через холл в сопровождении почетного эскорта. Но лифтеру удалось как-то потеснить толпу. Когда начался подъем, девушка обернулась к своему спутнику и, улыбнувшись, что-то сказала. Берри увидел ее лицо.

И тогда все вокруг бешено завертелось. Беззвучный вскрик сорвался с его губ. Берри машинально схватил за руку проходившего мимо официанта.

— Сэр? — учтиво произнес тот, прервав свой путь.

Берри лучезарно улыбнулся ему. Он видел его сквозь туман, застилавший глаза, но всей душой чувствовал, что перед ним — прекраснейший из официантов, которых он когда-либо лицезрел. И все эти люди в лифтах и возле них — как он ошибался в них! Какая симпатичная, жизнерадостная толпа! И как замечательно понимать, что они так беспечно радуются жизни.

— Что там происходит, наверху? — спросил Берри. Официант сообщил, что сэр Герберт и леди Бэсингер дают бал в Хрустальном зале на пятом этаже.

— А, — задумчиво протянул Берри. — Бал…

Он сунул человеку полкроны и с минуту постоял, вглядываясь в глубину холла. Как было бы великолепно, если бы он был знаком с этими Бэсингерами. Они могли бы и его пригласить… Берри сдержался, поймав себя на том, что так низко для человека отважного и лишенного предрассудков пал, что возмечтал о пригласительном билете как

необходимом средстве, чтобы воспользоваться гостеприимством лорда и леди Бэсингер. Но то была минутная слабость. Он снова был сам собой и знал, что любой бальный зал, Бэсингеров или не-Бэсингеров, если там танцевала эта девушка, распахнет для него свои двери.

Лифт как раз остановился и ожидал, когда его заполнит толпа. Берри одернул пиджак и решительно ступил в него.

2

Бала леди Бэсингер в отеле «Мазарин» Энн Мун ожидала с предвкушением особенного удовольствия. Тодди Моллинг, молодой человек, который в отсутствие ее жениха выполнял функции почетного эскорта, рассказывал ей об этом бале почти стихами. Он обещает стать гвоздем сезона, клялся Тодди. Там, где выкидывают свой флаг Бэсингеры, уверял он Энн, шампанское течет рекой.

«Старина Б, — говорил Тодди, — не из тех ребят, с кем бы я пошел в разведку, но по части угощения он не знает себе равных. Он сколотил около ста миллионов на гвоздях. И благослови Господь эти гвозди», — с жаром закончил он.

По предложению Тодди, они сразу же направились в обеденный зал. Уверенно оглядевшись, Тодди не стал тратить время на приветствия и рукопожатия, а усадил Энн за столик на двоих и пошел к буфету. Она сидела и ждала его возвращения. Разглядывая гостей сэра Герберта и леди Бэсингер, она жалела, что далека от того праздничного настроения, которое владело ими. Ей казалось, что она плохо вписывается в атмосферу безудержного веселья, царившего вокруг.

Странно, думалось ей. Внутренний голос твердил ей, что самое разумное, что она сделала в жизни, — это то, что она вовремя улизнула с места событий, оставив симпатичного молодого человека самому ловить таинственного Нюхача. Совесть уверяла ее, что обрученная барышня не имеет права разъезжать с привлекательными сотрудниками секретной службы. Но почему-то вместо довольства собой и своим поступком, чего следовало ожидать от порядочной девушки, она испытывала необъяснимую горечь, словно утратила нечто волшебное и драгоценное.

Тем временем Берри Конвей непрестанно терзал себя мыслями о том, что девушка его мечты давно забыла о нем.

— «Болинжер»! — провозгласил Тодди Моллинг, внезапно вырастая у столика. — Углядел на соседнем столе и выследил. Рекомендую на все

случаи жизни.

Обеденный зал был похож на большой магазин во время распродажи. Идея перекусить перед танцами пришла в голову не одному Тодди. Преданные кавалеры ради ублажения своих дам не жалели сил, то и дело возвращаясь к столам, на которых была разложена еда и расставлены напитки. Ужин на балу Бэсингеров всегда был испытанием на стойкость, и победителями в нем выходили те, кто играл в регби за университетскую команду.

— Тут где-то должна быть серьезная еда, — сказал Тодди, выкладывая на стол добычу. — Я пойду поищу. Сам не знаю, что это может быть, но вы готовы к неожиданностям?

— Мне все равно, — ответила Энн. Она с трудом вышла из задумчивости. — Я не голодна.

— Неужели? — недоверчиво переспросил сопровождающий. — Господи, а я бы слопал самого старика Бэсингера, если только капнуть на него соус! Ладно, пойду подцеплю цыпленка. Развлекитесь как-нибудь пока. А если я не вернусь, считайте, что я умер на поле битвы.

Он опять исчез, а Энн вернулась к своим мыслям.

Да, волшебное и драгоценное. И она этим пренебрегла. А теперь ее жизнь скучна и монотонна.

Это тоже казалось странным, потому что она никогда не предполагала, что жизнь может показаться монотонной. Она всегда обладала завидным умением наслаждаться жизнью. Даже в компании Кларенсов Дамфри и в окружении Твомбли Буруошей ей не бывало скучно. А вот теперь ее охватила тоска. И ей казалось, что, если не считать того летнего полдня, она всегда ее испытывала. А та поездка осталась в ее памяти, как оазис в пустыне, лучик света в непроглядной тьме тусклого существования.

Толпа жила своей жизнью. Время от времени ее пронизывали отчаянные крики — когда мужчины, нагруженные тарелками с лососем под майонезом, сталкивались с кавалерами, держащими в руках блюда с мясным салатом. От жары и шума в голове у Энн затуманилось. И будто сквозь туман она увидела, как чья-то неясная фигура присаживается на стул рядом с нею. Энн попыталась защитить права отсутствующего Тодди.

— Извините, здесь…

Она осеклась. Туман мгновенно рассеялся. Ее бросило в жар.

— Ах, — выдохнула Энн.

И больше ничего не могла вымолвить. Сердце у нее бешено заколотилось, а Совесть уже изготовилась прокомментировать, насколько

недостойно задрожали у нее губы.

(«Нехорошо, — назидала Совесть. — Этот мужчина — всего лишь случайный знакомый. И веди с ним себя подобающим образом. Сдержанно поклонись».)

Но Энн не стала сдержанно кланяться. Она молча смотрела на него во все глаза. А он неотступно глядел на нее.

Молодой человек в очках, неся на вытянутых руках добытое в боях блюдо, споткнулся о чью-то ногу и грохнулся прямо на их столик. Между ними шлепнулось нечто мягкое.

— Кажется, это моя котлета, — сказал очкарик. — Простите, пожалуйста.

Он прошествовал далее, а Энн нашла в себе силы улыбнуться дрожащими губами.

— Добрый вечер, — сказала она.

— Добрый вечер.

— Вы, по обыкновению, как снег на голову, — сказала Энн. — Или как черт из табакерки.

Он не улыбнулся в ответ. Он выглядел как-то напряженно. Словно торопился куда-то и не был расположен к светской болтовне.

— Куда вы тогда исчезли? — прямо спросил он и нахмурился от неприятного воспоминания.

Энн напустила на себя холодный вид. Она пыталась убедить себя, что он взял слишком дерзкий тон. Говорит так, будто имеет на нее какие-то права, будто она его собственность. Это, в конце концов, обидно.

— Я поехала домой, — сказала она.

— Почему?

— Потому что место женщины — дома.

— Для меня это был шок, когда я вернулся и не нашел вас на месте.

— Извините.

— Никак не мог понять, куда вы делись.

— Правда?

(«Я верный тон взяла?» — спросила Энн у Совести. — «Вполне, — ответила Совесть. — Замечательно. Так держать».)

— Кстати, — осведомилась Энн, — это в самом деле был Нюхач?

Собеседник молчал. Напряженность в его поведении перешла в смущение. Краска залила лицо, а глаза, глядевшие прямо ей в глаза, он отвел куда-то в сторону.

— Послушайте, — неловко начал он, — я должен вам кое-что сказать. Видите ли…

Он умолк.

— Да? — подбодрила его Энн.

— Мне кажется, я должен…

Было похоже, что он вот-вот сделает некое откровение.

— Ну?

Другой молодой человек, на этот раз без очков, напоролся на их стол и основательно сотряс его.

— Прости, пожалуйста! — сказал он. — Жутко штормит. Помоги, Господи, бедным морякам.

Он ненадолго задержался, чтобы собрать со стол-і салат из Цыпленка, и ушел из их жизни навеки.

— Так что вы хотели сказать? — спросила Энн.

Ее собеседник как будто что-то обдумывал. Энн показалось, что он готов был сделать какое-то признание, но внезапно передумал.

— Ничего, — ответил он.

— Вы вроде собирались что-то мне сказать?

— Нет, ничего. То есть собирался, но решил, что не стоит.

— Конечно, у вас должны быть свои тайны. И все же, это был Нюхач?

— Нет, не он.

— Я рада.

— Почему?

В поведении Энн произошла резкая перемена. До сих пор ее Совесть могла быть довольна ее холодностью и отстраненностью. Но последний вопрос все изменил. Холодная отстраненность уступила место безудержной искренности.

— Я боялась, что вам угрожает опасность, — срывающимся голосом произнесла Энн. — Он ведь мог вас убить.

— Вы беспокоились… обо мне?

— Да, для порядочной девушки неприятно попасть в такую историю. Подумать только, что могли написать в газетах!

Загоревшийся было огонек в глазах собеседника моментально угас.

— Так вот вы о чем беспокоились? — бесцветным голосом спросил он.

— А о чем же еще?

— В вашем волнении не было ничего личного?

— Личного? — переспросила Энн, подняв бровь.

— Хорошо, что вы так предусмотрительно поступили, — сказал собеседник без видимого энтузиазма, — и избавились от лишних хлопот.

— Но ведь ничего страшного не случилось, — заметила Энн.

— Нет, — ответил он. Повисла пауза.

Теперь между Энн и ее Совестью возникли значительные разногласия. Совесть утверждала, что она достойно вышла из этого допроса с пристрастием. Сама же Энн думала, что вела себя как идиотка. Еще чуть-чуть, и этот человек поднимется и уйдет навсегда.

(«И хорошо сделает, — нашептывала Совесть. — Это будет наилучшим завершением весьма щекотливой ситуации».

«Это по-твоему!» — отвечала ей Энн, сжав зубы.)

Собеседник взял в руки бутылку шампанского и стал трясти, что привело бы в ужас Тодди Моллинга, будь он свидетелем этой сцены, но Тодди, к счастью, был далеко, пытаясь подобраться к самому лакомому куску.

— Я, конечно, волновалась за вас, — порывисто выпалила Энн. — Я брякнула насчет газет, потому что… Конечно, я волновалась за вас!

Омраченное лицо собеседника осветилось, как будто на него упал солнечный луч.

— Это правда?

— Конечно.

— Вы не шутите?

— Да нет же!

Он подался вперед.

— Сказать вам кое-что?

— Что?

— Вот что. Я…

Вместо продолжения он вскрикнул. Что-то теплое и мокрое потекло ему на затылок.

— Виноват, — раздался жизнерадостный голос у него за спиной. — Сущее безумие — тащить суп в такой толкотище. Простите. Жалко, супец был отменный.

Берри свирепо оглянулся. Но влюбленные отходчивы.

— Давайте выйдем, — процедил он сквозь зубы. — Мне надо вам кое-что сказать. Здесь не поговоришь.

— Сейчас вернется мистер Моллинг, — сказала Энн. Она изо всех сил боролась сама с собой.

— Кто это?

— Я с ним пришла. Он пошел за едой. Если я уйду, что он подумает?

— Если он из этой братии, — сказал Берри, — вряд ли он вообще способен думать.

Он подтолкнул ее к двери. Они вышли в небольшой холл. Откуда-то

слышалась музыка.

Берри захлопнул за собой дверь и обернулся к Энн.

— Я хочу вам сказать кое-что.

У Энн все поплыло перед глазами. Молодой человек, стоявший рядом, вдруг стал расти на глазах, и сама себе она вдруг показалась маленькой и жалкой.

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший.

Он был совсем рядом, и Совесть, как наседка, кудахтала, требуя, чтобы Энн отстранилась. Но она не отстранилась.

Он взял ее левую руку и оцепенело уставился на кольцо, блестевшее на безымянном пальце. Очень красивое кольцо, платиновое, с бриллиантами, лорд Бискертон дорого за него заплатил, но в лице молодого человека не было и следа восхищения.

— Вы обручены, — сказал он.

Это был не вопрос. Слова прозвучали скорее как осуждение. У Энн возникло мимолетное чувство, что ее уличили в каком-то крайне неблаговидном поступке. Ей захотелось объясниться, но объяснять вроде было нечего.

— Да, — сказала она тихо и виновато.

— Господи! — выговорил молодой человек.

— Да, — сказала Энн.

— Обручены!

— Да.

Молодой человек с шумом вздохнул.

— Меня это не касается, — сказал он. — Я просто хотел сказать…

Холл между обеденным залом и Хрустальным в отеле «Мазарин» во время бала Бэсингеров, после, разумеется, самого обеденного зала — наименее подходящее место для интимных бесед во всем Лондоне. Еще при словах Энн молодой человек почувствовал, что кто-то толкает его под локоть. Некто желал с ним побеседовать. И теребил за руку.

— Извините, — сказал этот некто.

В ту же секунду дверь обеденного зала распахнулась, и Энн, в свою очередь, должна была признать, что в мире есть еще кое-кто, кроме них. Похоже было на то, что мир даже слегка перенаселен.

— А, вот вы где! — воскликнул Тодди Моллинг.

Тодди раскраснелся и выглядел помятым. В ходе предпринятой им атаки на еду правый глаз Тодди, видимо, наткнулся на нечто твердое и по этой причине полузакрылся и истекал слезами. В левом глазу, который работал в нормальном режиме, светился ласковый упрек.

— Так вот вы где! — повторил Тодди Моллинг. — А я-то гадаю, куда вы запропастились! Прямо обыскался.

Энн раздирали противоречивые чувства, как будто резкий телефонный звонок вырвал ее из сладостных объятий прекрасного сна. Энн обернулась. Молодой человек, который только что собирался сообщить ей нечто важное, озадаченно взирал на человека, в котором она опознала хозяина бала, сэра Герберта Бэсингера. Сэр Герберт вроде бы о чем-то спрашивал молодого человека, а тот явно затруднялся с ответом.

— Я выследил изумительного цыпленка, — продолжал тем временем Тодди со скромной гордостью крестоносца, вернувшегося из победоносного похода. — И еще какой-то салат. Пошли пробовать.

Энн была доброй девушкой и не хотела никого обижать. Ввиду наглядных свидетельств доблести, проявленной Тодди при добыче еды, его претензия на ее общество была вполне обоснованной. Ради нее, Энн, он вступал в поединок и буквально проливал кровь. Сейчас, в миг триумфа, невозможно было его отвергнуть. Поступить так — значило бы навсегда разрушить веру молодого мистера Моллинга в Женщину с большой буквы.

Кроме того, теперь у нее не будет недостатка в возможностях возобновить прерванный разговор в каком-нибудь уединенном месте. Судя потому, как сэр Герберт потирал руки, ее таинственный знакомый должен быть одним из почетных гостей. Как только ей удастся отвязаться от назойливого Тодди, она найдет его в Хрустальной гостиной.

— Хорошо, Тодди, — сказала она. — Вы герой. Ведите меня.

— Вы не против, если к нам присоединится Берти Уинч? — озабоченно спросил Тодди, открывая дверь. — Мы случайно встретились. Никак нельзя было отделаться. Я оставил его сторожить столик и присматривать за цыпленком, как за родным братом. Тут ведь глаз да глаз нужен, а то моментально упрут прямо из-под носа.

Берри, наконец овладев своими чувствами, сообразил, что голос, звучавший в непосредственной близости от его уха, обращен к нему. И хотя полностью отрешиться от приятного оцепенения еще не смог, все же ответил со всей возможной учтивостью.

— Да, — сказал он, — Абсолютно. Несомненно.

Но Голос не удовлетворился услышанным. И зазвучал более чем недовольно — негодующе. Причем степень негодования угрожающе возрастала.

— Я вас спрашиваю, — прогремел Голос, — кто вы, черт побери, такой, откуда явились и что вы тут делаете? Я вас знать не знаю, и предъявите ваше приглашение, будьте любезны.

Берри очнулся от грез. Есть время мечтать, и есть время трезво взглянуть в лицо реальности. Сейчас был как раз такой случай. Прозревая сквозь золотой туман, окутывавший его, как каждого влюбленного, он усмотрел румяного невысокого мужчину среднего возраста с каштановыми усами и двумя подбородками. Усы топорщились, а оба подбородка угрожающе двигались.

— Простите? — спросил он.

— Не о том беспокоитесь, — ответил новый знакомый. — Предъявите ваше приглашение.

Глядя на Берри так, словно тот вылез из канализационной трубы, и обращаясь к нему в тоне, каким недобрый охранник в тюрьме общается с не полюбившимся ему узником, сэр Герберт Бэсингер, безусловно, чувствовал свою правоту. В этом сезоне в высшем свете прокатилась волна, так сказать, несанкционированных вторжений. На балах стала появляться масса молодых людей, сверх меры наливавшихся шампанским и танцевавших до упаду, не имея приглашений. Хозяевам эта практика начала надоедать, и сэр Герберт Бэсингер, который довольно настрадался от этих дел, поклялся пресечь их раз и навсегда. Он предупредил своих гостей, чтобы они не забывали пригласительные билеты и были готовы предъявить их по первому требованию.

— Приглашение! — протянул Берри, как бы удивляясь звучанию самого слова.

— Приглашение.

— Видите ли…

Разговор достиг той стадии, когда сэру Герберту все стало ясно. Только тот, у кого нечисто с совестью, может начать ответ с такой фразы. Вполне удостоверившись, что не изгоняет с бала какого-нибудь отпрыска благородного семейства, чье лицо он случайно запамятовал, или, того хуже, писаку из отдела светской хроники какой-нибудь газетенки, сэр Герберт выложил карты на стол.

— Я должен попросить вас немедленно удалиться.

— Но…

— Вон! — теряя терпение, повторил сэр Герберт.

— Но мне надо поговорить…

Каштановые усы зашевелились, как кукурузные заросли под резким порывом ветра.

— Вы сами уйдете или вызвать полицию?

Берри решил, что следует быть вежливым до конца. Он еще не узнал имени богини из автомобиля, а этот человек мог назвать его. Берри

выдавил из себя улыбку.

Не помогло.

— Нечего скалиться, — буркнул сэр Герберт.

Даже сквозь преграду усов его голос прозвучал столь угрожающе, что Берри отшатнулся на два дюйма. Он убрал с губ улыбку. Желание хозяина — закон. Кроме того, у него скулы свело от натуги.

— Ухожу-ухожу, — примирительно сказал он. — Конечно, я уйду. Обязательно. Я понимаю, что мне тут нечего делать. Уйду как миленький. Я зашел просто потому, что увидел здесь кое-кого в лифте. Если вы позволите мне заглянуть в обеденный зал, чтобы сказать словечко…

Сэр Герберт Бэсингер в минуты сильного волнения начинал говорить на языке, который был его собственным изобретением. И сейчас он к нему прибегнул.

— Прекратите эти ваши увертки-отвертки! Берри по-прежнему сохранял учтивость.

— Может быть, вы скажете, как ее зовут?

— Я не желаю терпеть этот бред-куверт!

— Как ее зовут? — не отступал Берри. — Мне надо знать ее имя. Если бы вы были так любезны назвать ее имя…

— Вы наконец кончите тут болтать-колготать? — в свою очередь, не сдавался сэр Герберт.

В дверях, как по команде, выросли несколько служителей в нарядной униформе, сверливших Берри тем холодным суровым взглядом, которым бармен смотрит на потенциального любителя выпить на дармовщинку. Берри неохотно признался себе, что его карта бита. Он сделал все, что мог. Разжигать страсти и напрашиваться на скандал — это слишком.

— Хорошо, — кротко сказал он.

И без всякой дальнейшей колготни повернулся и молча двинулся к выходу. Нельзя сказать, чтобы он удалялся совсем достойно, но, по крайней мере, настолько достойно, насколько возможно в его положении.

3

Свет в окне «Мирной заводи» означал, что лорд Бискертон еще не ложился и, несомненно, жаждет поболтать. Берри постучал в окно. Оно гостеприимно открылось, и Берри залез в дом.

— Ну что? — спросил Бисквит. — Как провел время?

Он внимательно оглядел Берри. В поведении друга появилось нечто

странное — в глазах сверкали искорки, выдававшие чувства молодожена, только что испившего райского нектара. Вряд ли это можно было приписать посещению вечера выпускников. Причина должна быть в чем-то другом.

— Что это с тобой, приятель? — спросил он. — Ты сияешь, как новый двухпенсовик. Над тобой пролился золотой дождь или что?

Берри сел, встал, снова сел, вскочил, снова сел и опять встал с места. Хозяину дома эта лихорадочность не понравилась.

— Остынь! — скомандовал он. — Сядь и успокойся. От тебя голова кружится.

Берри угомонился на краешке дивана, готовый каждую секунду вновь подскочить до потолка.

— А теперь выкладывай, — потребовал Бисквит.

— Бисквит, — начал Берри, — произошло самое невероятное. Эта девушка…

— Девушка? — с интересом переспросил Бисквит. Ситуация принимала понятные очертания. — Кто она?

— Что? — рассеянно переспросил Берри.

— Я спросил: кто она?

— Не знаю.

— Как ее зовут?

— Не знаю.

— Где она живет?

— Не знаю.

— Да, энциклопедистом тебя не назовешь, старина, — констатировал Бисквит. — Где ты ее встретил?

— Первый раз в ресторане.

— Ну и…

— Мы посмотрели друг на друга.

— А потом?

— Еще посмотрели. Это было в тот день, когда ты нацепил бороду. Помнишь?

— Помню.

— Я был в отчаянии. Я с первого взгляда понял, что это девушка, о которой я мечтал всю жизнь.

— Ах, молодость! — терпеливо произнес Бисквит.

— Как мне было с ней познакомиться? Проблема.

— Проблема всегда найдется. У меня, к примеру, проблема — где бы раздобыть тысчонку.

— Выйдя на улицу, я увидел, что она садится в машину. И меня вдруг осенило. Я вскочил в ту же машину и велел следовать за тобой.

— Следовать за мной? А я-то тут при чем?

— Ты сел в машину перед нами.

Бисквиту стало еще интереснее.

— То есть это произошло в тот день, когда ты приехал на ленч в «Беркли», а я прогуливал бороду и усы?

— Ну да, о чем тебе и толкую.

— Кто ж тогда эта девушка? — задумчиво протянул Бисквит. — Что-то не припоминаю ничего особенного. Но не будем отклоняться от сути вопроса. Итак, ты сел в ее автомобиль. И что дальше?

— Поехали за тобой.

— То есть она сказала: «Есть, сэр» — и ударила по газам? А я думал, она позвала полисмена или врачей из психушки, и тебя доставили по назначению.

Берри задумался. Они дошли до того пункта в его рассказе, о котором ему меньше всего хотелось говорить. Какому влюбленному приятно сознавать, что он обманывает любимую девушку? В обеденном зале отеля «Мазарин» был момент, когда он готов был пойти на чистосердечное признание. Правда, поостерегся от откровений, но совесть не давала ему покоя.

— Должен сказать, Бисквит, я ей солгал.

— Рановато начал.

— Сказал, что я секретный агент. Бисквит открыл рот.

— Кто-кто?

— Секретный агент. Это объясняло, почему я вскочил в чужую машину и велел следовать за тобой.

— Ты сказал, что это я?

— Я сказал ей, что это главарь кокаиновой банды. Бисквит искренне поблагодарил друга.

— Надо же было как-то объяснить.

— А что было после того, как ты сказал ей, что это неправда?

— Я не сказал.

— Она до сих пор считает тебя секретным агентом?

— Да.

— Господь с тобой, дружище! Такой байки я давно не слыхал. Итак, она до сих пор думает, что ты из секретной службы. И ты ничего ей не открыл?

— Нет. А дальше было вот что. Когда я вышел из бара, ее и след

простыл. Машины не было. Укатила. А сегодня я опять ее встретил. В «Мазарине» был бал, я уходил с нашего обеда и увидел ее в лифте. Я тоже поднялся наверх и нашел ее в обеденном зале. И только мы начали разговаривать, как подошел хозяин бала и выпер меня.

Бисквит оценивающе хмыкнул.

— Но до этого я успел… То есть, — сбивчиво заговорил Берри, — что-то было в ее глазах такое… Она так смотрит… Если бы только у меня была еще минута… Она так на меня смотрела…

— Ты втюрился? — спросил Бисквит, который любил интересные истории.

Берри пожал плечами.

— Зря ты иронизируешь.

— Либо втюрился, либо нет. Третьего не дано, — твердо заявил Бисквит.

— Мне кажется, ей было приятно меня увидеть.

— Ага. И ты, наверное, спросил, как ее зовут?

— Нет.

— Нет?

— Не успел.

— Узнал, где она живет?

— Нет.

— Она спросила, как тебя зовут?

— Нет.

— Она спросила, где ты живешь?

— Нет.

— А о чем же тогда вы говорили? — спросил Бисквит. — О ситуации в России?

Берри нервно сжал кулаки. Мрачное воспоминание тенью легло на его лицо.

— Я выяснил одну вещь, — сказал он. — Она обручена.

— Обручена?

— Да. Теперь я не беспокоюсь насчет того, чтобы ее найти. Я знаю, что найду. Но если она помолвлена…

Он умолк и угрюмо уставился в ковер.

— Ты полагаешь, что Конвей не имеет права вставать на пути какого-то неизвестного типа, который ее преданно любит?

— Да, но все равно…

— Все равно ты собираешься это сделать?

— Да.

— Молодец.

— Ты вправду так считаешь?

— Конечно, — определенно ответил Бисквит. — В любви все средства хороши, как на войне, так ведь? Я прямо вижу этого типа, как живого. Птенчик в очках и с безвольным подбородком. У него нет ни одного шанса. Господи милостивый! Все-таки интересно, что он чувствует. Он, наверное, на Мервина Флока похож.

— Кто такой Мервин Флок?

— Да так, тоже один тип, — ответил Бисквит. — Пузырь такой. Шишка на ровном месте. Ужасно неприятный. Не дрейфь, старина. Дуй вперед без оглядки. У тебя и без того хлопот полон рот, чтобы еще думать про какого-то гада ползучего.

Берри устремил на друга взгляд, полный глубочайшей признательности. Слова Бисквита, как бальзам, лились на его сердце.

— Я рад, что ты так думаешь, — сказал он.

— А я рад, что ты рад, — великодушно ответил Бисквит.

ГЛАВА VIII

Мистер Фрисби нажал на кнопку звонка, и в комнату резво, как ягненок по весенней травке, вкатился его личный секретарь. Знаменательные события вчерашнего вечера подняли настроение Берри Конвея до заоблачных высот. Ему казалось, что он шествует по розовым облакам, паря над улыбающимся ему миром.

— Звонили, сэр? — нежно пропел он.

— Ясно, звонил. Вы же слышали. Нечего задавать дурацкие вопросы. Соедините меня с мистером Роббинсом.

— Мистером… э? — переспросил Берри. Он изо всех сил желал оказать услугу своему хозяину, облегчить ему труды и исполнить любую его причуду, но прозвучавшее имя было ему незнакомо. Берри свыкся с тем, что иной раз мистер

Фрисби выражается темно. Он пользовался какими-то своими правилами строения фраз. Мог вдруг упомянуть кого-нибудь вроде этого Роббинса без всякого предварительного разъяснения. «Мистером… э?» — спросил Берри.

— Мистером — черт — вас — подери — оглохли — вы — что ли — я говорю — простым — языком — купите — слуховой — аппарат — Роббинсом. — Моим адвокатом. Чансери, 096332. Немедленно.

— Разумеется, сэр, — кротко ответил Берри.

Вид хозяина озаботил Берри. По-видимому, накануне с мистером Фрисби произошло нечто малоприятное. Он сидел, скорчившись в кресле, будто получил удар под дых. Лицо у него вытянулось, складки возле рта обозначились резче. Берри подмывало спросить, в чем дело, о чем печаль и где она хозяина настигла. Долгий разговор по душам о несчастьях мистера Фрисби очень отвечал настроению Берри, готового любить весь свет.

Но скромность подсказала ему, что лучше воздержаться от вопросов. Он удовлетворился тем, что набрал номер и установил связь с поверенным мистера Фрисби.

— Мистер Роббинс на проводе, сэр, — возвестил он голосом, каким говорят с тяжелобольным, и передал трубку страдальцу.

— Хорошо, — отозвался мистер Фрисби. — Идите. Берри повиновался, искоса бросив на хозяина ласковый взгляд. Таким образом он хотел дать мистеру Фрисби знак, что, какие бы тучи ни застилали его горизонт, он всегда сможет положиться на Джона Бересфорда Конвея. К

большому его счастью, мистер Фрисби этого взгляда не заметил.

— Роббинс! — пролаял он в трубку, когда дверь затворилась.

Ему ответил приглушенный голос человека, присутствующего при конфискации закладной или последнем свидании любовников, расстающихся навеки.

— Да, мистер Фрисби?

— Роббинс, немедленно приезжайте. Немедленно.

— Что-то случилось, мистер Фрисби?

— Да нет! — горько сказал финансист. — Ничего не случилось. Все прекрасно. Меня надули, как последнего дурака.

— Быть не может! — произнес сумеречный голос.

— Это не телефонный разговор. Приезжайте. Поторопитесь.

— Выезжаю, мистер Фрисби.

Мистер Фрисби повесил трубку и, поднявшись, принялся мерить шагами кабинет. Потом вернулся к столу, взял письмо, прочел его еще раз (уже в десятый), издал невнятный звук (пятнадцатый), положил на место и вновь принялся шагать. Он выглядел очень усталым, и окажись тут сейчас Берри Конвей, он бы по-братски положил руку на плечо шефу, похлопал его по спине и сказал: «Ну что, старина, в чем дело?». К счастью, Берри в данный момент находился у себя в комнате и предавался своим мечтам, кои были потревожены звонком.

Войдя в кабинет, он застал мистера Фрисби странно вальсирующим и похожим на тех миллионеров, которых обнаруживают в библиотеках с ножом в сердце.

— Сэр? — нежно спросил Берри.

— Мистер Роббинс еще не, прибыл?

— Пока нет, сэр, — вздохнул Берри.

— Черт подери!

— Очень хорошо, сэр.

Мистер Фрисби возобновил свой танец, только на минутку сделал паузу, чтобы в одиннадцатый раз перечитать письмо, лежавшее на столе.

Дверь распахнулась. Вошел секретарь.

— Мистер Роббинс, сэр! — объявил он.

Мистер Роббинс из конторы «Роббинс, Роббинс, Роббинс и Роббинс. Адвокаты и Поверенные в Делах» был в точности таким, каким вы могли бы его вообразить, судя по голосу в телефонной трубке. Он выглядел и вел себя так, словно присутствовал на ответственных похоронах. Сняв котелок, он возложил его на стол, словно траурный венок.

— Доброе утро, мистер Фрисби, — сказал он так, как будто вся

комната заполнена людьми, прощающимися с закладными и любовниками, прощающимися навеки.

— Роббинс! — вскричал финансист. — Меня провели, как молокососа!

Адвокат еще на миллиметр поджал тонкие губы, как бы желая сказать, что только этого и надо ожидать от мира, где нет ничего святого и где в любой момент самый безобидный и невинный из людей может лишиться дохода и собственности, причем на законном основании.

— Каковы факты, мистер Фрисби?

Мистер Фрисби издал рев морского льва, требующего рыбку в зоопарке.

— Сейчас скажу, каковы факты. Слушайте. Вы знаете, что я практически владелец «Прыткой Ящерки», медных приисков?

— Естественно.

— Так вот, позавчера там открыли новую жилу. Похоже, что богатейшую.

— Великолепно.

— Не так уж великолепно, — поправил его мистер Фрисби. — Жила начинается на самой границе «Прыткой Ящерки», а затем уходит в соседний рудник — чертову дыру под названием «Мечта Сбывается», которую все давным-давно похоронили. И вот туда-то уходит моя медь.

— Печально.

— Да, — подтвердил мистер Фрисби, глядя на поверенного какими-то странными глазами. — По меньшей мере.

— Конечно, — сказал мистер Роббинс, который обладал хорошими математическими способностями и быстро производил подсчеты в уме, — это значительно увеличило бы прибыльность соседнего участка.

— Вы правильно все поняли, — согласился мистер Фрисби. — И, разумеется, мне захотелось купить его втихую. Я навел справки и выяснил, что первый владелец продал его женщине, миссис Джервис.

— Вы с ней связались?

— Она умерла. Но мне вдруг вспомнилось, что мой секретарь упомянул как-то, что эта женщина — его тетя. И она завещала ему шахту.

— Ваш секретарь? Молодой Паркинсон?

— Нет. Паркинсон уволился. Это новый. Конвей. Вы с ним не знакомы. Он пришел ко мне и попросил совета насчет этой шахты. Сказал, что она пустая, добычи нет и ему хотелось бы от нее избавиться, чтобы выручить несколько сотен. Знаете, Роббинс, когда я это услыхал, то поверил в чудеса, чего со мной не бывало с тех времен, как я покинул

воскресную школу в Каркассоне, штат Иллинойс, тридцать пять лет назад. Вам вполне ясно, что произошло? Этот субъект прямо у меня в конторе, без всякого понятия о том, чем владеет. Я чуть самописку не сломал.

— Замечательно.

Мистер Фрисби сделал тур по кабинету.

— Думать было некогда, и теперь мне понятно, что я дал маху. Мне казалось, что, если я оформлю покупку на свое имя, он может заподозрить неладное. Поэтому я сказал ему, что у меня есть один знакомый, Дж. Б. Хоук, который скупает нерентабельные шахты, и я к нему обращусь. Этот Хоук выручил меня пару раз в делах, в которых я сам не хотел засвечиваться. Краснорожий жулик, который ошивается в финансовых кругах и всех знает. Он мне никогда не нравился, но я надеялся, что на него можно положиться. Я велел ему обратиться к Конвею и предложить пятьсот фунтов.

— За прииск, цена которому — миллионы? — сухо уточнил мистер Роббинс.

— Бизнес есть бизнес, — сказал мистер Фрисби.

— Разумеется, — ответил мистер Роббинс. — И ваш молодой человек принял предложение?

— Он ошалел от счастья.

— Тогда…

— Погодите! — прервал его мистер Фрисби. — Знаете, что случилось? Этот сукин сын Хоук купил шахту себе. Мне следовало догадаться, что он наверняка что-то заподозрит. Может, кто-то ему шепнул словечко. У него есть приятели в Аризоне. Оттуда вероятна утечка информации. Так или иначе, он выписал Конвею чек, получил квитанцию и теперь притязает на эту «Мечту».

— Дела, — покачал головой мистер Роббинс.

Мистер Фрисби сделал еще несколько па, очень изящных. Закончив пируэтом у стола, он взял письмо и протянул поверенному.

— Прочтите.

Мистер Роббинс сделал, что было велено, и издал два звука «хм» и один «э…». Мистер Фрисби жадно смотрел на него.

— Нельзя же позволить ему убежать с этой бумагой? — с надеждой спросил он. — Никак нельзя такое допустить. Даже не говорите мне, что это возможно. Это же грабеж средь бела дня.

Мистер Роббинс покачал головой. В этом не было ничего обнадеживающего.

— Не осталось ли у вас какого-нибудь документа, письменного

свидетельства о том, что Хоук действовал от вашего имени, как ваш агент?

— Конечно, нет. Я никогда не попадал в такую переделку.

— Тогда, мистер Фрисби, боюсь…

— Что он может улизнуть с бумагой?

— Боюсь, что так.

— Черт! — воскликнул мистер Фрисби.

Чело адвоката затуманилось мыслью. Он как бы взвешивал в уме, к какому разряду услуг, оказываемых его компанией, можно отнести то, что он решается предложить клиенту.

— Это же убийство первой степени! — выкрикнул Фрисби.

— Я обратил внимание, — сказал мистер Роббинс, — что этот мистер Хоук пишет о своем намерении прийти к вам нынче утром со своим адвокатом, мистером Беллами. Я хорошо знаю Беллами. Боюсь, что, если Беллами подтвердит законность сделки, никакой надежды не останется. Это очень компетентный юрист. Я высоко ценю мистера Беллами.

— Смотрите, что он пишет на второй странице. Посмотрите, что он мне предлагает!

— Да, я помню. Он предлагает вам слить «Мечту» с «Прыткой Ящеркой» и назвать объединенную собственность «Уголком Прыткой Ящерки, Инкорпорейтед»…

— И при этом хочет получить половину акций!

— Если за ним стоит Беллами, мистер Фрисби, именно половиной мы и должны пожертвовать.

— Но это же золотая жила!

— Насколько я понял — медная.

— Я в том смысле, что теряю очень много.

— Крайне неприятно, сэр.

— Как вы сказали? — тихо переспросил мистер Фрисби.

— Я сказал, крайне неприятно, сэр.

— Вот именно, — подтвердил мистер Фрисби. — Вы очень точно сформулировали.

Мистер Роббинс грустно и нежно посмотрел на свою шляпу.

— Если вам необходимо приобрести в собственность эту «Мечту», — сказал он, — я не вижу другого пути, кроме как принять предложение мистера Хоука. Он, несомненно, владеет этой шахтой и контролирует ее. Если вы пожелаете, я могу присутствовать на встрече, в которой я был бы счастлив участвовать, но ничем другим помочь не могу.

— Сможете, — сказал мистер Фрисби. — Вы хотя бы не дадите мне двинуть этого негодяя стулом по башке и попасть на виселицу за убийство.

Дверь открылась. Появился секретарь.

— Мистер Хоук! — объявил он басом.

И добавил, будто делая приписку карандашом к основному тексту:

— И мистер Беллами.

На пороге возник тандем Хоук-Беллами. Оба были явно в приподнятом настроении. Мистер Хоук изменился до неузнаваемости. Он ничем не напоминал того вертлявого человечка, который служил мистеру Фрисби много лет.

— Доброе утро, Пат, — бросил мистер Хоук.

— Доброе утро, мистер Фрисби, — сказал его спутник.

— Ну что же, — произнес мистер Хоук, — вы прекрасно выглядите.

— Как поживаете, Беллами? — осведомился мистер Роббинс.

— Прекрасно. А вы?

— В добром здравии, благодарю вас.

— Великолепно, — сказал мистер Беллами.

Он сел. Дж. Б. Хоук тоже сел. И мистер Роббинс сел. Мистер Фрисби уже сидел.

Совет начался.

Когда публика читает в газетах о том, что две финансовые компании договорились о слиянии, она даже отдаленно не представляет себе, какая кропотливая работа предшествует этой договоренности. Поэтому нижеследующее описание события, которое произошло в кабинете мистера Фрисби, вряд ли будет излишним.

Дж. Б. Хоук начал с вопроса о том, как идет у него игра в гольф. Мистер Фрисби вместо ответа обнажил зубы в улыбке, напоминая шакала, угодившего в капкан, на что мистер Хоук заметил, что у него самого наметился значительный прогресс по части первого удара, но попасть в лунку ему все еще нелегко. Он не уверен, в чем конкретно заключается трудность — то ли правая пережимает, то ли левая слабовата, но попадает он в одном случае из семи.

— Вот, к примеру, позавчера в Оксли… — сказал мистер Хоук.

Деловые люди умеют ясно выражать свои мысли. Дж. Б. Хоук не оставил у слушателей никаких белых пятен в представлении о том, что произошло позавчера в Оксли. Они будто сами там побывали.

Когда он закончил рассказ, мистер Беллами упомянул о похожем случае, имевшем место в позапрошлое воскресенье в Чизлхерсте.

— Очень забавная игра, — сказал мистер Беллами.

— Двух мнений быть не может, — сказал мистер Хоук.

— О гольфе можно говорить часами, — сказал мистер Беллами.

— Что правда, то правда, — сказал мистер Хоук. — Очень забавная игра. Часами можно о ней говорить.

В этот момент мистер Фрисби процедил сквозь зубы что-то нечленораздельное и сломал карандаш.

Ненадолго воцарилось молчание.

Возвращаясь к разговору, мистер Хоук попросил прервать его, если собеседникам известна эта история; но знают ли они про двух ирландцев?

И он со всеми подробностями пересказал эту историю, приправляя, где нужно, диалог сильным шведским акцентом. Закончив рассказ, он от души рассмеялся и передал слово следующему докладчику.

Им опять стал мистер Беллами. Преодолевая приступы смеха, вызванного анекдотом друга, мистер Беллами сказал, что припомнил похожий анекдот, где фигурировала парочка шотландцев, Дональд и Сэнди. Он извинился за то, что не может точно воспроизвести выговор, но по мере сил попытался это сделать, превратив северных бриттов в монстров, говорящих на диковинной смеси кокни и африкаанс. Самого мистера Беллами рассказ очень позабавил, и мистера Хоука тоже. Мистеру Фрисби показался особенно оскорбительным смех мистера Хоука. Ничего противнее и быть не могло.

Мистера Фрисби ни один из анекдотов не рассмешил. Мистера Роббинса тоже. Мистер Роббинс взял шляпу, погладил ее ладонью, пристально рассмотрел, будто взвешивая шансы появления из нее кролика, и положил на место — с почтительностью многомудрого человека. Мистер Фрисби, бросив на мистера Хоука взгляд, исполненный чрезвычайного презрения, взял лежавшую на столе отстегнутую манжету и начертал на ней:

«ДЖ. Б. ХОУК — КРАСНОРОЖИЙ РАЗБОЙНИК»

Между тем рассказчики обменивались между собой тошнотворно-ласковыми взглядами.

— Ну, вы отмочили, Макс, — сказал Хоук.

— И я чуть не лопнул от смеха от вашей истории, Дж. Б., — сказал Беллами.

— Мне вчера рассказали уморительную штуку про двух евреев, — сказал Хоук.

— Это какую? — сказал Беллами.

— Скажите, если слышали, — предупредил Хоук.

Как раз в этот момент мистер Роббинс из компании «Роббинс,

Роббинс, Роббинс и Роббинс» неохотно оторвал взгляд от шляпы, откашлялся, многозначительно прочищая горло, и произнес:

— Э… джентльмены.

— Да, — с готовностью отозвался Дж. Б. Хоук, понимая, что свершается переход ко второму кругу формальностей, — давайте вернемся к нашим баранам.

Некоторое время все молчали.

Первым нарушил молчание мистер Фрисби.

— Интересно, — задумчиво сказал он.

— Что именно? — живо спросил мистер Хоук.

— Да так, пустяки, — ответил мистер Фрисби. — Ваш инициал «Б» — это сокращенно что?

— Бернард, — с оттенком гордости ответил мистер Хоук.

— Неужто? — удивился мистер Фрисби. — А я думал — Бандит.

— Гм, — произнес мистер Хоук.

— Джентльмены, джентльмены! — воззвал мистер Роббинс.

— В самом деле, джентльмены! — поддержал его мистер Беллами.

— Совещание окончено? — обратился мистер Хоук к своему поверенному.

Мистер Беллами отрицательно покачал головой.

— Логическим завершением служит либо физическое Действие, либо банкет.

— Вот как? — переспросил мистер Фрисби вставая. — Не знал. Тогда приступим.

— Джентльмены, джентльмены, джентльмены, джентльмены! — воскликнул мистер Роббинс, как будто все четыре Роббинса заговорили одновременно.

Опять все умолкли.

— Так мы ни до чего не договоримся, — укоризненно проговорил мистер Хоук.

— Верно, — сказал мистер Роббинс, глядя на мистера Фрисби, как любящий отец на провинившегося сына.

— Прошу вас, джентльмены, — вставил мистер Беллами, — давайте попытаемся избежать того, что можно назвать словесной дуэлью.

— А также личными выпадами, — подхватил мистер Роббинс— Недружественными актами. Конфронтация, как правильно заметил мистер Хоук, ни к чему хорошему не приведет.

— По правде сказать, нам и идти-то никуда не надо, — с вернувшейся к нему прежней живостью добавил мистер Хоук. — То есть мы уже

пришли. Понятно, что я имею в виду? Толковать-то не о чем. Все ясно, как Божий день. Я владелец «Мечты Сбывается», так? Нет, скажите, да или нет? Ежели кто не согласен, пусть объяснится. Пускай выложит все начистоту. Вот скажите мне, — обратил он свой вопрос непосредственно мистеру Фрисби, — вы ведь не собираетесь оспаривать мой статус? Нет ведь? Ну тогда давайте перейдем прямо к индейке.

— Какой индейке?

— Американская поговорка, — пояснил мистер Беллами. — Означает — давайте сконцентрируемся на нашем… э… казусе.

— Весьма характерное речение, — заметил мистер Роббинс.

Мистер Фрисби, умевший проигрывать, не стал уклоняться от сути вопроса.

— Вы завладели «Мечтой Сбывается», как какой-нибудь Капитан Кидд или Джесси Джеймс.

— Позвольте! — воскликнул мистер Роббинс.

— Вы можете владеть «Мечтой», но не сможете производить добычу без моего транспортера. Вам придется перевозить руду по горам на мулах.

— Мой клиент, — заявил мистер Беллами, — в курсе дела. Абсолютно. Поэтому он и предлагает вам это присоединение.

— Слияние.

— Это присоединение или слияние.

— Думаю, что я тоже могу быть совершенно откровенен, дорогой Фрисби, — сказал мистер Роббинс— Так вот, по моему мнению, моему тщательно взвешенному мнению, альтернативы предложению мистера Хоука у вас нет.

Резкий звук нарушил молчание, последовавшее за этим заявлением. Это чихнул мистер Фрисби, и на этом чихе завершилась, так сказать, художественная часть совещания. Далее инициатива перешла к юристам, и беседа продолжилась в деловом, довольно скучном ключе. А поскольку никакой историк не пожелал бы испортить чистые страницы хроники абракадаброй, которую несут адвокаты, встречаясь друг с другом, дальнейшее описание события мы тоже опустим.

Мистер Беллами вытащил из портфеля проект меморандума и вручил мистеру Роббинсу, добавив на словах, что полагает данный текст исчерпывающим. Мистер Роббинс, водрузив на нос особые очки в знак важности момента, изучил документ и согласился с вышесказанным. Мистер Беллами зачитал меморандум вслух, мистер Хоук сказал «да». Мистер Фрисби сидел и страдал.

Затем оба законника удалились, продолжая беседовать о двойном

налогообложении, наследственном праве и тому подобном, как это в обычае у людей их профессии. Мистер Хоук, убедившись, что дверь плотно закрыта, осторожно приблизился к столу мистера Фрисби.

— Эй, — сказал мистер Хоук.

Мистер Фрисби безучастно взглянул на него. Он сидел, уронив голову на руки.

— Вы еще здесь? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Хоук.

— Почему? — без тени гостеприимства спросил мистер Фрисби.

Мистер Хоук доверительно перегнулся через стол.

— Послушайте, — сказал он, — раз уж эти двое смылись, мы можем побеседовать по душам.

В ответ мистер Фрисби проинформировал мистера Хоука, что, на его взгляд, он, мистер Хоук, — вор и грабитель, разбойник с большой дороги, карманник и похититель тел. Однажды, сказал мистер Фрисби, в Мексике довелось ему видеть гремучую змею, и у него сложилось очень неблагоприятное мнение об этом пресмыкающемся, но уж если бы ему, мистеру Фрисби, пришлось выбирать партнера для беседы по душам, он предпочел бы гремучую змею, а не мистера Хоука. Уж лучше ему обняться с сотней гремучих змей, чем беседовать с мистером Хоуком. Потому что, объяснил он, он считает мистера Хоука собакой, червем, скунсом, шакалом и мерзейшим вымогателем.

— Это так, но шутки в сторону, — дружелюбно сказал мистер Хоук. — Послушайте, Теперь, когда мы стали партнерами, надо кое о чем договориться. Как насчет акционеров? То есть, как вы думаете, когда мы известим их о слиянии — может быть, после того, как выкупим все акции?

Мистер Фрисби промолчал.

— Можем потерять до пятидесяти пунктов на каждой акции, когда дельце откроется. Хотя почему пятьдесят? Как начнут скупать…

Мистер Фрисби задумчиво жевал кончик ручки.

— Знаете, что такое медь? — вопросил мистер Хоук. — Очень нестабильная вещь. То цена на нее падает, то возносится на самое небо. Помню, первые акции я купил у компании «Зеленый Ханаан* по двадцать пять. Продал по пятьдесят и потом кусал локти, потому что акции сразу подскочили до двух сотен. Сегодня можно скупить все акции «Прыткой Ящерки», и у вас еще останется, на что выпить и закусить. А как только просочится информация о слиянии компаний, «Нэшнл Сити Бэнк» должен будет выложить всю наличность, чтобы прикупить полдюжины. Вот что такое биржевая игра. Это я вам говорю. Так что нам с вами надо заключить

одно маленькое джентльменское соглашение.

— Кто тут джентльмены? — заинтересовался мистер Фрисби.

— Вы и я.

— А!

Мистер Хоук продолжил.

— Мы быстренько охомутаем этих биржевиков. Если начать продавать акции по паре тысяч за раз, народ начнет принюхиваться.

Мистер Фрисби едва сдерживался, ерзая в кресле. Он был оскорблен в лучших чувствах — этот так называемый компаньон полагает, что может учить его азам финансового дела.

— Вы идете к своему брокеру и начнете продавать, — гнул свое мистер Хоук, не замечая в собеседнике знаков нетерпения, — а уж он, чтоб мне лопнуть, постарается. Он известит своих клиентов о том, что президент «Прыткой Ящерки» вышел из подполья и это подозрительно. И они кинутся скупать.

— Естественно, — буркнул мистер Фрисби.

— А вы пойдете к нему на биржу и шепнете на ушко, что желаете продать пару-тройку тысяч…

— Без вас знаю, — сказал мистер Фрисби.

— А мы тем временем скупаем все подчистую в Париже или Амстердаме. Ну, каково?

Мистер Фрисби хмуро молчал. В смысле морали у него не было никаких возражений против предложенной схемы. Он ее полностью одобрял. Его огорчало лишь то, что, получая выгоду, он тем самым обогащал и мистера Хоука.

— Ну что, идет? — спросил упомянутый джентльмен.

— Да, — ответил мистер Фрисби.

— Порядок, — заключил мистер Хоук. — Значит, дело сделано.

Лицо его горело воодушевлением.

— Я знал, что день, когда я стану вашим партнером, будет для меня счастливейшим, Пат, — по-приятельски сказал он.

— Я тебе не Пат, — неласково сказал мистер Фрисби.

— А как ваше имя?

— Не твое дело.

Это был щекотливый пункт. Много утекло времени, но он до сих пор не мог забыть того дня, когда главный заводила у них в школе выведал его тайну.

— Ну что ж, я пошел, — сказал мистер Хоук.

— Сделай милость, — сердечно отозвался мистер Фрисби. — Хочется

поскорее открыть окна и проветрить.

— Кстати, а вы не слыхали историю про двух…

— Слыхал.

— Тогда я пошел.

— Очень рад.

Дж. Б. Хоук победоносно прошествовал к выходу и, перешагнув порог, наткнулся на что-то внушительное.

— Смотрите, куда идете, — недовольно буркнул он.

— А, здравствуйте, мистер Хоук! — дружелюбно ответили ему.

Дж. Б. Хоук узнал молодого человека, которого без преувеличения можно было назвать основателем его благосостояния. Именно этому молодому человеку он был обязан удовольствием сидеть в кабинете Т. Патерсона Фрисби и учить последнего уму-разуму. Это приятное воспоминание умерило боль в большом пальце ноги, на который Берри наступил.

— А, приветствую вас, мистер Конвей! — радушно воскликнул мистер Хоук. — Не желаете ли хорошую сигару?

— Благодарю.

— Как делишки, мистер Конвей?

— Прекрасно. А у вас?

— Отлично.

— Значит, мы оба в порядке. Замечательно! — заключил Берри.

— Нет ли у вас еще рудников на продажу? — осведомился мистер Хоук.

— Нет. У меня был один-единственный. Могу предложить вам пять тысяч акций «Федерального Красителя», если пожелаете.

— Нет, не требуется.

— Нет так нет. Надеюсь, вы довольны покупкой. Мистер Хоук нахмурился.

— Вы меня здорово нагрели, — сказал он. — Двадцать пять тысяч долларов за клочок пустыни, заросшей кактусами. Ничего не скажешь, ловкий вы делец.

Берри, пребывавшему в настроении полного благодушия и не желавшему замечать вокруг себя ничего, кроме улыбок, расточаемых ему, показалось, что надо произнести слова утешения. Ему тоже казалось, что мистер Хоук пошел на поводу собственного благородства и потерпел убытки.

— Ну что вы! — искренне запротестовал он. — Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Не удивлюсь, если в один прекрасный день

«Мечта Сбывается» станет приносить вам миллионный доход!

Лицо мистера Хоука снова оживилось. И тут же омрачилось опять. До него вдруг дошло, что Берри стоит слишком близко к двери кабинета.

Что, если его слова услышал кое-кто еще?

Мистер Хоук мысленно пробежал содержание разговора. К своему ужасу, он обнаружил, что в нем содержалась откровеннейшая информация. «Надеюсь, вы довольны покупкой, — сказал этот парень. А потом затрещал насчет будущих миллионов.

Он сверлил собеседника глазами, словно стараясь заставить его говорить тише.

— Почему вы так думаете? — прошелестел он.

— Просто так подумалось, — ответил Берри с приятной улыбкой.

Собственно, эта улыбка могла бы показаться приятной кому угодно, но не Дж. Б. Хоуку. Ему виделось в ней тайное злорадство.

— Кажется, мне звонят.

— Разве? — медленно переспросил мистер Хоук. — Я ничего не слышал.

— Ложная тревога, — успокоился Берри. — Пойду в свою конуру.

Мистер Хоук проводил его взглядом. Потом сорвался с места, распахнул дверь в кабинет, подбежал к столу и приник губами к уху мистера Фрисби.

— Ш-ш-ш, — прошипел он.

Мистер Фрисби отшатнулся и вытер ухо.

— Ты еще здесь? — спросил он. — Может, тебе тут кровать поставить? Во сколько утром разбудить?

Какой сарказм. Какая горечь. Но иногда сарказм и горечь оправданы и извинительны.

— Слушайте, — обратился к нему мистер Хоук, — я только что встретил вашего секретаря. Он стоял за дверью.

— Ну и что?

— А то, что он, наверное, подслушал наш разговор. Я, к примеру, достаточно громко говорил.

— Как всегда. Это одна из причин, по которой я тебя терпеть не могу.

— Кроме того, он обронил что-то насчет миллионов, которые может приносить рудник «Мечта Сбывается».

— Правда?

— Истинно так. Слушайте. Если информация о нашем маленьком соглашении просочится прежде, чем мы успеем сделать реальные шаги, мы погибли. Этот парень начнет скупать акции раньше времени. По бросовой

цене. Он может скупить тысячи акций и затаиться в ожидании, пока они не пойдут вверх. А когда мы вступим в дело, они станут уже недосягаемыми, и мы все потеряем прямо на старте. Таких случаев масса. Помню, несколько лет назад, когда я работал у Мостина и Кона в Детройте, тоже произошла утечка информации.

— Как не произойти, ежели ты там работал, — язвительно заметил мистер Фрисби.

— Я тут ни при чем, — обиделся мистер Хоук. — Я знать ничего не знал. Но кто-то кому-то что-то шепнул, а Мостин и Кон оказались за бортом. В первый день акции взлетели на шестьдесят пунктов, а Мостин и Кон смотрели на это безобразие и ничего не могли поделать и обвиняли друг друга. Они прогорели вчистую. И нам грозит то же самое, если мы не примем меры заранее. Надо выгнать этого парня, Пат.

— Не смей называть меня Патом, — сказал мистер Фрисби. — Какой смысл выгонять его?

— Ну надо что-то делать.

— А он объяснил, почему стоял за дверью?

— Сплел историю про то, будто вы позвонили.

— Гм, — хмыкнул мистер Фрисби. — Ну ладно, прощай.

— Может, мне подождать?

— Не вижу никакого смысла. Ступай прочь и не возвращайся, покуда не позовут.

— Все-таки у меня душа не на месте.

— Твоя душа и не может быть на месте.

Некоторое время Т. Патерсон Фрисби сидел, медленно раскачиваясь в кресле. Он думал не о Берри. Паника партнера не родила в нем никакого беспокойства. Его волновала только мысль о том, что в мире, где, как говорили, всегда есть место подвигу, не нашлось человека, который взял бы на себя труд линчевать Дж. Б. Хоука. Это, надо сказать, вопиющая небрежность.

Почти двадцать минут провел он в раздумьях о мистере Хоуке. В конце этого периода времени, когда мысль откристаллизовалась и воплотилась, как было в обычае мистера Фрисби, в слова, он взял манжету и начертал:

«ДЖ. Б. ХОУК —…».

В минуты сильных страстей почерк может изменить человеку. Так вышло и на этот раз. Так что мы никогда не узнаем, что собирался

написать мистер Фрисби.

ГЛАВА IX

1

Полный провал миссии брата Джорджа в Вэлли Филдс убедил леди Веру Мейс в истинности старинной поговорки, гласящей, что, если хочешь сделать хорошо, делай сам. Хоть и неохотно, поскольку и без того у нее забот хватало, несколько дней спустя леди Вера села на поезд в 6.34 и у врат «Мирной заводи» встретила племянника, лорда Бискертона, который как раз из них выходил. Еще мгновение, и они бы разминулись.

Если бы так случилось, Бискертону повезло бы. Внезапное появление совершенно нежеланной тетушки подействовало на него, как призрак Банко в известный момент подействовал на Макбета.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Какими судьбами тебя сюда занесло?

— У меня к тебе разговор, Годфри.

— Это невозможно, — запротестовал Бисквит. — Я не готов к откровениям.

Его чувства можно было понять. Он направлялся в Кастлвуд за мисс Вэлентайн, чтобы повести ее в «Бижу Палас» на углу Роксбур-роуд и Миртл-авеню — место встречи сливок общества Вэлли Филдс. Поскольку он знал, что делает это исключительно из жалости к одинокой крошке, чужой в чужом для нее мире и лишенной всяких удовольствий, то менее всего ему хотелось, чтобы ему помешали в этом любопытные глаза близкой родственницы.

— Я занят, — сказал он. — Масса дел. Куча встреч. Я в кино иду.

— То, что я собираюсь тебе сказать, гораздо важнее любого кино.

— Но не этого. Будет фильм об испанском луке. Чрезвычайно познавательный, с прелестной музыкальной темой.

— Я задержу тебя всего на несколько минут. У меня в 7.10 обратный поезд. Я вечером обедаю с леди Корсторфайн у «Марио».

— А! — с облегчением выдохнул Бисквит, — Тогда другое Дело. Я провожу тебя на станцию.

Он поспешил увести ее за угол, на асфальтовую дорожку, которая вела подальше от его дома. Только когда Малберри-гроув скрылся из виду, Бисквит перевел дух.

— Как тебе удалось пронюхать, где я поселился? — спросил он. — Где у нас утечка информации?

— Отец был у тебя и выведал у Веннера.

— Все ясно. Как он поживает, кстати? В добром здравии? По-прежнему подворовывает молоко у кошки и стреляет бычки на улице?

— Его здоровье и финансы в обычном состоянии.

— Бедняга! — сочувственно произнес Бисквит. — Странно, до чего же всем в нашей семье не везет на деньги.

— Он говорит, что надеется сдать Эджелинг мистеру Фрисби. Хорошо бы. Но я здесь не за тем, чтобы обсуждать твоего папашу. Я хочу поговорить об Энн.

— Да ну? О старушке Энн? Как она?

— Очень хорошо.

— Заражает тебя своей искрящейся молодостью? Вечеринки, рауты, обеды?

— Когда я уезжала, она отвечала на поздравительные письма. Так мне показалось.

— Показалось? У вас что — секреты друг от друга?

— Очень может быть, — ответила леди Вера, — что она писала друзьям, что поздравления не нужны, ибо она расторгает помолвку.

У Бисквита отвалилась челюсть.

— Чего-чего?

— Где ты набрался таких вульгарных оборотов?

— А? Ой, — спохватился Бисквит, — это у соседа. Он… гм… из Америки. Из очень уважаемой семьи. Это выражение означает удивление и недоверие. Так с чего вдруг Энн заявлять, что она расторгает помолвку?

— С того, что она действительно намеревается ее расторгнуть. Бисквит во все глаза смотрел на тетку.

— Что за чушь! Она хочет дать мне отставку?

— Да.

— То есть пинка под зад?

— Да.

— С какой стати?

Леди Вера принялась излагать текст, который вчерне подготовила по пути.

— Твой отец и я серьезно обеспокоены, Годфри. Мы оба считаем, что ты делаешь огромную ошибку, скрываясь в этой глуши.

— Но мне пришлось. Разве папаша не объяснил тебе? Меня загнали в угол. Целая стая голодных волков гналась по моему следу. Я, как заяц,

бросился в холодный поток, чтобы укрыться от погони. Мне носа нельзя было высунуть из дома, без того чтобы не услышать улюлюканье и крики «ату его!».

— Все это мне известно, — нетерпеливо прервала его леди Вера. — Разумеется, твое появление в окружном суде было бы роковым для семьи. Но зачем понадобилось врать Энн, будто ты заболел свинкой?

— Приятель посоветовал. Видишь ли, надо было как-то объяснить внезапное исчезновение с горизонта такой популярной фигуры, как молодой лорд Бискертон. Не мог же я пропасть, словно в воду канул.

Леди Вера не фыркнула в ответ, потому что была женщина воспитанная. Но некий звук, похожий на фырканье, она издала.

— Идиотская увертка. Настолько глупая, что я могла отнести ее только на счет твоей изобретательности.

— Зачем же так грубо, — уязвленно ответил Бисквит. — Мне показалось, что это как раз очень ловко придумано. Свинка — болезнь заразная, так что Энн не затеяла бы меня навестить, чтобы поправлять подушки и обнаружить, к своему удивлению, нетронутую постель. Если уж это не замечательная идея, тетя Вера, то, должен признаться, я просто не знаю, чем тебе можно угодить.

— Но ведь свинка! Сказать такое Энн — девушке утонченной и романтичной!

— Какая тут связь?

— Побойся Бога, Годфри!

— Замечательное название для мюзикла! — с энтузиазмом подхватил Бисквит. — Так и видишь афишу где-нибудь… Но я тебя перебил, — спохватился он, заметив на лице собеседницы признаки недовольства.

— Я собиралась сказать тебе следующее. Я считаю — и твой отец разделяет мое мнение, — что Энн приняла твое предложение не подумав. Поэтому все может измениться под влиянием самой пустяковой причины. А ты сознательно поставил себя в такое положение, что при мысли о тебе она сразу вообразит раздутую, как арбуз, мордуленцию.

— То есть ты полагаешь, — недоверчиво переспросил Бисквит, — что такая милая девушка, как Энн, может поддаться…

— Свинка — это просто нечто немыслимое!

— Что ж, — с горечью сказал Бисквит, — если таково женское сердце, остается только констатировать: вот вам и прекрасный пол! Именно так: вот вам и прекрасный пол!

— И вдобавок ко всему, у меня есть основания подозревать, что Энн встретила мужчину, который произвел на нее сильное впечатление.

Бисквит во второй раз открыл рот. Это была сногсшибательная новость.

— Не может быть!

— Может. Она очень странно себя ведет.

— И что же мне делать?

— Ты должен вернуться.

— Я не могу.

— Можешь. Ты должен вернуться в город и сказать Энн, что никакой свинки у тебя нет. А в оправдание своего отсутствия можешь сказать, что срочно уехал в Париж. Мы все обсудили с твоим отцом, и он согласился, что неплохо будет и в самом деле съездить в Париж. Я оплачу расходы. Вероятно, я осилю и расходы Энн. Поезжайте на недельку-другую, Энн там понравится.

— Вот уж нет! — горячо запротестовал Бисквит. — Я терпеть не могу Париж. Ненавижу этот город. Там полным-полно народу и все болтают по-французски, от которого меня тошнит. Ужасно манерный язык.

— Лучше говорить по-французски, чем по-дурацки.

— И вообще, мне хочется остаться здесь.

Леди Вера испытующе посмотрела на племянника.

— Почему? Что за странное влечение к этому необыкновенному месту?

— Мне здесь нравится, — упрямо сказал Бисквит. — Здесь есть какое-то тихое очарование. Мне нравится гулять вечерами в саду, попивать винцо вдали от жеманных девиц и юных ловеласов.

— Ты затеял флирт с какой-нибудь девушкой из здешних, Годфри? — напрямик спросила леди Вера.

Окажись в тот момент в Вэлли Филдс сотня племянников, которых столь же пристрастно допрашивали бы родные тетушки, ни один из них не выказал бы такого удивления, как Бисквит.

— Я? — вскричал он. — Я!

— Не знаю, так это или нет, но скажу тебе вот что. Если не хочешь потерять Энн, немедленно оставь Вэлли Филдс и вернись в цивилизацию.

К перрону подошел поезд. Лорд Бискертон помог тете подняться в вагон первого класса.

— Придумал! — радостно известил он ее на прощанье. — Вот соломоново решение. Передай Энн, что никакой свинки у меня нет, но я состою на секретной службе и отправлен на задание, суть которого не имею права разглашать. Это вернет румянец на ее щечки. Она будет думать о своем Годфри с восторгом и уважением.

Ровно в 7.10 поезд отошел от перрона. В нем ехала леди Вера, унося с собой самое неблагоприятное мнение о племяннике. Мнение леди Веры об интеллектуальном уровне лорда Бискертона, и без того низкое, упало до рекордной отметки. Она раздумывала над тем, за какие грехи Провидение покарало ее таким родством, и не могла вспомнить ничего, равного по масштабу этой каре. Она глубоко вздохнула и вернулась к единственному утешению, доступному женщинам в минуты скорби, — открыла сумочку, достала пудреницу и принялась пудрить нос.

А Бисквит бегом помчался назад в «Замок».

2

Пока шел вышеизложенный разговор, в квартире леди Веры на Дэвис-стрит, Мейфейр, Энн сделала паузу в писании, чтобы в очередной раз побеседовать по душам со своей Совестью. С памятного вечера бала Бэсингеров в отеле «Мазарин» эта Совесть сделалась совсем несносной.

— Устала? — спросила та с притворным участием.

— Нет.

— А почему тогда не пишешь?

— Не знаю.

— Может, хочешь подумать? Поразмышлять? Уж не о событиях ли в «Мазарине»?

— А что такое?

— То был очень неблаговидный поступок с твоей стороны, — сурово ответила Совесть. — Он бросает на тебя тень. Не понимаю, почему ты не прилагаешь усилий, чтобы забыть его. Ты, надеюсь, отдаешь себе отчет в том, что, запоздай Тодди Моллинг всего на минуту, этот человек тебя поцеловал бы?

— Думаешь?

— Ты и сама это знаешь. И тебе бы это понравилось. Вот что меня больше всего огорчает. Даже удручает. Именно это…

— Ну ладно, — оборвала ее Энн.

Но Совесть не так-то легко заглушить.

— Такая порядочная девушка — и нате вам! Всегда гордилась собственным благоразумием. Никогда не понимала сверстниц, которые легко попадались в ловушку вроде этой. И что же? Вешаться на шею мужчине! Тьфу!

Энн передернулась.

— Да, вешаться на шею! Когда ты помолвлена с таким приятным молодым человеком, наследником одного из высокороднейших английских аристократов! Мало того, этот молодой человек в эту самую минуту прикован к постели, и ты — его единственное утешение. «Вот уже и агония, — говорит он, корчась от боли, — и последнее, что у меня остается, — любовь Энн. Энн мне верна. Энн не бегает по вечеринкам с первым встречным-поперечным». Вот что он говорит, этот молодой человек.

— Но у него же свинка.

— И что с того?

— Это так глупо.

— Сердцу не важны размеры лица.

— Наверно, — с сомнением протянула Энн. Повисла пауза.

— А тот, другой, — продолжала Совесть. — Что ты о нем знаешь? Если говорить без обиняков, уверена ли ты, что он тебя достоин?

— С таким лицом, как у него, — конечно.

— Статистика показывает, что пятьдесят процентов убийц и прочих преступников очень симпатично выглядят. Нельзя судить по внешности.

— Он единственный по-настоящему романтичный из всех моих знакомых.

— Романтичный! Вот в чем твоя беда, — уличила ее Совесть, попав в самую точку. — Знаешь, кто ты? Глупая, сентиментальная школьница. Да, именно так. Романтика! Что за чушь! Тебе мало романтики в том, чтобы стать будущей графиней Ходдесдон? Мне стыдно за тебя.

— Мне надо письма писать, — сказала Энн.

Она вернулась к своему занятию. Сколько идиотов поспешили пожелать ей счастья, хотя им следовало бы знать, что ей совсем не по душе брак с лордом Бискертоном… Она строго одернула себя. Вот за такие мысли Совесть безжалостно грызет ее в последние дни.

«Дорогая леди Корсторфайн, — прилежно вывела она. — Как мило с вашей стороны…»

— Тьфу! — вырвалось у нее.

Она отложила ручку. Сил нет писать.

— ? — безмолвно вопросила Совесть.

— Ладно уж, — послушно ответила Энн.

Она добила письмо к леди Корсторфайн. Две страницы девической чепухи, от которой у нее зубы заломило. Потом взяла следующее из стопки писем.

«Лесной замок»,
Малберри-гроув,
Вэлли Филдс
Дорогая Энн. Боюсь, что ты уже забыла меня…»

Энн взглянула на подпись.

«К. Вэлентайн».

Чувство, похожее на острую ностальгию, охватило Энн Мун. Кичи Вэлентайн! Девушка, с которой они так весело провели время на пароходе, когда плыли из Америки. С тех пор прошел целый век. Она почувствовала себя виноватой. Она заводила дружбу с легкостью котенка, а Кичи искренне полюбила. Расставаясь на вокзале Ватерлоо, обе обещали другу часто встречаться… И вот уже столько недель она в Англии, а ни разу даже не вспомнила о Кичи.

Ох уж эти пароходные знакомства!

Чтение письма только усилило чувство вины. Бедняжка Кичи! Она, видно, помирает со скуки. Этот ее дядюшка, должно быть, был душой общества у вустерских гвардейцев, но для юной девушки он негодная компания. Правда, в письме упоминалось про какого-то соседа, некоего мистера Смита, по-видимому, очень приятного, но о нем было сказано вскользь, зато очень много об отсутствующем Мервине Флоке. От Мервина, судя по всему, уже с месяц не было весточки, и это огорчало Кичи Вэлентайн гораздо больше, чем привычка дяди Эвералда спать после обеда, храпя, как полковая труба.

Энн опять отложила ручку. Ее жгло желание помочь ближнему. Письмо, полученное как раз в первый свободный вечер, выдавшийся у нее за последние дни, придало ей решимости. Хозяйки, по счастливому стечению обстоятельств, тоже не было дома. Следовательно, можно и нужно немедленно отправиться прямо в этот «Замок», забрать Кичи и поехать куда-нибудь вместе поужинать. А потом они придут сюда и всласть поболтают.

Ее двухместный автомобиль стоял за углом. Спустя десять минут, выяснив, что дорога в Вэлли Филдс лежит через Слоан-сквер, Клэпхем, Брикстон и Херн Хилл, она отправилась в путь. Спустя полчаса она подъехала к Кастлвуду. Спустя тридцать две минуты ей сообщили, что мисс Вэлентайн нет дома, — Она ушла в кино с мистером Смитом из «Заводи», — доложила Глэдис.

— Хорошо, скажите, что я наведывалась.

Энн почувствовала себя слегка уязвленной. Разумеется, нельзя отказывать Кичи в невинных удовольствиях, которые она могла урвать от жизни, но экспедиция по спасению потерпела неудачу. Благородный порыв скрасить монотонность жизни в Кастлвуде пропал втуне; несмотря на жалостные истории о несчастной доле, у Кичи, оказывается, всегда под рукой какой-нибудь Смит, который помогает справиться с тяготами жизни.

Взгляд ее привлекло сверкание воды по ту сторону дороги. Она подошла к берегу и стала смотреть на лебедей. Нельзя сказать, что они показались во всей красе. На Малберри-гроув опускались сумерки, и Эгберт с Перси собирались спать. Оба плыли по воде, спрятав головки под левое крыло, и если есть зрелище, более утомительное, чем лебедь с головкой, спрятанной под крыло, так это два лебедя в этой самой позиции. Энн отвернулась, и в тот же момент обнаружила, что ее тет-а-тет с природой нарушен. О калитку дома под названием «Уголок» опирался молодой человек. К улыбающимся небесам подымался табачный дым.

Энн направилась к машине. В провинциальном уюте Малберри-гроув было нечто интимное, привносившее в пребывание мужчины и женщины с глазу на глаз некую неловкость. У Энн было чувство, будто ее закрыли в одном купе наедине с этим молодым человеком и тот вот-вот ввяжется в разговор, спросив для начала, не мешает ли ей дым его

трубки.

Но когда он-таки начал разговор, то не затем, чтобы спросить разрешения курить. Когда она проходила мимо него, у него вырвался громкий возглас. В ту же секунду калитка распахнулась, и молодой человек вырос рядом с Энн.

Она остановилась. Обернулась. И уже приготовилась сказать что-нибудь строгое, сопровождая реплику выражением недоступности на лице.

Вместо этого она беззвучно открыла рот и безмолвно уставилась на молодого человека. Выражение недоступности сменилось откровенным удивлением.

— Ах, — выдохнула Энн.

Лебедь Эгберт, пробужденный ото сна, издал недовольный крик и снова задремал.

3

Берри Конвей вышел из дома покурить в благодушном dolce far niente

— сладости ничегонеделания. Его притянула не только красота летних сумерек. Его выгнали причитания Обломка Прошлого, которые грозили длиться вечно.

Возвратившись из города, он сразу почувствовал, что его няня уже не та спокойная почтенная дама, что прежде. Теперь она вся была во власти какого-то мощного, до поры дремавшего в ней чувства. Говорила она теперь низким хрипловатым голосом. Иногда презрительно фыркала. И, подымаясь по лестнице, Берри спиной чувствовал ее взгляд безъязыкого животного, пытающегося что-то сказать.

Это было в половине седьмого. Спускаясь по лестнице без четверти семь, он застал ее в холле. Ясно было, что сейчас должно что-то произойти. Обломок Прошлого пребывала в состоянии, которое заядлый разгадчик кроссвордов описал бы как беспокойство, волнение, возбуждение, тремор, горячка, кипеж (сленг), мандраж (разг.) и буйство.

Без десяти семь все прояснилось. Сержант Финбоу, до сего дня известный как констебль Финбоу, отметил повышение по службе предложением руки и сердца Обломку Прошлого.

В четверть восьмого она все еще уверяла мастера Берри, что не может и помыслить о том, чтобы оставить его без своей опеки. В семь двадцать, приложив все силы, Берри почти преуспел, доказывая, что сумеет выжить и без ее заботы. В половине восьмого причитания возобновились с новой силой. В семь тридцать пять, с трудом выйдя из клинча, Берри зажег трубку и ретировался, чтобы, облокотясь о калитку, предаться мыслям о нечаянной радости.

Как только судьба Обломка Прошлого устроится, можно будет выбросить ее из головы и зажить спокойно. Она всегда горой лежала на его плечах. Теперь перед ним открывалось великолепное, безмятежное будущее. Теперь прощай, «Уголок». Прощай, Фрисби. Он начнет новую жизнь. Мир, как устрица, лежит перед ним на тарелочке, и он полон решимости вскрыть раковину вилкой.

Итак, он стоял у забора, строя грандиозные планы. Теперь, готовясь покинуть Малберри-гроув, он проникся тихой прелестью этого местечка. Через дорогу стояла у пруда девушка и смотрела на лебедей. При виде ее мысли Берри незаметно повернули в свое излюбленное русло, и на некоторое время Малберри-гроув и весь мир вместе с ним заволокло туманом.

Вдруг туман рассеялся, и Берри увидел, что девушка идет прямо к нему.

4

Энн заговорила первой, хотя еще и не справилась с дыханием. Она только что пополнила ряды уверовавших в Предопределение, и, как все новообращенные, была переполнена этим чувством. Конечно, сама Судьба устраивает так, что, где бы она ни появилась, этот молодой человек мгновенно материализуется из воздуха, оказываясь рядом с ней. Так что Совести не в чем ее упрекнуть — это Судьба виновата.

Энн заговорила с детским изумлением.

— От вас никуда не скроешься.

Берри молча смотрел на нее. Мысль о Предопределении его головы еще не достигла. По его теории, насколько он был способен теоретизировать, эта необыкновенная случайность не обошлась без силы его воли. Напряженные думы об этой девушке перенесли ее откуда-то из центра Лондона в Малберри-гроув, Вэлли Филдс. Что, учитывая дистанцию в семь миль, было неплохим достижением.

— Это в самом деле вы? — выговорил он.

Энн подтвердила.

— Вот так случайность, — сказал Берри, — просто глазам своим не верю. Что?..

— Что? — одновременно спросила Энн.

— Извините.

— Вы что-то хотели сказать.

— Я хотел спросить, что вы здесь делаете.

— И я, я тоже хотела об этом вас спросить. Я приезжала навестить подругу. — Энн умолкла, пытаясь сосредоточиться. — Вы здесь живете?

Конечно, всякий знает, что и секретные агенты должны где-то жить, но их образ жизни плохо увязывается с тихими провинциальными заводями.

Берри дорого бы дал, чтобы отрицательно ответить на заданный вопрос. Он сгорал со стыда за Малберри-гроув. Занюханный, скучный, невыразительный угол. Для человека, за которого он себя выдал, самым подходящим местом была опиумная курильня «Черный Джек» в Дептфорде.

— Да, — выдавил он.

— Почему?

Берри ответил честно.

— Нам на секретной службе мало платят.

— Как жаль! — посочувствовала Энн. — За такую опасную работу!

— Это точно. Оба замолчали.

— Что? — спросила Энн.

— Что? — спросил и Берри.

— Извините, — сказал Берри.

— Говорите, пожалуйста, — сказала и Энн.

— Нет, вы говорите, — сказал Берри.

— Что с вами произошло в тот вечер, на балу?

— Меня выгнал усатый. Он, кажется, шишка какая-то.

— Это был ваш хозяин?

— Вот уж не мой.

У Энн округлились глаза.

— То есть вас туда не приглашали?

— Только чтобы выгнать.

— А как же…

— Я пришел, чтобы увидеть вас.

— О! — выдохнула Энн.

— Я стоял в холле и увидел, как вы входите в кабину подъемника.

— Лифта?

— Лифта, — повторил Берри, не возражая против поправки. — Мне сказали, что наверху танцуют, ну я и пошел вслед за вами.

Энн овладела непонятная робость. Ее даже пробрала дрожь. От предвосхищения чего-то важного, что должно было сейчас произойти, у нее закружилась голова.

Превозмогая себя, она постаралась поддержать беседу на легкой ноте.

— Столько народу собралось на этот бал, — беспечно сказала она.

— Я, кроме вас, никого не видел, — сказал Берри. Легкая нота не прошла. И Энн начала понимать, что для поддержания разговора в рамках границ, одобряемых бескомпромиссной новоанглийской Совестью, ей следует быть более сдержанной. Она вспомнила, как не так давно, беседуя с дядей Патерсоном по трансатлантическому кабелю, она выразила желание познакомиться с таким мужчиной, который, только встретит девушку, заглянет ей в глаза, вскричит «Друг мой!» и, не мешкая, заключит в объятия.

— А я-то думала, куда вы подевались, — проговорила Энн.

— То есть вы по мне скучали? — жадно спросил Берри. — Значит, вы по мне скучали?

Совесть, которая все утро стояла на страже, готовая в любой момент вступить в бой, вышла на авансцену.

«Мне бы не хотелось тебе докучать, — ворчливо сказала Совесть, — но я бы изменила своему долгу, если бы не предупредила, что ты стоишь перед опасной чертой. Все зависит от того, какой ответ ты дашь на этот прямой вопрос. Не знаю, насколько хорошо ты разглядела этого молодца, но должна поставить тебя в известность, что я усмотрела в его глазах огонь, который мне совсем не понравился. Малейшее поощрение в данном пункте может оказаться роковым. Я бы рекомендовала ответ типа «О, что вы!», или «С чего вы взяли?», или даже просто молчаливо-вопросительное поднимание брови. Единственное, против чего я обязана тебя предостеречь, — это тихое «да» с одновременным потуплением глаз».

— Да, — ответила Энн, потупя глаза. — Конечно, скучала — Она подняла глаза и взглянула прямо в глаза молодого человека. Падение совершилось. — Вы тогда собирались мне что-то сказать, и мне было ужасно интересно, что именно.

Берри стиснул кулаки. Откашлялся. Потом издал нечленораздельный звук, похожий на лай. Проснулся лебедь Перси и прошипел что-то в ответ.

— Да вот разве только то, — сказал Берри, заикаясь на каждом слоге, — что я полюбил вас с первого взгляда.

— Я так и знала, — сказала Энн.

Он не отрываясь смотрел ей в глаза. Потом обнял ее. Он не вскричал «Друг мой!», но Энн почувствовала, что этот возглас молчаливо имелся в виду. Она доверчиво прильнула к нему. Что сталось с Совестью, она не знала. Наверное, умерла или упала в обморок. Ситуация, которая должна была вызвать стыд, доставила ей неземную радость. В тот момент, когда перед ней должно было встать полное укоризны, раздувшееся и запеленутое в компрессы лицо лорда Бискертона, она видела только Берри.

Она отпрянула и тихонько вздохнула.

— Я знала, что этим кончится, — сказала она. — Поэтому я тогда и сбежала.

Берри опять заключил ее в объятья. Лебедь Эгберт повернулся к лебедю Перси и что-то негромко сообщил. Перси кивнул, и обе птицы заверещали. Лебеди, как и младшие редакторы, страдают отсутствием темперамента и не способны понять грезы любви.

— Нам не следовало бы этого делать, — задумчиво сказала Энн. — Это нехорошо.

— Хорошо.

— Но я обручена, — сказала Энн. Даже для нее самой эти слова прозвучали глупо. Ерундовая отговорка.

— Я люблю тебя, — сказал Берри.

— Я люблю тебя, — сказала Энн.

— Я полюбил тебя с того самого момента, как увидел в «Беркли».

— Кажется, я тоже.

— Когда-нибудь я обращусь к администрации «Беркли» с просьбой установить памятную табличку. Когда в тот день я вышел из бара и увидел, что тебя нет, я чуть не умер.

— А теперь ты меня нашел, и от этого не легче, — сказала Энн, и счастливая улыбка озарила ее лицо. — Представляю, какой разгорится скандал!

— Скандал? — переспросил Берри. В этом волшебном состоянии ему трудно было вообразить, что могут найтись люди, которые не разделят его надежд и чаяний с таким же энтузиазмом. — Ты имеешь в виду, — недоверчиво переспросил он, — что кто-то будет против?

— Именно это.

— Кто?

— Хотя бы мой жених.

— О!.. — Берри выразительным жестом смел с пути незримого противника.

— Потом мой отец. И мать. И дядя. И…

Берри презрительно рассмеялся. Так смеялся рыцарь в морду дракону.

— Ну и пусть, — сказал он.

Энн довольно расхохоталась. Из тучи вновь блеснул луч счастья.

— Я знала, что ты так и скажешь. Поэтому я тебя и люблю. Как было бы ужасно, если бы ты был, ну, обыкновенный.

Берри насторожился. На безоблачном небе обозначилось грозовое облачко.

— Обыкновенный?

— Ну, как все мои знакомые. Которые работают в конторах и…

— Работают в конторах, — повторил Берри. Слова его прозвучали отстраненно, а грозовое облачко переместилось с горизонта ближе к его голове.

Но и Энн тоже приблизилась, и это заставило его забыть про громы небесные. Она взяла его за лацканы.

— У меня идея, — объявила она.

— Какая?

— Давай скажем, как нас зовут. Представь, как было бы славно называть друг друга.

— Моя фамилия Конвей.

— Ну не называть же мне тебя мистером Конвеем!

— Бересфорд Конвей. Приятели зовут меня Берри.

— А меня приятели зовут Энн. Фамилия — Мун.

— Энн Мун?

— Энн Мун.

Берри наморщил лоб.

— Звучит знакомо.

— Правда?

— Мне кажется, я где-то слышал твое имя.

— Вот как? Где же?

— Забыл. Может, я где-то его вычитал…

— Может быть.

— Энн Мун. Мун. Мун. Точно, слышал, но никак не вспомню…

— Может быть, это какая-нибудь другая Мун. Очень распространенная фамилия. У меня знакомых полно с такой фамилией — Джун, Силвери, Мэй-Калифорния — десятки и десятки.

Берри подумал, что в бесплодной дискуссии об именах утекают золотые минуты.

— Да какое это имеет значение, в конце концов. Ты — это ты.

— А ты — это ты.

— И вот мы оба вместе.

— Только давай куда-нибудь отсюда уедем. Мне эти лебеди что-то не нравятся.

— И мне тоже, — бросая косой взгляд на пруд, сказал Берри.

— Они над нами смеются.

— Точно, смеются.

— А мы их надуем. Сядем в машину и поедем в Лондон, пообедаем вместе — у «Марио», например, очень уютный ресторанчик. На галерею можно пройти без вечернего платья. Поговорим без этих противных птиц.

— Великолепно!

— Они окажутся в дураках.

— В таких дураках, в каких ни одна лебединая парочка не оказывалась спокон веку.

Эгберт посмотрел на Перси. Перси посмотрел на Эгберта.

— Вот и хорошо, — сказал Эгберт.

— Ох уж эти мне парочки! — сказал Перси. — Еще минута, и меня бы просто стошнило.

Малберри-гроув мирно спал под ночным небом. Взад-вперед по проулку расхаживал Годфри, лорд Бискертон, и курил сигарету. Он пребывал в разнеженном настроении. Время от времени поглядывал вверх на звезды и думал о них хорошо.

За углом послышались быстрые шаги. Годфри устремился навстречу идущему.

— Берри?

— Привет.

— Присоединяйся, погуляем, — сказал Бисквит. — Мне надо тебе кое-что сказать.

Берри предпочел бы уклониться от беседы. Ему было страшно неловко. С тех пор как он покинул Малберри-гроув в автомобиле Энн, для него многое прояснилось. Теперь он знал, почему имя Энн Мун звучит так знакомо для его уха.

Мало что может поставить человека в более затруднительное положение, чем необходимость сообщить старому другу, что вы только что обручились с его невестой. Эта задача требует максимальной трезвости ума и спокойного обдумывания каждого слова, поэтому Берри хотелось бы уснуть с этими мыслями, чтобы погрузиться в них на свежую голову. Но Бисквит, не полагаясь на свою способность увлечь приятеля перспективой разговора, крепко схватил его за локоть.

— Да, старина, — сказал он. — Мне нужен твой совет. Где ты пропадал столько времени?

— Обедал. В ресторанчике у «Марио».

— Как же, знаю, — сказал Бисквит, — Мы с Энн там были. Берри чувствовал, что ему надо зацепиться за этот крючочек, и уже открыл было рот, но слова не шли с языка.

— От Марио, — сказал Бисквит, — никто не уходит, не отведав минестроне. Ты пробовал минестроне?

— Не помню.

— Не помнишь?

— Мы, кажется, ели какой-то суп, — в отчаянии вымолвил Берри. — Я был так…

— Мы?.. — переспросил Бисквит.

— Я был с девушкой, — ответил Берри. Ему казалось чудовищным называть Энн этим безличным словом, но в конце концов оно было точным.

— С той девушкой? — с внезапным интересом спросил Берри.

— Да.

— Значит, ты опять ее встретил?

— Да.

— И как?

Берри набрал в легкие воздуха. Если уж говорить всю правду, то сейчас.

— Мы обручились, — выпалил он.

— Прекрасно! — одобрил Бисквит. — Итак, вы обручились.

— Да.

— С той самой единственной девушкой, как я понимаю?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты всегда был благоразумным, уравновешенным парнем, который никогда не перейдет роковой черты, — не без зависти заметил Бисквит— Я вот помолвлен сразу с двумя девушками.

— То есть как? Бисквит вздохнул.

— Да, с двумя. И очень надеюсь на твой добрый совет. Иначе будущее мне представляется туманным.

— С двумя, — озадаченно повторил Берри.

— С двумя, — подтвердил Бисквит. — Я несколько раз пересчитывал, сумма не меняется. Как ты помнишь, начинал я с одной. Лиха беда начало. Теперь возникли осложнения. Ты, возможно, слышал от меня про некую Кичи Вэлентайн?

— Это наша соседка? Бисквит нахмурился.

— Не называй ее соседкой. Если угодно, можешь звать ее ангелом, серафимом…

— Бисквит, я хочу тебе сказать…

— Нет, — мягко, но решительно прервал его лорд Бискертон. — Позволь мне тебе кое-что сказать. Так вот, я добавил к списку невест Кичи Вэлентайн. Где-то в конце Роксборо-роуд, если мне не изменяет память, под третьим фонарем от угла Миртл-авеню. Случилось это так.

— Бисквит, послушай…

— Случилось это так, — сказал лорд Бискертон. — До сих пор она была помолвлена с неким носителем непроизносимого имени Мервин Флок. Как ее угораздило, представить невозможно, но факт есть факт. Он — актер, и я надеюсь в один прекрасный день поехать в Америку, где он подвизается, и бросить в него парочку тухлых яиц. Пес паршивый! Он обвел ее вокруг пальца, Берри, — продолжал Бисквит, с трудом одолевая бушующее в груди негодование. — Он схватил это нежное сердечко своими грязными ручищами, выжал из него все соки и вышвырнул, как пустой тюбик из-под зубной пасты. Сегодня вечером она получила от него

письмо, в котором сообщалось, что этот сукин сын женился на какой-то актрисульке, но надеется, что они с Кичи останутся друзьями. «Останемся друзьями?» — есть такая песенка. Я пел ее в ванной.

— Бисквит…

— Когда мы отправлялись в кино, я сразу почувствовал, что она не в себе. Куда делась вся ее живость! Все шестьдесят минут художественного фильма она сидела мрачной, и двадцатиминутная мультяшка про Микки Мауса не вызвала у нее и тени улыбки. На обратном пути она рассказала мне все. И поверишь ли, дружище, едва я дошел до середины процедуры утешения, как мы оказались в объятьях друг друга и шептали слова нежности, а еще через пару минут я с удивлением обнаружил, что мы обручены. Такой вот поворот судьбы.

— Ты ее любишь? — не нашел ничего лучшего спросить Берри.

— Разумеется, люблю, — без обиняков ответил Бисквит. — Люблю с такой страстью, что опасаюсь за свой разум. Насколько я могу судить, это случай так называемой любви с первого взгляда. Помнится, как только я остановил на ней взгляд, внутренний голос подсказал мне, что я встретил девушку своей мечты. Ошибки быть не может, мы с ней родственные души. Но так или иначе, я оказался женихом двух невест.

— А вот и нет.

— Ну как нет! — воскликнул Бисквит, раздраженный упрямством друга. — Считай сам. Кичи — раз, Энн…

— С Энн помолвлен я. Бисквит щелкнул языком.

— Нет, не ты, старина, — терпеливо возразил он. — Шуткой делу не поможешь. Ты помолвлен со своей девушкой, как бишь ее…

— Ее зовут Энн Мун.

— Что? — вскричал Бисквит.

— Что слышал.

— Тому, что я слышал, поверить нельзя. Не верю ушам своим. Ты хочешь сказать, что Энн, будучи обрученной со мной, вероломно и бессердечно обручилась с кем-то еще? Господи! Вот образчик женского непостоянства! Этот пол надо держать в ежовых рукавицах. Я всегда это говорил. Нет, ты в самом деле… с Энн…

— Да.

— Она и была той девушкой, в чью машину ты прыгнул, представившись секретным агентом?

— Да.

— Среднего роста, сероглазая, стройная, с забавной манерой морщить носик, когда она…

— Я знаю, как она выглядит, спасибо, — сказал Берри. — Можешь не описывать.

— Да, ничего подобного в жизни не слыхал, — сказал Бисквит.

В неловком молчании он искал, что сказать.

— Может быть, все к лучшему, — проговорил он наконец.

— Надеюсь, — сказал Берри.

— В сущности, — сказал Бисквит, уже окончательно приходя в себя, — мы получили то, что хотели.

— Совершенно согласен.

— Да, да, да, да, — сказал Бисквит, произнося каждое слово все с большим и большим удовлетворением. — Теперь я понимаю, что лучше и не придумаешь. Минута слабости позади, и факты предстают в их истинном свете. Мне абсолютно ясно, что я всегда был для Энн пустым местом.

— Ты ей нравишься. Она сама сказала.

Бисквит грустно улыбнулся и еще пять раз повторил «да».

— Мы с ней разные люди. Это было понятно с первой минуты. Она иногда поглядывала на меня, как будто надеясь, что я сгинул без следа, но всякий раз, к сожалению, обнаруживая, что я на месте. Она никогда бы не была счастлива со мной. Она поддалась минутному чувству под воздействием очарования Эджелинга с его закатом и плющом. Забирай ее, Друг, и прими мое благословение. Забирай ее. Забирай.

— Ладно, — согласился Берри. — Ладно. Я так и сделаю. Бисквит испустил крик, словно раненый зверь.

— В самом деле? — со значением спросил он.

— Да.

— Хорошенько ли ты все обдумал? Подозреваю, что тебе только так кажется. Вряд ли ты предусмотрел все. Обмозговал ли ты двусмысленность своего положения?

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду? Ты хитростью завладел ее сердцем. Черт возьми, ты обманул ее, завлек эту птичку…

— Не называй ее птичкой.

— Завлек эту романтическую и наивную девушку, представившись секретным агентом, в маске и с револьвером, героем романа, и она поймалась на крючок. Что она скажет, когда выяснится, что ты всего-навсего чернильная душа, мелкий клерк в нарукавниках, труженик рядовой конторы в Сити?

— Ты прав, — смятенно отозвался Берри.

— То есть?

— То есть я об этом тоже думал.

Он обратил удрученный взгляд на пруд. Вода казалась холодной. Поднялся ветерок, листва зашумела, и если час назад этот шум показался бы ему веселым шепотом, то теперь он воспринимался как глумливый шелест. В ночь внезапно вторглась безнадежность.

— Думаешь, она расстроится, когда узнает?

— Расстроится? — переспросил Бисквит. — Да она съест тебя заживо.

— Не стану возражать, если она придумает казнь покруче, — сказал Берри.

Оба умолкли.

— Я собираюсь завтра уйти от Фрисби, — сказал Берри. — И уеду куда-нибудь — в Америку или еще куда-нибудь. Попытаюсь взяться за что-нибудь дельное.

Бисквит, отзывчивый друг, воспринял новость с энтузиазмом.

— Отличная идея. Поезжай на Запад, дружище, подстрели парочку мексиканцев и пошли ей скальпы, кто знает, может, все обойдется. Главное, чтобы она ни под каким видом не узнала, что ты служил в конторе ее дядюшки.

— А ты не проболтаешься?

— Что за вопрос!

— Противно сознавать, что я ее обманываю.

— Никак нельзя допустить, чтобы она об этом узнала. Тогда всему конец, старина, — с жаром сказал Бисквит. — На данном этапе это практически конец.

— Все равно рано или поздно она узнает.

— Поздно — пускай. И чем позже, тем лучше, тогда любовь пустит глубокие корни в ее сердце. Ты не знаешь женщин, как знаю их я, приятель. Я знаю их с головы до пят. Никогда не выкладывай подноготную девушке, пока не укрепишь позиции. Одно дело, когда девушка подумает, что вот, мол, новый знакомый пытается меня обдурить. Со временем все меняется. Она уже будет думать: «Ох уж этот Джордж или как его там. Я всегда считала его слегка чокнутым, теперь убедилась в этом окончательно». Минут двадцать она шлет ему проклятия — исключительно ради спасения его души и чтобы показать, кто хозяин положения, а далее неизбежно следует прощение, примирение и объятие в диафрагму.

— Пожалуй, что так, — оживился Берри.

— Абсолютно так. Как только мужчина доказал серьезность своих

намерений, ему нечего бояться. Девушка может казаться со стороны наивной до святости, но, если она уверена в серьезности его намерений, он может крутить ею как захочет. Он может клясться. Бросаться в ноги и рвать на себе волосы. Обещать уйти в монастырь. И, поскольку она к нему уже привыкла, то не позволит ему удалиться от мира и уговорит остаться с ней. Но до поры до времени искушать судьбу нельзя. Полная секретность и молчание. Не смей и помышлять о каких-либо признаниях, пока не придет час.

— Я не буду.

Берри перевел дыхание.

— Спасибо, Бисквит, — прочувствованно сказал он. — Хорошо, что я спросил у тебя совета.

— Всегда обращайся за советом ко мне, — великодушно ответил Бисквит. — Всегда приходи ко мне со своими бедами и невзгодами. Мне нравится, когда мои юные друзья знают, что всегда могут опереться на дядю Годфри.

— Мне сильно полегчало.

— И мне не так плохо, — сказал Бисквит. — Признаюсь, нынче вечером был момент, когда мне стало не по себе от мысли, что я единственный жених, попавший в затруднительное положение. Но надо сказать, что Господь Бог на месте и присматривает за созданным им миром. Мне кажется, это дело надо отпраздновать, старина. Поедем завтра на ленч куда-нибудь в Сити! Я могу там появиться, не опасаясь Дайкса, Дайкса и Пинвида. Я заеду за тобой в контору около половины второго.

6

Лорд Ходдесдон провел этот знаменательный вечер за роскошным обедом в своем клубе. Он съел все, что доктор советовал ему избегать, и выпил бутылку вина, которое доктор называл ядом. Бывают случаи, которые следует отмечать с подобающей торжественностью, несмотря на все врачебные предписания. Один такой случай как раз и озарил жизнь лорда Ходдесдона. Он только что сдал Эджелинг-корт в аренду мистеру Фрисби на полтора месяца, и чек на шестьсот фунтов грел душу его лордства, который почти утратил веру в удачу.

В начале кампании лорд Ходдесдон опасался, что дело не выгорит. Увидев фотографии Эджелинга, Т. Патерсон Фрисби только что-то пробурчал себе под нос. Потом, овладев голосом, пожелал получить

информацию, на кой черт сдался ему деревенский дом размером с отель «Карлтон». А когда перед глазами лорда Ходдесдона соблазнительно замаячили приближающиеся скачки, мистер Фрисби презрительно бросил, что если, дескать, его лордство воображает, что перед ним один из тех дураков, кто любит кататься на пони, то он глубоко заблуждается.

Правда, потом он смягчился и велел еще раз показать фотографии. Попросил время, чтобы подумать. И сегодня наконец сдался, оправдывая капитуляцию желанием устроить вечеринку для племянницы Энн. Эджелинг мог как раз вместить всех ее друзей-приятелей, сказал мистер Фрисби.

Лорд Ходдесдон не поверил в то, что мистер Фрисби руководствовался именно этим мотивом. Как человек наблюдательный, он обратил внимание на растущую симпатию между мистером Фрисби и леди Верой Мейс и вообразил, что именно сестра оказала определенное влияние на финансиста. А если так, думал лорд Ходдесдон, потягивая бенедиктин и покуривая сигару «корона-корона», то она все-таки молодец. Временами мысли о сестре вызывали у него приступы тошноты, но нынче вечером он не находил в ней ни единого изъяна.

Он решил пойти на Дэвис-стрит и выразить ей семейное благоволение. Человек справедливый, он считал, что сестер следует поощрять, когда они того заслуживают. Докурив сигару, он надел пальто и шляпу и отправился в путь.

В доме не было никого, кроме горничной. Лорд Ходдесдон удобно устроился в кресле и предался размышлениям о шестистах фунтах. Но тут же щелкнул замок и в комнату вошла леди Вера.

— Джордж! — воскликнула она, и в голосе ее прозвучало чувство облегчения. — Слава Богу, что ты здесь. Я собиралась звонить тебе в клуб, чтобы ты немедленно пришел.

Сестринская нежность тронула лорда Ходдесдона. Ему даже в голову не приходило, что леди Вера сообщит ему нечто неприятное. В мире, где раздают чеки на шестьсот фунтов, неприятности исключаются.

— Неужто, старушка? — благодушно спросил он. — Ну вот он, я. И у меня есть для тебя новости.

— Это у меня новости, — сказала леди Вера, опускаясь в кресло, как королева в театральной трагедии. — И самые пренеприятнейшие.

— Господи! — огорчился лорд Ходдесдон. У него возникло ощущение, что леди Вера испортит ему остаток вечера.

Леди Вера вскочила с места и встала, тяжело дыша, возле брата. Лорд Ходдесдон вжался в кресло. Временами сестра напоминала ему фазана с

растопыренными крыльями. Лорд Ходдесдон ничего не имел против фазанов с растопыренными крыльями, но в свое время и на своем месте, и ему совсем не нравились любительские подражания этим благородным птицам в небольшой гостиной.

— Что такое? — раздраженно вопросил он. Леди Вера приступила к изложению.

— Джордж, я только что обедала с леди Корсторфайн.

— И что?

— У «Марио».

— Да?

— И что бы ты думал?

— Какого черта ты меня спрашиваешь?

— Там была Энн.

— А что тут такого?

— Она была не с нами. Она сидела на галерее.

— Да?

Леди Вера вперила в брата горящий взгляд и выбросила козырную карту:

— Она была с мужчиной!

Лорд Ходдесдон сделал последнюю жалкую попытку удержать ускользающий призрак счастья. Но он уже понял, что усилия его обречены.

— Что в том худого? — риторически вопросил он. — Ничего. Таковы все нынешние девицы.

— Не будь дураком, Джордж, — безжалостно отрезала леди Вера, развеивая остатки его надежд. — Если бы это был Тодди Моллинг, или Берти Уинч, или еще кто-то из ее компании, с кем она ездит танцевать, я бы глазом не моргнула. Но этого типа я ни разу не видела. И он явно был не случайным партнером.

— Неужто тот самый, которого Джейн Венейблс видела с ней в машине!

— Должно быть, он.

— Откуда у тебя такая уверенность? — слабо запротестовал лорд Ходдесдон.

— Проверить нетрудно, — ответила леди Мейс— Вот как раз Энн идет. Спрошу у нее.

Послышался скрежет ключа в замке, и в холле раздался голос девушки. Она что-то напевала.

— Мне кажется, она счастлива, — заметил лорд Ходдесдон.

— В ресторане она тоже выглядела очень счастливой, — угрюмо

отозвалась леди Вера. — Они смотрели друг другу в глаза.

— Не может быть!

— И за руки держались.

— Ну что ты!

— Я своими глазами видела. Дверь открылась.

— Ах, Энн, дорогая, — сказала леди Вера. — Вот и ты. Радость Энн сняло как рукой. Она чувствовала, что ее ждет неприятная сцена, а кому это понравится? Увертки претили природе Энн Мун. Она не имела ни малейшего намерения скрыть то, что произошло. Ее беспокоило лишь, как наилучшим образом рассказать об этом. Она знала, что одни предпочитают, чтобы плохие вести донесли до них по возможности помягче, другие же готовы воспринять их как холодный душ.

Она еще обдумывала оба метода, сравнивая их плюсы и минусы, а леди Вера уже задала вопрос, который разом разрешил дилемму.

— Кто этот твой друг?

— Молодой человек, с которым вы обедали, — уточнил лорд Ходдесдон. — Тот, с которым вы были на галерее в ресторане «Марио», — добавил он, чтобы исключить всякую неопределенность.

— Да, — не останавливалась и леди Вера, в голосе которой зазвучал металл. — Которого ты держала за руку и которому смотрела в глаза.

В такой ситуации сникла бы любая девушка. Особо чувствительная могла бы разрыдаться, закрыв лицо руками. Но Энн, пропустив старт, видела теперь сцену в гостиной в смешном свете. Непроизвольный смех прокатился по комнате.

Мнение лорда Ходдесдона о смехе было сродни его мнению о фазанах с растопыренными крыльями. В подходящий момент никто не радовался хорошему настроению окружающих больше, чем он. Но смех в такую минуту и из уст девицы, которая дурачила его единственного сына, звучал для него оскорбительно.

— Нечего хихикать! — вскричал он. Энн помрачнела.

— Извините, — сказала она. — Я просто представила, как вы все время на меня смотрели.

— Что касается меня, — веско сказала леди Вера, — то ничего смешного я в данном случае не нахожу.

— Извините, — повторила Энн. — Мне не следовало… Очень нехорошо с моей стороны… Но когда нервничаешь…

— Нервничаешь! — фыркнул лорд Ходдесдон. — Это вы-то нервничаете? Да я в жизни не встречал особы более невозмутимой и… как это сказать… забыл слово, начинается на бес…

— Джордж, успокойся, — вмешалась леди Вера.

Лорд Ходдесдон опять вжался в кресло. Он, казалось, сожалел только об одном — что не захватил с собой словарь синонимов.

— Извините, — в третий раз сказала Энн. — Если бы я знала об этом раньше, то раньше бы и сказала. Дело в том, что я не смогу выйти замуж за Годфри.

Лорд Ходдесдон еле слышно вздохнул, как вулкан, который ошибочно считали потухшим. Сестра, заметив симптом, предостерегающе подняла руку.

— Джордж!

— Мне что, слова нельзя вставить? — величественно осведомился лорд Ходдесдон.

— Нет.

— Вот как? Я глава семьи. Бискертон — мой единственный сын. Эта особа преспокойно входит и заявляет, что собирается кинуть его, как э… — кинуть, в общем. А мне при этом и словечка нельзя промолвить. Понятно. Очень хорошо. Все ясно. По-видимому, — теряя пафос, продолжил он, — пока вы тут обсуждаете это дельце между собой, мне можно развлечься игрой в молчанку. Меня ведь это дело не касается. Ха! — закончил лорд, почувствовав к финалу речи заметное облегчение.

Леди Вера обернулась к Энн.

— Может быть, ты объяснишь?

— В сущности, все очень просто.

— Смотря для кого, — оживился лорд Ходдесдон, адресуясь к фарфоровой кошке на кофейном столике. — Для меня, например, отнюдь. Нам крайне нежелательно допытываться, но все же позвольте вам заметить…

— Джордж!

— Ну ладно, — сдался лорд Ходдесдон.

— Я имею в виду, что если вы видели нас в ресторане, то должны понять, что…

— Насколько я могу понять, для тебя единственный пункт, достойный обсуждения, тот факт, что ты собираешься отказать моему племяннику в пользу молодого человека, с которым обедала сегодня вечером. Однако, поскольку твои родители вверили тебя моему попечению, я чувствую за собой определенную ответственность, которая обязывает меня спросить…

— Кто, черт возьми, этот молодчик? — спросил лорд Ходдесдон, снова выходя на авансцену.

Леди Вера поджала губы. Этот вопрос, по сути дела, должен был стать

кульминационным пунктом ее речи, но она, разумеется, сформулировала бы его в более деликатной форме. И ей не понравилось вмешательство брата. Она устремила на него взгляд, пригвоздивший лорда Ходдесдона к спинке кресла, и вопросительно обернулась к Энн.

— Да, — сказала она. — Кто он?

— Его фамилия Конвей.

— И чем он занимается?

— Он агент секретной службы.

Лорд Ходдесдон, хотя и побежденный, не мог пропустить эти сведения без комментария.

— Секретной службы? Секретной службы? В жизни не слыхал подобной чепухи!

— Джордж!

— Да, но как можно…

— Джордж!

— Ну ладно!

— Следовательно, он трудится на секретной службе? — переспросила леди Вера, стараясь не замечать признаков пробуждающегося вулкана. — Это он сам тебе сказал?

— Да.

— Сегодня?

— Нет. При первой встрече.

— Когда же это было?

— С неделю назад.

— С неделю! Неделю! Неделю!..

— Джордж!

— Да ладно.

— Итак, ты знакома с мужчиной, за которого собираешься замуж, неделю? — спросила леди Вера. — Подумать только! А могу я узнать, при каких обстоятельствах вы познакомились?

— Он прыгнул в мою машину.

— Он — что? Как, зачем?

— Он преследовал Нюхача…

— Боюсь, я недостаточно понимаю современный жаргон. Что значит — преследовал Нюхача?

— Он пытался догнать преступника по кличке Нюхач. Но не получилось. Оказалось, что это не Нюхач. Но он думал, что это Нюхач, он прыгнул в мою машину, и я порулила. А потом мы еще раз встретились.

— Где?

— На балу у Бэсингеров.

— Ах, — поразилась леди Вера. — Так он знаком с Бэсингерами?

Энн честно ответила:

— Нет.

— Но ты сказала, что он был у них на балу?

— Он пришел, потому что увидел меня в лифте. Его не приглашали.

Вулкан взорвался. Очевидец, коему пришлось бы присутствовать при обоих событиях, непременно вспомнил бы об ужасах извержения.

— Как, не приглашали? Не приглашали! Да он налетчик! Нет, вы слыхали? Мой единственный сын недостаточно хорош для этой юной особы, поэтому она выбирает себе под пару налетчика!

Откровение Энн парализовало леди Веру, и она даже не нашла в себе сил воскликнуть дежурное «Джордж!».

— Так… — только и сумела произнести она.

— А по-моему, это было здорово. Очень спортивно, — независимо отреагировала Энн.

— Спортивно!

— Вот именно. Ведь он решился на такой отважный поступок только из-за того, что хотел меня увидеть. И пострадал — его выперли.

— Выгнали? Замечательно. И когда же вы опять встретились?

— Сегодня вечером.

— И…

— Он меня поцеловал, — стоически ответила Энн, как уважающая себя современная девушка, изо всех сил стараясь не покраснеть. — А я поцеловала его. И он объяснился мне в любви. А я ему. Потом мы поехали обедать.

Наступило молчание, прерываемое похожими на бульканье лавы звуками, которые издавал лорд Ходдесдон.

— И ты ничего о нем не знаешь, — сказала леди Вера, — кроме того, что он назвался секретным агентом и оказался persona non grata на балу у Бэсингеров? Имеется ли у этой замечательной особы надежный источник доходов? Или он только праздно шатается по улицам, запрыгивая в машины одиноких девушек?

— Он живет, — тихо сказала Энн, придыхая на каждом слове, ибо этот адрес звучал для нее свято, — в «Укромном уголке», Малберри-гроув, Вэлли Фиддс.

— Что? — вскричала леди Вера.

— Что? — вскричал лорд Ходдесдон.

— А в чем, собственно, дело? — удивленно спросила Энн.

— Ни в чем, — ответила леди Вера.

— Ни в чем, — ответил лорд Ходдесдон.

— Если вы полагаете, что жить за городом ниже человеческого достоинства, — с вызовом сказала Энн, — то ошибаетесь. Ему не по средствам жить в Лондоне, потому что на секретной службе немного платят.

— Вот все и прояснилось, — вкрадчиво заметила леди Вера. — У молодого человека туго со средствами, и он решил жениться на деньгах.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутилась Энн. — Вы решили, что…

Манеры леди Веры резко переменились. Теперь она была воплощенное материнство. Братец, ерзая в кресле, смотрел на нее с удивлением и восторгом.

— Дитя мое, — пропела она с улыбкой, вобравшей в себя Нежность экранных матерей всех времен и народов, — я прекрасно понимаю чувства, которые ты испытываешь по отношению к этому молодому человеку, но обращаюсь к твоему ясному уму. Ты ведь не какая-нибудь вздорная глупышка. Ты уже достаточно повидала, чтобы понять, что жизнь далека от сказки.

— Или двухпенсового романа, — вставил лорд Ходдесдон.

— Или двухпенсового романа, — благосклонно согласилась леди Вера. — Ты ведь знаешь, каковы большие города. Лондон кишмя кишит авантюристами — так же, как, наверное, и Нью-Йорк. Твой молодой человек из этой породы.

— Вот уж нет!

— Дитя мое, безусловно так. Ты бы и сама это поняла, если бы тебя не ослепило первое впечатление. Подумать только — прыгнуть в автомобиль незнакомой девушки! Разумеется, это производит впечатление. Но порядочные мужчины так не поступают.

— Я так никогда не поступал, — кстати отозвался лорд Ходдесдон. — В жизни не прыгнул в машину ни единой девушки.

— Я разговариваю с Энн, Джордж, — терпеливо заметила леди Вера. — Факты твоей биографии нас не интересуют. Неужели тебе, дорогая, не ясно, — продолжила она, — что ты очень заметная девушка. Твои фотографии напечатали во всех еженедельниках. Ты повсюду бываешь. У этого человека была масса возможностей запомнить твою внешность. Он взял тебя на заметку и, когда увидел в машине, решил попытать счастья. Он понимал, как это подействует на девушку с воображением — мужчина вскакивает в ее авто и предлагает вместе

преследовать преступника! Он знал, что ты дочь очень богатых родителей…

Энн решила, что с нее довольно.

— Я не собираюсь больше этого слушать, — твердо сказала она.

— А больше и нечего слушать, — сказала леди Вера. — Я уже все сказала. И если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты сама поймешь…

— Спокойной ночи, — сказала Энн и вышла из комнаты с гордо поднятой головой, оставив позади себя наэлектризованную тишину.

Первым заговорил лорд Ходдесдон.

— Каково? — вопросил он.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду? — взорвалась леди Вера, боевой дух которой требовал выхода.

— Что ты об этом думаешь?

— О чем?

— Ты полагаешь, что убедила ее в отношении этого хлыща? В том, что он авантюрист и все прочее?

— По крайней мере, я дала ей пищу для размышлений. Лорд Ходдесдон подергал ус.

— Странная штука с этим адресом.

— Дорогой Джордж, — произнесла леди Вера с тем же терпеливым презрением, с каким другой великий ум произносил «мой дорогой Ватсон», — право, не вижу здесь ничего странного.

— Ну как же, такое совпадение, — запротестовал лорд Ходдесдон. — Малберри-гроув, Вэлли Филдс — там ведь живет Годфри.

— Правильно. И я ничуть не сомневаюсь, что этот тип уже сумел свести знакомство с Годфри. Годфри, этот откровенный болван и трепло, готовый выболтать все о своей личной жизни первому встречному, разумеется, моментально разоткровенничался и все ему выложил, даже, вероятно, показал фотографию Энн и отметил, что она очень романтична. Так что, когда этот субъект увидел ее в машине, он мгновенно сориентировался.

— Понятно. Я не раз подумывал, — признался лорд Ходдесдон с отеческой честностью, — что Годфри следует поместить в какое-нибудь психиатрическое заведение. Ну почему он исчез в самый неподходящий момент? Как считаешь, чем мы можем помочь делу?

— Выход есть. Уж, конечно, я не стану спокойно сидеть и смотреть, как этот тип губит жизнь Энн. Наверняка все можно уладить с помощью денег. Мистер Фрисби должен от него откупиться.

— Ты думаешь, он на это пойдет?

— Несомненно. Ему не меньше нашего захочется вызволить Энн из этой ловушки.

— Почему?

— Потому что его сестра, мать Энн, не из тех, кто одобрил бы брак дочери с таким неподходящим партнером.

— А! — обрадованно воскликнул лорд Ходдесдон. Он легко поверил этим словам. В области сестринской психологии он был докой.

— Итак, — сказала леди Вера, — завтра утром ты отправишься в Вэлли Филдс и встретишься с этим типом. Я постараюсь устроить, чтобы мистер Фрисби выписал тебе чек.

Лорд Ходдесдон вскочил как ошпаренный. Вплоть до этого момента он смотрел на происходящее с легкой отрешенностью. Ему и в голову не приходило, что он будет привлечен для переговоров. Сама мысль о том, что ему придется вернуться во владения верного последователя «Стейлина» и возобновить знакомство с недалеко ушедшим от родителя отпрыском, приводила его в ужас.

— Отправиться в Вэлли Филдс! — вскричал он. — Будь я проклят, если опять туда поеду.

— Джордж!

— Нет, — непреклонно заявил лорд Ходдесдон, выдержав взгляд сестры, в котором сверкал огонь укротителя. — Никогда. Ты не уговоришь меня поехать в этот ад, даже если привлечешь все свое красноречие.

— Джордж!

— Что ты заладила — Джордж! Джордж! Не поеду. Не нравится мне Вэлли Филдс. Неприятное место. Несчастливое.

— Что за чушь!

— Чушь? Знаешь, что там со мной приключилось? Я поехал туда в прекрасном сером котелке, в котором намеревался не менее полудюжины раз побывать на скачках в Эскоте, и еле унес оттуда ноги в жутком лиловом кепи. И это еще не все. Даже не половина всего. Мне пришлось бежать — бежать как зайцу, черт подери, чтобы удрать от аборигена, надувшегося пива. Мне пришлось продираться огородами и лезть в окно — а ты предлагаешь мне пройти через это еще раз! Нет, — жестко сказал лорд Ходдесдон, — я одобряю идею предложить этому мерзавцу откупного, но категорически отказываюсь быть посредником. Сделай все по чину. Поезжай к своему другу Фрисби и попроси его послать своего адвоката поговорить с этим субъектом. Это дело адвоката. Спокойной ночи, Вера!

И, взяв шляпу, лорд Ходдесдон двинулся к двери. Если бы он покинул

комнату не столь стремительно, то успел бы услышать, что сказала сестра по поводу его ультиматума. Но он этого не услышал.

ГЛАВА X

1

Хотя ленч, устроенный лордом Бискертоном и его другом Берри Конвеем, первоначально задумывался как маленькое торжество в связи с их общей радостью, едва они сели за стол, он сразу утратил свою беззаботность и превратился в неприкрытое обсуждение мер по выходу из сложившейся ситуации. Оба понимали всю сложность положения, в которое попали. Оба проделали минувшей ночью большую мыслительную работу, и дискуссия сразу взяла деловую ноту.

— Вопрос сводится к тому, — сказал Бисквит, когда официант отошел и можно было спокойно предаться делу более интимному, чем ресторанный счет, — куда мы отсюда тронемся?

Берри кивнул. Это действительно была проблема.

— Я бы назвал этот день, — продолжал Бисквит, — самым сумасшедшим и самым веселым днем года. Мы влюблены. Отлично! Мы любимы. Грандиозно! Лучше быть не может. Но вот вопрос: где взять денег, чтобы довести все до счастливого конца? Насколько я могу судить, имеющихся средств нам хватит только на одну брачную церемонию. А у нас должно быть как минимум две.

Берри опять кивнул. Он был того же мнения.

— У священников не принято бракосочетать оптом. Пусть пары следуют одна за другой без перерыва, викарий желает от каждой получить отдельный конверт. Итак, мы перед лицом извечной проблемы: где взять деньги? А кто, — спросил он, глядя в сторону, — этот краснолицый субъект, который по-отечески машет нам рукой? Какой-нибудь твой приятель из Сити?

Берри посмотрел туда, куда указывал глазами Бисквит. За столиком возле двери сидел коренастый цветущего вида мужчина, явно довольный собой. Дж. Б. Хоук, этот двойной агент, всегда превращал ленч в священнодействие, а в качестве храма обычно выбирал именно этот ресторан. Здесь, заказывая суп, он получал суп, если бифштекс — то бифштекс, причем с той сердечностью, с какой рестораторы относятся к постоянным клиентам, которые не очень прижимисты и не придерживаются новомодных диет.

Дж. Б. Хоук в жизни не сидел на диете. А сейчас тем более не было причин ограничивать себя из соображений экономии. Дела у мистера Хоука пошли в гору. Он начал продавать акции по четыре шиллинга, а нынче утром «Файнэншнл Тайме» известила его, что цена упала до одного шиллинга шести пенсов. Он предполагал начать выкупать их, когда цена снизится до одного шиллинга, и тогда можно будет объявить об открытии новой жилы, а самому мистеру Хоуку останется сидеть сложа руки и наблюдать, как акции вознесутся до небес. Будущее представало перед мистером Хоуком в таком же розовом свете, каким сияло его лицо.

На Берри он взирал с благоволением. Мистеру Хоуку не очень хотелось думать о том, что огромным богатством он обязан собственности этого молодого человека, за которую он заплатил пятьсот фунтов. Хоук устремил на бифштекс взгляд, полный большего значения, чем он обычно уделял бифштексам, хотя всегда относился к ним с почтением. Приятно, что шеф-повар в белом фартуке на этот раз превзошел самого себя. Дж. Б. Хоук долго выбирал, прежде чем остановиться на бифштексе, и его разборчивости воздали Должное.

— Это Хоук, — бросил Берри. — Который купил мой прииск.

— Да ну? — переспросил Бисквит, с интересом разглядывая филантропа. — Купил, значит, твой прииск? Странно. Он не похож на чайника. А не кажется ли тебе…

— Что?

— Я подумал на минуточку, не может ли такого быть, что этот рудник не совсем безнадежный? Что-то не нравится мне этот Хоук. Подозрительный он какой-то. Явно из тех, кто при случае не пожалел бы ни вдову, ни сироту. И что же с прииском? Он едет туда отдыхать или что?

— По-моему, этот прииск слился с компанией, которой владеет старик Фрисби. Теперь это называется «Медь Прыткой Ящерки».

— Как же они снюхались?

— Хоук его приятель.

— Неужели? — фыркнул Бисквит, — Скажи мне, кто твой друг… Разве честный человек станет водиться со стариком Фрисби? — с горечью добавил он. — Жмот, каких свет не видывал. Его единственная племянница обручается с превосходным молодым человеком из прекрасной семьи — вот тебе случай поднести скромный подарочек, — так нет, он делает вид, будто это его не касается. Поверь мне, Берри, это гончие псы тебя надули.

— Поздно сожалеть.

— Боюсь, что так.

— Теперь лучше подумать о том, как достать деньжат. Бисквит нахмурился.

— Ох уж эти деньги! Какая же мерзость, эти деньги. Самг достойная половина народонаселения с ног сбивается, чтобы их раздобыть, а те, у кого они есть, не знают, что с ним! делать. Возьми, к примеру, старика Фрисби. Он стоит миллионы.

— Да уж наверное.

— А на вид — несчастнейшее существо с лошадиной мордой, которому хочется кинуть двухпенсовик на чай. С другой стороны, возьми, к примеру, меня. Ты меня знаешь, дружище Берри. Молод, энергичен, жизнерадостен, единственное, чего мне не хватает, — небольшого счета в банке, чтобы найти достойное применение всём этим качествам. Будь у меня деньги — попомни мое слово, — я бы осчастливил человечество.

— Каким образом?

— Я бы раздал деньги тем, кто их заслуживает, старина. Вот каким. А вместо этого я вот тут сижу. А где-то там сидит на мешках с золотом твой гнусный босс. Разве это справедливо?

— Вопрос не ко мне.

— Я бы знаешь как все устроил? Если бы я был хозяином в стране, я бы дважды в год требовал от этих старых хрычей с мошной публичного отчета. И допрашивал бы их с пристрастием. Вызывают, скажем, Фрисби и, прямо глядя в глаза, спрашивают: «Сколько у тебя денег? В самом деле? Не врешь? Ну-ка, поведай высокому суду, что ты делаешь с этими денежками!». Старый мерзавец, чувствуя, что пахнет жареным, мнется. «Отвечай, когда тебя спрашивают! — кричит дознаватель, стуча кулаком по столу. — Нечего вилять! На что ты деньги тратишь?» — «Видите ли, — мямлит Фрисби, пряча глаза, — я спрятал их под камень и беру понемножку, когда понадобится». — «Неслыханно! — говорят ему. — Как только земля такого носит! Возмутительная наглость. Просто скандал. Взять десять миллионов у этого жалкого насекомого и отдать отличному парню Бискертону, который знает, как ими распорядиться. И спросите у Берри Конвея, сколько ему надо. Мы еще где-нибудь поищем».

Бисквит помолчал, не желая расставаться с прекрасной утопией. Потом взглянул в сторону Хоука и неодобрительно прищелкнул языком.

— Голову дам на отсечение — обдурили они тебя, — сказал он. — По глазам видно.

— Есть масса способов делать деньги, — задумчиво сказал Берри. — Тебе ничего в голову не приходит?

— Можно поиграть на бирже.

— Замечательно!

— И все же, — сказал Бисквит, откладывая возведение воздушных замков, — мы сможем себе это позволить не раньше, чем через год или около того, а пока нам нужны наличные. Учтем биржевую игру на будущее, а пока надо придумать какой-нибудь быстрый способ обогащения. Есть идеи?

— Изобрести заменитель бензина.

— Да. Это можно. Еще лучше спасать богатых стариков от попадания под машину. Это наверняка принесло бы нам миллионы.

— Да, но это требует времени, — заметил Берри.

— Пожалуй. Процесс растянется на годы. Я не учел. Д можно сыграть в старинную игру «Секреты».

— Что за игра?

— Помнится, я тебе рассказывал. Играют двое: «А» и «Б». «А» подходит к «Б» и говорит: «Мне известен твой секрет», а «Б»…

— Вспомнил. А если у твоего «Б» нет никакого секрета?

— Дорогой мой, секреты есть у каждого. Закон природы. Придешь в контору, испробуй на Фрисби, увидишь, что будет. Поучишься на шантажиста и заодно выиграешь.

— Кстати, о Фрисби, — сказал Берри, взглянув на часы. — Мне пора. У него опять нелады с желудком, поэтому в контору не пошел. Позвонил по телефону и велел принести корреспонденцию ему на дом. Очень удобно.

— В каком смысле?

— Мне надо с ним увидеться, сказать, что я увольняюсь. А поскольку он живет возле Гайд-парка, мне оттуда недалеко до Чайного Домика, где я договорился встретиться с Энн. Мы пойдем кормить уток на Серпантине.

— Господи!

— Именно так, — гордо ответил Берри. — А ты останешься?

— Да. Посижу, покумекаю. Думать надо, думать. Это ты, при том что наше будущее висит на волоске, можешь тратить время на кормление уток.

— Я не считаю это тратой времени, — возразил Берри. — Пока. До вечера.

По пути к двери его задержал мистер Хоук.

— Как поживает наш мистер Конвей? — осведомился мистер Хоук.

— Спасибо, хорошо, — ответил Берри.

— А кто ваш друг?

— Сосед по Вэлли Филдс.

— О чем вы так мило беседовали?

Берри всем своим видом показал, что торопится.

— О разном. В том числе о прииске «Мечта Сбывается».

— «Мечта Сбывается», значит?

— Да. Он им заинтересовался. Извините, я спешу.

— Приятно было встретиться, — сказал мистер Хоук.

Он вернулся к бифштексу и некоторое время был целиком поглощен им. Потом на его столик упала чья-то тень. Подняв голову, он увидел старого друга, капитана Келли.

2

Мистер Хоук не обрадовался капитану Келли. В последнее время он даже предпринимал меры, чтобы избежать встречи с ним. Но, пребывая в столь радужном настроении, не позволил себе огорчиться.

— Привет, капитан, — дружелюбно сказал он.

Капитан Келли придвинул стул и осторожно присел, как человек, которому брюки узковаты.

— Желаешь покушать? — спросил мистер Хоук.

— Нет, — коротко ответил капитан Келли.

Он был настроен явно неприветливо, и человек более восприимчивый, нежели мистер Хоук, наверняка заподозрил бы неладное. Друг Дж. Б. Хоука смотрел на последнего упорным леденящим взглядом. И всегда-то не очень радушный, сейчас он казался особенно жестким. Губы его слепились в узкую линию, и он цедил слова, почти не разжимая их.

Мистер Хоук догадался, что его старинный приятель что-то пронюхал. Это его не сильно обеспокоило. Рано или поздно, философски рассудил он, все вылезет наружу. Даже хорошо, что это случилось теперь, когда он в отличной форме и может справиться с дюжиной капитанов.

— Надо поговорить, — уронил капитан Келли.

Дж. Б. Хоук отрезал добрый кусок мяса, посолил, смазал горчицей, окунул в вустерский соус, положил сверху ломтик картофеля, добавил капусты и хрена и поднес все сооружение ко рту. Он ответил, только когда оно благополучно достигло цели, и очень лаконично.

— Да?

Капитан по-прежнему не сводил с него глаз.

— Из всех грязных, вонючих подонков, каких я встречал, ты — самый поганый.

Ругательства никогда не задевали мистера Хоука слишком остро. Он

безмятежно осклабился.

— Что ты съел на завтрак, капитан?

— Не твое собачье дело. Бренди с содовой, если тебе надо знать.

— Боюсь, тебе это неполезно, — заметил мистер Хоук, отрезая очередной кусок мяса и приступая к строительной операции.

Капитан Келли не был расположен шутить.

— Ты знаешь, о чем я. Что это за шахта?

— Какая шахта?

— «Мечта Сбывается».

— А что с ней такое?

— Вот именно: что с ней такое?

Мистер Хоук мирно жевал. Это зрелище начинало раздражать его друга.

— Слушай, — сказал капитан Келли с неподвижным лицом, натренированным долгими вечерами игры в покер; только одна жилка пульсировала на виске. — Мы разве не договаривались, что купим эту шахту на двоих? Разве нет? Аты что сделал? Взял да купил ее втихую! И не пытайся мне врать. Беллами все своими глазами видел, он мне и рассказал. Иона чертов!

— Иуда, — поправил мистер Хоук. Он любил точность во всем.

И стал намазывать горчицу.

— Успокойся, — сказал он с мягкой улыбкой, — я и не собираюсь этого отрицать.

— Ага.

— Дела надо делать осторожно, — сказал мистер Хоук. — Иначе можно попасть впросак, и тогда уж ничего не поправишь.

— Ничего не поправишь?

— Абсолютно ничего, — подтвердил мистер Хоук. Капитан Келли втянул носом воздух.

— Ага, — повторил он.

— Можешь агакать сколько влезет, — щедро разрешил мистер Хоук. — Этим делу не поможешь. — Он проглотил еще кусок мяса. — Мне жаль тебя, капитан. Если это может тебя утешить, я тебе сочувствую. Ты проиграл. На войне, как на войне. Дело житейское. Сегодня ты, завтра я.

Капитан Келли схватил кусок хлеба. Это был хлеб мистера Хоука, но хозяин не возражал. На его месте можно позволить себе быть выше куска хлеба.

— И сколько ты собираешься с этой сделки наварить? — спросил

капитан Келли.

Мистер Хоук не возражал и против ответа на этот вопрос.

— Тысячи и тысячи, — сказал он. — И тысячи.

— А я мог бы иметь половину, — вздохнул капитан Келли.

— А ты мог бы иметь половину, — согласился мистер Хоук.

Капитан снова вздохнул. Воцарилось молчание.

— Мне бы хватило сейчас и немножко деньжат, — сказал капитан.

— Голову даю на отсечение, что хватило бы, — сердечно сказал мистер Хоук.

— Я малость потратился.

— Всем нам приходится входить в расходы.

— Знаешь, недешево обходится развлекать этих ребят, — медленно сказал капитан.

Мистер Хоук отрезал кусок мяса.

— А что за ребята? — спросил он.

— Нарисовались два парня из Чикаго с рекомендацией от одного моего американского дружка. Я ему кое-чем обязан, так что должен позаботиться о ребятах. А им ничего не надо, — опять вздохнув, сказал капитан Келли, — дай только позабавиться. Потому мне деньжата и понадобились.

— Представляю, — сказал мистер Хоук.

— Нет, ты представить не можешь, какую прорву деньжищ надо, чтобы показать этим парням Лондон и его достопримечательности. Хотят все самое лучшее. На той неделе только в музей мадам Тюссо три раза ходили.

— Да, привыкли, наверное, жить на широкую ногу.

— Еще бы. Но зато они мне благодарны. Я им как старший брат. Вчера сказали, что сделали бы для меня все на свете.

— Замечательно, — радостно отозвался мистер Хоук. — Это вселяет надежду в молодое поколение.

— Ты будешь смеяться, знаешь что они удумали для меня сделать? — продолжил капитан. — Спрашивают, нет ли кого, кого бы мне хотелось замочить. Ежели, мол, есть такой, то они почтут за честь сделать это ради меня, бесплатно, из одного уважения.

Если мистер Хоук и засмеялся, то совсем беззвучно. Он как раз подносил очередной кусок ко рту, и хотя рот его уже открылся, мистер Хоук не завершил процесс. Он опустил вилку и странно посмотрел на собеседника.

— Замочить? — высоким голосом переспросил он.

— Замочить, — подтвердил капитан. — Я разве не говорил, — добавил он, сопровождая слова легким удивлением при виде отвалившейся челюсти своего приятеля, — что эти ребята — гангстеры?

— Гангстеры?

— Да. И довольно известные у них там. Их зовут «чикагские гориллы». Ну и туши! Дети природы, так сказать. Большие такие, веселые подростки. Надо же такое учудить, так отплатить за гостеприимство! Забавно, ей-богу.

Он хохотнул в доказательство истинной забавности этого намерения. Смеялся он своеобразно. Губы оставались крепко сжатыми, а рот криво полз вверх с одной стороны. Глаза при этом оставались серьезными и отблескивали голубой сталью. Мистеру Хоуку это показалось интересным, но малоприятным.

— Ну ладно, так с тобой весь день проболтаешь, — сказал капитан Келли вставая.

— Эй, — воскликнул мистер Хоук. — Погоди.

— Хочешь чего сказать? — спросил капитан присаживаясь.

Мистер Хоук с трудом проглотил комок, подкативший к горлу.

— Таким парням место в тюрьме, — с чувством произнес он. — В тюрьме — вот где им место.

Капитан Келли слегка кивнул.

— Они день-два посидели, — сказал он, — когда стрельнули Джо Фраскати в Чикаго. Потом их выпустили. Но им все равно надо тут побыть, пока пыль уляжется.

— С-с-стрельнули? — заикаясь, переспросил мистер Хоук.

— Господь с тобой, — сказал капитан Келли, — в Чикаго это раз плюнуть. Ты, ежели туда собираешься, имей в виду. Ну вот, они мне насчет благодарности-то как сказали, так я нечаянно упомянул, что ты, мол, меня малость подвел. Ты бы видел, как ребятки взвились! Отзывчивые до жути. Что бы про гангстеров ни говорили, одного у них не отнять — они за друзей горой стоят. В общем, ты у них на заметке, — со смешком закончил капитан Келли. Настроение у него заметно поднялось.

У мистера Хоука прорезался громоподобный голос.

— Я на заметке? За что? Я ничего не сделал. Неужто ты думаешь, что я нарочно хотел тебя провести — тебя, моего старого друга? Я тебя разыграл, капитан, пошутил. Хотел поглядеть, как ты отреагируешь.

— Ну вот и поглядел, — коротко ответил капитан. — А теперь мне вправду пора. Я обещался встретиться с ребятами в клубе.

— Стой! — вскричал мистер Хоук. — Стой! Погоди! Он опять

сглотнул противный комок.

— Ладно, получишь ты свою половину, — сказал он. — Я тебе письменное обязательство представлю, если хочешь. Могу прямо сейчас написать.

Нечто, отдаленно напоминающее довольную улыбку, проскользнуло по лицу капитана.

— Надо бы написать, — сказал он. — Чтобы ребятам приятное сделать. Официант, чернила и бумагу!

— У меня автоматическая ручка, — хрипло сказал мистер Хоук. — И бумага вот есть.

Он лихорадочно накорябал что-то на бумаге. Капитан Келли изучил документ, видимо, счел его удовлетворительным и аккуратно спрятал в карман.

— Я буду в клубе до вечера, — сказал он подымаясь. — Только забегу в Сомерсет-хаус поставить печать.

Неспешным шагом он двинулся к двери. А мистер Хоук, утратив былой аппетит, отставил тарелку с бифштексом и попросил подать кофе и двойной бренди.

Потом, взяв огромную сигару, предался размышлениям. От солнечного света, совсем недавно заливавшего мир, не осталось и следа. Наступило полное затмение.

3

Когда Дж. Б. Хоук достиг в курении того пункта, когда полагается в первый раз стряхнуть пепел, его уединение было вновь нарушено. У столика возник молодой человек, который завтракал с Берри Конвеем. Он со значением смотрел в глаза мистера Хоука.

Это мистеру Хоуку не понравилось.

В этот момент мистер Хоук был не в лучшей форме. Нервная система дала сбой. В таком состоянии вздрагивают от малейшего шума и читают в глазах незнакомцев, на которых при других обстоятельствах не обратили бы никакого внимания, мрачную угрозу. Встретившись взглядом с Бисквитом, он внезапно вспомнил, что этот молодой человек, по словам Конвея, проявил интерес к шахте «Мечта Сбывается».

— А? — растерянно спросил мистер Хоук. Его уже начало раздражать молчание молодого человека. — Что?

— Хоук, — внушительно сказал тот низким голосом. — Я знаю твой

секрет!

ГЛАВА XI

1

Распростертый на софе в роскошных апартаментах второго этажа Гросвенор-хаус, Т. Патерсон Фрисби смотрел в потолок. Потолок почему-то пожелтел. Стены тоже были желтыми; а всего несколько минут назад, когда больной решил облегчить страдания, походив по комнате, он заметил, что и небо имеет желтоватый оттенок. Факт налицо: в организме мистера Фрисби происходило нечто необычное. Накануне он опять поел жареной утки.

Однажды некий благочестивый человек, которого неотступно искушал безмерный аппетит, посреди великого поста решил съесть свиную отбивную. Едва он успел проглотить кусок, как раздался гром небесный и небеса расколола молния. Он побледнел и отодвинул тарелку. Но страх не мог побороть раздражения.

«Сколько шума из-за какой-то свиной котлеты», — сказал он.

Мистер Фрисби мог бы сказать то же самое, заменив свиную котлету жареной уткой. Мистеру Фрисби казалось, что наказание явно превосходит по масштабам преступление. Несколько минут удовольствия — и долгие часы кары.

То, что происходило внутри Т. Патерсона, до некоторой степени напоминало бурное собрание акционеров. Задавались ужасные вопросы. Повышались голоса. Иногда казалось, что вот-вот дойдет до рукоприкладства. А таблетки пепсина, которые несчастный глотал одну задругой, производили не больший эффект, чем возгласы «джентльмены, соблюдайте порядок!» из уст беспомощного председателя.

— Ух, — простонал мистер Фрисби при очередном спазме.

У него было одно утешение. Даже на безнадежно затянутом грозовыми тучами небе случаются просветы. В любой момент мог появиться секретарь с почтой, и мистер Фрисби предвкушал возможность излить на него немножко желчи. Если бы не жареная утка, Т. Патерсон был человеком незлым; но под ее воздействием его характер резко менялся, превращая мистера Фрисби в одного из тех нанимателей, которые считают секретаря козлом отпущения.

В таком вот неблагоприятном состоянии Берри и застал своего

хозяина.

Берри и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Приятное общество Бисквита заставило его продлить ленч долее обычного, и по возвращении в контору его ожидала очередь визитеров, жаждавших увидеться с мистером Фрисби. Берри пришлось взять их на себя, и это заняло немало времени. До условленного свидания с Энн в Чайном Домике Гайд-парка оставалась четверть часа. Входя в комнату мистера Фрисби, он нервно посмотрел на часы.

— Так, — начал мистер Фрисби, приподымаясь с одра. Он намеревался произнести довольно продолжительную речь. Он собирался заявить, что, телефонируя в контору по поводу корреспонденции, которая должна быть доставлена ему в Гросвенор-хаус после ленча, он имел в виду именно время после ленча, а не час перед ужином. Он хотел узнать у Берри, не заплутался ли он по дороге или, может быть, решил по дороге погонять горошину зубной щеткой. И предполагал резюмировать все сказанное напоминанием о том, что если Берри надеется получать жалованье за красивые глаза, то жестоко ошибается.

Мистер Фрисби, как мы знаем, мог быть в иные минуты весьма саркастичным.

Все это и много другое финансист непременно бы изложил, наверняка почувствовав значительное облегчение. Но не успел он произнести свое «так», как секретарь прервал его.

— Я к вам буквально на пять минут, — сказал он.

Если требуется доказательство первичности духа перед материей, то вот оно. Мистер Фрисби мгновенно забыл о своей болезни. На собрании акционеров внезапно установился мир. Т. Патерсон как ужаленный вскочил с места.

Некогда у мистера Фрисби служил секретарем молодой человек, который вызвал его негодование, когда однажды в сильном подпитии упал со стула и пытался записывать распоряжения, застряв головой в мусорной корзине. А ведь до того несчастного случая он являл собой пример секретарской кротости и смирения.

Но теперешний инцидент ни в какое сравнение не шел с проступком добросовестного служащего, которому посчастливилось упасть со стула.

— Прошу прощения, — пояснил Берри, — я обещал пойти кормить уток на Серпантине.

Несомненно, именно роковое слово «утки» парализовало мистера Фрисби. Ничто иное не смогло бы заставить его сойти с курса, не высказав наглецу все, что он о нем думал. Но звук этого слова произвел эффект

поцелуя, которым принц пробудил спящую красавицу. Собрание акционеров активизировалось с новой силой.

Мистер Фрисби бессильно упал на софу и слабой рукой потянулся за пузырьком с пепсином.

— В сущности, — продолжил Берри как ни в чем не бывало, — я заглянул, только чтобы сообщить вам, что ухожу в отставку. Но для вас тут никакой беды нет, — добросердечно добавил он. — Позвоните в агентство, и вам через полчаса пришлют стенографистку или секретаря. А теперь извините, надо бежать. Через пять минут я должен быть у Чайного домика.

И он поспешил прочь в полной уверенности, что провел щекотливый процесс увольнения тактично и умно. Он по-своему любил мистера Фрисби и сожалел, что не может уделить ему побольше времени. Но опоздать на свидание никак нельзя. Он рысью достиг дверей, которые дворецкий как раз открывал для нового посетителя.

Посетитель этот был знаком Берри. То была леди Вера Мейс. Берри затруднялся определить степень их знакомства: следовало ли ему поклониться, улыбнуться либо еще как-нибудь указать на то, что они не совсем чужие. Одиннадцать лет назад она приезжала навестить своего племянника, лорда Бискертона, и он, Берри, как лучший друг последнего, был включен в список допущенных к празднествам в связи с этим событием. Но если в его памяти это воспоминание было вечно живым, главная его участница, видимо, напрочь о нем забыла. Во всяком случае, когда они встретились в конторе мистера Фрисби, куда леди Веру пригласили как возможную дуэнью Энн Мун, она ничем не обнаружила, что лицо Берри ей знакомо.

Поэтому сейчас он решил не притязать на знакомство. Он не поклонился, а лишь учтиво отошел в сторону, давая леди дорогу. Когда она проходила мимо, он с удивлением заметил в ее глазах внезапно вспыхнувший огонек узнавания. Но что удивило его еще больше — к узнаванию примешивались страх и неудовольствие. С какой стати леди Вера, если уж она его вспомнила, ассоциирует его с чем-то неприятным, Берри понять не мог. В пятнадцать лет он, может, был не особенно привлекательным, но и не настолько отвратительным, чтобы эта дама, увидев его через одиннадцать лет, содрогнулась от омерзения.

Это сбивало с толку. Но времени на раздумья по этому поводу не было. Леди Вера прошествовала мимо и вошла в комнату, где мистер Фрисби вел безмолвную отчаянную борьбу с собственным организмом. Берри, забыв обо всем, помчался вниз по лестнице. Теперь мысли его занимало только одно — через пять минут он вновь увидит Энн. Человеку

с такой перспективой нет дела до своей непопулярности в кругу графских сестер.

Леди Вера Мейс была достопочтенной леди и, как все женщины, уважающие собственное достоинство, редко позволяла себе спешить. Но чувства, всколыхнувшиеся в ней при виде Берри, были столь сильны, что она чуть ли не вбежала в комнату мистера Фрисби. Стремление получить объяснения по поводу присутствия в этих покоях человека, приобретшего репутацию известного авантюриста, сообщило ее движениям необыкновенную скорость. Отпрыск графского рода, она преобразилась в гончую, бегущую за электрическим зайцем. Дрожа от любопытства, она в то же время испытывала ужас, будто от встречи на узкой дорожке с бандой головорезов, и готова была забросать хозяина дома вопросами, но прикусила язык, увидев его скрючившимся от боли.

Леди Вера изобразила крайнюю озабоченность. Привыкшая быстро принимать решения, она при первой же встрече с Т. Патерсоном Фрисби постановила, что выйдет за него замуж. Ей сразу стало понятно, что он нуждается в женщине, которая могла бы за ним присмотреть, и, выяснив в процессе разговора, что это место свободно, решила его занять.

Поэтому сейчас она смотрела на него с выражением более значительным, чем обычная женская жалость к страдальцу, которого донимает недуг.

— Что с вами? — спросила она.

— Ох, — простонал мистер Фрисби.

Леди Вера обладала редким даром, присущим только незаурядным женщинам, — сразу ухватывать суть дела. При их первой встрече она застала Т. Патерсона точно в таком состоянии, и тогда же он поделился с ней своей слабостью.

— Опять ели утку? — прямо спросила она.

По выражению его лица она поняла, что права.

— Одну секунду, — сказала она.

Женщина трезвомыслящая, она поняла, что на этот раз совет думать о приятном, воображая себя птичкой на ветке, не пройдет. Болезнь вошла в серьезную стадию и требовала более радикальных экстренных мер.

Она подошла к телефону и не медля связалась с аптекой, располагавшейся в этом же здании. Она говорила со знанием дела; через считанные минуты в дверь позвонили, и мальчик-посыльный принес полный до краев стакан с сероватой жидкостью.

— Выпейте это, — приказала леди Вера.

Мистер Фрисби выпил, и сразу же на собрании акционеров возник

оратор, который утихомирил аудиторию. Крики перешли в шепот, а вскоре замер и он. Установился мир. А Т. Патерсон, облизав губы, тихо спросил:

— Что это было?

— Это средство, которое рекомендовал мой муж. Он страдал, как и вы. Только после омара. Он говорил, что это лекарство действует безотказно.

— Правда, — признал мистер Фрисби. — Вы его на трупах не пробовали? Оно и мертвого поднимет.

В душе его родилось чувство большой теплоты. Он смотрел на леди Веру блестящими глазами, а внутренний голос подсказывал ему, что настал момент, которого он ждал всю жизнь. Ему и раньше приходило в голову бросить свое одинокое сердце к ногам этой женщины, испытать судьбу на благосклонность, но он не решался, боясь отказа. Ему недоставало смелости. Эта женщина казалась слишком недоступной, слишком совершенной. Теперь же, стоя так близко, излучая заботу и внимание, она сделалась вполне досягаемой. И внутренний голос скомандовал ему: вперед!

Он прочистил горло. Он не ведал, что проглотил, но эффект был поразительный — мистер Фрисби чувствовал себя в прекрасной форме. Он бы со всей откровенностью объяснился в своих чувствах и безусловно покорил бы сердце самой жестокосердой красавицы, но леди Вера некстати вспомнила, что десять минут назад намеревалась провести расследование. Пока мистер Фрисби формулировал первое предложение, она нарушила тщательно готовившийся план действий неожиданным возгласом:

— Этот человек!

— А? — спросил мистер Фрисби.

— Зачем он приходил сюда?

Т. Патерсон с великим сожалением понял, что драгоценный момент упущен. Разговор перелился в другое русло. Ясно, что гостья не расположена прислушаться к голосу Любви. Ей захотелось что-то узнать про какого-то человека, и никакая другая тема ей сейчас не интересна. Он подавил свое желание.

— Какой человек?

— Тот, которого я встретила в дверях. Что он здесь делал? Вопрос удивил мистера Фрисби. Судя по всему, речь шла о его бывшем секретаре.

— Он принес почту.

— Он? Почту? — Глаза леди Веры округлились. — Да знаете ли вы его?

Глаза мистера Фрисби увлажнились слезой. Последующие события

заставили его отвлечься от недавней беседы с Берри Конвеем, но теперь ее обстоятельства ожили со всей ужасающей силой. Его передернуло.

— Думал, что знал, — сказал он. — Да. Но сегодня он преподнес мне сюрприз. Какой наглец! «Я могу уделить вам только одну минуту!» Так и сказал. Мне! И отправился кормить уток!

Мистер Фрисби сделал паузу, чтобы справиться с эмоциями.

— Да кто же он?

— Он — был — моим — секретарем.

— Вашим секретарем?

— Да. Его фамилия Конвей. До сего дня он казался мне неплохим парнем, учтивым…

Леди Вера не могла сдержать еще одного возгласа. Ей открылось все.

— Так вот откуда он узнал про Энн! Мистер Фрисби непонимающе поднял бровь

— Энн? Мою племянницу? Он с ней не знаком.

Леди Вера колебалась — слишком жестоко обрушить такую информацию на беднягу без подготовки.

— Знаком, — сказала она.

— Вряд ли.

— Вчера вечером я видела их вдвоем в ресторане, мистер Фрисби, — выпалила леди Вера, не найдя в себе сил облечь горькую пилюлю в сладкую облатку— Я говорила с Энн. Случилось ужасное. Она разорвала помолвку с моим племянником и заявила, что решила выйти за этого Конвея. Потому я к вам и пришла. Надо решать, что делать.

Пришел черед мистеру Фрисби издать возглас удивления. Теперь и ему все открылось.

— Вот почему он так переменился!

В голосе его не было удовольствия. Он чувствовал, что открывшаяся ему тайна тяжким бременем ляжет на остаток отпущенных ему дней. По спине его побежали мурашки.

— Выйти за него? — беззвучно выговорил он. — Вы сказали — выйти за него?

— Так она заявила.

— Но это невозможно! — воскликнул он. — Моя сестрица Джозефина со свету меня сживет!

Он в ужасе смотрел на гостью и к удивлению заметил на ее губах тень улыбки. Как можно улыбаться, когда дочь его сестры Джозефины собирается замуж за бывшего секретаря без пенни в кармане — это было выше понимания мистера Фрисби.

— Ничего страшного, — сказала леди Вера. — Как я сразу не догадалась!

— То есть?

— Проще простого. Если этот тип действительно ваш секретарь, проблема решается сама собой.

— То есть? — снова спросил мистер Фрисби.

— Судите сами. Что, в сущности, произошло? Этот прощелыга, насколько я понимаю, вскружил Энн голову какими-то романтическими бреднями. Когда она узнает, что он все наврал про себя и никакой он не романтический герой, а всего-навсего жалкий клерк, она сразу его раскусит и даст отставку.

Мистер Фрисби не вполне уразумел суть дела.

— А что за романтические бредни?

— Он назвался секретным агентом. Можно себе представить, какое впечатление это произвело на неопытную душу. Но когда она узнает правду…

Мистер Фрисби сокрушенно покачал головой.

— Такая невинная пташка останется в плену иллюзий, даже узнав правду, — сказал он.

— Тогда вот что вы должны сделать, — решительно сказала леди Вера. — Послать к нему вашего адвоката и дать отступного.

— Вы думаете, он примет? — поникшим голосом проговорил мистер Фрисби, углядевший слабый пункт в этом замысле. — Зачем ему отказываться от девушки, взяв деньги, если он может получить и то, и другое?

Леди Вера отвергла возражение.

— Когда ваш адвокат объяснит ему, что Энн немедленно отошлют в Америку, где ему ее не достать, он примет ваши условия и еще спасибо скажет.

Лицо мистера Фрисби прояснилось, и он почтительно взглянул в глаза женщины, исполненной такой безграничной мудрости.

— Вы опять правы, — сказал он, — Мне это и в голову не пришло. Я прямо сейчас позвоню Роббинсу.

— Давайте.

— Я велю ему начать торг с тысячи долларов.

— Может быть, с двух?

— Правильно, с двух. Две тысячи сразят его наповал. Две тысячи — большие деньги.

— Что бы я без вас делала! — обрадованно сказала леди Вера. — Ума

не приложу. Другой бы на вашем месте скаредностью погубил все дело.

Мистер Фрисби расцвел от ее похвалы. Внутренний голос опять шептал, что надо ковать железо. Надо только придумать, с чего начать. Чувство готово вылиться наружу. Надо только найти ключик.

— Чем-чем, а скупостью я не грешу, — скромно сказал он.

— О нет.

— Деньги я люблю, не отрицаю, но…

— Деньги все любят.

— Все?

— Все.

— И вы?

— Конечно, и я.

— Возьмите мои, — сказал мистер Фрисби.

Он прошагал к телефону, поднял трубку и что-то пролаял в нее, чтобы скрыть непривычное смущение. Не будь его щеки выдержаны в крепком маринаде, они бы зарделись. Он сказал не совсем то, что хотел. Он искал слова понежнее и поромантичнее. Но как вышло, так и вышло. Предложение поставлено на повестку дня и пусть там стоит, рассудил мистер Фрисби.

— Роббинс? Немедленно приезжайте в Гросвенор-хаус, Роббинс. Прямо сейчас. Мне надо с вами повидаться.

Леди Вера с лукавой улыбкой смотрела ему в спину. Она имела опыт выслушивания несуразно сформулированных предложений. Покойный полковник Арчибальд Мейс одним прекрасным летним днем сфабастал ее руку, полиловел и буркнул: «Ну, что?». По сравнению с ним мистер Фрисби выказал необыкновенное красноречие.

— Ну? — сказал мистер Фрисби, водружая трубку на место и поворачиваясь к леди Вере.

— Вы с ним договоритесь? — вместо ответа спросила леди Вера.

Мистер Фрисби коротко кивнул.

— Он-то мне возражать не станет. Леди Вера улыбнулась.

— Я тоже.

— Вера! — вскричал мистер Фрисби.

— Патерсон! — вскричала леди Вера.

— Не называй меня Патерсоном, — сказал мистер Фрисби, жарко дыша ей в затылок. — Я никому этого не говорил, только тебе, и надеюсь, дальше это не пойдет. Меня зовут Торквил.

2

Берри Конвею, который вприпрыжку бежал по зеленой траве к Чайному Домику, укрывшемуся в тени деревьев, Гайд-парк казался прекрасным, как никогда. Конечно, и сегодня, по обыкновению, толпы бездельников расположились на газонах, а дорожки на его пути были усеяны мусором, но такова уж магия любви, что и этот непременный антураж не вызывал у Берри ничего, кроме умиления. Собаки, числом двадцать семь, заливались на все голоса, но их лай отзывался в ушах Берри музыкой. Будь у него время, он бы подошел погладить каждого пса и раздал бы по шестипенсовику каждому бродяге. Но времени у него не было, поэтому он следовал своим путем.

Если бы Берри сказали, что его поведение при последней встрече с мистером Фрисби послужило причиной обострения его болезни, он бы крайне удивился и огорчился. Его распирала любовь к целому свету, и пятеро ребятишек, которые спросили у него по дороге, который час, вдобавок к информации получили премию в виде улыбки, столь лучезарной, что один из них, самый нестойкий, расплакался. А когда, приблизившись к Чайному Домику, он увидел сидевшую за столиком Энн, его радость достигла степени экстаза. Деревья заплясали вокруг него. Попугаи весело запели. Семья за соседним столиком, включая малыша в очках и бархатном костюмчике, показалась сошедшей с прелестной картины. Немало людей поспокойнее, чем Берри в эту минуту, отправились в дома скорби, чтобы пополнить контингент первостатейных горячечных больных.

Он перепрыгнул ограждение и в два прыжка преодолел расстояние, отделявшее его от Энн.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отозвалась Энн.

— Вот и я, — сказал он.

— Да, — отозвалась Энн.

— Я опоздал? — спросил Берри.

— Нет, — ответила Энн.

Горячность Берри Конвея понизилась на градус-другой. Его как будто слегка осадили. Почти восемнадцать часов прошло с тех пор, как он в последний раз виделся с этой девушкой, и не мог удержаться от мыслей о благоприятном развитии их отношений. Конечно, в общественном месте девушки должны сдерживать эмоции. Вскочи сейчас Энн с места, чтобы поцеловать его, малыш за соседним столиком, несомненно, осложнил бы

ситуацию, громко спросив: «Мама, а чегой-то они делают?» Нет, вполне понятно, почему она не вскочила и не бросилась ему на шею.

Однако — и это уже не спишешь на приличия — она могла бы ему улыбнуться, даже улыбнуться с тихой нежностью — и не сделала этого. Лицо ее было серьезным. Будь Берри не в столь экзальтированном состоянии, он счел бы выражение ее лица враждебным. Никакой улыбкой и не пахло. Губы ее были крепко сжаты, а глаза смотрели в сторону. Смотрели они на крохотного, но довольно сердитого пекинеса, сидевшего у стола в ожидании подачки.

Любовь обостряет чувства. Берри понял, в чем было дело.

— Я опоздал, — виновато сказал он.

— Нет, — ответила Энн.

— Прости, пожалуйста, — сказал Берри, — мне надо было кое-куда забежать по пути.

— Вот как? — спросила Энн.

Даже глядя на мир сквозь розовый туман, Берри почувствовал, как стремительно падает градус его счастья. Он проклинал себя за непунктуальность. «Вот так, — думал он, — гибнут в зародыше нежные чувства. Люди договариваются встретиться с девушкой в Чайном Домике ровно в пять, а сами болтаются черт знает где и являются в пять ноль одну или пять ноль две. А тем временем бедная девушка ждет, ждет и ждет, умирая от жажды…»

Все понятно. Наконец-то все прояснилось. Чай! Конечно. Эта мысль принесла ему облегчение. Холодность Энн не означает ничего плохого. Она не значит, что Энн хорошенько подумала и решила, что Берри ей не подходит. Она значит только, что Энн хотелось выпить глоток чаю, причем немедленно.

Он громко постучал по столу.

— Чаю! — скомандовал он. — На двоих. И побыстрее. И еще пирожных и всего такого.

Энн наклонилась и погладила песика. Берри решил, что, пока не принесут чай, лучше поговорить о чем-нибудь постороннем.

— Хороший денек, — сказал он.

— Да, — согласилась Энн.

— Симпатичный песик, — сказал Берри.

— Да, — ответила Энн.

Берри решил помолчать. Разговор явно не клеился. Он дивился странной власти этого зелья — чая, отсутствие которого способно превратить веселенькую девушку в угрюмую молчунью. Он предвкушал

мгновение между двумя глотками, которое преобразит Энн в нежнейшее существо, каким она была накануне вечером.

Он откинулся на спинку стула и попытался расслабиться, глядя на серебряные воды Серпантина. С берега доносилось утиное кряканье. Очень скоро он и преобразившаяся Энн будут бросать им крошки. Только бы скорее принесли этот чай.

— Ага! — воскликнул он.

К ним приближалась официантка с подносом.

— Вот и чай, — объявил он.

— Ага, — сказала Энн.

Он смотрел, как она наполняет чашку. Смотрел, как она пьет. Разуверившись в ожиданиях, решил возобновить беседу.

— Мне ужасно неприятно, — сказал он, — что заставил тебя ждать.

— Я только что пришла, — сказала Энн.

— Мне надо было кое-кого повидать…

— Кого же?

— Да так, одного человека.

Энн отломила кусочек кекса и бросила пекинесу. Песик подозрительно его обнюхал и вопросительно посмотрел вверх. Он ждал цыпленка. У него выработался рефлекс — если двое сели за стол перекусить, в меню обязательно должен быть цыпленок.

— Понятно, — сказала Энн. — Одного человека, а не целую банду?

Берри поперхнулся чаем. Слова звучали странно, но взгляд, которым они сопровождались, испугал Берри. Впервые за время свидания Энн подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Ее глаза горели как уголья.

— Что?

— Я спросила, не с целой ли бандой ты встречался, — ответила Энн. Ее глаза сверлили его насквозь. — Насколько я успела узнать, когда у тебя выдается свободная минута, ты охотишься за бандитами.

Вдали крякали утки. За соседним столиком у малыша кусок попал не в то горло, и родители хлопали его по спине. Чирикали воробьи, и чей-то голос требовал, чтобы Эрни перестал дразнить Сирила. Ничего этого Берри не слышал. Он слышал только стук собственного сердца, которое грохотало, как армейский барабан.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Энн остановила его.

— Прошу тебя, довольно лжи, — сказала она.

Она наклонилась в его сторону и заговорила, понизив голос. То, что она собиралась сказать, не предназначалось для посторонних ушей.

— Рассказать тебе, — начала она, — как я провела день? Вчера вечером, вернувшись домой, я имела разговор с теткой лорда Бискертона, которая меня здесь опекает. Она видела нас с тобой в ресторане, и у нее нашлось, что мне сказать. Мне хотелось все это обсудить с тобой, я села в машину и поехала в Вэлли Филдс. Тебя дома не было, зато там была пожилая леди, с которой мы довольно обстоятельно побеседовали.

Берри показалось, что он издал предсмертный вопль. Но на самом деле крик застрял у него в горле. Он сидел молча, а душа его терзалась в страшных муках. Энн встретилась с Обломком Прошлого! Беседовала с ней! Он содрогнулся при мысли о том, что она могла услышать. Если кто и мог недрогнувшей рукой обречь его, Берри, на верную гибель, это была его няня.

Энн продолжила тем же негромким ровным голосом.

— Она сказала мне, что ты никогда в жизни не занялся бы такой опасной работой, потому что всегда был тихим и спокойным. Она сказала, что ты работаешь секретарем у моего дяди и в жизни не позволял себе ничего авантюрного. Она сказала, что зимой ты всегда надеваешь фланелевые кальсоны и спишь в носках. И наконец, она сказала, что шрам на виске причинила не пуля, просто в шестилетнем возрасте ты ударился о вешалку в прихожей, потому что забыл поцарапать подметки у новых ботинок.

Она резко поднялась.

— Ну вот и все, — подытожила она. — Не знаю, зачем ты так усердно старался меня одурачить. До свидания.

Она уходила — уходила из его жизни, а Берри не в силах был шевельнуться, чтобы остановить ее. Только когда она скрылась за углом, Берри вышел из оцепенения. Он вскочил и побежал вслед за Энн, чтобы объяснить, умолить, очистить себя по крайней мере от обвинения в ношении кальсон и носков в постели, но его остановил голос официантки:

— Желаете счет, сэр?

Официантка смотрела на него с подозрением. Ей не нравились клиенты, которые делали резкие движения, предварительно не расплатившись.

— Ах! — смутился Берри. Официантка фыркнула.

— Я забыл, — сказал Берри.

Он нашарил деньги, протянул официантке и отмахнулся от сдачи. Но задержка все равно оказалась роковой.

Он перепрыгнул через ограждение и оглянулся. Гайд-парк, все такой же огромный и зеленый, был залит солнцем. Собаки были на месте.

Бездельники тоже. И мусор. Только Энн исчезла.

Некормленные утки на Серпантине недовольно крякали.

3

В курительной комнате непрезентабельного клуба, который посещал капитан Келли, он с невозмутимым видом выслушивал возбужденного мистера Хоука.

— Он сказал, что знает твой секрет?

— Да.

Дж. Б. Хоук вытер лоб. Волнение и четыре порции бренди, которые он выпил, чтобы оправиться от шока после краткой беседы с Бисквитом, вогнали его в пот. Он просто истекал потом.

— Какой секрет?

— Насчет шахты, конечно.

— Почему — конечно? У тебя небось этих секретов целый мешок, один другого чище.

Благожелательное предположение друга не сняло тревогу с сердца мистера Хоука. Он отрицательно покачал головой.

— Этот тип — приятель молодого Конвея. Живете ним по соседству. Они вместе завтракали. И говорили про рудник. Конвей мне сам сказал. Не зря я тогда заподозрил, что этот Конвей подслушал нас за дверью. Так оно и вышло.

Капитан немного подумал.

— Очень может быть, — сказал он. — Но, с другой стороны, он мог тебя и на понт взять.

— Со мной такие штуки не проходят, — обидчиво сказал мистер Хоук, которому честь была дорога, несмотря ни на что.

— Неужто? — с кривой усмешкой переспросил капитан Келли. — Я тебя в два счета обвел вокруг пальца. Ты проглотил мою историю с чикагскими гориллами и глазом не моргнул. И отписал мне половину наличности.

Смутные подозрения зароились в голове мистер Хоука. По телу пробежала дрожь.

— Гориллы! — выдохнул он. — Ты что же, хочешь сказать, что…

— Вот именно. Гориллы! Никакие они не гориллы. Никаких горилл и в помине нет. С чего бы я вдруг стал тратиться на каких-то чужих ребят? Я эту шутку на месте придумал. Меня прямо там осенило.

Мистер Хоук мрачно запыхтел. Двуличие друга его подкосило под самый корень.

— А ты сразу купился, — насмешливо продолжал капитан Келли. — Я и не ожидал. Я думал, ты поумнее будешь.

Мистер Хоук пришел в себя и задиристо спросил:

— И ты надеешься хорошо заработать?

— Еще бы.

— Ну так слушай. Знаешь, сколько у меня на текущий момент акций «Медной Прыткой Ящерки»?

— Сколько?

— Ни одной. Ни единой. Вот сколько. У капитана вытянулось лицо.

— Как это?

— Объясняю. Я продал свои акции по четыре шиллинга и собираюсь выкупить, когда они упадут. А уж тогда мы сольем информацию насчет новой жилы и все будет в лучшем виде. Беда теперь вот в чем. Что мешает этому парню собрать деньжат и скупать наши акции, как только откроются торги? Что помешает ему скупить все дочиста?

Озабоченность товарища, как в зеркале, отразилась на лице капитана Келли.

— Гм, — произнес он и задумчиво умолк. — Ты думаешь, он все-таки в курсе?

— Несомненно. Он сказал: «Я знаю твой секрет», а я спросил: «Какой секрет?», а он говорит: «А!», а я говорю: «Про «Мечту Сбывается?», а он отвечает: «Вот именно!».

Капитан Келли неприязненно оглядел мистера Хоука.

— А еще говорил, что тебя на понт не возьмешь! Жаль, меня там не было.

— А что бы ты сделал?

— Я бы тебя стулом по башке шарахнул, прежде чем ты успел рот открыть. Он же ничего на самом деле не знал.

— Теперь он знает достаточно, — поникшим голосом отозвался мистер Хоук. Восстанавливая в памяти недавний эпизод, он сам удивлялся своей доверчивости. Не мог поверить, что это он, Дж. Б. Хоук, повел себя так нелепо. Он во всем винил этих призрачных горилл, которые задурили ему голову.

— Что собираешься делать? — спросил капитан Келли. Мистер Хоук устремил на него взгляд, полный холодной укоризны.

— А что я могу? — спросил он. — Я могу поделиться тем, что собирался сделать, если пожелаешь. Я пришел попросить тебя наслать этих

твоих горилл в Вэлли Филдс, где живет этот парень. Чтобы они им занялись.

— Пришить, что ли?

— Ну почему сразу пришить! Надо просто проследить за Конвеем и его дружком, пока я не выкуплю акции. Сегодня торгов нет. Но если их не остановить, они завтра же с утречка кинутся на биржу. Я хотел тебя попросить, чтобы твои ребята задержали их дома. Пускай бы наставили на них пушки и велели не рыпаться. Мне всего-то и надо пару часов, чтобы управиться. Но теперь все пропало, — грустно закончил мистер Хоук. — Никаких ребят у тебя нет.

Он казался безутешным. Капитан Келли сидел задумавшись, но его мысли приняли другое направление.

— Мысль неплохая, — наконец сказал он. — Не знал, что ты на такое способен.

— Ты про что?

— Про то, чтобы попридержать этих двоих.

— Да? — оживился мистер Хоук. — А что тут можно сделать?

Капитан Келли ухмыльнулся.

— Мы сами за это возьмемся.

— Кто — мы?

— Ты и я. Подъедем туда вечерком и все уладим. Мистер Хоук обмер. Внезапные горести ослабили его умственные способности, но столь ясно выраженная мысль была ему вполне доступна.

— Я? — недоверчиво спросил он. — Думаешь, я ворвусь в чужой дом с пушкой?

— А что такого?

— Ни за что.

— Брось, — сказал капитан Келли. — Ты что, хочешь, чтобы эти двое сорвали все дело?

Мистер Хоук опустил голову. Перспектива была не из приятных.

— Ты же знаешь, чем кончится, если их не остановить. Они начнут скупать акции, кто-нибудь заподозрит, что дело нечисто, цена подскочит, и нам ничего не останется.

— Помню, как М.Т.О. «Никель» открыла торги с десяти и как пошла молва, через пару часов акции подскочили до ста двенадцати, — сказал мистер Хоук. — Это было пять лет назад. То же самое будет с «Прыткой Ящеркой». Торги такое дело, в случае чего рост ничем не остановишь. — Он помолчал. — Но ехать в Вэлли Филдс и грозить пушкой! Это не по мне.

— Придется попробовать, — твердо сказал капитан Келли. — У тебя

пушка есть?

— Откуда!

— Ступай и купи, — отрезал капитан Келли. — Встречаемся здесь в девять.

4

Капитан Келли придирчиво оглядел мистера Хоука. Ему не понравилось, как его приятель втиснулся в его машину. «Как угольный мешок с пропеллером», — подумал капитан.

— Хоук, — сказал он, — ну ты и бревно!

Мистер Хоук не ответил. Ему было не до оправданий. Глаза у него помутились, как у снулой рыбы.

— Ну ладно, — решительно сказал капитан. — На свежем воздухе тебе полегчает.

Он сел за руль, и машина тронулась с места. Биг Бен пробил девять раз.

— Я купил пушку, — вдруг разговорился мистер Хоук.

— Помолчи лучше, — оборвал его капитан Келли. Мистер Хоук тихонько засмеялся и устроился поудобнее.

Машина вырулила на Слоун-сквер. Мистер Хоук кивнул полисмену на перекрестке.

— Пушку купил, — сообщил он ему как старому другу.

ГЛАВА XII

1

Когда поэт Бунн (1790–1860) говорил о сердце, которое сгибается под тяжестью скорби, он, конечно, выражался, как заведено у поэтов, образно. К счастью для безопасности общественного транспорта, несчастья не имеют веса. Если бы тяжесть людских страданий измерялась в фунтах и унциях, омнибус номер три, в который в половине девятого на углу Крокcли-роуд сел лорд Бискертон, нипочем не довез бы его из Лондона в Вэлли Филдс. Он бы остановился под тяжестью непосильного бремени. Потому что у Бисквита было невыносимо тяжело на сердце.

Весь этот долгий летний день, спустя десять минут после краткой беседы с мистером Хоуком, настроение его делалось все более и более мрачным. И не без оснований.

«Что мешает этому парню собрать деньжат и начать скупать акции, когда откроются торги?» — спрашивал Дж. Б. Хоук.

Бисквит знал бы, что ему ответить. Препятствием на его пути к крупным закупкам на торгах стояли скупость, недоверчивость и отсутствие широты взглядов со стороны его знакомых. На обещание несметных богатств в обмен на кредит они ответили отказом. Как сговорившись, они увильнули от предоставления ему займа, который развязал бы ему руки на завтрашних торгах. Ценная информация об акциях «Прыткой Ящерки» пропадала втуне.

Самая печальная из выработанных человечеством мудростей заключена в поговорке «Близок локоток, да не укусишь».

Занимать деньги всегда непросто. Никто из знатоков нравов не мог еще с достаточной убедительностью объяснить, почему «А» это удается, а «Б» — нет. Или почему «В» с легкостью одалживают тысячи, а «Г» никто не даст больше пятерки. Единственное, что тут можно сказать, — что искусство делать долги требует определенной твердости. Если бы Бисквит представлял «Пернамбуко», или «Фиджи Трейдинг Компани», или «Золотые Кирпичи» и «Вечный Двигатель Лимитед», он не вернулся бы домой с пустыми карманами. Но он вел дела как частное лицо, хуже того, как частное лицо, не котирующееся в финансовых кругах. У него была репутация «пятерочника». Завидя лорда Бискертона, потенциальные

заимодавцы машинально шарили в карманах, нащупывая пятифунтовую бумажку. Они прочно держали его в этой категории, не желая одолжить тысячу фунтов, в которой он так нуждался.

Он попытал счастья в самых безнадежных ситуациях. Доведенный до отчаяния, он, ведомый генетической памятью предков-крестоносцев, сунулся даже в логово господ Дайкса, Дайкса и Пинвида. Но оба Дайкса вместе с Пинвидом только грозно трясли перед его носом неоплаченными счетами. И наконец, когда молодой Пуффи Симеон, известный как самый богатый член клуба «Трутни», отказался даже беседовать на эту тему, у Бисквита опустились руки.

Ноги отказывались нести его в Малберри-гроув. Душа его разрывалась от горя. Мысли постоянно возвращались к тому, что уплывало из рук. Однажды в школе он просадил шесть шиллингов, поставив на то, что Р. Б. Бленкинсопу, по прозвищу Книжный Червь, не съесть десять порций макарон за время перемены. Это был самый легкий удар судьбы. Просто смешной по сравнению с тем, что судьба нанесла ему сейчас. Это удар так удар. Деньги валялись под ногами. А он не сумел их подобрать.

Тяжело дыша, Бисквит доплелся до Малберри-гроув и свернул к калитке усадьбы. Ему хотелось услышать слово сочувствия, и сказать его мог только Берри Конвей. Больше того, он боялся признаться себе, что где-то в глубине души еще теплилась последняя надежда: вдруг Берри сможет раздобыть деньжат! Вот ведь Этгуотер одолжил же ему однажды двести фунтов, и Берри их вернул. Такое не забывается, это должно расположить Эттуотера к очередному проявлению щедрости.

Чуть оживившись, Бисквит постучал в окно гостиной. — Берри! — позвал он.

Берри был дома и услышал стук. Услышал он и голос друга. Но не отозвался. Он тоже был погружен в тяжкие раздумья и хотя всегда радовался обществу Бисквита, теперь чувствовал себя не готовым к дружеской беседе. Он опасался, что Бисквит опять начнет петь соловьем о своей Кичи и каждое его слово будет буравить ему сердце. Мужчина, которому только что женщина разбила сердце на мелкие кусочки, не сможет радоваться чужому счастью.

Поэтому Берри затаился во тьме и не подавал признаков жизни. А Бисквит с проклятием отвернулся от окна, присел на ступеньку и закурил.

Не найдя, однако, утешения в никотине, он поднялся, подошел к ограде и прислонился к ней. Стал смотреть на окружающий пейзаж. Сгущалась ночная тьма, но еще было видно, как лебедь Эгберт плыл по воде, и Бисквит прикинул, можно ли попасть в него отсюда палкой. Когда

душа уязвлена, иногда можно облегчить страдания, подразнив лебедя. Бисквит подобрал подходящую палочку.

Он примерился, прикидывая траекторию, но вдруг между ним и целью возникло препятствие. Высокий худой мужчина зрелого возраста вышел из-за угла и уставился на Бисквита, словно на могильный камень, под которым был погребен его лучший друг.

— Добрый вечер, мистер Конвей, — сказал пришелец грустным голосом, напомнившим интонацию управляющего банком, извещающего его, лорда Бискертона, о том, что в сложившихся обстоятельствах превышение кредита было бы неудобно, нет, скорее — невозможно. — Вы ведь мистер Конвей, не так ли? Моя фамилия Роббинс.

2

Ошибка старшего партнера адвокатской конторы «Роббинс, Роббинс, Роббинс и Роббинс» была вполне естественной. Мистер Фрисби направил его в Вэлли Филдс к авантюристу, проживающему в «Укромном Уголке» на Малберри-гроув, и у калитки указанной усадьбы он обнаружил стоявшего за забором молодого человека, Неудивительно, что мистер Роббинс решил, что цель путешествия достигнута.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, мистер Конвей, — сказал он.

Вмешательство в спортивные планы не понравилось Бисквиту.

— Я не мистер Конвей, — резко сказал он. — Мистера Конвея нет дома.

Мистер Роббинс предупредительно воздел обтянутую перчаткой руку. Он ожидал такого рода реакцию.

— Прошу вас, немного терпения, — сказал он. — Понятно, что вы предпочли бы не обсуждать свои дела, но, боюсь, мне придется настоять на этом.

У мистера Роббинса было две манеры разговаривать с людьми. Беседуя с доверившимся ему клиентом, он позволял себе расслабиться и пошутить. Но, имея дело с авантюристами, он был тверд и непреклонен.

Ему не нравился стоявший перед ним мошенник, поэтому он взял холодный тон.

— Я представляю интересы мистера Фрисби, с племянницей которого, насколько мне известно, вы собираетесь заключить брачный союз. Мой клиент положительно настроен не допустить этого брака, и, смею вас заверить, вы не сможете поступить наперекор его желанию. Проявив

несговорчивость и неуступчивость, вы потеряете все. Если же вы будете благоразумны, мой клиент готов покончить дело с большой щедростью. Я думаю, вы согласитесь со мной, мистер Кон-вей, — беседуя здесь, с глазу на глаз, в отсутствие свидетелей, — что героизм в данном случае неуместен, и мы можем сразу приступить к обсуждению финансового аспекта.

Бисквит выслушал эту тираду без всякой почтительности. Он достаточно натерпелся за этот день, чтобы кротко внимать глупой болтовне. Седины собеседника, выбивавшиеся из-под шляпы, не позволили ему ответить действием, иначе он сшиб бы эту шляпу одним ударом. Он решил ответить словесно только для того, чтобы поставить завзятого оратора на место. Однако Бисквит не воспользовался возникшей паузой, чтобы указать на ошибку. Мысль о том, что в одиннадцатом часу трудного дня судьба послала ему человека, который заговорил о деньгах — пока очень туманно, но с некоей лучезарной перспективой, — заставила его промолчать.

— Ну так как, мистер Конвей, — возобновил свою речь мистер Роббинс, — будете благоразумны?

Бисквит закашлялся. Палка выпала из его рук.

— Вы предлагаете мне деньги за…

— Позвольте!

— Нет уж, говорите прямо, — прервал его Бисквит, — идет речь о деньгах или нет?

— Идет. Я уполномочен предложить…

— Сколько?

— Две тысячи долларов.

Малберри-гроув поплыл перед глазами Бисквита. Лебедь Эгерт превратился в двух лебедей, близнецов.

— Подумайте хорошенько, — сказал мистер Роббинс.

Он плотно запахнул полы пиджака, больше напоминавшего крылатку. Бисквит бессильно оперся о забор.

— Когда я их получу? — спросил он после паузы.

— Сейчас.

— Сейчас?

— У меня с собой чек. Смотрите!

И мистер Роббинс вытащил из кармана чек и помахал им перед носом Бисквита. Долго махать ему не пришлось.

— Давайте, — прохрипел Бисквит и выхватил чек. Мистер Роббинс пронаблюдал за его жестом с жалостью и отвращением. Он был уверен в

успехе своей миссии, но не надеялся, что победа придет так скоро. Хотя адвокат и упомянул, что героизм в этом деле неуместен, он не предполагал, что соперник сдастся без всякой попытки сопротивления.

— Полагаю, юную леди можно поздравить с удачным избавлением, — язвительно заметил он.

— А? — отозвался Бисквит.

— Я говорю, можно поздравить…

— Ах, да, — машинально ответил Бисквит, — спасибо большое.

Мистер Роббинс попытался пробить эту стальную броню.

— Вот моя карточка, — брезгливо сказал он. — Завтра пожалуйте ко мне в контору подписать письмо, которое я продиктую. Спокойной ночи, мистер Конвей.

— А?

— Спокойной ночи, мистер Конвей.

— Что?

— Спите спокойно! — в третий раз пожелал мистер Роббинс.

Он повернулся и пошел прочь. Даже его спина выражала презрение.

Бисквит немного постоял, глядя на воду. Потом, медленно войдя в дом, смешал себе виски с содовой, потому что ситуация безоговорочно того требовала.

В промежутках между глотками он, слегка фальшивя, напевал баритоном боевую мелодию. Тонкая перегородка, отделявшая гостиную «Заводи» от гостиной «Уголка», позволяла Берри, пытавшемуся сладить со своей трагедией, слышать каждую ноту.

Берри передернуло. Если так его приятель выражает свою великую любовь, славу Богу, что он не отозвался на его стук в окно.

3

Спустя двадцать минут автомобиль с капитаном Келли и мистером Хоуком въехал на Малберри-гроув.

— Прибыли, — объявил капитан. — Вылезай. Мистер Хоук вылез из машины.

— Теперь вот что, — сказал капитан Келли, по-военному озирая окрестность, — вот что мы сделаем, рыба ты снулая. Ступай за угол и стань на шухер позади дома. Я буду здесь, у входа. И помни, никто не должен выйти ни из того, ни из этого дома. Всех впускать, никого не выпускать. Уразумел?

Мистер Хоук, преисполненный решимости выполнить свой долг, кивнул одиннадцать раз.

— Пушку купил, — сказал он.

ГЛАВА XIII

1

Диета из большого количества виски с незначительным добавлением содовой на протяжении дня и вечера, время от времени перемежаемая чистым бренди, — палка о двух концах. С одной стороны, она имела своим результатом появление Дж. Б. Хоука с револьвером в руках на задворках усадьбы, каковой подвиг он никогда бы не смог совершить на лимонаде; но с другой — она сильно ослабила его способности.

Прислонившись к дереву и вдыхая ароматный ночной воздух Вэлли Филдс, мистер Хоук плохо понимал, что с ним происходит. Ему смутно вспоминался какой-то странный разговор с другом, капитаном Келли, в ходе которого было сказано много интересного, но по меньшей мере три кардинальных вопроса оставались неясными.

Вот эти вопросы:

(а) Кто он такой?

(в) Где он находится?

(с) Зачем он здесь?

Никто, кроме него самого, не мог ответить на эти вопросы.

В сущности, над теми же проблемами задумывался, бывало, Марк Аврелий. Но у мистера Хоука было преимущество перед римским императором. Последний искал объяснения своему пребыванию в большом мире. Дж. Б. Хоук хотел только знать, зачем он прислонился к дереву в каком-то деревенском саду.

Он чувствовал, что его привела сюда какая-то серьезная причина, и надеялся, что если будет сохранять спокойствие и сосредоточится, то припомнит, какая именно.

Итак, затерянный в пространстве мистер Хоук размышлял о первопричинах своего бытия. Размышлял он и в тот момент, когда судьба подсобила ему, ослабив руку, которой он опирался о ствол дерева. Потеряв равновесие, мистер Хоук повалился на бок и больно ударился левым виском. Шок, вызванный ударом, не замедлил сказаться. Сидя на земле и потирая ушибленное место, мистер Хоук обнаружил, что память вернулась к нему.

Он вспомнил все. Все стало на свои места. Капитан поставил его

здесь, в саду, чтобы предотвратить — если понадобится, то силой — исход молодого Конвея и его рыжего приятеля. Мистер Хоук решительно поднялся и отряхнул брюки. Голова слегка кружилась, но зато ответы на фундаментальные вопросы бытия были найдены.

Инстинктивно чуя, что такая вещь непременно пригодится в экспедиции, Дж. Б. Хоук захватил с собой внушительную карманную фляжку. Теперь он извлек ее и основательно приложился. И сознание его, проделав путь из тьмы непонимания к высотам знания, сделало новый вираж. Если бы случайный прохожий осветил в этот момент лицо мистера Хоука, его поразило бы в нем выражение твердости. Дж. Б. Хоук глубоко погрузился в думы о Берри и его друге. Ишь чего захотели! Увести из-под носа хорошего человека заслуженное им богатство! Не на того напали, думал мистер Хоук.

Широким жестом, как бы сметающим с его пути незадачливых заговорщиков, он театрально воздел к небесам руку. К несчастью, это оказалась та самая рука, которая держала фляжку. Пальцы, повинуясь внезапному порыву мистера Хоука, ослабили хватку. Драгоценный предмет сгинул в ночи, оставив бывшего владельца в лихорадочных поисках.

Мистер Хоук никогда не числился в любителях поэзии. А то, несомненно, вспомнил бы горькие строки Лонгфелло о том, как поэт направил в небо стрелу, а та упала на землю и пропала неизвестно где.

Эти стихи как нельзя лучше описывали ситуацию. Ночь была темна, а угодья усадьбы достаточно велики, чтобы навсегда похоронить фляжку. Много долгих, томительных минут, как ищейка, обшаривал их мистер Хоук из конца в конец. Он лазил под кустами. Ползал на четвереньках. Рылся на клумбах. И все напрасно. Сад неусыпно хранил свою тайну.

Дж. Б. Хоук признал свое поражение. Он сдался. В глубокой скорби подымаясь с последней обысканной им клумбы, он обернулся и увидел, что в окне, которое только что было темным, загорелся свет. Заинтересовавшись этим феноменом, мистер Хоук быстро выбрался на лужайку и заглянул в окно.

Этот молодчик Конвей преспокойно пил виски и закусывал ростбифом.

Открытие, что он стоит на грани смерти от голода и жажды, пришло к Берри, когда он сидел в темной гостиной, лелея свою печаль. Поначалу Берри отмахнулся от него: сама мысль о еде и питье в этих обстоятельствах казалась кощунственной. Но когда позыв усилился, он сдался. Берри пошел в кладовую, взял кое-что выпить и закусить и теперь не без удовольствия

предавался чревоугодию.

Мистер Хоук, стоя под окном, зорко наблюдал за ним. Ему тоже не помешал бы кусочек мясца. И глоток виски. Прижавшись носом к стеклу, он жадно следил за каждым исчезающим во рту врага куском и глотком. Тоска по утерянной фляжке делалась все мучительней.

Вдруг он увидел, как трапезничающий молодой человек перестал жевать и, словно прислушиваясь, приподнял голову. Мистер Хоук не слышал ни звука и не знал, что в доме прозвенел звонок. Но Берри его услышал, и дикая, отчаянная надежда пронзила его — вдруг это Энн пришла сказать, что, несмотря ни на что, она его любит. По правде говоря, при расставании она ничем не дала понять, что ее сердце может перемениться, но даже проблеск надежды, как вихрь, поднял Берри с места, и он стремглав сбежал вниз, в холл. Мистер Хоук смотрел теперь в пустую комнату.

Пустую, если не считать ростбифа и бутылки виски. Эти остались, и Дж. Б. Хоук виделось в них нечто магнетическое, привораживающее, словно колдовством. Он потянул на себя оконную раму. Окно было не заперто. Он толкнул его и вскарабкался в дом.

В суматохе этого необычного дня и в связи с необходимостью поддерживать кураж с помощью спиртного мистер Хоук, наверное, впервые за всю свою жизнь забыл пообедать, всецело сосредоточившись на потреблении двойного виски. Он был зверски голоден и потому сразу потянулся к ростбифу. Виски он тоже отдал должное.

Человек, нестойкий в чувствах, наевшись до отвала, не может не пережить некую смену состояний. В начале ужина Дж. Б. Хоук был настроен по отношению к Берри чрезвычайно недоброжелательно. Но к концу трапезы в нем возобладала доброта. В голове у него шумело, но сквозь этот шум ясно проступало острое желание любить весь мир.

Он встал из-за стола. Подошел к двери. Из гостиной доносились голоса. Очевидно, там собрались люди, и Дж. Б. Хоука к ним потянуло.

Он, заплетаясь, одолел коридор, после некоторого размышления выбрал одну из трех ручек, которыми неизвестный дизайнер оснастил дверь в гостиную, и, перешагнув порог, одарил присутствующих широкой добродушной улыбкой.

Присутствующих было двое. Одним из них был Берри. Второй — респектабельный господин средних лет с чисто выбритым лицом и седыми усами. Оба, казалось, удивились, увидев мистера Хоука.

— Привет! — сердечно сказал мистер Хоук.

Берри, как гостеприимный хозяин, ответил на приветствие.

— Привет, — сказал он. И чрезвычайно удивился, узнав незваного гостя. — Мистер Хоук!

— Х-х-х-оук, — подтвердил Хоук.

К этому времени Берри подвел под факт неожиданного вторжения теоретическую базу. Он решил, что после прихода лорда Ходдесдона он забыл закрыть входную дверь и новый гость, найдя ее открытой, вошел без звонка. Так вполне могло произойти, потому что явление лорда Ходдесдона поразило Берри и он забыл обо всем прочем. Так или иначе, Хоук был здесь, и хозяин дома попытался деликатно выяснить, что его сюда привело.

— Я вам нужен по какому-то делу? — спросил он.

— Пушку купил, — умиротворенно сказал мистер Хоук.

— Игрушку? — переспросил Берри.

— Пушку, — поправил его мистер Хоук.

— Какую игрушку? — гнул свое Берри, мысль которого не поспевала за развитием разговора.

— Пушку, — припечатал мистер Хоук.

Берри терпеливо попробовал подойти к предмету с другой стороны.

— Кукушку? — спросил он.

— Пушку, — ответил мистер Хоук.

Он слегка нахмурился, и его улыбка отчасти утратила свою безоглядную веселость. От игры словами у него немножко заболела голова.

Лорд Ходдесдон тоже не очень хорошо понимал, о чем речь. Его раздражало, что их беседу с Берри прервали как раз в тот момент, когда он приступил к самому главному.

Учитывая, что он столь твердо и бескомпромиссно заявил своей сестре Вере о невозможности возвращения в Вэлли Филдс, присутствие лорда Ходдесдона в гостиной Берри требует краткого объяснения. Он изменил свое мнение. Это отличительная черта поистине великих людей — не бояться изменить свое решение, ежели для того возникнут веские основания. А лорд Ходдесдон, обдумывая ситуацию в клубе, нашел очень существенное основание.

Открытия леди Веры, доведенные до его сведения вчера вечером, потрясли его до глубины души. Если Энн Мун действительно собирается дать отставку его сыну и выйти за этого Конвея, дело плохо. Хотя ничто в поведении миллионера не указывало на желание расстаться с деньгами, лорду Ходдесдону, закоренелому оптимисту, казалось, что, если бы племянница Фрисби стала женой лорда Бискертона, было бы вполне уместно попросить у Т. Патерсона немного в долг. Они ведь сделаются

практически родственниками. Соответственно, жизненно необходимо, чтобы кто-то очень авторитетно поговорил с этим Конвеем.

Чек на шестьсот фунтов придал ему уверенности, и он прибыл в усадьбу «Уголок», чтобы откупиться от конкурента. В целях безопасности он приехал ближе к ночи. И как раз взял именно тот тон, который подобает главе семьи, когда в гостиную вторгся непрошеный визитер. Точно посреди самого блестящего словесного пассажа дверь распахнулась и ввалился этот краснорожий гигант.

Поняв, что очарование момента безвозвратно нарушено и обсуждение деликатного дела придется отложить, подозревая, что этот тип — из круга приятелей Конвея, лорд Ходдесдон поднялся с кресла.

— Где моя шляпа? — деловито спросил он.

— Пушку, — настойчиво повторил мистер Хоук. Ему показалось, что эти двое нарочно делают вид, что не понимают простого языка.

Он недружелюбно наблюдал за сборами лорда Ходдесдона. Мистер Хоук чуть было не забыл наставление капитана Келли, но лорд Ходдесдон невольно напомнил ему о нем. «Всех впускать, никого не выпускать», — сказал капитан. Седоусый сумел сюда пролезть. Но выйти отсюда ему не удастся.

— Вы собираетесь уходить? — спросил мистер Хоук. Лорд Ходдесдон в знак величайшего удивления поднял обе брови. Безденежье вкупе с издержками демократии избавили лорда Ходдесдона от проявлений собственного превосходства. Но теперь он не мог от этого удержаться. Он воззрился на Дж. Б. Хоука, как сеньор старого режима на вассала или холопа.

— Не имею чести вас знать, сэр…

Берри взял на себя обязанность представить гостей друг другу.

— Мистер Хоук — граф Ходдесдон. Суровости Хоука чуть поубавилось.

— Прям-таки граф? — с интересом спросил он.

— …Да, да, да, я действительно собираюсь уходить, — сказал лорд Ходдесдон, игнорируя последнее замечание.

Мистер Хоук мгновенно преодолел свою слабость. Он снова почувствовал себя настоящим мужчиной, человеком с пистолетом.

— Не получится, — сказал он.

— Прошу прощения?

Мистер Хоук явил взорам собеседников пушку, о которой они так много слышали, и невнятно, но решительно скомандовал:

— Руки вверх!

2

Тем временем и в гостиной «Мирной заводи» происходили события, заслуживающие внимания хроникера. Пора ему обратить свое всевидящее око на дела лорда Бискертона.

В то время как мистер Хоук, нацеливаясь на виски с ростбифом, влезал через окно в дом, Бисквит, сидя в кресле и глядя на фотографию мисс Вэлентайн, стоявшую на каминной доске, погрузился в те сладкие мечты, которые навевают молодому человеку любовь в сердце и чек на две тысячи фунтов в кармане. Песенная мелодия, с которой он вернулся в дом после встречи с мистером Роббинсом, вновь рвалась у него из души. Помурлыкав минут десять, он предался молчаливым размышлениям.

Итак, он смотрел на фотографию Кичи. Завоевать любовь этого эфемерного создания — слишком высокая честь для обыкновенного мужчины. Но не для Годфри Эдварда Уинсли Брента, лорда Бискертона, любимца фортуны. Это ему судьба предназначила один из самых больших призов, когда-либо учреждавшихся фондовыми биржами, и, будто этого мало, сулила пролить над ним золотой дождь.

С ранних лет Бисквит лелеял неколебимую веру в то, что Провидение уготовило ему щедрые дары и получить их — только вопрос времени. Это убеждение покоилось на той основе, что он, Бисквит, жил, как птичка Божия, и любил ближнего своего, как самого себя. Он знал, Провидение не станет размениваться на мелочи и, выбрав фаворита, воздаст ему по всей форме.

Более того, Провидение не остановится, пока не облагодетельствует и старого доброго Берри. С подлинной широтой. Именно широтой. Покоясь в кресле, Бисквит чувствовал себя на седьмом небе. Он одолел путь через тернии к звездам, и в ушах его звучала музыка небесных сфер.

Впрочем, тут же выяснилось, что он допустил незначительную и вполне извинительную ошибку — то была не музыка сфер, а звонок в дверь. По-видимому, кто-то захотел разделить с ним час торжества. В надежде, что пришел Берри, и опасаясь, что заявился викарий, он пошел отворять. А отворив, застыл в изумлении.

Он был готов увидеть за порогом Берри. Готов был увидеть викария. Готов был даже увидеть коммивояжера с образцами метел, тростниковых качалок и новейшего средства от облысения. Но кого он никак не ожидал увидеть, так это свою бывшую невесту Энн Мун.

— Привет, — часто моргая, выговорил он.

Она смотрела на него округлившимися глазами и часто дышала. Лицо ее горело, губы запеклись. Все это — независимо от причины — очень ей шло, отметил про себя Бисквит.

— Привет, — повторил он.

— Привет, — сказала Энн.

— Ты! — выдохнул Бисквит.

— Да, — сказала Энн. — Можно войти?

— Войти?

— Да.

— Ой, конечно, — спохватился Бисквит, вспомнив, что он хозяин. — Конечно, входи.

Не преодолев изумления, он повел ее в гостиную.

— Может быть, хочешь присесть или еще чего-нибудь?

— Можно?

— Конечно, — разрешил Бисквит. — Разумеется. Наверное.

Энн села, и воцарилось молчание. Непросто начать свою речь девушке, которая разорвала помолвку с мужчиной, а теперь заявилась в его дом сообщить, что она передумала и помолвку надо реанимировать.

Как и у хозяина дома, у Энн голова шла кругом. Она приехала сюда, повинуясь одному из тех внезапных импульсов, которые руководили ее поступками. Она говорила себе, что ненавидит и презирает Берри, и это логически привело ее к признанию того, что она дурно обошлась с Бисквитом и должна исправить свою ошибку. И теперь она не находила слов, чтобы начать.

— Сигарету? — спросил Бисквит.

— Нет, спасибо.

Как ни прискорбно, она не вполне верила в то, в чем пыталась себя убедить. Легко было говорить себе, что она, мол, ненавидит и презирает Берри. В данную минуту так оно и было. Но сохранит ли она чувства после того, как приступ праведного гнева утратит над ней свою власть? Сейчас она пылает гневом, как пылала бы на ее месте любая девушка, которую одурачили и заставили признать, что маменька — или, в данном случае, дуэнья — была права. Леди Вера говорила, что Берри — жалкий обманщик, и он им оказался.

Что и требовалось доказать, как сказал бы Бисквит.

И все же, несмотря на это, из глубины души внутренний голос нашептывал ей, что обманщик он или нет, но только его она любит и всегда будет любить. Целые годы она жила под деспотией неуступчивой Совести, и теперь, когда стала действовать в соответствии с ее велениями,

прорезался голос Подсознания, чтобы снова лишить ее покоя. Видит Бог, этот мир невыносимо жесток к девушкам.

Энн попыталась заглушить голос своего нового мучителя.

— Годфри, — начала она.

— Да?

— Мне надо с тобой поговорить.

— Валяй, — ободрил ее Бисквит.

— Я…

Она осеклась. Разговор давался ей труднее, чем она могла вообразить.

Опять наступило молчание. Бисквит лихорадочно подыскивал тему для разговора. Ему всегда нравилась Энн, но он готов был согласиться, что она казалась гораздо привлекательней до того, как ее поразила немота, афазия или как там называется эта болезнь. Веселая болтушка — это одно. А девушка, страдающая заиканием, — совсем другое. Если Энн проделала долгий путь в Вэлли Филдс только затем, чтобы помолчать наедине с ним, то лучше бы ей остаться дома.

Откровенно говоря, ей в любом случае было бы лучше не приходить. В конце концов, он обручен, а обрученный мужчина должен вести себя крайне осторожно. Кичи может не понравиться — это будет вполне справедливо, — что он привечает у себя в доме симпатичных девушек.

Тем не менее следовало быть вежливым. Нельзя же бесцеремонно вытолкать гостью взашей, надо соблюсти церемониал гостеприимства.

— Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо.

— Совсем хорошо?

— Да, спасибо.

— Прекрасно выглядишь.

— Ты тоже.

— Да, у меня все в порядке.

— И у меня.

— Вот и хорошо, — сказал Бисквит. — Ничего, если я выпью глоточек?

— Пожалуйста.

Он почувствовал себя свободнее. И сразу вспомнил, что пока остается нераскрытой главная тайна.

— Откуда ты узнала, где я живу?

— Леди Вера сказала.

— А! Понятно. Значит, это она тебе сказала?

— Да. Кстати, а она сообщила тебе новость?

— Какую?
— О своей помолвке? Бисквит расхохотался.
— О ее помолвке?
— Она собирается замуж за моего дядю.
— Ну и дела! За папашу Фрисби?
— Да.
— Силы небесные!
— Я тоже удивилась. Я думала, он закоренелый холостяк.
— Перед моей тетушкой Верой спасует самый безнадежный холостяк, — веско сказал Бисквит. — Черт меня подери! Значит, наши с тобой семейства все-таки породнятся.
Он помолчал. Теперь ясно, зачем она пришла.
— Ты приехала, чтобы сообщить мне об этом?
— Нет.
— В каком смысле — нет?
— В прямом. Нет.
— То есть ты приехала не за тем, чтобы сообщить мне эту новость?
— Нет.
— Тогда, — напрямую спросил Бисквит, — зачем? Я, конечно, всегда рад тебя видеть, — галантно добавил он. — Добро пожаловать в любое время и все такое. Но все-таки, что тебя привело ко мне?
Энн почувствовала, что настал решающий момент. Отчаянно преодолевая смущение, от которого щеки ее залились румянцем, а по спине пробегал холодок, она приступила к объяснению.
— Годфри, — сказала она.
— Продолжай, — поощрил ее Бисквит после паузы.
— Годфри, — сказала Энн, — ты получил мое письмо?
— Насчет помолвки? Получил.
— Я приехала сказать тебе, что сожалею о том, что его написала.
Бисквит был настроен великодушно.
— Ну что ты! Очень изящно составленное письмо. Я сразу так подумал и теперь так считаю. Прекрасное письмо.
— Я…
Бисквит виновато цокнул языком.
— Кстати, у меня совсем из головы вон — надо же было пожелать тебе счастья и тому подобного. Берри Конвей сказал, что вы обручились.
— Ты с ним знаком? — ахнула Энн.
— Конечно. И ему передай мои поздравления. Совсем зашился с делами, забыл близких друзей поздравить по такому важному случаю. А

вы молодцы. Я бы тебе лучшего жениха и не пожелал.

— Мы не помолвлены.

— Нет?

— Нет.

— Значит, — растерянно сказал Бисквит, — меня неправильно информировали. И кто! Такой надежный источник! Меня просто-напросто разыграли.

— Я разорвала помолвку, — сказала Энн. Бисквит подскочил.

— Разорвала?

— Да.

— Почему?

— Неважно.

— Душенька, — отечески сказал Бисквит, — я не имею привычки вмешиваться в чужие дела, но скажи честно, тебе не кажется, что ты слегка злоупотребляешь этими разрывами? Два в неделю — не знаю, каков европейский рекорд, но ты наверняка его побила. Разорвать две помолвки за одну неделю!

Энн стиснула руки.

— Можно сократить до одной, — с трудом выговорила она. — Если ты не против.

— В каком смысле?

— Я пришла предложить тебе, чтобы ты забыл мое письмо. Считай, что ничего не получал.

Бисквит лишился дара речи. Ну и денек выдался! Сначала Хоук, потом Роббинс, а теперь вот что. Его залихорадило.

— То есть ты предлагаешь, чтобы мы с тобой…

— Да.

— Чтобы наша помолвка…

— Да.

— И мы опять…

— Ну да, да, да!

Надолго воцарилось молчание. Бисквит подошел к окну и выглянул в него. Смотреть было не на что, но он стоял так довольно долго. Ему требовалось собрать в кулак всю выдержку и весь такт, чтобы сладить с ситуацией.

— Ну? — спросила Энн.

Бисквит отвернулся от окна. Он нашел нужные слова.

— Послушай, душенька, — извиняющимся тоном начал он, — боюсь, я должен сказать нечто неприятное, так что лучше тебе выпить глоточек.

Мне очень хочется помочь тебе, но дело обстоит так, что я могу оказать только братскую помощь. — Он указал большим пальцем на каминную доску.

У Энн перехватило дыхание.

— О! — вырвалось у нее.

Она поднялась с кресла. Ни разу с тех пор, как в одиннадцать лет, когда ее вытолкнули на сцену ассистировать фокуснику, не чувствовала она себя так по-дурацки. Но Энн ничем не выдала своих чувств. Она подошла к камину и внимательно изучила фотографию.

— Хорошенькая, — сказала она.

— Хорошенькая, — согласился Бисквит.

— Да я ее знаю! — воскликнула Энн.

— Знаешь?

— Это Кичи Вэлентайн. Мыс ней плыли на одном пароходе.

Бисквит чуть было не брякнул что-то насчет судьбы, которая удосужилась свести их всех вместе, но вовремя спохватился. Это, пожалуй, было бы некстати. Он промолчал.

— Она ведь живет по-соседству? — спросила Энн. — Я и забыла.

— Правильно. По-соседству. Мы познакомились, болтая через забор.

— Понятно. Надеюсь, ты будешь очень счастлив.

— Обязательно, — уверил ее Бисквит.

— Мне, пожалуй, пора, — сказала Энн. Бисквит жестом остановил ее.

— Погоди, — сказал он. — А что же у вас с Берри приключилось?

— Мне не хочется об этом говорить.

— Знаешь, милые бранятся…

— Это не милая брань.

— А что тогда? Господи! Если браки заключаются на небесах, так это ваш случай. Ты — прелестнейшее существо, а он — само совершенство. Природа осыпала его своими дарами и может гордиться своим произведением. Я готов подписаться под этими словами, и если бы вдруг сейчас сюда явился наш учитель, он сделал бы то же самое. Если ты в самом деле дала отставку старику Берри, ты просто умом тронулась. И не надейся, что судьба пошлет тебе второго такого парня. Этого не будет. Второго Берри тебе не найти, даже если ты проживешь миллион лет. А уж как его ценят на секретной службе! — добавил Бисквит, выбрасывая козырную карту.

Энн коротко рассмеялась.

— На секретной службе!

— А почему ты говоришь об этом с таким ехидством?

— Я знаю о нем все, спасибо, — сказала Энн, — Тебе незачем мне врать.

Тут он исчерпал лимит.

— А? — протянул Бисквит. — Ах, вот оно что! Он понял, в чем дело.

— Он секретарь моего дяди, — презрительно сказала Энн.

— Отчасти, да, — неохотно признал Бисквит. — Ну и что из этого?

— То есть?

— Какая разница? Энн сверкнула глазами.

— По-твоему, никакой? Думаешь, можно обнаружить, что тебе врали без удержу, дурачили, и испытывать те же чувства к человеку, который… — Она проглотила подступивший к горлу комок. — Который притворяется, что любит, потому что ты богата?

Бисквит обомлел.

— Дорогая моя гордячка, ты хочешь, чтобы я поверил в то, что Берри охотился за твоими деньгами?

— Да. Мне леди Вера сказала.

— Даже признав, что моя тетя Вера знает об охоте за деньгами все, что только можно об этом знать, — сказал Бисквит, — я полностью отрицаю эту возможность. Послушай, Энн! Я проучился вместе с Берри пять лет и знаю его как облупленного. Это честнейший человек. Заявляю со всей ответственностью. Разве можно ошибиться в том, с кем проучился пять лет в одной школе? Берри — надежный парень.

— А почему же он лгал мне?

— Объясняю. Он просто хотел тебя повеселить. Увидел тебя тогда в «Беркли», моментально влюбился, потом, не раздумывая, сел к тебе в машину и придумал эту байку насчет секретной службы, чтобы как-то оправдать свой безумный поступок. Это в его стиле. Он совершает безумства, а потом пытается выйти из затруднительного положения с честью. Ну да, он секретарь твоего дяди. Думаешь, он нанялся к папаше Фрисби от хорошей жизни? Он оказался без пенни в кармане, один адвокат одолжил ему пару сотен, чтобы он выкрутился, и ему пришлось принять эту должность, чтобы отдать долг. Он все мечтал отправиться в Рио или в Аризону, в общем, куда-то в горы, на заработки. Кстати, насчет Аризоны. Ты еще увидишь, какой была дурой, заподозрив эту кристальную душу в корысти. У него самого денег не клюют, тыщи тыщ. Завтра будут. И у меня тоже. Нам повезло,

Энн молчала. Потом глубоко вздохнула.

— Понятно, — сказала она.

— Этого мало. Что ты собираешься делать?

— Я сама себя одурачила, — сказала Энн.

— Еще как одурачила, — горячо подхватил Бисквит. — Ты сделала большую глупость. Какие шаги думаешь предпринять, чтобы ее исправить?

— Написать ему?

— Неплохая мысль.

— Сейчас поеду и напишу.

— Отлично.

— Ну, я пошла, Годфри.

— Иди-иди, — подстегнул ее Бисквит. — То есть я, конечно, рад был тебя видеть и все такое, но надо исправлять ошибку.

— Я, наверное, должна тебя поблагодарить, — сказала Энн у порога.

— Нет нужды. Рад, если я сумел чем-то быть полезным.

— Тогда до свидания.

— До свидания, — сказал Бисквит. — Буду с интересом следить за развитием событий. Ба, а это что за птичка?

Птичкой оказался возникший из темноты капитан Келли.

— Минуточку, — сказал капитан Келли.

Энн встревоженно смотрела на него. В шляпе, надвинутой на глаза, он выглядел устрашающе.

— За пустыми бутылками, а также с предложением товаров — милости прошу с черного хода, — сказал Бисквит с непреклонностью хозяина дома. — Если только, — добавил он, — вы не викарий.

— Я не викарий.

— Тогда кто же?

— Неважно, — коротко ответил капитан Келли. — Должен вам сказать, что сегодня никто не покинет этот дом, и юная леди в том числе.

— Что? — вскричал Бисквит.

— Что? — вскричала Энн.

— Это видели? — спросил капитан Келли.

Свет, падавший из холла, осветил внушительного вида револьвер. Энн и Бисквит завороженно глядели на него.

— Если вздумаете делать глупости, имейте в виду, что я жду на крыльце, — сказал капитан Келли.

— Да в чем дело? — призвал его к ответу Бисквит.

— Сами знаете, в чем, — лаконично ответил капитан Келли. — Назад, в дом, и не вздумайте высунуть нос, не то башку снесу. Я не шучу.

Бисквит уставился на закрывшуюся дверь, как будто хотел продырявить ее взглядом.

— Тут не соскучишься, — констатировал он.

— Я не могу остаться здесь на всю ночь! — чуть не плача, сказала Энн.

Бисквит вздрогнул, будто через него пропустили электрический заряд.

— Ни за что на свете! — с жаром согласился он. — Не знаю, в курсе ли ты, но бедняжка Кичи переживает кризис веры в мужчин. Она получила тяжкий удар от одного гада ползучего по имени Мервин Флок. Если до нее дойдет, что мы с тобой провели ночь под одной крышей… Боже! — простонал Бисквит. — Это будет конец. Мне не услышать свадебных колоколов. Она уйдет в монастырь или куда похуже.

— Что же делать? Кто этот человек?

— Понятия не имею.

— Он, должно быть, чокнутый.

— Несомненно. Но от этого не легче. Ты пушку видела?

— Что ты собираешься предпринять?

— Для начала выпить глоток.

— А это поможет?

— По крайней мере, прочистит мозги, и я смогу обмозговать это дельце, к которому пока что не подберу отмычки. Вообще-то я смышленый, но, встречаясь в собственном саду с маньяком, помешанным на убийстве, не стыжусь признаться, что временно теряю форму. Как бы то ни было, одно безусловно: тебе надо отсюда выкатиться, и чем скорее, тем лучше.

Он прошел в гостиную и рассеянно потянулся к бутылке. Мысль его лихорадочно работала.

3

В прозаическом веке, в котором мы живем, все, граничащее с эксцентризмом, подлежит осуждению. Мы смотрим на это с неодобрением и делаем суровые выводы. Чуть отклонитесь в поведении от общепринятых норм, и вы неизбежно вызовете всеобщее подозрение.

Действия капитана Келли и Дж. Б. Хоука, как мы знаем, были тщательно продуманы. Они основывались на соображениях здравого смысла. Тем не менее Энн и Бисквит в гостиной Писхейвена признали капитана невменяемым, даже безумным; на тех же основаниях Берри и лорд Ходдесдон, по другую сторону перегородки, сделали аналогичный вывод относительно мистера Хоука.

Лорд Ходдесдон первым облек свои мысли в словесную форму.

Завороженно наблюдая мистера Хоука с пистолетом в руке, он заговорил.

— Кто этот безумец? — спросил он. Берри был более дипломатичным.

— Все в порядке, мистер Хоук, — сказал он. — Вы в кругу друзей. Вы ведь меня помните? Я — Конвей.

— Этот человек сошел с ума, — гнул свое лорд Ходдесдон. — Уберите палец с крючка, сэр! — озабоченно продолжил он. — Так и выстрелить недолго.

— Руки вверх, — угрюмо буркнул мистер Хоук.

— Мы подняли, — сказал Берри все с той же родственной теплотой. — Видите, подняли! Глядите-ка!

В доказательство своих слов он пощелкал в воздухе пальцами. Мистер Хоук посмотрел, недовольно моргнул и посуровел.

— Эй, вы, — скомандовал он, — это вы бросьте!

— Бросить — что?

— Руками вертеть, — ответил мистер Хоук. — Я этого не люблю.

По странной ассоциации это напомнило ему о пауках, а думать о пауках ему не хотелось.

— Знаете что, — сказал Берри, — отложите-ка пистолет, присядьте, а я приготовлю вам чашечку чаю.

— Чаю?

— Хорошего, крепкого, горячего чаю. А потом мы вместе посидим, и вы нам расскажете, что у вас на уме.

Мистер Хоук осовело глядел на Берри. Похоже, он обдумывал поступившее предложение.

— У меня была мама, — сказал он.

— Да что вы? — отозвался Берри.

— Да, сэр! — подтвердил мистер Хоук. — Была. Мама.

— Этот человек — настоящий озверевший безумец, — заметил лорд Ходдесдон.

Мистер Хоук встрепенулся. Что-то в этих словах зародило в темных глубинах сознания смутные подозрения. Ему показалось, что лорд Ходдесдон позволил себе усомниться в его душевном здоровье. Это ему крайне не понравилось. Лично он готов был признать, что отчасти утратил контроль над собой; но подобное заключение со стороны его больно задело.

— Думаешь, я спятил? — вопросил он.

— Не спятил, — вмешался Берри. — Просто…

— Он безумен, как мартовский кот, — настаивал лорд Ходдесдон, который не любил темнить и всегда называл вещи своими именами. — Да

перестаньте вы теребить этот крючок, сэр! Вы что, хотите повесить на себя двойное убийство?

— Я не спятил, — сказал мистер Хоук. — Нет, сэр.

— Разумеется, нет, — сказал Берри. — Может, чуточку перевозбудились. Почему бы вам не положить пистолет — вон там столик очень кстати стоит — и не рассказать нам про вашу маму?

Но мысли мистера Хоука были заняты обидным замечанием. Он не поддался на уловку перевести разговор на маму. О мамах еще будет время поговорить, когда он докажет этим скептикам, что не дурее их. И он приступил к перечню доказательств.

— Знаете, почему я все это затеял? — спросил он. — Вы ведь не знаете, так? Нет, не знаете. И представить не можете, так ведь? Этот ваш рыжий приятель не говорил вам, что я брякнул ему насчет «Мечты»? Ясно, нет. А вы мне про ваших матерей толкуете! Вы меня вашими матерями с толку не собьете, я знаю, что делаю, и если вашей матери это не нравится, мне наплевать.

Лорду Ходдесдону эти сильные замечания о мечтах и матерях показались еще одним неопровержимым свидетельством — если в них еще была нужда — в пользу того, что он находится в обществе настоящего безумца, по которому плачет смирительная рубашка. Абсолютное безумие — так квалифицировал лорд Ходдесдон речь мистера Хоука. Но Берри уловил в этих туманных высказываниях проблеск смысла.

— А при чем тут «Мечта»? — спросил он.

— А вы не знаете? — подозрительно спросил мистер Хоук. Он сделал несколько осторожных шагов и, не выпуская из поля зрения своих заложников, сел, прислонившись спиной к стене.

— Так вы, значит, не знаете? Рыжий вам ничего не сказал? И вы не подслушивали за дверью кабинета старика Фрисби, когда мы с ним по секрету толковали про новую жилу? Если вы надеетесь завтра с утречка ехать в Лондон и скупать акции «Прыткой Ящерки», так вы ошибаетесь. Вы будете сидеть тут, вот что вы будете делать.

Он обратил пылающий взор на лорда Ходдесдона.

— Это и к вам относится, граф-ф-ф, — сказал он.

Берри издал непроизвольный вопль. Его осенило. То, что мистер Хоук молол насчет Бисквита, оставалось выше его разумения, но из прочих речений вырисовывался ясный как Божий день факт: «Мечта Сбывается» — ценная собственность, о чем старый Фрисби и этот ползучий гад давно знали. И провели его как мальчишку, купив рудник ни за понюшку табаку.

Его охватила бессильная ярость.

— Значит, вы знали, что там есть медь? — воскликнул он.

— Знали, с самого начала, — подтвердил мистер Хоук. — И я своего не упущу. Увидите, как акции подскочут к концу недели.

Лорд Ходдесдон протяжно застонал. Руки у него онемели, а этот обмен бессмысленными фразами вызвал головную боль. Мечты и матери, а тут еще прыткие ящерицы… Это слишком для аристократа с ограниченным интеллектом.

У Берри руки заходили ходуном, и мистер Хоук не замедлил прокомментировать этот факт:

— Не вертеть руками!

Он оперся о стену и попытался поточнее нацелить свою верную пушку. Ему не нравилось выражение лица Берри. Если на то пошло, выражение лица лорда Ходдесдона ему тоже не нравилось. И он уже собирался сказать об этом вслух, как вдруг, без всякого предупреждения, раздался оглушительный треск, и кусок стены обвалился прямо ему на макушку.

— Черт! — озадаченно вскричал мистер Хоук.

Самые странные события имеют свое объяснение. Дж. Б. Хоуку внезапный обвал стены, на вид такой надежной, показался чудом. Он решил, что началось землетрясение.

На секунду он даже допустил, что пришел конец света. На самом же деле это сосед Берри лорд Бискертон пытался кратчайшим путем пробраться из Писхейвена в Нук.

Вспомним, что мы оставили Бисквита в процессе обдумывания путей выхода из сложившейся ситуации. Мозг такого калибра не может не работать без быстрого и солидного результата. Едва Бисквит проглотил порцию виски с содовой, как решение пришло само собой. Мысль явилась, как распустившаяся роза в аромате надежды. Стремглав сбежав вниз, в подвал, Бисквит рысью вернулся назад, вооруженный топориком для угля.

Течение его мысли легко восстановить. Чем чаще встречался он глазами с той, что была изображена на фотографии, водруженной на каминной доске, тем четче представлял себе необходимость немедленного прекращения вынужденного tete-a-tete с Энн. Капитан Келли однозначно высказался в том плане, что обычным путем ходу из Писхейвена нет. Значит, следовало найти альтернативный. Пусть Энн выйдет через гостиную Берри. Если не удастся удрать, то в худшем случае они окажутся не наедине друг с другом, а в компании третьего. И то хлеб, решил Бисквит.

Саданув по стене, он с удовольствием обнаружил, что она сразу же

подалась. Архитекторы загородных вилл не рассчитывали на подобные испытания для своих сооружений. Вдохновленный успехом, Бисквит удвоил усилия.

Лорд Бискертон, как было сказано, был доволен. Но нечасто бывает, что радость одного совпадает с радостью другого. Мы бы погрешили против истины, сказав, что мистер Хоук разделял его чувства. Каким образом последний намеревался пресечь действия Бисквита, он пока и сам не знал. В одном у мистера Хоука не было сомнений: они были ему не по душе.

Он стал с озабоченным видом неловко отодвигаться от эпицентра разрушений. Воспользовавшись его замешательством, Берри подскочил и ловким ударом ноги вышиб пистолет. После чего он и мистер Хоук схватились в поединке на ковре.

Лорд Ходдесдон, опустив затекшие руки, схватил массивный стул и стал настороже у вновь образовавшегося проема в стене, ожидая дальнейшего развития событий. Он с готовностью вышел на военную тропу, потому что эта необходимость не застала его врасплох. Тяготы загородной жизни, пережитые им в первый приезд, а также нынешним вечером, закалили лорда Ходдесдона. Подобно тому, как путешественник по Аляске на собственном опыте познает, что Божий закон и людской закон — не северней сороковых, так и наш лорд удостоверился, что, попадая в 21-й юго-восточный почтовый округ Лондона, надо забыть о благах цивилизации и правах человека.

Следовательно, то был уже не лорд Ходдесдон, уважаемый член своего клуба, не завсегдатай скачек в Эскоте. Тот, кто стоял с подъятым стулом в гостиной Берри Конвея, был материализацией духа его воинственных предков, древним лордом Ходдесдоном, который, познав, что в каждом доме этого адского предместья надо ждать нападения маньяков и убийц, готовился дорого продать свою жизнь.

Дыра в стене увеличилась, и лицо лорда Ходдесдона сделалось еще решительнее. Как его великий предок, прославивший свое имя в битве при Азенкуре, он намеревался, если придется, умереть с оружием в руках.

На ковре тем временем шла жаркая схватка без правил между Берри и его гостем. Дж. Б. Хоук к сему часу, конечно, перебрал по части спиртного; столичная жизнь не лучшим образом сказалась на его фигуре и мускульной силе. Но во времена пылкой юности он был известным в кругах завсегдатаев баров бойцом с рекордным количеством побед от Сан-Франциско до Нью-Йорка. И старые навыки проявили себя в лучшем виде. Это было видно по удару в челюсть и попытке схватиться зубами за ухо

партнера.

Берри ощутил это на себе и всю душу вложил в ответный удар. Таким образом было достигнуто шаткое равновесие. В этот момент мистер Хоук допустил стратегическую ошибку — он поднялся во весь рост.

Лучшие друзья ему такого не посоветовали бы. Мама, о которой он только что с нежностью вспоминал, поцокала бы языком и покачала седой головой при виде того, что сотворило ее чадо. В сущности, Дж. Б. Хоуку следовало бы шире изучить возможности коверной борьбы. Стоя, он представлял собой живую мишень, в то время как на полу он весь ощетинился зубами и кулаками. Берри, увидев неприкрытый живот врага, не раздумывая, дважды ударил под дых. Мистер Хоук согнулся пополам, как шатер бедуина, и лег у ног победителя. Берри в прыжке схватил пистолет, ставший причиной поединка, и, пыхтя, выпрямился.

Он сосредоточился на восстановлении дыхания, которое сбилось во время схватки, но процесс был прерван страшным грохотом, который сопровождался резким криком.

Старый друг Берри, лорд Бискертон, сидел на полу, поглаживая ушибленное запястье, а отец старого друга, Ходдесдон Отважный, озадаченно взирал на плоды своего подвига.

— Годфри!

— Привет, папаша. Как поживаешь?

— Годфри! — причитал лорд Ходдесдон. — Я тебя зашиб, мальчик мой!

— Отец, — отозвался Бисквит, — твоими устами глаголет сама Истина. Не увернись я вовремя, мне бы никогда не унаследовать титул.

В эту секунду из пролома вышла Энн.

4

— Входи, Энн, — сердечно приветствовал ее Берри. — И скажи спасибо, что на этот раз тебе не предложили, как леди, войти первой. Ты могла бы надолго упокоиться на этом ковре. Наш гость только что продемонстрировал крепость руки.

Энн только в третий раз посещала Вэлли Филдс и получила пока что слабое представление об обычаях загородной жизни. Лорд Ходдесдон, войдя в гостиную дома, расположенного в этой местности, и увидев два тела, распростертых на полу, отнесся бы к этому факту философски, приняв за обыденное проявление жизненной активности. Но Энн была

очень удивлена.

— Что случилось? — спросила она.

Лорд Ходдесдон ответил на вопрос с невозмутимостью бывалого человека.

— Сумасшедший, — объяснил он. — Опасный. Мистер Конвей его окоротил.

Энн с чувством взглянула на Берри. Сердце ее бешено билось, как прежде, полное любви и уважения. Один глаз у Берри закрылся от точно пришедшегося удара локтем, по щеке струилась кровь. Но Энн смотрела на него, как на прекрасную картину.

— Ба, да это Хоук! — изумился Бисквит. — Когда же он успел тронуться рассудком? За завтраком ничего подобного не наблюдалось.

Берри нехорошо засмеялся.

— Он не тронулся, Бисквит, — сказал он. — Он знает, что делает. Ты был прав. Он кинул меня с этой шахтой. Только что раскололся.

— Да, он мне тоже поведал правду. Понимаешь, что это значит, Берри?

— Берри, тебе больно, дорогой? — спросила Энн. Берри оторопело взглянул на нее.

— Что ты сказала?

— Я спросила, тебе больно?

— Ты сказала «дорогой».

— Да, конечно.

— Но…

— Любовь до гроба, — пояснил Бисквит. — Ее последние замечания о том, что она не хочет видеть тебя в дальнейшем, сделаны по недоразумению. Теперь пелена упала с ее глаз.

— Энн, — прошептал Берри.

— Иди сюда, — сказала Энн, — и позволь мамочке поцеловать, где болит.

— Вот… здесь… черт подери!

Эти слова принадлежали лорду Ходдесдону. Каскад неожиданных событий заставил его на время забыть о миссии, приведшей его в этот дом, но теперь он о ней вспомнил и с ужасом смотрел на то, как Энн — племянница старика Фрисби — уплывала прочь из его семьи. Он с сожалением оглянулся на сына, словно ища поддержки, но Бисквит думал о другом.

— Минуточку, — сказал Бисквит. — Знаешь ли ты, Берри, что «Прыткая Ящерка», акции которой сейчас идут по одному и шести, вот-вот

вознесется до небес?

— Знаю, — горько сказал Берри. — Хоук сказал. Он потому и пришел сюда. Сел и навел на меня пушку, чтобы я не уехал на биржу скупать акции. Не знал, бедолага, что я ничего бы не купил, даже если бы он мне такси прислал.

— Почему?

— Денег нет.

— Есть. У тебя есть две тысячи долларов, вот они. Чек надо предъявить в банк.

Берри удивленно рассматривал бумагу.

— Откуда это у тебя?

— Неважно. Есть способ.

— Подписан адвокатом Фрисби.

— Неважно, кем подписан, главное, что настоящий. Получи по чеку и половину одолжи мне. Нам светит несметное богатство, дружище. Отец, — обратился он к отцу, — если у тебя завтра или на неделе найдется немного деньжат, вложи их в «Прыткую Ящерку». Дело верное.

Лорд Ходдесдон проглотил застрявший в горле комок.

— Как раз вчера Фрисби выписал мне чек на пятьсот фунтов.

— Вот как? Какой приятный сюрприз! — воскликнул Бисквит. — Старый пират, решил финансировать наше предприятие. — Он умолк, и тень отчаяния пробежала по его лицу — Господи! — простонал он.

— Что такое?

Воодушевление Бисквита как рукой сняло.

— Берри, старина, — сказал он, — страшно не хочется тебя огорчать, но я в горячке забыл про главное.

— Да в чем дело?

— Мы не сможем отсюда выбраться. Нас обложили.

— Как это?

— За дверью сторожит приятель Хоука. Берри с шумом втянул воздух.

— Я его укокошу!

— У него оружие.

— У меня тоже.

— А, — вмешался мистер Хоук, внося свой первый вклад в общую беседу, — оно не заряжено.

— Что?

Берри проверил это заявление, и оно подтвердилось.

— Мне все время казалось, — сказал мистер Хоук, — что я что-то забыл. Вот оно, значит!

— Свяжи этого негодяя покрепче, отец, — сурово приказал Бисквит, — и спусти его в подвал. Пускай его мыши сожрут.

Он смотрел на мистера Хоука с растущей неприязнью. Из-за его собственной халатности гарнизон усадьбы был обескровлен. «Стар становлюсь, — подумал Бисквит. — Разве можно было ждать другого от такого квелого дельца, как Дж. Б. Хоук, хотя он и надирался аккуратно весь день». От этих мыслей Бисквиту стало совсем худо.

В голове мистера Хоука, напротив, зароились светлые мысли. Оказывается, еще не все потеряно. Его самого вывели из игры, но есть еще надежный товарищ, славный капитан Келли, и уж он-то доведет дело до конца в лучшем виде.

— Ну свяжете вы меня, — сказал он, — и что это вам даст? Берри направился к двери.

— Берри! — вскричала Энн. — Куда ты? Берри остановился.

— Куда я? — переспросил он. — Иду выбивать душу из этого типа.

— Я пошел бы с тобой, — негромко сказал Бисквит, — да отец обездвижил мне руку. Папаша, может, ты пойдешь на подмогу?

Лорду Ходдесдону совсем этого не хотелось. Военный дух быстро покидал его тело.

— Это забавы для молодых, — буркнул он.

— Берри! — позвала Энн.

Но Берри уже не было в комнате.

Наступившее молчание нарушил мистер Хоук. Несмотря на то что Бисквит красноречиво пытался заставить его держать язык за зубами, толкая локтем под ребро, мистер Хоук взял почти лирическую ноту в описании своего партнера.

— Он снайпер, — сказал мистер Хоук. — Никогда не промахивается.

Потом, помолчав вместе со всеми, задумчиво добавил:

— Жалко. Симпатичный парень.

Его размышления вслух прервал донесшийся из-за двери неясный шум.

— А, — протянул мистер Хоук. — Наверное, тело упало. Дверь распахнулась, и на пороге показался Берри. Он был не один. На его плече покоился капитан Келли.

Было похоже, что капитан получил ранение тупым предметом.

— А теперь, — сказал Берри, — спустите этих двоих в подвал и не выпускайте, пока мы завтра не покончим с делами.

— Я прослежу за ними, — вызвался лорд Ходдесдон.

— Как это тебе удалось, старина? — осведомился Бисквит. Берри

ответил не сразу. Он думал.

— У меня есть свои методы, — сказал он.

— Берри! — воскликнула Энн.

Берри с нежностью посмотрел на нее. Он мог сделать это только одним глазом, но этот один справился за двоих.

— Можно проводить тебя к машине?

— Да, пожалуйста.

— Я вам нужен? — спросил Бисквит.

— Нет, — ответил Берри.

ГЛАВА XIV

— Дорогая, — прошептал Берри.

— Что, дорогой?

Она сидела за рулем, а он стоял, прислонившись к капоту. Воздух был напоен ароматом ночи. Стояла тишина.

— Энн, — сказал Берри, — мне надо тебе что-то сказать.

— Что ты меня любишь?

— Что-то еще.

— Но ты меня любишь?

— Люблю.

— Несмотря на все, что я тебе наговорила в парке?

— Ты была совершенно права.

— Нет, не права.

— Я тебя обманул.

— Это ерунда.

— Нет, Энн, не ерунда.

— Вот как?

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Ну так говори.

Берри посмотрел поверх нее на пруд.

— Я насчет этого типа.

— Какого типа?

— Приятеля Хоука.

— А что такое?

— Ты сказала, что я смелый.

— Конечно, смелый. Я такого никогда не видала.

— Ты видишь во мне героя.

— Конечно.

— Энн, — сказал Берри. — Я должен тебе сказать… Знаешь, что произошло, когда я вышел за дверь?

— Ты бросился на него и сбил с ног.

— Энн, я этого не делал. Когда я вышел, он лежал на земле, уткнувшись головой в лавровый куст.

— Что?

— Да.

— Но…

— Погоди, это еще не все. Ты помнишь мою домоправительницу, миссис Уисдом?

— Эту милую даму, которая рассказала мне про твои носки? Берри передернулся.

— Я никогда не надевал в постель носки, — горячо возразил он. — Она думает, что надеваю, но я не надеваю.

— Ну так что с миссис Уисдом?

— Сейчас скажу. Она обручилась с местным полицейским, по фамилии Финбоу.

— Ну и что?

— Они с Финбоу ходили в кино.

— Да?

— Она вернулась, — методично продолжал Берри, — и обнаружила у забора странного мужчину.

— И?

— Она решила, что это грабитель.

— И?

— И, — сказал Берри, — ударила его зонтиком по голове подставила подножку, а мне осталось только втащить его в дом. Теперь ты знаешь все.

Он умолк. Энн резво высунулась из машины и чмокнула его в макушку.

— Что же тут плохого?

— Я боялся, что ты пожелаешь, что так превозносила мою храбрость.

— Но ведь ты сказал мне правду?

— Да.

Энн опять поцеловала его в макушку.

— И правильно сделал, — сказала она. — Мамочка хочет чтобы ее малыш всегда говорил ей правду.

Алан Эйкборн
Встреча с живой легендой

Вместо послесловия

В октябре 1974-го Эндрю Ллойд Уэббер и Алан Эйкборн в сопровождении представителя нью-йоркской конторы продюсера Роберта Стигвуда выехали на Лонг-Айленд, чтобы встретиться с 93-летним П.Г. Вудхаузом. Вот, очень и очень вкратце, что произошло.

Утром нас с Композитором забрал из нью-йоркской гостиницы служащий Роберта Стигвуда. Стигвуд был продюсером нашего мюзикла, приверженец школы «делай дела на расстоянии», надо сказать, на почтительном, — правил баржей с берега. Но и Композитор был не лыком шит, мне таких ушлых малых встречать не приходилось: как-то раз он въехал на го-карте к продюсеру в бассейн; он же за него и поручился, и я не возражал. В тот день, когда солнце клонилось к ленчу, мы собирались на встречу с Пэлемом Гренвилом Вудхаузом (в просторечии — Пламом, от «плам-пуддинга», в свою очередь прозванного в честь сливы, хотя слива в нем и не ночевала) к нему домой на Лонг-Айленд, чтобы быстро сняться для газеты и проиграть старикану хиты из только что завершенной партитуры «Дживса». Я поприветствовал Композитора, вытряхнувшегося из лифта с пухлыми папками под мышкой, превосходящими величиной телефонную книгу Манхэттена.

— Партитура, — пояснил он.

— Понимаю, — таинственно подмигнул я, теребя свое, куда более скромное, достояние, в народе именуемое либретто. По сравнению — земельная опись Вильгельма Завоевателя.

— Боюсь, с нашим шоу может выйти заминка, — разглядывая мой том, сказал Композитор, — В смысле времени.

— Возможно, возможно, — парировал я, смерив его ледяным взглядом, ибо за милю просек, куда он метит. — Ну что ж, им придется петь чуть быстрее.

Но он все равно глядел, будто из ружья целился. Не самое ударное начало для такого дня.

К счастью, в этот момент вошел тот самый Клерк от Стигвуда, полный

радостных вестей и явно предвкушавший поездку в компании молодых и талантливых творцов крупного калибра. Он прибыл в такси, вытянутом, как гигантская такса, — растянули его, видимо, только что, неподалеку от Пятой авеню, между 76-й и 80-й улицами. Мы кивнули водителю, и, пока добирались несколько сотен ярдов до задней дверцы, Клерк популярно растолковал нам, что время — деньги. Наш визит надо точнейшим образом рассчитать по времени, чтобы он не совпал с благоприобретенной привычкой Плама смотреть телевизор. Дело в том, что старый черносливец, как на наркотик, подсел на несколько мыльных опер, транслируемых днем, и, естественно, не мог пропустить ни одного эпизода. К счастью для нас, именно в этот день у Плама, по словам Клерка, освободилось окно.

Пока мы катились, как шары для кеглей в подвижном кегельбане, подскакивая чуть ли не на каждой из миллиона рытвин, которые придают нью-йоркским улицам их ни с чем не сравнимое очарование, а нью-йоркским такси, при помощи пассажирских голов, — уникальные зубчатые крыши, наш Клерк вкидал себе вид стюарда с реактивного лайнера, предлагая полный автомобильный набор имевшихся на борту удобств, включающих радио, телевизор и коктейль-бар. Мне пришло в голову, что в дипломатических целях было бы кстати поймать одну из дневных телемыльниц, чтобы легче было растопить лед в предстоящей беседе. Но все 36 каналов одновременно транслировали тот же хлам, и моя идея оказалась неисполнимой. Впервые я почувствовал в воздухе напряжение. На лице Композитора появилась хитроватая усмешка. Видимо, до него уже доходило, что партитуру придется напеть именно ему. Мы успели перекинуться об этом несколькими словами, когда впервые обсуждали возможность проиграть Пламу песни.

— Когда я работал с Тимом,[19] — назидательно произнес Композитор, — я играл на рояле, а Тим напевал слова.

— Хорошо этому Тиму, — сказал я, довольно (для себя) свирепо, — он ведь такой талант. Лично я не пою.

— Я тоже, — отвечал Композитор.

— Нет, поешь. Ну, во всяком случае куда лучше меня, — сказал я, пойдя с козыря. — Ты хотя бы знаешь, как это должно звучать. Предупреждаю твой вопрос — на рояле я тоже не играю, так что…

Жестокие слова, я знаю, но пора ему верно оценивать свои возможности.

Этот двухдневной давности обмен репликами все еще тлел, отравляя воздух. Тишина угнетала. Догадавшись, что Творцы впали в уныние,

Стигвудов Клерк урезал хлебосольные трели. Сквозь дымчатые стекла лимузина казалось, что даже погода меняется к худшему. Композитор промурлыкивал свои ранние шлягеры, а это всегда не к добру. Как вдруг, Божьей милостью, мы выскочили за город, точнее — в Годальминг, в котором деньги разве что куры не клюют. Тут я впервые увидел Лонг-Айленд. Лимузин, солидно покашливая, умерил свою прыть до скромных 65 миль в час. Я почувствовал, что, когда небоскребы сменились живыми изгородями, шофер стал меньше трястись о своем короткошерстом такси.

— Сейчас все время прямо, — гикнул Клерк таким голосом, что даже мы в недрах лимузина с легкостью его расслышали. — Потом налево и второй направо. — С нами, без сомнения, был человек, знающий Лонг-Айленд как свои пять пальцев.

Знак, неуместно выпячивающийся над изгородью, гласил: «Приют для бездомных собачек и кошечек», подтверждая, что мы и впрямь находимся в стране Вудхауза.

— Вотчина самой Этель, — объяснил Стигвудов Клерк. Я удивился.

— Пламова жена — сказал Композитор, вроде бы несколько приободрившийся.

— Она очень любит животных, — продолжал Клерк, пользуясь случаем в очередной раз просветить нас— Вот, открыла приют для бездомных. Американцы говорят, она даже говорить разучилась, все лает.

Мы подъехали к дому. Дверь открыла сама Этель и оглядела нас с ног до головы, видимо, приняв поначалу за собаколовов и кошегубов. Она раскладывала на противне только что поджаренных кур, в основном ножки. Видимо, забота о царстве животных не простиралась у нее на куриное царство.

— Ух, какой запах, — заметил Стигвудов Клерк. — Прям слюнки текут.

— Это для кошек, — сдержанно произнесла Этель. — Плам вон там, в саду, слоняется без толку. Я через минутку к вам присоединюсь.

Мы прошли уютную гостиную и вышли в зеленый тенистый сад, дополненный лужайкой и цветочными бордюрами. С таким же успехом мы могли находиться в годном Сэрее, но все же это была Америка. Мы узрели старикана, который и в самом деле слонялся без толку. В точности, как сказала Этель. Стройный, бодрый человек без возраста, в легкой цветастой кепочке и жакете из альпака с интересом тыкал палкой в цветочные клумбы. На шее у него болталась увесистая штуковина, соединенная с проволокой, бегущей к одному уху, возвещая, что перед вами тот, кто с трудом вас расслышит. Как выяснилось вскоре, первое

впечатление было не совсем; некоторые замечания людей или темы Плам слышал отчетливо, как свист, а другие, включая большинство реплик своей жены, не слышал вообще. Поздоровался он со всем радушием человека, не имеющего ни малейшего понятия, кто мы такие. Он был явно вне себя от помолвки очередной мыльной героини, в которую не на шутку влюбился.

— Надеюсь, они не дадут ей умереть, — мрачно сказал он. — Она у них лучше всех.

Мы заверили его, что, насколько мы разбираемся в мыльных операх, телестудии обычно приговаривают к смерти хромых уточек и крайне редко — золотых гусынь.

Мы поболтали. Композитор снова занервничал, стал шумно махать партитурой — видимо, желал, чтобы все быстрее кончилось. Именно в этот момент Клерк впервые пустил пробный шар, объявив, что пора ехать. У Плама, который, как и ваш покорный, был человеком слова и только, не оказалось под рукой рояля. Мы отправились к кому-то, у кого он был.

Проехав весь Лонг-Айленд в длину, если не в ширину, мы оставили позади средний Суррей и вонзились в высшую Америку. Подъехали к зданию величиной приблизительно с Белый Дом. Хозяева были молоды и сияли дистиллированной красотой, которая дается либо баснословно богатым, либо крайне опустошенным.

— Сидят на игле, — пробурчал наш Клерк. — Только что вернулись. Ну, в смысле оттуда, — подмигнул он.

— Из тюрьмы? — поинтересовался я.

— Из психушки. Он сочиняет музыку. Очень серьезный авангард. Я почувствовал, что Композитор нервно листает партитуру. Вошли в гостиную; где-то вдали маячил белый рояль.

— Его регулярно настраивают, — убеждал нас хозяин, вылитый Дориан Грей. — А я на нем вообще не играю. Ненавижу такие вещи.

— Весь ушел в электронику, — прошептала хозяйка. — Изобретает причу-у-удливые, экстати-и-ические созвучия.

Вдоль одной из стен стояли столы; их накрывали белыми скатертями, предвещая скорое угощение. Тут Плам, последнее время выказывавший признаки человека, не имеющего ни малейшего понятия, кто он и что делает, просветлел.

— Ого-го, чай, — провозгласил он, довольный таким оборотом дел.

— Не сейчас, Плам, позже, — взвыла Этель, уводя его от греха подальше. — Сначала надо выслушать это.

В одном из огромных, до полу, окон я заметил мужчину, лежащего во дворе, прямо на садовой дорожке. Он целился в нас широкоугольным

объективом.

— Фотограф, — прошипел Стигвудов Клерк, хотя это было понятно без слов. — Вроде бывший друг Джекки Кеннеди, — снова подмигнул он.

Мы скучились вокруг рояля. Было решено, что я сяду с Пламом и, если он внезапно оглохнет, помогу следить за словами песен по странице, пока Композитор будет играть и петь. Этель, довольствуясь задним сиденьем, примостилась у нас за спиной. Композитор развернул партитуру и приготовился начать игру с центра. Я заметил, как во дворе бывший приятель Джекки переместился на дерево и пытается поймать суть происходящего, вися вверх ногами. Композитор сыграл нарастающую хоровую тему, перевел дыхание, взглянул вверх, окинул взглядом комнату и, вместо того чтобы запеть, издал фальцетом писк удавленного тушканчика. Обернувшись, я увидел, что именно нарушило его музыкальное равновесие. Молчаливо и незримо для нас комнату заполнила внушительная толпа. Общество борьбы за Очень Серьезный Авангард предстало перед нами во всей своей силе. Зал наполнился бородами, клювами и льстивым муслином.

Композитор послал мне прощальный, исполненный презрения взгляд и решительно нырнул, словно лемминг, которому больше нечего терять.

— Мой банджист!.. — заорал он.

— Оч-чень хорошо, — отметил Плам. И зааплодировал.

— Мой банджист…

— Кто, черт его возьми, написал слова? — прогромыхал Плам.

— …Ты сыграй от души…

— Автор сидит рядом с тобой! — взвизгнула Этель.

— Этот чудный мотив…

— Кто? — допытывался Плам. — Кто, ты сказала?

— Он сидит рядом с тобой, Плам!

На лбу у Композитора набухали вены; он пытался переиграть действие второго плана, развивавшееся в дюймах от его правой руки. К его чести надо сказать, что мелодию он наиграл не дрогнув. Что же касается слов, то разобрать их становилось тем труднее, чем больше на него давила публика. Я вдруг понял, что для удобства Плама вожу пальцем под словами песен, которые имеют все меньшую связь с тем, что пел Композитор. В рядах Общества Альтернативной Музыки нарастало разочарование. Они стеклись на Вудхауза, а им всучили некое подобие Льюиса Кэрролла. Плам тоже забеспокоился. Его вниманием в ущерб песням завладел стол, на котором уже стоял чай.

Ну а в саду происходило нечто в духе Генри Джеймса: наш фотограф

прижался носом к стеклу, словно Квинт из повести «Поворот винта».

Наконец на горизонте забрезжила последняя песня. В предшествовавшей ей тишине — ибо вежливый всплеск аплодисментов, начавших заседание, уже развеялся — Композитор, нюхом чуя финиш, перевел дыхание. Этель, воспользовавшись моментом, наклонилась и похлопала меня по плечу.

— Плам, — прожужжала она, — и сам писал хорошие песни.

— Что там, очень хорошие, — подтвердил Плам, неспособный более противиться тяге стола. — Чаю!

Отовсюду понабежали горничные и сменили влажные скатерти, обнажив то, что лучше всего назвать английским чаем по-техасски. Горы сэндвичей высились, как Аппалачи, пирожные величиной напоминали тачку. Я почувствовал, как Плам дрожит.

— Великолепно! — провозгласил он. — О, это просто великолепно!

Этель была другого мнения. Твердой рукой она подхватила его под локоть.

— Нет, Плам, домой. Сколько можно! Уже очень поздно. Ты же не хочешь опоздать к телевизору?

В последний раз я видел его в дверях. Глаза его, исполненные тоски, были прикованы к чайному столу.

— Пока, — с сожалением помахал он сэндвичам и — исчез навсегда.

Я повернулся к Композитору, чье лицо постепенно приобретало естественный цвет.

— Чаю? — предложил я.

Он с отвращением окинул взглядом стол.

— Не найдется ли здесь чего-нибудь выпить?

— Стоящая мысль, — согласился я. Все-таки не каждый день приходится встречаться с живой легендой.

Перевел Т. Чепайтис

---

notes

Примечания

1

Тысяча *(франц.)*.

2

Известный стадион Лондона, названный в честь Томаса Лорда, купившего его в 1814 г. для Марилебонского крикетного клуба.

3

Непревзойденное совершенство *(лат.)*

4

Клюшка для гольфа.

5

Святая святых *(лат.)*.

6

Тысяча *(франц.)*.

7

Вежливости (в духе) старого режима *(франц.)*.

8

Довольно бессмысленные восклицания (первое из них значит, правда, «совершенно» или «замечательно»).

9

— Солнце! — Да! — Красиво! — Черт подери! *(франц.)*.

10

Правда. Да, это правда, старик. О ла-ла, это правда *(франц.)*.

11

Омлет со специями *(франц.)*.

12

Еще кофе *(искаж. франц.)*.

13

Злодей! Убийца! *(франц.)*.

14

Точном слове *(франц.)*.

15

Цыпленок с картошкой. Брюссельский салат *(франц.)*.

16

Мысль *(франц.)*.

17

Мать *(франц.)*.

18

Положение обязывает *(франц.);* собственно, слово «noblesse» значит «знатность».

19

Тим Райс — автор либретто опер Уэббера «Иисус Христос», «Эвита», «Призрак в Опере».